

Санкт-Петербургский университет в высказываниях универсантов. XVIII-XIX вв.

Оглавление

Рунич Дмитрий Павлович	5
Арсеньев Константин Иванович	5
Толмачев Яков Васильевич	6
Греч Николай Иванович	7
Плетнев Петр Александрович	8
Устрялов Николай Герасимович	13
Фортунов Федор Николаевич	13
Григорьев Василий Васильевич	15
Матисен Егор Андреевич	17
Давыдов Иван Иванович	18
Глинка Михаил Иванович	18
Никитенко Александр Васильевич	18
Гоголь Николай Васильевич	61
Панаев Иван Иванович	61
Иваницкий Николай Иванович	73
Грот Яков Карлович	77
Колмаков Николай Маркович	78
Майков Аполлон Николаевич	85
Галаган Григорий Павлович	85
Некрасов Николай Алексеевич	85
Милюков Александр Петрович	86
Костомаров Николай Иванович	86
Тургенев Иван Сергеевич	89
Чумиков Александр Александрович	90
Дондуков-Корсаков Александр Михайлович	102
Оже-де-Ранкур Николай Францевич	106
Бланк Василий Борисович	108

Стасюлевич Михаил Матвеевич.....	109
Чернышевский Николай Гаврилович.....	113
Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович	136
Пыпин Александр Николаевич.....	137
Фаминцын Андрей Сергеевич.....	138
Устрялов Федор Николаевич.....	139
Писарев Дмитрий Иванович.....	140
Пантелеев Лонгин Федорович	141
Страхов Николай Николаевич	141
Тернер Федор Густавович.....	144
Спасович Владимир Данилович.....	146
Белов Иван Дмитриевич	147
Берви-Флеровский Василий Васильевич.....	149
Андреевский Иван Ефимович.....	151
Сеченов Иван Михайлович.....	157
Венюков Михаил Иванович	158
Чавчавадзе Илья Григорьевич.....	162
Николадзе Николай Яковлевич.....	163
Аверкиев Дмитрий Васильевич.....	163
Грасс Людвиг Иеронимович	166
Лебедев Василий Александрович.....	167
Добролюбов Николай Александрович.....	170
Боборыкин Петр Дмитриевич	172
Модзалевский Лев Николаевич	181
Бильбасов Василий Алексеевич	184
Барсуков Николай Платонович	185
Скабичевский Александр Михайлович	186
Модестов Василий Иванович	198
Ковалевский Александр Онуфриевич.....	201
Острогорский Виктор Петрович	202
Церетели Акакий Ростомович	216
Терпигорев Сергей Николаевич	217
Воронов А. [Г.].....	217
Френкель Александр Самойлович	218
Густавсон Гавриил Гаврилович	223

Анненский Николай Федорович	225
Головин Константин Федорович	226
Иностранцев Александр Александрович	231
Кропоткин Петр Алексеевич	232
Тимирязев Климент Аркадьевич	233
Кони Анатолий Федорович	234
Шимановский Митрофан Васильевич	249
Пеликан А. А.	251
Сементковский Ростислав Иванович	251
Кауфман Абрам Евгеньевич	261
Цветаев Иван Владимирович	262
Егоров, Николай Григорьевич	265
Гоби Христофор Яковлевич	266
Веселовский Николай Иванович	267
Корш Евгений Валентинович	268
Успенский Федор Иванович	280
Ляпунов Александр Михайлович	281
Врубель Михаил Александрович	282
Благоев Димитр	282
Коновалов Дмитрий Петрович	283
Сорокин В. М.	284
Южин-Сумбатов Александр Иванович	286
Черников Михаил Иванович	286
Бурцев Владимир Львович	287
Загорский Константин Яковлевич	288
Платонов Сергей Федорович	289
Шимкевич Владимир Михайлович	292
Ольденбург Сергей Федорович	294
Гревс Иван Михайлович	294
Чешихин Василий Евграфович	300
Срезневский Всеволод Измаилович	302
Перетц Владимир Николаевич	304
Никифоров Николай Константинович	305
Варнеке Борис Васильевич	308
Штернберг Лев Яковлевич	309

Тищенко Вячеслав Евгеньевич	311
Вернадский Владимир Иванович.....	313
Бороздин Александр Корнилиевич	314
Глинский Борис Борисович.....	315
Серафимович Александр Серафимович.....	316
Кугель Александр Рафаилович.....	317
Поссе Владимир Александрович	319
Яковлев Владимир Анатольевич.....	320
Кистяковский Владимир Александрович	321
Вересаев Викентий Викентьевич	322
Зайцевский И.	323
Жебелев Сергей Александрович.....	324
Комаров Владимир Леонтьевич.....	328
Петров Дмитрий Константинович	329
Байков Александр Александрович	330
Вейнберг Борис Петрович.....	332
Бенуа Александр Николаевич	334
Андреев Леонид Николаевич.....	340
Кареев Николай Иванович.....	342
Грабарь Игорь Эммануилович.....	342
Чугаев Лев Александрович	345
Черепнин Николай Николаевич	346
Рерих Николай Константинович.....	350
Сильвин Михаил Александрович	351
Исаченко Борис Лаврентьевич.....	353
Генкель Александр Германович.....	353
Качалов Василий Иванович	354
Добужинский Мстислав Валерианович.....	354
Ивановский Игнатий Александрович	359
Веретенников Василий Иванович	360
Люблинский Павел Исаакович	362
Романов Борис Александрович.....	363
Гайдуков Николай Михайлович	363

Рунич Дмитрий Павлович

1778-1860

Российский государственный служащий, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа.

В 1821-1826 годах — попечитель Петербургского университета.

«В Петербурге не было университета. Был основан Педагогический институт для образования профессоров, и студенты духовных семинарий поступали в институт для прохождения курса наук и занятия потом мест учителей в низших школах и мест профессоров в университетах».

«Петербургский учебный округ, состоявший из гимназий и начальных школ, не имел университета. Педагогический институт заступал его место. Каждый округ находился под ведомством попечителя. Министр Разумовский поручил петербургский округ своему зятю Уварову, молодому человеку, состоявшему по матери в родстве с самыми знатными фамилиями Империи... Он захотел уничтожить все, что существовало до него, и Педагогический институт, принеший немалую пользу, должен был уступить место университету, коего план зародился в его обширном воображении... План и устав Петербургского университета, выработанные в министерстве, были представлены на рассмотрение главной дирекции училищ прежде утверждения их высочайшей властью. Эти правила и устав составляли толстую тетрадь разных пунктов, разделенных на главы и отделы. Устав был раболепным подражанием или точным сколком с уставов и управления немецких университетов. У меня хранится точная копия этого устава, снятая с оригинала. Университет должен был быть разделен на факультеты для изучения: 1) истории и философии; 2) физики и математики; 3) юриспруденции и политических наук. Существование медико-хирургической академии независимо от министерства и духовной академии делало кафедры богословия и медицины излишними в университетах.

Устав, пройдя чрез руки членов дирекции училищ, подвергся более или менее резким выпадам. Члены Разумовского министерства приняли сторону его зятя; Магницкий объявил себя против него; министр принял его сторону. Другие члены разделились; прения вывели Уварова из себя. В тот же день он подал в отставку, прося уволить его от должности члена дирекции и попечителя. Министр возложил на меня исполнение обязанностей попечителя... По моему предложению было ассигновано более миллиона рублей на постройку новых зданий для университета. Эта сумма должна была быть внесена в бюджет и распределена на пять лет, по истечении которых все проектированные здания должны были быть окончены».

Из записок Д. П. Рунича // Русская старина. – 1901. – Т. 105, март. – С. 622; - Т. 106, май. – С. 382-383.

Арсеньев Константин Иванович

1789-1865

Историк, статистик, географ. Академик Петербургской АН, профессор Петербургского университета. Выпускник Педагогического института (1810)

Дни, в которые приходил к нам на уроки профессор Балугьянский, были для всех нас светлым праздником. С восторгом бежал каждый из нас в классы, узнав о его прибытии; его одушевленные и умные чтения слушаемы были с безмолвным вниманием; самые отвлеченные умозрения о капитале, о потреблении, о банках, о кредите нисколько не утомляли сил, напротив возбуждали самый высокий интерес и любознательность. Балугьянский, державшийся всегда кротко и вежливо, но с большим достоинством, был всеобщим любимцем студентов, а по отбытии его из классов в продолжении нескольких часов безумолчно говорили о содержании его лекций, рассуждали, спорили и научались.

Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. – СПб., 1872. – С. 5-6.

Толмачев Яков Васильевич

1779-1873

Русский филолог; профессор.

В 1816-1819 годах – профессор кафедры русской словесности Главного Педагогического института. В 1819-1831 годах – профессор кафедры русского языка и словесности Петербургского университета. Декан историко-филологического факультета (1826). Член училищного комитета при СПб Университете (1829).

«До 1816 года в главном педагогическом институте не было кафедры для преподавания русской словесности, которую И. Н. Мартынов преподавал вместе с эстетикой, как часть сей науки. По важности предмета, министр граф Разумовский почел нужным испросить высочайшее соизволение прибавить к штату главного педагогического института новую кафедру русской словесности и меня определить профессором по сей кафедре.

В 1816 году и потом в следующие годы главное занятие мое было преподавание русской словесности в педагогическом институте...

В 1819 году главный педагогический институт преобразован и переименован в университет. Профессора, занимавшие кафедры в педагогическом институте, остались те же, к числу коих прибавлено несколько новых преподавателей. Мне по-прежнему было назначено преподавать русскую словесность. По новому положению университета были в нем два начальника: ректор – по части учебной, и директор – по части экономической и по управлению. Первую должность занимал профессор Балугьянский, вторую действительный статский советник Кавелин. Неудобства, встречавшиеся в таком двойном управлении, побудили начальство значительно изменить и дополнить устав университета. Это дело поручено было директору Кавелину и ректору Балугьянскому, профессору многосторонне-ученому, с которыми я также участвовал в сем деле в звании редактора.

Вскоре по учреждении университета, некоторые профессора образом своих мыслей и преподавания, несогласным с видами правительства, вынудили начальство исключить их из университета; по сему случаю мне велено было, кроме русской словесности, преподавать в университете и философию, которую я преподавал, как ниже будет показано, до управления Шишкова министерством народного просвещения.

В 1820 году я был назначен исправляющим должность инспектора в университетском благородном пансионе, учрежденном в 1817 году при главном педагогическом институте. С 1817-го по 1820 год пансион, по непростительной беспечности и по незнанию своего дела начальствующими в оном, был доведен до чрезвычайных беспорядков и до безобразия

во всех отношениях. Почитая неуместным и неприятным описывать и вспоминать о них, приведу в доказательство явного расстройства в пансионе одно только то, что из числа ста человек воспитанников, находившихся в нем по штату, исключено в 1818 году за дурное поведение сорок пять воспитанников, а в 1819 году сорок семь. Двукратно я отказывался от предлагаемой мне инспекторской должности, не надеясь исправить усилившиеся беспорядки в пансионе, наконец, согласился, уважая просьбу директора пансиона г. Кавелина, много благодетельствовавшего мне, на следующих условиях: 1) принять исправление должности инспектора с наименованием исправляющим должность; 2) оставить за мной квартиру, занимаемую моим семейством в здании университета на Васильевском острове; 3) предоставить мне учебную и воспитательную часть в полное распоряжение, без вмешательства директора в дело воспитания. Когда эти условия были приняты, я вступил в управление пансионом, переименовав всех гувернеров и некоторых учителей, устроил во всем новый порядок и в течение всего моего управления не имел ни малейшего неудовольствия со стороны воспитанников, из которых ни один не оставил пансиона не кончивши курса и не получивши по уставу права на чин 10-го или 12-го класса. За восстановление порядка и устройства в пансионе я награжден был орденом св. Владимира 4-й степени. Непрестанные усилия напряженной деятельности сначала действовали было на мое здоровье, но с течением времени, последовательно восстанавливаемый порядок постепенно облегчал мне трудность управления и, наконец, многодельные занятия обратились мне в привычку. В это время, как пансион доведен был мной до настоящего благоустройства, Рунич исправляющий должность попечителя С.-Петербургского учебного округа, заблагорассудил в угодность директору департамента, действительному статскому советнику Попову, служившему в министерстве народного просвещения, назначить на мое место его свояка, отставного флотского лейтенанта Клемента, представив министру, что мне неудобно посещать свое семейство, находящееся на Васильевском острове. Благородный пансион, под управлением неопытного и неспособного к образованию юношества моряка, опять впал в большое расстройство; Клемент отставлен был от должности и повелено было никуда не принимать его на службу. Назначен был новый инспектор в благородный пансион – г. Бенид, человек довольно опытный в деле воспитания, но пансион был доведен до такой степени расстройства, что, по распоряжению начальства народного просвещения, велено было, наконец, закрыть пансион и переименовать его в гимназию».

Толмачев, Я. В. Автобиографическая записка // Русская старина. – 1892. – Т. 75, сентябрь. – С. 715-716, 718-720.

Греч Николай Иванович

1787-1867

Русский писатель, издатель, редактор, журналист, публицист, филолог, педагог-новатор, переводчик, мемуарист.

В 1804-1807 годах прослушал несколько курсов в Главном педагогическом училище.

«Вдруг представился мне удобный случай распространить, усовершенствовать свои познания, удовлетворить влечению моему к наукам. Летом 1803 года открылись публичные лекции в новоучрежденном Педагогическом институте. Я бросился к тогдашнему директору оного, Ивану Ивановичу Коху, и мое имя впервые вписано было в реестр вольных слушателей. Ваш почтенный родитель, М. А. Балугьянский, П. Д. Лоди, Тернич, И. И. Мартынов, преподавали там науки исторические, политические и словесные. Я посещал

лекции прилежно, записывал слышанное и толковал о том с товарищами, и, когда чрез два года пришлось выдержать экзамен в этом институте, оказалось, что я ходил туда не даром».

Воспоминания юности // Греч, Н. И. Записки о моей жизни. – М.-Л.: Academia, 1930. – С. 259.

Плетнев Петр Александрович

1792-1865

Критик, поэт пушкинской эпохи, профессор.

Окончил Главный Педагогический институт (1814). Работал учителем словесности в Петербургском Благородном пансионе. В 1832-1849 годах – профессор русской словесности в Петербургском университете, в 1840-1861 годах – ректор.

«Предложение Куторге Факультета во всех отношениях нелепо: ежели Совет выразил убеждение, что этот профессор недостойн еще пятилетие читать свои лекции, то предлагаемое ему ограничение не может сделать его ни умнее, ни учнее, ни талантливее. Вы поступили очень благородно, что не пошли в число конкурентов. Факультет же выказал все свое ничтожество и равнодушие к чести Университета, не пригласив вас на кафедру. Если бы еще не сами вы добровольно взяли отставку, Факультет мог бы какой-нибудь искать защиты своему унижительному поступку, ссылаясь на министра; теперь же он просто прижался в грязи и ничего сказать не может».

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. I. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – С. 149.

«Вы знаете, что теперь Государь приказал ректорам университетов наблюдать только за лекциями других профессоров, а самим перестать профессорствовать. Вот я от 9 до 3 ч. и слоняюсь по аудиториям».

«Хотелось бы мне услышать от вас, хорошо ли все идет у нас в университете. Я узнаю, что множество профессоров едет за границу. Это с одной стороны хорошо: они все-таки что-нибудь вывезут домой новенькое и полезное. Неудобно только то, что по краткости летних каникул, одни принуждены выпрашивать себе продолжение отпусков, чем университетские лекции перепутываются, а другие возвращаются неудовлетворенные снисхождением начальства и с каким-то охлаждением к должности. Но во всяком случае, от всякого путешествия больше хорошего, нежели худого».

«В нашем университете Никитенко и Стасюлевич уже кончили свои лекции для публики (по три каждый) в пользу бедных студентов. Никитенко читал о Державине. Стасюлевич выбрал за предмет лекций: «Провинциальный быт во Франции при Людовике XIV». Наша большая зала буквально битком была набита дамами и мужчинами. Аплодисментам конца не было.

8 февраля наш университетский акт удался тоже. Власти присутствовали все от Евгр. Петровича до кн. Павла Петровича. Явились из почетных членов и граф Сергей Строганов, и барон Корф, и даже К. И. Арсеньев, хоть весь нездоровый. При баллотировке в университетском совете проф. Устрялова на новое пятилетие, он оказался забаллотированным, вероятно, из жалости к его немощам и утрате голоса. А

сам он по какой-то уже тупости соображения не догадался проситься в отставку. Никитенко, тоже баллотированный, едва удержался на кафедре только тремя голосами».

«Трудно определить точную цифру возвратившихся в университет, а еще труднее это сделать относительно имеющих оставить его. Первых, до истечения срока для подачи прошений, оказалось 600 с небольшим. Но, не смотря на просрочку, прошения о вступлении ежедневно приходят. Между ними попадаются с прописанием законных причин просрочки. Я их откладываю до времени, пока не прекратится этот наплыв. Разумеется, что беспричинные подлежат исключению на основании публикации. Другие же, которых числа нельзя будет определить еще несколько дней, только по рассмотрении просьб их попечителем и министром, могут попасть в число возвращенных».

«Тайный Цензурный Комитет ввел в подозрительное положение все Русские Университеты, хотя в них и капли нет того, что бывает в заграничных. Последовало новое постановление, чтобы Ректоры не были избираемы профессорами, а правительством на неопределенное время. Стороною я узнал, что Бутурлинский комитет и на меня подал Государю донос, находя в моих лекциях и годичных отчетах следы либеральных идей. Я написал Наследнику письмо, изложивши в нем правила моей жизни, службы и всех сочинений моих. Он прочитал это Государю, который велел меня успокоить. Тогда Министерство Просвещения снова представило меня в Ректоры – и Государь утвердил. Но Уваров уверяет, что если бы я не поступил так решительно, то не был бы утвержден, и (по словам его) перемена в способе избрания Ректоров устроена была для благовидного удаления меня от должности. После того, когда я был у Наследника, Государь, проходя мимо меня, спросил меня, доволен ли я студентами, прибавив, что всем внешним и он в них доволен, но желает, чтобы у них поболее было тут (показывая на сердце), особенно после таких ужасных историй, как недавняя (с Петрашевским). Все это конечно правда; но как помочь? У нас не дети и не воспитываются, а совершеннолетние и живут у себя. Впрочем в этой истории из 700 студентов замешан был только один. Теперь Ректор не должен сам читать лекций, а обязан беспрестанно ходить по аудиториям и наблюдать за направлением и духом лекций. И это конечно хорошо, но для людей неблагонамеренных сколько средств к злоупотреблениям!»

Сочинения и переписка П. А. Плетнева. По поручению второго отделения Императорской Академии наук издал Я. Грот. Том третий. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. – С. 404, 456, 474, 489-490, 624.

«Начиная с этого дня, ежедневно я бываю в университете и по очереди захожу слушать лекции всех профессоров. Это, я вижу, необходимо. По уставу ректор обязан наблюдать за духом преподавания. При мне и студенты чиннее, да и профессоры осмотрительнее. В случае же дурных толков про университет, я, не краснея, могу защищать его, сказав, что сам слушаю, что с кафедр говорится».

«Я в университете, кончив свои лекции, зашел на лекцию Куторги и был ею доволен. У него много запасов из разных сочинений, но говорит он очень тихо и, как мы все русские, без жару и даже с приметным замешательством».

«Сегодня утром был на лекции в университете. Инспектор объявил мне, что студентам хочется заказать сделать для них мой портрет. Они воображают, что это меня соблазнит. Вот уж не умею убедиться, чтобы кому-нибудь из них действительно

хотелось этого от сердца. Кажется, мне с юным поколением ни в чем не сойтись. Я и оно как-то идем в разные стороны. Это еще более разочаровывает меня на счет искренности предложения их».

«Утром слушал лекции Рождественского – об учреждениях благочиния и М. Куторгу – о Греции и Риме по его книжке: О колоннах. За обедом студентов сделал разные замечания насчет порядка и пристойности. Инспектор немножко надулся. Но он простой и добрый малый (из военных): пройдет все».

«Надобно сказать, что у нас в университете в продолжение прошлой недели были шалости. Студенты рассердились на профессора философии Фишера, который заносчив и резок: они в понедельник (т. е. на другой день после праздника Гельстрема) за его лекцией шикали и даже свистали. Я хотел употребить свою власть, как попечитель (за отсутствием Дондукова) и ректор. Но Фишер упросил меня позволить ему действовать на них морально. В среду он им что-то произнес в виде речи – и часть студентов ему аплодировала. Я пришел в его аудиторию к концу лекции: все было мирно и все мы вышли без приключений. Я думал, что история тем и кончилась. Но узнаю, что между ними образовались две партии. Враги собирались шуметь на Фишера еще раз. В субботу я без профессора вошел в их аудиторию и со всей искренностью объяснил непристойность их поступков. Инспектор и его помощник уверяли меня, что мои слова затушили все. Между тем в воскресенье получил я твои письма. У меня мелькнула мысль прочитать им праздник Гельстрема. В понедельник я опять без профессора пошел в аудиторию; развил им со всей подробностью слова: моральное достоинство, аудитория, профессор, честь и студент. В доказательство же, что честь студенческая есть лучшее, что уносим мы от юношества, я прочитал им твою статью. Это все вместе положило совершенный конец волнению – и все теперь в мире».

«Сегодня у нас в университете был министр. Он со мною любезничает необыкновенно. Мы просидели целую лекцию у Устрялова за Дмитрием Самозванцем. Министр много сам говорил об этом предмете и вообще рад был случаю блеснуть перед студентами своей начитанностью и красноречием. Устрялова преподавание совершенно мужицкое. Ни слог, ни одушевления!»

«В среду, в университетском нашем физическом кабинете был Великий Князь Константин Николаевич. Ему Ленц, обучающий его физике, показывал препараты, которые неудобно переносить на другое место. Впрочем, это сделалось инкогнито, так что, кроме меня, как ректора, никого не было при Его Высочестве».

«Сию минуту отправляюсь на акт. Вчера кончил отчет часу в третьем ночи, и потому не успел вовремя заготовить тебе письма. В отчете вышло 9 писанных листов. Давно я не валял столько. Он содержит четыре развития: во 1-х, общее изъяснение, что значит университет сам в себе без профессоров и студентов; в каком он отношении к правительству и, наконец, ко всякому частному лицу. Во 2-х, в нашем университете в продолжение года какое было характеристическое движение внутренних его элементов, из коих образуется жизнь университета, без отношений в нем самом совершающаяся. В 3-х, что в этом году сделано у нас той половиной университета (как общества ученых людей), которые идут впереди прочих. В 4-х, какова была деятельность второго отдела людей, которые следуют за первыми...

Отправив к тебе в среду письмо, я начал собираться на акт. Ко мне вошел Ф. Ф. Корф, чтобы вместе войти в залу. Там нынешний раз я приготовил сюрприз профессорам и публике. Перед кафедрой, в ширину всей залы и до половины длины ее, стоял полукруглый стол, с большой в середине его открытой площадью. Самый стол весь, как по верхней его

плоскости, так и по обеим сторонам с боков, прелестно драпирован был алым сукном. За ним стояло (перед публикой лицом) 29 кресел для членов совета. Все были в восхищении. По приезде министра с попечителем, первый на кафедру вошел Никитенко и прочел статью о критике. Слог его, год от году, становится фигурнее и трагичнее. Признаюсь, невыносимо. Публика утомилась. За ним я втащил на кафедру свои 9 листов. Но сверх ожидания мое чтение, оттого ли, что я читаю внятно, или от самого содержания и изложения отчета, очень заняло всех – и я, сошедши с кафедры, только и слышал одни ласковые приветствия, которые меня от многих особ преследовали даже дома на другой и третий день после акта. Особенно министр был в восхищении. Ему понравился у меня тон прямо ректорский, по которому я говорил о профессорах и студентах, как их законный судья».

«В нынешнее воскресенье Великая Княгиня Елена Павловна приезжала осматривать университет наш. Министр и попечитель присутствовали при этом. Я пригласил к месту служения каждого из профессоров, имеющего на руках какой-нибудь кабинет. Сперва она пошла в церковь, оттуда в большую залу, из нее в нашу единственную в мире галерею, простирающуюся через всю ширину Васильевского острова от одного притока Невы почти до другого. Тут расположена библиотека и минералогический кабинет. Заходила в ботанический и зоологический кабинеты, в аудитории, в сборную нашу залу и, наконец, в физический кабинет. Вообще ей было видимо весело. С ней находилась меньшая ее дочь».

«У нас в университете на этой неделе, в пятницу, будет огромный обед в честь попечителей, отходящего и приходящего. Начиная с министра, все власти и чины министерства народного просвещения приглашаются. Ты можешь вообразить, в каких я теперь хлопотах. Только и знаю, что пишу письма с приглашениями, избавляя тем себя от разъездов по этим господам...

Вчерашний праздник наш кончился прекрасно и был вообще блистателен. Гостей всех обедало 84 человека. Из лиц неподчиненных князю Дондукову были: министр Уваров, его товарищ, новый попечитель с братом, граф Протасов, киевский попечитель князь Давыдов и тесть Дондукова. Перед тостом старому попечителю я прочитал ему небольшую речь, в которой благодарил за все, что он сделал для университета, для студентов и профессоров. Все это так его растрогало, что он тут же на оплату пригласил все собрание приехать обедать к нему на дачу в Ораниенбаум, для чего он наймет и паром».

«Против обыкновенного не был в это утро в академии. Нужно было остаться для лекции Касторского, которого студенты сговорились было не слушать, для выражения любви своей к прежнему профессору по истории, т. е. М. Куторге, перепросившемуся из юридического факультета в философический...

Касторского гроза пронеслась мимо. Мое присутствие примирило с ним студентов. Он ужасно прост, так что один слушатель ему не обинуясь, сказал: «Обещаете-то вы нам много, да выполняете ли все?» - и Касторский это мне сам пересказал».

«Касательно библиотекаря – у нас ему совершенно на волю отдано заведение порядка. Да иначе и нельзя. Если он учредит порядок дурной, то совет или ректор могут предписать ему перемену. В случае неспособности его, можно консистории и уволить его от должности. Но сделать его рабом нельзя».

«С утра пошел я по аудиториям. Сидел опять у Фрейтага: он перепугался моего посещения, думая, что за ним велено особенно присматривать, у Шнейдера – настоящий ишаргал, гнусарь и без жизни, у Устрялова – мужик и без души; у Никитенко –

высокопарный враль, залетающий туда, где ни сам, ни слушатели ничего не понимают, доказывавший, что у Жуковского нет образов, а у Державина все образы: какой превратный смысл!»

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Том первый. – С.-Петербург: Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. – С. 157, 161, 215, 406, 491-492, 494, 503-504, 508-510, 533, 542-543, 597, 606, 624.

«Публичные акты ежегодно бывают и в прочих русских университетах, только не везде в день основания, а иногда при начале открытия лекций, иногда по окончании экзаменов и проч. и проч. Никто из ректоров не читает отчета, какой ежегодно пишу я. И у нас при Шульгине читал отчет секретарь совета, сам составляя его из цифр, сколько профессоров, сколько наград получили они, сколько того, сего, - и делу конец. Я первый плюнул на эту канцелярщину, столь унижительную для университетского акта, решился сам писать отчеты более литературные, и тем присвоил себе право судьи над министром, попечителем и первоклассными сановниками государства после их кончины, если университет удостоил их звания почетных членов. До сих пор ни одному ректору в России не пришла мысль стать в эту позицию, да и трудно в Петербурге. Должность синдика – то же в отношении к университету, что обер-прокурора в отношении к департаменту сената. Об этом посмотри в уставе русских университетов».

«3 апреля скончался Балугьянский, первый ректор нашего университета. Вторым был Зябловский, но не избранный советом, а по увольнении Балугьянского назначенный министром, - следственно и считать его нечего. Выбор совета пал на Дегурова, который и должен быть признаваем вторым ректором нашим. Его избирали два раза, на три года в каждый. Да сверх того четыре года он оставался по Высочайшему повелению до составления нового положения. Третьим ректором избран был Шульгин. Новое затем избрание в конце 1839 года пало на меня – итак, я четвертый избранный ректор. Мы собираемся воздать почесть нашему сослуживцу, почтив его присутствием при погребении...

На акте нашем в будущем году новый уже ректор должен будет почтить память Балугьянского (если только не отбросится обычай, самовластно введенный мною). А жаль! С каким бы сердечным участием отозвался я о моем предшественнике и моем профессоре: я слушал у него политическую экономию и науку о финансах. Он был профессор истинно вдохновенный! Ни одним языком хорошо не владея, никогда он не затруднялся, говоря на всех живо, скоро и по своему, но в то же время увлекательно».

«Вчера и мы лишились знаменитого классической литературе профессора и академика Грефе. Он учил не только меня, когда я был студентом, но и самого Уварова. В ученой службе провел он в России около 40 лет. Еще утром Грефе был совсем здоров и мог в Главном педагогическом институте прочитать две лекции. В половине второго часа зашел он в академию наук за своим жалованием и там мгновенно умер от удара и разрыва легких. Сын его еще у нас в студентах. Из дочерей одна за Бетлингом, академиком по части санскритского языка; другая за Штейнманом, у нас адъюнктом по греческому языку. Вероятно, ему достанется место его тестя».

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Том третий. – С.-Петербург: Типография Министерства Путей Сообщения, 1896. – С. 40, 44-45, 564.

«А Погодину растолкуйте, что он не прав, рассердясь, что я не выписываю «Москвитянина» для университета. Ему, конечно, не известно, что Спб. университет, по особенному распоряжению министра, знающего как часто недостает у нас сумм на

насущенный хлеб, не выписывает ни одного Русского журнала, а все получает из цензурного комитета, обыкновенно доставляющего их гуртом и потому очень поздно».

Письмо П. А. Плетнева в Москву к К. А. Коссовичу // Русский архив. – 1877. – Вып. 12. – С. 322.

Устрялов Николай Герасимович

1805-1870

Историк, археограф, педагог. Профессор Петербургского университета. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1824)

По возвращении из Орла я был определен в университет лектором русского языка без жалованья...

Я пришел к князю Дондукову-Корсакову, объяснил ему, как я поступил в университет, в каком нахожусь положении, не получая около четырех лет ни копейки жалованья, и просил его сказать: нужен ли я университету или нет? Приняв меня очень любезно, он с изумлением выслушал мои слова и обещал доложить министру. Через несколько дней я был определен экстраординарным профессором русской истории. Университет был переведен на старое место, на Васильевский остров, в дом двенадцати коллегий. Я читал увлекательно для слушателей. Главный интерес моих лекций состоял в новом взгляде на русскую историю: я разбирал удельное время по группам и первый обратил особенное внимание на судьбу западной Руси или Литовское княжество.

... Лица, служившие при университетах и не имевшие степени доктора, должны были для получения звания ординарного профессора, по распоряжению Уварова, в течение одного года представить и публично защитить диссертацию по избранному ими предмету. Я был только кандидатом; после держал экзамен на степень магистра и два заседания окончил благополучно. Осталось только третье и защищение диссертации. Это было, когда я служил еще в канцелярии министра финансов. Дело было мной оставлено. Теперь, когда необходимо было получить степень доктора для ординарной профессуры, я написал рассуждение о системе прагматической истории, где изложил свой взгляд на главные условия русской истории и защищал его при многочисленной публике в университете. В конце 1836 года я был утвержден доктором философии.

... С тех пор, как я начал преподавать русскую историю в университете, т. е. с 1831 года, лекции свои приводил я в порядок. Таким образом составилось мало по малу довольно обширное руководство. Я задумал издать его в свет с родословными таблицами и историческими картами, которых у нас почти не было.

Устрялов Н. Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая история. – 1880. – Т. 17, № 8. – С. 617-624.

Фортунатов Федор Николаевич

1814-1872

Писатель, краевед. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1833)

Университет помещался тогда на углу Кабинетной улицы против Семеновских казарм. Это узкое, двухэтажное, продолговатое здание в виде литеры П ... не может идти ни в малейшее сравнение с настоящим великолепным и обширным помещением Петербургского университета (с 1838 г.) в здании 12 коллегий. Наш тогдашний дом перестраивался несколько лет, перестройка стоила огромных сумм, но самое здание невозможно было приспособить для помещения высшего учебного заведения, при котором еще находился институт казенных студентов. Петербургский университет теснился в нем с 1823 по 1838 год: здесь лепились аудитории, университетские кабинеты и музеи, камеры для казенных студентов, квартиры для двух субинспекторов, для нескольких адъюнктов, для эконома и прислуги университетской... В университете было три факультета: историко-филологический, физико-математический и философско-юридический. В январе 1830 г. был седьмой выпуск студентов с открытия университета. 26 человек окончили тогда университетский курс, из них 16 со степенью кандидата и 10 действительными студентами...

Во всех трех факультетах в 1830 г. было студентов до 170 человек, между тем как в 1826 г. общее число студентов доходило только до 30...

Лекции назначено было в то время читать по два часа каждую; но многие профессора приходили в аудиторию спустя полчаса, а иные уходили из аудитории ранее положенного полчасом, и лекции у тех и у других продолжались не более полутора часов.

В историко-филологический факультет входили в мое время следующие науки: 1) богословские науки; 2) языки древние: латинский и греческий; 3) русская словесность; 4) история всеобщая и русская; 5) древняя география; 6) статистика всеобщая и русская; 7) языки новые, из которых французский и немецкий были обязательными для каждого студента историко-филологического факультета, а английский и итальянский преподавались только для желающих. Некоторые предметы, как например, теория изящных наук и археология, значились у нас только в расписании учебных предметов, но не преподавались за недостатком преподавателей. Философия и политическая экономия причислялись тогда к юридическому факультету, который и назывался поэтому философско-юридическим...

В сентябре 1832 г. явились в Петербургском университете новые преподаватели русской словесности, заменившие собою прежних. Это были Плетнев и Никитенко.

Петр Александрович Плетнев определен был ординарным профессором...

С нами начал П. А. Плетнев свой первый курс русской литературы в Петербургском университете. .. Прежде чем приступить с нами к истории русской литературы, он предпослал этому курсу общие замечания о литературе и языке вообще. Во вступлении к истории литературы у него заключалось решение вопросов: 1) что должна содержать история литературы; 2) в каком отношении история литературы относится к истории политической; 3) как надобно определять в истории литературы эпохи и изображать периоды; 4) какому выбору должно подвергать все материалы из истории литературы. ..

Вот как определял Плетнев историю литературы. Она есть исследование, до какой степени совершенства достиг какой-либо известный народ в разных умственных направлениях, пользуясь всеми способами, которые доставили ему обстоятельства.

Главным источником, на который ссылался Плетнев почти на каждой лекции, была хорошо ему знакомая «История государства Российского» Карамзина. Плетнев постоянно следил за текущей литературой, и лишь только являлось какое-нибудь замечательное произведение, из лекций Петра Александровича мы видели, что оно ему знакомо, например, говоря об употреблении слов провинциальных и встречающихся в старинных пословицах, он сослался на пословицу, вычитанную им в лишь только вышедших тогда сказках Казака Луганского (В. И. Даля): «иногда рыба идет на блёвку, иногда на блёску».

Записок Плетнев нам не выдавал, но записывать за ним было очень свободно, потому что читал он неспешно, останавливаясь на каждом слове. По окончании годичных экзаменов по его предмету, в июне 1833 г., прощаясь с нами, он обратился к нам с несколькими словами, произнесенными с теплотой душевной:

«Мне очень жаль, сказал он, что я так недалеко дошел с вами в истории русской литературы: она представляет еще непроходимый лес, в котором мне приходилось впервые прокладывать дорогу; я знаю, прибавил он по скромности, что одушевленные лекции по древним языкам Ф. Б. Грефе были для вас гораздо увлекательнее моих и побуждали вас по преимуществу к усидчивым занятиям по древней филологии. Первая любовь бывает самая крепкая (прибавил он в заключение, расставаясь с нами): я желал бы, чтобы вы сохранили воспоминание обо мне также, как сохраню я навсегда воспоминание о вас, моих первых университетских слушателях.

Петр Александрович был доступен во всякую пору студентам, желавшим получить от него совет или какое-либо содействие. Петербургскому университету его замечательный профессор и ректор в продолжение многих лет (до временного закрытия университета в 1861 г.) оставил между прочим прекрасные ежегодные отчеты о его деятельности и описание первого двадцатипятилетия университета, читанное им на юбилейном акте 8 февраля 1844 г.

Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830-1833 годы // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895 – Л., 1963. – С. 21-25

Григорьев Василий Васильевич

1816-1881

Историк-востоковед, Профессор Петербургского университета. Окончил отделение восточных языков историко-филологического факультета (1834)

Лекции по своему предмету читал он [Н. Н. Щеглов] превосходно; следя за всеми успехами науки за границей; излагая ясно, отчетливо, занимательно; приучая одинаково и любить отвлеченное знание, и стремиться к практическому его приложению. Но мало того, что преподавание его пристращало слушателей к физике, оно имело благотворное влияние и на расположение их ко всем естественным наукам: химия, минералогия, ботаника, технология были столь близки его сердцу, как и физика. По всем этим наукам, видели мы, оставил он память по себе в отечественной литературе, и за ходом их, как свидетельствует издававшийся им «Указатель открытий», следил неустанно, можно сказать страстно. Лекции такого горячего и многостороннего человека, о чем бы ни читал он, естественно не могли ограничиваться одной его специальностью: из физики беспрестанно забежал он в химию, в технологию; каждое замечательное открытие в области знаний, которыми он занимался, увлекало его, и он не мог воздержаться, чтобы при малейшем к тому поводе не сообщить его слушателям. Оживление на его лекциях царствовало неизменно. «Получив от природы пылкость, трудолюбие и неутомимость в деятельности, Щеглов – отозвался о нем П. А. Плетнев – показал разительный пример, как усилия одного человека, без великих открытий, расширяют область науки». Области науки, полагаем мы, Щеглов не расширил, но огромные заслуги его в отношении к распространению естествознания в России – несомненны...

Как профессор Ленц отличался строгим систематическим и критическим изложением тех отделов физики, которые преподавал он. Любимой же его специальностью было и здесь чтение курса об электричестве, магнетизме и гальванизме по собственным запискам, сопровождавшиеся всегда опытами, к которым он готовился заранее и которые потому всегда были удачны: малейшая аномалия тотчас же привлекала на себя его внимание и он тут же старался объяснить происхождение ее слушателям... В хорошем состоянии приведен был также стараниями Ленца и физический кабинет Университета; но пока успел он осуществить это, слушателям его всегда открыт был свободный доступ к занятиям в физическом кабинете Академии наук, находившемся в его заведывании: некоторые приборы разрешал он даже на свою ответственность брать занимавшимся на дом; и вообще никому, кто действительно хотел работать, не отказывал ни в советах, ни в средствах к тому от него зависевших.

Появление его [М. С. Куторги] на кафедре всеобщей истории было, как уже замечено, эпохой. Во взгляде его на требования университетского преподавания не было ничего общего с гимназическими взглядами и приемами его предшественников по кафедре. Не останавливаясь на изложении общеизвестных фактов, вместо того стал знакомить слушателей с различными господствующими и господствовавшими на них воззрениями, старался показать связь этих фактов с предшествующими и последующими явлениями, осветить их, разъяснить их значение и представить таким образом живую и ясную картину постепенного развития человеческого общества... Не груз имен и чисел выносили слушатели из его аудитории, а знакомились на означенных вопросах с методом научных занятий, с требованиями научного исследования. Такое преподавание при даре изложения естественно привлекало слушателей и, возбуждая в них самостоятельность, располагало к самостоятельному занятию предметом.

Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования / В. В. Григорьев. – СПб., 1870. – С. 70-71, 191, 214-215

Матисен Егор Андреевич

1818-1896

Служил в Петербургской судебной палате и Сенате. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1837 г.

Я воспитывался тогда в Санкт-Петербургском университете, переведенном в предшествующем году от Семеновских казарм на Васильевский остров... При хорошей обстановке преподавания и при значительно увеличивавшемся противу прежнего времени числе студентов, пользовавшихся уже некоторыми преимуществами в общественном положении – обязательный мундир с треуголкой и шпагой получил свое значение не многим меньшее, чем мундир гвардейский. В особенности замечалось это на Васильевском острове, где студенты жили большею частию на вольных квартирах и помимо полиции подлежали одному университетскому начальству. Молодая жизнь, стоявшая еще вне всякого подозрения, требовала свои права и начала развиваться по примеру университетов германских, в особенности же Дерптского, из которого многие студенты для пользования лекциями не немецкими, а русскими начали переходить в Петербург и конечно переносили и Дерптские обычаи и самостоятельность... Все-таки некоторый дух равенства и общая научная цель, поддерживаемая прилежным посещением лекций, давали себя чувствовать, и вообще поведение между собою студентов было не лишено достоинства и равноправия, а отношение к ним столичного общества, в которое являлись лучшие и смотря по большим денежным средствам и несколько щеголеватее представители студенчества, было исполнено доверия к юному поколению и даже некоторою гордостью на его успех...

К сему времени относится и большой успех, который имел своими лекциями Плетнев, и появление на кафедре Гоголя; первый завлек в свою аудиторию студентов от всех факультетов, так что, несмотря на малочисленность учеников собственно филологического отдела, малая зала, где он читал, была всегда битком полна, что и было причиною перенесения лекций Плетнева в другую, большую аудиторию. Гоголь держал тогда вступительную лекцию древней истории и, сделавшись уже популярным своими рассказами. В особенности бытовыми из Малороссии, на сей лекции собирал около своей кафедры много юных литераторов.... Гоголь прошел по кафедре как метеор, с блеском оню освещивший и вскоре на оной угасший, но блеск этот был настолько силен, что невольно врезался в юной памяти.

Матисен Е. А. Воспоминания из дальних лет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 26-29

Давыдов Иван Иванович

1794-1863

Русский филолог и философ, профессор.

В 1847-1858 годах – директор Главного педагогического института.

«Сегодня мы с князем были на экзамене Педагогического института. Тут ничего нет любопытного, кроме самого Уварова. Это во всей форме ученый, и лучший мог бы быть профессором, нежели попечителем. Пансион Педагогического Института в ужасном состоянии: я не нашел в нем ни устройства, ни порядка, ни чистоты, ни даже опрятности. Были мы с секретарем нашим и там на экзамене – и от души посмеялись. Кавелин добрый человек, довольно знающий; но дело директорства совсем не по ее способностям и силам».

Письма Ивана Ивановича Давыдова к А. А. Прокоповичу-Антонскому // Русский архив. – 1889. – Кн. 3, вып. 12. – С. 549-550.

Глинка Михаил Иванович

1804 – 1857

Русский композитор.

Окончил Благородный пансион при Главном педагогическом институте (1822).

«В начале зимы 1817 года матушка, брат ее, Варвара Федоровна и я с сестрой отправились в С.-Петербург. Это путешествие предпринято было для помещения меня в новооткрытый Благородный пансион при Главном педагогическом институте».

«Пансион наш помещался в доме Отто у Калинкина моста возле больницы. Отец мой не щадил для меня издержек, и поэтому поместил меня с тремя другими одинакового со мною возраста воспитанниками с особенным гувернером (В. К. Кюхельбекером) в мезонине того же дома».

«...до того же времени я учился примерно, вел себя хорошо, был любим столько же товарищами, сколько отмечен профессорами. В 19, 20 и 21 годах получил на экзамене похвальный лист, гравюру и другие награды».

Глинка М. Записки / М. Глинка; ред. В. Богданов-Березовский. – Л.: Музгиз, 1953. – С. 28, 36.

Никитенко Александр Васильевич

1805-1877

Историк литературы, цензор, профессор.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1828). С 1830 года читал лекции по политэкономии в Петербургском университете. С 1832 года

стал адъюнктом по кафедре русской словесности, с 1834 года — экстраординарным профессором, с 1850 года — ординарным профессором.

«Экзамен в латинском языке. Я получил 3 балла. Стыжусь: перевод, по которому профессора судят об успехах студентов, сделан мною с помощью одного из товарищей. Но если бы не это злоупотребление, то, невзирая на все мои отличия по другим предметам, я не получил бы степени студента и не был бы переведен на второй курс. Даю себе слово вперед быть благоразумнее, трудолюбивее и тверже.

Экзамен из теоретической философии. На мою долю выпало много трудных и запутанных метафизических задач. Говорят, профессор хотел отличить меня этим. Я с честью выдержал испытание и получил первые баллы...

Экзамен из русской словесности. Я выдержал его хорошо.

Сегодняшний экзамен из практической философии [т.е. этике] сопровождался большими неприятностями. Лодий, профессор права и философии, один из старейших в нашем университете, а по духу старейший из всех, ибо весь проникнут схоластикой XIII века. Он напал на профессора Пальмина, читающего нам практическую философию, и упрекал его в том, что тот заставлял нас следовать ложной и опасной системе. Пальмин держался основных положений Канта. Дело принимало серьезный оборот, так как в него вмешалась личная вражда Лодия к Пальмину, а вражда, как известно, имеет зоркие глаза и умеет открывать зло там, где другие и не подозревают его. Мы ожидали дурных для себя последствий, особенно я, который составлял записки по данному предмету и пополнял их собственными замечаниями. Но благодаря сдержанности и благоразумию нашего профессора все обошлось благополучно.

Итак, экзамены кончены. Я выдержал их среди самых бурных приключений моей жизни, и, по совести, выдержал их с честью, за исключением латинского, воспоминание о котором вызывает у меня краску стыда...

Был у профессора и декана нашего факультета, Пальмина. Мой товарищ Армстронг получил на экзамене практической философии почти последние баллы, между тем выдержал экзамен едва ли не лучше всех. Это его крайне огорчило, и он просил меня объясниться по этому поводу с деканом. Я сам уже многим обязан профессору Пальмину, но не думаю, что это должно было служить мне препятствием в настоящем случае; И действительно, мне удалось достигнуть желаемого. Декан принял в соображение мое объяснение и обещал поправить несправедливость. А когда я у него спросил, могу ли я сам рассчитывать на то, что буду переведен на 2-й курс, он отвечал: "Кому же перейти, если не вам? Вы имеете на то несомненное право. Я, со своей стороны, по крайней мере не позволю оказать вам несправедливость".

Горячо поблагодарив доброго профессора за себя и за товарища, я ушел успокоенный. Пальмину лет за сорок. Он, по-видимому, флегматик, но не угрюм. У него добродушная улыбка, и он умеет постоять за того, кто ему по душе. Со мной он всегда ласков и приветлив, говорит тоном дружбы, как с равным. У него здравый ум. Он не систематик и ищет истины везде, где только надеется найти ее, и любит ее, в каком бы виде она ему ни представлялась. Практическое предпочитает теоретическому и рассудок -- уму. Скромен. Испытал много превратностей, но перенес их, как подобает философу. И теперь участь его неблестящая. Он небогат, а семейство у него пребольшое. Я, между прочим, нахожу в нем сходство с Ф.Ф.Ферронским, моим добрым украинским философом. Та же, по-видимому, простота сердца и равнодушное отношение ко внешним невзгодам. При всем том говорят, что профессор этот нелюбим в университете. Но кто же умеет так ненавидеть и знать, как ученые: им издревле принадлежит честь совершенствовать не одно хорошее, но и дурное...

Сегодня, в десять часов утра, все студенты собрались в университет. Был отслужен молебен, и каждый из нас получил свидетельство на звание студента, а потом

прочитано нам расписание о переводе нас на высшие курсы. Я переведен на второй и со мной все мои товарищи из вольно-слушающих...

Время мое так распределено: встаю в пять, иногда в шесть часов, никогда позже. В дни, определенные для лекций, иду в университет, возвращаюсь домой в 12 часов, записываю лекции или читаю сочинения, имеющие связь с университетом...

Сегодня все студенты собрались в университетской аудиенц-зале, где ректор Дегуров произнес к нам слово, в котором увещевал быть преданными нашему монарху. Речь свою он подкрепил примером 14 декабря. Ректор говорил горячо, и речь его произвела впечатление...

Слушал лекции из истории философии. Мы занимались греками и, по обыкновению, начали с Фалеса. Профессор обращался к нам с вопросами, на которые мы, по его словам, отвечали удовлетворительно.

Поутру зашел послушать лекцию профессора Толмачева о словесности. Застал оную уже на половине: он трактовал о красоте. Потом я был на лекции статистики профессора Зябловского. Он читал нам общее обозрение Европы. Профессор Зябловский, кажется, слишком любит пускаться в подробности, но он очень хорошо объясняет свой предмет, то есть точно, толково и чистым языком. У него грубая, полудикая физиономия, но его приятно слушать.

От 8 до 10 часов утра слушал лекцию естественного права у профессора Лодия.

Последователи французской школы по этому праву говорят: "Люди рождаются свободными и равными в рассуждении прав и пребывают свободными и равными в них. Цель всякой государственной связи есть сохранение природных и неотъемлемых прав человека. Сии же права суть: свобода, собственность, безопасность и власть противоборствовать угнетению".

Французы старались приравливать все положения естественного права к политическим идеям того времени -- это ясно. Но опровержение, которое нам вообще предлагал наш профессор, показалось мне неудовлетворительным. Понятия: свобода, собственность и власть противоборствовать угнетению надлежало бы рассмотреть в отвлеченности, а он показал нам только злоупотребления, кои делались в применении их, и тем самым как бы доказывал их полную несостоятельность, чего, конечно, не мог иметь в виду».

«Сегодня было годичное торжественное собрание в нашем университете. Было много посетителей, и в том числе дук Броглио, генерал французской службы, занимающий первое место в свите французского посла, маршала Мармонта. Прекрасный мужчина. Черты лица его благородны и выразительны, движения грациозны и непринужденны. Глядя на него, я понял, как далеки от своего образца наши подражатели французского стиля в обращении. Они перенимают внешние приемы и думают, что в этом все. Между тем им прежде всего следовало бы проникнуться тем духом гуманности и общительности, каким преисполнены французы, а приемы явились бы уже сами собой, вместе с внутренней грацией, без которой не бывает внешней.

Акт продолжался часа три, но мы, студенты, собрались гораздо раньше и провели время довольно приятно, расхаживая по зале и делая наблюдения над приходящими. Профессор и секретарь совета Бутырский прочел отчет деятельности университета за прошлый год -- отчет, из коего, несмотря на все старания оратора доказать противное, было очевидно, что просвещение в столице не сделало за это время больших успехов. Ректор Дегуров произнес на французском языке речь о влиянии просвещения на народы; ее очень хвалили. Профессор Пальмин часа полтора говорил о добродетелях покойного императора Александра Павловича. Любопытнее всего был отрывок из литературных лекций профессора Бутырского, который прочел оный с обычною своею приятностью. Дело шло "о сущности поэзии". Не многие из наших глубоко вникают в его теорию,

между тем в ней много истин, которые могли бы принести большую пользу нашей литературе, если бы к ним захотели повнимательнее прислушаться».

«Сегодня студенты собрались в университет в большую залу, куда вскоре явились и профессор. Вдруг ко мне подходит наш профессор словесности, Бутырский, и не то ласково, не то недоверчиво спрашивает:

- Не ваше ли сочинение читал я в "Сыне отечества" под названием "О преодолении несчастий"?

- Так точно, - отвечал я.

- Неужели? Клянусь, я не предполагал, чтобы вы, молодой студент, были автором сочинения, которое сделало бы честь гораздо более опытному литератору. Оно поражает богатством и зрелостью мыслей, - прибавил он, обращаясь к стоявшему около своему товарищу. - Есть некоторые ошибки в слоге, и я поясню их вам. Заметил я также в двух-трех местах некоторую неясность. Но, помимо этого, все прекрасно.

Едва успел я поблагодарить его за столь лестный отзыв, как подошли ко мне другие профессора. Все читали уже мое сочинение и спешили выразить мне свое удовольствие. Я совсем растерялся от этого неожиданного триумфа и готов был провалиться сквозь землю, чтобы уйти от всех устремленных на меня глаз. В заключение Бутырский обещал разобрать мое сочинение на первой же своей лекции.

Мы отслушали молебен и разошлись по домам, получив приглашение завтра собираться на лекции».

«Теперь у нас в университете самое горячее время. Каждый час на счету, а я промочил ноги и дня четыре провел самым непроизводительным образом. И сегодня еще мне не следовало бы выходить, но я должен был явиться к попечителю.

В девять часов утра я отправился к нему и был немедленно принят так же благосклонно, как и первый раз.

- Ваше положение не переменилось? -- с участием спросил он.

- Нет, ваше превосходительство, оно все то же. Здесь я изложил перед ним план, который недавно пришел мне в голову. Некто С., по повелению покойного императора, пользовался от университета пятьюстами рублями годового пенсион, пока не кончит курса. Ему оставалось пробыть в университете еще год: но он недавно исключен из него за дурное поведение. Пятьсот рублей, которые ему еще следовало бы получить, таким образом остались в казне университета. Я хотел просить, чтобы сия сумма была выдана мне в виде ссуды с тем, чтобы по окончании моего курса вычитать оную из жалованья в том месте, где буду я служить.

- Знаю, ваше превосходительство, -- прибавил я к сему, -- что сей заем требует обеспечения, но я не имею ничего, кроме жизни. Следовательно, в случае моей смерти университет теряет свои деньги. Но во всяком другом случае смею уверить, что они будут возвращены.

- Это бы можно сделать, -- отвечал попечитель, -- если бы университет имел деньги, но он весь в долгу и каждый год занимает тысяч до двадцати. Я хочу предложить вам нечто другое. Очень скоро надеюсь я перейти в университет, если только не изменятся обстоятельства. Тогда я дам вам квартиру у себя и место в моей канцелярии, которое принесет вам рублей пятьсот в год. Занятия по канцелярии не будут идти вразрез с вашими университетскими занятиями. Итак, прошу вас, побывайте у меня опять недели через полторы.

После этого он еще очень ласково со мной разговаривал. Между прочим, я узнал от него, что по университету готовятся важные преобразования. Хотят восстановить у нас классическую ученость, и потому самый университет, может быть, уничтожат, обратив его опять в педагогический институт, для того чтобы Россия не нуждалась в учителях и профессорах».

«Весь месяц прошел в заботах об экзаменах. Важнейшие предметы окончены. Остаются богословие и естественное право. Я во всех получил первые отметки. Товарищи, с которыми мы вместе готовились, тоже отличились по всем предметам, особенно по истории философии, для которой мы не пощадили ни трудов, ни времени. Профессора называют наш курс цветом университета. Более прочих заслужил похвал Александр Дель, молодой человек с умом основательным, с благородной душою и страстью к науке. Я много трудился над диссертацией "О политической экономии вообще и о производимости богатств как главнейшем предмете оной". Не скажу, чтобы я доволен был ею: я не успел еще так, как должно, вникнуть в сию важную науку. Бутырский хороший профессор словесности, но политическую экономию плохо читает. Он в вечном противоречии с самим собою: сегодня утверждает одно, а завтра опровергает. Кафедра политической экономии, очевидно, не по нем. Познания его в ней поверхностны. Очень жаль, что сия высокая наука не имеет у нас лучшего преподавателя. Многие, однако, полагают, что дух ее не согласен с существующим у нас порядком вещей и потому преподавание ее у нас обставлено большими трудностями.

Весь этот месяц прошел для меня в большом напряжении. Диссертация, которую пришлось написать в две недели, приготовление себя и товарищей к экзаменам, дела в канцелярии, тягостные нужды -- все сразу скопилось и налегло на меня. Попечитель день ото дня ко мне благосклоннее. Он говорит со мною не как с подчиненным, а как с близким человеком. Доверие его глубоко меня трогает, а занятия с ним развивают во мне сноровку к делам.

Экзамен из богословия. Сошел отлично.

Экзамен из естественного права, и последний. Новый курс положено начать в среду, на первой неделе Великого поста.

Подводя итоги прошедшему учебному году, нельзя не заметить, что не все молодые люди в университете одушевлены одинаковою любовью к науке. Часть студентов учится только для аттестата, следовательно, учится слабо. Конечная цель их не нравственное и умственное самоусовершенствование, а чин, без которого у нас нет гражданской свободы. Ввиду последнего обстоятельства, конечно, нельзя слишком строго к ним относиться, да и не к ним одним, а и ко всем, одержимым у нас страстью к чинам, которую Бутырский метко называет чинобесием.

Диссертация моя была читана в совете университета и одобрена для публичного чтения. Попечитель сделал обо мне представление министру следующего содержания: «Студент философско-юридического факультета Александр Никитенко, окончивший с отличным успехом второй курс оного, по бедности своей находится в затруднительном положении. Желая сохранить университету сего молодого человека, показывающего большие дарования и прилежность, и вместе с тем употребить с пользою по моей канцелярии в те часы, в кои он свободен от ученья, дабы не отвлек его от главного его предмета, я испрашиваю у вашего высокопревосходительства позволения производить ему 500 р. в год жалованья из сумм, определенных для нашей канцелярии»».

«Профессор Сенковский отличный ориенталист, но, должно быть, плохой человек. Он, по-видимому, дурно воспитан, ибо подчас бывает крайне невежлив в обращении. Его упрекают в подобострастии с высшими и в грубости с низшими. Он не любим ни товарищами, ни студентами, ибо пользуется всяким случаем сделать неприятное первым и вред последним. Природа одарила его умом быстрым и острым, которым он пользуется, чтобы наносить раны всякому, кто приближается к нему.

Один из казеннокоштных студентов, весьма порядочный и даровитый юноша, желавший посвятить себя изучению восточных языков, был выведен из терпения оскорбительными выходками декана своего факультета, Сенковского, и решился не посещать больше его лекций. Это взбесило последнего. Не умея и не желая заставить любить слушателей свои

лекции, он вздумал гнать их туда бичом. Увидев как-то студента, о котором говорено выше, он начал бранить его самым неприличным образом и в порыве злобы сказал в заключение:

- Я сделаю то, что вас будут драть розгами: объявите это всем вашим товарищам. Не говорите мне об уставе -- я ваш устав.

Студенты крайне оскорбились и заволновались. Между ними есть способные и хороших фамилий. Грубость Сенковского тем более поразила их, что все другие профессора здешнего университета, ректор Дегуров и попечитель Бороздин, приучили их к самому вежливому и благородному обращению, отчего и между ними возник дух, вполне соответствующий сему месту.

Товарищи бросились ко мне с просьбами довести до сведения попечителя о неприличном поступке Сенковского и о пагубных последствиях, могущих произойти от его дерзостей. Не говоря уже, что он, чего доброго, таким образом отвратит от университета многих молодых людей, но еще может нарваться на такого студента, который не выдержит и дерзостью ответит на его дерзость. Само собой разумеется, что это было бы несчастием, которое гибельно отразилось бы на всем заведении. Я от имени товарищей просил попечителя принять меры против грозившего зла. Он велел ректору объявить Сенковскому выговор. Должно полагать, что последний теперь перестанет обращаться с людьми так бесцеремонно, как с египетскими мумиями, от которых нечего ждать отпора».

«Сегодня новый профессор богословия, Бажанов, начал свое поприще в университете. Он будет читать нам нравственное богословие, чем и окончится полный трехлетний курс богословия, начатый предшественником его, доктором богословия и профессором еврейского языка, Павским. Последний обладает глубокими, обширными познаниями, и в этом отношении никто не сравнится с ним. Но привлекательная личность Бажанова, его искусство излагать свой предмет просто и выразительно, стремление к духу, а не к букве - все это хоть немного смягчает для нас потерю Павского. В богословских лекциях наших вообще господствует здравый философский дух, который ставит религию на твердую почву, недоступную для фанатиков.

Надо сознаться, что духовные учителя у нас часто преуспевают в науках больше светских профессоров. Я думаю, что это, помимо многих других причин, объясняется еще тем, что общественная деятельность нашего духовенства замкнута в известные рамки, за пределы которых не может стремиться. Другие же наши ученые, не видя границ своему честолюбию, часто жертвуют для него наукой. У нас, например, есть один профессор, человек, впрочем, почтенный и с дарованием, но который нередко выходит на кафедру удрученный горем и кое-как сбывает с рук лекцию оттого только, что он, будучи уже коллежским советником, имеет Анну 3-й, а не 2-й степени.

Попечитель, по доброте своей, видя его горе, наконец, дал ему слово сделать о нем представление, которое должно будет быть уважено. И этот человек не ребенок: ему уже лет под сорок, и он слышит в публике за умного, талантливого профессора».

«Государь император повелел отправить двадцать лучших студентов за границу для усовершенствования их познаний с тем, чтобы, возвратясь, они могли занять профессорские кафедры. По философии и правам будут отправлены в Берлин, а по естественным наукам в Париж. Попечитель, советуясь со мной сегодня о том, кого из наших выбрать для этой цели, предложил и мне отправиться с прочими. К этому есть одно препятствие - мое незнание иностранных языков, но Константин Матвеевич обещался устранить его: он хочет поехать к князю А.Н.Голицыну и просить его выхлопотать на сие разрешение государя. Он дал мне на размышление несколько дней и убеждал ничем не стесняться в моем окончательном решении.

Вот оно, и я искренно ему выскажу его. По возвращении из-за границы придется четырнадцать лет служить профессором по назначению правительства. Я люблю науку и жажду познаний, но не в качестве ремесленника, а главное, не могу помириться ни с чем, что хоть сколько-нибудь отзывает закрепощением себя. Раны от неволи еще слишком свежи во мне для того, чтобы я добровольно согласился еще раз испытать ее на себе, хотя бы и в смягченном и облагороженном виде. Сблазн усовершенствоваться в Германии, конечно, велик, но я предпочитаю свободно располагать своей будущностью в России. Да и выгоды от поездки вряд ли еще так существенны, как представляются с первого взгляда. Это не путешествие. Запрут на два года в Дерпте, на три в Берлине - вот и все. Но не в этом дело, а в вышесказанном. Завтра же все это выскажу попечителю, который в отношении меня является настоящим попечителем моей судьбы».

«Давно уже ничего не писал я на этих страницах. Приготовления к экзамену отнимали у меня все время. Это уже последний: с окончанием его окончится период моего студенческого существования - и я гражданин.

Сегодня наш курс экзаменовался в римском праве. Мне досталось говорить об опеке. Профессор В.В.Шнейдер похвалил меня, но сам я недоволен своими познаниями в этом предмете. Да и трудно было, по правде сказать, много успеть в сей обширной и сложной науке, записки по коей выданы нам профессором всего за полторы недели до экзамена. Сами же мы не составляли их, потому что он обещал с самого начала дать нам свои».

«Неприятное происшествие! Вчера состоялось в университете факультетское собрание, на котором должны были решать, кого из выпускных студентов нашего курса произвести в кандидаты. Сегодня вбегает ко мне наш Михайлов в большом расстройстве и сообщает, что он не удостоен звания кандидата. Признаюсь, я тоже этого не ожидал, ибо, хотя он не отличался особенною усидчивостью в занятиях, однако ничем не уступает в познаниях тем студентам, кои получили сию степень в прошлом году. Это несчастье крайне огорчило моего товарища, тем более что он был уверен в противном. Я сам боялся за него меньше, чем, например, за Армстронга. Теперь он именем дружбы заклинал меня спасти его ходатайством перед попечителем. Я и без его просьбы уже решился на это и на переговоры с профессорами, ибо беда еще не совсем неотвратима. Совет не утвердил еще определения факультета, хотя дела сего рода непосредственно принадлежат последнему.

Я тотчас оделся и пошел к попечителю. Тронутый до глубины сердца положением моего бедного товарища, я с жаром просил Константина Матвеевича Бороздина оказать ему помощь. Михайлов постоянно пользовался любовью товарищей, начальства и общества: что подумают они о нем (не говоря уже о его родителях), когда узнают, что он не с такою честью оставил университет, как они надеялись. Да и, право же, это незаслуженно!

Представления мои подействовали. Благородный и добрый начальник обещался употребить в его пользу все свое влияние. По моему настоянию Михайлов полчаса спустя и сам посетил попечителя: тот обласкал его и обнадежил.

Причина, почему Михайлову отказывают в кандидатстве, та, что он, как говорят, не имеет полных четырех баллов в статистике, хотя во всех прочих предметах имеет их. Вечером был у Михайловых. Все они очень огорчены. Мишель в их глазах совершенство, и они не постигают, как профессора могут смотреть на него иначе. Надо признаться, однако, что Мишель слишком надеялся на свои способности и потому занимался довольно поверхностно и на экзаменах подчас отделивался фразами. Должно полагать, что это и было главною причиною его беды, а не 3 с половиной поставленные ему в статистике. Еще огорчило меня, что, пока я ходатайствовал за него у попечителя, он

уже успел побывать у всех профессоров факультета и восстановить их против себя неуместною горячностью.

- Теперь вся наша надежда на вас, - говорили мне отец его и мать, - все зависит от попечителя, а вы пользуетесь его доверием.

- Что до меня касается, - возразил я, - я на все готов для товарища, который к тому же и умен и способен. Но пусть же он по крайней мере не восстанавливает еще больше против себя профессоров. "Мы готовы исполнить желание вашего превосходительства, - могут они сказать Константину Матвеевичу, - но позвольте вам заметить, что это будет несправедливо". Тогда от последнего, конечно, нельзя и требовать, чтобы он не согласился с их приговором. Право давать ученые степени есть священное, неприкосновенное право университета: ни попечитель, ни министр не могут непосредственно мешаться в это.

Я хотел этими словами доказать Михайлову, как неблагоприятно поступил он, оскорбив профессоров, и посоветовал ему завтра опять съездить к ним и загладить сегодняшнее неблагоприятное впечатление, чтобы они по крайней мере не мешали мне действовать у попечителя.

Попечитель уже говорил в пользу Михайлова с ректором университета. Между тем и сам Мишель был опять у профессоров. Они все укоряют его за то, что он не занимался так, как следовало и как мог по своим способностям. Но теперь они по крайней мере несколько смягчены учтивостью моего товарища.

Итак, сегодня ничего решительного по этому делу не последовало. Между тем на послезавтра назначено собрание университетского совета, значит, завтра надо пустить в ход все средства: после собрания совета уже будет поздно.

Сегодня попечитель говорил мне о деле Михайлова уже совсем другим тоном, чем сначала. Доброе расположение его вдруг точно исчезло.

- Все профессора, - сказал он мне, - против него. Они говорят, что он на лекциях был невнимателен, читал романы и "Северную пчелу", вместо того чтобы слушать, и на экзаменах не обнаружил твердого знания в науках. Скажи, что же мне делать?

Минута была решительная, и я истощил все мое красноречие, чтобы склонить Константина Матвеевича к тому, чтобы он поговорил за Михайлова с деканом факультета, от которого главным образом все зависело. Попечитель, наконец, обещался сегодня еще повидаться с ректором и деканом. Слава Богу, еще есть надежда!

Сейчас имел разговор с попечителем, который сильно огорчил меня. Он утвердился во мнении, которое я ему внушил о Михайлове, но зато сказал:

- Университет хочет в нынешнем году произвести слишком много кандидатов, и потому ваш факультет должен ограничиться двумя: тобою и Михайловым. Прочие должны довольствоваться степенью студента.

«Итак, - подумал я, - бедные мои Армстронг и Дель, на вас должен пасть жребий, по справедливости заслуженный Михайловым!» Я старался по возможности доказать Константину Матвеевичу, что несправедливо обидеть в нынешнем году тех, которые в прошлом или будущем, несомненно, получили бы отличие, право на которое признано за нами всеми профессорами. Он молчал. Не знаю, убедил ли я его; в противном случае буду оплакивать свое рвение относительно Михайлова.

Михайлов объявил мне, что декан стал ласковее к нему, попечитель тоже подал надежду, но дело пока остается нерешенным: собрание университетского совета сегодня не могло состояться, потому что почти все члены филолого-исторического факультета больны. Опять надо ждать неделю, а может быть, и больше. Это и мне лично неудобно. Я не могу явиться к князю А.Н.Голицыну, пока не получу официально своей степени кандидата. Да и дела мои по службе тоже от того терпят.

Наконец сегодня состоялось собрание университета и молебствие, как всегда бывает при начале нового курса. Но нам еще не объявили наших ученых степеней.

Закон, в прошедшем году изданный, о недопущении на службу разночинцев, начинает уже оказывать свое действие - и на этот раз благотворное. Нынешний год в университете было втрое больше слушателей, чем в предыдущем...

Сегодня в университете торжественно объявили всем кончившим курс студентам их ученые степени. По нашему факультету следующие произведены в кандидаты: из казеннокоштных Крупский и Чивилев; из своекоштных: Армстронг, Дель, Зенкович, Михайлов и я. Михайлов с восторгом бросился тут же ко мне на шею.

Затем мы все пошли благодарить нашего почтенного, любимого попечителя. Он принял нас ласково и просил поддерживать честь университета там, где будем служить».

«Философско-юридический факультет здешнего университета предложил мне занять кафедру естественного частного и публичного прав, которая по болезни профессора Лодия остается праздною. Я согласился с удовольствием. Это прекрасное средство к собственному моему усовершенствованию, особенно в дикции. Весь факультет единогласно был за меня. По его мнению, я, владея даром слова и добросовестным отношением к делу, мог бы принести университету большую пользу моими лекциями. Недоставало только утверждения университетского совета. Там ректор Дегуров, который ко мне недоброжелательно относится, восстал против моего назначения, и я был отвергнут. Вот его причины: «С некоторых пор мы беспрестанно получаем выговоры от министра и от попечителя. Никитенко пользуется доверием последнего, следовательно, он в этом виноват, следовательно, он не имеет философского духа, следовательно, не должен преподавать естественное право в университете». Сильно и убедительно! Признаюсь, мне крайне хотелось воспользоваться неожиданным предложением факультета, и потому неудача меня опечалила».

«Университет предложил мне на нынешний год кафедру политической экономии, которую буду занимать в качестве помощника ординарного профессора Бутырского... Читал первую лекцию политической экономии в университете. Слушателей было много. Присутствовали также два профессора философско-юридического факультета, Шнейдер и Бутырский, и попечитель. Говорят, я с честью вышел из этого первого испытания. Но я сам недоволен. Я чувствовал смятение говорить перед большим собранием, точь-в-точь как и в прошлом году, когда я на публичном университетском акте говорил краткое похвальное слово покойному профессору Лодию».

«Сегодня экзаменовали моих студентов из политической экономии. Они отвечали, кажется, плохо; впрочем, не хуже, чем слушатели профессора Бутырского. Легко может случиться, что мне не дадут адъюнктура...

Сегодня профессор Бутырский изъявил мне свое удовольствие за экзамен моих студентов в политической экономии. Вместе с тем он сообщил мне, что я уже внесен в список преподавателей университета на нынешний год. Профессор Шнейдер тоже хорошо отозвался о моем экзамене. Значит, надежда на адъюнктуру не совсем еще исчезла».

«Уже несколько недель продолжается в университете дело о моем адъюнктуре. Я представил сочинение. Факультет рассмотрел его и сделал заключение, что "сочинение сие доказывает не только большие познания автора, но и большие дарования, и притом написано красноречиво".

Один из профессоров, Пальмин, восстал против общего мнения и утверждал, что сочинение написано не красноречиво. Завязался спор, и дело отложено до следующего заседания. Все это не иное что, как игра мелких страстей. Сначала я вел себя дурно: негодовал, оскорблялся, грустил...

Сегодня подал я в университет просьбу об увольнении меня от преподавания политической экономии.

Задумавшие предположения мои, святая цель действовать на ученом поприще, рушились. Мне казалось, что я призван к этому делу; я готовился к нему. Все говорили, что я имею к тому дарования. Сочинение мое одобрено факультетом. Один человек из всего университетского совета, профессор философии Пальмин, отнесся к нему неодобрительно. Удивительно, почему он, в начале моего студенчества так ласкавший меня, теперь на каждом шагу ставит мне препятствия? Он подал в университет возражение на мое сочинение: его осмеяли, но уважили, и меня отвергли -- по крайней мере выразили некоторую склонность к тому, чтобы отвергнуть. Мне остается одно: подать в отставку, и я это уже сделал. Мне тяжело сегодня, очень тяжело, ибо план целой моей жизни рушился...

Дело мое об адъюнктстве было рассматриваемо в совете университета. Мнение Пальмина отвергнуто, и положено баллотировать меня в следующее заседание. Профессор Сенковский сильно защищал мое сочинение против возражений Пальмина. Он своими едкими замечаниями сделал последнего смешным...

Сегодня Дель был у меня с известием, что я избран единогласно советом университета в адъюнкты по кафедре политической экономии. Десять шаров белых, один черный, и тот Пальмина.

Совет университета признал меня достойным адъюнктства на основании (как сказано в его представлении) "отличных дарований, успешного чтения сей науки (политической экономии) в течение двух лет и представленной мною диссертации, которая по познаниям и по изложению заслуживает полное одобрение". Это все, и больше, чем требует закон в таких случаях. Попечитель на основании всего этого сделал представление министру. Но сей последний - чего никогда прежде не делал -- потребовал мою диссертацию к себе. Вчера мне об этом сказывал Языков. Министр хочет отдать ее на рассмотрение в Академию наук. Тут добра не ждать. Академия не благоприятствует русским ученым. Министр говорил попечителю, что затрудняется утвердить меня в адъюнктстве потому, дабы не подумали, что мне дали это звание из уважения к моему посту при попечителе.

Я думал, что уже достиг берега, а на деле выходит, что опять брошен в пучину политического и общественного хаоса. Самое адъюнктство мне, наконец, опротивело. Точно оно не право мое, а милость, мне оказываемая...

Я не ошибся в моем предположении. Министр и без академии почти открыто дал заметить вчера попечителю, что обходит меня адъюнктством только потому, что я не немец. Диссертаций моих он никуда не отсылал: они смиренно покоятся у него в кабинете. Я обязался попечителю еще несколько дней не предпринимать ничего решительного...

Я и забыл записать в моем журнале, что меня, наконец, утвердили в звании адъюнкт-профессора политической экономии. Если я его достоин, зачем было тормозить дело, а если недостоин, зачем дали мне его теперь?».

«Опять был у товарища министра. Разговор с ним во многом вразумил меня относительно хода наших политических дел, нашего образования и прочее. Он опять выразил намерение дать мне кафедру словесности в качестве экстраординарного профессора. Конечно, мне это приятно, но я этого не искал. Бутырский же разглашает в публике, что я хочу лишить его кафедры с тем, чтобы самому сделаться ординарным профессором. Мне и в голову не приходила такая мысль. Я сегодня впервые услышал от Уварова, что Бутырского действительно удаляют из университета и на его место назначают Галича. Вечером попечитель послал меня к последнему с приглашением занять кафедру русской словесности...

Я решился советовать отдать кафедру словесности не Галичу, а Плетневу. Последний гораздо для нее пригоднее. Совет мой уважен. Я ездил к Плетневу с предложением: он согласился. Я буду при нем адъюнктом. Таким образом мне, конечно, труднее будет достигнуть ординарного профессора, но дело от того выиграет. И потому личные виды в сторону: всякая жертва, которую можно принести нашему бедному просвещению, священна.

Галича же я предложил сделать профессором теории общих прав. С этою кафедрою он гораздо лучше справится, чем с русскою словесностью, к которой не подготовлен... Сегодня читал я в университете первую лекцию из русской словесности, или, лучше сказать, речь, в которой хотел изложить дух моего преподавания. Слушателей собралось много, не одних студентов, но и посторонних. В результате должен сказать, что я читал дурно. По крайней мере я чувствую глубокое недовольство собой. Мне советовали написать речь и читать ее по тетради, но я, по обыкновению, хотел импровизировать, а для этого я был слишком взволнован и у меня не хватило присутствия духа. Вышло слабо и бледно, и я сошел с кафедры с весьма неприятным чувством...

Вторая лекция моя в университете была удачнее первой, а третья еще больше удовлетворила меня, но четвертая была опять несколько слабее. Я выражался не совсем определенно, и у меня недоставало полноты идей. Главное, что я до сих пор не могу преодолеть некоторой застенчивости при появлении на кафедре и оттого бываю неровен. Со временем, вероятно, это пройдет, и я вместе с равнодушием приобрету и развязность, от недостатка которой теперь страдаю».

«И последний мой экзамен сошел недурно. По окончании его мы трое: Плетнев, Шульгин и я, отправились к первому. Здесь составилась род конференции для противодействия в университете всякому нечистому духу в ученом и нравственном отношении. Мы дали друг другу слово сохранять строгое беспристрастие при переводе студентов на высшие курсы и при раздаче ученых степеней; бить, сколь возможно, схоластику и т.д. Оба мои товарища сильно вооружены против профессора философии Фишера, которого поддерживает министр.

Немного спустя мы пошли к князю, и тут беспристрастие наше встретило свой первый камень преткновения: Плетнев просил попечителя за плохого студента, брата одного из своих друзей».

«Гоголь, Николай Васильевич. Ему теперь лет 28--29. Он занимает у нас место адъюкта по части истории; читает историю средних веков...

Вот случай из его жизни, который должен был бы послужить ему уроком, если бы фантастическое самолюбие способно было принимать уроки. Пользуясь особнным покровительством В.А.Жуковского, он захотел быть профессором. Жуковский возвысил его в глазах Уварова до того, что тот в самом деле поверил, будто из Гоголя выйдет прекрасный профессор истории, хотя в этом отношении он не представил ни одного опыта своих знаний и таланта. Ему предложено было место экстраординарного профессора истории в Киевском университете. Но Гоголь вообразил себе, что его гений дает ему право на высшие притязания, потребовал звания ординарного профессора и шесть тысяч рублей единовременно на уплату долгов. Молодой человек, хотя уже и с именем в литературе, но не имеющий никакого академического звания, ничем не доказавший ни познаний, ни способностей для кафедры - и какой кафедры - университетской! - требует себе того, что сам Герен, должно полагать, попросил бы со скромностью. Это может делаться только в России, где протекция дает право на все. Однако ж министр отказал Гоголю. Затем, узнав, что у нас по кафедре истории нужен преподаватель, он начал искать этого места, требуя на этот раз, чтобы его сделали по крайней мере экстраординарным профессором. Признаюсь, и я подумал, что человек,

который так в себе уверен, не испортит дела, и старался его сблизить с попечителем, даже хлопотал, чтобы его сделали экстраординарным профессором. Но нас не послушали и сделали его только адъюнктом.

Что же вышло? "Синица явилась зажесть море" - и только. Гоголь так дурно читает лекции в университете, что сделался посмешищем для студентов. Начальство боится, чтобы они не выкинули над ним какой-нибудь шалости, обыкновенной в таких случаях, но неприятной по последствиям. Надобно было приступить к решительной мере.

Попечитель призвал его к себе и очень ласково объявил ему о неприятной молве, распространившейся о его лекциях. На минуту гордость его уступила место горькому сознанию своей неопытности и бессилия. Он был у меня и признался, что для университетских чтений надо больше опытности.

Вот чем кончилось это знаменитое требование профессорской кафедры. Но это в конце концов не поколебало веры Гоголя в свою всеобъемлющую гениальность. Хотя после замечания попечителя он должен был переменить свой надменный тон с ректором, деканом и прочими членами университета, но в кругу "своих" он все тот же всезнающий, глубокомысленный, гениальный Гоголь, каким был до сих пор».

«Достопримечательное заседание в совете университета. В Московском и других университетах русских ученое сословие не считало предосудительным брать взятки при экзаменах чиновников. Наш не имел этой славы. Однако с некоторых пор и сюда стал вкрадываться продажный дух, впрочем общий всем учреждениям в России. Три или четыре человека из здешних профессоров уже приобрели известность в этом отношении, гораздо большую, чем в ученой своей деятельности. Несколько других сочли своею обязанностью выставить это обстоятельство перед князем и возбудить его к противодействию: ибо чем больше общество будет проникнуто доверием к нравственному достоинству ученого сословия, тем больше влияния будет иметь последнее на образование в России. Пусть хоть оно одно в России будет проникнуто духом чести!

Князь решился явиться в совет университета будто для совещания по разным делам, но на самом деле чтобы дать почувствовать всем, сколь необходимо нам сохранить честь сословия в этом отношении. Он исполнил это тонко и хорошо».

«Возвратились из-за границы студенты профессорского института. У меня были уже: Печерин, Куторга-младший, Чивилев. Калмыков приехал прежде....

Князь-попечитель призывал меня на совещание, кого из возвратившихся из-за границы оставить при Петербургском университете. Для прав я предложил Калмыкова и Редкина; для истории Куторгу, Михаила Семеновича; для политической экономии - Порошина; для греческой словесности - Печерина; для латинской - Крюкова. Князь намерен сильно настаивать, чтобы этих людей дали нашему университету, но мало надеется отстоять Печерина и Крюкова. Другие университеты тоже нуждаются в профессорах. В министерстве сильно хлопочут об усилении хорошего состава профессоров по всем русским университетам.

Попечитель, между прочим, сообщил мне, что новое образование округов уже скоро состоится. Университет устраняется от всякого участия в собственном управлении. Власть сосредоточивается в лице попечителя и его совета.

Слушал пробные лекции, читанные в академии Куторгою и Луниным. Обе по части истории. Один начал историю средних веков, другой новую. У Куторги нет дара слова и вообще особенного таланта; но с практикою он сделается хорошим и полезным преподавателем. Уже и то много, что он читал не по тетради. В нем, кроме того, видна свежая, юношеская любовь к своему предмету. Лунин читал почти всё по тетради, несколько напыщенно и витиевато».

«Введены новый устав и новые штаты в университетах. Я получаю теперь 3900 рублей жалованья, вместо 1300: заметная разница! Но это преобразование, однако, многим дорого стоит. Тринадцать профессоров и адъюнктов получили увольнение и не знают теперь, куда им деться. Бутырскому оставалось года полтора дослужить до пенсионера в пять тысяч рублей: он уволен с 2000. Исключен также Постельс, человек с дарованиями и со сведениями, совершивший путешествие вокруг света, получивший одобрение от знаменитого Кювье. Кто же может быть уверен в прочности своего положения? Каждый из нас поневоле должен кроме университета искать других занятий, чтобы вдруг, если вздумается начальству, не остаться без куска хлеба. Пример Бутырского особенно печален. Он служил долго и имел блестящую репутацию: ничто не спасло его. Министр давно за что-то сердит на него. Долго недоумевали, каким образом уцелел Сенковский. Теперь объяснилось: он создание профессора Грефе, а Грефе близкий друг министра».

«Вчера был акт в университете. Я читал отчет за прошедший академический год и речь «О необходимости философского или теоретического изучения словесности». Публика приняла и то и другое одобрительно. Когда я сошел с кафедры, меня осыпали приветствиями».

«Пишу диссертацию для получения степени доктора. Сроку остается несколько дней. Нам, то есть профессорам до устава, дано право получить эту степень без экзамена, по одной диссертации, которую должно, однако, защищать публично. Эта травля ученых уже была в университете недели две тому назад. Устрялов, профессор русской истории, защищал свою диссертацию "О возможности прагматической русской истории в нынешнее время". Странная задача: прагматическая история в наше время, при нынешней цензуре и источниках, не очищенных и не разработанных критически, - да разве это мыслимо? Немудрено, что Устрялов защищался слабо против возражений Плетнева, особенно Германа и Литвинова, бывшего профессора в Виленском университете. Последний вышел на арену, когда Устрялов начал доказывать, что Литва всегда составляла часть России; попечитель испугался, как он сам потом мне говорил, чтобы не вышло соблазнительного спора, а потому он поспешил прекратить диспут. Чижов защищал какую-то новую теорию Остроградского о равновесии жидких тел. Тут, разумеется, я ничего не понял, но знатоки говорят, что Чижов на все возражения отвечал дельно и искусно. Плетнев разгорячился за Карамзина. Когда будут у нас спорить за идеи, а не за лица и выгоды?.. Праздники, но я очень занят своей докторской диссертацией. Она должна быть напечатана к 29 числу, 30-го уже разослана кому следует, а 31-го надо уже защищать ее. Совет, впрочем, уже утвердил меня в звании доктора философии. Диссертация печатается у Смирдина. Спасибо ему: он велел елико возможно спешить. Чтение и защита моей диссертации отложены князем и министром. Они считают докторство мое делом решенным с тех пор, как совет университета меня утвердил в нем».

«Шульгин, наш профессор истории и ректор, имеет общий ум. Говорит точно и приятно, хотя без особенной силы. Но ректорство не удалось ему: он почти в постоянных столкновениях с попечителем и с товарищами, из которых многие к тому же старше его и по летам и по службе. Подчиненные в свою очередь не любят его за то, что он не особенно с ними ласков; но у него редкая, похвальная черта, особенно для ректора университета: он не способен к лести и искательству перед сильными».

«Лекции мои в университете идут успешно. Мне иногда удается увлекать моих слушателей. Я ратую против всяких полумыслей и полувывражений в литературе, против

мишурного блеска и неестественности. Много мешает мне, конечно, незнание иностранных языков: мне от этого недостает материала для сравнений и фактов, для общих исторических выводов. Стараюсь пополнить этот пробел чтением всего, что переведено и переводится на русский язык. А пока главная моя цель: согреть сердца слушателей любовью к чистой красоте и истине и пробуждать в них стремление к мужественному, бодрому и благородному употреблению нравственных сил. Если мне это удастся хоть в слабой мере, сочту, что я не даром трудился».

«Тут же, по обыкновению, были и нелепейшие распоряжения. Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исаакиевском соборе, - так было означено и на билетах, а между тем тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему.

Попечитель мне сказал, что студентам лучше не быть на похоронах: они могли бы собраться в корпорации, нести гроб Пушкина - могли бы «пересолить», как он выразился».

«Вчера защищал публично в университете мою диссертацию на степень доктора философии «О творческой силе в поэзии или о поэтическом гении» и сошел с поля битвы победителем. Оппонентами моими были: профессор философии Фишер и профессор русской словесности Плетнев. Началось дело в половине первого часа, а кончилось в половине третьего. Собрание было столь многочисленное, что произошла даже давка. Ректор предварительно прочел мою биографию. Я крепко держался в моих окопах и не терял присутствия духа. Публика выразила свое полное удовольствие. Но вот что было мне особенно приятно. После диспута главные члены университета подошли к присутствовавшему здесь Константину Матвеечу Бороздину, прежнему попечителю, и благодарили его от имени университета за то, что «он воспитал и приготовил меня». Мой добрый покровитель и друг был тронут до слез. Вечером собралось ко мне человек до тридцати. Был ужин и, как водится, пили тосты в честь нового доктора».

«Приемные экзамены в университете. Между экзаменуемыми никого с особенно выдающимися способностями. Ученики гимназии вообще лучше подготовлены. Аристократы хотя так же плохо подготовлены, как и прежде, однако приступают к экзамену с большим страхом: и это уже недурно».

«Едва возвратился князь М.А.Дондуков-Корсаков, наш попечитель (он провел восемь месяцев за границей), как в университете начались уже так называемые «истории». Он сказал речь студентам, в которой приглашал их «во всем прямо и непосредственно к нему относиться» и заверял их, что он «всегдашний их защитник». Студенты вообразили, что они могут не слушаться инспектора и оскорблять профессоров.

На другой же или на третий день после речи попечителя Куторга-младший читал свою лекцию из истории. Какой-то студент, недовольный тем, что Куторга дал ему дурные отметки на экзамене, начал шуметь в аудитории и смеяться. Куторга ему заметил: «Вы ведете себя неприлично». — «Я веду себя так, - отвечал студент, - как вы того заслуживаете», - и принялся обвинять Куторгу в противонациональном направлении его лекций. Через день Куторге уже совсем не давали читать лекций: одни свистели, другие

аплодировали; профессор принужден был удалиться с кафедры. И это не единичный случай: нечто подобное было уже и с другими. Как бы не пришлось студентам за то поплатиться! Но кто главный виновник этого?»

«Там же, в Кушелевке, обработал два важных дела: мнение о необходимости преподавания русской словесности для студентов юридического факультета и проект закона о периодических изданиях.

Первое возникло по следующему поводу. Декан юридического факультета и профессора представили в совет университета проект об уничтожении в этом факультете некоторых вспомогательных предметов, в том числе и русской словесности, для облегчения студентов, будто бы обремененных науками. Но это неверно. Декан считал науки юридические не по курсам, а гуртом, и оттого их вышло много. Сверх того, у них на юридическом факультете история римского права и римское право, законы о полиции вообще и предупредительная полиция считаются предметами отдельными. При таком раздроблении наук немудрено насчитать их десятка три, четыре. На этом основании декан положил исключить из факультета: русскую историю, всеобщую историю и русскую словесность.

Но тут была другая тайная причина, а именно: угодливость студентам из аристократов, которые предпочитают юридический факультет остальным. Эти молодые люди занимаются наукой между прочим, и потому, конечно, каждый предмет считают для себя обременительным. Для исследования этого дела по моему настоянию была назначена особая комиссия. Я в качестве одного из ее членов написал мнение и читал его. Оно оказало свое действие, и теперь положено отменить меру, придуманную юридическим факультетом, и оставить все по-прежнему».

«Сегодня начались в университете приемные экзамены. Это самая тяжелая, самая нелюбимая часть моих профессорских обязанностей. Рыться в мозгу около сотни мальчиков и часто приходиться к крайне неутешительным выводам относительно научной подготовки и степени умственного развития этих будущих граждан - неблагодарная работа и действующая на меня расслабляющим образом. Сегодня экзамен длился с девяти часов утра и до трех. У меня под конец еле шевелился язык.

Всю последнюю неделю много думал о моих лекциях в наступающем учебном году. Намеревался сначала кое-что изменить в порядке изложения идей, но потом оставил все по-старому. Главная задача моя в самых идеях, в их духе и в слове, которое действовало бы на умы и пробуждало в слушателях стремление к высокому, к гуманному. У всякого общественного деятеля свои элементы силы, посредством которых он достигает желаемых результатов. Элементами моей силы я считаю мысль и слово, а не эрудицию. Мое естественное влечение -- обратить кафедру в трибуну. Я желаю больше действовать на чувство и волю людей, чем развивать перед ними теорию науки. Мне кажется, что я больше оратор, чем профессор. Познания у меня средство, а не цель. Я не "научовой" (зри "Москвитянин") человек, а человек мысли и чувства. Потому мне всего больше нужно для кафедры: 1) ясность, стройность и диалектическая гибкость мысли и 2) мощь слова. Я должен делать доступными моим слушателям такие истины, которые содействуют прямо и непосредственно их внутренней гармонии и ставят их в гармонические отношения с человечеством. Это - добро, и такому добру я должен и хочу содействовать».

«Весь месяц прекращено сообщение с Васильевским островом, и в университете нет лекций. Сначала Нева становилась, мосты были разведены. Вдруг оттепель: мосты нельзя наводить. Кое-как еще перебирались по шатким мосткам, да и то полиция часто запрещала. Наконец оттепель дошла до того, что лед на Неве сломало и река пошла, как весною. Третьего дня мост было навели, но сильный ледоход заставил опять развести

его. Вчера - день моих лекций в университете. Я отважился пойти к Неве, но в заключение только полюбовался глыбами льда на ней и вернулся домой. Трудно будет потом соблюсти полноту и порядок в лекциях».

«Публичный акт в университете. Я произнес речь "О критике". Публика приняла ее с большим одобрением. Многие подходили благодарить меня. Были в публике лица, приехавшие нарочно только для моего чтения и уехавшие тотчас после него. Вообще я в настоящее время пользуюсь расположением публики; говорят, что лекции мои производят эффект: прекрасно, но надолго ли все это?.. Плетнев прочел свой отлично составленный отчет за истекший год. Вообще весь акт прошел прилично и торжественно, как это редко удается».

«Новое затруднение! Студенты вздумали выказать свое участие ко мне по случаю постигшей меня беды. Я читал в первом курсе лекцию: "Об отношении искусства к природе и о начале подражания природе". Правду сказать, я прочел ее с большим одушевлением: предмет богатый. Я кончил уже и сделал шаг с кафедры, как вдруг раздались громкие рукоплескания и крики «браво!» Студенты сплошной массой бросились ко мне. Я на минуту смутился, но быстро оправился.

- Тише, господа, тише, - сказал я студентам, - что вы! Остановитесь!

Мне удалось, наконец, выйти из аудитории, а их удержать в ней. Что из этого будет? Не знаю. Может быть, новая гроза!

До меня дошли слухи, что студенты замысливают устроить мне еще что-то вроде бывшего в понедельник. Я колебался: ехать ли мне в университет? Наконец решился ехать, чтобы не подать вида, что придаю важность подобным вещам. Читал в двух курсах - в первом и во втором; слава Богу, все обошлось спокойно!

Суббота. В прошедший понедельник вечером князь Волконский был во дворце. Он не говорил ничего государю о "происшествии в университете, но рассказал о том великой княжне Ольге Николаевне, которая отозвалась, что меня знает.

Между тем история моя возбуждает много толков в городе. Общественное мнение за меня; все клеймят Клейнмихеля. Говорят, на бале во дворце многие из знати выговаривали ему. Он извинялся перед Уваровым.

Государь спросил у Бенкендорфа: знает ли он, что произошло в университете на лекции у профессора Никитенко? Бенкендорф отвечал, что знает, но что считает это мелочью, которая не заслуживает внимания, тем более что профессор Никитенко сам постарался восстановить на одно мгновение нарушенный порядок.

- Однако ж министр дурно сделал, что тотчас не уведомил меня об этом, - продолжал государь; - сказать ему это. А между тем подать мне список студентов, которые были на лекции в этот день.

Князь Волконский, которому все это передал его тесть, тотчас написал задним числом донесение министру о происшествии в университете, вследствие которого будто бы в тот же день он и министр сообща положили не доносить об этом государю как о пустяках, которыми не стоит его утруждать. Все это Бенкендорф передал императору вместе со списком студентов.

Государь сказал:

- Если все находят это дело неважным, то и мне остается то же делать. Посмотрим список!

Он пробежал его глазами и только заметил:

- Как мало известных имен!

Тем все и кончилось».

«Вчера в университете происходил выбор в ординарные профессора на вакансию, которая открылась с увольнением Шульгина. Кандидатов было несколько, в том числе и

я. На мою долю выпало всего шесть белых шаров - очень мало. Все прочие были мне предпочтены. Профессор Фишер мне сказал:

- Вам оказали вопиющую несправедливость - но так должно быть. Кто имеет несчастную репутацию человека с дарованиями, тому посредственность никогда не отдаст должного.

Я на это отвечал:

- Товарищи мои вправе высказать мне свое недоброжелательство, и я имею право немедленно забыть это.

Разве я когда-нибудь полагал иначе, что могу и должен опираться не на один только свой труд? Итак, работать, работать!».

«Празднование в университете двадцатипятилетия его существования. Митрополит служил обедню и молебен. В зале невыносимый холод. Ректор три часа и восемнадцать минут читал историю университета. Тоска и холод всех одолели. Никогда еще, кажется, университетский акт не был неудачнее. О деятельности университета за истекившие двадцать пять лет не сказано ничего существенного, а может быть, и не могло быть сказано».

«Акт в университете, кончившийся и печально и смешно. Куторга (Степан) читал за Устрялова речь последнего «О Петре Великом как историке»; сам автор не мог читать по болезни. Профессор дочитал до того места, где Петр говорит о прутском походе. При словах: «Мы были окружены со всех сторон, нам надо было или умереть, или пробиться - один Бог...» вдруг в левом углу залы, у колонн, раздался шум, и несколько студентов опрометью бросились к дверям. В одно мгновение вся зала поднялась, полетели стулья, и публика беспорядочной толпой тоже ринулась к выходу. Суматоха, давка, всеобщее смятение! Толпа у дверей сама себе затруднила выход. Несколько человек бросились к окнам, разбили стекла и собирались выпрыгнуть на улицу. Кто-то поранил себе руки. Никто не знал причины смятения, но каждый находился под влиянием панического страха.

«Что это значит? - думал я. - Не пожар ли?» Нет: нигде ни дыма, ни огня. Между тем толпа все больше и больше напирала к дверям, непроизвольно увлекая и сталкивая отдельные личности. Меня толкнули с адмиралами Рикордом и Крузенштерном. Последнего сильно помяли. «Да в чем дело? Что случилось?» - спрашивал он у меня, а я у него. Министр, попечитель, архиерей Афанасий, ректор и большинство профессоров находились позади и меньше всех растерялись: по крайней мере они не метались, не толкались и даже делали попытки образумить ошалевшее юношество и публику. Наконец нескольким голосам удалось покрыть наполнявший залу шум. «Господа, остановитесь, ничего, ничего!»

И действительно, оказалось - ничего. Несколько студентов, расположившихся у колонн, услышали какой-то треск, вообразили себе, что колонны, потолок, хоры - все на них рушится, вскочили и ринулись к выходу. Публика, увлеченная их примером и чувством самосохранения, ничего не понимая, бросилась за ними. По приказанию министра позвали архитектора. На колоннах в самом деле оказались трещины, но только по штукатурке: они к акту были заново оштукатурены по верхам. От усиленной топки для осушки штукатурки она треснула в момент торжества и произвела суматоху. Вот все, что могли найти после тщательного освидетельствования, - по крайней мере в первую минуту.

Когда все немного опомнились, зала представляла небывалое зрелище: опрокинутые стулья, побитые стекла в окнах, на полу платки, перчатки, на лицах следы только что испытанного страха. Куда девалась напускная важность сановников... Министр закончил акт раздачею студентам медалей, но уже в другой зале. Затем все, посмеявшись сами над собой за свой испуг, благополучно разъехались».

«Министр приказал деканам наблюдать за преподаванием профессоров в университете, особенно наук политических и юридических. Последним ведено представить программы своих предметов, составив их так, чтобы «все ненужное или лишнее» было из них выпущено, но «не вредя достоинству и полноте науки».

В университете страх и упадок духа. Я присутствовал в заседании совета, в котором, между прочим, было читано предписание министра, чтобы ничто не печаталось от имени университета, что не сам университет издает. Да это же и не делалось! Очевидно, министр вербует факты для отчета государю: теперь конец года. Нужны пышные фразы, что приняты такие-то меры, сделаны такие-то распоряжения, запрещено то-то и т.д.

Между тем некоторые члены предложили вопрос: имеет ли право университет разрешать диссертации на ученую степень, что до сих пор он делал, придерживаясь смысла устава, и что принадлежит ему по праву. Ибо кто же будет цензуровать специальные сочинения, как не университет? Да притом разве университет не официальное место, и если ему не верить в этом, то как же верить в лекциях, где гораздо легче внушать мысли «опасные»? Некоторые члены, однако, порешили обратить это в вопрос и представить на разрешение министра. Я восстал против этого: самое сомнение в праве университета печатать самостоятельно диссертации обнаруживало преувеличенный страх, или, вернее, трусость, и совершенно ненужное уничижение, которое могло вредно на нем отразиться. Завязался спор. Приступили к собиранию голосов. За меня оказалось шесть, против меня одиннадцать. Любопытный факт, доказывающий, как настроены умы в университете».

«Университетский акт. Плетнев читал отчет за прошедший академический год, Срезневский - диссертацию по части русского языка и славянских наречий. Плетнев в своем отчете старался, сколь возможно, выставить пользу и безопасность университетского образования. Он искусно воспользовался некоторыми местами прекрасной статьи Порошина, на днях напечатанной в академической газете: «Об ученых торжествах». Статья эта написана с целью защитить университеты от посягательства татар, которые только теперь и думают о том, как бы остановить в России науку и искусство под предлогом, что она-то, наука, и виновата во всем, что творится на Западе. Статья Порошина произвела сильное впечатление на людей просвещенных. Подействовала ли она на невежд? Это было бы всего важнее, ибо в наши печальные дни невежды располагают ходом событий. Но они ничего не читают. На акте было довольно посетителей, много высшего духовенства, в том числе новый митрополит Никанор и знаменитый Иннокентий. Министр приехал почти к самому концу...

Актом, кажется, все остались довольны».

«Пробные лекции на должность моего адъюнкта при университете. Состязались четыре кандидата. Темою было: «О слоге вообще и о русских писателях, образовавших литературные школы в нашей словесности». Первый читал Лебедев - основательно, но крайне сухо. Второй - Сухомлинов: опять основательно, но в то же время умно и живо. На этих двух лекциях присутствовал и министр. Затем Введенский также выказал достаточно сведений, но изложил их неосновательно, непоследовательно, с наезднически-семинарским ухарством. Между прочим он очень неловко выразился, говоря о Ломоносове, что тот так много сделал «потому, что был мужик». Тимофеев говорил также очень хорошо. Общее мнение - кроме интригующих за Введенского - в пользу Сухомлинова и Тимофеева, и особенно склоняется в пользу первого».

«Читал в факультете мое донесение о диссертациях студентов, представленных на золотую медаль. Задача состояла в разборе Сумарокова, Фонвизина, Княжнина и князя Шаховского. Представлены три диссертации. Одна никуда не годится. Две превосходны. Авторы последних очень серьезно отнеслись к делу. Они написали много, а главное, умно, добросовестно - одним словом, прекрасно. Я потребовал у факультета по золотой медали для каждого. К счастью, нашлась одна в экономии: факультет и совет согласились на этот раз выдать две медали. Одна из этих диссертаций написана студентом IV курса Пыпиным, другая - студентом II курса Миллером».

«Недовольство моими лекциями в университете, которое я несколько времени ощущал, слава Богу, прошло. Я опять овладел собою, и это отражается и на моих слушателях, которые кажутся наэлектризованными. Аудиторию мою посещают даже студенты, не обязанные меня слушать, из других факультетов».

«Акт в университете. Я читал речь: "Об эстетическом элементе в науке". Получил много похвал и благодарностей, но иные жаловались, что я тихо читал. Какой-то архиерей, сидевший возле Авраама Сергеевича, заметил, что "речь очень хороша, но в ней мало религиозного". Верно, он ожидал услышать с кафедры университетской отрывок из Четьи-Минеи или Патерика».

«Попечитель очень со мною любезен. Недавно он посетил мою лекцию в университете; я говорил о Державине. Когда я кончил, попечитель сказал: «Я никогда не слышал литературной лекции столь основательной и изящной». Я сам о себе знаю только то, что все это время чувствую себя особенно одушевленным, - а мои лекции в университете - это часть моей души и та отрасль моей деятельности, для которой я сознаю себя всего больше приспособленным.

Вечером. Министр вернулся от государя. Я поехал к нему узнать, что там происходило. Государь был очень милостив. Грамота Московскому университету подписана с замечанием, что она очень хорошо написана. Записку о допущении в Московский и Петербургский университеты неограниченного числа студентов государь прочел внимательно, сказал, что он очень доволен здешним университетом, но разрешил принимать в оба университета сверх 300 еще по 50 только. Наследник, присутствовавший при докладе, вместе с министром просили еще увеличить это число. - Не опросите меня, - сказал государь, - довольно на этот раз. А там - посмотрим».

«Сегодня открытие восточного факультета в университете. Молебен, речи профессоров Попова и Казембекта, завтрак. Я был приглашен в качестве члена и делопроизводителя комитета, занимающегося устройством факультета, а главное - в качестве того, кому принадлежала первоначальная мысль открыть факультет вместо предполагаемого отдельного института».

«Диспут в университете, которому подвергся мой адъюнкт Сухомлинов, ищущий степени доктора. Оппонентами были я и Касторский. Автор защищал свою диссертацию «О литературном характере древней русской летописи». Тут много фактов. Защищался автор хорошо».

«Экзамен IV курса в университете. В словесности бывает так, что у кого нет природной способности к несколько возвышенному образу мыслей, тот мало дельного может тут сказать. Голые факты литературы без умного и обстоятельного анализа ничего не значат. Некоторые из студентов оказались хорошо мыслящими, но по крайней мере половина их кое-как плелась за высшими понятиями, путаясь и спотыкаясь».

«Акт в университете. Я читал отчет. Всеобщее, а со стороны многих даже жаркое одобрение. Я в отчете коснулся некоторых вещей, о которых в прежних отчетах не говорилось, да и не могло говориться. Между прочим всем понравился мой отзыв о Мусине-Пушкине».

«Читал сегодня по просьбе студентов и с согласия начальства речь студентам о цели и значении предпринятого ими «Сборника» и о литературных средствах достигнуть этой цели. Присутствовали ректор и многие из профессоров. Огромная зала (амфитеатром) была битком набита. Были и посторонние посетители. Прочитав до того лекцию, я чувствовал себя несколько утомленным, тем не менее импровизированная речь моя, хотя я сам и желал бы ее получше, была принята хорошо. Раздались аплодисменты, крики «браво», топанье ногами и т.д. Товарищи-профессора тоже весьма одобрили. Значит, дело можно считать удачным.

Цель моя была наэлектризовать юношей, возбудить в них благородное рвение к предпринимаемому ими делу, но вместе и воздержать их от непосильных стремлений во что бы то ни стало к авторской славе и внушить им уважение к общественному мнению. Я при этом случае припомнил им слова Талейрана, который сказал, что он знает кого-то умнее себя и Наполеона: этот кто-то — все».

«Новые колебания Авраама Сергеевича. На днях он сообщил князю Щербатову о слиянии Педагогического института с университетом как о деле решенном. А сегодня при случайной встрече со мной, жалуясь на бедность университета, заметил, что о слиянии этом и речи быть не может, что заведения не следует уничтожать и что государю это не понравилось бы.

— Но ведь, — возразил я, — вы сами, Авраам Сергеевич, были того мнения, что университет prepares лучших учителей, чем их давал до сих пор Педагогический институт; что закрытое заведение может образовывать ученых, а не учителей, которых гораздо вернее образует университет, где на умы действует не одна наука, но и жизнь.

— Да, это неоспоримо, — отвечал он.

— Ну, так на первом плане должна же быть польза, — продолжал я, — и если мы убеждены в ней, то и должны высказать свою мысль без уклончивости. Да и притом кто же думает об уничтожении Педагогического института? Дело идет не о закрытии его, а о соединении с университетом — соединении, которое усилит университет и улучшит самбе образование учителей. А чтобы тут не было никаких даже сомнений, то назовите: «Центральный педагогический институт при С.-Петербургском университете».

Эта идея пленила его. Он опять стал просить меня написать это. Конечно, все это одни слова».

«Диспут в университете. А. Н. Пыпин защищал свою диссертацию на звание магистра: «О русской повести». Оппонировали я и Срезневский. Я взял за главное основание возражений — недостаток результатов о рассуждениях молодого ученого. Не видно, какие черты умственной, нравственной и эстетической жизни русского народа выражаются в дополнениях и переделках повестей, зашедших к нам из Византии и с Запада. Но с этой стороны только и можно было отчасти поражать диспутанта. Все остальное было неопровержимо. Пыпин защищался отлично. Было довольно много публики».

«Своровано — и где же? Между студентами! Студенты издают сборник, для чего у них собраны деньги. Один из молодых редакторов захватил в свои руки пятьсот рублей: от них и след пропал. Сегодня был у меня один из профессоров и с горестью рассказал мне

это. Кроме того, он передал еще несколько других случаев, где студенты вели себя вовсе нехорошо. Да, это действительно и горько и обидно. Между тем попечитель, князь Щербатов, смотрит на все сквозь пальцы».

Никитенко, А. В. Дневник в трех томах. Т. 1: 1826-1857. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – С. 8-11, 13-14, 16-19, 23-24, 33-34, 40-41, 44-45, 55-56, 60-61, 65, 68-71, 87-88, 90, 98-99, 110-113, 117-119, 147, 168-170, 173, 178-179, 185, 189-190, 192-193, 196, 198, 213, 225-226, 232-235, 240-241, 247, 255-256, 278-279, 287-288, 314-315, 323, 342, 359-360, 375, 378, 394-395, 417, 435, 441, 456, 458-460, 463.

«У Валерьяна Никитича Вельбрехта собралось несколько человек бывших студентов С.-Петербургского университета разных выпусков для совещания о праздновании дня открытия его. Меня избрали председателем этого собрания, в котором и была составлена программа обеда. Я и князь Щербатов назначены председателями-хозяевами праздника, и мне же поручено написать речь к первому заздравному тосту в честь государя. День назначен 16 февраля...

Вот что случилось: бывшим студентам С.-Петербургского университета запрещено собраться вместе в память его основания и вместе пообедать. Причина тому, как говорится, покрыта мраком неизвестности. Сегодня я был у Вельбрехта: никто ничего не знает. Все участники предполагаемого праздника — а их могло быть человек до пятисот — чувствуют себя оскорбленными. Между тем москвичи, казанцы и харьковцы преспокойно отпраздновали себе свои дни. Князь Васильчиков полагает, что можно будет просить, что это еще переменится. Но я не знаю, желательно ли это: неприятное впечатление произведено, и праздник был бы холоден и лишен одушевления...

Оказывается, что запрещение нашего обеда есть мера общая, которая клонится к тому, чтобы вперед не было праздников в честь университетов или в честь каких бы то ни было общественных явлений. В Москве Кокорев хотел устроить какой-то огромный обед в честь эмансипации. Граф Закревский увидел в этом нехорошее и в таком виде представил сюда, вследствие чего последовало запрещение и кокоревского, и нашего обедов».

«Занятие в совете. Рассматривался проект устава университета. Курорга 2-й [Михаил Степанович] выходил из себя, доказывая, что историю нынче нельзя писать, не усвоив себе древних критик, и что ни один новейший историк ничего не значит в сравнении с Фукидидом. Ему говорили я и другие, что новейший историк должен знать и изучать древних историков, но что писать историю можно и даже должно не по их воззрениям и анализу. Он стоял упорно на своем и требовал, чтобы в распределении факультетских предметов по историческому разряду греческая филология считалась предметом не дополнительным, а обязательным. Совет почти единогласно решил противное, с чем согласился и попечитель, председательствовавший в совете.

Я назначен членом комиссии для окончательного рассмотрения университетского устава».

«Вечером до десяти часов в комитете, рассматривающем проект университетского устава. Это труд, кажется, как и многие другие подобного рода, на ветер. Такие улучшения университета, какие мы предполагаем, — чистая утопия. У нас нет еще твердого убеждения в том, что науке нужны и простор, и средства, и уважение ее интересов. Напрасно обрадовались некоторые, что вот, дескать, теперь настоящее торжество науки. Мы далеки еще от этого торжества. Оно наступит тогда, когда будут оказывать ей почести не на словах, а в сердцах; когда ее не будут считать только потребностью государства, а потребностью человеческой природы».

«Сегодня в городе на так называемой студенческой сходке, где студенты толкуют о своем «Сборнике» и об оказании пособия своим товарищам. Дело хорошее, особенно последнее, но, к сожалению, молодые люди упускают из виду главные предметы своих собраний и пускаются в рассуждения о предметах, для верного суждения о которых им следует еще серьезно поучиться и подумать.

Завтра совет университета — надо ночевать в городе. 4 августа начинаются приемные экзамены. Значит — конец антракту. Одевайся опять в доспехи и готовься к борьбе с людьми и событиями».

«Экзамены. Огромный прилив желающих поступить в университет. Большинство приготовлено дурно — неразвито, мало знаний. Много поляков, немцев, иностранцев. Эти еще лучше, так же как и те, которые учились в гимназиях. Но юноши домашнего приготовления — это серое полотно, вытканное перстами маменок под надзором мудрых папенок. Но я, кроме самых негодных, никому не затворил дверей в университет: при малом знакомстве с наукою у нас и то недурно, что будет побольше людей, которым она хоть сколько-нибудь западет в ум. Все-таки четыре года они будут слышать человеческие речи. Ведь они не провели бы их полезнее, не пошли бы учиться ремеслам, а полезли бы в чиновники, в офицеры.

Большая часть идет по камеральному отделению. Из 250 человек один нашелся охотник по историко-филологическому факультету».

«Заседание в совете университета. Плетнев грубо оборвал профессора Попова за то, что тот выразил свое мнение по поводу одного, впрочем неважного, дела. Но как у него громозвучный голос, то он выразил его этим голосом, впрочем, без всякой кому-либо обиды. Плетнев крикнул на него: «Что вы так кричите? Неужели вы этого не понимаете...» и пр. Это вызвало из уст профессора Попова ответ благородный, умный, твердый, которым он уничтожил Плетнева и заставил его замолчать».

«Студенты бурлят и накликают на университет беду. Произошла какая-то стычка с полицией. Обер-полицеймейстер жаловался попечителю на неприличное поведение студентов. Произошел взаимный обмен резкостей. Эх, господа студенты, не бережете вы ни университет, ни науку!..

Сегодня говорил со студентом Боголюбовым, который имеет влияние на своих товарищей. Старался внушить ему, чтобы он действовал на них в примирительном духе, склонял их к тому, чтобы они вели себя скромнее, больше думали о науке и не давали врагам университета поводов вредить ему в глазах государя и общества.

Дело о студентах производит много шума. Жаль. Это заставляет молодых людей придавать себе слишком много значения, все больше и больше отвлекает их от науки, которая должна одна всевластно царствовать в стенах университета».

«Был у попечителя Делянова. Говорили о предполагаемых публичных лекциях в университете в пользу неимущих студентов. Четыре профессора согласились читать лекции: Стасюлевич, Ценковский, Горлов и я. Попечитель это одобряет».

«Заседание в совете университета. Восточный факультет поступил очень неприлично с своим деканом Казембеком. Он в сентябре присудил ему читать арабскую словесность вместо заболевшего Тантави, а в октябре отдал этот предмет другому, в совете же отрекся, что так поступил. Между тем по справке оказалось, что все было, как сказано выше, и протокол подписан членами как следует. Совет высказался в пользу Казембека, который уличил больше всех восстававшего против него Мухлинского.

В совете прочитан проект о публичных лекциях при университете, предпринятых в пользу неимущих студентов Стасюлевичем. Горловым, Ценковским и мною. Я прочитал и

программу моих лекций, которая была тут же одобрена советом. Предметом моих лекций будет Державин».

«Сцена в университете. Сегодня в сборную залу явилась ко мне депутация студентов с просьбою подписать бумагу, в которой они обращаются к попечителю за защитой от полиции и солдат; у них с ними третьего дня произошла стычка на пожаре. Бумага гласит, что дело было так: студенты бросились спасать имущество своих товарищей в горящем доме; солдаты, составлявшие около пожара цепь, не только не пустили их туда, но, отталкивая, еще били их прикладами, к чему особенно поощрял солдат офицер, командовавший цепью. «Бей этих канальев!» — неоднократно повторял он.

Подписать бумагу я, конечно, не мог, но обещался поговорить с ректором. Студенты в страшном волнении. Но хорош ректор. Вместо того чтобы успокоить студентов и их направить, он-то и послал их к профессорам, а сам спрятался.

Наряжено следствие по делу о студентах.

Был у попечителя. Он в больших хлопотах по поводу студенческих дел. Я предложил ему следующую меру: составить из ректора и трех или четырех ассистентов-профессоров маленькую консульту для ближайшего сношения со студентами. Находясь в непосредственных и постоянных сношениях с ними, они, поддерживаемые авторитетом университета, гораздо лучше, чем инспектор, не имеющий на них никакого морального влияния, смогут предупреждать всякие нехорошие поползновения. Попечитель обещал переговорить об этом с министром.

Есть проект переодеть студентов в обыкновенное общее платье, чтобы они были наравне со всеми подчинены общей полиции. Конечно, это облегчит университет. Но, с другой стороны, это уже совершенно предаст этих бедных юношей во власть нашей грубой полиции».

«Собрание в университете профессоров, которые будут читать публичные лекции. Председательствовал попечитель. Ценковский отказался, потому что ему много труда от публичных чтений в Пассаже. Наши лекции откроются после 15 января, по вечерам, от половины восьмого часа. Каждая будет продолжаться час. Я взял для себя четверги. Каждый прочтет по своему предмету три лекции. Я со Стасюлевичем, впрочем, решаемся и на четыре, если предмет не истощится и в публике будет видно желание нас слушать».

«В университете вывешено повеление, воспреещающее студентам аплодировать профессорам на лекциях и вообще изъявлять свое одобрение или неодобрение».

«Дело студентов, побитых солдатами по приказанию командира на пожаре, исследовано особою комиссией, назначенною по высочайшему повелению. Оказалось, что студенты ни в чем не повинны. Они действительно только спасли имущество товарища, квартира которого горела. Комиссия заключила, что единственное виновное в этом деле и подлежащее суду лицо есть офицер, который действительно дал приказание солдатам бить прикладом студентов, когда те обратились к нему с жалобой на то, что один солдат ударил или толкнул их товарища».

«Сегодня совершилось двадцатипятилетие моей профессорской деятельности. Итак, я уже эмерит! Совет университета в следующее заседание рассудит, оставаться ли мне еще на пять лет профессором. Как скоро прошли эти двадцать пять лет! Пошлое восклицание! Его повторяют все миллион раз. О жизнь! Что ты и какое твое назначение?..

У меня был один из моих четверговых слушателей. Он выражал мне свое удовольствие и пересказал мне все содержание лекции. Значит, я что-нибудь сказал, что не потерялось в

воздухе. Может быть, и так, но я сам недоволен, недоволен, тысячу, миллион раз недоволен...

Между студентами ходит лист с именами тех профессоров, которых они хотят выжить из университета».

«Я избран вчера советом в профессора еще на пять лет. Получил тринадцать утвердительных шаров против десяти отрицательных. Видно, сильно поработал Плетнев, чтобы на меня упало столько черных шаров. Странное дело! Откуда взялось у меня в университете десять врагов? Правду сказать, я этого не ожидал. И ведь ни одного из них нет, решительно ни одного, который не расточал бы мне всевозможных любезностей, и ни одного, с которым бы я не был по крайней мере в хороших товарищеских отношениях».

«Вечером совет в университете и комиссия о приготовлении в университете учителей взамен тех, каких давал закрывшийся Педагогический институт. И это собрание походило на большинство наших собраний, которые представляют из себя нечто, похожее на жидовский кагал. Один хочет говорить и не хочет позволить этого другому, а как этот другой того же хочет и все хотят того же, то поднимается крик, от которого трещат уши, болит голова и от которого одно средство — бежать, что я на этот раз и сделал.

В совете был спор между Кавелиным и юридическим факультетом. Кавелину хочется определить в университет своего приятеля Утина, и для этого он предлагает учредить новую кафедру всеобщей истории положительных законов. Факультет ему доказывает, что этой науки нет, а Кавелин утверждает, что хотя и нет, но ей следует быть. Ему опять возражают, что из того, что следует быть, еще не следует то, что она есть. Он продолжает свое. Он ссылается на немецких и французских авторов, благоприятствующих, по его заявлению, защищаемой им кафедре. Ему доказывают, что он цитирует фальшиво и т.д. и т.д. А совет должен решить, кто прав, кто виноват. Надо, однако, сказать, что Кавелин как-то младенчески утопичен и либерален. Он принадлежит, впрочем, к числу тех либералов, которые хлопочут о свободе с тем, чтобы все были свободны от деспотизма того, другого, но не от деспотизма их самих. Этот последний они считают вполне законным и за свободу повиноваться ему они на все готовы».

«Вчера был публичный диспут между профессорами Костомаровым и Погодиным. Один защищал происхождение Руси из Литвы (Жмуди), другой — из Скандинавии. Диспут происходил в большой университетской зале, и народу собралось великое множество. Студенты разражались неистовыми рукоплесканиями, преимущественно в честь Костомарова.

Какая в этом споре животворная истина? Никакой. Но тут было зрелище, и толпа собралась. Нехорошо, что брали с нее деньги. Положим, что это в пользу нуждающихся студентов. Но, право, нехорошо штуками возбуждать общественную благотворительность в их пользу, да еще в стенах университета. Говорят, хорошо, что публика делается участницей умственных интересов. Да разве это участие в умственных интересах? Тут просто зрелище, своего рода упражнение в эквилибристике. По поводу этого диспута князь Вяземский разрешился следующей удачной остротой: «Прежде мы не знали, куда идем, а теперь не знаем и откуда»».

«Поутру у Ребиндера и у Делянова. Все по вопросу о кафедре философии в университете. Я настоятельно представлял тому и другому о необходимости поступить как можно осторожнее в этом деле. Всего лучше бы самую программу конкурса отстранить домогательство некоторых господ искателей, которых сует к нам в университет

партия великих ультрапрогрессистов, не заботясь о том, что эти философы перевернут кверху ногами мозг в головах наших юношей. Таковы, например, Лавров и Н.Н.Булич. Последний обладает весьма небольшими способностями, но большими претензиями на популярность, которую рассчитывает приобрести распространением новейшей философии немецких материалистов, но, конечно, в непереверенном виде. Первый человек не без ума и дарований, но с головы до ног материалист, необузданный гонитель всего, что было, есть и даже будет завтра. Красным сильно хочется, чтобы он занял у нас кафедру философии, но этого не следует допустить. Я предложил Делянову мысль, чтобы в программе конкурса было прямо объявлено, ссылаясь на закон, чтобы ищущий профессуры имел степень магистра или доктора. А если никто из таковых не явится? Уж лучшие мы года четыре пробудем без философии, пока не приготовим кого-нибудь из студентов заграничным образованием. Это зло меньше, чем то, если преподавание столь важного предмета попадет в руки ненадежные или недобросовестные».

«Акт в университете, неожиданно окончившийся большой демонстрацией со стороны студентов. Костомаров должен был читать речь. Он написал род биографии К. С. Аксакова. Министр отменил чтение этой речи. И вот теперь, по окончании акта, в зале вдруг раздались крики: «Речь, речь Костомарова!» Крики сопровождались топаньем, стуčanьем и скоро превратились в дикий рев. Начальство скрылось. Один инспектор, как тень, бродил по коридору. Ко мне обратилось несколько благоразумных студентов с просьбою, чтобы я уговорил ректора Плетнева прийти и образумить как-нибудь расхोлившуюся толпу. Я пошел к ректору и застал его встревоженного, но он тотчас же согласился идти. Я отправился вслед за ним, видел, как он вошел в толпу, но за шумом ничего не мог слышать. Между тем я увидел жену его, бледную, испуганную, в сопровождении двух студентов. Я предложил ей руку и увел ее. Немного спустя к нам вернулся ректор, и я уехал домой. Прескверное дело! Молодежь теряет всякий смысл... Не будем слишком сетовать на те нелепые стремления, которыми волнуются люди нашего времени. Это безумие, но только одним безумием люди вразумляются в чем-нибудь умном. Надо противодействовать безобразным порывам, исполняя требования разума, даже и не питая надежды на успех. Во всяком случае ты, может быть, сможешь хоть сколько-нибудь умерить последствия зла, если не силу самого зла... Разговор с графом Адлербергом о том, что произошло на университетском акте. Защищать поступки студентов я по совести не мог, но сказал, что здесь, во всяком случае, нужна умеренная строгость. Главная причина всему — неразвитость нашего юношества, которому поэтому и надо больше учиться и проч... Как спасти наши университеты от грозящей им полной деморализации? Ведь в них вся наша сила, все наши надежды на будущее! Сегодня в сборном университетском зале были разные толки о происшествии на акте. Я высказал некоторые истины начальству, но, к сожалению, оно лишено возможности действовать с энергией и с достоинством. Да и министр не лучше в этом отношении. Некоторые из профессоров готовы даже защищать поступки студентов. С одним я сильно сегодня спорил. Ах, господа! Нет, не любовь к юношеству и к науке говорит в вас, а только стремление к популярности среди студентов. Вместо того чтобы читать им науку, вы пускаетесь в политическое заигрывание с ними. Это нравится неразумной молодежи, которая, наконец, начинает не на шутку думать, что она сила, которая может предлагать правительству запросы и контролировать его действия».

«Заседание в факультете. Дело о суде над студентами, о котором мне уже говорил Делянов, принимает нехороший вид. А все профессора, добивающиеся у студентов популярности и не руководящие, а подстрекающие их. Тут виноват Спасович. Всякий деспотизм скверен. Но деспотизм анархический еще несравненно хуже монархического.

Судьба наших университетов должна бы обратить на себя внимание наших мыслящих людей и общества, если бы они способны были заниматься такими безделицами. Университеты наши, очевидно, клонятся к упадку. Юношество в них деморализовано; профессора лишены всякого значения... Многие кафедры пусты, другие скоро будут пусты, и нечем их заместить, потому что молодые даровитые люди службе университета предпочитают другие карьеры, — одним словом, полное оскудение. Право, никогда еще, кажется, даже при Николае I, в 1848 году, университеты наши не были в таком критическом положении, как теперь».

«Сегодня моя последняя лекция в университете. С первого апреля начинаются экзамены. Я простился со студентами, сказав им несколько приветливых, искренних слов. Они выслушали меня внимательно и учтиво — и этого довольно, так как в моих словах не было ни лести, ни одобрения их действиям».

«Экзамен в университете из русской истории. Надо отдать справедливость этим юношам: они прескверно экзаменовались. Они совсем не знают — и чего не знают? — истории своего отечества. В какое время? — Когда толкуют и умствуют о разных государственных реформах. У какого профессора не знают? — У наиболее популярного и которого они награждают одобрительными криками и аплодисментами [Костомарова]. Кто не знает? — Историко-филологи, у которых наука считается все-таки в наибольшем почете и которые слышат лучшими студентами, не знаю, впрочем, почему. Невежество их, вялость, отсутствие логики в их речах, неясность изложения превзошли мои худшие ожидания».

«Государь призывал к себе министра и объявил ему, что такие беспорядки, какие ныне волнуют университеты, не могут быть долее терпимы и что он намерен приступить к решительной мере — закрыть некоторые университеты. Министр на это представил, что такая мера произведет всеобщее неудовольствие, и просил не прибегать к ней. «Так придумайте же сами, что делать, — сказал государь, — но предупреждаю вас, что долее терпеть такие беспорядки нельзя, и я решился на строгие меры».

Министр растерялся совсем: он ни о каких мерах до сих пор и не думал, как будто все обстоит благополучно. Не счастливится в выборе людей нашему доброму, хорошему государю. Три года ежедневно на глазах у Ковалевского совершаются вопиющие скверности — и он до сих пор не мог себе представить, что тут надо что-нибудь предпринять...

В четверг в Совете министров происходили прения об университетах. Министр наш встретил страшные нападки на беспорядки, производимые студентами. Он ссылаясь на дух времени, но это не помогло. Государь назначил графа Строганова, Панина и князя Долгорукова рассмотреть записку министра о мерах, которые он предлагает. Собственно говоря, это значит подвергнуть министерство контролю и вверить попечение о делах его посторонним силам. Вот и дождался Евграф Петрович! Граф Строганов, между прочим, обратился к нему с вопросом: «Что сделали бы вы, если бы какой-нибудь профессор в вашем присутствии начал бы читать лекцию о конституции в России?»».

«Желая получить уяснить себе нынешние университетские дела, я поехал за сведениями еще к Кавелину. Оказывается, что университет, оскорбленный циркуляром министра, стал в оппозиционное к нему отношение, а затем уже в деле о выборе проректора не хотел исполнить требований его, отговариваясь тем, что никто не решается принять на себя этой должности. И прекрасно. В этом университет совершенно прав. Но мне кажется, нельзя так сильно настаивать на том, чтобы студенты выбирали своих депутатов для присутствия в университетском суде и в совещаниях по делам кассы.

Первое министр совершенно отверг, а насчет второго предписывает, чтобы выбор делал факультет».

«Всеми силами надо спасти университет от такого философа, как Лавров, которого известная партия всячески старается провести в профессора философии.

Продлись долго такое направление в нашем юношестве, наша молодая наука быстро станет увядать, и мы решительными шагами пойдем к варварству.

Вечером у попечителя. Искренно и откровенно объяснялся я с ним об университетских делах и нашел в нем человека вполне сочувствующего, благородного, рассудительного, горячо любящего и юношество и науку. Особенно много говорили мы о кафедре философии. Он вполне вошел в мои мысли и так же серьезно смотрит на это дело. На эту кафедру, более чем на всякую другую, требуется ученый с установившимся образом мыслей и глубоко, всесторонне изучивший свой предмет».

«Моя первая лекция в университете. Набралось много слушателей, которые казались внимательными и хорошо настроенными. Я чувствовал себя воодушевленным...

Заседание у министра из попечителя, Делянова и профессоров: Ленца, Срезневского, Воскресенского, Горлова и меня. Дело шло о некоторых вопросах, касающихся изменения университетского устава, определения доцентов, учреждение новых кафедр и проч.

Министр, между прочим, предложил странную меру: установить жалованье профессорам по часам, наподобие того, как это существует в корпусах и других заведениях, ибо профессора читают розно: один может преподавать восемь, а другой только пять часов. Все члены нашей комиссии восстали единодушно, не исключая и попечителя. Такое распределение жалованья должно подействовать очень вредно на дух сословия. С одной стороны, оно будет поводом для каждого добиваться большего числа часов, и это непременно возбудит антагонизм между профессорами, зависть, распри; с другой — превратит профессоров в поденщиков, получающих определенную плату за известную долю труда, а не вознаграждение за всю сложную, обширную и тяжелую деятельность, посвященную науке и образованию граждан. Тогда на каком основании отказать профессору в особой плате за всякое занятие по университету — за заседание в совете и в факультете, за экзамены, за рассмотрение разных сочинений и диссертаций и проч...

Вторая лекция в университете. Хотя я сам менее доволен ею, чем первую, она имела большой успех. Слушателей набралось такое множество, что многим не хватило места, и иные сидели даже на окнах...

Студентам запрещены сходки, но они сегодня опять устроили одну и сильно на шумели. Что-то сделает начальство? Удивительно, как некоторые становятся на сторону бесчинствующих студентов и готовы не только защищать, но и поощрять подобные проделки...

Между тем в университете продолжают беспорядки. Запрещены сходки, но они, вопреки запрещению, собираются. Студенты шумят и требуют отмены всяких ограничений. Они, как и крестьяне в некоторых губерниях, кричат «Воля, воля!», не давая себе ни малейшего отчета в том, о какой воле вопиют. А что делает правительство? — Воскликает: «О, какие времена, какие времена!» и налепливает на стенах в университете воззвания и правила о сохранении порядка, правила, которые часто срываются студентами и заменяются воззваниями и объявлениями другого рода. Словом, совершенный хаос. Об учении никто не думает.

Как помочь горю? И то и другое приходит в голову. Я думал бы на первый случай предложить следующую меру. Пусть бы составила комиссия из нескольких профессоров и в ней каждый из молодых людей, желающих учиться в университете, обязывался бы честным словом, что он вступает в него с единственной целью слушать лекции. Если же он и после того будет замечен в демонстрациях или в неповиновении

правилам университетского благочиния, то тогда он уже подвергается исключению из университета...

Печальный день. У министра. Он обратился к нам с маленькой речью, в которой приглашал содействовать ему в водворении порядка. Затем он толковал о необходимости и справедливости установления платы со студентов за слушание лекций. Но это мимоходом. А главное, нам тут же сделалось известным, что, вследствие беспорядков, произведенных вчера студентами, университет закрывается на некоторое время. Итак, свершилось! Худшие опасения осуществились. Университет закрывается, и не в силу обскурантских гонений, а вследствие внутреннего разложения, которое, ради обеспечения его дальнейшего существования, потребовало применения на время хирургического ножа. Это сильно поразило всех профессоров. Однако никто не выразил мнения, что эта мера не необходимая в настоящих обстоятельствах. Все, как говорится, повесили головы, не исключая и тех, которые немало, может быть, этому содействовали, поддерживая в юношах неосновательные стремления.

Вчера, кроме возгласов и диких речей против властей, юноши ворвались силою в большую залу, которая была с намерением от них заперта, переломали стулья, выломали дверь и побили стекла.

Сейчас от Филипсона (вечером в семь часов). Мы обменялись с ним мыслями относительно мер, которые следовало бы принять в университете. Он — славный человек; смотрит на вещи благородно и разумно, любит юношество и относится ко всему случившемуся с огорчением, но без раздражения. К сожалению, он не может действовать самостоятельно; он связан по рукам и по ногам.

— Знаете ли, — сказал он между прочим, — как трудно мне даже просто знать настоящее положение вещей в университете. Верные сведения обо всем я получаю от министра, а министр получает их из III отделения; III же отделение все знает через своих шпионов. Можете себе представить, как приятен этот путь!

Значит, подумал я, местное университетское начальство или так слепо, что ничего не видит, что делается у него перед глазами, или так неблагородно, что из трусости скрывает это — именно из трусости перед студентами. А между тем зло растет и выросло, наконец, до закрытия университета. Не выкинешь у меня из головы, что своевременное и единодушное воздействие на юношество профессоров и попечителя могло бы еще домашними средствами потушить пожар. Право же, гадко, до какой степени у нас нет характеров.

В четверть первого на улице, где я живу [Владимирская], показалась огромная толпа молодых людей с голубыми воротниками и такими же околышками на фуражках. За ними по пятам следовал отряд жандармов и масса народа. Толпа повернула в Колокольную улицу и стеснилась около квартиры попечителя университета. То были наши студенты, но кое-где мелькали между ними и партикулярные платья и мундиры офицерские и медицинских студентов. Я поспешно оделся и отправился на место действия. Туда спешил еще отряд пожарной команды. Здесь разыгрывалась нелепая и печальная драма студенческих буйств. Толпа пришла к попечителю требовать отмены разных университетских постановлений.

Когда я приблизился к квартире Филипсона, толпа сильно волновалась и неистово кричала посреди улицы. Жандармы ее оцепили. В хаосе криков нельзя было разобрать отдельных слов, но жесты, маханье платками, палками, шляпами свидетельствовали об исступлении, в каком находились молодые люди. Я с трудом пробирался по тротуару, который тоже весь был залит толпами студентов. Некоторые, по-видимому более умеренные, восклицали: «Господа, без скандала!» Другие испускали какие-то невнятные звуки. Небольшая группа смотрела на своих неистовствующих товарищей. Я обратился к ним и выразил сожаление о происходящем. Не знаю, искренно или притворно, они отвечали сожалениями же. Но когда я сказал, что такими выходами они вредят

университету и науке, мои слова подхватил один из крикунов и отвечал: «Что за наука, Александр Васильевич! Мы решаем современные вопросы».

Давка между тем до того усилилась, что я принужден был взобраться на паранет ограды, окружающей Владимирскую церковь, и кое-как добрался до квартиры Филиппсона. Его, разумеется, там не оказалось: он был на улице со студентами. Но я хотел успокоить его жену, которую, однако, нашел спокойною.

Наконец, после долгих — я думаю, с полчаса продолжавшихся — криков и смятения толпа двинулась к университету, и попечитель во главе ее. Я взял извозчика и отправился туда же.

Попечитель был уже в университете. Увидев меня, он обрадовался и попросил меня остаться, чтобы принять участие в комиссии, которая должна выслушать представления депутатов от студентов.

Между тем молодые люди нахлынули во двор и в швейцарскую университета; на улице тоже было их множество; народ наполнял все ближайшие места; кареты, дрожки пересекали мостовую. Все было в нестройном движении и ожидании.

Явился обер-полицеймейстер Паткуль, а вслед и генерал-губернатор Игнатъев. Вошли депутаты Михаэлис, Ген и Стефанович. Генерал-губернатор обратился к ним с речью, в которой выразил свое сочувствие юношеству вообще, но в то же время — твердую решимость препятствовать всякому со стороны студентов беспорядку вне стен университета. Речь его была бы вообще хороша, но ей, на мой взгляд, недоставало определенности. Затем он потребовал, чтобы студенты разошлись, но попечитель объявил о намерении наскоро собранной им комиссии выслушать депутатов. Тогда генерал-губернатор согласился подождать и вышел в другие комнаты.

Мы уселись перед зеркалом в зале совета, и депутат Михаэлис начал излагать желания от имени всех студентов. Желания состояли: а) в том, чтобы позволено было студентам пользоваться университетскою библиотекою во время закрытия университета, б) чтобы были отменены правила, которым студенты подчиняются по матрикулам.

Председатель, то есть попечитель, объявил им, что правила не могут быть отменены; что студенты, напротив, должны обязаться честным словом исполнять правила матрикул и в таком только случае им позволено будет вступить в университет. Если же они не хотят обязаться, то могут оставить университет: это совершенно зависит от их доброй воли. Это род договора, который университет заключает со своими слушателями. На это отвечал Михаэлис, что дать честное слово — они дадут, но исполнять его не будут. Я выразил мое удивление, что слышу такие слова из уст молодого человека, и заметил, что честным словом играть нельзя. «Что же, — отвечал он, — когда мы должны дать его по принуждению». Ему объяснили, что там, где предлагаются условия, принять или не принять которые зависит от воли каждого, принуждения никакого нет. По окончании заседания генерал-губернатор пригласил студентов разойтись. Однако они еще долго толпились в швейцарской, на дворе и у ворот университета. На ближайшей улице и на набережной теснились зрители всякого звания. Я вернулся домой поздно вечером, сильно огорченный и измученный.

Опять волнения среди студентов. Ночью арестовали некоторых из них. Вследствие этого толпа молодых людей — человек в шестьсот — собралась на университетский двор. Тут говорились возбудительные речи. В толпу ворвалась также какая-то женщина и тоже что-то говорила. Шум все возрастал, сумятица усиливалась. Об этом дано было знать генерал-губернатору, и по его распоряжению выдвинут был батальон Финляндского полка, который составил каре на улице против университетских ворот. Приехал сам Игнатъев. Из толпы выдвинулось шесть студентов. Они подошли к Игнатьеву и заявили ему о своем желании отправиться в качестве депутатов к министру просить его за своих арестованных товарищей. Им отвечали, что министр

никаких депутатий не принимает. Затем, по настоятельному требованию генерал-губернатора студенты разошлись.

Все это сообщил мне попечитель.

Заседание в Академии. Оттуда пошел в университет. Здесь мне представилось очень грустное зрелище. У входа с Невы толпились студенты — не в большом количестве, человек пятьдесят. Двери университета перед ними не раскрывались. Юноши смотрели как-то пасмурно и уныло, но были спокойны, не шумели. Они казались детьми, которые, напроказив, пришли к своей матери, но мать их отвергает. Она лежит неподвижно, как будто в обмороке. В швейцарской отряд солдат. Невыразимо жаль бедных детей и горько за оскорбленную мать. Вернулся домой с стесненным сердцем. Нервы шалят. За мной присылал Филипсон. Несмотря на усталость, я тотчас пошел к нему. Он объявил мне, что я, по распоряжению министра, назначаюсь депутатом от университета в комиссию для исследования происшедших беспорядков»

Эх, не хочется! Тут много предстоит трудностей и неприятностей, а здоровье плохо. Но как гражданин, как настоящий честный друг учащейся молодежи, я не имею права, жалея себя, отказываться от дела потому только, что оно трудно и неприятно.

В шесть часов я был у генерал-губернатора. Он встретил меня сожалениями о случившемся. Я выразил надежду, что на молодых людей не станут же в самом деле смотреть как на государственных преступников. Это — дети, и отношение к ним власти может быть только отеческое. «Бог милостив, все кончится благополучно», — ответил генерал-губернатор. Потом он сказал еще, что многие порицают его распоряжения, а между тем этим распоряжениям обязаны, что не было пролито крови. От генерал-губернатора я поехал к министру и сообщил ему, что я в восемь часов должен быть в крепости, где соберется комиссия.

В восемь часов в крепости. Не все члены собрались. Мы не могли приступить к делу, потому что не имели никаких данных, на основании которых могли бы приступить к допросу задержанных юношей, то есть у нас не было строго определенных сведений, за что они взяты и в чем их обвиняют. Мы составили протокол, в котором положено требовать этих сведений от кого следует, и затем разъехались. На первый раз не много. Общая растерянность и непоследовательность бросаются в глаза.

Но находившиеся налицо члены все показались мне людьми порядочными. Они далеки, по крайней мере все так высказались, от мысли обвинять и преследовать заблудших молодых людей как государственных преступников. Дай-то Бог! Это значительно облегчит наше дело, дело не только правосудия, но и милосердия.

Комендант говорил тоже в тоне простого и добродушного человека.

Студентов всего забрано тридцать семь. Один из них заболел и отправлен в больницу. Часу в десятом вечера ко мне явились члены университета Спасович, Березин и Павлов просить меня сложить с себя звание депутата, потому, говорили они, что тут требуется юрист, член юридического факультета. Само собой разумеется я не спорил, тем более что в их словах, если не в намерении, есть доля правды. Умы раздражены, и, в случае неблагоприятного исхода дела, министерство могут действительно упрекнуть в том, что оно выбрало депутата не из юристов. Так. Но, с другой стороны, смотрите, господа, не пересолите. Увлеченные волной ходячего либерализма, вы ни в ком не допускаете спокойного и нелицеприятного отношения к делу. Вы вольны в вашем недоверии. Но требуя для юношей защитника, вооруженного не только здравым смыслом, любовью к правде и состраданием к неопытной молодежи, но еще и всеми ухищрениями юридической науки, вы как бы усиливаете значение их вины и из провинившихся детей возводите их в ответственных преступников. В таком случае вы правы: дело может так усложниться и принять такие размеры, что действительно окажется мне не по силам. Я завтра попрошу министра уволить меня по расстроенному здоровью.

Подав просьбу министру об увольнении меня от звания депутата следственной комиссии о беспорядках в университете. На место меня назначил он Горлова. Он не хотел никого другого из юристов, ни Спасовича, ни Андреевского. Он сильно негодовал на адрес, поданный ему сегодня за подписью профессоров о ходатайстве за студентов, сидящих в крепости. Я не мог его подписать, потому что еще состоял депутатом и в этом качестве не должен был принимать участия ни в каких демонстрациях. Иные просто хотели бы сделать из университета политический клуб, да уж почти и сделали это».

«Я предполагал бы: 1) раз что университет закрыт — не открывать его некоторое время; 2) тем временем составить комиссию из людей истинно просвещенных; пригласить туда в виде экспертов ну хоть двух профессоров и двух академиков и возложить на эту комиссию изыскание средств к лучшему устройству наших университетов, сообразно требованиям времени и состоянию государства, и начертать правила нового устава и 3) тогда начать, благословясь, дело новое».

«Есть одно обстоятельство, которое производит страшную путаницу в умах: это страшные лжи, которые разносятся по городу недобросовестными прогрессистами о всяком происшествии, о всякой мере правительства. Все это до такой степени искажается, что и людей умеренных невольно вовлекает в усиленную оппозицию. Я беспрестанно принужден бываю опровергать нелепейшие вымыслы этого рода перед людьми, которые готовы поверить им. Так, например, распространен слух, что у студентов начальство насильно отняло их кассу, которую они собрали для пособия нуждающимся своим товарищам; что им запрещено посещать лекции других профессоров, кроме своих факультетов; что во время смятения двадцать пятого сентября солдаты били студентов прикладами, а жандармы преследовали их с обнаженными палашами и проч. Право, правительству следовало бы позаботиться о том, чтобы закрыть уста клевете. Для этого одно средство — гласность. Пусть бы правительство о всяком необыкновенном происшествии печатало небольшие извещения без дальних рассуждений, но с точностью излагая факты и опровергая ложные слухи. Для этого можно бы избрать хоть академические «Ведомости» или «С.-Петербургские ведомости».

Около университета опять толпятся студенты и собираются массы всякого народа. Приведены в движение войска. В здание университета никого не пускают. Кажется, не подлежит сомнению, что студенты — ягнята, которых направляют сторонние силы — не настоящие пастухи, а волки в пастушьем платье».

«Встретил одного приятеля [И.А. Гончарова], который советовал быть осторожным. Вчера он обедал в клубе и слышал, как некоторые порицали меня за то, что я не одобряю подвигов студентов. — «А вы их одобряете?» — спросил я его. — «Нет», — отвечал он. — «Значит, и вас порицали?» — Он замялся.

Совет университета. Происходил выбор членов университетского суда. Я получил только два голоса. Видимое неблаговоление ко мне большинства. Но это меня не удивляет и больше уж не огорчает: я прямо заявил себя против этого большинства в студенческих беспорядках, следовательно, вполне естественно, что они, со своей стороны, против меня. Но гнусное лицемерие иных способно было бы меня раздражить, если бы я менее знал, а подчас и презирал человека. Эти люди с вами заодно на словах, вместе с вами порицают демагогические порывы и замашки противной партии и в то же время склоняются перед ней, готовы покинуть вас одного среди самого жаркого боя и обратить тыл, да еще выдать вас головою, — и все это из подлой трусости, готовности служить вашим и нашим.

Хорошо и начальство: сегодня сделает шаг вперед, а завтра отступит на два назад, и наоборот. Оно выдержанно только на словах, на деле же действует без всякой системы. Попечитель предложил нарядить комиссию об изыскании способов, облегчить студентам плату, взимаемую с них при поступлении в университет. Доброе дело, и за него я всей душою. Но если затем последует отмена матрикул, то я буду против этого. Все члены университета ультрапрогрессисты сделались врагами моими за то, что я не одобряю поступков студентов и вообще восстаю против принципа, который предоставляет студентам право требовать отмены каких-либо постановлений. Эти господа следуют обыкновенной демагогической тактике: лгут, клеветают, приписывают мне мысли, каких я никогда и не имел; слова, каких никогда не произносил. Опять был у меня сегодня мой приятель, и мы долго с ним беседовали. Он, по своей неизмеримой лени и апатичности, по своему политическому и нравственному индифферентизму, советовал мне быть и так и сяк. Но этот способ, очень смахивающий на двуличность и подлость, я считаю для себя непригодным. Да притом в настоящее время это легче советовать, чем исполнять. Конечно, безопаснее идти туда, куда ветер дует; но ветры нынче дуют разные и даже противные друг другу. В такое время всякий честный деятель обязан определиться, быть чем-либо, а не всем, то есть ничем.

Итак, да, я не одобряю стремления молодых людей и моих товарищей взять нахрапом то, что должно быть взято твердым и разумным заявлением общественных нужд. Для нахрапа еще не пришло время...

Все орет, шумит, вопит, ругает первого, чье имя подвернется под язык, — вот вам и общественное мнение. Что к студентам, забранным в крепость, питают сочувствие; что желают их освобождения; составляют проекты адресов и петиций в их пользу; собирают деньги на уплату в университет за неимущих студентов — все это естественно, справедливо и гуманно, как ныне говорится. Но зачем же искажать факты и представлять в ложном свете мысли и поступки людей, намерения и характер которых определились целою жизнью их, — и это на основании нескольких лживых слов какого-нибудь уличного либерала.

Зачем, например, говорить, или, лучше сказать, кричать, что я враг студентов, что я действую против них? Я-то, всю жизнь посвятивший им и укреплению науки! Уж сказать бы лучше, что я собственными руками забираю по ночам юношей под арест и т.д. И это только потому, что я не одобряю их демонстраций на улицах и площадях; что я в совете не разделял мнения большинства относительно матрикул, имея в виду важность момента, когда по городу ходят возмутительные прокламации и открыта целая шайка, готовая подстрекать чернь к резне. Я находил и нахожу, что профессору выказывать сочувствие к уличным агитациям и неразумным требованиям студентов — значит вредить им же самим. Нет! Мне надо было не отставать от Кавелина и именно так действовать. Не детская ли это игра в революцию и либерализм? Не значит ли это поддерживать в студентах опасный для них дух агитации, политических претензий, вместо того чтобы заставлять их учиться? Не значит ли это неопытные и еще не созревшие умы юношей растлевать и делать их слепыми орудиями политических предприятий, которых они сами обсудить еще не в состоянии? Не значит ли это предупреждать и искусственно разпалать страсти?..

Что забирают студентов, что их держат в крепости вот уже больше 10 дней, я совершенно этого не одобряю. Но, с другой стороны, надо знать, в каком состоянии дело о Михайлове, о прокламациях и не замешаны ли здесь наши студенты. Это было бы просто ужасно.

Начальство, как и все прочие у нас, тоже очень склонно к несообразностям. Но все-таки из этого не следует, чтобы я одобрял принцип ниспровержения всякой власти, всякого авторитета правительства. Оно необходимо должно начать серьезные реформы; я бы даже стоял за созвание великого земского собора, но, конечно, без участия студентов,

которым надо учиться и пока только учиться, если они хотят впоследствии участвовать в решении судеб своего отечества.

Филипсон передал мне просьбу министра составить записку о преобразовании университетов. Я передал Филипсону свои соображения по этому поводу и обещался изложить их в особой записке.

В двенадцать часов попечитель собрал совет университета. На обсуждение предложен был вопрос: какие меры принять, чтобы при предстоящем открытии университета не повторились скандалы, подобные бывшим. Последовали нескончаемые словопрения о том, что правила матрикул требуют изменений и что только под условием этих изменений можно ожидать, что в университете все будет мирно и тихо. На это попечитель, разумеется, не мог согласиться. Наговорено было много всего. Иные, как например Андреевский, пускались в юридическую схоластику и даже прибегали к юридически крючкотавым придирам. Кавелин толковал о необходимости дозволить сходки, сравнивая их с общинами и артелями. А сходки между тем запрещены высочайшею властью.

Словом, дело, которое попечитель хотел уладить или устроить, вызывая к благородному содействию членов университета, не только не уладилось и не устроилось, но запуталось больше и затянулось в узел, который развязать теперь нет возможности и впереди предстоит уже разве только рассечь авторитетом власти. Кавелин предложил следующий компромисс: объявить, что студенты получают желаемое не сейчас, а когда заслужат это хорошим поведением. Я согласен, чтобы было объявлено, но не это, а то, что университеты вообще будут преобразованы, и тогда многое, без сомнения, изменится. Особенно удивительным или, лучше сказать, вовсе не удивительным, а вполне свойственным ему образом вел себя Плетнев. Во-первых, он ни к селу ни к городу сказал длинную речь о любви, сопровождая ее сентиментальными возгласами и ужимками, похожими на движения и мурлыканье кота, когда он к кому-нибудь ластится. Плетневу, видимо, хотелось угодить большинству, чтобы и волки были сыты и козы целы. Но вот что просто непостижимо: он упомянул про скандал на акте. Казалось бы, это не слишком говорит в пользу сходок и вообще поведения студентов. Но умысел тут был другой. Ему хотелось показать, что он любовью смирил в тот день студентов и велел им разойтись. Но зачем же он скрылся при начале скандала и вернулся уже спустя долгое время после того, как я с некоторыми студентами пошел за ним на его квартиру? Зачем явился он только к концу скандала, когда публика уже разошлась и студенты уже надрали себе горло, крича: «Речь, речь Костомарова!» И как он усмирил студентов? Объявив им, что речь все-таки будет прочитана в собрании студентов, то есть сделав именно то, что они дерзко требовали.

Заседание совета продолжалось два часа и, разумеется, кончилось ничем.

Сегодня открыт университет. Караул в швейцарской снят. Но казарменный запах до того заразил воздух, что с трудом можно дышать тут: запаха этого не выведешь, я думаю, и в месяц. Студентов собралось очень немного. У меня на лекции было четыре человека, у Благовещенского два, у Ленца тоже человека три, у Косовича ни одного. Я прочитал лекцию с жаром и одушевлением, как ни в чем не бывало. Мои немногочисленные слушатели следили за ней с обыкновенным своим вниманием. Я ими был совершенно доволен, да и они, кажется, мною.

Между тем небольшие толпы студентов скитались то у главного входа, то у малого с Невы, как души грешников у порога рая, в который им воспрещен вход. Это, кажется, были те, которые не подали просьб и не приняли матрикул. Говорят, что они похаживали тут с умыслом затеять опять какую-нибудь демонстрацию.

Итак, первый день открытия университета, которого так боялось начальство наше, прошел благополучно. Каковы-то будут последующие?»

«Около двенадцати часов я опять отправился в университет, где мне следовало читать лекцию.

Около малого входа все еще стояли студенты; около них несколько человек городской стражи. Я пошел наверх в свою аудиторию. В коридоре собралось десятков пять студентов около ректора, и он что-то им проповедовал. Между тем жандармы оттиснули от главного входа толпу студентов человек в полтора ста и загнали их в университетский двор, откуда под конвоем человек сто из них было отведено в крепость. Вот в чем состояло дело: человек около семисот приняли матрикулы и объявили, что они желают слушать лекции на основании тех правил, какие в матрикулах изложены. Не подавшие об этом просьб, — а их по городу рассеяно человек триста, — решились отправиться гурьбой к университету, выманить оттуда как-нибудь принявших матрикулы, напасть на них, вырвать у них несчастные матрикулы и тут же, у порога университета, уничтожить. Этому хотела воспрепятствовать полиция, и дело кончилось отведением в крепость большей части этих антиматрикулистов. На лекции явилось очень немного студентов. Большая часть из них, предвидя скандал, не пошла на лекции из опасения подвергнуться неприятностям от товарищей противной партии. У меня было, однако, более, чем вчера, и лекция состоялась без малейшего нарушения порядка, как всегда».

«В сегодняшних «Санкт-Петербургских ведомостях» изложены университетские события. Описание сделано в очень умеренном духе. Некоторые обстоятельства не в пользу студентов смягчены, другие совсем выпущены, например то, что депутаты требовали отмены матрикул от имени всех своих товарищей и что большинство положило не исполнять честного слова относительно исполнения правил матрикул — хотя бы и дав его. Всему этому я сам был свидетель».

«На лекции сегодня у меня было человек шесть слушателей. В других аудиториях еще меньше. Некоторые профессора совсем не читают лекций, потому что не для кого читать...

На лекции у меня было студентов пять, у других и того меньше. У Срезневского, например, три. Всего посещающих лекции 75 человек, а подавших просьбы около 700. Отчего же они не ходят в университет? Это большей частью юристы, то есть самая беспокойная часть студентов. Едва ли они не решились держаться системы пассивного сопротивления, по примеру Венгрии. У нас везде и во всем подражание. Матрикулы они взяли, просьбы подали, но тем не менее хотят оказать безмолвный протест. Долго ли это продлится и чем кончится?

Никак не могу себя убедить никакими логическими доводами уважать это общественное мнение. Все точно объелись дурману. Все на студентов смотрят как на мучеников. Их дерзость, неповиновение закону и власти считают геройством, а правительство позорят всеми возможными способами. Клевета, выдумки, искаженные факты составили какой-то мутный водоворот, который уносит и крутит в себе и старого и малого. Ни одного суждения умеренного, основательного, ни малейшего желания дойти до истины. Кричат, шумят, вопиют, как сумасшедшие или пьяные. Чего же они хотят? Конституции? Так это бы и говорили. Тут все-таки был бы какой-нибудь смысл. Нет, просто беснуются...

Некоторые студенты хотели замешать в свои демонстрации и войско. Они ходили по казармам и подстрекали солдат к восстанию, распространяя между ними, по «Великоруссу», мысли об уменьшении срока службы и проч. По мнению означенных студентов, солдаты должны добиваться этого с оружием в руках, и им станут помогать студенты и все хорошие люди. Вот оно куда пошло! И находятся зрелые люди, которые выражают сочувствие к таким демонстрациям...

Вечером еще 25 сентября приходил ко мне один студент, который на мои слова, что надобно учиться, а не делать глупостей, отвечал, что отныне не наука должна занимать студентов, а современные вопросы...

Студенты, взявшие матрикулы, но не являющиеся на лекции, подбросили в университете четыре записки с ругательствами на тех своих товарищей, которые посещают лекции. Швейцар Савельич с прискорбием мне говорил, что некоторые из студентов (смутников, как он их называет) бродят по коридорам и уговаривают товарищей не ходить на лекции.

Впрочем, немудрено, что университет пуст. Большая, самая многочисленная, часть студентов принадлежит к юридическому факультету, а профессора этого факультета сговорились не являться на лекции. С ними заодно Спасович и Кавелин. Это особенно питает дух оппозиции в студентах».

«Вечером заседание у министра. Совещались о преобразовании университетов по поводу проекта барона М.А.Корфа. Он предлагает сделать университеты совершенно открытыми для всех и каждого, через что уничтожается самое имя студентов и таким образом прекращается их корпоративное значение. Не будет переводных экзаменов и курсов, — словом, университеты лишаются своего школьного характера. Я подал голос в пользу этого проекта, полагая, что в настоящее время это чуть ли не единственное средство борьбы с корпоративным духом молодых людей в университетах. Дух этот в своем настоящем виде такое глубокое и опасное зло, что я не считаю излишними никакие жертвы для его ослабления. Плетнев говорил в таком же духе, а больше и сильнее всех — Савич. Министр возражал, что он сомневается в действительности этих средств, и защищал переводные экзамены. Но все остальные были решительно в пользу проекта, предложенного бароном Корфом. Делянов тоже сильно поддерживал нас. Министру, видимо, не хотелось согласиться с Корфом...

Лекция в университете. Слушателей человек двенадцать.

Кавелин подал в отставку. Это по крайней мере честнее, чем не читать лекций.

Делянов говорил мне, что министр не склоняется на меру, предложенную некоторыми членами университета в заседании у него в понедельник...

На лекцию не явилось ни одного студента. Так как с самого открытия университета студенты филологи постоянно посещали аудиторию, то в большем, то в меньшем количестве, то их отсутствие в настоящем случае не является ли демонстрацией, уже лично против меня направленной? В продолжение всей моей университетской деятельности это был бы решительно первый случай. Но не надо ни этому удивляться, ни этим огорчаться. Деморализация в нашем университете так велика, что всего можно ожидать. Однако, кажется, и у других профессоров нашего факультета тоже никого сегодня не было.

Сегодня студенты опять не явились на лекцию ни ко мне, ни к другим профессорам нашего факультета».

«Студенты опять произвели скандал в университете. Они там собрались в кучу и о чем-то рассуждали или что-то читали. Помощник инспектора Шмидт, подозревая или видя в этом сходку, просил их разойтись, на что они отвечали грубостью. Увидев между ними одного, не принадлежавшего к тем, которые взяли матрикулы и следовательно получили право посещать университет, он взял его за руку и спросил: «А вы зачем здесь?» Тогда на бедного Шмидта посыпались удары, его сбили с ног, то есть окончательно прибили. По этому поводу наряжается из профессоров суд, и мне приходилось быть его членом и чуть ли не председателем, как старшему. Я просил меня уволить от этого, потому что я страшно теперь занят газетою и приготовлением академического отчета. Выбрали от нашего факультета Штейнмана и Сухомлинова...

Опять говорилось с Брадке о неизбежности нового закрытия университета. Мнимое открытие его производит только скандал. Никто из студентов не ходит на лекции; прежде человек 50 являлось, а теперь решительно нет никого...

В комиссии сильные прения по поводу двух вопросов:

- 1) допустить ли женицин к слушанию лекций или нет, и
- 2) о плате за студентов. Первый вопрос большинство решило отрицательно. О втором прения еще не кончились. Мало, однако, сочувствия облегчению платы. Я стоял за смягчение, особенно в отношении к способным бедным людям...

Высочайшее повеление о закрытии С.-Петербургского университета. Фактически он был уже закрыт самими студентами, которые не посещали лекции».

«В Думе некоторые профессора собираются читать лекции, говорят, по желанию бывших студентов. На это уже получено разрешение...

Мне кажется, Головкин сделал большую ошибку, открыв университет в Думе. Он этим только как бы утвердил в юношах мысль, что учиться можно налегке, на бегу, в публичных собраниях, а не в школе, не в университете. Это опасный шаг по направлению к легкому, поверхностному знанию, вместо серьезной науки, в которой мы чувствуем такую настоятельную потребность...

Толки о происшествии в думской зале на лекции Костомарова. Вот что случилось. После высылки Павлова в Ветлугу между профессорами, читавшими лекции в Думе, и бывшими студентами последовало соглашение о прекращении лекций. С этим не согласились Благовещенский и Костомаров. Последний явился в положенный час на лекцию. Его приняли дурно. Он сказал речь к собравшейся толпе, где объявил, что он не намерен быть гладиатором в потеху тем, которые собираются для зрелища и демонстраций, а не для науки; что он не намерен угождать их пустому либеральничанью. Вслед за этим раздались крики, свистки, ругательства. Но Костомаров удалился, не очень трогаясь этими выражениями уличного негодования. Только уходя, Костомаров еще сказал: «Вы, господа, начинаете свое поприще Репетиловыми, а окончите его Расплюевыми».

«Сегодня, по распоряжению министра народного просвещения, были собраны профессора несуществующего университета для обсуждения вопроса: может ли и на каких основаниях может быть открыт университет? В собрании поднялся страшный шум. Наконец кое-как, среди нестерпимого гвалта, добрались до самого вопроса, который кое-как был поставлен Ленцом. Ведь и спор-то весь был из-за того, что не знали, о чем рассуждать и как взяться за вопрос. Но тут все единогласно согласились с тем, что «при нынешних обстоятельствах нельзя открывать университета до издания нового устава». А можно ли открыть университет с принятием только некоторых изменений в некоторых правилах? Против этого оказалось четыре или пять голосов, и в том числе мой. Я ушел тотчас после этого, но шумные толки, кажется, еще долго продолжались. Что у нас за шарлатан министр Головкин! Он решительно не приходит ни к какому определенному результату, а все вертится на одном месте: то одну ногу поднимет, то другую, сделает движение рукой, сладко улыбнется — вот и все.

Вот, между прочим, какую хитрость употребил министр. Ему хочется угодить студентам и защитникам их буйных выходов и открыть университет. Но самому взять инициативу в этом опасном деле не хочется. Вот он всячески вертится около университета, побуждая его самого дать голос в пользу открытия. Между прочим вот еще что ему приписывают: он внушил сперва немецким, а потом, говорят, и русским «С.-Петербургским ведомостям» напечатать, что в публике очень желают открытия университета и что последнему нечего уж больше бояться студентов, так как они переводят свои сходки из стен университета в Общество пособия нуждающимся литераторам. Ведь если это правда, то это верх самого низкого угодничества толпе... Во Франции по крайней мере лилась кровь во имя неисполнимых, но все-таки великих

теорий, а у нас она будет литься так, по причине тупости или подлости некоторых и совершенной безалаберности всех.

Андреевский вчера требовал, чтобы университет сам составил себе новые правила, и так, чтобы министерство не имело на это никакого влияния: не нужно даже и санкций его на эти правила. На это кто-то возразил: «Так вы университету хотите присвоить диктатуру?» — «Да», — отвечал он. «Ну, — заметил я Куторге, сидевшему против меня, — этот далеко идет, уйдет ли только далеко — не знаю». А когда я сказал, что всякие правила, какие мы ни составим, будут сочтены за произвол и что лучше подождать нового устава, который все-таки будет законом органическим и, так сказать, законным законом, то Благовещенский на это возразил: «Да разве теперь кто-нибудь уважает закон?» — «Ну так нечего открывать и университетов», — отвечал я».

«Собрание совета или профессоров, потому что собственно совета нет, под председательством попечителя Делянова. Предложен был вопрос: когда должен быть открыт университет? Положено: открыть совет в августе, а университет к первому октября приблизительно.

К концу произошла сцена. Костомаров подал в отставку, и сегодня получен уже приказ о его увольнении. Некоторые из профессоров захотели сделать ему овацию. Поднялся Горлов и начал упрашивать его остаться в университете. За Горловым поднялись и другие и тоже начали упрашивать. Костомаров встал и как-то несвязно заговорил о своем расстроенном здоровье, потом перешел к откровенности. «Я, — сказал он, — получил более двадцати ругательных писем от студентов; мне угрожают побить меня, если я останусь в университете: что же мне делать?» Наконец он склонился на убеждения, чтобы ему по крайней мере числиться на своей кафедре, авось студенты отдумают и не захотят его больше ругать. Я ушел: мне было и жалко и стыдно».

«У попечителя был собран историко-филологический факультет для совещаний о назначении профессоров в университет, который предполагено открыть в будущем августе, так как устав уже рассмотрен и исправлен строгановскою комиссиею. Тут коснулось дело меня. Я объявил, что мое пятилетие уже кончилось, и прошу меня уволить. Факультет, не знаю искренно или притворно, просил меня остаться. Особенно настаивали Срезневский и Куторга. Они просили, чтобы я остался по крайней мере для начала возрождения университета, чтобы не вдруг его покинул. На это я слегка согласился, не дав решительного ответа даже самому себе. Я не имею чести нравиться Головкину, да и в товарищах не совсем уверен. Два вышеупомянутые, да еще Сухомлинов, — чуть ли не единственные мои доброжелатели среди них. Но и между ними я вполне доверяю искренности только последнего.

Хочу поговорить с Деляновым о том, как он думает, но в конце концов я все-таки полагаю просить об отставке.

Мы богаты великими публицистами, великими мыслителями в газетах и фельетонах; но вот когда дело дошло до приискивания профессоров, то пришлось почти над каждою кафедрой задуматься: кого?

Объяснялся с Деляновым по поводу вчерашнего заседания и назначения профессоров в университет.

Меня факультет просил остаться. Я уступил только на короткое время — пока университет не переправится через Черное море и не станет снова на твердую почву. И то потому, что все согласилось в необходимости не устранять при этой переправе людей надежных, то есть искренне и издавна преданных университету. Впрочем, Головин, может быть, захочет поступить иначе».

«Экзамен из философии в университете. Жалчайшая философия, то есть логика и психология. Жалчайший экзамен. Студенты ничего не смыслят. Профессор Полисадов

притворяется, будто он что-нибудь знает, и ставит им по «четыре», чем они очень недовольны и просят о «пяти»».

«Вчера был у Делянова. Я внесен в список профессоров, принятых в университет при открытии его. В списке юридического факультета не оказалось Спасовича, который все время считался профессором и действовал в разных комиссиях. Что это значит? Он много грешил во время бывших студенческих волнений. Но не оказался ли он почему-нибудь неудобным как поляк? Между тем он человек очень способный. Не оказалось также Кавелина, Стасюлевича и Утина, но они прежде подали в отставку. Ночью долго не мог заснуть: в голову лезли разные думы. Придумал, между прочим, предложение, которое намерен сделать совету в первое его. заседание по возобновлении университета. Вообще нужно бы придать этому событию некоторую торжественность для воздействия на юношество».

«Заседание совета университета — первое с его открытия. Впрочем, настоящего открытия еще не последовало.

Происходили preparatory совещания о новом устройстве университета и введении нового устава. Выборы ректора, инспектора и проч. назначены на 2 сентября. Заявлено также о баллотировке тех профессоров, которые выслужили 25 лет или 5 лет сверх этого срока. К последним принадлежу я.

Так как я уверен, что получу черных шаров больше, чем белых, то я объявил, что баллотироваться не буду и подам письменный мой отзыв. Против меня сильная партия, которая была бы очень довольна подвергнуть меня неприятности неизбрания. Что это — за люди? Разумеется, ультралибералы, остатки Спасовичей, Кавелиных, Костомаровых и пр. Но их так много, что перевес на их стороне будет без сомнения.

Жаль мне расставаться с университетом, которому много принесено мною жертв и для которого я трудился добросовестно. А старшие профессора что же? Это почти все люди ничтожные по характеру, которые очень тоже не прочь нагадить своему товарищу единственно за то, что он неизменно выдвигался вперед. Впрочем, есть ли кто-нибудь из них, который бы чем-нибудь не был мною обижен во время оно, когда я в министерстве был силою? Но не это меня огорчает, — я слишком хорошо знаю людей, чтобы ожидать от них чего-нибудь, кроме желания гадить, — а так просто грустно... Мое великодушие не должно простираться до того, чтобы доставить многим удовольствие положить мне черный шар. Но, по совести говоря, почему ко мне такое недоброжелательство? Многим я был полезен, никому, могу сказать торжественно, с глубочайшим убеждением совести, никому не был вреден. Но, может быть, они в самом деле считают меня оставшим для науки и, следовательно, действуют против меня тоже на основании добросовестного убеждения? Конечно, говоря друг с другом об этом, они, как римские авгуры, должны закрывать головы, чтобы не дать заметить своего смеха. Нет! Мое убеждение едва ли не вернее, то есть что человек создан с инстинктом, каким не наделено ни одно животное, — с инстинктом пожираться подобными себе. А выставляя они будут то, что мой образ мыслей слишком консервативен для такого либерального университета, каким сделался в последнее время Петербургский. А многим не шутя колет глаза даже моя Анненская звезда...

Заседание в факультете. Я объявил, что баллотироваться не намерен. Но, по наведении справки, оказалось, что баллотировка и не нужна. Несколько месяцев остается мне дослужить до второго пятилетия...

В факультетском собрании было положено, чтобы каждый профессор определил, сколько он будет читать лекций. Так как теперь будут открыты только первые курсы, то каждый профессор должен ограничиться двумя, не более. Я намерен прочитать моим слушателям в первый семестр (который для меня, собственно, один и есть, потому что в январе 1864 года я выслуживаю уже второе пятилетие) «Введение в литературу и

историю ее», что будет заключать в себе основные идеи литературы и истории ее вообще и русской в особенности. В этом смысле надо будет представить и план этих интересных чтений. Это последний мой труд для университета.

Был назначен совет для выбора ректора, но не знаю, почему-то отменен, и я даром проездился в университет.

Поговаривают о выборе в ректоры меня или Ленца. Что касается меня, то это пустяки. Против меня, во-первых, существует сильная партия, и во-вторых, я оканчиваю службу мою при университете...

Выкурив сигару, отправился я в заседание совета университета, и там в буквальном смысле прозаседал до десяти часов с шести, толкая о многих бесплоднейших вещах. Ну, не проклятый ли день? Приехал домой в половине двенадцатого ночи. В совете был выбор ректора; избрали Ленца 22 голосами против трех. Я получил 8 шаров. Но были и менее меня получившие, и их было много».

«Вечером заседание в совете университета. Очень много дела. Между прочим, выбирали декана филологического Факультета. Выбрали опять Срезневского. Я охотно положил ему белый шар. И тут выразилось недоброжелательство ко мне. Из четырех голосов я получил один, и то этот дан был мне Срезневским. Прочие получили по два утвердительных и по два отрицательных.

В это заседание я также поднял сильную борьбу с советом. В восточном факультете есть несколько исправляющих должность ординарного профессора, которые настоящими ординарными не могут быть, потому что не доктора. Еще при открытии университета получено было высочайшее повеление, чтобы не имеющие докторской степени профессора озаботились непременно приобретением ее. Восточный факультет представил, что так как в России вся восточная наука сосредоточивается в С.-Петербургском университете, и именно в тех профессорах, которые не имеют степени доктора, то приходится этим совсем не быть ординарными профессорами, так как им и экзаменоваться было бы не у кого. А потому факультет просит, в уважение такого исключительного положения профессоров не докторов, исходатайствовать им на этот раз утверждение в ординарное профессорство и помимо докторства. Тут есть смысл, и я охотно подал мой голос в пользу этого ходатайства.

Но далее вдруг читают новое представление того же факультета, чтобы четырем или, кажется, пяти его профессорам дать докторские степени по причине их знаменитости в ученом свете. Надобно знать, что новый устав дает университетам право возводить знаменитых ученых, приобретших всеобщую известность своими учеными трудами, прямо в степень доктора, без испытания. Это что за речи? Университет открыл в своем сословии вдруг пять знаменитостей, о которых никто, кроме его, не знает.

Очевидно, этим хотят подорвать силу закона. Я воспротивился сильно против такого злоупотребления, объявив, что это произведет самое невыгодное впечатление в публике. Завязались горячие прения. Совет по слабости, кумовствам и проч. видимо склонялся в пользу предложения факультета. Однако некоторые поддерживали, хотя слабо, мою мысль. Решили отложить это дело до следующего заседания. Я принял твердое намерение не уступать и даже подать письменное мнение. Тут может пострадать честь университета. Просто это нахальство восточных профессоров, которые сами себя производят в знаменитости...

Бурное заседание в совете университета. По выслушивании некоторых дел и предложений выступил на сцену опять вопрос, поднятый восточным факультетом в прошедшее заседание, о производстве за знаменитость вдруг четырех докторов из его членов. Закипела страшная битва. Главными действующими лицами тут были я, Срезневский, Казембек и сами проектируемые доктора, которые сами защищали свою знаменитость и предъявляли свои права на докторство: Березин — меньше всех, впрочем, — профессор еврейского языка Хвольсон и другие.

Видя, что партия докторантов усиливается, я решился прочитать заготовленную мною по этому случаю записку, к чему послужили некоторым введением слова Андриевского, который, как маленький куличок, обыкновенно бежит от одного убеждения к другому и сует свой носик во все мнения, добывая оттуда то, что ему нужно. Слова его относились к поддержанию чести университета и, следовательно, клонились в пользу моего предложения. Записка моя была выслушана с большим вниманием и вызвала страшнейшую бурю со стороны Срезневского. Впрочем, несмотря на ярость защиты своего факультетского предложения, Срезневский не вышел из пределов приличия. Он начал с сожаления, что должен поддерживать мнение, противное моему, и настаивал на знаменитости предлагаемых докторантов. Я продолжал, с своей стороны, настаивать, что не нам самим следует признавать знаменитость своих сочленов, а надо, чтобы это сделал ученый свет. Но вот поднялся Казембек и прочитал свою записку, очень умно и остроумно написанную, которая окончательно добивала восточный факультет. Слова его как ориенталиста имели значительный вес.

Решено было спросить начальство: можно ли разуместь закон таким образом, что университет может признавать знаменитостями и давать по этой причине докторство своим собственным сочленам? Вопрос в сущности смешной, но так как факультет все-таки не достигал своей цели, то я и Казембек не противоречили этому решению. Срезневский видимо утих и смирился. Вообще спор хотя был жаркий, много кричали и шумели, однако ни дерзостей не было, ни скандала, кроме одного того, что лица, служившие поводом к прению, принимали в нем сами участие, разумеется в свою пользу».

«Сегодня молебен в университете по случаю открытия в нем лекций. Я опоздал, пришел уже к концу, но так как был только двенадцатый час в начале, а повестка была к одиннадцати часам. Затем в час диспут Бауера на степень доктора, который, однако же, я принужден был оставить, только что он начался. Дело происходило в большой зале, которая не была еще ни разу нынешнюю осень топлена, и в ней было порядочно холодно. Я помню, как однажды жестоко простудился в нетопленной аудитории университета, и потому, боясь того же и теперь, предался бегству».

«В понедельник в совете университета было читано любопытное отношение Потапова к министру, в котором передается показание одного польского юноши в Вильно, каким образом он находился в нашем университете и что происходило в нем у студентов. Студенты разделились на три партии: красных, отчаянных революционеров, либералов, которые не прочь от революции только в крайнем случае, и умеренных, которые науку считали единственной целью своего пребывания в университете. Другие называли их в насмешку матрикулистами. Все три партии собирались в студенческой библиотеке в лице своих депутатов, где и толковали о материях важных, политических, социальных. Отсюда-то и возникли известные университетские беспорядки».

«Некоторые из профессоров (Кавелин, Спасович, Утин, Березин, Костомаров, Стасюлевич) вздумали было готовить юношество в университете к политической деятельности. Оно бы и ничего, да только они забыли про способность юношества считать себя готовым во всякое время. Да притом настоящая подготовка состоит в строгом и основательном изучении науки. Оттого и вышло, что юноши начали было действовать, когда совсем не были готовы, да и наделали чепухи».

«В университете пока тихо; юноши, по-видимому, хотят заниматься. По крайней мере они усердно посещают лекции и ничего буйного не предпринимают. Они только поворчали на запрещение курить папиросы и, как им известно, что никакой закон у нас не крепок, то просто без шума и агитаций начали курить сперва на улице около

университета, а потом и в разных уголках самого университета. Разумеется, начальство смотрит на это сквозь пальцы. Но в таком случае зачем же запрещать было? Впрочем, совет и хотел позволить, да министр не согласился, а теперь вот и вышло нарушение закона».

«В совете университета. Выбрали в ординарные профессора истории Востока Григорьева, а в профессора ботаники Бекетова. Я, разумеется, положил на обоих белые шары, хотя уверен, что особенно последний охотно нагадил бы мне черным шариком, если бы я вздумал баллотироваться еще на пять лет профессуры. Но в факультете я воспротивился проекту сделать вдруг несколько докторов, в том числе и Леонтьева. Зачем, сказал я, вдруг делать несколько докторов, так опрометчиво и так нескромно пользоваться правом, которое вверено нам для серьезного и справедливого пользования? Будем немножко умереннее, чтобы не уронить самого принципа. Соблюдаем по крайней мере постепенность: сперва одного, потом другого, а не вдруг четырех или пять. Благоевещенский сильно настаивал на пожаловании в доктора Костомарова. Я не противоречил этому, хотя сердце мое не лежит к этому фальшивому человеку, который на публичной лекции предал анафеме тех, которые мечтают об отделении Малороссии, а сам погряз в сепаратизме и славянской федерации. Еще выбрали архитектора Харламова. Было шесть кандидатов и один, за которого стоял ректор».

«Лекция в университете, и, кажется, последняя. Праздниками я должен буду подать просьбу об увольнении меня, так как баллотироваться я не намерен, а баллотироваться не намерен потому, что не чувствую себя настолько великодушным, чтобы доставить недоброжелателям моим удовольствие набросать мне черных шаров. Но зачем и почему эти недоброжелатели? Право, не знаю. Я, конечно, не намерен сравнивать себя с Аристидом, но совершенно уверен, что многие бросят в урну осуждающие меня шары по той же причине, по которой афинянин желал бросить свой черепок против Аристида. Я уверен, что Андриевский, Березин и пр. будут в состоянии собрать достаточное число голосов, чтобы меня забаллотировать. Это так для меня достоверно, что с моей стороны было бы большим неблагоразумием идти на явную неудачу и скандал».

«Отвез письмо к Срезневскому об увольнении меня из университета, так как 17-го числа окончится мое пятилетие. У Срезневского я просидел часа два. Не знаю, искренно или нет, но он очень жалел, что я выхожу из университета. Впрочем, я решительно не понимаю, почему бы он лгал в этом случае. Я виделся также с ректором по этому же поводу. Тоже сожаление. Он хотел, однако, разузнать, нельзя ли надеяться на большинство голосов в совете, если я подвергся бы баллотировке. Я отвечал, что баллотироваться наудачу я никак не могу, а за достоверность кто может поручиться? Он все-таки хотел, однако, попытаться переговорить с некоторыми членами. Не ездил уже в университет, отозвавшись болезнью. Не стоит начинать новый семестр».

«Любопытно было только то, что начинают чувствовать необходимость восстановить Педагогический институт. Хотя теперь существует более двадцати человек для приготовления к учительскому званию по С.-Петербургскому округу, но ими никто не занимается. Руководители их — университетские профессора, которым правительство платит дополнительное жалованье, в глаза даже никого их не видали, и молодые люди, ничем не занятые, находят для себя эту милую праздность на иждивении правительства очень приятною. Когда одного из них спросили, под чьим руководством он занимается, он отвечал: под руководством профессора Куторги. А Куторги и в Петербурге с мая месяца

совсем нет. Удивительно, как мы, русские люди, равнодушны ко всякому общественному делу и как нас нужно принуждать что-нибудь делать».

«Признаюсь, грустно мне оставить университет! Большая и лучшая часть моей жизни посвящена была ему. Но, во-первых, я почти убежден, что не получу двух третей голосов в свою пользу, а во-вторых, может быть, я действительно и не в состоянии буду приносить той пользы слушателям, какую может принести им новое лицо с свежими силами? (Только не Сухомлинов, мой непосредственный преемник, который, бедняга, как-то сильно ослабел и телом и духом, особенно последним.)

Настоящее мое значение в науке есть философское, а теперь требуют исключительно фактов. Фактами по русской словесности и я, конечно, могу быть не беден. Но мне недостает возможности сравнительного способа, по незнанию моему иностранных языков. Вот где настоящий для меня камень преткновения. Я чувствую мои силы в философской и эстетической сфере; знаю, что мои слушатели могут получить от меня, может быть, верные основные начала, могут развиваться под моим руководством в высших соображениях по литературе и особенно утвердиться в нравственном, благородном сочувствии великим истинам науки и жизни, потому что я сам всем этим глубоко проникнут, имею для подобного направления достаточный запас опытности, а может быть, и способность.

Но достаточно ли всего этого при нынешних требованиях науки, как ее понимает большинство, особенно у нас? Вот в чем моя совесть не может быть спокойною. Конечно, без всякого глупого жеманства и мелочного самолюбия я могу сказать, что был бы во многих отношениях еще полезен университету. Но, может быть, ему нужны другого рода пользы, которых я не в состоянии ему дать».

«Какая-то сплетня была причиною, что Куторга не выбран. Кто-то распространил между членами совета (кажется, говорят, Сухомлинов) мысль, что Куторга не будет читать лекций, о чем будто бы он объявил в факультетском собрании в субботу. Там была, правда, речь о нечтении лекций, но только до того дня, когда решится вопрос о его избрании. Словом, сплетня, — и этак-то дела у нас решаются. Теперь и говорят некоторые из членов совета, что, вероятно, законное большинство осталось бы за Куторгою, — если бы то и то. Все ложь и пустяки. Придется только повторить старые стихи Карамзина из Экклезиаста:

Не судит ни о ком рассудок беспристрастный,

Лишь страсти говорят...

Заседание в Академии — ничего; в факультете — дело о Куторге. Положено просить о сделании его почетным членом университета и оставлении его еще хоть на несколько времени преподавателем истории по причине неимения для этого предмета надлежащего опытного лица (остался один начинающий доцент Бауер).

Совещание между мною, Штейнманом и Срезневским о продвижении в докторы (почетные) Костомарова. Положено помедлить. Но при этом я объявил, что буду решительно противиться избранию его в профессоры...

Заседание в совете университета. Сильное прение по случаю определения Куторги преподавателем за плату. Срезневский был очень сентиментален, возглашая о необходимости удержать Куторгу. Отчего это у нас всякие изъявления чувства смешны? Не оттого ли, что оно фальшиво и натянуто и что ему никто не верит, начиная с того, кто его выражает?

Я на месте Куторги никак не согласился бы быть преподавателем по найму от корпорации, где я имел голос и теперь его не имею. Что это — любовь к науке? Но ведь эту любовь можно питать и иначе, кроме преподавания, к которому Куторга и не показывал особенной ревности. Нужды в деньгах он не имеет, потому что он с достатком. Нагадить университету, показать ему, что вот как он отлично преподает,

а университет его отверг? Конечно, это бы самое положительное, но успеет ли он сделать это?»

«В университете опять между студентами начинаются беспорядки. Вот оно, молодое поколение! Ведь, право, это мерзость! За что оно хочет первенствовать? Что оно уже сделало такого, что бы возбуждало к нему сочувствие? Какие надежды оно подает? Чем лучше оно стариков? Ведь одно, чем может и чем должно оно уверить в своем превосходстве, — это учиться, готовить из себя лучших деятелей, чем предшественники его. А оно, как пьяное, лезет туда, куда ему не подобает, орет, замахивается на закон и порядок, науку посылает к черту, заменяя ее газетными статьями и легким чтением... Что за нелегость! И это будущность России! Хороша будущность!..

Совет в университете по случаю суда над студентами. Осуждены шесть. Трех из них определили исключить, остальные приговорены к меньшим наказаниям. Немножко смешна эта юридическая комедия. Да нечего делать — лишь бы помогла держать в порядке эту глупую молодежь, которая не хочет учиться, а хочет управлять! Так и пахнет фонвизиновским Митрофаном: не хочу учиться, а хочу жениться. Главное, чего они добиваются, — это сходки, а сходки уже они тотчас превратят в политический клуб».

«Сильное прение о Костомарове в факультете. Благовещенский опять настоятельно начал предлагать его в доктора и опять так же настоятельно встретил противодействие во мне и Срезневском. Главная наша мысль была та, что вовсе неудобно и неприлично признать Костомарова доктором, когда патриотическая часть общества признает его сепаратистом и антинациональной личностью, к чему Костомаров подал повод своими малороссийскими выходками в печати и особенно своею статьею и полемикою о Дмитрие Донском. Докторство не было бы в настоящее время признанием только ученых заслуг Костомарова, но овацией, которая служила бы свидетельством того, что университет одобряет самый образ его мыслей. Да и вообще поведение Костомарова во время его профессорства в университете было таково, что вовсе не делает чести ни его уму, ни его принципам. Дело осталось при том, что факультет не согласился ходатайствовать о нем в совете, а Срезневский выразился прямо, что он будет протестовать против всего совета, если бы он захотел сделать его доктором».

«Делянов — один из лукавых армян: он притворяется добрым и умным (он имеет настолько ума, чтобы притворяться добрым и умным). Собственно, он ни к чему не годен и не способен. Бывши попечителем С.-Петербургского университета много лет, он решительно ничем не ознаменовал своего управления, кроме бегства из университетской залы во время акта, когда студенты вздумали сделать демонстрацию по поводу отмены чтения костомаровской речи. К этому разве можно еще прибавить, что он всегда был готов наговорить тьму приятных вещей профессорам, добивающимся у студентов популярности, — Кавелину, Костомарову, Спасовичу: это были первые у него люди, и он первый же оставил их и даже объявил себя против них, когда эти господа подверглись справедливому порицанию за их легкомыслие и пошлый либерализм».

«Вечером заседание в совете университета. Я прочитал составленную мною записку от имени комиссии о выборе Вернадского в профессора по кафедре финансового права. Ею примиряются все противоречия совета с факультетом. Все меня благодарили с великим жаром. Я тотчас по окончании чтения и по принятии советом моего проекта оставил совет. Это последнее мое заседание в нем. Я расстался навсегда с университетом после тридцати лучших моих лет, ему посвященных, — расстался с грустью, не жалея,

вропрочем, о разлуке моей с лицами. Многие из них были моими недоброжелателями, решительно не знаю почему, да и они сами этого не знают. Вот поэтому я и не решился баллотироваться. Строго и глубоко взвешивая мои поступки и всю мою деятельность в университете, не могу себя упрекнуть ни в чем. Но об этом придется много еще говорить в мемуарах своих.

А министерство, то есть Делянов, поступило со мною подло. Университет желал оставить меня еще до сентября, но чтобы лишить меня 600 руб., министр с Деляновым устроили так, что я должен оставить его 1 июня.

Я хотел было сказать в совете маленькую прощальную речь, но рассудил, что не для кого и не для чего. Я просто встал и неприметно ушел».

Никитенко, А. В. Дневник в трех томах. Т. 2: 1858-1865. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – С. 9-11, 21, 23, 31-36, 41-42, 49-52, 55-56, 59, 89, 113, 166-167, 175-176, 180-181, 184-185, 207-208, 210-217, 219-226, 230-237, 245, 247, 249-250, 256, 263, 270-271, 273, 317-318, 334, 350, 358-361, 363-366, 369, 371-373, 376, 385-386, 389, 394, 397-402, 409, 413, 415, 418-419, 439, 444.

Гоголь Николай Васильевич

1809-1852

Русский прозаик, драматург, поэт, критик, публицист, признанный одним из классиков русской литературы.

В 1834 – 1935 годах преподавал историю средних веков на должности адъюнкта по кафедре истории в Петербургском университете.

«Вы желаете знать, по какой части профессор я в здешнем университете. Я читаю историю средних веков».

«Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художественную отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитое через год. – Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург».

«Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года – годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся – в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души».

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. Письма: 1820-1835. – М.: Изд-в АН СССР, 1940. – С. 343-344, 378.

Панаев Иван Иванович

1812-1862

Русский писатель, литературный критик, журналист, мемуарист.
Окончил Благородный пансион при Петербургском университете (1830).

«Я учился в Благородном пансионе при Петербургском университете (теперь 1-я гимназия). Перед этим я был помещен в Высшее училище (теперь 2-я гимназия), в котором я пробыл только две недели... Я умолял, чтобы меня взяли оттуда, потому что не хотел учиться вместе с детьми разночинцев и ремесленников. В двенадцать лет, несмотря на совершенное ребячество, я уже был глубоко проникнут чувством касты, сознанием своего дворянского достоинства. Мольбы мои взять меня из Высшего училища нашли не только совершенно основательными, но даже некоторые из близких мне людей рассказывали об этом своим знакомым с гордостью: "Дитя, а какие высокие чувства!" — и я выиграл этим в глазах родных и знакомых.

Меня определили в Благородный пансион. Эти благородные пансионы существовали единственно только для детей привилегированного класса, родителям которых казалось тогда обременительным и бесполезным подвергать своих избалованных и изнеженных деток излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравне с какими-нибудь разночинцами и семинаристами. Курс благородных пансионов едва ли был не ниже настоящего гимназического курса, а между тем эти пансионы пользовались равными с университетами привилегиями. Некоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодования и высказывали его очень резко, особенно на экзаменах.

Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замечали, что награждать университетскими привилегиями таких неучей, как мы — вопиющая несправедливость. Об этом нам особенно часто повторял учитель латинского языка, преподававший этот язык также и в Высшем училище. Он с каким-то особенным ожесточением нападал на нас.

Неблаговоспитанность его доходила до крайних пределов. Если кто-нибудь из нас не знал урока и повторял подсказываемое ему сзади товарищем, — то учитель, насупив свои густые брови, восклицал обыкновенно:

— Коли будешь слушать чужие речи, то тебе взвалят осла на плечи. — Болван!

При таких грубых выходках оскорбленные ученики поднимались со своих скамеек и в один голос говорили:

— Покорно прошу обращаться с нами вежливее. Здесь не Высшее училище. Мы дворяне.

— Ах вы, пустоголовые дворяне! — возражал учитель: — ну какой в вас толк? Да у меня в Высшем училище последний ученик, сын какого-нибудь сапожника, без одной ошибки проспргает глагол ато, покуда я его держу на воздухе за ухо...

Профессор математики, экзаменовавший нас, обыкновенно повторял с злобою:

— Нет, никуда вы не годитесь... разве только в гусары либо в уланы.

Впрочем, некоторые профессора и учителя, самые неумолимые, строгие и грубые, оказывались не только снисходительными, даже нежными к тем из нас, которые перед экзаменом адресовались к ним с просьбою о частных уроках. К числу таковых принадлежал и неблаговоспитанный учитель латинского языка.

Когда ученик являлся к нему перед экзаменом с просьбою о частных уроках, учитель латинского языка обыкновенно приятно ухмылялся и говорил:

— Я предупреждаю вас, что беру за уроки дорого... 25 р. за урок. Шесть уроков для вас будет довольно. Это будет стоить вам 150 р. — и деньги покорнейше прошу вперед.

Ученик отдавал ему деньги. Учитель являлся на первый урок, объявлял ему то, что именно он спросит его на экзамене, и затем уже более не являлся на остальные пять уроков, отговариваясь неимением времени или болезнью.

К таким наставникам мы не могли питать уважения; к тому же их рутинное, пошрое, устарелое преподавание по самым жалким курсам не могло не только заохотить нас к ученью, но просто отвращало нас от этой мертвой науки — и мы принуждали себя

учиться только для того, чтобы получить известный класс... Наши умственные способности нисколько не развивались; они, напротив, тупели, забитые рутинной. Бессмысленное заучивание наизусть, слово в слово по книге, было основой учения, и потому самые тупые ученики, но одаренные хорошею памятью, всегда выходили первыми.

Пошлость, тупоумие и разные нелепые выходки наших наставников заставили нас смотреть на них как на шутов и забавляться их смешными и слабыми сторонами.

Профессор истории Т. О. Рогов, вяло преподававший историю по учебнику Кайданова — маленький, тучный человек, страстный охотник до ватрушек, читал нам однажды об Лжедмитрии. Некоторые из учеников запаслись накануне за ужином сырниками и положили их утром разогреть в печь... Запах творога начал щекотать тонкое обоняние профессора, и он, не dokonчив фразы, сошел с кафедры и отправился прямо к печной заслонке, отворил ее и, запустив руку в печь, воскликнул:

— Уж тут у вас, наверно, ватрушки?

— Это, Трофим Осипович, — заметил один из учеников, — лжеватрушки, потому что это сырники.

Невинное замечание это показалось профессору оскорблением преподаваемой им науки и нарушением дисциплины. Он взглянул с любовью на сырник, положил его в печь и, обратившись к ученику, сделавшему замечание, с строгим видом произнес:

— А вот я сведу вас к инспектору за вашу неприличную и неуместную выходку! — и погрозил ученику, но потом, успокоившись, взойшел на кафедру, растерев предварительно несколько плевков на полу, которых он не мог равнодушно видеть, что, конечно, заставляло учеников заплевывать весь пол перед его приходом.

Т. О. Рогов брал с нас подписку на свой курс истории. Он говорил, что этот курс у него совсем готов, стоит только приступить к печатанию, но прибавлял наивно, что он боится разбойника Полевого, для которого нет ничего священного и который, пожалуй, обругает его.

Преподаватель математики К. А. Шелейховский был еще забавнее профессора истории. Шелейховский был поэт. Рассеянный, бледный, вечно с взъерошенными волосами, он часто останавливался среди своих вычислений, бросал с негодованием мел, отходил от доски и восклицал тоненьким певучим голосом:

— Мне эта сушь надоела, господа!.. Что вам задал к переводу латинский учитель? — Дайте я вам переведу. Я ведь многие места из Саллюстия знаю наизусть...

Ученики, разумеется, с радостью исполняли его желание, и он тут же принимался переводить, забывая о своей математике.

Он не знал ни одного ученика в лицо и запомнил фамилию только одного, который ходил с костылем; но если ученик с костылем не знал урока, то на вызов учителя выходил за него другой, вооруженный костылем. Учитель никогда не замечал этой проделки.

Преподаватель прав г. Анненский, маленький, худенький господин, с черными масляными глазками и с хохолком наперед, очень смешно пришепetyвавший, более всех подвергался оскорблениям воспитанников. Его никто никогда не слушал. Во время его классов разговаривали, кричали, играли под столом в орлянку и в карты, а иногда целые скамейки двигались на него, образовывали около него каре и теснили его к стене. Он сердился, плакал, выбегал из класса и второпях опускал ноги в галоши, не замечая, что они налиты квасом. Когда его перевели в Ришельевский лицей и он в последний раз явился к нам на лекцию, его прощание с нами было смешно, но вместе с тем оставило в нас тяжелое впечатление.

"Господа! — говорил он: — я прощаю вам те оскорбления, котолые вы постоянно наносили мне. Ластанемся длузьями... Мозет быть, господа, кто знает?... (и в эту минуту на глазах его показались слезы) звезда сцастия заголится для меня над Эвксинским понтом..." В этот раз над ним никто не смеялся, и когда один из воспитанников хотел при выходе его дать ему щелчок в затылок, — другие остановили

его... Он крепко жал всем руки, и лицо его выражало грустное умиление от чувства признательности, что с ним в последний раз обошлись по-человечески.

Один только из всех учителей пользовался некоторою любовью и вниманием воспитанников за свой смелый и свободный образ мыслей. Это был учитель российской словесности В. И. Кречетов, издавший поэму Подолинского "Див и Пери" с кратким предисловием, в котором сказано было, что "это такой цветок в вертограде нашей словесности, мимо которого нельзя пройти не полюбовавшись". Кречетов был из семинаристов. Он имел с небольшим лет 30, был высокого роста, коренастого телосложения, с орлиным носом, с головою в форме груши, как у Людовика-Филиппа, покрытую белокурыми волосами с завитками на висках. Волосы эти начинали редеть, что, повидимому, его беспокоило, потому что он имел некоторое поползновение к светскости и щегольству, и он беспрестанно запуская свои пальцы в волосы, отряхивал пальцы перед глазами, брал для чего-то выпавший волос, рассматривал его и раздирал без некоторого ожесточения. Он имел также особую манеру сморкаться: вынимал из кармана чистый платок, встряхивал его, высмаркивался в самый кончик, завертывал его тщательно и потом оскаливал зубы и потрясал головою... Большим красноречием он не обладал, но вздувал и взмывал свои фразы, добавляя недосказанное жестами рук и различными телодвижениями. Смелость и свободный образ мыслей его заключались в том, что он открыто и прямо называл Пушкина великим поэтом и даже приносил нам его новые стихотворения, прочитывал их и разбирал их красоты. Тогда это была действительная смелость, потому что даже имя Пушкина, как безнравственного и либерального писателя, нельзя было произносить в учебных заведениях.

Кречетов притом подсмеивался над всеми пиитиками и реториками и говорил, что он только по необходимости преподает нам все эти пошлости. Он занимал нас рассказами о своих литературных связях и, упоминая о Баратынском и Дельвиге, обыкновенно прибавлял: мой Дельвиг, мой Баратынский, или мой Евгений. Из древних писателей, знакомством которых он любил щегольнуть, Кречетов более всех восхищался Горацием и называл его также — мой Гораций.

Он любил подтрунить при случае над другими нашими преподавателями и называл их с презрительной гримасой глупыми староверами; нередко намекал нам о том, что у него в голове роятся тысячи мыслей, но что недостаток времени не дает ему возможности олицетворить эти мысли в поэтические образы. Один из всех наших учителей — он отзывался с уважением о Полевом и о его "Московском телеграфе". Кречетов обращался с нами по-приятельски, не давая чувствовать силу своей учительской и начальнической власти, как другие, и обнаруживал особенное расположение к тем воспитанникам, у которых начинала проявляться страсть к русской словесности. В течение своего годового курса он почти не упоминал нам о риторике и только к концу года, перед экзаменом, давал нам небольшую тетрадку, заключающую в себе ретику и пиитику вместе, для заучивания наизусть... На лекциях же занимался разбором наших сочинений, подтрунивал и острил над ними, декламировал нам стихи Державина, Батюшкова, Жуковского, Козлова и, втайне от начальства, Пушкина, Баратынского, Языкова и Дельвига. Он представлял нам характеристики этих поэтов, рассыпая в страшном количестве прилагательные. Он красноречиво говорил, что строй лиры Державина отличается необыкновенною возвышенностью, что Державин высоко парит, как орел, и гордо ширяет в поднебесьи (и при этом размахивал руками); что смелостию и яркостию фантазии, блеском и роскошью своих образов и картин он равняется с древними скандинавскими бардами; что Батюшков напитался классическим духом и заимствовал у классиков их пластицизм, что Жуковский и Козлов ввели нас в мир таинственный и новый и познакомили нас с романтизмом (слово «романтизм» Кречетов обыкновенно произносил в нос) и пр.

Любимыми словами Кречетова при таких характеристиках были: полнота, округлость, сочность, музыкальность, гармония, — и он беспрестанно повторял их при разборе

новых поэтов, особенно Пушкина и Языкова. Произнося слова «сочный», «округлый», он как бы подтверждал окончательно эту полноту и округлость движениями рук.

Однажды Кречетов явился к нам в класс с таинственным и торжествующим видом. Он сел на свой стул, провел рукою по волосам и, разодрав выпавший волос, обозрел всех нас значительно, потом высморкался в кончик платка и произнес:

— В последних числах сентября... — В последних числах сентября! — повторил он еще выразительнее и приостановился на минуту. — Господа! — продолжал он, — ну что, кажется, может быть обыкновеннее, пошлее, вседневнее, прозаичнее этих слов? Эти слова мы произносим ежедневно, ежеминутно, в самых ничтожных разговорах... В последних числах сентября... Какая проза! А между тем, господа, это первый стих прелестной, игривой, бойкой, ловкой, остроумной поэмы, которая вся искрится поэзией... Вы думаете, что я шучу — нисколько... Этими словами начинается новая поэма Пушкина: "Граф Нулин".

И вслед за тем Кречетов прочел нам несколько отрывков из «Нулина», все, однако, поглядывая на дверь со стеклами, выходившую в коридор, в которую нередко заглядывали инспектор или его помощник.

Окончив чтение, он воскликнул:

— Начать поэму такими пустыми, прозаическими словами: в последних числах сентября — это, господа, я вам скажу, величайшая поэтическая дерзость... Только Пушкин мог решиться на это. Вот что значит гений!.. Вы, однако, господа, — прибавил Кречетов, — не рассказывайте о том, что здесь говорится и читается, вашему начальству. Сору из избы выносить не надо...

— Как можно! сохрани бог! — закричали воспитанники в один голос.

После этого понятно, почему они Кречетова любили и почему ставили его выше других преподавателей, хотя он не отличался от них ни особенными знаниями, ни особым умом, ни даже блеском слова.

На меня Кречетов обращал большое внимание, потому что я по-русски писал правильное других и представлял сочинения, которые ему очень нравились.

С пятнадцатилетнего возраста у меня развилась страсть к чтению и литературе. Я с жадностью и приятным трепетом перечитывал все тогдашние альманахи, особенно "Северные цветы"; романы Вальтер-Скотта; главы «Онегина», выходившие отдельно, и некоторые статьи в "Московском телеграфе". У немногих из моих товарищей также начинала пробуждаться любовь к чтению, и около меня собирался небольшой кружок слушателей.

Украдкою от начальства, под видом повторения уроков, мы таким образом каждый вечер сходились в классе читать романы Вальтер-Скотта или «Телеграф». В «Телеграфе» более всего занимали нас статьи о театре г. Ушакова, в которых кстати и некстати говорилось обо всем на свете, и статьи полемические и критические самого Полевого. Чтения эти все-таки хоть сколько-нибудь способствовали к нашему развитию; но чем более мы приобретали привычку к чтению, тем сильнее чувствовали отвращение к учению, к той науке, которую преподавали нам. Я знал множество стихов наизусть, пробовал сам писать стихами и наконец начал года за полтора до выпуска издавать журнал, подражая в форме "Московскому телеграфу". В этом журнале были повести, стихи, критика, смесь, все как следует. Я показал Кречетову первый номер этого журнала и он, пробежав его, остался очень доволен.

В пансионе начинали смотреть на меня как на будущего литератора, и воспитанники, плохо знавшие грамоту и не имевшие никакой фантазии, стали прибегать ко мне с просьбами писать для них сочинения на задаваемые им темы. Я исполнял эти просьбы очень охотно, тем более что это не составляло для меня никакого труда. Я уже начал набивать руку.

Не помню, кто-то из наших преподавателей вдруг в один прекрасный день, ко всеобщему изумлению, вздумал бог знает почему вооружиться против заучивания уроков наизусть,

слово-в-слово, и потребовал, чтобы ему уроки рассказывали своими словами. Как забрела ему в голову такая фантазия — неизвестно, но это привело многих учеников, даже из первых, в величайшее беспокойство. Один из таких подошел ко мне однажды.

— У меня до тебя большая просьба, — сказал он.

— Что такое?

— Да вот** выдумал глупость, чтобы своими словами говорить уроки. Я думаю вот что... Надо только начать своими словами, а потом можно валять по книге. Он не заметит. Только ты, пожалуйста, запиши мне, как начать своими словами — я и выучу это наизусть, а потом буду продолжать по книге. Ты у нас сочинитель, тебе это нипочем, ты сумеешь это сделать.

Воспитаннику этому уже было шестнадцать лет.

Я исполнил его желание. Он вы зубрил мои слова, и потом всякий раз прибежал ко мне с тем же.

Не мешает заметить, что он кончил курс одним из первых и впоследствии, вступив на военное поприще, обратил своими талантами особенное внимание начальства и достиг видного положения.

Кречетов был еще более оценен нами, когда мы перешли в выпускной класс. В этом классе преподавал словесность известный профессор, автор "Военного красноречия" Я. В. Толмачев. Яков Васильевич питал закоренелую ненависть ко всему живому и современному.

Он упорно остановился на Державине и даже неохотно упоминал о Батюшкове и о Жуковском. Карамзина он уважал за его историю, и то более потому, что Карамзин читал первые ее главы августейшим лицам и был признан официально историографом.

— Я, друзья мои, — говорил он нам с чувством гордости, — тридцать уже лет ничего не читаю, потому что убежден, что теперь пишут все пустяки.

Когда мы заговаривали с ним о Пушкине или декламировали его стихи, он махал рукою и перебивал, затыкая уши:

— Перестаньте! перестаньте! это все пустяки и побрякушки: ничего возвышенного, ничего нравственного... и кто вам дает читать такие книги?..

О Полевом он не мог слышать равнодушно...

— Это мерзавец! — говорил он, дрожа всем телом, — безграмотное животное, двух строк со складом и правильно не может написать... Лавочник, целовальник, а осмеливается безнаказанно оскорблять людей пожилых, чиновных и ученых!

— Как же вы знаете, что Полевой безграмотный, — возражали мы, — ведь вы сами говорите, что вы тридцать лет ничего не читали?

— Да мне попалась недавно, — отвечал он с неизъяснимым добродушием, — у кого-то из знакомых случайно книжонка, в которой была напечатана между прочим и его чепуха. Я прочел несколько строк и ужаснулся... Да что я говорю, лавочник! Всякий лавочник, друзья мои, напишет правильнее его.

Яков Васильевич задал нам однажды сочинения. Я выписал начало повести Полевого (кажется, "Сохатый") и представил ему выписку за собственное сочинение.

Яков Васильевич читал долго и внимательно, останавливался на каждом периоде и был восхищен изящностью слога, мастерством оборотов и грамматическою правильностью этого сочинения...

— Молодец, друг мой, молодец! — говорил он. — Хорошо, очень хорошо... — И он качал головою от удовольствия. — Я вам скажу, друзья мои, что такой слог сделал бы честь и опытному писателю... Не поправлял ли, впрочем, тебя кто-нибудь? — прибавил он через минуту задумчиво.

— Нет, никто, Яков Васильевич, — бойко отвечал я, — я это написал сразу-с, без всяких поправок.

— У тебя талант, друг мой, талант!

И с тех пор Толмачев относился ко мне с особенным вниманием и рекомендовал меня инспектору и помощнику инспектора.

В день публичного акта, при выпуске, я подошел к Толмачеву.

— Я виноват перед вами, Яков Васильевич, — сказал я, — я вас обманул. Я вам выдал чужое сочинение, которым вы были так восхищены, за свое... Ведь это вы так восхищались слогом Полевого. Я подал вам подстрочную выписку из Полевого. Видите ли, он, однако, не так безграмотен, как вы говорите.

Толмачев нахмурился, взглянул на меня сначала неблагоприятно, но потом улыбнулся и сказал:

— Что ты, мой друг, какой вздор говоришь!

— Спросите у моих товарищей, если не верите.

— И верить не хочу, и спрашивать не буду, — отвечал Толмачев решительно и отвернулся.

Я, впрочем, еще прежде этого имел счастье обратить на себя внимание Якова Васильевича.

Когда он вошел в первый раз к нам в класс и прочел список новых выпускных воспитанников, он остановился с видимым удовольствием на моей фамилии.

— А что, г. Панаев, — спросил он, — вы родственник тому Панаеву, который написал "Идиллии"?

Этот вопрос преследовал меня. Все начальники и учителя предлагали его мне при вступлении моем в пансион.

— Да, родственник, — отвечал я.

— И близкий?

— Племянник.

— А-а-а! — протянул Толмачев значительно. — «Идиллии» вашего дядюшки образцовые идиллии, единственные у нас в этом роде. Я хоть тридцать лет ничего не читаю, но для Панаева я сделал исключение и прочел его «Идиллии» с великим удовольствием.

Я сделался любимцем Якова Васильевича, хотя не заслужил этого ничем, кроме того, что был племянником моего дяди, не разделяя вовсе мнения достойного профессора об его идиллиях.

Для публичного акта Толмачев задал мне написать речь О значении русской словесности, что-то вроде этого. Задача эта привела меня в совершенный тупик. Я мог с успехом написать сочинение о захождении или восхождении солнца, поездку в Парголово или в Нарву, но как же рассуждать о значении словесности? Я знал несколько стихов Ломоносова и Державина, которые заставляли меня выучивать наизусть; незаметно и добровольно заучил почти всю первую главу «Онегина» и несколько стихотворений Жуковского, Батюшкова, Языкова, перечел все новейшие альманахи и критические статьи в «Телеграфе» — но этим и ограничивались все мои бессвязные знания. Что ж я напишу? Этот вопрос долго мучил меня. Наконец я принялся перечитывать «Телеграф» и написал какую-то нелепую статью, составленную из разных телеграфских критик. Я приделал к ней кое-как фразистое, нелепое заключение, но чувствовал, однако, что все это никуда не годится.

Толмачев взял мою несчастную компиляцию для просмотра домой и потом возвратил мне ее с улыбкой.

— Нет, друг мой, — сказал он, — ты напорол дичь. Уж ты не беспокойся. Я сам для тебя напишу речь такую, какую надобно.

Смысл этой речи я совершенно забыл, да, кажется, в ней и не было никакого смысла.

В заключение, как водится, было обращение к государю и изъявление чувства благоговейной признательности августейшему покровителю просвещения за попечение и заботливость об нас.

Я показал эту речь Кречетову. Он перелистывал ее и бросил с презрением.

— Избитые места, пошлость, ни одной живой, свежей, сочной мысли, ничего эдакого... эдакого...

И руки Кречетова пришли в движение для объяснения этого, но ничего не объясняли.

Он повторил еще раз эдакого, махнул рукой и прибавил:

— Э! да впрочем, чего ждать от старика, выжившего из ума?.. А можно бы написать славную речь, пропитанную свежими мыслями, обделать ее эдак изящно, как игрушечку...

Начались репетиции в публичной зале. Я читал бойко, четко, с ударениями, с возвышениями и понижениями голоса, не обнаруживая ни малейшего смущения.

Инспектор, его помощник, гувернеры — все были в восторге от моего чтения, и я был совершенно счастлив. На одну из репетиций явился и попечитель К. М. Бороздин — человек очень тихий и добрый. Он также отозвался об моем чтении с большой похвалой.

— Было бы недурно, — заметил он мне, — если бы вы при заключительных словах обратились к портрету государя императора, приподняли правую руку и постарались бы прослезиться.

Я обещал — и действительно прослезился... при мысли, что внизу меня ожидает щегольской сюртук и что через десять минут я буду совершенно свободен...

Это были слезы нервного восторга; я бы заплакал в эту минуту без всяких фраз и речей. Бойкость, с которою я произнес речь, и мои заключительные слезы произвели, как видно, сильное впечатление не только на почетных посетителей, присутствовавших на акте — на неизбежного графа Хвостова и других, но даже на самого министра народного просвещения князя Ливена, и когда меня вызвали для получения из рук его аттестата на чин двенадцатого класса, он сказал мне:

— Я ожидал, что вручу вам аттестат на десятый класс. Отчего же вы не получили десятый класс?

— Я не имею, ваше сиятельство, способностей к математике и потому... — начал я, заикаясь.

— Жаль, — перебил меня министр, — что я не знал этого прежде.

Я раскланялся, взял аттестат и хотел броситься вниз переодеваться, как несколько воспитанников закричали мне:

— Панаев, тебя спрашивает граф Хвостов. Делать было нечего. Я вернулся.

Граф Хвостов, согбенный старец, в поношенном мундире с потускневшим шитьем и с анненскою порыжевшею лентою через плечо, когда я подошел к нему, обратился ко мне с следующими словами:

— Ваша речь прекрасна и вы прочли ее с ораторским искусством. Вам делает большую честь, что вы любите отечественную словесность... А Владимир Иванович Панаев вам родственник?

— Он мой дядя.

— Похвально, — заметил Хвостов, задумчиво и как будто про себя.

"Для кого же похвально? — подумал я, улыбаясь невольно. — Для меня, что я имею такого дядю, или для моего дяди, что он имеет такого племянника?" — Владимир

Иванович — мой хороший приятель, — продолжал Хвостов: — я пришлю к нему перевод мой «Сатир» Буало для передачи вам, с моею надписью. Это дар вам от старого поэта, которому вы доставили истинное удовольствие своею речью.

Я раскланялся и убежал переодеваться. «Сатиры» были присланы Хвостовым к Панаеву на другой же день, но я забыл их взять — и они так и остались в библиотеке моего дяди.

«Мы высчитали, сколько месяцев, дней, часов и минут остается нам пробыть в пансионе и вычеркивали каждый день...

Время тянулось мучительно. Весна, однако, приближалась... и наступила. На огороде против пансиона начинала подниматься спаржа — несомненный признак скорых экзаменов.

При мысли об них холодный пот выступал у меня на спине. Начальство было ко мне очень расположено и предполагало, что я должен выйти одним из первых, потому что первый год после вступления в пансион я учился очень прилежно, то есть отвечал уроки без запинки, слово-в-слово по учебникам; впоследствии это опротивело мне, и я перестал заниматься, но уже слыл, по преданию, прилежным и способным учеником. Я отличался также примерным благонравием, а известно, что в то время (я не знаю, как теперь) благонравие ставилось гораздо выше прилежания. Но все-таки участь моя зависела от экзамена. "Ну что, если я опозорюсь и обману ожидания родителя и начальства?" Мне хотелось выйти 10-м классом, но я сознавал невозможность этого, потому что не имел никаких способностей к так называемым положительным наукам и особенно к математике. У нас проходили дифференциалы и интегралы, а я, как Митрофанушка, не знал даже простого деления!..

Самолюбие мое очень страдало, а спаржа в огороде поднималась все выше и выше. До экзаменов оставалось не более 7 дней.

Мы начинали вставать вместе с солнцем, чтобы приготовляться. Я уже заметил, что все учение наше основывалось на одной памяти, следовательно память была нам нужнее всего, а я, к сожалению, никогда не отличался хорошею памятью; к тому же она значительно притупилась у меня от бессмысленного долбления. Лениво поднимали меня с постели мои товарищи в 4 часа утра. Я брал грудку книг и тетрадей и отправлялся в класс. Солнце ярко светило. В этот год (1830) весна в Петербурге была очень ранняя и жары начались с мая месяца. В классе было душно. Я хватался то за одну, то за другую учебную тетрадь или книгу с судорожным беспокойством, а между тем дремота долила меня и пот градом катился с лица. Я до сих пор не могу без отвращения вспоминать об этом времени.

Несколько экзаменов сошло с рук довольно удачно, но еще впереди был экзамен в математике, о котором большая часть из нас помышляла с ужасом. Из 15 выпускных воспитанников только пять отличались кое-какими математическими способностями, остальные уподоблялись мне.

Преподавал у нас математику, как я сказал уже, поэт Шелейховский, а экзаминатором был профессор Д. С. Чижов, одно имя которого мы произносили с трепетом, до того он казался нам строг и неумолим. За два дня до экзамена я ходил как убитый. "Что со мною будет?" Эти роковые слова я шевелил в устах, как Каин имя Авеля в стихах профессора Шевырева.

Накануне экзамена я почувствовал себя нездоровым и помышлял было уже о больнице, но некоторые из товарищей, решившиеся всю ночь посвятить приготовлению, уговаривали меня присоединиться к ним.

— Да ведь я уж ничему не выучусь в одну ночь, — печально возразил я.

— Конечно, но все-таки лучше, мы тебе советуем.

И я последовал их бесполезному совету. Один из воспитанников повторял с мелом у доски, беспрестанно исписывал и стирал доску и очень бойко стучал мелом. Я ничего не понимал, глаза мои слипались, и я заснул...

Роковое утро наступило...

На небе не было ни облачка. Солнце светило досадно ярко, как будто для того, чтобы осветить сильнее мой позор.

Экзамен был назначен в 10 часов.

Я сидел у окна, выходявшего на улицу, и каждый проезжий издали казался мне Чижовым. Сердце мое беспрестанно замирало, и я чувствовал необыкновенную слабость.

Пробило 11 часов, а Чижов не появлялся. Нас потребовали в публичную залу. Я соскочил с окна с радостным криком:

— Господа! господа! Чижова уж, верно, не будет!

Но Чижов вдруг, как будто выросший из-под пола, очутился передо мною.

У меня помутилось в глазах и я чуть не упал...

По списку я стоял шестым. В отметке против меня значилось, что я имею отличные сведения в математике.

Вызывали по два воспитанника разом: один отвечал, другой приготовлял ответ на доске. Дошла очередь до меня. Я подошел к экзаминаторскому столу, вынул билет, развернул его и прочел громко, ничего не поняв.

Инспектор наш, человек очень добрый, даже нежный, мягким и ласковым голосом сказал мне:

— Покуда будет отвечать г. Х, вы нам, душенька, и изложите на доске то, что у вас в билете.

"Да, легко сказать — изложить!", подумал я и подошел к доске, взял мел, снова развернул зачет-то билет и прочел его, хотя знал, что это совершенно бесполезно. В отчаянии я начал чертить на доске какую-то геометрическую фигуру.

Товарищи мои знаками вызвали Шелейховского и сказали ему, чтоб он помог мне.

Шелейховский подкрался к моей доске и начал подсказывать мне, робко озираясь...

— Ну, вы понимаете дальше? — шепнул он мне.

— Ничего я не понимаю и ничего не знаю, — сказал я, опуская мел.

— Как! Так вы ничего не знаете! — с ужасом громко воскликнул Шелейховский.

На это восклицание Чижов и инспектор обратились ко мне.

— Что такое? Извольте прочесть ваш билет, — сказал мне строго Чижов.

Я прочел.

— Ну-с, отвечайте.

Я изложил кое-как подсказанное мне Шелейховским, беспрестанно путаясь, и остановился...

— Что же далее? Я молчал.

Чижов предлагал мне тысячу вопросов; он мучил меня, бог знает для чего, около часа.

Я стоял безмолвно, едва удерживая слезы и печально опустив руку, в которой держал мел...

Чижов наконец оставил меня, пожал плечами и обратился с досадою к Шелейховскому.

— Каким же образом вы показали, что он имеет отличные сведения, когда он понятия ни о чем не имеет? И это выпускные воспитанники, получающие университетские права! — продолжал Чижов, придравшись к своей любимой теме и обращаясь к инспектору. —

Что же я поставлю такому господину? Он, верно, прочит себя в гусары, а либо в уланы...

Инспектор был очень огорчен за меня и начал что-то вполголоса говорить Чижову, но Чижов строго и упорно качал головою.

— Мне до этого нет дела, — отвечал громко Чижов, — в моем предмете я все-таки обязан поставить ему нуль.

В отчаянии, со стыдом и со слезами на глазах и весь в мелу, вышел я из публичной залы, вошел в класс, бросился на скамейку и зарыдал.

Ко мне подошел Павлов, один из товарищей, бывший на отличном счету у начальства, которому он очень ловко подслуживался. Павлов учился на 10-й класс; папенька обещал ему подарить рысака, если он выйдет десятым классом. "Способностями бог его не наградил" и даже не дал доброго сердца. При весьма ограниченном уме и способностях он был пропитан лицемерством и лестью.

При виде моего отчаяния Павлов скорчил добродушную и вместе плачевную гримасу и произнес со вздохом:

— Мне ужасно жаль тебя, братец! Ведь с нулем тебя не выпустят из пансиона. А мне так Чижов поставил четыре, теперь уж я непременно выйду десятым классом!

С таким же утешением он не совсем удачно подошел к другому воспитаннику, с характером гораздо решительнее моего и также получившему нуль в математике.

Воспитаннику с решительным характером не понравилось участие товарища и он нанес ему очень значительную неприятность, которую тот перенес с похвальным смирением и кротостию...

Обратимся, однако, к экзамену. Горесть моя начинала мало-помалу смягчаться и утихать, по мере того как мои товарищи возвращались с экзамена в таком же положении, как я, то есть: с нулями в экзаменаторском списке и с отчаянием в сердцах. Таких возвратилось уже человек до четырех. "Ну, по крайней мере не один я". Эта мысль утешила меня. После обеда, поободрившись, я отправился в публичную залу. Был уже шестой час. Оставалось человек недоэкзаменованных пять. Чижов был в самом свирепом расположении. Шесть нулей красовалось уже на листе. Поставив последний ноль при самом моем входе в залу, Чижов обратился к Шелейховскому с вопросительной иронией:

— Что же это такое, наконец?

Шелейховский схватил себя за голову, взъерошил волосы и вскрикнул каким-то отчаянным, раздирающим голосом:

— Боже мой! да чем же я виноват? Что мне с ними делать?..

Но это еще были цветочки, — ягодки впереди.

Передпоследним Чижов вызвал Татищева. Татищев был сын богатого помещика, провинциального аристократа, необыкновенно довольного собой, гордившегося тем, что у него в гербе княжеская корона, и оравшего во все горло. Он часто являлся в пансион к сыну и возбуждал своим криком и манерами общий смех... Сын очень походил на отца, кричал так же громко и хвастал перед товарищами своим богатством и своей княжеской короной.

Товарищи обращались с ним как с шутком, но, несмотря на это, любили его, потому что он был до крайности наивен и добр. Он написал однажды сочинение для Кречетова, которое начиналось так:

"Солнце склонилось к западу. Был прекрасный и тихий вечер. Филомела пела, а соловей свистал..." С этой «филомелой» потом не давали ему прохода.

Отец объявил ему, что если он получит 10-й класс, то он будет выдавать ему в год по 5000 руб. асс., если 12-й — 2500 руб., а если 14-й, то 1200 руб. Татищев учился на 5000 руб., как ему это было ни тяжело. Он зубрил с утра до ночи, мучился и все-таки отставал от других, почти ничего не делавших... Но вдруг за полгода до выпуска отец его умирает скоропостижно. Матери у него давно не было. Татищев делается полным властелином своих богатств и перестает учиться...

— Из-за чего я стану теперь себя мучить? — говорил он нам. — Сами согласитесь, теперь мне все равно, каким классом ни выйти. Я завишу сам от себя и буду издерживать, сколько хочу.

И когда учителя спрашивали его уроки, он вставал обыкновенно с своего места, корчил плачевную гримасу и произносил, всхлиывая:

— Я не мог приготовить урока, потому что я недавно лишился родителя и благодетеля. Учителя улыбались, воспитанники фыркали, и Татищева оставляли в покое...

Итак, очередь наконец дошла до Татищева.

Все воспитанники, печальные и веселые, с нулями и с хорошими баллами, сошлись на это зрелище.

Татищев подошел к экзаменаторскому столу очень бойко, расшаркался не без грации (грации обучала его, по его словам, г-жа Калам, гувернантка, бывшая при нем) и взял билет...

— Покажите ваш билет, — сказал ему Чижов.

Татищев подал ему билет и, неизвестно для чего, с приятностью улыбнулся. Чижов прочитал его.

— Очень хорошо, — сказал он, — подойдите к доске, начертите пирамиду...

— Что прикажете? Пирамиду-с? — закричал Татищев во все горло.

— Ну да! пирамиду, — сказал Чижов, хмуря брови.

Татищев взял мел с торжественностью и начертил круглую шапочку.

— Что же это такое? — спросил Чижов: — я вам говорю начертите пирамиду.

— Вот она-с! — произнес Татищев, тыкая на шапочку указательным пальцем, который состоял у него из двух суставов вместо трех. Вообще фигура Татищева не отличалась большою стройностью, коленки у него были вогнуты, живот вперед и взгляд много утрачивал выражения от бельма, которое у него начинало образовываться на одном глазу.

— Так это по-вашему пирамида? — протянул Чижов.

— Да-с, — твердо и довольно отвечал Татищев, с недоумением, однако, и беспокойством взглянув на товарищей, которые едва удерживались от смеха.

Чижов обернулся к Шелейховскому...

— Г. Татищев! что же это? — произнес с воплем Шелейховский.

Татищев догадался, что дело плохо, и торжественное выражение лица его вдруг сменилось слезной гримасой.

Чижов сделал Татищеву еще два какие-то вопроса — один из алгебры, другой из арифметики, но Татищев отвечал на них одними слезами и, всхлипывая, сказал, что не мог заниматься, потому что лишился родителя и благодетеля.

— Ну, идите, — сказал Чижов, махнув рукою. — Товарищам вашим я поставил нули, а вам, сударь, я и пера не помочу в чернила, чтобы поставить что-нибудь. Вы и нуля не стоите.

Татищев удалился, рыдая.

Но Татищеву все мы, получившие нули, были обязаны своим спасением. Вот как это случилось: за сестрой Татищева, имевшей значительный капитал, ухаживал в это время один инженерный офицер, большой приятель Чижова. Татищев объявил инженерному офицеру, что если Чижов поставит ему порядочный балл, то в таком случае он немедленно изъявит свое согласие на брак, а в противном случае и слышать не хочет ни о чем. Это был последний и решительный ультиматум брата невесты. Инженерный офицер сообщил свое положение Чижову; Чижов тронулся положением своего приятеля, явился в пансион, потребовал экзаменаторский лист и поставил Татищеву 2, а нам всем, вместо нулей, полтора балла.

Не влюбись так кстати для всех нас инженерный офицер в сестру Татищева, мы, кажется, не могли бы разделаться с математикой, если бы остались в пансионе и еще на несколько лет.

И вот мы окончили курс наук. В руках у нас великолепные пергаментные листы с правами на чины и с удостоверениями, что мы во всех науках имеем отличные, очень хорошие или достаточные сведения и притом отличались примерным благонравием.

Начальство пожимает с чувством наши руки и поздравляет нас, родители прижимают нас к груди в умилении, мы, разумеется, вне себя от восторга, что уже не школьники. Но ни начальству, ни родителям, ни нам не приходит в голову, для чего мы приготовлены и приготовлены ли к чему-нибудь?.. Внешняя жизнь ослепляет, соблазняет нас, и мы отдаемся ей с увлечением; мы не рассуждаем об явлениях этой жизни, потому что в нас не только не развились мыслительных способностей, но еще забыли их пошлою моралью и рутиной.

Мы не приобрели никаких, даже элементарных научных сведений.

В тумане голов наших бродят бессвязно кое-какие исторические имена, названия городов и войн, какие-то годы и цифры, но не только года, столетия мешаются и перепутываются в них. Мы выходим из пансиона такими же детьми, какими вошли в него, — только детьми, потерявшими пушистость щек и уже начинающими подбрасывать и подстригать усы и бороду. При нашем невежестве и отсутствии умственного развития мы принимаем все на веру и безусловно и входим в избитую колею, не только не понимая возможности какой-либо другой, лучшей жизни, различной от нашей, но даже не будучи в состоянии вообразить что-нибудь лучшее. Нечего и говорить о чувстве общественном, гражданском. О пробуждении его едва ли и думало тогдашнее воспитание. Чинопочитание, покорность до того были вкоренены в нас в родительских

домах и потом развиты в пансионе, что мы, вступая в свет, совершенно теряемся и робеем при появлении каждой титулованной особы и при взгляде на всякую блестящую обстановку. При этом у нас только возникает одна мысль: «как бы поскорей добиться до всего этого?»

Вот каких полезных деятелей приготавлил для отечества благородный пансион!».

Панаев, И. И. Литературные воспоминания. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – С. 3-15, 20-27.

Иваницкий Николай Иванович

1816-1858

Русский писатель и педагог, краевед.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1838).

«Начались лекции. Дела мои шли хорошо, я занимался прилежно; вскоре профессора начали отличать меня, а товарищи уважать. Большие всего я занимался историей Русской литературы, которую читал Плетнев, и политической экономией, которую читал Порошин; потому что оба эти профессора – люди с душою и говорили всегда с истинным убеждением в правоте своих мыслей. Из казенных однокурсных моих товарищей не было людей хороших: все почти воспитанники 3-й Гимназии, бездарные и бездушные, носящие на себе отпечатки гувернерского обращения. Один только Коншин, мой земляк и товарищ по гимназии, да Шведт, родом Белорусс, составляли исключение: первый был человек с душою и хорошо занимался; второй тоже умный и добрый малой, только лентяй. Казенные математики были лучше: Кеслер, Ленчевский и Копосов постоянно были моими добрыми товарищами. Со многими из своекоштных студентов я сблизился и подружился. П. Зубов, мой земляк и товарищ по гимназии, Любоцинский, Червинский, Граве, Шулепников, Крамер, Мосягин, Щетинкин и многие другие были хорошими и дельными товарищами. Зубов был у нас издателем Университетского журнала; я принял в нем деятельное участие. Первая статья моя была перевод с польского в стихах небольшой поэмы Славацкого «Исповедь монаха». Эта статья заслужила общую похвалу всех студентов, и именно с этого времени товарищи начали смотреть на меня с большим уважением».

«Здесь кстати сказать, что инспектор Филиппов с этого году сделался ко мне еще ласковее, и именно вот по какому обстоятельству. В январе или феврале 1836-го года он получил от князя несколько выговоров за то, что часто многие студенты не ночуют в Университете. Желая прекратить эти беспорядки, инспектор приказал, что студенты могут ходить только без спросу только до 12 часов вечера, а кто хочет опоздать, то должен спроситься у него, или по крайней мере оставить записку. Разумеется, многие не умели оценить этой кроткой и необходимой меры и часто без позволения прогуливали целые ночи. Я со своей стороны предупредил инспектора, объявив ему, что каждую среду и пятницу я бываю у профессоров Плетнева и Никитенки, и поэтому в эти дни, может быть, буду приходить поздно. Случилось, что в одну пятницу я пробыл у Никитенки до 2-х часов и возвратился от него в Университет вместе с двоюродным братом инспектора, Михайловым, который жил вместе с Филипповым. Между тем в ту же ночь многие из студентов не ночевали дома, а многие поздно возвратились, не имея на то позволения. Все это было передано инспектору, а в том числе сказано и обо мне, что я поздно возвратился. Мы сидели за обедом; не дождавшись конца стола, я ушел наверх, а инспектор между тем пришел в столовую и, разгорячившись, очень шумел на тех,

которые были виноваты. При этом случае он вспомнил и обо мне и послал за мной солдата. Я прихожу в столовую; вдруг инспектор начал горячиться и кричать на меня, между тем как прежде он никогда не говаривал даже грубого слова. Я стоял, слушал брань и не понимал, за что все это. Наконец Филиппов сказал, чтобы я остался на 2 недели под арестом. Я, не сказав ни слова, ушел наверх. Прочие студенты, возвратясь из столовой, объяснили мне в чем дело. Я отправился к инспектору и очень вежливо спросил у него о причине его гнева. Он объяснил мне; а я сослался на Михайлова и напомнил ему, что еще в начале года получил позволение опаздывать по средам и по пятницам. Филиппов расплакался, стал меня обнимать и просить прощения. Я успокоил его и ушел в свою комнату. Не прошло пяти минут, как инспектор снова явился к нам, собрал всех студентов и торжественно начал просить у меня прощения. Опять пошли объятия и поцелуи; тем дело и кончилось».

«В этот год к Пасхе нам разрешено было носить шпаги и шляпы. Прежде форма соблюдалась нестрого: кто придет в мундире, а сверху бекешь и круглая шляпа. Теперь же строго велено было всем ходить непременно в форме. Мундир у нас был довольно хороший: темно-зеленого сукна с голубым воротником и с золотыми петлицами. На шестой неделе поста мы получили первое известие о шляпах и шпагах. Как теперь помню: это было в среду; мы сидели на лекции у Плетнева; приходит инспектор и объявляет нам. По этому случаю начались кое-какие разговоры. Инспектор, обращаясь к нам, говорил: «вот прежде многие из вас ходили в цветных брюках; теперь этого уже нельзя будет делать; вот напр., г. Блудов, я вас очень часто видал не в форме». Блудов поднялся со своего места и, показывая на брюки, отвечал: «нет, Ник. Пав-ч, я в форменных брюках». Разумеется, и инспектор и все мы захохотали... Когда инспектор ушел, Плетнев начал продолжать лекцию такими словами: «в этой новой форме начали появляться сонеты...» Всеобщий хохот. Здесь кстати припомню другой анекдот о Плетневе. Однажды на репетиции он спросил князя Щербатова; тот отвечал, что не приготовился; Плетнев обратился к другому студенту, но и от того получил такой же ответ. Тогда Плетнев покачал головой и с улыбкой сказал: «не надейтесь ни на князи, ни на сыны человеческие!» Подобные анекдоты случались и с другими профессорами. Шульгин, избранный в ректоры, рекомендуясь нам, сказал: «нынче Крестопоклонная неделя (это было на 4 неделе поста); не знаю, будет ли моя новая должность крестом тяжелым, или иго мое будет благо и бремя легко». Тоже случилось, что Крамер не явился на экзамен к Шульгину и чрез несколько дней начал просить, чтоб его проэкзаменовали. Шульгин сказал, что надобно представить лекарское свидетельство. Крамер отвечал: «я не хочу обманывать вас; потому что не был на экзамене не по болезни, а по домашним обстоятельствам». Шульгин на это сказал: «я вполне верю вам, г. Крамер, но все-таки для формы надобно какое-нибудь свидетельство; вот ведь нам многие представляли свидетельства и от таких докторов, которых знает вся Европа, и от таких, которых знает один только Бог, да и тот потому, что всеведущ».

Экзамен приближался, а вместе с тем приближался и срок, когда надобно было подавать сочинение для получения медали; а между тем мое сочинение было написано только вполтину: надобно было и писать, и готовиться к экзаменам. Нечего делать! За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь: я решил не искать уже медали и бросил свое сочинение. Оно было довольно хорошо, и я уверен, что получил бы медаль. Из наших студентов подали сочинения трое; но все, как и ожидать надобно было, остались с носом...»

«Когда мы возвратились в Петербург, то нашли уже весь Университет готовый к переезду на Васильевский остров в дом Двенадцати Коллегий, который нарочно отстроен был для Университета. В этом доме со времен Петра 1-го помещались Сенат и Синод, а теперь он отдан был под Университет. Что здание прекрасное, об этом не о

чем и говорить: галерея, в которой помещается библиотека, по величине своей первая в Европе: она в длину 183 сажени; в ней паркетный пол и по концам зеркальные двери; зала, в которой при Петре была конференция, осталась в прежнем своем убранстве. Публичная зала в длину около 30 сажень, в 2 этажа, с хорами и мраморными колоннами; пол паркетный. Аудитории многие сделаны амфитеатром: мебель везде новая. Мы поместились в третьем этаже: во втором аудитории, библиотека и залы, а в третьем столовая, буфет, кухни, правление, цензурный комитет и квартира некоторых чиновников.

Лекции начались с сентября. Плетнев читал историю Русской литературы со времен Екатерины; целых четыре месяца он разбирал Державина; разборы эти были образцовые, ничто столько не действовало на образование моего вкуса, как эти беседы. Жаль только, что немногие из студентов могли ценить их; бисер по большей части падал пред свиньями... Порошин читал статистику превосходно: удивительный талант сделать живым и занимательным такой сухой предмет. Ивановский читал народное право: статья о посольстве была чрезвычайно интересна. Шульгин читал новую историю своим в высокой степени оригинальным языком. Я занимался очень хорошо, и все профессора любили меня...

При добром нашем инспекторе можно было гулять сколько угодно. Желая сколько-нибудь взять нас в руки, он завел, что двери наши отперты были только до 12 часов; кто хотел прийти позже, тот должен был идти на крыльцо к инспектору, пройти чрез его спальню и кабинет прямо в свою спальню. (Спальня наша была подле инспекторского кабинета). Из-за этого было много смеху. В первую ночь инспектор запер двери кабинета и ключ положил к себе под подушку, так что всякий, кто приходил поздно, должен был будить инспектора. Как только настал первый час ночи, начали собираться наши гуляки один за одним; инспектор должен был не спать всю ночь, беспрестанно отпирая и запирая двери. На другую ночь он уже оставил ключ в дверях. Иногда случалось, что возвращаешься часу во 2-м, а инспектор еще не спит; надобно проходит чрез кабинет так, чтобы он не видал из-за ширм; тогда снимаешь, бывало, в передней сапоги и на четвереньках (чтобы через ширмы не видно было головы), держа сапоги и шпагу в зубах, пробираешься к своим дверям. Однажды ползло таким образом вдруг человек пять студентов; передний намеренно рассмеялся; все прочие расхохотались и бросились опрометью в двери, растеряв сапоги и шпаги. Филиппов вскочил с кровати и подобрал добычу. Иные по утрам спали очень долго, часов до 9 и даже до 10; инспектор отворял двери из кабинета и почти сквозь слезы говорил: «господа, пора вставать: ведь уж скоро обед!» Если же на зов его спящие не откликались, он подходил к кроватям и дергал за ноги лежавших: иной завернется в одеяло и будто в просонках начнет лягать ногами... Смеху бывало довольно...

Около этого же времени Шакеев, по протекции Шульгина, определен был адъюнкт-профессором читать в 1, 2 и 3 курсах нашего факультета историю. Но между студентами была мысль, пущенная партией Куторги, что Шакеев ничего не знает. На первую лекцию к нему собралось человек 300. Он читал довольно хорошо; однако ж его никто не слушал, а все только ждали окончания лекции. Когда он начал сходить с кафедры, все засвистали, зашикали... Разумеется, тотчас об этом дано было знать князю. Князь на другой день делал нам выговор, бросил свою перчатку и сказал: кому угодно поднимать? Разумеется, перчатки никто не поднял: тем дело и кончилось. Через несколько недель Шакеев был отставлен.

Вскоре случилось другое обстоятельство. Князь Вяземский, студент 1-го курса, пришел пьяный на лекцию к Фишеру. Фишер побранил его; Вяземский этим обиделся. Тотчас вся университетская аристократия заступилась за Вяземского и увлекла за собой всех других студентов одного курса. Написали прошение к князю, и подать эту жалобу взялись два студента, граф Васильчиков и Сверчков. Попечитель прочитал прошение и сказал подателям: «извольте отправиться к инспектору и отдать ему ваши шпаги!» Делать

нечего. Инспектор посадил Васильчикова и Сверчкова в карцер. Но они не унывали: в продолжение трех дней они выпили 18 бутылок Шампанского и порожние бутылки выбрасывали в окно на улицу. Инспектор узнал об этом; солдата Московского, который носил арестантам вино, высекли; а они дали ему 300 р., и Московский был в восхищении: «пожалуй, говорил он, пусть высекут и в другой раз!»

В эту же осень был интересный случай с студентом Новицким. Он был чрезвычайно, даже почти до невероятности, близорук. Однажды шел он по Английской набережной. Навстречу ему попадаетеся Государь с Государыней. Новицкий прошел между ними, толкнув того и другую. Государь рассердился, начал бранить Новицкого. Новицкий тогда только узнал, с кем он имеет дело. В досаде Государь не пошел далее: тотчас сел в коляску и уехал. К счастью, наш суб-инспектор Грейсон видел все это; он расспросил Новицкого и тотчас донес инспектору; инспектор в ту же минуту отправился к князю, а князь к министру. Министр в этот день должен был где-то обедать вместе с государем; потому-то и поспешили скорее предупредить его. Государь, как только увиделся с министром, тотчас сказал ему: «Какие у тебя невежи студенты! Сегодня один студент чуть не толкнул меня с тротуара». Министр сказал: «Это Новицкий; он, в. и. в., уже посажен под арест; он чрезвычайно близорук, так что узнает людей только по голосу». «Ну, так оставить его!» сказал государь. Новицкий просидел три дня в карцере. Тем дело и кончилось...

Истинное мое торжество было на экзамене из русской словесности. Как теперь помню, день был ясный. Утром мы узнали, что на экзамен к нам будет московский профессор Шевырев, который в это время приехал в Петербург. Часов в 9 я с Коншиным и еще с кем-то вышел на крыльцо дожидаться Плетнева. В 10-м часу Плетнев пришел Пешком, и мы поздоровавшись объявили ему, что будет Шевырев. Начался экзамен. Грефе председательствовал на нем в качестве декана. Вдруг входит Шульгин, и за ним идет маленький человек, с черными волосами, в черном шалевом галстуке, с очень приятным, несколько смуглым лицом. Это был Шевырев. Тотчас вызвали меня. Я взял билет о Жуковском. В эту минуту приезжает князь. Только я начал отвечать, Шевырев ввязался в мой ответ, и у нас один на один пошла самая одушевленная беседа. Разговор нечувствительно перешел на Державина; а Державина я знал почти всего наизусть... Много декламировал я стихов, наконец начал читать: Властителям и судьям. Шевырев сказал: «вы прекрасно читаете стихи». А Плетнев тихо заметил ему: «он и сам прекрасно пишет»... Князь и Шульгин изредка только вступались в нашу беседу. Наконец Шульгин напомнил, что пора и кончить. Я раскланялся. Шевырев встал с места, взял меня за руку и просил побывать у него. Князь тоже встал, очень довольный и, уходя на экзамен к юристам, сказал: «пойду там похвастаюсь!» Я был в полном восторге; все студенты поздравляли меня...»

«1838 года 25 марта в Университете был акт, первый еще по переводе У-та на Васильевский остров. Посетителей тысяч до трех. Билеты были трех разборов: благородным – розовые, высокоблагородным – голубые, а превосходительным и сиятельным – белые. На акте Никитенко читал о нынешнем состоянии теории словесности, а Шульгин – историю университета. После акта посетители вышли в библиотеку, которая представляла тогда вид бульвара. Прогулка эта продолжалась тогда около часа. Вскоре, не помню только в какой день, приезжал Государь, а недели через две после него Наследник. Государь на лекции не заходил, а Наследник зашел только минут на 10 в аудиторию к Устрялову. Довольно было и смеху по случаю этих посещений. Государя ожидали недели две. В один день он ехал по Исакиевскому мосту и поворотил к У-ту. Часовой тотчас дал знать. В У-те поднялась страшная тревога. Мы в это время сидели на лекции у Порошина. Это был третий час в исходе. Солдат Московский, который в это время был в сборных залах и держал в руке звонок, с испугу зазвонил. Мы думали, что уже 3 часа и пошли с лекции, но нам закричали: Государь приехал! и мы

вернулись. Рождественский, профессор прав, сочинитель глупой логики, читал в это время у юристов 2-го курса. Он до того перепугался, что вскочил с кресел и начал свою лекцию снова словами: милостивые государи! в прошедший раз мы говорили... и пр. Эконом в это время побежал зачем-то наверх, но добежав до середины лестницы, присел и с глубоким вздохом сказал: «ой, не могу больше»... Между тем оказалось, что Государя нет: он проехал мимо У-та в Мариинскую больницу. Проведав это, студенты начали пугать Рождественского: вдруг зашумят – идет, идет! и Рождественский побледнеет и вскочит с места. Государь был после этого еще чрез несколько дней. Кроме актов, были в У-те часто собрания по случаю защищения докторских и магистерских диссертаций; при мне было таких защищений до 30. Всего больше отличился Неволин, а Устрялова нашего Плетнев просто зарезал.

Когда мы кончили курс, студенты трех первых курсов сделали для нас праздник. Все они сложились по 10 рублей, выбрали место на берегу озера в Парголове, купили вина и приготовили кутеж. Каждый должен был приезжать туда в сюртуке, в фуражке, со своей трубкой и табаком. Кто имел свой экипаж, тот ехал, разумеется, на своих; но большая часть взяла омнибусы. Собралось вдруг омнибусов до 10; на крыше переднего стоял студент Воротников, высокий ростом, с волторной в руках. Подъезжая к заставе, он заиграл. Все с удивлением смотрели на эту процессию. На празднике было всего человек до 400: пили, ели, дурачились и пр. почти до утра. С тех пор этот праздник делается ежегодно».

Из автобиографии Н. И. Иваницкого // Русский архив. – 1909. – Кн. 3, вып. 10. – С. 130, 133-134, 137-142, 145-146, 148-149.

Грот Яков Карлович

1812-1893

Филолог, вице-президент Санкт-Петербургской Академии наук

Многие из университетских его слушателей умели оценить те стороны его лекций, которые составляли их достоинства. «Он читал», - говорит один из этих слушателей, - не мертвые лекции, а живые импровизации, исполненные знания и любви к делу. Они были в высшей степени занимательны. Плетнев являлся в аудиторию с Державиным, Фонвизиним, Костровым и т. п., начинал читать их, избирая именно особенно замечательное, и тут сыпалось множество эстетических, филологических, анекдотических и других замечаний, делавших его вдохновенным комментарием, по выражению Пушкина. Плетневу обязан я тем, что стал на настоящую точку зрения при изучении наших старых писателей. На лекциях его читались так же сочинения студентов, велись диспуты, обсуждались замечательные литературные новости». Такой же точно отзыв о лекциях Плетнева слышал я и от нескольких других лиц, между прочим, от бывшего гельсингфоргского профессора С. И. Барановского, посещавшего петербургский университет еще в 30-х годах. Наконец, и сам я из любопытства был на одной университетской лекции Плетнева: он читал об историке Татищеве. Хотя в ней и не было особенно обилия подробностей, однако же все существенные фактические сведения о жизни и трудах этого лица были сообщены умно, занимательно и сделана с оживлением оценка его деятельности. Из представленных выше посторонних

свидетельств о лекциях Плетнева очевидно, что он, будучи вообще врагом мертвой рутины, избрал себе и в этом деле самостоятельный путь. Многие взгляды его на литературу были для своего времени оригинальны и новы.

Грот Я. Петр Александрович Плетнев // Русский архив. – 1869. - № 12. – С. 2086-2089.

Колмаков Николай Маркович

1816-1896

Литератор, чиновник Министерства юстиции, обер-секретарь Сената, председатель Киевской палаты гражданского суда.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1838).

«Я без труда нашел университетское здание, смело и не снимая шапки, вошел в швейцарскую, где швейцаром тогда был, известный в то время и многие последующие годы, Савельич. Прежде нежели я объяснил ему цель моего прихода, Савельич встретил меня гневным вопросом: «что ж ты шапку-то не ломаешь, а? Не видишь образа на стене, или не знаешь, с кем говоришь?» При этом Савельич указал мне на свою грудь, увешанную многими медалями и крестами.

Я струхнул, быстро снял шапку, извинился и повторил свой вопрос. Савельич, видимо, смягчился; «а зачем тебе профессор Колмаков?» спросил он меня. «Да это мой дяденька, я приехал из Малороссии и не знаю, где он живет!» «Вот так бы вы и сказали!» произнес он смягченным голосом, меняя ты на вы.

Таким образом, разговор мой с Савельичем кончился в совершенно дружеском тоне и я получил от него все нужные сведения. Через пять лет после сего я был уже студентом юридического факультета и, встретив в швейцарской Савельича, напомнил ему о первом нашем знакомстве. К удивлению моему, он меня не забыл, и описанное обстоятельство послужило основанием моих многолетних с Савельичем приятных отношений. Он почасту впоследствии меня и других снабжал книгами и записками, кои ему оставляли кончившие курс студенты.

Все студенты и профессора петербургского университета, начиная с конца 1820-х годов, чуть ли не в течении более полувека, помнили Савельича и относились к нему с большим сочувствием, любили его, и потом, когда он умер, почтили его похороны сердечным и дружеским поминовением».

«Правление университета, где молодые люди подвергались испытанию, было в то время в доме Штерича, у Семеновского моста...

К экзамену все собравшиеся молодые люди приступили со страхом и робостью. Явился ректор Дегуров. Это был маленький ростом седой старичок и, поздоровавшись с нами по-французски, просил приступить к делу. Французское обращение с нами Дегурова и повторение им беспрестанно слов: messieurs, производило на нас неприятное впечатление. Тут же на экзамене мы слышали, что он француз, когда-то был секретарем известного Робеспьера и убежал, спасаясь от эшафота, из Франции. Экзамен из математики пугал всех, но я смело приблизился к профессору Федору Васильевичу Чижевскому. «Ну-с», сказал он: «что вы знаете?» - «Все», отвечал я: «что следует по программе и что вам угодно будет меня спросить!»

И действительно, на все его вопросы из алгебры и тригонометрии я отвечал твердо и отчетливо. Он удивился, спросил меня, где я готовился, и поздравил меня с полными баллами...

Приемные экзамены по прочим предметам прошли благополучно и мне объявили, что я принят в число студентов. Вместе со мною и Любоцинским поступили многие молодые люди, в том числе из высшего круга, так я помню князя Г. А. Щербатова, графа А. Д. Блудова, П. П. Убри, графа Шувалова. Со мной вступили также В. П. Степанов, Павел Алексеевич Зубов, братья Пильшеры и проч. В высших курсах тогда были граф Нессельроде, Н. Грановский, Печорин, Ив. Сергеевич Тургенев и другие.

Помню, граф Нессельроде и князь Щербатов сначала ездили в университет с гувернерами, но с гувернером первого случилась оказия: он на лекции заснул и захрапел, а потом свалился, как сноп, со скамейки; произошел смех, после чего он перестал появляться в университете.

Когда достигнешь старости, то воспоминания о студенческом периоде времени самое приятное. Всего лучше это время назвать весной жизни.

Петербургский университет, в период конца 1830-х, 1840-х и 1850-х годов, был неоднократно описан, а потому мне, казалось бы, нет повода говорить об этом еще; но, однако же, есть некоторые частные случаи, кои сами просятся под перо, а потому я не могу отказать себе в удовольствии сказать хоть несколько слов о профессорах, студентах и вообще времени, начиная с 1834 г.

Ректор Дегуров, как выше сказано, был препротивная личность и, действительно, по наружности своей, он не возбуждал симпатии: маленький, седой, худой, с беспокойными глазами, с пустыми фразами на языке; все это вместе отталкивало от него; о деятельности его я ничего не слыхал. Он часто появлялся по утрам в университете и, увидя какого-либо студента не в форме, подходил к нему с любезностью и, подавая ему руку свою на подобие танцующего кавалера, приглашающего даму к танцам, произносил «monsieur» - и выводил студента за дверь аудитории, а иногда даже и до самой швейцарской.

Один раз выдался такой день, что он меня два раза выводил из аудитории, а между тем в тот день шла репетиция или экзамен латинского языка. Я боялся пропустить время и очередь вызова, а потому, очутившись в швейцарской, обратился к Савельичу:

- «Ради Бога, дай мне какой-либо мундир!»

Савельич бросился к своему сундуку, где у него хранились платья от прежних студентов; долго он рылся и, наконец, подал мне один из мундиров, который, по его мнению, близко подходил к моей объемистой корпорации. С трудом я натянул его на свои плечи и хотя чувствовал, что мне трудно будет двигать руками и плечами, однако же, пошел в аудиторию. Меня окликнули; я подошел к столу и хотел взять книгу, кажется, Салюстия, для перевода, но, увы! мои руки не сходились, чтобы взять книгу. Я начал усиленно натуживаться, слышу, что-то трещит, и кончилось тем, что мой мундир, во всю длину спины, от самого воротника до фалдочек, разлетелся пополам по шву. Громкий хохот огласил зал, однако же, все кончилось благополучно. Экзамен сдан, чего же более, но явилась другая беда, как сдать Савельичу мундир? И действительно, он взрыдал, увидя его, но, убавленный моим вознаграждением, умаялся, затих и сам начал смеяться.

Догматическое богословие и каноническое право первое время читал у нас протоиерей Баженов, но вскоре заменил его Райковский, тоже священник. Баженов, как известно, поступил ко двору и оставил по себе весьма приятные воспоминания. Лекции его посещались весьма многими студентами, даже и теми, для коих лекции его не относились к факультетским занятиям.

Напротив того, Райковский возбуждал жалобы студентов своими неуместными требованиями. В особенности он приводил в отчаяние своими вопросами, кои прямо не относились к делу; так, например, он настойчиво требовал, чтобы студенты знали непременно пункт за пунктом все статьи Вселенских соборов, а также отдельно все члены Символа веры, хотя последний предмет прямо и не входил в состав экзамена.

Например, обращаясь к студенту, он спрашивал:

- «Скажите мне 7-й или 9-й член Символа веры».

Студент, зная наизусть весь символ веры, затруднялся сказать прямо и отдельно текст того или другого пункта Символа веры. Райковский, нисколько не стесняясь, ставил студенту неодобрительные баллы и тот отходил от стола с кислой физиономией. Таких случаев было много, но есть всему конец!

Раз в числе ассистентов на экзамене был профессор Ивановский. Райковский, по обыкновению своему, начал задавать вопросы студентам о Символе веры в разбивку. А засим, не получая от них ответов, награждал их единицами.

- «Позвольте, произнес Ивановский Райковскому, - скажите мне, профессор, какая буква в русском алфавите на 9-м месте?»

Райковский задумался и замялся.

- «А позвольте, снова сказал Ивановский, - на 17-м месте какая буква?»

- Право не знаю, отвечал Райковский.

- «Как же вы, профессор, продолжал Ивановский, - обвиняете студентов в том, что они не знают в разбивку Символа веры, а сами не знаете на каком месте стоят буквы русского алфавита».

- Что же вы хотите этим сказать? заявил смущенный Райковский.

- «А то, продолжал Ивановский, - что ваши неодобрительные баллы студентам есть верх несправедливости, а потому прошу уничтожить сии баллы и допустить студентов снова к экзамену».

Райковский, краснея и досадуя, должен был согласиться с Ивановским. Случай этот, кажется, надолго отбил у него охоту озадачивать студентов спросом отдельных пунктов Символа веры.

Райковский читал в последнее время нравственное богословие, философию и логику, но это был набор бесцветных фраз, нравоучений, сказанных без всякой системы и толку... С Райковским у нас случилась раз такая история: он как-то на лекции исчислял совершенства Господа Бога и определял величие его.

Вдруг студент Павел Зубов встает и произносит громогласно басом и с пафосом:

- «По-моему, Господь Бог есть величайший поэт, а мироздание Его есть величайшая поэма!»

Услышав это, Райковский поднял руки вверх и вскричал: «Боже! Что я слышу?» и засим стремительно бросился к выходу из аудитории. Произошел конфуз, разразившийся общим дружеским и продолжительным смехом. Кажется, Райковский жаловался кому следует. Зубова призывали и он по своему подтвердил правдивость своего определения о Боге. Таким образом, жалоба Райковского осталась без последствий...

Раз он нам принес известие о том, что Пушкин с Жуковским и Плетневым будут в университете на лекции у Гоголя. Все, разумеется, ждали с нетерпением этого дня. Я видел вошедшими их всех в университет, но сам, к крайнему сожалению, на лекции Гоголя на этот раз не был.

По рассказам других, лекция эта далеко не удовлетворила слушателей. Из других же лекций средней истории все, да и сам Гоголь, убеждался, что он не профессор истории. Тогда было известно, что Гоголь попал в профессора вследствие своей статьи о движении народов в средние века. Статья эта была напечатана в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и весьма понравилась бывшему министру графу Сергею Семеновичу Уварову. Она обличала в авторе скорее даровитого живописца и писателя, нежели глубокого мыслителя-историка. Вообще нужно сказать, что профессура Гоголя потерпела фиаско и сам он начал хворать. Голова его, по случаю ли боли зубов или по другой причине, постоянно была подвязана белым платком; самый вид его был болезненный и даже жалкий, но студенты относились к нему с большим сочувствием, что было, разумеется, последствием его талантливых сочинений. Но, Боже мой, что за длинный, острый, птичий нос был у него. Я не мог на него прямо смотреть, особенно вблизи, думая: вот клюнет и глаз вон. Вот почему на лекциях его я всегда садился с боку, чтобы не подвергнуться такому мнимому впечатлению.

Читая из истории то одно, то другое, он всегда переходил к рассказу о движении народов. Ясно, что предмет этот служил ему как бы заручкой или опорой исторических его знаний.

Профессура его продолжалась недолго. Уезжая из Петербурга, он нам указал на некоторых авторов, сочинения которых могли служить нам руководством к изучению истории средних веков. Отъезд Гоголя и оставление им лекций были неожиданны и отразились на нас весьма неблагоприятно. Профессор Шульгин на экзамене задавал нам такие вопросы, которые вовсе не входили в программу лекций Гоголя. Вот тут случилась такая оказия: в числе студентов старшего курса был и приснопамятный Иван Сергеевич Тургенев. Ему попался на экзамене вопрос о пытках, или так называемом Божьем суде. Известно, что Иван Сергеевич обладал знанием иностранных языков, а потому не удивительно, что он много читал из иностранных источников и на заданный вопрос мог отвечать весьма обширно. Отвечая, Тургенев, между прочим, сказал, что в числе пыток огнем и другими способами был еще особый род оных, именно: испытание посредством телячьего хвоста, намазанного салом. Услышав это, Шульгин, пылливо взглянув на Тургенева, поспешно сказал: «что такое, что такое?» Тургенев продолжал: «да, посредством телячьего хвоста, намазанного салом; приводили взрослого теленка, брали его хвост, намазывали его густо-прегусто салом и заставляли человека, подвергнутого испытанию, взяться за этот хвост и держаться, что есть мочи, а между тем теленка ударяли крепко хлыстом. Разумеется, теленок рвался и бежал опрометью. Если испытуемый удерживался, то считали его правым, если нет - виноватым».

Шульгин с усмешкой выслушал и сказал: «где это вы вычитали?» Тургенев смело наименовал автора. Ответ Тургенева не понравился Шульгину: он сжал свои губы, - произошла немая, неприятная сцена. Засим он стал задавать Тургеневу другие вопросы по части хронологии и, разумеется, Шульгин достигнул своего: Тургенев сделал ошибку и получил неодобрительную отметку. Засим и кандидатство его улыбнулось...

Далее из старых профессоров петербургского университета конца 1830-х годов резко выделялся Петр Александрович Плетнев (25 декабря 1865 г.). Это памятная личность в былое время; мы его отличали от прочих профессоров. Он читал или, лучше сказать, должен был читать русскую литературу; но по правде сказать, мы ее в полном объеме не слыхали. Не смотря на то, лекции его были весьма занимательны. Он был чрезвычайно обходителен со студентами, что влекло их к нему. Мы знали, что он был близок к императорской семье (читал лекции наследнику цесаревичу), друг В. А. Жуковского и А. С. Пушкина. Лекции свои он едва ли не начинал и кончал Пушкиным. В нем он видел не только гениального поэта, но и глубокого философа, одаренного высшим знанием человеческой природы. Отношения Плетнева к Пушкину известны в нашей литературе. Смерть А. С. Пушкина в 1837 г., 29-го января, оплакана была Плетневым на кафедре горячими слезами.

Припоминая еще то, что Плетнев предоставлял своим студентам выбрать любой предмет, развить его на письме и затем с кафедры читать о нем во время его лекции. Вследствие сего происходила беседа, где Петр Александрович выказывал свои взгляды на избранный предмет и выслушивал суждения студентов. Не знаю почему, я избрал для своей беседы предмет готическая архитектура и написал о ней, но увы! беседа моя вызвала справедливые нарекания...

Сказавши о Плетневе не могу не упомянуть о профессоре Шнейдере, который читал нам римское право. К своему предмету он относился с большой важностью и выказывал в нем обширные сведения. Входя в аудиторию, он иногда сочувственно провозглашал и поздравлял нас всех с днем рождения то одного, то другого мудреца древности. Мы вставали, кланялись и приветливо относились к его заявлению. Вообще он был, и по виду и по научным своим познаниям, уважаемая личность, а вместе с тем крайне снисходителен к студентам во всех отношениях...

Профессор Фишер читал нам антропологию и метафизику. По фигуре своей всегда важный, высокого роста, в белом галстуке и синем вице-мундире, он казался нам крайне ученым мужем. Но от его учения у меня и, смело могу сказать, у многих моих товарищей не осталось ничего. Провозглашаемые им истины, по своей сухости, как-то плохо воспринимались нами.

В 1835 и 1836-м году прибыли из-за границы молодые ученые Неволин, Калмыков, Порошин, Ивановский, Баршев, Кранифельд и Куторга. Все они заняли кафедры старых профессоров, которые приняли их не совсем дружелюбно. Так, Шульгин на магистерском экзамене Мих. Семен. Куторги старался проделать с ним такую же штуку, как и с Тургеневым, т. е. сбить в хронологию. Не мудрено: Куторга поступал на кафедру истории, следовательно, делался Шульгину конкурентом; но студенты примкнули к новым.

Имена Неволина, Калмыкова известны по своим ученым изданиям, но я остановлюсь только на Викторе Степановиче Порошине. Он получил кафедру политической экономии и статистики. Предметы эти были совсем заброшены в университете, а потому возобновление их ожидалось с большим нетерпением. Порошин был небольшого роста, приятной наружности и казался очень моложавым. Костюм его был своеобразный: рубашка с отложным воротничком, галстук цветной, завязанный узелком с нависшими кончиками, все это было для нас ново. Одним словом, он, по виду, был юноша первой молодости, а потому он нам казался чем-то особенным. Не знаю почему, но на первую лекцию он выбрал предмет о Михаевеле. Тут мы с изумлением услышали и узнали, что Порошин был человек начитанный всесторонне и с глубокими познаниями. Аудитория, где он читал свои лекции, наполнялась студентами всех факультетов. Но все это продолжалось недолго (он оставил кафедру в 1844 г.). Кафедра политической экономии и статистики была закрыта, сам Порошин впал в немилость.

Говорили, что Порошину приписывали несколько неодобрительных фраз и стихов, сказанных будто бы им по поводу сооружения и открытия Александровской колонны. Говорили еще, что будто бы он раз опоздал на лекции в то время, когда попечитель Мусин-Пушкин был уже в аудитории. «Вы опоздали», сказал ему попечитель. Порошин, посмотрев на часы, сказал: «действительно» и, взойдя на кафедру, начал лекцию. Засим, будто бы попечитель приказал за это вычестъ из его жалования, но оказалось, что Порошин все свое жалование жертвовал на библиотеку. Так или иначе – Порошин вышел в отставку. А между тем в изучении статистики чувствовалась величайшая потребность...

Излагая биографию о Порошине, я несколько отделился от описания других профессоров, оставивших по себе добрую память.

К числу таковых, без сомнения, принадлежал Александр Васильевич Никитенко, но печатаемые в «Русской старине» его в высокой степени замечательные записки-дневник устраняют необходимость писать еще что-либо о нем. Скажем, что каким он рисуется в своих записках, таким он и был на самом деле, именно гражданином-мудрецом...

Но лекции его по русской словесности хотя были красноречивы, но несколько витиеваты и отчасти темноваты. Говоря о нем, студенты прибавляли: «у Никитенки вечные оттенки». Но так как экзамены из его предмета были всегда письменные, то это никого не затрудняло. Сочинения его на заданные темы, например: «Меч и перо» и проч., не особенно затрудняли нас. Мы писали и получали хорошие отметки... Мы вообще глубоко уважали его и как человека, и как профессора.

Были еще и другие профессора, например: Иван Петрович Шульгин, Николай Герасимович Устрялов и др. Первый читал новейшую историю, а последний – русскую.

Шульгин написал историю последних веков и в лекциях своих постоянно придерживался ее, а Устрялов издал записки Курбского, записки Маржерета о Дмитрие Самозванце и русскую историю для средних училищ. Я не говорю о других его сочинениях, вышедших впоследствии. И тот, и другой считались знатоками своих предметов, но читали они из

года в год одно и то же, не возбуждая любви к науке и не привлекая студентов. к изучению преподаваемых ими предметов...

Министр граф Сергей Семенович Уваров иногда посещал лекции Устрялова. Помню, раз он просидел всю лекцию его; речь шла об удельном периоде, и министр по окончании выразил ему свое полное удовольствие за ясное изложение. То же самое повторилось на лекции его о смутном времени. С переездом университета на Васильевский остров, министр Уваров все чаще начал посещать университет, чем прежде.

От новых профессоров мы очень многого ожидали, но увы! надежды наши не оправдались. Причины сему следующие. Все новые профессора, кроме университета, получали приглашения занять кафедры в разных местах, например: училище правоведения, военной академии, Пажеском корпусе и других военных учреждениях. При таких обстоятельствах и побуждаемые недостатком средств своих, они не отказывались, но вместе с тем положительно утомлялись, а потому лишены были возможности заняться серьезно наукой по своей части...

Последствием сего еще было и то, что петербургские молодые профессора не оканчивали своих предметов по программе, а читали из года в год почти одно и то же. Например, профессор Ивановский, заявивший сначала большие способности, никогда не оканчивал вполне своего предмета по публичному праву, а почему? А потому, что он был преподавателем едва ли не во всех высших учебных заведениях. Естественно, читая, он уставал до изнеможения, где уж тут было писать!.. То же следует сказать и о других профессорах; но можно ли было винить их в этом? Нельзя: был спрос, а жизнь требовала средств.

К числу талантливых профессоров моего времени следует отнести братьев Куторга, из коих один старший, Степан, читал естественные науки, а другой, Михаил – историю. Оба они были любимы и чтимы студентами... Помню еще, что в старом университете, на обширном дворе, была большая лужа, где завелись огромные лягушки. Профессор Куторга с терпением и любовью, не смотря на погоду, с разными приспособлениями, усидчиво занимался ловлей этих лягушек, и, о, радость! он поймал из них самую большую. Своим восторгом он делился со студентами на лекциях, показывая ее своим слушателям с таким же умилением, как художник скульптор предоставлял зрителям осматривать свое произведение».

«Описывая С.-Петербургский университет конца 1830-х и 1840-х годов, невольно возникает вопрос, как же жили и вели себя студенты в то время? Не увлекались ли они политическими бреднями и не навлекали ли на себя правдивый гнев царя Николая Павловича?

Относительно вопроса о жизни скажу, что студенты моего времени, за исключением весьма немногих, были по большей части бедняки, пробивались они по преимуществу уроками и занимали углы и комнаты в 5-10 и не более 25 руб. ассигнациями в месяц, помещаясь по двое и трое вместе. Само собой, что и пища соответствовала сим средствам. Что же касается поведения их, то я смело говорю, что они вели себя хорошо и, главное, политические и социальные бредни не входили в их головы. Под словом «хорошо» я вовсе не хочу сказать, что они вели себя как дети, вышедшие недавно из под строгого надзора родительского дома, или как красные девицы, стыдящиеся и боящиеся произнести вслух, особенно при маменьке, слово: любовь... Нет, они учились, жили, терпели, веселились и увлекались всем, что свойственно их молодой натуре. Так, они пили при случае и при средствах всякого рода питья, не гнушаясь ничем, за исключением воды. Тут были и горькие, и сладкие, была и ратафия, доставалось и донскому, попадалось и шампанское, если оно приходилось по карману. Но зачастую и голодали, живя только на пеклеванном хлебе с маслом, а иногда и того не было; насыщались также пирогами на Апраксине дворе по 3 копейки за штуку; но духом не падали, о богатстве не мечтали и никому ни в чем не завидовали. Особого имущества у студента на квартире не было, все

его достояние было при нем, и латинское выражение: *omnia mea tecum porto* оправдывалось на деле. Носили треугольные шляпы, мундиры с петлицами и синим воротником при шпаге, двубортные сюртуки, шаровары, шинели нараспашку, а фуражки набекрень. Влюблялись без разбора, начиная от швеи до светской дамы. Каждая женская головка у окна служила предметом воздыхания, летняя же ночь оглашалась песней под окном или балконом. Любовные записки всегда были наготове в кармане. Поминали в песнях какую-то деву, начиная песню так: «да здравствует Марья Петровна и ручки и ножки ее», и пели с подобающим уважением *Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*, а почасту выкрикивали и так: *edite, bibite, collegiales, post multa secula pocula nulla*. Одним словом, жилось и жилось, а политические бредни, или сходки социальные, не входили в их головы и о них не было и речи, а также не занимали их домогательства о предоставлении им разных прав. По понятиям студентов моего времени, декабристы, хотя были люди образованные, но сумасброды, не ведавшие задач и блага России, а потому они и понесли справедливое наказание».

«Есть люди, а таких немало, кои в студентах видят каких-то буянов, сорванцов и вообще людей дерзких, отрицающих, пожалуй, бытие Божие, не чтящих и не уважающих никого и ничего. Вот такие люди при всяком случае пускают в ход про студентов всякие небылицы и даже кричат: караул, разбой! В подтверждение сего я расскажу несколько происшествий.

Раз позвали целую массу студентов в III-е отделение для объяснения по поводу жалобы одной чиновной барыни. Жалоба возникла по следующему случаю: многие студенты, в том числе не мало было из лучших фамилий, вздумали отпраздновать годовщину окончания своих экзаменов и решились поехать на пароходе, по Неве в Шлиссельбург. Само собой разумеется, они запаслись разной провизией более или менее деликатного свойства. В числе пассажиров оказалась упомянутая барыня, несколько богомольцев и я, пишущий эти строки. Не успели отвалить от берега, как один студент, отличавшийся комизмом и смелостью речи, принял на себя роль хозяина и начал угощать всех. Для этого, вооружившись подносом или лотком, он, с подобающим смирением, подошел к одному богомольцу, похожему на монаха, и сказал на распев: «отец духовный, благослови, прими и вкушай, чем Бог послал!» Монах, разумеется, с улыбкой, но без всякой церемонии взял, ел с большим аппетитом и благодарил. Затем хозяин студент подошел к барыне и тоже со смирением произнес: «милостивая государыня, удостойте принять от нас смертных сие малое, но вкусное угощение!» Но чопорная барыня не поняла шутки, резко и с неудовольствием отвергла предложение. Но это не остановило хозяина студента. Взяв особый лоток с другими лакомствами, он опять и с мнимой лукавой вежливостью повторил свое предложение. Барыня уже с некоторой злобой опять отказалась от угощения. Это произвело смех! Хозяин студент не унялся! Он настойчиво новое угощение предложил опять барыне. Барыня окончательно озлилась! Таким образом, опять со смирением, без всякой улыбки, хозяин-студент повторял предложение барыне с каждым новым лотком. Ответы получились те же. В конце концов, барыня пришла в неистовство, начала кричать, говорила, что будет жаловаться, и скрылась, а хозяин студент во время угроз стоял перед ней, молча, аки агнец неповинный.

На другой день, по возвращении в город, студенты массой были приглашены в III-е отделение. Выслушав обвинение барыни и оправдание студентов, Леонтий Васильевич Дубельт – признал их виновными, но виновными в излишней услужливости благородным женищинам, за что однако ж карающего закона нет. А в городе рассказывали, что на пароходе студенты обидели и избили одну барыню, затоптали ее ногами и чуть-чуть не бросили в воду, но, к счастью, один монах за нее заступился и спас ее от гибели. Вот оно до чего дошло!»

Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова // Русская старина. – 1891. – Т. 70, май-июнь. – С. 451, 456-464, 467-469, 657-658, 660-661.

Майков Аполлон Николаевич

1821-1897

Поэт и переводчик. Окончил юридический факультет Петербургского университета(1841).

Все мы понесли кару за свое воспитание, которое было более или менее иностранное, на чужих образцах; необходимо поэту иметь всестороннее литературное образование, но нельзя терять из-под ног своего народа. Все это я веду к тому, чтобы высказать следующий практический совет или заветание поэту: пройти хорошенько университетский курс (по какому бы то ни было факультету), а самому заниматься так, как будто бы готовил себя в профессора русской истории...

Майков А. Н. Письма. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. – Л., 1977. – С. 30.

Галаган Григорий Павлович

1819-1888

Чиновник, общественный деятель. Выпускник юридического факультета Петербургского университета.

Наконец после четырех скучных месяцев я был вчера в университете. Не могу выразить, как билось мое сердце при входе в наш родной университет. Меня встречали многие с восторгом, с поздравлениями с выздоровлением; другие косились на меня по-прежнему с злобной насмешкой; но при всем том я был в восторге. Уроки, которые я взял в университете, мне достались очень дорого! Я вошел в университет неопытным мальчиком, совсем не знавшим света и особенно молодых людей...

Сегодня я был в первый раз в университете по моему приезду. О Боже! Я туда шел, я туда бежал с какою-то радостью, которую я сам не понимал; душа радовалась чему-то, как радуется, когда я приезжаю к родственникам, которых я не видел.

Галаган Г. П. Отрывки из дневника // Киевская старина. – 1898. – Т. 62, № 9. – С. 209-210, 213.

Некрасов Николай Алексеевич

1821-1877

Поэт, писатель, публицист. Вольнослушатель философского факультета (1837-1841)

Поступить в студенты – сделалось единственной моею целью, с завистью смотрел я на каждого юношу, одетого в студенческую форму. Меня одушевляли мечты, что наконец же я когда-нибудь вырвусь из бедственного моего положения, что дадут мне наконец теплый угол и кусок хлеба, который я буду есть не краснея... в твердой надежде заплатить со временем благодетельной руке, подающей мне это кусок, трудами всей грядущей жизни моей, всем, на что подвигает меня развитой наукой разум и благодарностью полное сердце. (Отрывок из романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»)

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 тт. Т. 8. Художественная проза. Незаконченные романы и повести 1841-1856 гг. – Л., 1984. – С. 129.

Милюков Александр Петрович

1816-1897

Русский писатель, литературный критик, журналист, главный идеолог и фактический руководитель журнала «Светоч», мемуарист. Педагог, историк литературы, путешественник, библиограф, профессор.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1843).

«В бытность в университете, мне случалось только мельком встречать Сенковского, когда он приезжал на лекции. С первого взгляда он показался мне человеком сухим, несообщительным и как будто апатичным. На лекции он ездил неаккуратно и при входе в аудиторию обыкновенно зевал, точно был утомлен или дурно провел бессонную ночь. Студенты восточного факультета рассказывали, что на лекциях был он очень вял и в качестве профессора далеко не оправдывал ожиданий, какие можно было возлагать на человека с такими обширными сведениями в языках и литературах Востока».

Знакомство с О. И. Сенковским // Милюков, А. П. Литературные встречи и знакомства. – Спб.: Издание А. С. Суворина, 1890. – С. 87-88.

Костомаров Николай Иванович

1817-1885

Российский историк, украинский поэт и драматург, публицист, писатель, педагог и общественный деятель.

В 1859-1862 годах – профессор кафедры русской истории Петербургского университета.

*«В октябре меня утвердили в звании профессора...
Прошел еще месяц, и 20 ноября назначена была моя вступительная лекция. Собралось громадное количество публики. Я вышел читать, но на несколько минут так смутился, что не мог произнести ни одного слова, а затем прочел до конца без запинки. Лекция вышла блестящая. Аплодисментам не было конца. Студенты подхватили меня и вынесли на руках. Я был как в чад. Я не ожидал такого приема...»*

Затем я стал читать лекцию за лекцией. Едва ли кому из профессоров поклонялись так, как мне. Студенты были от меня в восторге. В аудитории у меня была всегда толпа; тогда допускались и посторонние: и купцы, и военные, и барыни. Я, бывало, с трудом добирался до кафедры. Не один раз выносили меня на руках. На улицах незнакомые люди снимали передо мной шапки. Однажды я спросил у одного господина, остановившегося передо мной на Невском: «что ему угодно?» - «Только засвидетельствовать вам свое уважение, г-н Профессор!»

Такое поклонение толпы естественно должно было действовать на меня, как на человека нервного: тем живее лилась моя речь с кафедры, тем быстрее шла у меня работа...

Расположение публики продолжалось. Студенты так привязались ко мне, что не могли допустить в моей особе чего-либо, по их мнению, нелиберального и непонятного им, и явились ко мне в числе нескольких человек спросить: «Правда ли, что я исповедуюсь, причащаюсь и посещаю церковь?»

Я тогда сильно занимался Северными народоправствами и для этой цели несколько раз ездил в Новгород. Лекция моя о падении Великого Новгорода произвела положительный фурор. Что тут действовало – трудно сказать!..

В эту же зиму я читал и публичные лекции о Выговском, кажется, в пользу недостаточных студентов. В феврале мне было назначено читать речь для акта. Я написал о Константине Аксакове. Речь эта возмутила против меня Стасюлевича, Пытина, Б. Утина, которые видели в ней переход к славянофильству. Кавелин был на их стороне и видел в моей речи уклонение от прямого пути. Чернышевский, напротив, отнесся сочувственно, да он и вообще не был врагом славянофилов, только не терпел их поповского направления. Но всех более задет был Никитенко, так как я привел его спор с Константином Аксаковым, где он говорит о стрельцах: «дикие, зверские, бородатые лица!» (Сам Аксаков носил бороду).

Университетское начальство, желая пощадить Никитенко, отменило мою речь на акте. Студенты тогда сильно стали шуметь и требовать чтения речи. Плетневу, наконец, удалось успокоить их формальным обещанием, что речь будет прочитана отдельной публичной лекцией. Лекция эта состоялась, и на ней была целая масса народу. С этих пор свыше начали смотреть не совсем благоприятно на меня и стали считать человеком, который хотя сам ничего дурного и не замышляет, но может сделаться знаменем для волнения молодежи. Были и такие высокопоставленные лица, которые решили, что сделали промах, допустив меня к кафедре. Министр Ковалевский пригласил меня к себе и попросил выкинуть из печати место о Никитенко со словами: «что старика обижать и на смех подымать!..»

В Питер я приехал 20 сентября, как раз перед началом студентских историй. На железной дороге я встретил генерала Ребиндера, ехавшего из Питера, который сказал мне: «В Петербурге что-то неладно: готовятся волнения в университете. Лучшие бы вы остались в Москве. Попечитель Филипсон добрый малый, но это просто несчастная подставная палка!»

Свидание с Ребиндером всего продолжалось несколько минут, и он ничего не успел объяснить. Я на другой же день после приезда пошел в университет читать лекцию. Вижу мрачные лица, аудитория почти пустая. В коридоре поднялся шум; вышло несколько офицеров и студентов. Я кончил лекцию и спросил попавшегося мне навстречу инспектора: «Что это был за шум?» - «Ломали дверь Срезневского, - ответил он, - прибывали объявление об уничтожении матрикул и платы».

После этого вскоре произошла известная сцена в Колокольной улице. В Петербурге тогда не было Государя; генерал-губернатор Игнатьев совсем потерял голову, а тут история за историей: перед университетом на улице сборища, говорятся речи... Назначили нового министра народного просвещения Путятина. Он позвал к себе профессоров и начал читать им грозную речь: «Знаю, ваше дело! Между вами есть такие, которые волнуют

студентов! Я доберусь, разберу это дело! Вы понимаете, господа, я говорю откровенно!» - «Да, ваше-ство, слишком откровенно; мы к такой откровенности не привыкли!» - ответил один из профессоров.

1 октября было днем большого ожидания и страха. Распространился слух, что хотят сделать большую демонстрацию. В думе спрятались солдаты. На улице ходили большие толпы. Студенты переговаривались с офицерами. Все ждали чего-то и кого-то. Но никто не явился, никто не решился заговорить. Случись это, - день этот вряд ли прошел бы даром.

10 октября опять собралась толпа. Тут разом забрали человек триста. До этого хватили небольшими партиями. Аресты продолжались и после. Они как-то никого не пугали. Знали все, что нахватили так много, что нет места в Петропавловской крепости, и половина отправлена в Кронштадт. Сначала, около двух недель, не было с ними никаких сношений, а только позволена была переписка через III отделение. Затем дозволили свидания, а там разрешили доставлять одежду и провизию.

В обществе было сочувствие к студентам; но это сочувствие было пассивное. На него не могла опереться уцелевшая и, разумеется, более вялая часть молодежи. Они бросились за советом к профессорам, но те или ничего не говорили, или даже советовали взять матрикулы, или говорили уклончиво. Так, Савич сказал им: «Вам, господа, чего хочется? Чтобы матрикулов не было? Скажите, что берете, и их не будет. Разве вы не знаете, как у нас в России все делается? Они уничтожатся сами собой. Удовлетворятся, что вы согласны; сначала строгости пойдут, а там будет все по-прежнему!»

С другой стороны, уже было поздно и говорить. Часть студентов взяла матрикулы: возьмут ли остальные, или нет, не имело более никакого значения. Профессора: Пыпин, Стасюлевич, Кавелин и Б. Утин подали в отставку...

Университет открыли в ноябре, но почти никто из профессоров и студентов не пошел. Арестованных студентов выпустили из крепости в декабре, а через неделю разослали наиболее виновных в отдаленные места, других - на родину, большая часть оставалась в Петербурге.

Тогда я начал писать в газетах об открытии вольного университета и вместе с другими хлопотал о разрешении публичных лекций, которые начались в думе в январе 1862 года. Читали, между прочим, я, Спасович, Утин, Павлов, Благовещенский и друг. Лекции эти пошли отлично. Публики было очень много, особенно на моих лекциях. Так было до 9 марта.

За несколько дней перед тем, Тиблен устроил литературный вечер в доме Руадзе. Зала была битком набита. Многих привлекло то, что Чернышевский читал о Добролюбове, недавно умершем. Затем вышел Павлов и начал читать о тысячелетии России. Раздался грохот рукоплесканий. Стоявшая сзади и в проходе молодежь стала все ближе и ближе надвигаться к возвышению, на котором читал Павлов. Когда рукоплескания несколько затихли, он продолжал свою речь. Начались новые рукоплескания, сопровождаемые каким-то ревом, так что слов нельзя было расслышать. Стучали стульями, махали платками. Многие барыни, в испуге, бросились бежать вон из залы.

Через день разошлось по городу, что Павлов взят и увезен куда-то; это произвело сильное впечатление. Я пришел на лекцию в думу. Меня окружили Пантелеев, Гогоберидзе, Ев. Утин, распорядители лекций, и объявили, что они хотят закрыть лекции. Я представлял им, что они сделают этим только удобное администрации, так как лекции и без того были насилу разрешены. Те стояли на своем. Я упирался по-прежнему.

В этот же вечер собрались для прений в квартире проф. Советова. Споры были горячие. Стасюлевич, Бор. Утин, Кавелин и многие другие и, разумеется, молодежь стояли на том, что нужно закрыть лекции. Разошлись, и каждый остался при своем убеждении. Некоторые студенты тут же сказали, что я парализую их действия, желая подделаться к правительству. Один Бор. Утин перешел на мою сторону и на другой день

написал письмо студентам, что, по здравом рассуждении, считает мнение Костомарова вполне справедливым и советует им взвесить хорошенько, что они делают. Письмо это, конечно, только рассердило студентов.

Наступило 9 марта. Я пришел на лекцию. На меня смотрели исподлобья или отворачивались, когда я проходил по лестнице. Я начал лекцию. Публики было много, как всегда, и она (по крайней мере, большая часть) ничего не знала о распри, происшедшей между мной и студентами. Я кончил лекцию, отступил один шаг и сказал: «В следующую лекцию»... Тут меня толкнул Ев. Печаткин и, войдя на кафедру, объявил, что по случаю ареста Павлова все профессора согласились прекратить лекции. Меня взорвало такое объявление. Я, в свою очередь, вошел опять на кафедру и сказал: «Хотя и было сказано, что все согласились прекратить лекции, но я согласен читать, если из публики явятся желающие, и потому обращаюсь к ней, а кто не хочет слушать - может не слушать!» Поднялся шум. Из публики кричали: «Не прекращайте! Читайте!» С другой стороны раздавались свистки, брань. Ев. Утин чуть ли не над самым моим ухом закричал мне: «Подлец!» Я опять вступил на кафедру и сказал: «Я вижу тут Репетиловых, из которых лет через десять выйдут Расплюевы!» - и, сопровождаемый жестокой бранью и свистками, вышел из думы...

Озлобление молодежи против меня дошло до крайней степени. Меня осыпали бранными письмами со всевозможными угрозами, если я вздумаю продолжать читать лекции. Наконец, ко мне приехал Чернышевский и стал умаливать меня не читать, чуть ли не на коленях упрашивал, говоря, что студенты хотят устроить демонстрацию и побить меня. Я стоял на своем, говоря, что не могу отступить от своего слова. «Вы можете сослаться на то, что это слово было опрометчивое, данное в раздражении». Я не уступал. «Ну, так, по крайней мере, поезжайте к Головнину и просите, чтобы вам запретили читать». – «Не могу я этого сделать: я сам хлопотал о разрешении лекций». – «Ну, так я поеду. Дайте мне которое-нибудь из писем, где вам угрожают скандалом». Я дал письмо, в котором мне угрожали 200-ми свистков и где, между прочим, было сказано: «Смотрите, вас вынесут насильно, читать не будете!» Чернышевский съездил сам к Суворову и Головнину и устроил дело так, что мне запретили читать лекции. Вся эта история до того озлобила меня, что я подал в отставку и долгое время не мог прийти в себя...».

Автобиография Николая Ивановича Костомарова // Русская мысль. – 1885. - № 6. – С. 33-41.

Тургенев Иван Сергеевич

1818-1883

Русский писатель-реалист, поэт, публицист, драматург, прозаик, переводчик.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1837).

«Окончив курс по филологическому факультету С.-Петербургского университета в 1837 году, я весною 1838 года отправился доучиваться в Берлин. Мне было всего 19 лет; об этой поездке я мечтал давно. Я был убежден, что в России возможно только набраться некоторых приготовительных сведений, но что источник настоящего знания находится за границей. Из числа тогдашних преподавателей С.-Петербургского университета не было ни одного, который бы мог поколебать во мне это убеждение; впрочем, они сами были им проникнуты; его придерживалось и министерство, во главе которого стоял граф Уваров, посылавшее на свой счет молодых людей в немецкие университеты».

«Уже дописывая предыдущую строку, я вспомнил, что первое мое свидание с Гоголем происходило гораздо раньше, чем я сказал вначале. А именно: я был одним из его слушателей в 1835 году, когда он преподавал (!) историю в С.-Петербургском университете. Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки». На выпускном экзамене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли, с совершенно убитой физиономией и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И. П. Шульгин. Как теперь, вижу его худую, длинноносную фигуру с двумя высоко торчащими — в виде ушей — концами черного шелкового платка. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения: он в том же году подал в отставку. Это не помешало ему, однако, воскликнуть: «Непризнанный взошел я на кафедру — и непризнанный схожу с нее!» Он был рожден для того, чтоб быть наставником своих современников, но только не с кафедры».

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 томах. Сочинения в 15 томах. Т. 14. Воспоминания. Критика и публицистика. 1854-1883. — М.: Наука, 1967. — С. 8, 75-76.

Чумиков Александр Александрович

1819-1902

Педагог и писатель.

Окончил восточное отделение философского факультета Петербургского университета (1840?).

«В настоящей заметке я намерен исправить некоторые факты, сообщаемые автором Калейдоскопа о моем профессоре О. И. Сенковском. Не полагаясь на память, я буду везде ссылаться на официальные документы, опубликованные в трудах професс. В. В. Григорьева и А. С. Воронова. Считаю не лишним заявить, что я не принадлежу к завзятым почитателям Сенковского и далеко не разделяю восторженных похвал, которые рассыпаны щедрой рукой в книге г. Григорьева, его признательного ученика. Не спорю, может быть во время студентства гг. Григорьева и Савельева, Сенковский и был образцовым преподавателем, но в том периоде (с 1835 по 1847) когда я знал его, характеристика г. Григорьева («и между товарищами-профессорами стоял Сенковский совершенно особняком: на них смотрел он с высоты своего величия; они боялись его и не любили»), обуславливала, как нельзя вернее, и отношения между гордым профессором и его слушателями. Могли ли студенты любить того, кто их не любил, кто не входил в их учебные нужды, не был их представителем и защитником? Всегда недоступный, он и на лекциях весьма неохотно, с гримасой, отвечал на вопросы своих слушателей. Может быть и расстроенное здоровье, после 12 лет профессорства (а вернее от усиленных трудов по редакции Биб. д. Чтения) не позволяло Сенковскому, по прежнему, приводить своих слушателей в восторг; но в мое время как ему самому, так и студентам были его лекции в тягость: он часто манкировал или, придя на лекцию, через 5, 10 минут, корча гримасы и проговаривая сквозь зубы слово мигрень, уезжал домой; а студенты, завидя его, часто скрывались на лекции других преподавателей. Те же самые студенты никогда

не пропускали лекций прочих восточных профессоров: Мухлинского, Топчибашева и других».

[Чумиков, А. А.] Сенковский и Мицкевич : заметка // Русский архив. – 1873. – Вып. 4. – С. 632-634.

«Тогда существовали строгие постановления не допускать к приемным экзаменам в университет молодых людей, не окончивших полного курса в гимназии; и в то же самое время в университетские двери свободно входили молодые люди не бывшие в гимназиях, с кое-каким домашним воспитанием, без всякого свидетельства зрелости. Так один из моих товарищей хвалился тем, что он удовлетворительно отвечал на попавшийся ему билет из Русской истории, благодаря лишь тому, что незадолго перед приемным экзаменом он прочел роман Булгарина «Димитрий Самозванец». Другой рассказывал, что надул экзаменатора (Никитенко), унеся с собой данную профессором тему для сочинения, которое и было написано дома с помощью учителя. Третий был принят в число студентов, не смотря на то, что не сумел на экзамене решить арифметическую задачу – извлечение кубического корня: узнать, что экзаменующийся намерен идти не по математическому факультету, снисходительный экзаменатор поставил ему невинную двойку.

Сколько могу припомнить, экзаменаторами нашими были профессора Грефе, Фрейтаг, Устрялов, Никитенко, Порошин и Сен-Жульен. Все они относились к своим обязанностям довольно равнодушно, исключая разве горячившегося Французика: он грубо покрикивал на тех, которые слишком долго засиживались над заданными переводами и сочинениями. Университет в 1836 году находился в Кабинетской улице, против Семеновских казарм, в том самом здании, где ныне помещается Синодальное подворье. Здание это было деревянное, невзрачное; помещение в нем было крайне тесное. Нередко профессора вместе со студентами бродили из одной аудитории в другую, не находя себе нигде приюта. Естественникам и ориенталистам (последних было не более пяти) часто приходилось слушать лекции в нетопленном, натуральном кабинете, где не было даже обыкновенных столов.

*Наш попечитель князь М. А. Дондуков-Корсаков наружностью своей напоминал тип Французского маркиза, тем более что любил обращаться к студентам преимущественно аристократического кружка с длинными речами на французском диалекте. По поводу каких-либо невинных юношеских увлечений, в мягких укоризнах, обращенных к лицам того же кружка, встречались постоянно выражения: *esprit de corps* и *point d'honneur*. Не меньшей гуманностью и деликатностью в обращении с профессорами и студентами отличался его помощник князь Г. П. Волконский. С каким сожалением смотрели мы на эту высокообразованную и артистическую личность, когда в то тяжелое время князь обязан был, стоя в университетской прихожей, наблюдать, чтобы студенты являлись в университет в треугольной шляпе и при шпаге. Других грехов политических против начальства, кроме несоблюдения формы и неотдания кому следовало чести на улице, студенты моего времени за собой не знавали. Этим добрейшим начальникам нашим, не смотря на все их попечения, направленные на столь важный предмет в университетском образовании, так и не удалось «подтянуть» молодежь, позволявшую себе вольнодумство подобного рода. Вероятно, вследствие этой неудачи и был вызван из Казани на попечительство свирепый Мусин-Пушкин.*

Однажды, уже по выходе из университета, я был свидетелем его деспотических замашек, обрушившихся на будущего профессора Ведрова, защищавшего свою магистерскую диссертацию. Когда, в жару диспута, Ведров позволил себе поострить над одним выражением возражавшего ему проф. Калмыкова, то возмущенный смелостью молодого человека и не умеющий себя сдерживать попечитель, при многочисленной публике, крикнул на него: «за подобные слова я вас прогоню с кафедры».

Несчастный магистрант, будучи казенным стипендиатом, принужден был проглотить эту обиду.

В первые годы моего пребывания в университете в должности ректора состоял И. П. Шульгин. Сурово было выражение его некрасивого лица и неприветливо обращение со студентами. Совершенно противоположного типа был его преемник, с 1840 года, добродушный и всегда доступный П. А. Плетнев.

Инспектор студентов Н. П. Филиппов вообще слыл за человека доброго и снисходительного к грешкам молодежи. Уверяли, что он при случае даже не прочь был с ней вместе кутнуть.

Впрочем мы, своекоштные студенты, имели мало соприкосновений с инспекцией. Чаще всего, при исполнении разных формальностей, приходилось иметь дело с одним из помощников инспектора Вакаром. Эту личность студенты почему-то недолюбливали; напротив, субинспекторы Д. К. Грейсон и Сартори пользовались нашим уважением.

Прием 1836 года отличался чрезвычайным наплывом молодых людей из аристократических фамилий. Припоминаю князей Лобанова-Ростовского, Бярятинского, Кочубея, Голицына, Дондукова-Корсакова, графов Комаровского, Игельштрома, Келлера; затем Галагина, М. Н. Лонгинова и др. Составляя один сплоченный кружок со своими однородцами, товарищами той же среды предыдущих приемов (кн. Щербатов, кн. Васильчиков, графы Блудовы, гр. Толь, барон Николаи, граф Рибопьер), студенты-аристократы резко отделялись от остальной студенческой семьи, принадлежавшей к классу *minores gentes*. Сообщались между собой члены этого кружка не иначе, как на французском языке, приезжали в университет, по большей части, в собственных экипажах, отличались от других студентов развязностью манер, которая нередко заходила за границы приличия. Так, например, присвоили они себе право входить в аудиторию и выходить из нее, когда им заблагорассудится. Гг. профессора почему-то вовсе не обращали на это внимания; может быть и потому, что между нарушавшими порядок и приличие находился также сынок их начальника.

Красивой студенческой формой, которая дана была в конце 1836 г. (замечательно, что первоначально дана была студентам только треугольная шляпа без шпаги, а последняя лишь спустя несколько времени) привилегированная молодежь первое время заметно пренебрегала и предпочитала являться как в университет, так и в общество, в штатском платье. Находились между этими «сливками студенчества» и такие, которых предусмотрительные родители отпускали на лекции не иначе как вместе с гувернерами. Последние, обыкновенно услужливые французы, сопровождали своих милых питомцев также в биржевые лавки и другие значные места. Этот же кружок студентов, неизвестно на каком основании, присвоил себе право садиться на ближайших к профессорской кафедре скамьях; так было по крайней мере в старом здании университета, и студенты-демократы, как бы сторонясь чуждой им сферы, не думали протестовать против этой привилегии. Про некоторых из этих аристократов рассказывали, что они приняты были в университет лишь благодаря частным, дорогооплаченным урокам у экзаменаторов, незадолго перед экзаменом.

Все это взятое вместе не могло не породить заметного антагонизма между студентами-аристократами и теми из их товарищей, которые не принадлежали к этому кружку. Первым поводом к проявлению затаенной вражды послужил памфлет, появившийся на стене большой аудитории, в котором неизвестный автор подтрунивал над кутейническим происхождением одного из аристократов, именно М. Н. Логинова. Как и следовало ожидать, такая обида произвела сильное волнение в среде последних; даже заговорили о необходимости настоять на исключении автора памфлета, если его откроют, что однако ж не удалось.

Свободное от лекций время (а его было вволю, так как репетиции случались не часто, да и не у всех профессоров, а составлением записок занимались, надеясь на позаимствование от товарищей, очень немногие) университетская молодежь, как и всякая другая, или

посвящала картам (было несколько охотников и до азартных игр), или посещению танцклассов, заменявших в то время нынешние танцевальные вечера в клубах и других увеселительных мест, или изредка кутежам.

Последние практиковались наиболее в корпорациях, организованных по образцу Дерптских, если не ошибаюсь, в 1837 году. Основанием своим корпорации были обязаны все тому же аристократическому кружку. Первоначально была одна корпорация, вскоре разделившаяся на две: Русскую (Ruthen) и Немецкую (Baltica). Число корпорантов было сравнительно очень невелико, едва ли достигало ста, т. е. пятой части всех студентов. Очевидно немецкие затеи (комерши, фехтовальная зала, дуэли) приходились не по вкусу большинству моих русских товарищей. Впрочем, я этим не хочу сказать, чтобы разумная организация студенческих кружков у нас вообще была невозможна или даже, как некоторые утверждают, вредна: опыт жизненный говорит, что молодой человек гораздо охотнее подчиняется порядкам и дисциплине, установленным товарищеским кодексом, нежели полицейскому надзору начальства, точно также как и всякий человек в зрелом возрасте соотносит свое поведение не столько с установлениями Свода Законов, как с порядками и правилами приличия того общества, в котором он находится. Не могу умолчать, что различные грязные поступки и безобразия студентов, случавшиеся в мое время (кража шинели у товарища, оскорбление действием в аудитории и т. п.) выходили исключительно из среды лиц, не принадлежавших к корпорациям.

Что касается до занятий студентов науками и уровня сведений, вынесенных ими из университета с 1836 по 1840 гг., я с сожалением должен сознаться, что нелестный отзыв, данный по этому предмету историографом С.-Петербургского университета В. В. Григорьевым, в общих чертах не грешит против истины, хотя он и относится к более раннему периоду, ко времени студенчества самого автора (1831-1835 гг.) «Жиденькое знание профессорских тетрадок или печатных учебников, говорит Григорьев, испарявшееся со сдачей каждого экзамена и оставлявшее в голове только название пройденных наук, смутное представление об их содержании и объеме, да случайно застрявшие в памяти факты и положения: вот все, что обыкновенно выносили тогда студенты из университета».

С 1837 года личный состав преподавателей был более или менее обновлен свежими силами. Не берусь решать, университету или чему другому некоторые из питомцев его были обязаны тем, что приобрели впоследствии почетную известность на различных поприщах; но полагаю, что если между ними встречаются такие выдающиеся и полезные деятели, как Грановский, Григорьев, Печерин, Устрялов, Никитенко, Чижев (Ф. В.), Кесслер, Железнов, Ценковский, М. П. Любоцинский, кн. Васильчиков, кн. Дондуков-Корсаков, Соловьев (Я.), Г. П. Галаган, Домонтович (К.), Шифнер, Тургенев (И. С.), Майков (А. Н.) и др. позднейшие, то С.-Петербургскому университету нечего опасаться сравнения с другими русскими университетами. Несмотря на то, должно сознаться, что редкий из студентов моего времени был знаком с источниками и литературой преподававшихся предметов. Это подтверждает и Григорьев, уверяя, что если некоторые питомцы С.-Петербургского университета и приобрели позже почетную известность, то были этим обязаны более себе самим, нежели университету.

Обращаясь к характеристике университетских преподавателей, я должен прежде всего оговориться, что далека от меня мысль считать мои отзывы о них непреложными.

Чисто личные суждения мои об их достоинствах и недостатках основаны преимущественно на минутных впечатлениях юношеского возраста, и потому вполне ответственны моей задаче представить характеристику профессоров с точки зрения студентов моего времени, т. е. отзывами их о своих преподавателях охарактеризовать их самих.

Первая лекция, на которой, если не изменила мне память, нам первокурсникам всех факультетов пришлось быть, была лекция профессора философии Фишера. Григорьев в своей «Записке» называет выбор Фишера «необыкновенно удачным» и уверяет, что в то

время был нужен именно Венский, а не Берлинский философ. Не желал ли университетский историограф этими ироническими словами сказать, что студентам того времени была нужна скорее католическая (Фишер был католик и воспитанник иезуитского лицея), нежели протестантская философия, или, что русскому студенту можно и вовсе обойтись без философии, так как в Вене, при Метернихе, могла процветать лишь иезуитская философия, т. е. одно извращение науки философии. Для меня, читавшего в то время с большим интересом популярные статьи о философии Кузена, философия, преподаваемая Фишером, была какой-то недоступной для понимания схоластикой, и отзыв Григорьева о ней, что она «просветила сознание, не стуманивая головы слушателей», я могу приписать только его желанию сказать сарказм, или отделаться казенной фразой.

В действительности же, если от философии Фишера у студентов голова не отуманилась, то вероятно потому, что редкий из нас был в состоянии ее понять, и никто ею серьезно не занимался. Еще менее можно допустить, что она действовала просветительно на сознание слушателей; ибо может ли то просвещать, что не вполне доступно пониманию? Сколько мне известно, ни один из учеников Фишера не вынес из университета любви к преподаваемой им науке, не сделался ни Венским, а еще менее Берлинским философом. За всем тем нельзя не признать, что Фишер обладал большой эрудицией и замечательными способностями. Между студентами ходил неправдоподобный слух, будто он, приехав в Россию, первоначально жил уроками музыки и уже затем сделался домашним учителем у министра Уварова, которому и был обязан своей профессурой. Уже одно то говорит в пользу его необыкновенных способностей, что Фишер, после недолгого пребывания в России, овладел русским языком и, не читая по тетради, передавал по-русски в правильных и плавных выражениях отвлеченные философские понятия, между тем как другие его коллеги из иностранцев, напр., профессор Грефе, проживший в России почти с полвека, никогда не могли или не желали выучиться русскому языку. Фишер в своей русской речи напоминал немца лишь в произношении буквы л: он произносил ее твердо и там где этого не следует. Так в любимой им остроте на счет студентов из прибалтийских немцев, которые имели обыкновение не являться на репетиции, он произносил: «наши бароны сегодня гуляют». На курсе нашем было таких баронов с полдюжины, и Фишер, желая подтрунить над ними, называл их всех подряд. Не смотря на свои нестарые лета (около 40 лет), Фишер был совершенно сед, но глядел молодцом, - носил на шее постоянно белый на твердом подгастучнике платок, что при его прямой, длинной и сухощавой фигуре придавало ему вид «проглотившего ариин». Со студентами Фишер держал себя крайне сдержанно и говорил *du haut de la cravat*, как бы опасаясь уронить свое профессорское достоинство. О лекциях маститого профессора греческой словесности Грефе не берусь судить, так как, не будучи достаточно силен в этом предмете, я их не посещал; кроме того они читались на латинском языке. Грефе был деканом нашего факультета, а мы филологи обязаны были ежемесячно испрашивать его подпись на нашем печатном свидетельстве или виде для жительства. В этом свидетельстве были также пропечатаны на латинском языке правила о нравственных обязанностях студентов; я уверен, что по недостаточному знанию этого языка лишь немногие из моих товарищей были в состоянии понять их смысл. Сама подпись декана на этом документе была пустой формальностью, так как свидетельствовала лишь о явлении студента в университет однажды в месяц. Впоследствии студенты перестали соблюдать этот лишний обряд, и никто из начальствующих не думал напоминать о нем.

Как Грефе, так и профессор латинской словесности Фрейтаг, имели очень немного слушателей, какой-либо десяток. Хорошим знанием классических языков отличалось не более 2-3 студентов (Шифнер из Ревельской гимназии, впоследствии известный лингвист и академик, Введенский, питомец Московской духовной академии, известный переводчик Диккенса и Теккерея). Уверяли, что один из этих слушателей, Ш., преемник Грефе по

кафедре греческой словесности, обязан был своей профессурой лишь тому обстоятельству, что женился на его дочери. Здесь кстати заметить, что все позднейшие дифирамбы Каткова и комп. о процветании классических языков в министерство графа Уварова грешат сильным преувеличением. В числе моих товарищей были окончившие гимназический курс первыми, и все-таки они не могли понимать лекций Грефе и Фрейтага. Выше я упрекнул Грефе незнанием русского языка. Примером пренебрежения к государственному языку может служить ходивший между нами рассказ о нем и профессоре Фрейтаге. Однажды эти два иностранца, великие лингвисты, но плохие знатоки русского языка, встретились на улице, и один другого спрашивает, откуда он идет. Грефе, шедший из цирюльни, отвечал: «я стригался». Следует сказать: «стригнулся», поправил его Фрейтаг. Si non e vero... Профессорская деятельность Грефе гораздо плодотворнее, должно полагать, была в Главном Педагогическом институте, воспитанники которого, состоя, в большей части, из бывших семинаристов, были лучше подготовлены к слушанию его лекций. К таковым принадлежит между прочим известный филолог Н. М. Благовещенский, впоследствии ректор Варшавского университета. Напротив, другой его ученик из того же заведения и адъюнкт Грефе, Иван Яковлевич (прозванный студентами Jean Jacques) Соколов, был одним из самых бездарных и потешных университетских преподавателей. Не берусь судить о том, насколько Соколов владел своим предметом; но он видимо тяготился его элементарным преподаванием и большую часть лекции проводил в пустых разговорах со студентами. Однажды, напр., вздумал он нам рассказывать, как, парясь в бане, он был свидетелем сближения Булгарина с Сенковским. Угловатые манеры и странные ужимки Соколова указывали в нем попovichа чистейшей воды. Он изгибался перед своим бывшим профессором и покровителем Грефе и, когда говорил с ним (не иначе как на латинском языке), то всегда видимо робел и изменялся в лице.

К числу немногих любимых профессоров несомненно принадлежал А. В. Никитенко. Аудитория его всегда была полна студентами. Речь Никитенко отличалась плавностью и изяществом, была оживлена, даже иногда юношески восторжена. Что же касается предмета его лекций, «теории прозаической и поэтической словесности», то не думаю, чтобы эта теория обогатила кого-либо из слушателей положительными знаниями. Мне всегда казалось, что вся эта блистательная импровизация симпатичного профессора была ни что иное, как «переливание из пустого в порожнее». Дикция Никитенко сопровождалась всегда оживленной жестикуляцией; так при слове «изящное» он имел привычку поднимать вверх руку с двумя пальцами, сложенными в кольцо. С переводом университета из старого здания в новое, лекции его сделались занимательнее: было определено, чтобы студенты однажды в неделю читали в аудитории свои сочинения, разбор которых сопровождался довольно оживленными прениями. Руководствуясь, вероятно, желанием поощрять молодые таланты, добрейший профессор предсказывал некоторым из моих товарищей блистательную будущность на литературном поприще. Так, восхищаясь стихотворением «Кубок», он ставил его автора, студента Щеткина, чуть ли не на одну ступень с первостепенными поэтами. Более удачным пророчеством было то, которое относилось к нашему маститому поэту А. Н. Майкову, первые поэтические опыты которого были прочитаны весной 1838 г. в аудитории Никитенко. Едва ли не первый из всех преподавателей Никитенко, обращаясь к своим слушателям, величал их «милостивые государи». Его любили и за то, что он был всегда доступен и прост в обхождении, а что было нам еще более приятно, снисходителен на экзаменах... Не менее симпатичной личностью, как человек и как ректор, представлялся нам неизменный друг Пушкина – П. А. Плетнев. Он имел обыкновение приносить с собой на лекцию какую-то черную трость, которую вовсе не нуждаясь в ней, не выпускал из рук; уверяли, что эта трость досталась ему на память от Пушкина. Плетнев с редкой в начальнике снисходительностью выслушивал просьбы студентов и по возможности всегда удовлетворял их. Благоволительная скромность принадлежала к отличительным

чертам его характера. Один из моих товарищей предпринял издание портретов наших профессоров и, как подобало, пожелал начать с портрета ректора. Стоило ж однако много труда художнику уговорить Плетнева на сеанс и заставить его надеть орден (Владимира 3-й ст.). Не смотря на то, что портрет вышел очень удачный, он плохо расходился; а потому и мысль об издании портретов других профессоров в мое время не могла быть осуществлена. Впоследствии встречались мне литографированные портреты некоторых профессоров, но по сходству и исполнению они далеко уступали портрету Плетнева, исполненному известным художником Бориспольцем. Менее приятные воспоминания вынес я о Плетневе, как о преподавателе истории русской словесности. Присоединяюсь с сожалением к строгому приговору Григорьева, что его лекции «не поражали слушателей ни особенной новостью взглядов, ни глубиной мысли и еще менее ученостью». Задачу ознакомить слушателей со своими взглядами на известный период русской литературы преподаватель понимал довольно своеобразно. Я слушал его лекции в продолжении трех курсов; два года подряд читал Плетнев Державина и только на третий неожиданно перешел к Крылову, не удостоив внимания всех прочих деятелей русской литературы. Большая часть лекций посвящалась чтению произведений этих авторов, чтению с устаревшей декламацией, с каким-то неестественным пафосом. Между тем программа Плетнева гласила: «История русской литературы, рассматривающая в хронологическом порядке все произведения, ее составляющие». Из его отзывов о разбираемых произведениях я решительно ничего не могу припомнить: так мало характеристического и выдающегося представляла его критика. Впрочем одно из метких замечаний Плетнева о баснях Крылова осталось у меня в памяти, именно, что басни свои Крылов предназначал не для детей; так наприм., объяснял профессор, басня «Ворона и Лисица» проповедует правила безнравственные, пользу лести. Что сведения Плетнева не принадлежали к числу обширных, о том можно составить себе понятие по следующему случаю. Когда появился довольно неудачный перевод Гетева «Фауста» Губера, представляя Плетневу вместо обязательного сочинения разбор этого перевода, пишущий эти строки присовокупил к нему перевод «Пролога» к Гетевой трагедии (разговор Бога и ангелов с Мефистофелем), выпущенный у Губера, вероятно по цензурным соображениям. Очевидно, что мой профессор и не подозревал о существовании этого, отчасти цинического, произведения Гете: иначе ему не следовало бы в аудитории допускать прочтения моего перевода. Затем, должен я сознаться, что перевод мой, сделанный в ужаснейших виршах, вовсе не представлял литературного достоинства, или даже намека на поэтический талант. Несмотря на то, Плетнев похвалил мой плохой труд и рекомендовал продолжать перевод. Сознывая слабость своих сил, я имел настолько благоразумия, чтобы не последовать этому необдуманному совету...

Однажды аудитория Плетнева наполнилась студентами всех курсов и факультетов, привлеченными слухом о чтении нашим товарищем Введенским какого-то любопытного сочинения. Об этом студенте рассказывали, будто он пришел пешком из Москвы, где воспитывался в духовной семинарии, что работает он в «Библиотеке для чтения», строгий редактор которого Брамбеус держит слабого к чарочке попovichа в ежовых рукавицах. Наконец, и самая тема, которую Введенский избрал для своей диссертации, о троичности Божества, не могла не возбудить нашего любопытства; но оно в конце концов осталось неудовлетворенным: ибо едва вошедший на кафедру Введенский успел произнести заглавие своего сочинения, как тотчас же был остановлен резким замечанием профессора, что для подобных сочинений место в семинарии, а не в университете. Опешенный студент оставил аудиторию, а за ним повалила и вся толпа разочарованных слушателей, ожидавших пикантных прений по поводу этой темы... Лекции проф. И. П. Шульгина я находил довольно скучными, несмотря на то, что историческая наука всегда была моим любимым предметом. Заметно было, что источник знаний профессора был не из глубоких и что ему порядочно принадлеело

рассказывать одно и то же в течение долгих лет своего преподавательства в нескольких учебных заведениях. Знакомый с сочинением Шульгина «Изображение характера и содержания истории трех последних веков» не выносил из его аудитории никаких новых идей и сведений.

Гораздо с большим интересом слушались лекции проф. Н. Г. Устрялова по русской истории. Хотя дикция этого профессора довольно монотонная, речь неживленная, при постоянном повторении частицы «ну-с», но все эти недостатки выкупались сообщением многих фактов и подробностей, которые, при бедности отечественной исторической литературы того времени, были для нас, особенно начиная с эпохи Петра Великого, новы и крайне любопытны. Несмотря на то, что на курсовых экзаменах требовалось лишь знание в объеме изданного Устряловым в двух томах руководства (Русская история), многие из нас записывали его лекции, значительно дополнявшие содержание учебника. В противоположность другим молодым своим коллегам, Устрялов никогда не искал популярности у студентов. С появлением в Университете проф. истории М. С. Куторги стали между студентами входить в обычай аплодисменты на лекциях, но Устрялову видимо не нравились подобные овации; его всегда как-то коробило при них, и каждый раз, вместо благодарности, на его лице появлялось что-то похожее на гримасу.

Однажды я был свидетелем такого интересного эпизода на лекции Устрялова.

Неожиданно вошел в аудиторию министр народного просвещения Уваров, одетый в какой-то странной форме, в синем, долгополом мундирном сюртуке. Прослушав минут пять лекцию профессора, он внезапно поднялся, подошел к кафедре и начал поучать нас собственной речью. Сколько мне помнится, содержание этой речи было, как говорится, притащено за волосы, ибо имело мало связи с лекцией Устрялова; но министру очевидно желательно было поораторствовать перед нами на свою любимую тему о том, что все реформы в нашем отечестве исходят сверху и что потому всякая у нас революция не имеет цели и смысла. Воодушевляясь все более и более своим предметом, Уваров незаметно поднимался по ступеням кафедры и наконец, очутившись на ней, поставил почтенного профессора в крайне неловкое положение: уступить свое место на кафедре он не желал, а помещаться на ней двоим не доставало места...

Никто из профессоров П. Университета моего времени не был предметом таких восторженных оваций как проф. всеобщей истории Куторга. В 1837 г. он только что возвратился из-за границы и еще не начинал своих лекций, а о нем отзывались уже как о передовом ученом, либерале, человеке, который намерен ознакомить своих слушателей с последним словом исторической науки на Западе. Способ преподавания Куторги не мог не очаровать и не увлечь молодежь, которой порядочно принадоели запыленные повторимые устаревшими профессорами. Речь Куторги была плавная, выработанная, нередко уснащенная пикантными подробностями и либеральными выходками в роде объяснения чудес Моисея естественными причинами и т. п. Рельефу Куторги в глазах студентов также много содействовало сравнение его с другим преподавателем истории, Шакеевым. Однажды, желая выразить свою симпатию Куторге, студенты, наполнившие аудиторию на вступительной лекции Шакеева, устроили демонстрацию и в присутствии попечителя, ректора и инспектора оштрафовали и освистали бедного дебютанта, единственная вина которого состояла в том, что он, не получив образования в заграничном университете, отважился вступить в соперничество с такой величиной, как Куторга. Любопытно, что прискорбная демонстрация эта не только не имела для студентов дурных последствий (вероятно потому что в ней участвовал весь аристократический кружок), но еще послужила поводом к интересному эпилогу и новым заявлениям во славу любимого профессора. Здесь кстати заметить, что большая часть наших популярнейших профессоров в своих отношениях к студентам всегда обнаруживала неумение или нежелание пользоваться приобретенной ими любовью и нравственным влиянием, как самыми действительными и могучими рычагами для руководства всегда легко увлекающейся молодежи. К числу таковых принадлежал и

проф. М. С. Куторга. Вместо того, чтобы, пользуясь своим престижем и влиянием на молодые умы, пожурить студентов за их неприличный поступок на лекции Шакеева, он на следующей же лекции произнес эффектную, тенденциозную речь, вызвавшую со стороны студентов новую шумную овацию. Быв одним из горячих попечителей Куторги, я записал эту довольно продолжительную, очевидно хорошо приготовленную речь. Жалею, что не сохранил ее, но помню, что Куторга благодарил в эффектных выражениях за оказанное к нему сочувствие, упоминал о расстроенном здоровье, о близкой своей поездке за границу (которой он и не думал предпринимать), наконец расстроенным голосом заключил, что где бы ни пришлось ему умирать, на берегах ли Женевского озера или Рейна, он вечно будет вспоминать о петербургских студентах. Все эти сентиментальные фразы конечно должны были вызвать бурные рукоплескания восхищенных его почитателей, и студенты по окончании лекции с продолжительными криками «ура» подхватили профессора на руки и снесли его с лестницы.

Не берусь судить, насколько ученость и знания Куторги могли претендовать на солидность; помню лишь, что он на своих лекциях всячески старался блеснуть ученостью и пустить нам пыль в глаза. Например, невысокий уровень лингвистических знаний первокурсников был ему хорошо известен; несмотря на то, он постоянно угощал нас на своих лекциях цитатами на греческом, латинском и даже готском языках. Приводя немецкие цитаты, он любил подделываться под чисто германское произношение, которое, как известно, довольно резко отличается от употребляемого у нас остзейского. Однажды, заметив в аудитории постороннего слушателя, мальчика лет 14, Куторга, читая о культе фаллоса в Индии, неожиданно стал ораторствовать по латыни, вероятно желая тем дать понять юному слушателю, что он еще не дорос до слушания университетских лекций. Впоследствии, когда Куторга, по выслуге законного срока в П. университете, перешел в Московский, какая-то газета уличила его в том, что он в одном из своих сочинений привел в неверном переводе место из Тацита.

По прошествии года или немного более профессорства Куторги, источник его либерализма самым резким и наглядным образом неожиданно иссяк, а с тем вместе исчез и у многих его слушателей интерес к его лекциям. Выказывая какую-то напускную сдержанность и серьезность, он в один прекрасный день, как бы читая по книге, стал угощать нас голыми историческими фактами без всяких объяснений и рассуждений. Крутой, бывший на эффект поворот в образе мыслей профессора студенты объясняли себе начальническим замечанием, по поводу его чересчур либеральных тенденций. Вообще Куторга любил рисоваться перед студентами, был неровен в обращении и во многом напоминал нервную и капризную женщину. Склонность его к капризам пришлось мне однажды испытать на своей персоне. На экзамене у него, почти в продолжении всего времени моего ответа на вынутый билет, занимался он разговором с сидевшим подле него ассистентом и не обращал внимания на то, что я рассказывал; но когда я кончил, то он вдруг обратился ко мне со злой ужимкой и незаслуженным упреком, что я в своем ответе многое пропустил. Мое возражение, что он ошибается, ему крайне не понравилось и, потому, несмотря на мой вполне удовлетворительный ответ, получил я по его предмету лишь средний балл.

Излюбленным отделом всеобщей истории для Куторги была история греческих республик, слишком подробным изложением государственного и гражданского устройства которых он нам крайне наскучил. По этому предмету он издал немало сочинений на французском и немецком языках. Неизвестно, передал ли наш ученый историк кому-либо из своих адептов (которых он одно время собирал у себя для частных бесед) восторженную преданность к древним республикам «в 12» долю листа; а между тем изучению их он посвятил всю свою ученую деятельность. Куторга читал лекции, нисколько не обращая внимания, можно ли за ним следить и записывать...

Совершенно иного типа, как человек и педагог, был брат предыдущего, С. С. Куторга, профессор зоологии и сравнительной анатомии. Будучи филологом, я не имел обязанности посещать его лекции, но любовь к естествоведению и популярное изложение в искренней, оживленной и неискусственной речи, сделали меня одним из ревностных слушателей симпатичного профессора. Ни в одной из университетских аудиторий не встречал я столько посторонних слушателей как у С. С. Куторги; одним из постоянных был уже тогда маститый вице-президент Академии Художеств граф Ф. П. Толстой. О заслугах этого достойнейшего из преподавателей свидетельствуют его ученики, наши известные натуралисты Кесслер, Железнов, Ценковский, Менишуткин, Фаминцын. Кафедра всеобщей истории была разделена с 1838 года между М. С. Куторгой и М. Касторским. Первый читал юристам, а последний, а последний, вслед за выбывшим Шакеевым, филологам. Вся фигура Касторского была крайне несимпатична, отличалась неловкостью и угловатостью, а преподавание его было сухо, незанимательно и наводило на нас зевоту. Еще менее были в состоянии привлечь студентов его лекции на кафедре славянской истории и литературы.

Одним из самых ярких светил профессорской коллегии того времени был несомненно профессор восточного отделения философского факультета О. И. Сенковский, пользовавшийся в журнальном мире громкой известностью под псевдонимом барона Брамбеуса. Благодарный его учение В. В. Григорьев, в своей истории университета отзывается о нем, как о несравненном профессоре арабского языка и необыкновенном человеке, и упрекает Плетнева, этого «снисходительнейшего из людей», что, упоминая на акте 1848 г. о выходе Сенковского из университета, после 25 летней службы, «он не нашел возможным выразить по этому случаю даже самого сухого сожаления об утрате, которую нес университет, лишившийся величайшей из тогдашних знаменитостей».

Равнодушное отношение Плетнева к заслугам Сенковского я объясняю себе той нелюбовью к нему всех его товарищей, которую он заслужил своим высокомерием и неприветливым с ними обращением. Так, наприм., я никогда не видал, чтобы он заходил в профессорскую комнату, а если ему случалось приезжать до начала лекции, то он выжидал звонка, сидя внизу, в университетском правлении. На всех своих товарищей смотрел он как на лиц совершенно ему незнакомых и недостойных внимания.

Единственное исключение, кажется, он делал для адъюнкт-профессора математики, тогда еще очень молодого человека, Ф. В. Чижова, его сотрудника по «Библиотеке для чтения». Даже встречая на экзаменах своего земляка, проф. Мухлинского (может быть еще лучшего знатока восточных языков и Востока, чем он сам, но человека крайне скромного), Сенковский едва достаивал его парой фраз и не иначе как на французском языке. Как бы желая показать свое пренебрежение ко всему что относилось до университета, «несравненный профессор» и остроумный писатель позволил себе однажды такую, вовсе не остроумную, выходку против должности инспектора студентов. При аудиториях служил сторожем, едва ли не с самого основания университета, старый, едва передвигавший ноги, отставной солдат Платон. Не достаивая беседой своих товарищей, профессор Сенковский нередко вступал в разговор с этим сторожем и однажды, спросив его, давно ли он состоит при университете, удивился, отчего по сие время его не произвели в инспектора. Как остроумно!..

Судить о его знании Востока и восточных языков никто из его учеников, по крайней мере в мое время (В. Григорьев и П. Савельев принадлежали к выпуску 1834 г.) не был в состоянии; ибо ни один из них, сколько мне известно, не ознаменовал себя каким-либо выдающимся трудом по своей специальности. Относительно его слабого знания разговорных восточных языков рассказывали такой анекдот. Когда посланнику одного из восточных государей, прибывшему в Петербург, вздумалось посетить наш университет, то Сенковскому поручено было приветствовать его речью на одном из восточных диалектов. Посланник, выслушав с видимым вниманием речь оратора, спросил своего толмача, на каком это языке знаменитый профессор приветствовал его, так как он не

мог понять ни одного слова в его речи. Вследствие ли многосложных занятий по издаваемому журналу, или по каким другим причинам, только Сенковский порядочно пренебрегал своими профессорскими обязанностями. Перед выпуском книжки «Библиотека для чтения», слушатели его всегда были уверены, что инспектору будет прислана коротенькая записочка, в которой извещалось о невозможности прибыть на лекцию, под предлогом жестокой мигрени. Очень часто профессор, объяснив несколько строк текста, через какие-нибудь четверть часа начинал корчить болезненную физиономию, внезапно прерывал лекцию и, бормоча что-то про себя, уходил из аудитории. Такой конец лекции студенты всегда предугадывали по следующему верному признаку: вошед в аудиторию с намерением поскорее отделаться от лекции, Сенковский начинал читать текст переводимого автора тихим голосом, совсем невнятно, как бы захлебываясь столь частыми в арабском и турецком языках гортанными звуками. Неудивительно, что подобные фокусы и бесцеремонные, чтобы не сказать, бессовестные отношения преподавателя к своим обязанностям, не могли располагать его слушателей к серьезному труду; и так как их было немного, всего 6-7 человек, то они часто сговаривались не ходить на скучную лекцию и прятались от профессора, обыкновенно скрываясь в помещении казеннокоштных студентов, и там ожидали следующей перемены. Вероятно очень довольный видеть пустую аудиторию, профессор для виду, зная наперед тщету этой меры, посылал сторожа разыскивать по всему университету своих ленивых слушателей.

Вот при таком-то странном способе изучения восточных языков, меня всегда удивляло, как это удавалось моим товарищам-ориенталистам оканчивать курс с дипломом или даже только с аттестатом. По их откровенному признанию, они выносили из университета более или менее хорошее знание лишь одного восточного языка, персидского, и знанием этого предмета были обязаны не ученым профессорам, а необразованному персиянину, уроженцу Грузии, мирзе Джафару Топчибашеву, которого бывший его ученик В. В. Григорьев пренебрежительно называет «мужиком», забыв, что без помощи этого «мужика», сам он никогда не был бы в состоянии хорошо объясняться по-персидски.

Все студенты поголовно относились с нескрываемым равнодушием, чтобы не сказать с пренебрежением, к лекциям протоиерея Райковского, читавшего церковно-библейскую историю и догматическое и нравственное богословие. Характеристика преподавательских способностей Райковского, сделанная университетским историографом, полагаю, не возбудит ни в ком из его бывших слушателей противоречия. «После Павского и Бажанова, говорит Григорьев, преподавание о. Райковского казалось сухим, холодным, несоответствующим высоте университетской науки». Понятно, что на лекциях этого бездарного профессора обыкновенно присутствовало не более 2-3 десятков слушателей и то по большей части из казеннокоштных студентов, находившихся под бдительным контролем инспектора, тогда как посещение богословских лекций было обязательно для студентов всех трех факультетов.

Неуклюжая фигура и смешные манеры Райковского подавали повод к насмешкам. Лекции свои он всегда начинал возгласом: «братие!» причем закидывал назад голову, выставляя свою клинообразную бороду и глядя в потолок. Один из моих товарищей-шалунов, впоследствии известный литератор, перед приходом профессора имел обыкновение рисовать на классной доске козлиную голову. Другой (полагаю из семинаристов, ибо был очень искусен в диспуте) разнообразил эти крайне скучные лекции, нередко предлагая профессору очень наивные и щекотливые вопросы, ставившие ученого богослова в тупик. После уничтожения философской кафедры в 1850 году отцу Райковскому было поручено читать студентам логику и психологию. Воображаю, какой схоластикой угощал своих бедных слушателей сей импровизованный философ!

Так как большая часть студентов не посещала лекций богословия, а те из них, которые не интересовались ими, не вели записок: то нам на экзаменах приходилось бы очень плохо

от взыскательного о. Райковского, если бы мы не прибегали к разным проделкам. Самый простой способ обмануть экзаменатора, практиковавшийся не только у Райковского, но и у других профессоров, состоял в обмене доставшегося студенту билета. Это происходило по такому способу. Профессор, передав кому-либо из студентов программу вопросов из своего предмета, в то же время поручал ему приготовить соответствующие билеты. Достаточно было при передаче билетов доверчивому экзаменатору скрыть один из них, или изготовить билет вдвойне и удержать дублет у себя, и все экзаменуемые могли смело предстать пред очи строгого судьи. Хитрость состояла лишь в том, чтобы предъявить экзаменатору не тот билет, который был вытянут экзаменуемым, а подменить его тем, который был припрятан и ответ по которому был предварительно приготовлен. Затем вынутый билет передавался товарищу, и так как экзаменуемые не вызывались по списку, а подходили к экзаменатору, когда хотели, то оставалось всегда довольно времени, чтобы подготовиться по запискам к ответу на переданный товарищем билет. Студентам одаренным хорошей памятью этот фокус удавался вполне, и они получали хорошую отметку; другим же он помогал кое-как отделаться от нуля или единицы.

Существовали еще другие способы надувательства экзаменатора, почти во всех учебных заведениях. Наприм. однажды студент, писавший билеты, пометил тот, на который он только и был в состоянии хорошо отвечать. Сделанная им метка не укрылась от внимания прозорливого профессора: предполагая, что отмеченный билет был единственным, на который студент не приготовился отвечать, он сам его вручил счастливому изобретателю фокуса.

О лекторе французского языка, Сен-Жульене, я уже упомянул, как о человеке с резким обхождением; но его талантливые публичные лекции посещались охотно петербургским высшим обществом. Страдая постоянной осиплостью, Сен-Жульен принужден был резко выкрикивать свои речи, что весьма неприятно действовало на его слушателей. В. В. Григорьев говорит о нем, что это был один из «двигателей мысли в то печальное время»; прибавлю: мысли *a la Lamartine* и Victor Hugo.

Значительная часть студентов предпочитала французский язык немецкому. Сколько мне помнится, на лекциях немецкой литературы можно было встретить не более двух-трех природных русских. Один из них был князь Голицын (Аркадий), который вообще отличался от своих родовитых товарищей солидным образованием и тем, что избрал не юридический факультет, а философский (филологическое отделение). В конце моего курса явился еще другой незаурядный князь Голицын (Павел), избравший восточное отделение филологического факультета; он еще до поступления в университет в совершенстве владел персидским языком. Был еще третий князь Голицын, но этот имел известность лихого буриша и стушевался с первого же курса.

Лектор немецкого языка и словесности К. Ф. Свенске, по многосторонности знаний, был человек замечательный. Окончив образование в Педагогическом институте, он, в числе четырех избранных, был отправлен за границу для изучения методов преподавания Песталоцци и Ланкастера. Я слышал, что Свенске, будучи уже в преклонных летах, начал снова изучать греческий язык и Гомера. Несмотря на свое шведско-немецкое происхождение, он в совершенстве владел русским языком, и по поручению Географического Общества издало им несколько сочинений по предметам землеописания и путешествий. Он был более кабинетным ученым, чем педагогом. Прихрамывая, топчась на месте перед нашими столами, Свенске с некоторым затруднением в речи, но в отчетливых и правильных периодах, знакомил слушателей с биографией и произведениями известнейших немецких писателей. Сверх того, он заставлял их для упражнения в языке переводить Шиллерову «Марию Стюарт». Богатая библиотека этого скромного и добрейшего человека была всегда к услугам студентов.

Лектором английского языка был Варранд, представительный gentleman, упражнявший нас переводами с английского языка на французский, по книге им изданной. Варранд

преподавал свой язык некоторым членам царского семейства и одновременно издавал журнал «St.-Petersburg Review».

О лекторе итальянского языка Манцини помню только, что мы переводили у него «*Le mie Prigioni*». Как лекции Варранда, так и Манцини могли посещать только те из студентов, которые достаточно понимали по-французски, ибо все преподавание происходило на этом языке. Так как аристократы этих лекций не посещали, и они не были обязательны: то понятно, что число слушателей на них всегда было ограниченное.

Мои воспоминания о прочих университетских профессорах довольно тусклы или не представляют достаточных характеристических черт, поэтому я предпочитаю лучше вовсе не упоминать о них. Были между ними конечно личности достойные всякого уважения и пользовавшиеся любовью студентов, наприм. Калмыков, Ивановский, Порошин, Шнейдер и др., но, будучи филологом и не располагая данными, проверенными личным наблюдением, я не считаю себя в праве судить об их педагогической деятельности.

Довольно и тех теней, которые я, руководствуясь правилом *amicus Plato, sed magis amica veritas*, набросал на мою *alma mater*. В утешение же моих бывших товарищей, которые вздумали бы упрекнуть меня в неуважении и в недостатке пиетета по отношению к моей духовной «матери», я с полным убеждением утверждаю, что, несмотря на все недостатки университетского образования нашего времени, уровень духовного развития питомцев Петербургского университета конца 1830 и начала 1840 г., был гораздо выше, нежели у студентов позднейших выпусков. Мои старые товарищи могут всегда гордиться тем преимуществом, что умственное их развитие совершалось под влиянием людей «сороковых годов»; что, живя в блестящую эпоху нашей литературы, мы воспитались на произведениях таких талантливых ее представителей, каковы Жуковский, Батюшков, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, тогда как студенты последующих поколений обыкновенно черпали свою житейскую мудрость из разных мутных источников в сочинениях Прудона, Молешота, Бюхнера и т. п. известных апостолов материализма и коммунизма, основ нигилизма. Указания на студенческие истории в 1860 годах освобождают меня от труда проводить дальнейшую параллель между состоянием Петербургского университета в тот и другой периоды его истории».

[Чумиков, А. А.] Петербургский университет полвека назад. Воспоминания бывшего студента // Русский архив. – 1888. – Вып. 9. – С. 123-133, 135-136, 139-149.

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович

1820-1893

Русский военный и государственный деятель.

Окончил Благородный пансион и юридический факультет Петербургского университета (1840).

«В мае месяце 1840 года я кончил выпускные экзамены и оставлял Петербургский университет, в котором провел на юридическом факультете четыре из лучших годов моей юности...

Перед изложением моих дальнейших воспоминаний, хочу бросить беглый взгляд на университетское мое прошлое и в кратких чертах описать университетский студенческий наш быт того времени.

Из университетского благородного пансиона (нынешняя 1-я гимназия) поступил я в 1836 году очень молодым – тогда мне было только 16 лет – в Петербургский университет. Счастливым обстоятельством было, что я поступил и пробыл на университетской

скамье самый блестящий период его существования. Во главе Министерства Народного Просвещения в то время стояла просвещенная личность такого государственного человека, каков был граф Уваров, создавший замечательный тогдашний университетский устав. Обширное многостороннее его образование, его разумное практическое отношение к делу, при доверии, которым Уваров пользовался у Государя, и заслуженном им сочувствии общества, вполне обеспечивали успех той учебной реформы, которую суждено было ему внести в Россию. С его несомненными государственными способностями, он сумел, без насилия, без особой ломки, заменить обветшалый, схоластический прежний порядок обучения новыми своими взглядами на преподавание: новые науки нашли почетное место в существующих доселе программах, а главное университеты освежились новым научным элементом в лице молодых людей, вернувшихся из заграничных университетов, куда они посланы были, на счет Правительства, из лучших русских студентов, чтобы ознакомиться с новыми приемами преподавания, с новыми взглядами на науку всех европейских знаменитостей того времени. Этими свежими силами заменились большей частью прежние профессора, получившие образование в семинариях и Духовных Академиях. Очень понятно, в какие формы тогда облекалась наука и какими несовременными уже приемами она передавалась молодежи. На первом курсе, когда университет наш еще помещался в скромном и неудобном деревянном здании около Семеновского полка (теперь там, кажется, какое-то церковное подворье) я застал еще многих представителей прежнего порядка.

В 1837 году университет наш переведен был на Васильевский Остров во вновь отделанное и приспособленное здание Петровского времени 12-ти коллегий, где находится и ныне. Студентам сделалось обязательно носить новую, присвоенную им, однообразную форму с синими воротниками, с золотыми шитыми петлицами; шага, треугольная шляпа и офицерского образца шинель довершали наш тогдашний костюм. Прежде были также мундиры с красными воротниками, но они надевались только в торжественных случаях и обыкновенно студенты ходили в партикулярном платье. Это нововведение положительно считаю весьма полезным и разумным; оно немедленно создало известную солидарность между членами университетской семьи: у студентов явилось понятие о чести мундира, товарищество укрепилось и в каждом явилось самолюбие не уронить звание студента.

Замечательные молодые наши профессора: Порошин, двое братьев Куторги, Ивановский, Колмаков, хотя и слабее других, но и Барцев и Кранихфельд, а из прежних Фишер, Шнейдер, Никитенко своими несомненными познаниями, а первые упомянутые профессора с нераздававшимся дотоле в стенах университета красноречивым изложением своих предметов и критически-философским отношением к науке положительно завлекали своих слушателей. Профессора наши крайне добросовестно относились к обязанностям своим и разве только болезнь заставляла их манкировать лекциями.

Мода на университеты в тогдашнее время побуждала всех молодых людей высшего аристократического круга поступать в университеты, которые, впрочем, далеко не закрыты были и всем другим сословиям. В мое время в Петербургском университете числилось до тысячи человек различных сословий студентов. Сравнивая тогдашний университетский быт с нынешним состоянием университетов, представляется весьма прискорбное явление: в те времена, когда о новых реформах нашего государственного строя не было и помину, студенты, собранные со всех концов России, различных состояний, различных по воспитанию, жизни, обстановке и привычкам, все сливались в одну общую студенческую семью, одушевлены были одним и тем же общим духом, дорожили одними и теми же интересами, и о сословной розни не было и помину именно в то время, когда понятия в России и самые права, предоставленные законом, так резко отделяли сословия между собой. В то время профессора нисколько не отделялись от нас,

считая себя солидарными с нами. По выходе с лекции, любимые нами профессора, окруженные своими слушателями, обыкновенно провожались с Васильевского острова через Неву на Адмиралтейскую площадь и некоторые с нами следовали до квартиры. Говорили о науке, о разных занимающих общество вопросах — о политике никогда не было и речи. Профессора посещали наши вечеринки, иногда и устраиваемые кнейпы. На них обыкновенно пелись хором немецкие *Burschenlieder* и особые наши русские студенческие песни; их была целая книжка, и как восторженно отзывались тогда в сердце нашем эти звуки беззаботной, неиспытанной еще жизнью, молодости нашей. Мы навещали также профессоров своих и они снабжали нас книгами и пособиями для дополнения слышанных лекций; записок ни печатанных, ни литографированных тогда еще не было: мы все записывали сами. Это делалось обыкновенно следующим образом: трое, четверо студентов составляли кружок и записывали одновременно слушаемые ими лекции, потом собирались и составляли общие записки, по которым кружок и готовился к экзамену. Профессора ежегодно меняли программы своих лекций и интересовали нас многосторонними разборами того же предмета.

Университетское начальство, то есть администрация, совершенно отечески относилось к нам и пользовалось полным уважением и доверием студентов.

Попечителем Учебного Округа в то время был добрый отец мой, отец также и для всей подведомственной ему молодежи; он вникал в нужды каждого, всякий имел к нему свободный доступ, он постоянно помогал студентам, заботился о них, часто на экзаменах ходатайствовал за них у профессором и по выходе из университета старался способствовать устройству их будущей службы. Он вообще оставил по себе добрую память во всех прежних студентах, и теперь с благодарностью и любовью вспоминающих о нем. Ректором был достойный профессор Плетнев инспектором благородный и нами сердечно уважаемый Николай Павлович Филиппов, а впоследствии Александра Иванович Фицтум, которого также все мы очень любили.

Как выше сказано, между нами была особая солидарность и мы дорожили студенческим званием. У нас было, по примеру германских университетов, свое непризнанное законом студенческое общество, был и свой тайный суд с немецкими фершиссами и исключением из университета. С особой строгостью преследовался всякий бесчестный поступок; один из самых строгих и нещадных судей был студент барон Будберг. Решения этого суда исполнялись всегда беспрекословно. На публичных гуляниях, в театрах, обыкновенно, по взаимному согласию, присутствовали старшие и пользующиеся влиянием студенты, чтобы предупредить всякие безобразия и неприятные столкновения, особенно с полицией. За то на Васильевском Острове мы имели обширное поприще и для разгула и для наших шалостей; ходили кутить на биржу в лавки Елисеева и в гостиницу вдовы Гейде, где тогда за рубль ассигнации получали порядочный обед и опивались скверным пивом. Ходили также в 27 линию кататься с ледяных гор какого-то шустер-клуба, причем били немцев, сидя на их спинах, спускались с гор и, вообще, производили на Васильевском Острове всевозможные шалости. Когда же дело нами домашним образом не могло быть улажено и принимало более серьезные размеры, то мы всегда первые доносили о том начальству. Инспектор обыкновенно улаживал дело, а когда этого нельзя было, то обращались к отцу моему. Он отправлял студентов немедленно в карцер и ехал к тогдашнему Обер-Полицеймейстеру Генерал-Адъютанту Кокошкину, доброму приятелю и товарищу отца моего по службе в Преображенском полку. Кокошкин утром, донося о происшествии Государю, старался смягчить происшествие, докладывал, что студенты все арестованы университетским начальством и преувеличивал ожидающие молодых людей последствия от строгости того же начальства. Николай Павлович обыкновенно говорил: «с них уже взыскано, скажи однако, чтобы не губили карьеру молодых людей», Все кончалось несколькими днями ареста, извинениями пред обиженными или, большею частью, денежным вознаграждением побитых немцев по общей складке. За все пребывание мое в университете не было ни одного столкновения ни

с одним из профессоров, ни с университетским начальством, никакой манифестации, ни тени беспорядка в стенах университета. Я нарочно упоминаю об этом, чтобы обрисовать те отношения, которые существовали тогда в университете.

Пособия бедным студентам в их болезни, в необходимости иногда по семейным делам ехать в деревню, или в других крайних случаях, всегда раздавались; хотя не было так называемой кассы, но всегда в распоряжении кого-нибудь из старших был известный фонд или собирались известным кружком на каждый случай деньги для помощи нуждающимся товарищам. Так как мы все почти знали друг друга, то осведомившись об нуждах кого-либо, собирались в своем кружке и передавали деньги от имени товарищей, так что получавший никогда не знал источника, из которого он получал пособие и имени лиц ему помогавших.

У нас был швейцаром известный заслуженный старик Василий Прытков; грудь его была покрыта медалями и орденами, заслуженными в отечественную войну; честнейший и всеми уважаемый старик, он на этой должности пробыл кажется лет 30 и скончался в глубокой старости. На похоронах его в Петербурге, говорят, провожала масса настоящих и прежних студентов. Когда богатые студенты выходили из университета, чтобы помочь бедным и не оскорблять их самолюбия, был еще следующий между нами обычай: мундиры, шпаги, шляпы, платья оставляли Прыткову, назначая самую ничтожную цену за вещи в пользу швейцара; бедные студенты покупали их у него и он всегда честно исполнял это поручение. Наши негласные студенческие порядки, наши незаконные сходки, общества и суд нисколько не были тайною ни для начальства, ни для профессоров; на них смотрели совершенно разумно, как на весьма естественное проявление молодости и желания подражать самостоятельным формам германских университетов. Ничего никогда политического в наших проявлениях не было, все ограничивалось тесным кругом университетского нашего быта. Это корпоративное начало служило даже начальству лучшим орудием для надзора за студентами и, при том уважении и доверии, которыми оно тогда пользовалось между нами, студенты старались всячески не вводить начальство в ответственность. Сие же последнее всегда заботливо и отечески старалось ограждать нас от последствий наших молодых проступков и шалостей. Несмотря на известного рода разгул между студентами, леность весьма многих, нельзя не сознаться, что в общем наука занимала в наших тогдашних стремлениях немаловажное место; занимались большею частью усердно, общее образование получалось весьма солидное, а для желающих посвятить себя исключительно какой-либо научной специальности, наш тогдашний университет представлял к этому все средства и пособия. Уваровская эпоха университетов дала России весьма много людей на государственном поприще последних лет, вышедших из ряда обыкновенных. Студенты того времени отличаются просвещенным широким своим взглядом на дело; иногда, может быть, они страдают увлечением то в ту, то в другую сторону в важных вопросах, составляющих задачу нашего времени, но смело можно сказать, что большею частью все доселе действуют по убеждению, может быть, в некоторых случаях и ошибочно, но честно желают пользы и добра своему отечеству. По крайней мере так было в отношении Петербургского университета; не знаю, как было в других.

В продолжении довольно многолетней жизни моей я встречался и на служебном поприще, и как частный человек, с прежними товарищами. Замечательно, как несмотря на разницу положений и часто убеждений, университетские отношения наши сохраняются между нами. Я помню, как, после десятков лет разлуки, мне пришлось встретиться с старыми студентами на 50-летнем юбилее университета в Петербурге в 1869 году. Мы дружески радостно вновь сошлись, как будто только накануне оставили скамью нашей alma mater.

В настоящее время мы видим между студентами полнейшую рознь; все проявления сословной вражды, политических и социальных агитаций, заразивших вообще настоящее

общество, находят также себе доступ в стенах университетов; молодежь, вместо того, чтобы посвящать свой труд на изучение науки и на приготовление себя к служению обществу, а избыток своих жизненных сил тратить на свойственные молодости удовольствия, не выходя из тесного, так дорогого каждому человеку, товарищеского своего круга, с университетской скамьи уже желает руководить обществом и разрешать социальные вопросы, увлекаясь несбыточными теориями преступной пропаганды, погубившей столько живых и молодых сил у нас в России. Весьма понятно, почему не могут быть допускаемы в настоящем направлении студенческие корпорации, принимающие сейчас политический оттенок; также кассы, сборы которых идут не на помощь нуждающимся товарищам, а на усиление средств преступной пропаганды за границей и в наших пределах.

Нынешние профессора относятся также иначе к своим студентам, начальство же университетов, сам Министр, поставлены новыми уставами в полное бессилие влиять на противодействие существующему злу. Коренное изменение многих нынешних положений является насущною необходимостью. К чему было для создания теперешнего порядка или, лучше сказать, беспорядка разрушать замечательные образовательные начала, созданные графом Уваровым?

Что стало с того времени с университетами? Замечательный устав Уварова изменен, вся система поколеблена, вся связь учащихся с учащимися разорвана, излишние строгости к студентам одно время, непонятный либерализм потом, наконец профессорская автономия, отклонившая их от прямого призвания служить науке, сосредоточила только все стремления их на мелких интересах и интригах своего ученого кружка. В настоящее время профессора, раз написавши записки, публикуют их и они служат предметом торговли. Большею частью профессора заняты другими делами для удовлетворения материальными стремлениям века и манкируют постоянно лекции; весьма редкие, но тем более достойные уважения, личности составляют исключение из этого общего направления. Равнодушие их к студентам или излишнее заискивание легкой популярности выходками на лекциях не научного, а политически-социального свойства, исказили все предания прежнего времени, все достоинство прежних университетов и весь нравственный и общественный быт студентов.

Отсутствие мундира и однообразной формы, вместе с другими причинами, разорвали всякую связь между студентами; враждебные между собой партии, сословная неприязнь, зависть и окончательное отсутствие всякого приличия форм составляют отличительную черту студентского общества теперешнего времени...»

Дондуков-Корсаков, А. М. Мои воспоминания. 1840-1844 гг. // Старина и новизна. – 1902. – Кн. 5. – С. 168-175.

Оже-де-Ранкур Николай Францевич

1821-?

Офицер, директор Оренбургской, а затем Ярославской военной прогимназии.

В 1837-1839 (?) учился на юридическом факультете Петербургского университета.

«В 1837 году поступил я на юридический факультет в императорский С.-Петербургский университет, переведенный в том году из Семеновского полка на Васильевский остров, в обширное здание бывших 12-ти коллегий, где помещается и поныне.

Согласно желанию покойного императора Николая Павловича и стараниями бывшего в то время министра народного просвещения графа С. С. Уварова, университет в первый

же год своего обновления наполнился молодыми людьми многих аристократических фамилий.

Вместе с разрешением носить шитые золотые петлицы на воротниках мундиров, вменено было студентам в обязанность ходить постоянно в треугольных шляпах при шагах (без темляка) и отдавать честь царской фамилии и генералам, становясь во фронт и спустив с плеча шинель, как это требовалось от офицеров.

На первых порах отдавание чести не обошлось без комичных сцен и недоразумений, так, например: один студент, возвращаясь с лекции, нес под мышкой несколько книг и тетрадей; встретив это время генерала, он поспешил сбросить с плеча шинель, причем книги рассыпались, а с ними вместе и шинель упала на тротуар. Рассмеялся генерал, рассмеялся и студент.

Вот и другой случай: шли три студента по Адмиралтейской площади, вдруг нагоняет их государь. Ни один из молодых людей не отдал ему чести, потому что никогда его не видали и не имели понятия о различии формы генералов от других офицеров. Приказав остановить сани, Государь подозвал к себе виновных и заметил им, что они не исполняют высочайшего повеления отдавать честь генералам. Молодые люди оторопели, а один из них, худой, долговязый немец растерянно спросил: «А разве вы генерал?» Государь усмехнувшись отвечал, что они скоро узнают, кто он, и вместе с тем отправил их на адмиралтейскую гауптвахту. Вечером того же дня несчастных юношей потребовали в Зимний дворец, где сначала накормили отличным обедом с вином, а затем дежурный флигель-адъютант провел их в кабинет императора. — Ну! Надеюсь, что вперед вы меня уже узнаете, - сказал государь, - а теперь ступайте домой, но помните, что, ежели я сравнял вас с офицерами, то и требую от вас того же чинопочитания. Передайте мои слова своим товарищам, прощайте!

Вскоре после начала лекций, стали затеваться, по примеру немецких студентов, так называемые коммерши. Очень понятно, что эти сходки не имели вовсе того значения, как в заграничных университетах. Это были просто кутежи. Собирались, кто побогаче, где-нибудь на Крестовском, говорили много вздора, курили непременно кнастер, (до головокружения), а главное, много пили, пили брудершафт, хотя никаких корпораций не существовало и, конечно, в очень веселом расположении духа возвращались по домам. Были попытки, опять из подражания, устроить дуэли, но это как-то не привилось, да и самые коммерши скоро прекратились.

Первый год моего студенчества провел я рассеянно, лекции посещал редко, а больше предавался разного рода удовольствиям. Многие из студентов-аристократов часто посещали театры, балы, маскарады, и не отказывали себе ни в каких развлечениях, их примеру следовали и другие, в том числе и я, юноша едва достигший шестнадцатилетнего возраста...

Кончилось тем, что, не надеясь сдать экзамен, я остался на том же курсе.

Я сошелся с одним товарищем по курсу, сыном священника, у которого велась крупная азартная игра. Увлечшись игрой, я в один вечер проиграл три тысячи рублей (ассигнациями). Это обстоятельство отрезвило меня, я бросил все, начал учиться и в конце второго учебного года удостоен перевода на второй курс.

В первый ли год моего поступления или на следующий, хорошенько не припомню, возникли в университете беспорядки по поводу назначения адъюнктом по кафедре истории магистра Шакеева.

Этому молодому человеку покровительствовал тогдашний ректор И. П. Шульгин, не пользовавшийся расположением студентов, тогда как профессор истории М. С. Куторга, был, напротив, их любимцем. Последний не благоволил к Шакееву, и этого было достаточно, чтобы студенты отнеслись к нему враждебно.

В день, назначенный для первой лекции, аудитория была переполнена студентами всех факультетов. Едва ректор с Шакеевым переступили порог, как начался топот ногами, раздались свистки и возгласы: «вон Шакеева», «долой второе издание Шульгина»; шум

все возрастал, и начинать лекцию не оказалось никакой возможности; пришлось ретироваться.

На другой день приехал попечитель округа, князь Дондуков-Корсаков, человек довольно тучный и не мастер говорить. Увещания его выслушали с насмешливыми улыбками, прорывался даже смех.

Следующая лекция также не могла состояться: Шакеева даже не пропустили в аудиторию.

Дело принимало серьезный оборот. Министр народного просвещения нашел нужным принять в нем личное участие. Явившись в актовый зал, где собраны были все студенты, граф Уваров произнес грозную речь и объявил, что если так будет продолжаться, то студенты рискуют через десятого очутиться солдатами. Угроза подействовала, беспорядки прекратились; но от этого Шакееву стало не легче, слушателей кроме двух трех казенных студентов никого на лекции не являлось. Великим постом Шакеев вынужден был прекратить свои лекции и более в университете не показывался. Занятия мои шли довольно успешно; но вдруг новая беда, я влюбился!..

Между тем наступил май месяц – время экзаменов, я получил несколько двоек и, разумеется, не попал на третий курс».

Оже-де-Ранкур, Н. В двух университетах (Воспоминания 1837-1843 годов) // Русская старина. – 1896. – Т. 86, июнь. – С. 571-573.

Бланк Василий Борисович

1821-1897

Окончил Петербургский университет.

«Наступало время вступительного экзамена в университет. Брат ужасно боялся математики. Грешный человек, я вызвался ему и за себя, и за него отвечать, так как мы были очень похожи друг на друга: нас и не отличат. Экзаменаторами в математике были Чижов старший, Чижов младший и профессор химии и физики Ленц. Вызвали нашу фамилию. Я надел очки брата, спутал волосы и отвечал удовлетворительно. Когда же вызвали другого Бланка, то я снял очки, пригладил волосы и подошел к столу. Ленц говорит: ведь вы уже отвечали, мы зовем вашего брата. Я говорю, что брат уже отвечал. Тогда потребовали обоих нас и удивились необыкновенному сходству нашему, а Филиппов объяснил, что он в течении года не мог привыкнуть отличать нас одного от другого. Долго они толковали между собой о нашем сходстве, и наконец решили, чтобы я отвечал, а брата отпустили. Я вторично выдержал экзамен удовлетворительно. Так мы и поступили оба в университет. Нам было по 16 лет от роду».

«Один раз, придя в университет, я встретил в галерее двенадцати коллегий Государя Императора Николая Павловича, а за ним нашего нового инспектора Фицтума. Государь был видимо очень не в духе. Оказалось, что когда он вошел в аудиторию, где читал профессор Куторга историю, студенты все встали, но на привет его «здорово ребята» не отвечал никто, и он, оглядевши всех, вышел недовольный. Часа через два после него в университет приехали министр Уваров и попечитель князь Дондуков-Корсаков осматривать, все ли студенты пришли со шпагами. Конечно, шпаги нашлись у всех; но если бы они догадались справиться у казенных студентов, то узнали бы, что там не оказалось ни одной шпаги. Впоследствии открылось, что Государь, выйдя из университета, не сел в сани, а пошел пешком по Исакиевскому мосту, где встретил трех студентов в растянутых сюртуках, без шпаг и не отдавших ему чести. Он остановил

их и спросил: «Вы меня не знаете?» Они отвечали: «Не знаем, ваше превосходительство». Тогда он им велел отправиться на адмиралтейскую гауптвахту и сказать там, что, Царь велел их посадить под арест. Впоследствии мы узнали, что когда студенты пришли на гауптвахту, офицер отвел их в арестантскую комнату, а через полчаса к гауптвахте подъехала фельдегерская тройка, и фельдегер спросил, здесь ли трое студентов, что он за ними приехал и что их велено отвезти в Зимний дворец. Во дворце их встретил караульный офицер, давший о них знать царскому камердинеру, который провел их в большую комнату, где они увидели накрытый на три прибора стол. Камердинер сказал им, что Государь, полагая, что они, вероятно, еще не пообедали, приказал им подать обед. Нас, рассказывали они, угостили отличным обедом с вином, затем подали три бокала Шампанского, и в то же время из противоположных дверей показался Николай Павлович с бокалом в руках и сказал им: «Господа, теперь, когда вы ели хлеб-соль Русского Государя, то, вероятно, вы при встрече с ним узнаете его», и выпил за здоровье университета. Потом он спросил фамилию каждого и объявил, что они теперь свободны и могут идти куда им угодно».

Воспоминания Василия Борисовича Бланка // Русский архив. – 1897. – Кн. 3, вып. 10. – С. 175, 177.

Стасюлевич Михаил Матвеевич

1826-1911

Русский историк и публицист, редактор журнала «Вестник Европы».

Окончил филологическое отделение философского факультета Санкт-Петербургского университета (1847). В 1849 году защитил магистерскую диссертацию, в 1851 – диссертацию на степень доктора исторических и политических наук. В 1852-1853 годах – доцентом, в 1853-1858 годах – адъюнкт, в 1858-1861 годах – профессор кафедры всеобщей истории Петербургского университета.

«Начну с хорошего, т.е. с экзаменов. Уже по одному этому ты можешь судить, как они окончились, однако я опишу тебе все подробности. В прошедшем письме я писал тебе, что у меня остались два экзамена: из всеобщей и русской истории. Ноября 23 был назначен экзамен из обоих предметов. Началось с всеобщей. Первый вопрос был о падении з. р. имп. Касторский придирался ужасно. Напр. Я говорил об Аммиане Марцеллине; Кастор. спрашивает, чем он окончил свое сочинение. Я ему отвечаю: царствованием Феодосия В. Кажется, довольно? Нет! Доктор должен знать, по словам Каст., последнюю фразу! Я этой фразы не помнил. Другой вопрос: об основании прав ландкастерского и йоркского дома на английский престол. На это я отвечал очень основательно, слушав Ивановского об этом самом предмете. Но в конце Касторский спрашивает: кто был Папою при Генрихе VI? В это время было 3 Папы и я ему их сказал. Тогда он спрашивает когда Иоанн XXIII помер? Я определил началом XV столетия, и опять та же фраза: доктор должен знать подробно самый год. Куторга, видя их придирки, объявляет, что ответы на такие вопросы по всей истории давать нельзя, а не угодно ли им сбивать меня, как угодно, в истории Греции. Меня спросили об источниках Пелопоннесской войны и я отвечал блистательно, несмотря на то, что меня расспрашивали Фукидида чуть не по главам. Но Устрялов продолжал настаивать проэкзаменовать меня в новой истории. Куторга отказался задать вопрос и обратился к Касторскому: «Вы так хорошо знаете всю историю, задайте сами вопрос из новой». Касторский дал: о постепенном приращении прусской территории. Ты видишь, тут одни факты, годы, миры и т. п. Но несмотря на все ухищрения Касторского я и это знал

удовлетворительно. Между тем оказывается уже, что половина десятого, а экзамен начался в 6 часов. Русскую историю отложили. Я ушел из Совета, и тогда началось самое интересное: спор о мне, который мне передал после Куторга. Как только я вышел, Устрялов объявляет, что я не ответил на два очень важные вопроса, которые я тебе представил, и потому честь Университета пострадает, если меня удостоить степени доктора. Куторга ему ответил: «я не делаю безчестья Университету, а однако я также не мог бы ответить на те вопросы». Тогда завязался спор, и Куторга потребовал решить дело голосами и сам подал первый за меня голос. Каст. не смел сопротивляться и подал второй, хотя не упустил случая кольнуть меня. Но послушай далее! Мухлинский вместо того, чтобы просто подать голос, обращается к Касторскому и говорить: «из всех экзаменов я вижу, что Вы просто сами готовитесь к вопросам» и потом вполне одоблив мой экзамен, подал за меня голос. Фрейтаг сказал, что еслиб я втрое хуже экзаменовался, то все же он подает за меня, потому что моя диссертация того достойна (ты знаешь, я ее защищал в Совете еще в марте). Надобно тебе знать, что Никитенко мой враг, и он не был ни на диспуте моем в Совете, ни на экзамене, однако, тем не менее, сказал Устрялову, что моя диссертация никуда не годится. Ты видишь, это просто уже интрига, которой однако, Устрялов воспользовался и сказал Фрейтагу: «не все вашего мнения, и Никитенко вот что думает». Фрейтаг ответил отлично: «Никитенко в греческой истории знает столько, сколько я в китайской, а я китайской совсем не знаю; притом жаль, что он не пришел на диспут, мы показали бы ему это на деле». Устрялов остался с носом, и меня пропустили. Но теперь назначен экзамен на 14 декабря из русской истории у Устрялова. Я до сих пор нарочно говорил все подробности, чтобы дать тебе понятие о своем положении перед экзаменом у Устрялова. Осужденный на плаху более может надеяться, что палач промахнется, нежели я, что Устр. меня пропустит. Фрейтаг (здесь случился перерыв, письма: ко мне пришел Ахшарумов и просидел у меня с час времени; он просил кланяться тебе) встретил меня после экзамена у Куторги и сказал, чтоб я был осторожен с Устряловым. Но экзамен отложили на 18 Декабря. Вдруг 14 Декабря утром я получаю из Университета повестку явиться вечером в 7 часов. В 6 ч. было назначено факульт. собрание для чтения программ, а к 7 ч. кончилось. Я ничего не знал и пришел. Устрял. объявляет мне, что, если я хочу, то могу сейчас держать экзамен. В этот день Куторга был болен и не был в Со-вете. Я это заметил, уже войдя в зал. Не правда ли ты теперь находишься в положении читателя какого-нибудь опасного путешествия, который не боится за своего героя потому, что знает, что все это описано им самим, и что следоват. он вперед знает о его спасении. Мне и без того было тяжело бороться с Устрял., а не видя Куторги я считал все оконченным. Однако ретироваться стыдно и я преспокойно опустился в кресло подле Устрялова. О радость, ни один экзамен мой не сходил так хорошо, как из русской Истории, хотя, как ты можешь догадываться и без того, Устрялов меня мало цадил. Об этом ты можешь судить из первого вопроса, который он задал: историю отношений Турции к России от начала до 1850 г. Второй вопрос: критика иностранных источников для эпохи самозванцев. Третий: о значении Карамзина в русской истории и о его заслугах. Вот образчики побочных вопросов: об отношении Самозв. к Папам по 7 источникам, о странности, которую находят у Маржерета (историк Лжедмитрия), какие летописи, цитованные Карамзиным пропали и т. п. На все это я отвечал без остановки, даже раз отличился. Он меня спросил: сколько редакций Мартина Бера? А об этом нигде не напечатано, потому что это открыто недавно Куником, с которым я обедал у Куторги и слышал это от него. К удивлению Устрялова я и на это ответил. Не могу удержаться, чтобы не рассказать тебе двух анекдотов, где я передаю Касторского. На вопрос об особенностях Маржерета я отвечал так: по словам Маржерета, он, в царствование Димитрия (т.-е. Лже-), говорили с Григорьем Отрепьевым. Касторский, полагая, что я ошибся, возразил мне: «Вы верно забыли, что Маржерет служил у Гр. Отр., так немудрено, что он с ним

говорила». Устрялов засмеялся и сказал: «ну, теперь, М. И., не в попад». Другой анекдот: я ожидал, что Касторский меня спросит при вопросе о Карамзине, чем Карамзин кончается? Так и было; а я ему на это пренаивно ответил: словами — «и Орешек сдался»; намекая на его слова об Аммиане Марцеллине. Он ужасно обиделся, а Устрялов засмеялся и сказал: «ну скажите ему не шутя, чем К. кончается?» Тогда я ему ответил, как следует. Одним словом, все кончилось, как нельзя лучше. На следующий день я держал письменный экзамен, и были вопросы о причинах возвышения Москвы. Этим вопросом я даже специально занимался и потому написал ему целую диссертацию. Однако гнев моего Ахиллеса не смягчился и он теперь вредит мне на диссертации. Он не был Деканом во время диспута и не хотел потому подписать диссертации к печатанию; Ректор заставил его самого прочесть, а он объявил, что моя диссерт. не чисто переписана и заставил меня всю ее переписать. Египетская работа! Я переписал и теперь отдал ему. В конце праздников я думаю начать печатать и в Феврале буду утвержден, хотя уже и теперь считаю дело оконченным. И так я слово свое сдержал и описал тебе все свои подвиги, хотя быть может и замучил тебя всеми этими подробностями».

«Между прочим меня известили о студенческом журнале и об оппозиции Ст. Семеновича. Я, признаться сказать, разделяю его мнение и писал о том М. И. Сухомлинову, но верно он горячий защитник того предприятия и ничего мне потому не отвечал. Мне казалось странным существование этого журнала и не довольно обеспеченным. Гораздо было бы лучше издавать университетскую газету; ее главная цель была бы заносить все события жизни Университета, его историю, а в особом отделе всегда могли бы помещаться труды профессоров, и опыты студентов».

«Судя по письмам, которые я получаю из Петербурга, я не узнаю Университета по возвращении домой; но я не знаю в чем состоит сущность всех перемен, какая главная мысль лежит в их основе; мне представляются все эти перемены отдельными мерами; быть может это происходит от неполноты известий и от того, что мои корреспонденты не из Университета. Неужели мы не доживем до того, что наши лекции будут публичными? А без этого едва ли мы переменимся от наших перемен или улучшений. Когда я сказал St. Hilaire, что у нас профессор читает 5 лекций в неделю, он принял это сначала за ошибку с моей стороны; неужели у нас не дадут профессору больше времени? Быть может, мы хотим 5 лекциями предотвратить леность, но по моему мнению эти 5 лекций только вызывают к лености».

«У меня сегодня было человек 5 студентов: они все бедные жалуются на деспотизм этой горести приятелей и обещают нам все свое содействие, если они вздумают по прежнему командовать в университете. Нельзя не пожалеть этих бедных, которые остаются без куска хлеба и образования, между тем, как у К. желудок хорошо набит и только в голове пусто...

Раздражение против студентов столько же сильно, сколько и слепо: в добавок из представленных по подозрению в поджигательстве, говорят, несколько студентов: хотя вероятно, народ, по наивности, схватил стоявших с голубыми околышками...

Каждого поджигателя народ считает переодетым студентом; полиция в газетах напомнила студентам, что срок их костюма прошел, т.е. она намекает, чтобы они не носили большие фуражек. Какой то сторож купил старую студенческую фуражку, и народ его схватил и представил в полицию. Вчера я ехал на извозчике, и он мне высказывал свое негодование, что полиция мешает им выпустить кишки студентам».

«Университет теперь, кажется, рухнул надолго; порядок при теперешних обстоятельствах можно держать только сильной реакцией; потому не хочется идти в палачи, да если бы и хотел, то не сумел бы...

В прошлый четверг состоялось решение не открывать университета в августе, а открыть один только физико-математический факультет. Так как мы с Геней не большие математики, то и полагаем, что все это дело нас не касается. Одним словом, я свободен и рад этому, хотя и признаюсь, что причина моей свободы слишком печальна, чтобы вполне предаваться радости».

«Несколько дней тому назад, в Совете баллотировали Куторгу на новые пять лет, но, сверх всякого ожидания публики, забаллотировали, что наделало немалый скандал в Университете. Срезневский полагает, что теперь нет никакого сомнения в близости светопредставления, а Благовещенский даже похудел от такого ужасного события. Сегодня должен быть акт в Университете, но в газетах не было никакого объявления, а потому я не знаю, будет ли он на самом деле. Может быть, опасаются какого-нибудь скандала, и вспоминают о диспуте Спасовича, когда студенты употребляли большие усилия, чтобы засвидетельствовать свою привязанность к прежнему профессору. По крайней мере «Московские Ведомости» очень озлились на этот диспут и дали выговор Петербургскому Университету...

Из Университета имею сообщить Вам две новости: В Вербное воскресенье назначен диспут Андреевского на доктора. Его диссертация – о воеводах, наместниках и губернаторах, но о ее достоинствах ничего не знаю. Далее, Совет Университета предложил Куторге остаться не в пример прочим читать лекции как преподавателю, но без права заседать в Факультете и Совете; К. вероятно ожидал обратного предложения, и потому отказался от такой односторонней деятельности. Вследствие того, Факультет, не зная никого, кто мог бы быть прямо приглашен им на кафедру, объявил в газетах конкурс, который будет состоять в двух лекциях в Факультете. Так как я считаю себя известным Факультету, и ничего не могу прибавить двумя лекциями к тем нескольким стам, которые я уже прочел, то конечно, я не явлюсь на этот конкурс, и Вы согласитесь со мною, что, действуя так, я буду совершенно прав. Что же касается до другой стороны конкурса, т. е. трудов, то я занимался постоянно таким конкурсом и без вызова Факультета, и буду его продолжать до конца своей жизни, не спрашивая на то позволения Срезневского и Ко...

Дело Куторги изменило свою форму: министр хочет поместить его сверхштатным и вошел в Комитет Министров с просьбою ассигновать особую сумму для сверхштатного профессора истории, которого заслуги оценены вполне его канцелярией и не уважены Советом Университета, забаллотировавшим своего почтенного сочлена. Не знаю, чем кончится вся эта комедия».

«Вы спрашиваете об университете, но я сам не много знаю о нем; приятно только одно, что там все идет спокойно, что Совет объясняет тем, что нас там нет, и некоторые члены его не пропускают ни одного случая, чтобы не прочесть речи против которого-нибудь из Катилин. Во главе же Цицеронов стоят Срезневский и Никитенко, что последнему не мешало чуть не обнять меня на Невском. Один же из юношей, покровительствуемых Срезневским, Писарев, написал пасквиль, о котором Вы упоминаете, и где я выведен под именем Иронианского. Автор сначала распространил слух, что я устроил так, что не он, а Ник. Утин получил медаль, хотя и мой палец не участвовал в присуждении медалей, потому что я объявил факультету, что я не читал ни одной диссертации; а теперь он же старался доказать, что мой курс средних веков целиком заимствован у Таине, который не писал никакой истории средних веков, а мои лекции о Людовике XIV взяты у Flechier; но мой зонт забыл, что Флешье не новый писатель, а источник, и никто меня не упрекнул бы, если бы я, говоря о Перикле, заимствовал бы свои показания у Фукидида».

«Об Университете мало известий; я получил приглашение составить очерк своей деятельности и своих предшественников по кафедре истории и приготовить эту работу к 1869 году, к пятидесятилетнему юбилею Университета. Но я сам предшественник, и потому отвечаю им уклончиво, а именно, что такое дело приличествует настоящим деятелям университета. К моему удивлению, я услышал, что юридический факультет предложил избрать Кавелина в почетные доктора; наши отношения к наличному составу университета были таковы, что такая любезность не может не удивить... История с Кавелиным кончилась скандалом, т. е. его забаллотировали, 15 против 10. Срезневский поступил великодушно: он не явился в собрание, и отдал свой шар Григорьеву, открытому врагу Кавелина. Поступить более бестактно университет не мог».

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. I. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – С. 46-49, 130, 134, 141, 152, 226, 229, 261, 276, 400-402, 404, 407.

Чернышевский Николай Гаврилович

1828-1889

Российский литературный критик, революционер-демократ, теоретик утопического социализма, философ-материалист, публицист и писатель.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1850); защитил диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) и получил степень магистра русской словесности (1858).

«Об университете, экзаменах, приготовлениях и проч. все собираю сведения; пока они благоприятны. Приготовление из истории я кончил дорогою».

«О том, что слышали маменька, что в университет не принимают неокончивших в семинарии курса, нечего вам беспокоиться: Олимп Яковлевич Рождественский сам нарочно за этим ходил к ректору университета, когда маменька, видевшись с ним у Колеровых, сказали ему свое мнение, и ректор сказал ему, что это вздор, что даже и самое то, хорош или нет аттестат семинарский, не имеет влияния».

«Вчера я подал просьбу о принятии в университет. Принял ее какой-то седенький старичок в партикулярном сюртуке, в присутствии, стоя у окна, заваленного сейчас принятыми им просьбами. В петлице какой-то орден. Должно быть, ректор. В программе не велено уволенным из духовного звания прилагать аттестат. «Не нужно, но приложить не мешает». Я подал ему. Прочитавши, он сказал, что лучше приложить и его. Я и приложил аттестат свой... Узнать, когда будет назначен экзамен, велели приходить 22-го числа. Университет недалеко от Исакиевского моста».

«В половине первого ныне узнали мы, что экзамен назначен 2 авг. (это объявлено в здешних ведомостях), и желающие поступить, могут приходить в унив., чтобы узнать дальнейшие подробности... Ныне утром был я в университете, узнать о экзамене покороче и побольше. Экзамен начнется 2 августа, будет продолжаться до 14 августа. Так поздно и растянут он в первый раз еще. Мне приходится быть в 3 комиссии. Экзаменующихся разделять на 3 партии, по порядку букв алфавита, с которых начинаются их фамилии. Ныне от А до И в 1-м отделе, от К до П в 2, от Р до Я в 3-ем; в числе этих и я. Эти отделы называются комиссиями. И предметы, из которых экзаменуют, тоже делят на 3 отдела; ныне так: 1 отдел: русская словесность и языки;

2: закон божий, логика, история и география; 3: математика и физика. Все три комиссии держат экз. в одно время, каждая из особого отдела наук. Первой комиссии прежде всего держать экз. из наук 1 отдела, 2-й комиссии из 2-го, 3 из 3-го. Потом 1-я держит из 2-го, 2-я их 3-го, 3-я из 1-го. Наконец 1-я держит из 3 отдела, 2 из 1-го, 3-я из 2-го. Дни экзаменов назначены 2-го, 7-го и 12-го августа, с 9 до 2 часов; итак, той комиссии, в которой буду я держать экзамен: 2-го авг. Из математики и физики, 7-го из словесности и языков, 12-го из зак. б., логики, истории и географии».

«С нового учебного года в университете не будет жить никого. Тем, которые были до сих пор на казенном, будут давать рублей сот пять (верно, еще не узнали мы сколько) стипендии или вроде этого. Поэтому о житье в унив. со взносом, а не на квартире, нечего и думать. Это сказал Райковский. Не верить невозможно. Чья эта реформа, министра или Пушкина, я не знаю. По духу, кажется, Уварова. Ему дали графа. Студенты, почти все его удивительно любящие, радовались этому донельзя».

«Ныне, как Вы и должны знать, начался экзамен нашей комиссии, первый из физики и математики. Я держал ныне из физики и, кажется, хорошо: Ленц остался доволен, сказал «очень хорошо», спросил, где я воспитывался. Он человек пожилых лет, но еще не седой, и здоровый и свежий. Завтра, бог даст, буду держать из математики; не знаю, успею ли написать Вам о следствиях: прием до 2 часов, едва ли успею до этого времени кончить. Ныне начался экз. в 9 часов, чрез минуту пришел попечитель и ректор. Экзаменовали четыре профессора вдруг, на 3 столах. Ленц экзаменовал на среднем, как председатель комиссии. Когда пришли ректор и попечитель, сели за этим же столом, но справа от Ленца, а Ленц остался на первых креслах. Налево, подле его кресел, кресла для экзаменуемого. При попечителе вызывали по порядку алфавитного списка; когда он ушел, вызывать перестали, а каждый подходит сам, раньше или позднее, как угодно, вроде того, как подходят исповедоваться. Желаящий держать экз. подходит к столу, поклонится, профессор тоже ему; потом экзаменующийся берет билет, прочитывает его вслух, потом садится в кресла, поставленные налево от экзаменаторских (это на главном столе из физики, а на двух других, где экзаменуют из математики, кресла эти по обе стороны, так что экзаменуются двое или трое вдруг; там это можно, потому что экз. больше письменный), и экзаменуются, потом дожидается, сколько поставят ему (но мне было слишком неучтиво нагибаться к самой бумаге, чтоб рассмотреть, тем более, что сам Ленц близорук, должно быть: очень низко нагибается писать), потом кланяется и уходит. Попечитель сидел часа два, до меня при нем ряд не дошел. Вслед за ним ушел и ректор».

«В субботу, 3 числа, держал я экзамен из математики: пока все хорошо. Из алгебры и тригонометрии даже лучше, чем должно было надеяться мне. Главное, точно, бойкость, но не все можно сделать с одною бойкостью, но очень многое, по крайней мере, от нее зависит. Завтра будет экзамен из словесности и языков; не знаю, успею ли написать завтра об последствиях; экзамен начинается с 9 (ровно) часов и продолжается до трех или четырех. Как кто кончит, уходит. (В общем балле из математики и физики должно быть, 4 или 4 $\frac{1}{2}$; 3 или 5 едва ли – завтра, может быть, узнаю. Просто хоть очки надевай: профессор нарочно при тебе ставит, чтобы видел, тебе ли точно поставил он, не ошибся ли в фамилии, а ты не видишь)».

«Пока экзамен идет хорошо: я кончил из математики, физики, словесности и языков; в общем балле пока должно быть 4 или 4 $\frac{1}{2}$. Только из французского получил я 3, на матем. и лат. 4, из физ., слов. и нем. 5. Теперь остается держать из зак. бож., логики, истории всеобщ. И русской и географии. Экз. из них будет, как вы знаете, 12 и 13 в понед. и вторник...

Экзамен был 2 и 3 из физики и математики. 2 я держал из физики, 3 из математики; из арифм., геом., алгебры и тригонометрии берут по билету, из каждой из этих четырех частей математики получают особый балл, потом эти баллы складываются, и составляется из них общий один балл. Из словесности и языков был экз. 7 и 8. 7 я держал из словесности и латинского. Из слов, должно написать на тему. Мне досталось «Письмо из столицы». Потом я отвечал на несколько вопросов из истории русской литературы. Из лат. должно было перевести на латинский. Экзаменовали Фрейтаг и Шлиттер. Собственно экзаменовал Фрейтаг (он издал между прочим первые песни Илиады с лат. и греч. комментариями), но так как он не говорит свободно по-русски, то Шлиттер служит переводчиком, если экзаменуемый не говорит по-немецки. Я сделал здесь 3 глупости: первое, мне бы должно заговорить с Фрейтагом по-латине, а я не догадался, а когда догадался, было уже поздно, потому что он уже занялся с другим; второе, должно было взять не перевод, а сочинить; но это не в употреблении, потому должно было мне самому сказать, что я могу сочинять, а не дожидаться, что меня спросят об этом; третье (но я это узнал после из немецк. экзамена), должно было спросить, нет ли у них здесь Тацита или Горация или другого автора, чтобы мне перевести без приготовления. Но я не знал, что это было бы хорошо. Но все-таки я получил 4, этого слишком достаточно, а с Фрейтагом еще успею познакомиться. Из немецкого экзамен был преуморительный. Я взялся сочинить: досталось «о благословенных плодах мира». Когда я кончил и прочитал Свенске, который экзаменовал, он спросил, говорю ли я по-немецки. Я отвечаю ему по-немецки, что сам не знаю, что сказать ему на это: говорить, как видит, говорю немного, а что говорят другие, того почти вовсе не понимаю, потому — не привык слышать, как говорят по-немецки. Таким образом он стал расспрашивать меня (как и всегда всех расспрашивает), кто я, откуда, когда и у кого и где учился по-немецки; он говорит по-русски, я отвечаю ему по-немецки, объясняю на его вопросы, какие читал я, между прочим, книги, потом перевел несколько немецких стихов; ему показалось странно, что я довольно хорошо говорю, перевожу без приготовления трудные стихи, а не понимаю, что говорят другие. Тут, между прочим, был проф. греч. языка Соколов; он дожидается, не станет ли кто экзаменоваться из греч. языка, но так как никто не экзаменуется, то он ходит по зале, то подойдет к тому столу, то к другому, то к экзаменуемым, которым объясняет, что и как писать. Он предобрый. Тут он подошел к столу, когда я рассуждал по-немецки с Свенске, который спрашивал меня по-русски, спросил, по какому я факультету. Я сказал, что по общей словесности. — Не хотите ли экзаменоваться по-гречески? — Я отвечаю ему прямо, что не хотел бы, потому что плохо знаю по-гречески. Он говорит: — Нужды нет. Заставил перевести меня что-то: конечно, я отвечал довольно плохо; потом подошел Фрейтаг, велел перевести с греч. на латинский. К счастью, одно слово греческое только было незнакомо; я спросил его, перевел потом и в заключение попросил, чтобы Соколов, зная теперь, что я по-гречески знаю не слишком хорошо, не ставил мне, если можно, балла, как будто я не экзаменовался. Соколов сказал, что я знаю еще порядочно, что он дурного балла не поставит, а подумает, ставить или не ставить. Я так и не знаю, поставил он или нет. Во всяком случае, как бы плохо ни знать по-гречески, хоть только уметь читать, это не может иметь никакого влияния, кроме хорошего; предполагается, что поступающий вовсе не знает греч. языка. Балл может принести только пользу, но мне не хотелось бы, чтоб Соколов знал, как я знаю по греч., а когда нужно уже было выказать, что плохо знаешь, то так и быть. Он такой добрый, что во всяком случае я рад, что он узнал меня. По-французски я в одном месте поставил не тот предлог, в другом пропустил член».

«В университет я принят, как уже писал Вам. Особенного ничего при этом не было. Форма университетская несколько изменена: вместо черных кантиков по воротнику темнозеленые, и еще что-то, еще менее важное. Лекции начнутся около 25 авг. В

университет не пишете: там швейцару совестно давать за письмо менее 10 коп. сер., а здесь платим 3. Остаюсь я с Алекс. Феодоров. пока на этой квартире; в октябре Аллез хотел перейти ближе к унив., а может быть, останется и на этой. Мы будем с ним неразлучны. Теперь в унив. 16 минут ходьбы, 960 моих двойных шагов; от нашего дома до семинарии 12 минут и 685 шагов; итак, видите, что и по-саратовски это недалеко, а по-здешнему и вовсе близко (только 1 верста и 300 саж.); немногие живут ближе».

«Университет, бывшая биржа двенадцати коллегий, в ширину только 4 окна, а в длину, я думаю, длиннейшее здание в Европе. Сколько именно, сказать не могу, в длину он, а не менее 175 сажень; может быть, и 200 сажень будет; одним словом, длина его невообразима. Это будто бы двенадцать сряду поставленных одинакового размера и фасада домов. Снаружи он не слишком великолепен. Аудитории невелики. Кадетский первый корпус подле унив. и Воспитательный дом также принадлежат к огромнейшим».

«Если Вам угодно знать мои баллы на экзамене (сейчас получил Ваше письмо от 12 авг.), то вот они: (нужно в общем балле три, в каждом частном из отдельного предмета 2, не менее, из латинского, закона божия и русской истории и словесности 3 непременно): Физика 5, математика 4, словесность 5, латинский язык 4, немецкий 5, французский 3, логика 5, география 3, закон божий 5, история: всеобщая 5, русская 5. Нужно для поступления всего 33 балла и не иметь единицы. Всех баллов можно иметь (высшее число) 55».

«22 числа (в четверг, в день коронации) был молебен. Студенты собрались к обедне и молебну этому и царскому в университетскую церковь. Служил законоучитель протоиерей Андрей Иванович Райковский (сын его ныне, кончивши курс в 4 (лучшей, кажется) гимназии петербургской, поступил в студенты унив. и идет по юридическому факультету); по окончании молебна он говорил речь студентам.

После молебна секретарь прочитал список кончивших курс, переведенных и принятых. Наконец ректор университета, Петр Александрович Плетнев (его все удивительно любят и уважают), сказал прекрасно род наставления, как должно вести и держать себя студентам университета, и объяснения тех отношений, в каких стоят они к начальству университета и обществу. Попечителя ни при этом, ни при молебне не было. 23 (ныне) в пятницу начались лекции.

В первом курсе филолог. отделения и в пятницу, и в субботу их три.

В пятницу 1 часы (9 — 10 1/2) латинская словесность. 2-ые (10 1/2 — 12) один из новейших языков (фр., нем., английский или итальянский; я избрал английский). 3-ьи свободны; 4-е (от 1 1/2 до 3) всеобщая история.

(Этой лекции нынче не было. Куторга, профессор истории, еще не приехал, а приедет 24 в субботу.)

В субботу первые часы (9 — 10 1/2) латинский язык. Вторые (10 1/2 — 12) всеобщая история (завтра будет первая лекция ее, говорят, очень любопытная и занимательная всегда). Третьи [часы] пять свободны.

Четвертые (1 1/2 — 3) богословие. На эти лекции (богословские) собирается весь первый курс, изо всех факультетов. Лекций в другие дни я еще не запомнил.

Ничего другого об университете сказать я еще ничего не могу.

Я слишком занят своими настоящими делами и будущими отношениями по университету и вне его, чтобы скука или что-нибудь вроде этого, могло не выйти у меня даже из памяти. Не думайте, впрочем, милый папенька, чтобы эти мысли мои о будущем были грустны или мнительны: кажется, ничего, кроме хорошего, мне ожидать нельзя, я и не ожидаю, все раздумье только о том, в таком или таком виде явится это хорошее? То или другое хорошее придет? Такое раздумье, конечно, не заключает в себе ничего, кроме приятного.

С понедельника (26) начнутся серьезно лекции и занятия.

По-латине мы будем переводить «Cato major» Цицерона и «Trinummus» Плавта: как видите, пустые вещи, вовсе не трудные. Что еще будет, не знаю пока».

«Вот уже неделя, как начались лекции, а я все еще не могу ни себе, ни другим сказать ничего порядочно, основательно о здешнем университете и профессорах.

Главные профессора филологич. факультета: Грефе, пр. греч. яз.; Фрейтаг, пр. лат. яз.; Фишер, пр. философии; Куторга, пр. всеобщей истории и Устрялов — русской. Грефе и Фрейтаг не читают в первом курсе, а латинский читает преподаватель Шлиттер, греческий — Соколов. Ни о ком еще я ничего не могу сказать...

Хожу на лекции, постепенно знакоюсь с товарищами (некоторые из них кажутся мне такими замечательными по познаниям и дарованиям, что я и не полагал иметь таких хороших; но только еще кажутся, а знать еще не знаю) и университетским порядком, и только».

«У нас 21 лекция в неделю, так что только 3 лекции в неделю остаются свободными; нигде нет так много лекций: у Алекс. Феодоровича, например (в 4 курсе юр. отделения), 15 лекций в неделю, 9 остается свободных; это очень хорошо, потому что в эти часы очень удобно заниматься в библиотеке, а это ведь и есть важнее и полезнее всего».

«Записываться в библиотеку мне пока не было надобности и времени: пока я веду жизнь самую преглупую и прездоровую: до 3 в ун., по 4½ обедаем, в 7 пьем чай, потом дней пять в неделю или у нас кто-нибудь, или я у кого-нибудь: часа три или четыре только в день остаются. Книги беру из библиотеки университетской; такая жизнь должна продолжаться не более месяца; дела университетского нет, слава богу: лекций 21 в неделю, но стоят внимания только 5: две всеобщей истории (читает Куторга), две психологии (читает Фишер) (не судите о нем по вступительной его лекции философии в «Ж. М. нар. просв.», которая мне казалась и кажется нескладною; он напротив того отличается строгим логическим выводом) и, наконец, лекция Касторского — славянские наречия. О других лекциях напишу когда-нибудь».

«О себе писать можно мне, т. е. есть что писать, да и Вам любопытнее всего знать обо мне, только одно — что-то я делаю с университетом ?

У нас, как Вам писал, только три или, со всеми натяжками, пять свободных лекций; лекции с 9 до 3, библиотека открыта с 10 до трех. Одна из этих пяти лекций — первая с 9 до 10½, итак, всего можно быть в библиотеке в неделю только 6 часов.

Библиотека университетская не слишком, кажется, богата. По богословию особенно: вообразите себе, что сколько-нибудь похожих на что-нибудь, только четыре книги: богословие Прокоповича (на латинском, которое есть у нас дома, т. е. в Саратове), «Мысли» Паскаля и две истории Новозав. церкви — Флэри (на франц.) и Шрекка (на немецком).

Более ничего!!!! (Разумеется, несколько сотен вздорных книжонок и надгробных или приветственных слов еще.)

Конечно, по другим отраслям познаний не то но все-таки слишком не полно.

По философии, например, экземпляр сочинений Гегеля не полон: трех или четырех томов из середины нет. Вообще довольно бедная библиотека.

Разумеется, это я говорю, судя по каталогам, но они, кажется, полны. Домой брать книги оттуда легко; вот это хорошо.

Но там читать, вот неудобство: комната для чтения особенная, а не в библиотеке читают. В эту комнату приносят библиотекари только те книги, которые потребованы. Записываешь в книгу, что нужно тебе, и на другой или третий день приносят.

Кроме этого, в ней лежит несколько беспрестанно надобящихся сочинений, например, полное собрание законов (экземпляра три). Энциклопедия Эриша и Грубера (очень хорошая, лучшая, кажется, какая есть). Несколько годов «Журнала М. н. просвещения» и еще несколько подобных книг».

«Лучшие профессора, т. е. наиболее славящиеся: филологический факультет: Грефе — профессор греческой словесности. Фрейтаг — проф. римской словесности. Куторга — проф. всеобщей истории. Устрялов (Куторга женат на его сестре); восточный: Сенковский; математический и физический: Ленц, Куторга (брат того); юридический и камеральный: Неволин, Порошин (проф. политической экономии, который издал записки своего деда о Павле Петровиче). Да, и позабыл Плетнева и Никитенку. Кажется, только. По моему мнению, еще Фишер, профессор философии; другие с этим не согласны».

«Экзамена до рождества не будет — он раз только в курсе — после пасхи. Мундир будет стоить около 150, если не более рублей: поэтому можно погодить шить его. Впрочем, не мешало бы, может быть, к акту, который бывает в феврале. Теперь я не бываю еще ни у кого, поэтому он не нужен, но если этак случится познакомиться с кем-нибудь из профессоров или представиться кому-нибудь, то, конечно, нужно быть в мундире.

Один окончивший курс студент через неделю этак может быть станет продавать свой мундир: он новенький совершенно и чудесный: студент этот сын сенатора; конечно, его продает он за полцены. Чтобы не пропустить такого случая, я просил бы Вас прислать денег на мундир поскорее, если можно.

Разумеется, милый папенька, если чем можно быть мне довольным, то это тем, что я пошел по филологическому факультету.

4 лекции свободных (от 12 до 1½) я бываю в библиотеке. Объяснение других лекций, очерк их содержания общего и проч. я буду присылать Вам в следующих письмах.

В нашем курсе нет ни одного постороннего предмета, все факультетские.

Что же и спрашивать об этом, милый папенька, буду ли я должен или нет платить 40 р. за слушание лекций? Это дело, слава богу, кончено уже, благодаря Вашей предусмотрительности, милый папенька: теперь уже навсегда я свободен от взноса их.

Посылаю Вам наше расписание. Всего у нас 21 лекция, но двух не бывает из этого числа — в субботу от 9 до 10½, потому что Фрейтаг занимается с другими курсами, хоть и сказано в расписании, что с нами.

Вот Фрейтаг, говорят, человек, который смотрит на достоинство и более ни на что, — неподкупный ни за что.

Другая — в четверг вторая в 10½ — 12 — также потому, что Варранд также занимается с другими курсами».

«Теперь еще трудно видеть расположение профессоров, потому что они, кроме профессоров языков, прямо всходят на кафедру, читают без перерыва и потом уходят, не говоря никому особенно ни слова обыкновенно, если сам не начнешь говорить с ними.

Впрочем, Фишер, кажется, смотрит на меня хорошо; именно смотрит; читает, а когда вывертывается 2, 3 минуты, что не нужно записывать, потому что он повторяет вкратце или делает такие объяснения, что в записках довольно намекнуть на них одним словом, и когда станешь смотреть на него, то он заметно довольно, что как будто бы обращается или, как это сказать, не знаю, ко мне, смотрит на меня, как будто думает, что я очень могу понимать и интересуюсь его предметом.

Шлиттер также, кажется, хотя я еще ни разу не переводил».

«Я и не говорю, милый папенька, чтобы кто-нибудь из профессоров не знал прекрасно новейших языков. Но знать и говорить, это. Вы знаете, большая разница.

Что Никитенко, Устрялов, Неволин и некоторые другие не говорят ни на одном языке из новых — это верно; и странно, если бы они умели говорить: и Неволину чудно было бы выучиться смолоду говорить по-франц. или немецки (ведь Вы знаете, кто он), а еще страннее было бы Никитенке и Устрялову. Вы, может быть, не знаете, что они отпущенники Шереметева. Где же им в молодости научиться говорить? А теперь для этого нет у них ни охоты, ни досуга, ни, можно сказать, опять нет возможности: органов загрубелых уже не переломить, а лучше вовсе не говорить так, чем говорить так, чтобы смешить своим произношением».

«Обстоятельства, известные Вам, не допустили меня избрать восточный факультет: но ни любовь моя к восточным языкам и истории, ни, в этом, надеюсь, я не должен уверять Вас, ни признательность и живейшая благодарность моя к Вам как первому наставнику моему по восточным языкам не могли и не могут уменьшиться оттого, что другие предметы должен формально изучать я в продолжение этих четырех лет. В Петербургском университете начинают изучение восточных языков с арабского, на второй год присоединяется персидский язык и, наконец, на третий уже год — турецкий. Сенковский довольно редко бывает на лекциях.

Историю всеобщую читает филологам Куторга младший. Мне он нравится несравненно более всех других профессоров, которые нам читают. Он занимается менее политической историей, нежели историей литературы и науки, сколько наука и литература имели влияние на историю всеобщую и служили выражением духа времени. Так об Аристофане, например, читал он три лекции.

Более, нежели фактами, занимается он самими действующими: и здесь он ревностный защитник всех оскорбляемых и унижаемых, не только какого-нибудь Клеона, но даже и Критиаса.

На многие предметы смотрит он со своей точки зрения. Так, например, Фукидид, беспристрастие которого так все превозносят, по его мнению — человек со слишком глубоким аристократическим убеждением, чтобы не быть ему в высшей степени пристрастным, чтобы не быть жесточайшим врагом партии реформы и демократии. И в самом деле, он так хорошо доказывает это, между прочим, сличая Фукидиду с Плутархом и Диодором, что видишь, как Фукидид выставляет везде одну мрачную сторону переворота, совершившегося в это время в Афинах и во всей Греции».

«Дополнительные предметы читаются не в первом, а в следующих курсах. Фрейтаг читает Квинтилиана и Виргилия Буколики; Варранд и читает английский язык, и должен читать его. Им времени достает, но у Фрейтага студентам первого курса не должно бывать, а Варранд читает первому курсу только одну лекцию.

Когда инспектор тотчас по принятии в студенты объявил, чтобы поскорее вносили деньги и доставляли акты, кто не доставил, я спросил у него, ему или другому кому должно подать свидетельство? Он сказал, что казначею, бухгалтеру или синдик, теперь уже не помню; я отнес, отдал, спросил, когда синдик (кажется, что синдик) прочитал, по форме ли оно написано, он сказал, что по форме и годится, только и всего. Я пошел и взял квитанцию от бухгалтера.

Филиппов идет по филологическому фак., теперь он во 2 курсе. Между прочими титулами его должно упомянуть, что он сотрудник «Музыкальной пчелы». Мать его (отец умер) начальницею Института глухонемых девиц.

Малов идет по юридическому или камеральному ф., не знаю хорошенько.

В понедельник мы были у Ив. Григ. Виноградова. Он и брат его вам кланяются.

Мундир куплю или закажу на-днях.

В университете, между прочим, по воскресеньям музыкальные вечера. За вход в продолжение всей зимы, кажется, 3 р. сер., а танцевальные вечера уже не знаю и в какой

день. Уморительно, я думаю. И за кавалера и за даму все студенты. Танцевали прошлый раз в 20 пар.
Скоро надеемся начатия невских каникул».

«В Вашем письме от 29 октября Вы спрашиваете, милый папенька, как следит за житьем студентов начальство?

Кажется, что оно только наблюдает, чтобы не ходили не в форме — без трехугольной шляпы и, если не в шинели — то и без шапки и не застегнувшись на все пуговицы. В шинели не видно, при шапке или без шапки, застегнувшись на нижние пуговицы, поэтому все равно».

«Если что хорошо в здешнем университете, так это то, что дают из библиотеки книги домой. Если что не хорошо, так это то, что не дают на вакационное время, и дают с известными произвольными ограничениями. Напр., не странно ли, что не дают книг в лист? Но это ничего, а дурно, что должно возвращать на рождество и вакацию».

«Слушать лекции других факультетов можно в свободные часы. Но читать самому гораздо полезнее, нежели слушать лекции; тем более, что всех лекций какого-нибудь профессора из другого факультета слушать нельзя, потому что некоторые из них будут приходиться в часы, занятые своими лекциями, а отрывками слушать довольно бесполезно.

Профессора, которых стоит слушать, кроме филологического факультета, Неволин, Ленц, С. Куторга, профессора восточного факультета. Особенно много бывает посторонних слушателей у С. Куторги: всегда не менее 100 человек.

Мне кажется, что лекции должно предпочитать книгам только тогда, когда их читает человек, подобный Неволину, но таких людей немного. Разве Фрейтаг и Грефе только. Но их еще я буду слушать.

Лекции прочих профессоров вообще хороши для тех, у кого нет охоты или умения читать.

Мне вообще кажется этот метод читать лекции, которые должны писать слушатели, хуже метода английских университетов, где профессор издает книгу и назначает другие для изучения, а сам читает 20, 30, много 50 часов в год предмет, да и то главным образом литературу и библиографию наук. Это несравненно основательнее».

«Ныне в университете здешнем в 12 часов утра двое бывших воспитанников Педагогического института защищали диссертации для получения степени магистра. Первый защищал Зернин «Об отношении константинопольских патриархов к русской иерархии».

При этом защищении был и Александр Феодорович. Сначала предлагал возражения Райковский, потом Касторский, и с большим жаром; Устрялов говорил более в пользу Зернина. Прения продолжались часа полтора. По окончании их и объявлении всеми профессорами, читающими историю, и Райковским, что они считают его достойным степени магистра, Устрялов, не знаю, как декан ли факультета, или как профессор, занимающий кафедру русской истории, по которой Зернин хочет быть магистром, объявил ему, что он возводится в степень магистра.

Вслед за этим Алекс. Феод. ушел, поэтому о том, как защищаема была диссертация другим искавшим степени магистра, Яроцким, я пока ничего не могу сказать».

«Я думал, что к рождеству должно возвращать взятые из универ. библиотеки книги и на рождество не позволять удерживать их дома. Выдаются книги обыкновенно по средам и пятницам. Но должно по крайней мере накануне записаться на книги, которые хочешь получить, чтобы их к тому дню сыскали и принесли из большой библиотеки в ту

комнату, где читают и где находятся потребованные книги. Во вторник я слышу от недостоверных людей, что можно получить завтра книги на рождество. Не веря этому, я пошел и машинально записал «Историю правления (устройства) (Verfassung) церкви», одно из фундаментальных сочинений, так, наудачу. В среду узнаю, против ожидания, что книги точно выдаются на рождество. В отчаянии на свою глупость смотрю в книгу, в которой записывают требуемые книги, и вижу там, что против этой Истории Планка написано: «выдано». Таким образом я принужден удовлетвориться тем, что взял последние, которые еще не успел прочитать, части «Истории Гогенштауфенов», сочинения, уже прежде записанного мною. Тех книг, которые я взял бы на рождество, если бы знал вперед, взять было уже нельзя, потому что некогда было записывать: среда была последний день, в который выдавались книги.

Но все хорошо хоть то, что взял хотя «Историю Гогенштауфенов». Все лучше, чем, как я думал прежде, оставаться ни с чем.

Лекций не будет до 12 января».

«Вы спрашиваете, замечает ли меня кто-нибудь из профессоров? Это здесь заметить гораздо труднее, нежели в другом каком-нибудь заведении учебном, потому что профессорам слишком мало поводов и случаев показать свое расположение к студентам. Куторга, например, никогда ничего не заговаривает ни с кем. Никитенко также: прямо всходит на кафедру, начинает читать, читает, по окончании лекции уходит, и кончено. Фишер также. И большею частью до экзамена они ничего не знают о слушателях своих, кроме того разве, постоянно или не постоянно бываешь у них на лекциях и внимательно или нет слушаешь.

Но Фишер и Касторский показали расположение ко мне. Иван Николаевич Соколов также, но это такой человек, которого нельзя не любить как человека, но невозможно уважать или любить как профессора».

«В прошлом письме писал я Вам, что один из моих товарищей порадовал меня: теперь совсем противное: смерть одного из них, товарища мне по факультету и курсу, огорчила нас.

Фамилия умершего была Глазков; он из архангельской гимназии; отца нет уже, мать еще жива; другой (старший) брат его здесь приказчиком в одном магазине шелковых изделий. Глазков был моложе почти всех нас, по лицу моложе всех без исключения. Голубые, ясные, привлекательные глаза, русые волосы, белое, свеженькое, когда он приехал сюда, лицо. Когда я его узнал, на щеках прежний здоровый румянец обращался уже в чахоточный. Петербургский климат помог быстро развиться в нем чахотке. Сначала свой кашель считал он и все пустым, который не ныне — завтра пройдет. Через месяц согласился и он, что нужно поступить в университетскую больницу. Доктор сейчас же увидел, что нет уже надежды. А он, бедный, до самой смерти был уверен, что это простой, простудный кашель, не думал и воображать, что у него чахотка. «Странно, — говорил он, — какой плохой у нас доктор: как долго возится с пустою болезнью». В последние недели он говорил, что чувствует себя все лучше и лучше, что кашель его, как он чувствует, должен скоро прекратиться, что он совершенно здоров, кроме этого кашля, только что-то слаб, но к маслянице непременно выйдет. Воскресенья 26, в $\frac{3}{4}$ одиннадцатого он умер. Когда ему говорили, что болезнь его опасна, он не хотел верить. Ныне мы его похоронили.

Узнавши вчера, что похороны ныне, наш курс (филологи) просил позволения провожать его. Инспектор передал нашу просьбу попечителю: тот сказал нам, что он доволен нашим желанием, что это наша обязанность.

В десять часов собрались мы в университетской церкви, человек 9; потом присоединилось еще немного, четыре или пять человек, других. Кроме наших студентов, было еще двое студентов Медицинской академии, его знакомцев, брат его, еще человека

три-четыре. Он лежал такой хорошенький, молоденький. Простой голубой гроб. Отпели, стали прощаться. Все мы плакали»

«Хотел быть на акте 8 числа, но не удалось, по пустым обстоятельствам каким-то, теперь я уже вполонину и позабыл, каким именно.

Золотые медали получили ч е т в е р о ; случай очень редкий; еще более замечательно, что по юридическому факультету дали две золотые медали, этого, кажется, не бывало еще здесь: одну Миткелю (Плетнев на акте сказал ему, что таких диссертаций, как его, не было еще и, вероятно, долго не будет); другую дали Губе (оба они студенты 4 курса). Тема была: Exponatur irigo et vera indoles dotum nuptialium, или antenuptialium, не помню, ante Iustinianum, изложить начало и истинное свойство предбрачных или брачных дарений у римлян до Юстиниана по римскому праву.

По филологическому отделению получил золотую медаль Шульц, серебряную Стасулевич, поляк. О Гомере: доказать, что это лицо собирательное, и доказать из устройства речи, что первоначально рапсодии его были петы, а не писаны. Оба студенты 4 курса.

Стасулевич студент лучше Шульца.

По математ. отделению — о химическом действии света — получил зол. медаль Лось. Все четверо, получившие золот. медали, немцы. Большая честь русским».

«Писать о том, что к нам приехал новый профессор, по кафедре славянских наречий, Срезневский, из Харькова, я откладывал с письма до письма, так что теперь нельзя этого назвать и новостью. Он хорош, конечно.

Диссертации на медали пишут (т. е. могут писать) студенты всех курсов, но обыкновенно пишут студенты 4-го, часто и 3-го».

«Экзамены начнутся у нас со 2 мая и будут продолжаться до 8 июня; я попрошу, чтобы мне позволили сдать их, не дожидаясь дней, в которые будут экзаменоваться мои товарищи, а раньше, пользуясь всяким присутствием профессора в университете. Таким образом я надеюсь сдать их к 15 мая».

«Экзамены, впрочем, теперь у нас расположены так:

<i>Мая 6 славянские наречия, экзаминатор</i>		<i>.....Срезневский</i>
<i>» 8 греческий язык</i>	<i>»</i>	<i>.....Соколов</i>
<i>» 14 история (древняя)</i>	<i>»</i>	<i>.....Куторга</i>
<i>» 21 психология</i>	<i>»</i>	<i>.....Фишер</i>
<i>» 24 церковно-слав. язык</i>	<i>»</i>	<i>.....Касторский</i>
<i>» 29 русск[ая] словесность</i>	<i>»</i>	<i>.....Никитенко</i>
<i>Июня 2 богословие</i>		<i>.....Райковский</i>
<i>» 4 римская словесность</i>	<i>»</i>	<i>.....Шлиттер</i>
<i>» 6 римские древности</i>	<i>»</i>	<i>.....Шлиттер</i>

Но, должно быть, это еще переменится: большая часть говорят, что мало (3 дня только) на богословие, и потому хотят переменить порядок. Но все равно переменится только порядок экзаменов, а все равно они начнутся и кончатся 6 числа.

Я думаю, что буду держать их раньше».

«Если внимание начальства устремлено на что, так это на то, по форме или нет ходят студенты — больше ничего не нужно, да и это нужно потому только, что у царя и великого князя под глазами. Вечно, когда идешь из университета по Невскому, придется два или три раза отдать честь.

О том, чтоб я торопливостью не испортил экзамена, не думайте. Если дурно сдам его, то не от торопливости и не от чего другого, а просто потому только, что сам за себя, а

не другой должен сдавать. Впрочем, это нисколько не вероятно, я об этом не беспокоюсь, не беспокойтесь и вы.

В филологическом факультете дело неслыханное почти, чтобы сдавать и не сдать экзамена. Кто думает, что не сдаст, и не сдает (это, впрочем, один, много два из 25 человек, и то по особым причинам: например, у нас двое не будут на экзаменах, потому что поступили после масляницы, когда лекции почти прочитаны: им довольно трудно подготовиться, и потому они избавляют себя от этого труда)».

«Милые мои папенька и маменька! В четверг я спрашивал Александра Ивановича, нашего инспектора, о том, как бы мне сдать экзамены пораньше. Он сказал, что об этом надобно просить непременно попечителя, без него нельзя, а ему должно представить уважительную причину. Это меня заставило призадуматься. Я думал, что это зависит от профессоров, на которых я надеялся, что они, если я попрошу их, позволят. А Пушкина просить, если бы я надеялся твердо, что он позволит, мне не хотелось бы. А ведь очень может быть, что и не позволит. У него и того, что он должен по закону позволить, так что если не позволит, то можно жаловаться, и его заставят позволить, не скоро допросишься, а этого уже и вовсе. Кроме этого, надобно обманывать: ведь то, что надобно ехать домой повидаться, не причина. А обманывать мне не хотелось бы, хоть лучшего он и не стоит. Правда, Александр Яковлевич Стобеус хотел просить его, если нужно; да все лучше бы не просить и Ал[ександра] Яковлевича, если можно. И кто знает, может быть (и вероятно) он не так хорош с Пушкиным, чтобы ему обращаться к Пушкину с просьбою ничего не значило.

Поэтому я уже не хотел бы просить о том, чтобы экзамены позволили мне сдать раньше. А если не сдавать их раньше, то не знаю уж, стоит ли того, чтобы ехать. Тогда отсюда я выеду 6 или 7 июня, а здесь опять должен быть 14 или 15 августа (так в 1846 году начались лекции, так, должно быть, начнутся и в нынешнем). Приехать после начатия лекций мне бы не хотелось, а еще больше не захочется этого вам».

«Во вторник был экзамен у И. И. Срезневского из славянских наречий; шел вообще очень хорошо; на несколько времени заходил попечитель и Плетнев; попечитель сказал, что благодарит Измаила Ивановича, что очень доволен; тот отвечал, что если экзамен идет хорошо, то должно благодарить гг. студентов. По окончании экзамена он (один, попечитель уже ушел) опять сказал, что он благодарит нас, что он даже не надеялся, что экзамен будет так хорош. Мы попросили его показать баллы; он сказал, что он сейчас будет при нас переносить их из своего черного списка в белые, и что если мы думаем, что кому-нибудь поставлено больше или меньше надлежащего в черном списке, то он готов переменить. Мы, конечно, просили увеличить баллы у тех, кому мало поставлено, и таким образом из 13 человек (один не был на экзамене) у одного только осталась тройка; всем прочим, у кого было 3, переправили на 4. Полные баллы получили 7, в том числе Славинский и я (мы были вызваны последними).

Это порадовало нас. Еще более порадовал четверг.

Пришли мы на экзамен в четверг с сердцем веселящимся: Иван Яковлевич свой человек; о том, что экзаменовать будет Грефе, а не он, мы не думали: это никогда не бывало. Видим, Грефе в дежурной комнате (где бывают профессора до того времени, пока пойдут по аудиториям). Мы предполагаем, что он пришел на экзамен к Фрейтагу, у которого бывает часто на экзаменах: у Ивана Яковлевича бывает он очень редко. Вдруг со страхом слышим, что он идет по коридору с Иваном Яковлевичем: очевидно, что он идет экзаменовать нас; покрылись льдом, холоднее ладожского, который накануне шел по Неве, сердца наши: страшный человек Грефе! Во-первых, он добрый человек, очень добрый, но вспыльчив до невероятности, хоть ему уже и более 70 лет (он учитель Павского, Кочетова, Моисея саратовского и потом грузинского), а. что было прежде, смолоду, говорят, невозможно и вообразить; и теперь случается, что бросает книгу на

пол, стучит ногами или закричит: *Abi ad malam rem** (читают они с Фрейтагом по-латине, экзаменуют также); потом он чрезвычайно любит этимологию — что, как, почему, что это, а это как? и проч. Без неправильных глаголов ему было бы дурно на свете, а мы обыкновенно знаем свои слабые стороны, а эта слабее всех.

Но экзамен шел чудесно; Грефе ни разу не остался недоволен: говорил и по-латине и по-немецки, даже и по-русски (ну, да). Раз пять смеялся, что с ним случается редко, по окончании экзамена сказал: *Contentus sum, manete in hac via, laetor*** и проч.

Ну, у него мы уже не посмели спросить показать баллов; дождались субинспектора, которому передаются списки: ни одной тройки даже! 7 полных баллов и 7 четверок (нас 14 человек), или, кажется, 8 полных баллов и 6 четверок. Это удивительно. Такого экзамена давно уже не бывало ни у кого, не то что уже у Грефе. Мы сами не постигаем, как это могло быть. До экзамена каждый из нас был уверен, что не получит 4-х у Грефе. Это даже странно. Если бы все экзамены сошли так, как эти два. Впрочем, теперь остается опасен только Куторга, который иногда оставляет в курсе — другие никогда не захотят, чтобы вы из-за них остава-лись, кроме Фрейтага, который ни за что, ни за миллионы не поставит больше, чем следует. Но теперь нам у Фрейтага не экзаменоваться еще. Да и вообще у него экзамен мало принимается в расчет, а больше то, каково вы отвечали и переводили ему в продолжение года. Если счастливо пройдет еще Куторгин экзамен, то верно, что никто не останется в курсе. Да, вероятно, так и будет.

У меня пока баллы полные, что дальше будет. Должно только сказать, что эти баллы теперь не имеют прямого влияния на кандидатство: они заменяются баллами, полученными в 4 курсе, в котором пересдают экзамены из всех факультетских предметов. Конечно, косвенное влияние их важно: они выражение мнения профессора, которое в хорошую сторону у большей части профессоров здешних легко изменяется, а в дурную с большим трудом. По этим баллам вообще образуется и мнение о студенте в университете и профессоров».

«У нас вчера был еще экзамен из древней истории (читал нам М. С. Куторга в этот год только историю Афин от Пелопонесской войны до Демосфена: он читает себе каждый год вперед и вперед, начиная всегда с того места, где остановился в предыдущем году — у него слушают два или три курса вместе); экзамен шел очень хорошо; из 13 человек державших (один болен) только двое получили неполные баллы: один 4, другой 3. Вообще экзамены пока в нашем курсе идут очень хорошо. Мною он, кажется, остался доволен, спросил (чего, конечно, не делает обыкновенно), откуда я. Есть обыкновение у многих готовить начало билета лучше, нежели конец. Мих. Семенович, как человек тонкий, хорошо знает эту привычку и потому у всех спрашивал конец билета. «Оставим этот предмет; скажите об этом вот (из конца билета)». Меня не спросил.

Теперь остается пять экзаменов. Но эти пять все легче двух любых из тех трех, которые сданы уже. Никитенки и римских древностей (и тут же лат. словесн.) никто не считает и экзаменом, а так. Богословия почти тоже. Фишер строго экзаменует, но хорошо ставит и добрый человек. Касторский уже воплощенная доброта. Теперь следует Фишеров экзамен, 21 мая (в среду)».

«Экзамены у меня идут попрежнему; в эту неделю был экзамен из церк.-славянского языка и у Никитенки; из ц.-слав. яз. шел хуже, нежели из слав. наречий; потому что уже утомились и потому что экзаменовал один Срезневский. По его понятиям, Касторский должен был читать то, а на самом деле он читал другое, и много прошло времени, пока Срезн. понял, что именно читано.

У Никитенки недели три тому назад умер сын, которому было уже лет 8 — 10. Это ужасно поразило его, бедного; он удивительно переменился: пожелтел, глаза стали мутные, безжизненные, даже жесты его, прежде такие живые, стали вялы и медленны.

Послезавтра экзамен у Райковского, потом остается один Шлиттер. Пока у меня баллы полные. У Райковского на экзамене будет Евсевий, ректор Дух. Академии».

«Лекции начались у нас обыкновенным порядком в пятницу, 19. Большая часть профессоров уже читают, некоторые еще не воротились из своих маленьких путешествий. У нас в лекциях перемены вот какие: Фишер в 4 курсе ничего не читает; читает историю русской литературы Плетнев (ректор наш); читает историю русского законодательства (не факультетский предмет) Неволин. В следующий раз я пошлю Вам, милый папенька, расписание лекций. Теперь я еще сам не знаю наизусть всей недели. Вот скоро нужно будет решать, что делать по окончании курса».

«Теперь еще неизвестно нам, сколько всего остается студентов в университете здешнем; когда узнаю, напишу Вам об этом, милый папенька. В первый курс поступило по одному (кажется, по одному) ученику из каждой гимназии Петербургского округа, всего около 12, должно быть, человек, и человек пять по экзамену (двоих, например, приказал принять, т. е. допустить к экзамену, наследник, третий — сын Ленца, декана естественного факультета, и т. п.). Таким образом первый курс составил из 15 — 16 человек, и они разбрелись на 6 факультетов по двое и по трое на факультет. На наш факультет поступило двое — это еще ничего, но странно, я думаю, профессорам, привыкшим к сотне или больше слушателей, как Неволин, Калмыков и другие юристы, видеть перед собою троих.

Посылаю Вам, милый папенька, список лекций нашего курса.

Грефе читает у нас (т. е. переводит) Οἰδίπους τύραννος Софокла.

Штейнман (зять Грефе, молодой человек, которого хвалят) читает греческие древности.

Фрейтаг переводит Тибулла,

Устрялов новую (с Петра и большую половину года, кажется, о Петре) историю.

Никитенкины лекции педагогические, т. е. посвящаются на чтение наших статей, разговоры об относящихся к литературе вопросах и т. п.

Куторга еще не начинал лекций. Не знаю, будет ли он продолжать среднюю историю (с начала феодального периода, на котором остановился в прошедшем году) или начнет новую.

Плетнев читает историю русской литературы. Срезневский еще не начинал лекций.

Будет читать или историю русского языка, или русской литературы, в древнейший период.

Неволин читает историю русского законодательства».

«В университете нашем нового то, что казеннокоштные студенты к 3 сентября должны были все перейти на частные квартиры; им, вместо прежнего содержания от казны, стали выдавать деньги, по 200 р. сер. в год; для тех, у кого есть родственники здесь, это очень хорошо, они даже будут служить маленькою помощью для родственников; но у кого нет родственников здесь, 200 р. сер. маловато. Их выселили из университета потому, что понадобились занимаемые ими комнаты. Некоторые говорят, что в них хочет устроить себе квартиру попечитель — этого было бы нельзя никак похвалить, да и квартира была бы не слишком удобна — комнаты все проходные, так что ряд их походит больше на коридор с маленькими перехватами, нежели на ряд комнат. Но, кажется, этот слух несправедлив, — если так, то все они, а если он даже и справедлив, то, по крайней мере, часть комнат будет обращена под библиотеку — этого намерения нельзя не похвалить. До сих пор библиотека помещалась в большой галерее, идущей вдоль всего здания и имеющей около 150 сажень длины; она, если угодно, великолепна, но плохо натапливается зимою — а это, конечно, нехорошо для книг. Университетская библиотека гораздо лучше, нежели я думал — я судил по каталогам, но

каталоги слишком давно составлены, и новых книг в них почти не вносили. Теперь составлен новый каталог, но он должен быть еще рассмотрен Советом и тогда только будет отдан в употребление».

«Вы, я думаю прочитали в газетах довольно важную для университетов новость: ректор будет вперед не выбираться профессорами, а назначаться правительством, и будет, как все лица от правительства, назначаться на неопределенное время, а не на 4 года. Он не будет занимать кафедры, чтобы ничем не развлекаться в своей должности, а обязанности и права этой должности будут определены инструкцией, которую велено составить. Он будет назначаться из лиц, имеющих ученую степень. Таким образом, наш ректор займет к университету и особенно к профессорам, которых до сих пор был он товарищ, а теперь будет начальник, такое же положение, какое занимают директора гимназий, директор Педагогического института и т. д. Перемена важная, особенно для профессоров. У нас, вероятно, будет ректором Плетнев, теперешний ректор по выбору. Это превосходнейший человек, деликатный, добрый, но вместе и умный человек».

«Я сам ничего не знаю. Теперь я думаю об этом. Думают, что если остаться здесь, карьера прямее — я не знаю, и мне так казалось бы, но бог знает. Под карьерою понимаю я, если оставаться здесь, держать на магистра, потом, если будут силы и возможность (да и польза, которая, впрочем, верно будет) на доктора. По какому предмету держать? Я не знаю еще. По близким отношениям к Срезневскому, который так и затягивает в возделыватели того поприща, которое сам он избрал, может быть, придется держать по славянским наречиям, хоть этот предмет сам по себе меньше следующих привлекателен для меня. По расположению Никитенки и по вероятности выгоды от того (выгод, впрочем, слав. наречия доставят, может быть, и больше) может быть по словесности. Самому мне хотелось бы всего больше по истории, но Куторга меня вовсе не знает, у него есть другие люди, которым он прочит места, и поэтому здесь меньше всего кажется и выгод, и легкости. Наконец, я с удовольствием, с большим удовольствием стал бы держать по философии».

«Я в последнее время стал было думать, что это ничего, и в самом деле, если можно сказать, что в каком-нибудь университете можно идти на казенное, то в здешнем университете, и именно по нашему факультету; благодаря главным образом, кажется, Куторге, профессору истории, у нас по нашему факультету учреждена лет пять или года четыре назад стипендия в пользу одного из казенных студентов, окончивших курс по нашему факультету, каждый год: ему дается 1 500 или 1 800 рублей ассигн. (по 1 000 или 1 200 р. в год, не знаю, в продолжение 1½ года) с обязательством держать экзамен на магистра по одной из факультетских кафедр; кажется, чего лучше после этого? Получить ее легко казенному студенту, потому что их всего в каждом курсе 2 — 3 человека (в нашем 2). А между тем, все профессора, как скоро заговаривают с вами об окончании курса или тому подобном, спрашивают вас: «Ведь вы, кажется, не казенный?» — «Нет». — «Ну и слава богу». Значит, есть большая разница. Мне самому говорили это двое, с которыми одними и случилось мне говорить об этом. Верно, и все скажут то же.

У нас ныне подано в Совет примерное расписание экзаменов, которое, конечно, Совет и утвердит без изменений. Очень хорошо сделали, что выхлопотали, чтобы экзамены в 4 курсе начались с апреля. У нас по нашему распределению, которое, верно, утвердит Совет, первый экзамен 8 апреля, Фишеров, последний 7 июня, Неволлина. До пасхи 3 экзамена, после пасхи 5. С концом этой недели оканчиваются и лекции в этом году, а в 1850 будет у нас всего 11 недель лекций, потому что согласились на нашу просьбу кончить лекции у нас с концом марта».

«Нынешний день у нас уже нет лекций — вчера кончились, и до 12 января мы свободны. Никитенко сказывал, что П. А. Плетнев, теперешний ректор, представлен в ректоры, вследствие нового распоряжения, по которому ректора университета назначаются государем, по представлению министра, и остаются ректорами не определенный срок, а пока не подадут в отставку или не будут сменены. Нет сомнения, что его и утвердят ректором. Тогда Никитенко сделается ординарным профессором, чем уже давно следовало бы его сделать».

«Плетнев утвержден ректором здешнего университета и уже отказался от кафедры; на его место сделан уже или будет сделан ординарным профессором Никитенко; кто будет на месте Никитенки, я еще не знаю. Мы не знаем, будет ли у нас читать Никитенко вместо Плетнева, или те лекции, которые читал Плетнев, останутся свободными. Никитенке не хотелось читать, потому что, говорит он, принимаешься доканчивать то, что начал другой, скучно, да и неудобно. Кроме того, что за приятность иметь две лишние лекции в неделю?»

«Вам, может быть, покажется странно, что я сам не знал того, продолжает ли Благосветлов быть студентом, или нет; если продолжает, то я бы видел его, если не вижу его в университете, значит, он уже не студент. Но, во-первых, многие студенты никогда не бывают в университете или почти никогда, особенно юристы и камералисты; во-вторых, если бы Благосветлов и бывал каждый день, я мог бы его не видеть, потому что обыкновенно не выхожу из аудитории в коридор, в котором прохаживаются студенты между лекциями и в котором только и видятся студенты разных факультетов; может быть, и Благосветлов имеет ту же привычку, и кажется, что имеет — тем легче нам не видаться с ним по два, по три месяца».

«Вы спрашиваете о том, могу я кончить с правом служить прямо в министерствах — я не знаю, могу ли сказать, что кончу. Право служить в министерствах получают трое каждый год, по одному из каждого факультета; в каждом факультете по два отделения; в нашем — наше и восточное. Право получает, конечно, тот, у кого лучшие баллы на окончательном экзамене. Если на нем баллы у двоих или более равны, — тот, у кого они лучшие на предыдущих экзаменах. Теперь пока, кажется мне, у меня были баллы лучшие других на двух экзаменах; на одном (во втором курсе) удалось еще одному получить такие же баллы. Впрочем, не ручаюсь за совершенную верность своих слов, потому что, может быть, и за 2 курс баллы у меня лучшие, но едва ли. Но это только в нашем отделении; какие баллы у студентов нашего курса восточного отделения, я не знаю; кажется, у одного из них тоже очень хорошие баллы. А о том, какие баллы получу я и получают другие на этом экзамене, трудно сказать что-нибудь положительное. Если даст бог получить такие же и мне и другим студентам нашего отделения, какие получали мы в прошлые года, то кажется, что я буду иметь право служить в министерстве прямо».

«В пятницу я видел Григ. Евл. Благосветлова в университете. Он говорил, что был месяца два болен; болезнь его, после многих вариаций, которые она всегда любит в Петербурге, кончилась грудною болью. Теперь он опять начал бывать в университете. Он говорил, что инспектор был у него во время болезни несколько раз, постоянно гонял к нему университетского доктора (который не отличается любовью посещать больных студентов) и т. д. — значит, не только не был он исключен из университета, но на очень хорошем счету у инспектора, который также не слишком отличается заботливостью».

«У нас по министерству опять новость: назначили товарищем министра Норова, того, который написал путешествие во Святую землю. Вчера он был у нас в университете; к

нам зашел он, когда была лекция Фрейтага. Его лицо мне понравилось более, чем лица других наших высших сановников — умное и благородное. Росту он среднего или несколько пониже среднего; одной ноги нет (он ведь прежде был военным). Приезжал он к нам в простом фраке.

Пробыл у нас в аудитории минут пять, разговаривая с Фрейтагом по-французски (порусски Фрейтаг может несколько говорить, но с трудом, поэтому никогда не говорит). Взошедши и подавая ему руку, он сказал: «Мне очень приятно познакомиться с вами, сколько по причине ваших глубоких познаний, столько и по причине вашего родства с нашим знаменитым кавказским героем» (Фрейтаг, генерал, бывший на Кавказе, кажется, брат нашему). Потом обменялись с ним несколькими словами о латинских поэтах, из которых видно, что он знаком с ними.

У нас все ждут и государя в университет, но, верно, ждут понапрасну».

«В пятницу я вздумал поговорить с Фишером о диссертации, которую хотел писать для него (я хотел писать о Лейбнице). Только я сказал ему: «Позвольте мне посоветоваться с вами, Адам Андреевич: я хотел писать по вашей кафедре диссертацию на кандидата», как он сказал с живостью: «Нет, не пишите, не советую; время неудобное». После этого, кажется, не нужно комментариев к тому, каково ныне время.

На другой день я поговорил с Никитенкою и начну на-днях писать о Фон-Визине. Впрочем, теперь жалею, что не поговорил прежде с Куторгою. Теперь уже неловко, сказавши другому профессору, что буду писать ему».

«У нас лекции кончаются послезавтра или, если профессор успеет кончить, даже завтра. Мы начинаем довольно серьезно готовиться к экзамену.

Ныне была у нас (понедельник) последняя лекция Срезневского; он простился с нами в очень теплых выражениях.

Даже и Фрейтаг простился довольно мило, чего от него мы не ожидали. Это, что лекции кончаются 15 марта, вздумал попечитель, за что нельзя не благодарить его.

Чем ближе подходит время окончания курса, тем больше думаешь о том, какое получишь и скоро ли получишь место. У нас в курсе 12 человек, едва ли когда столько бывало в филологическом факультете. Из них человек 9 или 8 по крайней мере хотят остаться здесь; другие (не знаю даже, едва ли есть хоть один, который хотел бы) немногие согласятся принять место не в Петербурге, если уже так понадобится.

И теперь человека четыре из наших думают держать на магистра. Разумеется, некоторые только думают, а терпения не достанет. Есть и такие (и кроме меня), которые не ограничатся, пожалуй, и магистром, дай только волю. Один, впрочем, верно уже будет держать на магистра (Корелкин)».

«Экзаменов осталось уже немного; только два факультетских — Устрялова и Грефе; нефакультетских нечего почти считать, их тоже два — Неволина и из какого-нибудь нового языка. В субботу (13 мая) был у нас экзамен Куторги. Он шел вообще лучше всех предыдущих экзаменов, судя по результатам. Я, впрочем, сам не слышал, как отвечали, потому что, кончивши прежде всех свой экзамен, ушел из университета, некогда было слушать».

«В пятницу был у нас экзамен Устрялова; он шел очень хорошо, так что кроме полных баллов почти ни одного не было поставлено. Завтра экзамен Грефе и вместе Штейнмана. Это последний наш факультетский экзамен».

«Я отдал Никитенке «О Бригадире Фон-Визина», статью, которую написал на степень; на-днях он скажет мне, годится ли она, или нужно переделать ее; если и не годится,

убыток невелик, потому что 10 — 11 числа, я опять отдам ее переделанную, как нужно — труда немного, только и важности, что переписать. Сколько из наших студентов кончат кандидатами, еще нельзя сказать определенно; но во всяком случае больше, нежели я предполагал — я думаю, из 12 человек 8 или, мало уже, 7. Это от того, что на окончательных экзаменах редко ставят тройки».

«У нас ныне последний экзамен; я спешу туда и поэтому пишу мало. Я не кончаю курса первым. В этом, конечно, виноват я сам; но только этого предвидеть было нельзя, по крайней мере с той стороны, с которой это произошло — мне Грефе, вместо пяти, поставил четыре, чего никак нельзя было ждать, и что даже смешно и странно — как это вышло, я не умею и объяснить: — ошибку предполагать трудно, а не предполагать ошибки тоже странно. Я оставляю это без внимания, хотя мог бы заставить переменить балл, потому что оставляю без внимания, что это заставляет непременно держать на магистра».

Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений: в пятнадцати томах. Т. XIV. Письма 1838-1876 годов. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. — С. 19-202.

«Упомянув имя г. Ленца, отступлю от хронологического порядка, чтобы пожаловаться также и на нашего знаменитого электро-магнитиста. Он сыграл со мной штуку точь-в-точь такую же, как Брегет: в прошлое воскресенье невероятным напряжением мысли я открыл, что особы женского пола, бывавшие когда-либо на университетских лекциях, все принадлежат к презреннейшему разряду женицин и что никогда нога честной девушки или женичины не вступала в здешнее святилище наук. Но едва я высказал это открытие в кругу знакомых, как они хором отвечали мне, что та же самая мысль официально выражена почтенным академиком, бывшим деканом, много раз исправлявшим должность ректора С.-Петербургского университета, г. Ленцем. Отдавая должную честь благородству и смелости заслуженного защитного профессора, — да и как не отдал бы я справедливости ему, когда сам по опыту знаю, какая редкая сообразительность, какая высокая правдивость и какое меднолобое бесстыдство нужно для произнесения подобных слов, — отдавая полную справедливость замечательным качествам ума и сердца знаменитого естественника, не могу с тем вместе не восхвалить и образцовую терпимость нашего общества к ученому старицу. Я был не так счастлив и в этом отношении. Едва я высказал мысль, сходную с его открытием, как подвергся неприятностям от моих собеседников и теперь веду жизнь анахорета, потому что все мои знакомые отказали мне от дома. Я готов страдать за правду; но почему же так несправедлива судьба, что я один своим лицом почувствовал невыгодные последствия сделанного мною вместе с г. Ленцем открытия? Игра судьбы, поистине, беспримерная! На университетских лекциях бывали сотни дам и девиц. У каждой из них есть родственники, которым, вероятно, не показались же безобидными слова почтенного академика... Но высокая терпимость удержала их. Говорите после этого, что нет у нас свободы мнений!»

«Г-н Чичерин говорил так убедительно, понимал вопрос так глубоко, что, читая речь его, благонамеренный человек совершенно соглашался с ним; но точно так же тот же самый благонамеренный человек соглашался и с г. Стасюлевичем, когда читал статьи г. Стасюлевича, и с г. Костомаровым, когда читал статьи его. Уже из этого можно было видеть, что каждый из трех красноречивых профессоров обнял своею мыслью только часть истины и что нужен труд нового многообъемлющего ума для формулирования общественной мысли об университетах, во всей ее всесторонней жизненности; что или г. Жеребцов, или г. Даль, или кто-нибудь из двух гг. Безобразовых возьмется довершить

дело, начатое достойным каждого из поименованных публицистов. Но они были заняты каждый своими делами: г. В. П. Безобразов, устроитель земских банков, писал письма из деревни, о которых сам откровенно замечал, что они изображают крестьянский вопрос в слишком розовом свете. Господа Н. Безобразов и Жеребцов готовили речи к московским дворянским выборам; г. Даль читал корректуры своего словаря; никто из них не имел времени для писания статей об университетском вопросе. Мы приходили в отчаяние, не надеясь, чтобы кто-нибудь мог заменить этих мыслителей. Но заговорила «Современная летопись Русского вестника», и — мы утешились. Она возвела к единству разноречащие мнения трех профессоров, взяв от каждого из них все безусловно прекрасное. С г. Костомаровым согласилась она, что Санкт-Петербургский университет надобно соединить с Академиею наук; с г. Стасюлевичем — в том, что прежние профессорские корпорации превосходны; с г. Чичериным — в том, что университеты должны быть совершенно чужды жизни; но справедливо выставила она, что важнее всего тут установить солидный налог на просвещение; отбросив слишком оригинальную, придуманную г. Костомаровым форму взимать этот налог посредством ключей, она сосредоточила свое внимание на существе дела, на необходимости взимать налог, и доказала ее самым блистательным образом. Да ведь и правда, как не брать налога с учащихся? Во-первых, у кого нет денег, тому не следует учиться; во-вторых, во Франции, Англии, Германии, Италии берется плата за слушание лекций и за дипломы на степени. Как же не быть налогу на ученье у нас? В налоге находится лучшее средство примирить все разномыслия: г. Костомарову хочется уничтожить корпорации, г. Стасюлевичу — сохранить их. Установим налог надлежащей высоты, — тогда в университете не будет студентов, следовательно, не будет университета, то есть не будет и университетской корпорации; желание г. Костомарова удовлетворится. Но не будет университета только на факте, а на бумаге он может существовать и сохранять корпоративное устройство; следовательно, будет удовлетворен и г. Стасюлевич. Что же до г. Чичерина, он, очевидно, будет удовлетворен вполне: когда не будет никакой жизни в университете, то, разумеется, будет устранена всякая возможность соприкосновения науки в университете с жизнью.

Сколько мы сделали открытий по одному университетскому делу! Припомним главнейшие:

- 1) Всякая жизнь должна быть изгнана из университетов (г. Чичерин).
- 2) Надобно существовать налогу на ученье («Современная летопись»).
- 3) Налог этот надобно взимать посредством ключей (г. Костомаров).
- 4) С.-Петербургский университет должен принять в себя прекрасные элементы Академии наук (мысль г. Костомарова, совершенно сходная, однако, с мыслью г. Чичерина. См. № 1).
- 5) Профессора должны составлять касту (г. Стасюлевич).

Какое удивительное умение отыскать существенные стороны вопроса и найти просвещенное решение для него!

Но кроме пяти прекрасных открытий, сделанных нами по университетскому вопросу, есть у нас все по тому же вопросу еще шестое открытие, или, точнее сказать, находка: одному из наших друзей удалось отыскать в ящике у одного из здешних студентов следующий отрывок:

«Август, 1861.

Больше половины моих товарищей не имеют гроша за душою. Они бьются, как рыба об лед; многие из них по целым неделям не пьют чаю, не имеют табаку. Требовать деньги с этих людей за ученье! Боже, да лучше бы велели им выкалывать по одному глазу — ведь они стали бы только кривыми, а теперь хотят, чтобы они были слепыми. Говорят, что в наши времена нет чудес и мало мучеников. Из 1300 студентов здешнего университета около 1000 человек — мученики своего стремления образоваться, стать порядочными людьми. Они не умирают с голоду, они успевают достигать своей цели — образования;

это ли вы не назовете чудом? Их считают людьми беспокойными и опасными. Разумеется, вещь невозможная, чтобы молодые люди были так осторожны в словах, как их мудрые порицатели. Но зачем же добиваются этой невозможности? Дело решается просто: запретите людям быть молодыми, - прикажите, чтобы за детством следовала не юность, а прямая старость. А если это трудно, можете принять меру менее затруднительную: запретите людям учиться более 15-летнего или 12-летнего возраста; тогда у вас не будет беспокойной учащейся молодежи. Впрочем, этот второй способ решения уничтожит только учащуюся беспокойную молодежь, а не уничтожит он беспокойную молодежь. Люди остывают с годами, а в молодости люди всегда горячи, учатся в университете или вовсе нигде не учатся, называются ли студентами, или кадетами, или прапорщиками, все равно, они благородны и неопытны, потому во всяком случае будут склонны к увлечениям. Решайте же, нужны ли вам образованные люди или нет; если не нужны, вы будете иметь буйную, грубую молодежь, которая станет делать вам гораздо больше беспокойства, чем когда-нибудь могли или могут сделать студенты. Если же вы не в состоянии обойтись без образованных людей, в таком случае рассудите, что образовываться люди должны в молодости, а молодые люди — всегда молодые люди.

Говорят, что мы поступаем слишком неосторожно. Но разве мы сами желаем быть неосторожными? У нас нет опытности; но мы были бы рады выслушивать советы людей, более нас живших на свете. Никто не берет на себя обязанности быть нашим другом и советником. Мы покинуты всеми старшими нас на произвол судьбы. Что ж, мы понимаем, отчего никто не хочет входить в наш круг, обдумывать вместе с нами наши нужды и желания. Каждый боится компрометировать себя сношениями с нами. Да и как не бояться при окружающей нас подозрительности? Ведь у многих из нас вовсе нет привычки быть молчаливыми; тотчас разойдутся по городу толки о всяких пустяках, каждое слово будет преувеличено, и тот, кто вошел в наш круг затем, чтобы сдерживать и успокаивать нас, прослышет подстрекателем, а нас, сблизившихся с ним из потребности искать благоразумных и умеренных советов, назовут его сообщниками и припишут бог знает какие замыслы ему и нам. При таком взгляде подозрительных, при силе их вредить подозреваемым, конечно, каждый благоразумный и осторожный человек должен избегать сближения с нами. Не говоря о посторонних людях, такой системы держатся даже наши профессора. Я их не виню; но из этого могут произойти серьезные неприятности им, нам, да и многим другим. Я, впрочем, не разделяю всеобщего сожаления моих товарищей о недостатке близких отношений между нами и профессорами. Студенты, приезжающие из Москвы и других университетов, говорят, что в нашем составе профессорского сословия лучше, чем в других местах. Оно правда, между нашими профессорами целая половина — люди хорошие, по крайней мере не обскуранты. Но присматривался я к ним: нет ни одного, который мог бы иметь прочное влияние на студентов, если б и захотел добиваться его, а не бежал от нас. Человека три-четыре, правда, пользуются некоторым авторитетом между нами. Но ведь это потому, что они толкуют с нами только об отвлеченных ученых предметах. В этих вещах они, точно, знатоки своего дела. Но войти в нашу жизнь, сочувствовать нашим интересам, заслужить наше доверие в жизненных наших делах никто из них не сумел бы. Они отвыкли понимать молодежь, долго бывши принуждены сторониться от нее. Живая связь могла бы у нас быть скорее с некоторыми из людей, чуждых университету. Но те уже положительно подвергали бы себя опасностям, если бы захотели сойтись с нами.

А как легко было бы успокоиться насчет наших будто бы опасных мыслей, если бы перестали мешать своими подозрениями сближению нас с людьми, которых могли бы мы уважать. Ведь мы, наконец, не бешеные же звери. Мы могли бы понять, что возможно и что невозможно, если бы стали говорить с нами об этом люди, трезвенные

жизненным опытом. Но теперь мы покинуты всеми, и наша беспомощная неопытность может наделать напрасных бед нам и тревог другим.

Хотя бы, по крайней мере, оставили нас в покое, не раздражали нас совершенно ненужными грубостями; хотя бы, по крайней мере, не мешали нам учиться. Сами мы никогда не поднимем шума. Но нас язвят, обижают, обманывают, — наша честность возмущается коварством... И нет никого, кто поговорил бы с нами прямо и честно... До чего же, наконец, доведут нас?»

Прочитав этот отрывок, я просветлел надеждою, что вот, наконец, удастся мне поступить с другим так, как поступили со мною Ньютон, г. Ленц, г. Соловьев и другие (см. выше): предвосхитить открытие и получить награду. Я даже унился до коварства: с притворным пренебрежением сказал я моему другу, нашедшему эту бумагу в чужом ящике, что прочитанный мною листок — вздор, который надобно бросить, — и бросил; потом тайком поднял с мыслью: объявлю, что открыл этот листок я (некто из неопытных юношей качает головой, думая про меня: «Однако же, хорош гусь! имеет друзей, которые лезут по чужим ящикам, и сам, по-видимому, не прочь от этого»). Что ж, я не стыжусь того, что готов на все для блага отечества.

Но что ж? — О, горькая участь! понес я приобретенный листок к кому следует *; она же особа **, прочитав доставленный мною документец, сказала, что открытия никакого тут нет, потому что весь город уже говорит то самое, что написано в моем листке, и что награды мне никакой не будет. Итак, опять неудача в открытии!»

Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений: в пятнадцати томах. Т. X. Статьи и рецензии. 1862-1889. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. — С. 61, 66-70.

«Напишу что-нибудь по поводу «Автобиографии» бедного больного чудака, моего бывшего приятеля [Костомарова], бежавшего от меня в последнее время моей петербургской жизни.

А кстати, знаешь ли Ты, почему он стал бегать от меня? Ты и два другие интригана, Утин и Спасович, были причиною того, что ему заблагорассудилось бегать от меня. Теперь понимаешь? — Да, разумеется, вышло то, что Ты теперь, по всей вероятности, уж угадываешь.

Однажды он вбегает ко мне в неистовом азарте и с криками, с бегом по комнате начинает жаловаться на Тебя, Утина и Спасовича: вы устроили против него интригу; целью вашей интриги было добиться того, чтоб он не читал свою речь; и вы добились этого: он не будет читать свою речь! — Что такое? Какая речь? Где и как он хотел читать ее? И почему он не будет читать ее? — Я в то время совершенно не интересовался университетскими делами; забыл, что скоро будет акт в университете; вероятно, слышал от Костомарова, что в этом году будет читать речь на акте он; но если и слышал, то забыл. — «А! скоро будет акт в университете; и вы написали речь для акта? И вам сказано кем-нибудь, что вы не будете читать ее?» — «Да, Плетнев сказал». — «И это он сказал по наущению Утина, Спасовича и моего брата?» — «Да». — «Он сказал, что он делает это по их наущению?» — «Нет, он сказал не то; он сказал: речь очень длинна; акт и без того будет длинен. Но я сам знаю: это они! Это они!» — «Да какая охота могла быть им мешать вам читать вашу речь?» — «Да она о Константине Аксакове». — «Ну, так что ж?» — «Да я в своей речи хвалю его». — «Ну, так что ж? Какая надобность им мешать вам хвалить его на акте?» — «Да он был славянофил». — «Ну да. Но им-то какое же огорчение от ваших похвал ему?» — Начинаю объяснять моему бедному чудаку, что Спасович и Утин — люди вовсе посторонние спорам славянофилов с западниками. Начинаю объяснять ему, что Ты, хорошо знающий его, по всей вероятности легко простишь ему его клевету; но что Утин и Спасович не будут так снисходительны, потому я буду толковать с ним только о них, оставляя дело

о клевете на Тебя без внимания. И стараюсь вразумить его, что Утин и Спасович — люди благородные, прямодушные; что они неспособны унизиться до интриги; потому, его фантазия о них — гадкая нелепость. В заключение всего говорю ему, что он должен сейчас же ехать к Утину и к Спасовичу; он прибежал ко мне, как только сочинилась в его голове глупая фантазия, потому они еще не могли ничего знать о ней. — «Поезжайте к ним сейчас же; в вашей компании вы уж толковали о их интриге, потому слух дойдет до них; но теперь еще не мог дойти; дорожите временем, спешите к ним; расскажите все сам; и за Утина, и за Спасовича ручаюсь вам: они простят, если вы успеете! повиниться перед ними, пока они еще не слышали эту сплетню от других. Но когда она дойдет до них, извиняться будет поздно». — Я долго и сильно говорил ему о необходимости просить извинения у Спасовича и Утина и требовал, чтобы он прямо от меня ехал к ним. — Он говорил, что ему надобно подумать, как поступить. Я проводил его словами, что думать тут не о чем, он должен ехать к Утину и Спасовичу, и что терять времени ему нельзя. Он говорит: «Я написал о Константине Аксакове. Речь эта возмутила против меня Стасюлевича, Пыпина, Б. Утина, которые видели в ней переход к славянофильству. Кавелин был на их стороне». Из четырех злоумышленников двое тут уж позднейшее изобретение бедного больного человека. В разговоре со мною об участии Кавелина в интриге он не упоминал. А Стасюлевича он тут поставил на место, которое, в разговоре его со мною, дано было им Спасовичу. Когда диктовал «Автобиографию», он перепутал фамилии по созвучию первой и последних букв. Ни о Стасюлевиче, ни о Кавелине он не говорил ни слова. Он говорил только о Тебе, Спасовиче и Утине. И так, Кавелин, Стасюлевич, Утин, Ты — вы были против его речи; «Чернышевский, напротив, отнесся сочувственно». Я тогда не имел понятия о том, что написал он в этой речи. И теперь не знаю. Я не читал ее. И разговор наш вовсе не касался ее содержания. «Я хвалю в ней Аксакова» — только по этим его словам я узнал о ее содержании. И мне не было никакого дела до него. Я вел разговор исключительно о несчастной фантазии бедного чудака, будто бы Ты, Утин и Спасович интриговали против него».

«Рассказав, что после беды, постигшей П. Павлова, студенты хотели прекратить лекции, а он не соглашался, подвергался за это обидам, но оставался тверд в своем намерении продолжать читать свои лекции, он говорит: «Наконец, ко мне приехал Чернышевский 4 и стал умаливать меня не читать, чуть ли не на коленях упрашивал, говоря, что студенты хотят устроить демонстрацию и побить меня. Я стоял на своем, говоря, что не могу отступить от своего слова» (то есть от заявления, что будет продолжать читать лекции). — «Вы можете сослаться на то, что это слово было опрометчивое, данное в раздражении». — Я не уступал. «Ну, так по крайней мере, поезжайте к Головнину и просите, чтобы вам запретили читать». — «Не могу и этого сделать: я сам хлопотал о разрешении лекций». — «Ну, так я поеду. Дайте мне которое-нибудь из писем, где вам угрожают скандалом». — Я дал письмо, в котором мне угрожали 200-ми свистков и где, между прочим, было сказано: «Смотрите, вас вынесут насильно, читать не будете». — Чернышевский сам съездил к Суворову и к Головнину и устроил дело так, что мне запретили читать лекции».

В этом рассказе есть несколько ошибок.

«Чернышевский умаливал меня не читать». Тон разговора был вовсе не такой. «Чернышевский умаливал меня, говоря, что студенты хотят устроить демонстрацию и побить меня». Ничего подобного я не говорил; если б я полагал, что «студенты хотят устроить демонстрацию», я, прежде, нежели ехать к кому бы то ни было с какими бы то ни было предложениями ли, советами ли, поехал бы в заседание комитета студентов, заведывавшего теми курсами, которые были теперь прекращены по решению самого же этого комитета студентов. Он, комитет студентов, решил прекратить лекции; он; те профессора, которые читали лекции, могли и сами считать это надобным; быть

может, некоторые из них сами подняли бы вопрос об этом на каком-нибудь собрании профессоров; и быть может, большинство профессоров по собственной инициативе решило бы прекратить чтение лекций; очень может быть; но те из них, которые могли иметь мысль поднять вопрос об этом, — если были такие, то — опоздали взять на себя инициативу. Комитет студентов уж решил, что необходимо прекратить лекции. Профессорам оставалось только согласиться с решением студентов или действовать наперекор ему. — Итак, инициатива решения, принятого профессорами и студентами, принадлежала студентам. Почему они пришли к убеждению, что лекции — надобно прекратить? — Потому, что на лекциях происходили бы демонстрации. Комитет студентов не хотел демонстраций; если б он хотел их, ему стоило бы только не прекращать лекций, — и демонстрации происходили бы неизбежно, хотя бы ни один студент не принимал участия в них. На лекциях бывала публика. Публика не считала, разумеется, надобным подчинять себя студентам. Демонстрировало бы огромное большинство публики. Остановить его было бы невозможно никакими усилиями студентов. Потому-то Комитет студентов и нашел надобным прекратить лекции. — Ты не читал тогда лекций. С другими профессорами я виделся в это время редко. Потому, о их мыслях я знал мало. Но тех членов Комитета студентов, которые были в нем руководящими людьми, я видел в те дни часто. И хотя наше знакомство было еще недавнее, я хорошо знал их. Это были люди очень умные и очень благородные. Помимо их намерений, ни один из членов Комитета не захотел бы высказывать каких-нибудь советов студентам. Не говорю уж о том, что постановления Комитета вполне соответствовали их намерениям: они были руководителями его; большинство было всегда за них, без того я и не называл бы их руководителями. Ни один из студентов, сколько-нибудь уважаемый товарищами, не отказывался сообразовать свои поступки с решениями Комитета. Потому, очень неудачно составлено выражение, которое Костомаров приписывает мне: «студенты хотят побить» его. Ничего подобного намерению «побить» кого бы то ни было не могли иметь «студенты». — И нет ни малейшего сомнения в том, что если бы какой-нибудь посторонний студентам человек поднял руку на Костомарова, то «студенты», хоть и не сочувствовали тогда ему, защитили б его; как защитили б и самого злобного, самого презренного из своих врагов. Далее, по рассказу Костомарова, я говорю ему: «Поезжайте к Головнину и просите его, чтобы вам запретили читать». Ничего подобного я ему не говорил. Далее: он отказывается ехать к Головнину; — не мог не отказываться, разумеется, когда не было ему предлагаемо это; но так как он отказался, то я говорю: «Ну так я поеду. Дайте мне какое-нибудь из писем, в которых вам угрожают скандалом». Я дал письмо, в котором» и т. д. — Никакого письма он мне не давал. Ничего подобного тому, чтоб он дал мне письмо, я ему не говорил. Никакого письма он мне и не показывал. Потому, я даже не знаю, действительно ли были у него тогда какие-нибудь угрожающие письма, или они только стали грезиться его больному воображению впоследствии времени. Может быть, и были; мало ли случается получать угрожающих писем людям в тревожные времена? Но если и были, действительно, присылаемы ему какие-нибудь письма с угрозами, то уж, конечно, нельзя! было бы заподозрить в авторстве их никого из членов студенческого Комитета и никого из студентов, сколько-нибудь уважаемых товарищами. Если были они, то писаны они были кем-нибудь из людей посторонних и Комитету и всем тем студентам, представителем которых был Комитет, то-есть огромному большинству студентов. Но — я не видел ни одного такого письма. «Чернышевский съездил к Суворову и к Головнину». К Суворову я не ездил. И не говорил Костомарову, что поеду к нему. Не зачем было ехать к нему. Для того, чтобы запретить лекции, достаточно было власти у самого Головнина. Ни в чем согласи на это Головнин не нуждался. Итак, приходится мне самому рассказать об этом моем разговоре с Костомаровым, потому что из его рассказа остается, по устранении его ошибок, не очень-то много.

Студенты не хотели демонстраций. Мне было известно это. На лекции Костомарова произошла бы, помимо воли студентов, демонстрация. Это было известно всякому, желавшему знать. Было известно и правительству. Намерения правительства мне не были известны. Но я имел случай убедиться, что оно не желает быть принуждено производить аресты. А демонстрация поставила бы его, по его мнению, в необходимость принять меры подавляющего характера. Я решил, что если Костомаров не откажется от своего намерения продолжать чтение лекций, то надобно попросить Головнина запретить ему чтение. Я не могу сказать, что я был знаком с Головинным;— нет, я был человек не достаточно важный для того, чтобы быть с людьми в положении Головнина на правах знакомства. Но мне случалось несколько раз быть у Головнина. Каждый раз, когда я приходил к нему, он принимал меня и терпеливо выслушивал то, что я говорил ему. Я надеялся, что и на этот раз он не откажется принять и выслушать меня. Но будет ли неизбежно мне просить его о запрещении Костомарову читать?— Запрещать, это было не по душе Головнину. Быть может, у Костомарова достанет рассудка избавить его от этой неприятности, а себя от стыда, в который он залез своим упрямством. Надежды было мало. Но надобно же было попробовать.

Я уж не был в это время знаком с Костомаровым. Он дичился, робел, когда видел меня. Мне надоело это. И довольно давно мне уж не случалось встречаться с ним. Тем меньше мог я не попытаться теперь урезонить его: быть может, он рассудит, что когда я, не имевший желания возобновлять знакомство с ним, зашел к нему дать совет, то значит дело не может кончиться его отказом принять мой совет; вероятно я поведу дело по своему, если он не уступит. Прямо с этого я и начал, как вошел в комнату: «Здравствуйте, Николай Иванович; мы давно не видимся; и разумеется, если я зашел к вам, то считаю важным дело, о котором хочу поговорить с вами. Вы хотите читать лекцию. Будет демонстрация. Наперекор воле студентов будет. Они не хотят обидеть вас. Но большинство публики осуждает вас. И вы будете преданы позору публикою». — И так дальше, в этом роде. — «Вы имеете заслуги. Не позорьте себя». — Я говорил долго. — Он отвечал, что он будет читать. — Тогда я стал говорить точнее прежнего о том, какую роль хочет он разыграть. — «Результатом демонстрации будут аресты, процессы, ссылки. Люди, которые устраивают такие происшествия, какие нужны для принятия репрессивных мер,— это агенты-провокаторы. Не берите на себя роль агента-провокатора». На тему «агент-провокатор» я говорил долго. — «Не хочу подчиняться деспотизму ни сверху, ни снизу», — отвечал он. «Студенты объявили, что лекции прекращаются. Это деспотизм. Не подчинюсь деспотизму». На этом пункте засела его мысль, и никакими резонами нельзя было стащить ее с этой умной позиции. — «Не о деспотизме тут дело, а об арестах и ссылках тех людей, которые кажутся вам поступившими деспотически. Демонстрировать будут не они, а в ответе за демонстрацию будут они. Они погибнут, если вы будете читать лекцию». — Он твердил свое: «Это деспотизм; не хочу подчиняться деспотизму ни сверху, ни снизу». — «Хотите губить сотни честных людей?» — Твердил свое одно и то же: «Не хочу подчиняться» и т. д. — «В таком случае, скажу вам: от вас я еду к Головнину просить его, чтоб он запретил вам читать». — «Это деспотизм!» — «Думайте об этом, как вам угодно; но знайте: читать лекцию вы не будете ни в каком случае. То лучше скажите, что не хотите. Этим вы избавите ваше имя от позора. Не будьте человеком, которому запрещено играть роль агента-провокатора; откажитесь от нее сам». — «Нет, буду читать». — «Нет, не будете. Головнин запретит». — «Не запретит». — «Говорю вам: запретит». — «Почему запретит?» — «Он не захочет, чтобы произошли аресты и ссылки, когда от него зависит предотвратить их». — «Не запретит!» — Уперся на том, что Головнин не запретит — и баста! — не собьешь его и с этой позиции. — Я посмотрел на часы. Тянуть разговор дольше было нельзя; иначе я не застал бы Головнина. «Кончим, Николай Иванович. Если вы остаетесь при своем намерении читать, то мне пора ехать. Иначе, не застану

Головнина». — «Не запретит». — «Запретит. Откажитесь лучше сам». — «Не запретит». — «Будьте здоровы». — «Не запретит!» — Я пошел; он, провожая меня, все твердил свое: «Не запретит!»

«Не запретит!» — слышу я, затворяя дверь. Это и были последние слова, которые слышал я от бедного чудака.

Вхожу к Головнину. — «Я пришел просить вас о том, чтобы вы запретили Костомарову продолжать чтение лекций». — «Вы думаете, что надобно запретить? Почему вы так думаете?» — Я стал говорить: студенты не сделают демонстрации, но публика сделает; это будет иметь своим последствием аресты. Я говорил подробно. Головнин по временам делал вопросы: «Вы говорите вот что; почему вы так думаете?» — Я отвечал, почему, и продолжал. И говорил, говорил, говорил. Это было долго, очень долго. Большие часа, наверное. Итак, я говорил; Головнин делал по временам коротенькие вопросы, слушал; и я говорил, говорил, — и наконец, договорил и остановился.

«Вы высказали все?» — «Все». — «Я совершенно разделяю ваше мнение. И я уже сделал распоряжение о запрещении лекций Костомарова». — «Это было тяжело вам, я уверен; но тем больше приобрели вы права на признательность рассудительных людей», сказал я и встал, простился.

Зачем же он не сказал этого с самого начала? Зачем дал мне рассуждать и рассуждать? Понятно: у него был в это время досуг, и он хотел подиутить над непрошенным советником. И подиутил, очень ловко, умно и мило.

Это было часа в два, в три дня.

Вечером, часов в восемь, подают мне письмо. — Беру — по адресу вижу: от Костомарова. Читаю: «Через час или два после того, как вы ушли, мне принесли бумагу, запрещающую мне читать. О, как раскаиваюсь я в том, что не отказался сам!» — в этом роде, все письмо довольно большое.

Соображая время, когда Костомаров получил бумагу, я видел, что распоряжение о запрещении ему читать действительно было сделано до моего приезда к Головнину и что Головнин действительно имел полное право подиутить надо мною».

Чернышевский Н. Г. По поводу «Автобиографии» Н. И. Костомарова // Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений: в пятнадцати томах. Т. I. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1939. — С.757-763.

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович

1827-1914

Академик, ботаник, энтомолог, географ, путешественник и статистик. В 1848 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета.

«Самым основательным и ученым из профессоров Петербургского университета нашего времени на физико-математическом факультете был профессор и академик Ленц, преподававший физику и физическую географию, а самым талантливым и интересным — Степан Семенович Куторга, читавший нам сравнительную анатомию, зоологию и палеонтологию. Изложение его было чрезвычайно интересно, аудитория на его лекциях была всегда полна студентами. Зоологический кабинет, благодаря его усилиям, был по тогдашнему времени обставлен удовлетворительно... Любимым моим предметом, в котором я имел уже хорошую подготовку, была ботаника. Профессором ее был д-р Шиховской, человек не особенно даровитый и не умеющий достаточно связно излагать

свой предмет, но глубоко преданный своей науке, хорошо ее знавший и необыкновенно гуманный и доступный. Он предоставлял студентам широкий простор пользоваться гербарием, библиотекою не только университета, но и его собственною, причем он охотно давал всякого рода объяснения и таким образом являлся идеальным руководителем самостоятельных занятий студентов... Профессором астрономии был академик А. Н. Савич, талантливый астроном, приобретший себе известность своим участием в нивелировке между Черным и Каспийским морями, отличавшийся необыкновенной добротой, гуманностью и простотою в обращении...

Кроме естественных наук, на нашем отделении физико-математического факультета преподавалась высшая математика – аналитика и дифференциальное исчисление. Преподавателем ее был тогда еще молодой адъюнкт, исполнявший обязанности секретаря факультета, впоследствии академик и один из лучших математиков России – Пафнутий Львович Чебышев...

Студентов в Петербургском университете было в то время немного, а именно не более 400 человек, и так как большинство их принадлежало к юристам и камералистам, то в нашем отделении физико-математического факультета было на высшем курсе не более 8 человек...»

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Санкт-Петербургский университет (1845-1848 гг.) // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 41-44

Пыпин Александр Николаевич

1833-1904

Литературовед, этнограф, академик, вице-президент Академии наук. В 1853 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета.

По научному преподаванию петербургский факультет был, конечно, гораздо выше казанского. По классической филологии нашими профессорами были в греческом языке И. Б. Штейнман, а с третьего курса – очень известный Грефе; в латинском – Н. М. Благовеценский. По славянским наречиям и древнему русскому языку – И. И. Срезневский. По теории словесности – А. В. Никитенко... По всеобщей истории читал пользовавшийся тогда большою славою у студентов М. С. Куторга и опять к самому концу нашего пребывания в университете начал читать лекции М. М. Стасюлевич. Наконец, русскую историю в старших курсах читал, сколько помнится, вместе филологам и юристам, или «камералистам» (был такой факультет) Н. Г. Устрялов... Грефе не был похож на большинство своих немецких коллег-филологов, которые обыкновенно не желали ничего знать, кроме классической древности. Он, во-первых, интересовался сравнительным языкознанием, которое тогда было еще внове, и изучал с этой целью славянский и русский язык; в мемуарах академии напечатаны были некоторые работы его в этом направлении.

Фаминцын Андрей Сергеевич

1835-1918

Ботаник, общественный деятель. Профессор Петербургского университета, академик Санкт-Петербургской АН. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета (1857)

Интересные мысли высказаны Андреем Николаевичем [Бекетовым] касательно нередко предъявляемого к профессорам требования: чтобы они своим влиянием так или иначе действовали на студентов. Если, пишет Андрей Николаевич «под этим вопросом разуместь влияние через науку, т. е. помощью преподавания, то этого рода влияние вполне обеспечено в каждом университете. Весь вопрос тут сводится к тому, чтобы профессора были люди знающие и умеющие хорошо передавать аудитории свои познания. Но что же общего между наукой и непосредственным поведением студента вне аудитории? Лица, предъявляющие подобные требования, совершенно забывают, что большинство наук, преподаваемых в университете, не имеют ни малейшего отношения к практической нравственности, как частной, так и гражданской.

Кафедра профессора не есть кафедра проповедника, а потому внушать с этой кафедры правила общественной и гражданской нравственности нет никакой возможности.

Важнейшее нравственное влияние изучения наук заключается в том, чтобы развить любовь к труду, к возвышенной отвлеченной мысли, а также развить философское, более объективное и спокойное отношение к действительности. Ожидать же непосредственного, так сказать, конкретного влияния науки на юношество, - да и кого бы то ни было, - по меньшей мере наивно. Профессорское влияние может проявиться только в непосредственном общении со студентами.

При наших порядках такое сближение составляет большую редкость. Оно происходит только в тесном кружке специальных учеников каждого профессора. Если он своим предметом сумеет заинтересовать слушателей, если вокруг него сгруппируется маленькая духовная семья, стремящаяся научиться от него большему, чем он может давать на своих лекциях или в своей лаборатории, - тогда, по Андрею Николаевичу, начинается его действительное, нравственное и общечеловеческое влияние на свой тесный кружок. Такие ученики имеются далеко не у каждого и далеко не каждый год.

Андрей Николаевич утверждает, что совершенно неправильно приписывать исключительно влиянию университетов проявление политических тенденций в университетских слушателях, и указывает на то, что нередко поступают в университет молодые люди уже с определенным, нежелательным настроением; последнее проявляется в университетах в виде студенческих беспорядков потому, что здесь имеется более благоприятная для проявления этого настроения обстановка.

Устрялов Федор Николаевич

1836-1885

Публицист, драматург, издатель. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1856)

Маленького роста, юркий и ловкий, с волосами, спускавшимися в виде локонов на воротник его вицмундира, с длинным, заостренным носом, маленькими умными глазами и вечной саркастической улыбкой на тонких губах, Степан Семенович [Куторга] производил на нас неоспоримое впечатление умного человека, главное, вследствие особенного, ему одному свойственного, пошиба. Он преподавал зоологию и сравнительную анатомию, но последняя, неизвестно почему, считалась в то время наукой антирелигиозной. Поэтому в своих лекциях он преимущественно обращал внимание на зоологию, касаясь сравнительной анатомии лишь вскользь.

Обладая замечательной начитанностью и глубоким умом, зная в совершенстве иностранные языки, следя за успехами современной науки, Степан Семенович владел и даром слова, и общедоступностью изложения предмета. Его чтения настолько интересовали слушателей, что XI аудитория наполнялась студентами всех курсов и факультетов. Каждая из его лекций была до такой степени обработана самостоятельно, до такой степени обнимала собой излагаемый предмет, что студент как-то невольно поддавался горячему, пылкому, красноречивому слову профессора и сознавал, что именно здесь есть и знание, и наука, и польза. Вместе с тем, как это не покажется странным, его лекции отличались остроумием. Система Дарвина явилась около 20 лет позже; теория происхождения человека от обезьяны показалась бы нам странною шуткой в то время. А между тем С. С. Куторга как бы предугадывал Дарвина. В «высших» сферах его лекции считались либеральными. Он шел прямо против общепринятых казенных условий, и говоря о самом ничтожном, по-видимому, нисколько не могущем интересовать предмете, всецело овладевал вниманием слушателей, раскрывал перед ними заповедную область науки и своим бойким, горячим словом как бы приподнимал завесу неизвестного. Вот в чем заключалось «обаяние» его лекций. Мало того: по коридорам университета раздавался звонок, возвещавший об окончании лекций, Степан Семенович сходил с кафедры и вступал в беседу со студентами, продолжавшуюся иногда по получасу и более. Толпа окружала его; всякий хотел услышать от него слово и на вопрос каждого он отвечал с полной готовностью, а также с замечательным остроумием...

С. С. Куторга, собственно говоря, занимался не столько зоологией и сравнительной анатомией, сколько геологией. Последняя была его любимым предметом, хотя он и не преподавал геологию в университете. Его «Геологическая карта С. – Петербургской губернии» представляет образец совершенства для тогдашнего времени.

Устрялов Ф. Н. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852-1856 годах // Исторический вестник. – 1884. – Т. 16, июнь. – С. 596-598.

Писарев Дмитрий Иванович

1840-1868

Литературный критик, публицист, переводчик. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1861 г.

... я -- еще человек молодой и, следовательно, могу говорить о своих студенческих годах, не поддаваясь тому сентиментальному стремлению к идеализированию, которое обыкновенно действует в людях пожилых, когда эти почтенные люди, в назидание младшим братьям или потомкам, перебирают свои юношеские воспоминания... Что-то манило меня в университет, в слова «студент», «профессор», «аудитория», «лекция» заключалась для меня какая-то необъяснимая прелесть; что-то свободное, молодое и умное чулось мне в студенческой жизни; мне хотелось не кутежей, не шалостей, а каких-то неиспытанных ощущений. Даже внешние атрибуты студенчества казались мне привлекательными; синий воротник, безвредная шапка, двуглавые орлы на пуговицах -- все это нравилось мне как "вещественные знаки не вещественных отношений"... Впрочем, любовь моя к университету была чувством совершенно платоническим и даже пантеистическим; я любил университет и студенчество как какое-то отдельное мироздание... Поступая в университет, мы были робки, склонны к благоговению, расположены смотреть на лекции и слова профессоров как на пищу духовную и как на манну небесную... Если бы молодой человек шел пешком в университетский город только за образованием, то у нас уже теперь было бы много действительно образованных людей, и влияние этих людей чувствовалось бы в общественной жизни... Кто не идет в университет как в храм науки, тот идет в него как в преддверие карьеры. Для бедного и незнатного человека университет составляет кратчайшую дорогу к чинам, к почестям, к большому жалованью и, следовательно, ко всем благам и наслаждениям жизни. .. Важнейшее и единственное преимущество университета перед всякими другими высшими учебными заведениями заключается в том, что учащиеся пользуются значительною степенью свободы в выборе и в направлении своих занятий. Ни талант профессоров, ни их усердие, ни их умение сблизиться с студентами, ничто не может возбудить в молодом человеке ту энергию и самостоятельность, которую возбуждает и поддерживает в нем чувство собственной самостоятельности.

Писарев Д. И. Наша университетская наука // Писарев Д. И. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. – М., 1955. – С. 135-136.

Пантелеев Лонгин Федорович

1840-1919

Издатель, публицист, член «Земли и воли» 1860-х годов. Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1862 г.

Огромное большинство студентов отнеслось к появлению женщин в университете как к явлению совершенно естественному, и, кажется, ничем не подало слушательницам повода хотя бы к малейшему неудовольствию. Тогда у студентов уже начала сказываться большая щепетильность к охране доброго имени студента. Так, припоминаю два случая. Раз – это было в один из семестров 1859/1860 г. – профессор богословия Полисадов, не окончив лекции, вышел из аудитории (первого курса), потому что небольшая группа студентов вела себя недостаточно сдержанно, особенно Горчаков, сын министра иностранных дел; было даже подозрение, что компания играла в карты. Студенты пришли в волнение. На сходках высказывались требования об исключении из университета главного виновника. «Посещение лекций не обязательно, значит, - раз пришел на лекцию, должен сохранять уважение к профессору и своим товарищам». Только извинение Горчакова перед профессором Полисадовым и аудиторией покончило это дело. Другой случай. Была какая-то выставка в Петербурге, на ней экспонировались между прочим сыры; посетители могли их пробовать. Раз распорядители заметили, что два студента, Спасский и Переженцов (оба давно умершие), чересчур усердно пробовали сыры. Об этом дошли слухи до университета; собралась сходка; Спасскому и Переженцову пришлось оправдываться и в конце концов выслушать резкое порицание.

И вот при таких-то нравах за два года посещения женщинами университета не было ни одного случая, который стал бы предметом товарищеского обсуждения и тем более суда. Как отразилось появление женщин в университете на нравах студентов? Без малейшего преувеличения могу сказать, что самым благоприятным образом.

Пантелеев Л. Ф. Женщины в Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 62-65

Страхов Николай Николаевич

1828-1896

Русский философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской академии наук, действительный статский советник.

В 1845-1848 учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. Окончил физико-математическое отделение Главного педагогического института (1851).

В 1867 году в Императорском Санкт-Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию «О костях запястья млекопитающих».

«Расскажу здесь один из важных случаев того времени, так называемую студентскую историю, разыгравшуюся в конце 1861 года и как нельзя лучше рисующую тогдашнее

состояние общества. В этой истории вероятно действовали разные внутренние пружины; но я не буду их касаться, а расскажу ее наружный, публичный вид, имевший главное значение для большинства и действующих лиц и зрителей. Университет, вследствие наплыва либерализма, кипел тогда жизнью все больше и больше, но к несчастью такою, которая топил учебные занятия. Студенты составляли сходки, учредили свою кассу, библиотеку, издавали сборник, судили своих товарищей и т. д.; но все это так их развлекало и возбуждало, что большинство, и даже многие из самых умных и способных, перестали учиться. Было не мало и беспорядков, то есть выходов за границы всевозможных льгот, и начальство решилось наконец, принять меры для прекращения этого хода дел. Чтобы заручиться непререкаемым авторитетом, оно исходатайствовало Высочайшее повеление, которым запрещались сходки, кассы, депутаты и тому подобное. Повеление вышло летом и, когда студенты осенью явились в университет, нужно было привести его в исполнение. Студенты задумали противиться, но решились на то единственное сопротивление, какое допускается либеральными началами, то есть на чисто пассивное. Так они и сделали; они привязывались ко всяким предложениям, чтобы только дать как можно больше работы властям и гласности всему делу. Они очень искусно добились величайшего скандала, какого только можно было добиться. Власти вынуждены были два или три раза забирать их днем, на улице, огромными толпами. К пущей радости студентов, их посадили даже в Петропавловскую крепость. Они беспрекословно подчинились этому аресту, потом суду и, наконец, ссылке, для многих очень тяжелой и долговременной. Сделавши это, они думали, что сделали все, что нужно, то есть, что они громко заявили о нарушении своих прав, сами не вышли из пределов законности и понесли тяжкое наказание, как будто только за неотступность своих просьб.

Хотя эти юридические понятия в сущности не применимы к учащимся, но студенты, для поучения остальных граждан, разыграли эту либерально-юридическую драму безукоризненно и с истинным увлечением. Это вовсе не был бунт, хотя бы и в маленьких размерах. Всего интереснее и характернее то, что тогда-же нашлись люди, которым очень хотелось обратить эту историю в бунт, что со студентами делались совещания в этом роде, что им предлагалось, например, совершить злодеяние, которым правительство было бы поставлено в безвыходное положение и т. п. Революционные элементы уже назрели в обществе; но на сей раз либерализм сохранил свою чистоту и была лишь совершена громкая демонстрация, как-бы публичная жалоба общественному мнению. Ради этого многие молодые люди с веселым сердцем испортили навсегда свое житейское поприще.

Разумеется, весь город только и говорил о студентах. С заключенными дозволялись свидания, и потому в крепость каждый день являлось множество посетителей. И от редакции «Времени» был им послан гостинец. У Михаила Михайловича был зажарен огромный ростбиф и отвезен в крепость с прибавкою бутылки коньяка и бутылки красного вина. Когда студентов, признанных наиболее виновными, стали, наконец, увозить в ссылку, их провожали далеко за город родные и знакомые. Прощание было людное и шумное, и ссыльные большей частью смотрели героями.

История эта потом продолжалась совершенно в том же духе. Университет закрыли, с тем, чтобы подвергнуть полному преобразованию. Тогда профессора стали просить позволения читать публичные лекции, и без труда получили разрешение. Дума уступила для лекций свои залы, и вот университетские курсы открылись вне университета почти в полном своем составе. Все хлопоты по устройству лекций и все смотрение за порядком студенты взяли на себя и очень были довольны и горды этим новым, вольным университетом.

Но мысли их были заняты не наукой, о которой они, по-видимому, так хлопотали, а чем-то другим, и это испортило все дело. Поводом к разрушению думского университета был

знаменитый «литературно-музыкальный вечер», в зале Руадзе, 2 марта 1862. Этот вечер был устроен с целью сделать как бы выставку всех передовых, прогрессивных литературных сил. Подбор литераторов сделан был самый тщательный в этом смысле, и публика была самая отборная в том же смысле. Даже музыкальные пьесы, которыми перемежались литературные чтения, были исполняемы женами и дочерьми писателей хорошего направления. Федоръ Михайлович был в числе чтецов, а его племянница в числе исполнительниц. Дело было не в том, что читалось и исполнялось, а в оациях, которые делались представителям передовых идей.

Шум и восторг был страшный, и мне всегда потом казалось, что этот вечер был высшею точкою, до которой достигло либеральное движение нашего общества, и вместе кульминацией нашей воздушной революции. Один из эпизодов этого вечера был началом быстрого падения и разочарования в нашем тогдашнем прогрессе. Профессор П-в читал на вечере свою статью, которая, как и все, что исполнялось, была предварительно цензурирована; он прочитал ее без изменения, но с такими выразительными интонациями и жестами, что смысл получился вовсе нецензурный. Поднялся радостный гвалт, восторг невозможный для описания.

И вот на другой день разносится всюду весть, что профессор арестован и выслан из Петербурга. Как тут быть? Как протестовать против такой меры? Студенты довольно последовательно придумали, что высылка одного профессора представляет угрозу другим профессорам, что поэтому они не могут продолжать своих чтений, если не желают показать, что считают своего сотоварища виновным и что сами желают быть невинными перед правительством. Решено было закрыть Думский университет и тем протестовать против стеснений. Это был протест в роде выхода профессоров в отставку, — дело, как известно, беспрестанно повторявшееся в русских университетах, нечто похожее на японское самоубийство. Студенты предполагали, что все общество будет поражено скорбью и гневом, когда вдруг закроется главный источник его просвещения. Профессора согласились на желание студентов и отказались от чтения, кроме одного или двух, которым зато слушатели стали делать скандалы. Наконец, вмешалось начальство и прекратило все дело, запретив вообще профессорам читать публичные лекции».

Страхов, Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. — С. 231-233.

«Чернышевский и Писарев по прежнему в крепости. Писарев напечатал в последнем № Русского Слова очень милую статью «Наша университетская наука», где рассказывает свою студентскую историю.

Ссылных студентов до сих пор не возвращают; университет открыт, но в нем нет ни одного из профессоров, обнаруживших сочувствие студентам. Зачем все это — бог один знает...

Опять у нас студентские беспорядки. Но какая разница! Очень не многие им сочувствуют, и у самих студентов поднялась только малая часть, очевидно остаток прежнего брожения. А все-таки очень худо, и вредно действует».

Страхов, Н. Н. Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. — С. 256, 263.

Тернер Федор Густавович

1828-1906

Русский государственный деятель, член Государственного совета и сенатор, действительный тайный советник.

Окончил камеральное отделение юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1850).

«Система преподавания в университете была такова, что лекции почти всех профессоров издавались в литографированных записках кем-либо из студентов под наблюдением самих профессоров, - это чрезвычайно облегчало занятия, но с другой стороны давало возможность готовиться к экзамену и не ходя на лекции. Вследствие того посещались обыкновенно лекции тех профессоров, которые считались интересными и не только по своему, но даже и по чужим факультетам, другие же лекции напротив того посещались очень редко. Из предметов моего факультета, камерального, меня в сущности интересовали только лекции международного права и французской литературы, так как профессор Allier читал живо и увлекательно. Политической экономией, которая впоследствии сделалась моей специальностью, я в университете интересовался очень мало, собственно готовился только к экзамену, который удалось сдать довольно удовлетворительно. С профессором Горловым, преподававшим политическую экономию, я потому во время университетской жизни не сблизился; впоследствии, когда я получил некоторую известность, как экономист, профессор Горлов прислал мне свой курс политической экономики и, как до меня дошло, отзывался обо мне крайне лестно на своих лекциях, говоря студентам: «вот и Тернер здесь слушал лекции, как и вы, а теперь он пользуется именем в науке». – В сущности во время моего пребывания в университете, я главным образом интересовался естественно-историческими науками, которые совершенно не входили в состав камерального факультета; слушал лекции сравнительной анатомии профессора Куторги, читал сочинения о химии известного Либиха и занимался минералогией. Занятие последней явилось у меня совершенно случайно. Одна из пациенток моего отца, госпожа Липранди, подарила мне минералогический кабинет покойного мужа; это вызвало во мне желание ближе ознакомиться с этим предметом, и я стал ханиматься минералогией, пользуясь советами моего дяди Фольборта (брата моей матушки), который был отличный минералог и палеонтолог и составил себе имя исследованиями о трелобитах.

Университетские экзамены зависели от разных случайностей, так как спрашивали по билетам. Можно было хорошо пройти только часть предмета и получить билет именно по той части; могло быть и наоборот – хорошо приготовить по всему предмету, оставив в стороне только какую-нибудь незначительную часть, и получить билет именно по этой части. Так именно со мною случилось по государственному праву, которое читал профессор Калмыков. Я хорошо знал весь предмет, кроме четырех вопросов, трактовавших специально об Остзейском праве, так как эта часть государственного права показалась мне настолько запутанной и скучной, что я бросил ее читать. На беду мне попался именно первый из означенных четырех билетов. Я не знал, что делать, и хотел уже положить билет, сказав, что я к нему не подготовлен. Но так как я первые три или четыре страницы этого билета все же читал, то я решился попробовать счастья и стал отвечать с таким спокойствием и такой кажущейся уверенностью, что когда я почти уже дошел до того места, на котором мои познания по этому скучному предмету прекращались, профессор сказал мне: - видно, что вы это знаете; возьмите другой билет; - я был вне себя от радости и получил пять баллов. Помню еще другой случай на экзамене по сельскому хозяйству у профессора Усова. Он считался очень строгим и никому не ставил на экзамене более 3 или в редких случаях 4 баллов; по-видимому, он был такого мнения, что мы только учим наизусть наши литографированные записки и в сущности в сельском хозяйстве ничего не понимаем, -

что и было совершенно справедливо. Мне достался билет о межах. В литографированных записках было сказано, что если межа, т. е. граница имени, совпадает с существующей дорогой, то межевые знаки ставятся вдоль такой дороги. Объяснив это по записке, я прибавил, что в этом случае межевые знаки ставятся по обе стороны дороги попеременно, то по одной, то по другой стороне, как это я заметил у нас в деревне. Усов обратил внимание на мои слова и спросил меня, откуда я это знаю, так как в записках об этом ничего не сказано; я заметил, что я видел, это у нас в имени. Он этим остался так доволен, что, принимая меня, вероятно, за практика сельского хозяина, поставил мне в виде исключения пять.

Так как одновременно вызывались к столу по несколько студентов, которые брали билеты одновременно, причем между тем как первый из них отвечал перед профессором, другие садились на передовую скамейку, чтобы подготовиться и обдумать свой ответ, - то случалось, что сзади сидевшие студенты подсовывали взявшим билеты тетрадь литографических записок, по которой можно было подготовиться и по мало знакомому вопросу.

Отчасти вследствие хорошего приготовления к экзамену, отчасти вследствие подобных обманчивых случайностей, мне удалось выдержать выпускной экзамен настолько удовлетворительно, что я вышел первым кандидатом, - с правом поступления на службу в столичные учреждения, между тем как все остальные кандидаты обязаны были прослужить три года в губернских учреждениях.

Попечителем в мое время был Мусин-Пушкин, вполне Николаевский генерал, хотя и штатский; он считался грозой, и его очень боялись. Главным образом он смотрел однако за внешним порядком, чтобы мундиры были у студентов застегнуты, волосы обстрижены и т. п., так что студенты старались не попадаться ему на глаза. Но в сущности он совершенно не стеснял университетской жизни и я не помню, чтобы кому-либо из студентов он сделал что-либо неприятное, кроме разве резких выговоров за какую-либо неряшливость в одежде.

Вообще как университет, так и гимназия оставили во мне самые хорошие воспоминания, хотя, оставляя их, я не ощущал того романтического чувства, которое собственно описывается, как имеющее место при оставлении родного питомника воспитания – *alma mater*, - вообще я полагаю, что это обыкновенно описываемое чувство редко проявляется в действительности у молодых людей; оставляя гимназию, уже мысленно живешь в университете, - оставляя последний, уже думаешь о том, как начнется действительная самостоятельная жизнь».

«Во время моего пребывания в Петербургском университете существовали между студентами корпорации, которые однако еще не назывались землячествами, но существовали они лишь в очень скромных размерах, в небольшом кругу аристократов и немцев, стремившихся усвоить себе тот образ студенческой жизни, который господствовал в Дерптском университете. Но то, что естественно и полезно в университете небольшого города, в котором все местные интересы поглощаются жизнью студентов, то являлось несколько искусственным в столичном университете, где напротив того университетская жизнь поглощалась интересами столичной жизни. Вот почему корпорации не могли получить у нас большого развития, тем более, что, не разрешенные университетским начальством, они должны были существовать тайно, и большинство студентов в них не участвовало и даже почти не знало о их существовании. На корпоративных собраниях происходили попойки и даже дуэли, - все как следует истому буришу, - но только все это носило характер какого-то подражания. Впрочем, я не могу вполне судить о корпоративной жизни, так как ни я и никто из моих университетских товарищей в корпорации не принимали участия».

Тернер, Ф. Г. Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера: [Ч. 1]. – С.-Петербург: изд. М. Г. и Э. Г. Тернер, 1910. – С. 34-37.

Спасович Владимир Данилович

1829-1906

Русский юрист-правовед, выдающийся адвокат, польский публицист, критик и историк польской литературы, общественный деятель.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1849). Через два года защитил магистерскую диссертацию на кафедре международного права «О правах нейтрального флага и нейтрального груза». В 1857—1860 годах был адъюнктом, а в 1860-1861 годах – экстраординарным профессором кафедры уголовного права Петербургского университета.

«...спешу сообщить Вам, что работы по Университетскому Уставу в Ученом Комитете уже начались и подвигаются быстро, так что если Вы намерены оставаться до ноября за границей, то вероятно Вам и не придется участвовать в составлении этого устава. Ученый комитет пригласил к себе множество лиц, большей частью из нашего университетского сословия. По отсутствию крупных рыб звали туда всякую мелюзгу, как напр. Люгебиль, Бауэр, Панов.

Из нашего кружка в Комитете присутствуют Андреевский, Калиновский, Березин, Сухомлинов и пишущий сии строки Ваш покорный слуга.

Председатель Воронов разбил устав на отдельные вопросы. В первом заседании (без меня) Андр. читал свою работу (§ 1 Устава) о том что Университет есть сумма факультетов образующих органическое целое. – Во втором заседании 27 авг. Ведров читал свою работу об автономии Унив. и освобождении его из под попечительской власти. – Мне с Березиным достался вопрос об учащих (о студентском обществе). – Ход работ будет следующий. Сентябрь будет посвящен на разработку отдельных вопросов. – В октябре свод отдельных работ в одно целое, кодификация устава, составление объяснительной записки и историч. записки, в декабре все это будет напечатано и представлено в Госуд. Совет».

*«Местом первого видения представляется мне наш прежний петербургский университет, маленький, тесноватый в сравнении с настоящим, не занимавший еще всех двенадцати петровских коллегий. Была в этом здании длинная, темноватая комната внизу, где собирались мы, как члены совета, за столом, крытым зеленым сукном. Председательствовал двадцать лет слишком исправлявший должность ректора, не в обиду будь сказано его преемникам бывшим и настоящим, ректор каких потом не бывало – Петр Александрович Плетнев. Я как будто бы и теперь слышу произнесенные им в важную минуту слова: «студентами можно управлять, но на то нужна известная нравственная сила, которую необходимо найти и на ней опереться». При этом председатели мы, профессора, мечтали и рассуждали об университетском самоуправлении, о крепкой профессорской общине, руководящей общиной студентов. Положим, что это был сон на яву, какая-то идиллия, какая-то Аркадия. Из этих мечтателей остались в живых только трое здесь присутствующие: Вы, я и Пыпин. Боюсь как бы не прослыть отжившим человеком, хвалителем одного только былого – *laudatory temporis acti*, но мне по истине жаль этого старого дореформенного университета, из которого мы вышли, когда по ветхости устава 1855 в нем невозможно было оставаться, потому что трескались стены и обваливались своды. С тех пор изданы два новых университетских устава, но пользы от того большой нет, происходит*

то, что описал Крылов своей басней: «Квартет». Неужели тот старый университет был лучше теперешнего? Неужели лучше были профессора? того сказать нельзя, наука сделала за последние полвека громадные успехи, и теперешние преподаватели знают больше и лучше того, что мы тогда знали. Неужели лучшие теперешних были студенты начала шестидесятых годов? Я не решаюсь сказать по этому вопросу что-нибудь утвердительно, хотя мне кажется, что студенты шестидесятых годов были как будто бы лучше воспитаны, по крайней мере они были бы неспособны праздновать так день университетский 8 февраля, как он ныне из года в год празднуется с уличными беспорядками и безобразиями. Неужели тогдашнее внутреннее устройство университета было совершеннее теперешнего? Но устав 1855 г. и тогда считался заведомо неудовлетворительным и негодным. Нам дорог был университет, в котором мы действовали не по уставу 1855 г., а по идеалу устава, с которым мы носились и который не осуществился; мы и доныне не отступились от этих наших мечтаний. Дороги нам эти мечтания, потому что их оживлял дух великой эпохи реформ, которую мы с вами в зрелых уже летах пережили от ее начала до конца. На крыльях этого духа мы поднимались и парили на заоблачных высотах».

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. II. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – С. 26, 36-37.

«Петербургский университет сделал пока только несколько шагов в своем существовании, и потому главная его заслуга может заключаться пока в том, что выпустил он в свет с дипломами 2365 кандидатов, да 920 действительных студентов, итого 3285 человек; но из числа их только трое, по словам г. Григорьева попали в государственные деятели высшего порядка (один министр юстиции К. И. Пален и два члена государственного совета А. Л. Гофман и барон А. Ф. Будберг), - факт прискорбный, о котором красноречиво распространялся в элегическом тоне и профессор И. Е. Андреевский на юбилейном обеде 8-го февраля 1869 года. Совершенно верно замечает г. Григорьев, что питомцам университета более нежели в государственной службе посчастливилось в науке и искусстве, и есть два-три крупных имени (Грановский, И. С. Тургенев) и несколько меньших светил, да и все эти олимпийцы, за исключением одного Тургенева, почти невидимы на Западе Европы за пределами нашего, весьма, правда, обширного отечества. При таких условиях понятно, что и памятник мог быть создан не великий, скромный, без пьедестала».

Спасович, В. Пятидесятилетие Петербургского университета // За много лет. 1859-1871. Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. В. Спасовича. – С.-Петербург, 1872. – С. 2.

Белов Иван Дмитриевич

1830-1886

Педагог, публицист, беллетрист. Выпускник юридического факультета Петербургского университета.

Молва о прелестях студенческой свободной жизни еще задолго до выхода нашего из гимназии доходила до нас. Бывало идёшь по улице совершенно спокойно, но вдруг сердце забьется, почувствуешь не то холод, не то жар, словом что-то совершается в

организме и начинаешь ускорять шаги. Оказывается, что глаза завидели студента. И непременно догонишь его, оглядишь со всех сторон и долго, долго потом оборачиваешься назад на студента, бывшего для нас идеалом всего лучшего, дорогого, достойного глубокого уважения. Особенно необыкновенно сильно возбуждала нас встреча с целой ватагой студентов, шедших с громким говором, нередко с песнями. Господи! так бы и влетел в их среду, так и расцеловал бы их всех!

5-го июня портной принес студенческую форму. Шляпа, шпага и фуражка были куплены еще месяца за два до конца гимназических экзаменов. Радости и торжества при виде студенческой формы не берусь описывать. Помню только, что через полчаса я был уже одет и на улице.

...Получив от инспектора свидетельство на звание студента и при нем надлежащие правила о поведении и ответственности за те или другие проступки, с грехом пополам заплатив за месяц вперед за квартиру, ибо несмотря на хорошую помощь отца, деньги держались в руках очень плохо, я начал ходить в университет, но не на лекции, а к булочнику Василию, который каждый день являлся в шинельную с различными принадлежностями для еды. Как живой и теперь стоит передо мной этот умный, хитрый Василий, веривший в долг и записывавший в сальной книжке долги своих клиентов. ... Эта – то шинельная и была местом нашего собрания, нашим форумом; Здесь составлялись компании для кутежей и шли толки (по преимуществу частые) о добывании денег, о закладе различных вещей, чтобы разжиться какими-нибудь двумя или тремя рублями. Здесь же многие из нас совершенно помимо мертвых профессорских лекций получили и первые толчки к умственному движению; здесь юноши-студенты, только что оставившие гимназическую скамейку, узнавали о литературных и других живых новостях, на которые так чутка молодежь.

...Искренно сознаюсь, что учились мы мало, а жили бойко, настолько бойко, что мы не замечали дней, не видали времени. Безденежье, голод и другие лишения не бросали ни малейшей тени на светлую сторону нашей жизни, которая кипела ключом, горела ярким светом.

Трудно было винить нас за наше равнодушие к учению; трудно потому, что в наше время во многих отношениях тяжелое время, мы не слыхали живого слова с кафедр различных факультетов. Ходили студенты на лекции к двум братьям; один из них был естествоиспытатель, другой историк, посещали еще лекции профессора Международного права, который читал и Государственное право европейских держав и лекции профессора технологии. Математический факультет отличался лучшим составом, чем другие факультеты.

Молодость необыкновенно чутка к истине и необыкновенно скоро отзывается на всякое живое слово, но что же делать, если она вместо истин науки слышит набор слов и фраз, вместо живого преподавания сухое, мертвое чтение из года в год повторяющихся записок.

Нам были не чужды многие общественные интересы, но стремление к ним и вообще к анализу явлений жизни и природы мы приобретали, как я уже заметил, в шинельной, на своих частных беседах и в своих кружках.

... Мы, юристы, время от времени, для потехи, для разнообразия заходили на лекции к профессору одного права, большому законнику и большому оригиналу, но который был не в силах толком распорядиться массой своих знаний. В его фигуре, в движениях, в его

своеобразной манере читать лекции было то, что вносило хотя какое-нибудь разнообразие в скучное и мертвое чтение лекций большинства наших профессоров.

Белов И. Д. Университет и корпорация // Исторический вестник. – 1880. – Т. 1, апр. – С. 779-804.

Берви-Флеровский Василий Васильевич

1829-1918

Российский социолог, публицист, экономист и беллетрист, идеолог народничества, видный участник общественного движения 1860—1890-х годов.

В 1861 году получил приглашение преподавать в Петербургском университете, сдал магистерский экзамен и стал готовиться к заграничной поездке «для приготовления к профессорскому званию», но выступление в защиту студентов - участников манифестации повлекли отмену стажировки в Гейдельберге и запрещение чтения лекций в "вольном университете"

«Один из приверженцев Петрашевского, студент Филиппов, основал в петербургском университете общество для искоренения грубости нравов между студентами. Чтобы распространить вежливость и деликатность в обращении, общество ввело дуэли. Если студент оскорблял своего товарища словом или поступком, то он должен был драться с ним на дуэли. Существовал студенческий суд, который рассматривал поступок и присуждал виновного к поединку; если обиженный, по слабости сил или по неумению, не был в состоянии защищаться, то суд назначал лицо, с которым обидчик должен был драться. Для выполнения этой последней обязанности учредители упражнялись в фехтовании и стрельбе. Сам Филиппов сделался знаменитым рубакой и грозой для всех охотников оскорблять слабого».

«Борьба была необходима и я хотел сначала посоветоваться с проф. Кавелиным. Неожиданно я получил от него следующий ответ. «Охота вам ехать в Харьков преподавать финансовое право; оставайтесь у нас и преподавайте государственное – это ваша специальность».

Быть профессором в петербургском университете и преподавать государственное право было для меня верхом благополучия, я прямо высказал Кавелину эту мысль. «Но вы должны сначала, - продолжал он, - выдержать экзамен на ученую степень». «Мы вас пошлем на два года за границу, а через два года вы будете занимать кафедру международного права и государственного права европейских держав».

Мне казалось, что я достигаю цели своей жизни.

В апреле 1861 года я выдержал экзамен по главным предметам, но так как наступили экзамены студентов и факультету некогда было собираться, чтобы экзаменовать меня, то вопрос о моей посылке за границу был решен, и мне предоставлялось выдержать экзамен из побочных предметов осенью, перед выездом за границу».

«Между министрами одним из наиболее прозорливых был министр народного просвещения Ковалевский. Он с большим тактом способствовал развитию либеральных идей в университетах. В особенности в петербургском университете свободное и организационное движение между студентами все далее пускало свои корни. Студенты имели сходки, на которых обсуждали свои общие дела, составили организации, имели кассу.

Произведено было правильное исследование нищеты между учащимися и дало поразительные результаты; найдены были, например, два студента, которые жили в шкафу, студент, который жил зимою в досчатой будке, где когда-то помещалась известь.

Профессор Спасович организовал студенческий суд, действовавший по всем правилам европейских публичных судов с присяжными, адвокатами и т. д.

Студенческие организации в Петербурге действовали прекрасно, порядок на сходках и публичных собраниях был образцовый».

«Нужно было спасти русское просвещение от интриги старого пролазы Строганова. К несчастью, эта интрига была известна в настоящем своем виде только в Петербурге, но зато же здесь и профессора и студенты решились единодушно протестовать и против мер, порожденных интригой, и против удаления Ковалевского. Имелось в виду совершенно новое дело для Петербурга – политическая манифестация.

Оказалось, что студенты были уже прекрасно подготовлены к такому проявлению свободы; между ними оказался некто Михаелис, составивший остроумный план для ведения этого дела.

Студенты делились на кружки; Михаелис из всякого кружка выбирал наиболее влиятельного человека и составил так называемую центральную сходку. Они собирались где-либо в частной квартире и по большинству голосов решали как действовать.

Центральная сходка служила наиболее верным выражением мнения всех студентов.

Я отправился на Васильевский остров к декану юридического факультета спросить, когда назначен мой дополнительный экзамен, и с ним вместе прошел в университет. К крайнему моему удивлению, я нашел площади, окружающие университет, и самый университетский двор переполненными народом; возле университета стояло войско. Оказалось, что я неожиданно попал на ту сходку, которая устроила первую по времени манифестацию на Колокольной улице.

Я любовался на тот порядок и на самообладание, с которым действовали студенты.

Полиция повторяла: «Господа, лишние удаляйтесь!»

Кто-то из толпы ответил: «Полиция лишняя».

И действительно, полиция была совершенно лишняя, так как не было и тени нарушения порядка. Я пробыл на митинге до конца и возвратился домой в самом радужном расположении духа.

На другой день я узнаю, что в ночь Михаелис и вся собиравшаяся у него центральная сходка арестованы. Последствия было нетрудно предвидеть: в университетах по всей России начались беспорядки...

Предательский арест Михаелиса и центральной сходки вызвал в университете беспорядки; против студентов пуцены были в ход нагайки, приклады и штыки; аресты проводились массами.

Чтобы помешать интриганам продолжать свое преступное дело, мы решились подать всеподданнейшее прошение о помиловании студентов. Администрация тотчас стала преследовать это прошение.

Я помню, что я собирал подписи следующим образом: когда ко мне подходил желающий подписаться, я объяснял ему, что прошение преследуется администрацией, и спрашивал, согласен ли он подписаться при таком условии; не оказалось ни одного отказавшегося от подписи.

Тайная полиция, предположив, что прошение хранится у известного впоследствии адвоката и председателя совета присяжных поверенных, а тогда чиновника Стасова, сделала у него обыск и арестовала его.

На другой день министр юстиции сделал по министерству запрос о подписавшихся; все до одного назвали себя.

От всех потребовано было одно общее объяснение, а от меня, так как я до известной степени принадлежал университету, особое.

Общее объяснение написал знаменитый впоследствии адвокат, много лет бывший председателем совета присяжных поверенных, Арсеньев.

Я в своем объяснении привел законы, дающие всякому русскому право петиционировать, и прибавил, что я счел своим долгом подать руку помощи молодым людям, которых постигло несчастье, тем более, что мне было известно, что они желали действовать законно, и если в этом не успели, то только потому, что были поставлены в условия, в которых не могли действовать так законно, как предполагали.

Мне заявили, что после моего указания на то, что студенты были вовлечены действиями администрации, я буду непременно арестован и сослан...

Министр возвратился из дворца с совсем другим взглядом на дело; всякое политическое преследование по отношению к нам было прекращено на том основании, что в наших действиях не обнаружилось намерения сопротивляться закону и власти императора. Между тем брожение между студентами и в публике продолжалось. Либеральные профессора Петербургского университета, не желая подчиняться новому направлению, данному просвещению, вышли в отставку».

Берви-Флеровский, В. Записки революционера-мечтателя. – М.-Л.: Молодая гвардия, 1929. – С. 15, 62-63, 68-73.

Андреевский Иван Ефимович

1831-1891

Русский писатель, юрист, историк, архивист, гигиенист, педагог, профессор.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1852). В 1855-1857 годах – адъюнкт по юридическому факультету Петербургского университета. С 1857 года занял самостоятельную кафедру полицейского права. В 1859-1891 годах – профессор Петербургского университета. В 1875-1878 годах – декан юридического факультета. В 1883-1887 годах – ректор Петербургского университета.

«Что вызвало в 1861 г. университетские беспорядки заарестование 500 студентов и затем закрытие университета?

Причины этих явлений, во всяком случае печальных по многим невыгодным последствиям, стали создаваться гораздо ранее 1861 г. Историк С.-Петербургского университета, покойный профессор В. В. Григорьев, не бывший очевидцем этих событий и, вероятно, за поспешностью работы, не посоветовавшийся с их свидетелями, уделил в своем исследовании только одну страничку с несколькими примечаниями, мало разъяснившую дело. Фактическую сторону этого события стремился представить с возможной точностью В. Д. Спасович. Не находя уместным разбирать здесь самых причин этого явления со всей подробностью, какой оно конечно заслуживает, я могу, в подтверждение высказанного уже г. Спасовичем и в пополнение сообщаемых им указаний, засвидетельствовать, что тут действовали причины троякого рода: вытекавшие из самого склада университета, из явлений, нарождавшихся в самом обществе и из метода деятельности полицейских властей.

Уже в 1856 году в университете создались существенные перемены. С удалением от должности попечителя, действовавшего в последнее десятилетие царствования императора Николая I, М. Н. Мусина-Пушкина и назначением на его место князя Г. А. Щербатова, должны были родиться весьма существенные изменения. Честный служака, добрый в душе, по своему сильно любивший университет, по своему понимавший и

высокие его задачи, но воспитавший в себе чрезвычайно грубые формы отношений к подчиненным, величественный Мусин-Пушкин, руководясь уставом 1835 г. и значительно его пополняя своими распоряжениями, почитал себя полным и безапелляционным начальником студентов, ревниво охраняя их от всякого другого влияния и только по необходимости допуская профессоров к их обучению и экзаменованию. Поддержке таких его воззрений на необходимость начальствования над студентами содействовало и небольшое число студентов: хотя количество их всегда превышало назначенную в 1849 г. цифру 300, но в общем число их всегда было менее тысячи. Резкая перемена получилась от назначения в 1856 г. преемником ему кн. Г. А. Щербатова, представлявшего полную противоположность своему предшественнику. Исполненный отменной вежливости, несомненно желавший процветания университету, он однако давно лелеял в душе желание полной его реформы. В необходимости таковой он вполне убедился, когда, за ослаблением требования об ограничении числа студентов, двери университета гостеприимно распахнулись и масса молодежи, давно ждавшая переступить порог этого святилища наук, хлынула в него живой и сильной волной. Устав оставался действующим и им коллегия профессоров совершенно устранялась от наблюдения за студентами: оно всецело лежало на попечителе и подчиненной ему инспекции. Попечитель мечтал о создании студенческой корпорации, и весьма многие сочувствовали его мечте. Он сам стал созывать студентов на совещания с ним; сначала студенты шли неохотно на такие совещания, скоро получившие название сходок. Потом эти сходки, напротив, стали получать развитие по поводу трех обстоятельств: во-первых, нашли удобным отобрать от инспектора (Фицтума-ф.-Экстето) распоряжение концертами, так как выручка от них должна идти в пользу бедных студентов, и этим пожелали распоряжаться сами студенты; во-вторых, затеялось издание студенческого сборника; в-третьих, устройство библиотеки и кассы для бедных студентов. Для всех этих дел требовались распорядители, которых надобно было избирать, а для возможности избрания нужны были уже фактически и установленные попечителем сходки. Все эти цели, по поводу которых создавались сходки, сами по себе были весьма высокие, к ним весьма сочувственно относились и профессора. Самый беспристрастный наблюдатель развития студенчества в конце 1850-х годов выведет два положения: первое, что стремления к достижению этих высоких, товарищески-добрых целей значительно подняло студенчество, стал проявляться почти незаметный до тех пор корпоративный дух, стали создаваться стойкие характеры, крепнуть убеждения. Этим недолгим периодом можно было бы воспользоваться, чтобы помочь образоваться правильным студенческим обществам, корпорациям, - но этого не случилось. Второе, столь же несомненное положение - что эти бесформенные, неорганизованные сходки пожирали напрасно много золотого времени, мешали занятиям, к которым действительно стремилось большинство университетской молодежи. Это сделалось особенно чувствительно, когда преемник кн. Щербатова, не разделял его политики содействовать созданию элементов студенческой корпорации, но, действуя правда весьма мягко, выражал свое неодобрение развивающимся сходкам. Так как коллегия профессоров, согласно действующему тогда уставу 1835 г., никакой власти не имела, ограничена была исключительно учебными занятиями, а справляться с порядком и начальствовать над студентами должен был попечитель с инспекцией, то уже в течение 1860 г. ему пришлось испытывать немало затруднений, хотя еще все хлопоты были делом совершенно домашним, в которое полиция еще вовсе не вторгалась. Между тем, в течение этого пятилетия (с 1856 по 1861 г.), когда по этим внутренним чисто причинам изменялся склад студенчества вообще и студентов Петербургского университета в особенности, происходили сильные перемены и во всем интеллигентном русском обществе... К этому моменту относится и резкая перемена во всем складе подраставшего женского поколения – реформа внутренняя общественная, создавшаяся от множества причин, накопившихся в прошедшее время. Не совсем приглядная со

стороны внешней, она заключала в своем существе два глубоких основания: стремление молодого женского поколения приобретать сведения и желание поставить дальнейшую свою жизнь на иные экономические основы, объявив непримиримую войну роскоши и находя чарующую красоту в образовании и простоте. Это явление опять имело немалое значение для учащейся молодежи, особенно когда в 1861 г., в университетских аудиториях стали являться стремившиеся к приобретению знаний девушки.

Беспристрастно наблюдавшие этот новый склад университетского студенчества могут констатировать, что ничего дурного или преступного не было; напротив, что возникало много высокого и светлого; но как брожение умов было весьма сильное, то отсутствие какой-либо организации в массе молодежи, значительно превысившей тысячу человек, среди которых действовало множество посторонних, вовсе не принадлежавших к учащимся, не могло не вызывать беспорядок. Особенно заметными они сделались в начале 1861 г., когда Россия праздновала величайший из исторических актов – акт освобождения крепостных. Все, и студенты и попечитель, чувствовали потребность выйти из таких невозможных условий. И тогда впервые, в марте 1861 г., попечитель обратился к профессорам, и то не к целому совету университета, а написал письмо к профессору К. Д. Кавелину, пользовавшемуся большой популярностью в университете, предоставив ему составить проект правил, которыми бы упорядочилась студенческая община. Образовалась маленькая комиссия из 4-х профессоров, пригласившая и 8 выборных депутатов от студентов. Эта комиссия добросовестно трудилась, создала проект правил, на основании которых может устроиться студенческая корпорация. Депутатам эти правила казались чрезмерно строгими, но все-таки они с ними согласились и надеялись выполнить. Но этот проект не пошел далее попечителя, так как в то же время правительство решило поставить новые начала, утвержденные 31-го мая 1861 г., по утверждению которых министр народного просвещения Е. П. Ковалевский оставил свой пост, а за ним вышел из попечителей и И. Д. Делянов. Эти начала 31-го мая провели то положение, которое осуществить в тот момент было чрезвычайно трудно, а именно, что ни о какой организации студенческой корпорации не может быть речи; форменная одежда студентов уничтожена и вне здания университета они подчиняются общей полиции; всякие сходки воспрещены; освобождение от платы за слушание лекций должно быть ограничено двумя студентами, на каждую из губерний, входящих в состав округа.

Понятно, что эти правила ставились совершенно в разрезе с ожиданиями и надеждами молодежи. Не думая подвергать эти правила критике, можно с уверенностью сказать, что выполнить их, и то конечно не без затруднений, могли бы только умелые, опытные руки. Между тем, за уходом министра и попечителя, явились совершенно новые люди, не знакомые ни с персоналом университетской коллегии, ни с положением студентов.

Министром был назначен гр. Путятин, попечителем генерал Филипсон. Без всякого сомнения, тот и другой желали наилучшим и наилучнейшим способом привести новые начала в исполнение, но затруднение явилось от совершенного незнакомства с почвой.

Родилось воззрение, которое потом долго (до Суворова) и поддерживалось, будто студенты – бунтари, противники правительственных интересов. Между тем в 1861 г. дело студенческое было чисто внутреннее, никакой политической окраски не имевшее. Только через год, в марте 1862 г., когда появились первые прокламации, в студенчество была пущена политическая пропаганда.

Между тем этому воззрению содействовала и полиция, получившая с мая 1861 г. функцию вести надзор за студентами вне университетского здания. Летом никакого надзора вести не пришлось: студенты стали съезжаться к сентябрю, а начало лекций было отложено до 17-го сентября. Между тем новые начала, утвержденные 31-го мая, и новые руководители внушали всем опасение, как откроется учебный год. Прозорливая полиция завела уже 14-го августа (в канцелярии обер-полициймейстера) дело о беспорядках в университете.

Особая комиссия от совета университета в течение лета работала над составлением правил, которые повелено было основать на началах 31-го мая. Опытная и знавшая положение дел, она предположила в этих правилах такие приспособления, которые не ставили бы их прямо в разрез с ожиданиями молодежи, и проектированные правила изложила в особой книжке, матрикуле, которая должна была быть выдана каждому студенту. Но с этими правилами не согласилось министерство: потребовало некоторых перемен. В переговорах прошло много времени, напечатать их не успели к моменту открытия лекций, с чем вообще запоздали, и по распоряжению попечителя лекции открылись 18-го сентября, без правил. По старым порядкам, студенты стали составлять сходки. Попечитель в конце недели распорядился запереть все пустые аудитории, в которых могли собраться сходку. В субботу, найдя все пустые аудитории запертыми, студенты попробовали собраться в большой зале, дверь в которую, хотя была заперта, но от напора легко открылась, при чем одно стекло этой двери разбилось. Это – момент, сочинивший все последующие явления. На другой день министр (принимавший в этот день представлявшихся ему профессоров) приказал временно прекратить лекции до напечатания новых правил. Ничего не знавшие об этом студенты явились в понедельник, как обыкновенно, на лекции, но все входные двери оказались запертыми. Выставленное на главной входной двери объявление об этом скоро исчезло; прибывавшие вновь ничего не могли себе объяснить; порешили тут же отправиться за разъяснением к попечителю, и все гурьбой, хотя чинно, пошли в Колокольную улицу, где жил попечитель. Попечитель же в то время был в университете и узнав, что вся толпа студентов отправилась к нему, поспешил домой и застал в Колокольной не только толпу студентов, но и полицию с ротой стрелкового батальона, требовавшую, чтобы толпа разошлась. Попечитель разъяснил причину недоразумения и не находя удобным объясняться с толпой в Колокольной, повел студентов по Невскому к университету, около которого уже была полиция. Попечитель, не находя возможности объясниться со всеми, просил выбрать трех депутатов, которым изложил причину прекращения лекций, указал, что будут выданы матрикулы и что лекции начнутся через неделю, 2-го октября. Студенты разошлись. Ночью полиция нашла необходимым заарестовать до 30 студентов, направив свой выбор на тех, которые в течение 1861 г. были избираемы в распорядители по делам кассы, библиотеки, издания сборника и т. д. Эти аресты значительно ухудшили дело, тем более, что попечитель чрезвычайно затруднялся методом, как раздать поспевшие уже правила, напечатанные в матрикулах. После разных планов, остановились на рассылке их по почте тем из студентов, которые до назначенного и объявленного в газетах срока подадут по городской же почте прошение о выдаче им матрикулы; не подавшие до этого срока не будут считаться студентами. Это возбудило, конечно, разлад между студентами: треть из них (до 500 человек) послали прошения и им были доставлены матрикулы. В разных местах в городе собирались студенты на совещания, брать или не брать матрикулы; многие из таких совещаний накрывала полиция, заарестовывала и отправляла в крепость, в которую в эти первые дни было помещено уже около ста студентов. Между тем, для взявших матрикулы положено было возобновить лекции 11-го октября. Профессора явились читать лекции, но студентов почти не было. Стала разыгрываться внутри студенчества понятная трагедия: взявшие матрикулы съедались укором совести, что лишили 2/3 своих товарищей возможности быть студентами. 12-го октября возле парадного входа в университет стояла большая толпа прежних студентов – нематрикулистов, которых не пускали в дверь, так как требовалось предъявить матрикулу. Большинство объясняло, что нужно войти на минуту, в библиотеку, в кабинет и пр., но без матрикулы никого не пропускали. Приходившие с матрикулами не хотели быть счастливыми сравнительно с прежними товарищами, тоже не входили, а некоторые рвали свои матрикулы. Скоро полиция привела войско, оцепили всю толпу, загнали чрез ворота (выходящие на биржу) в университетский двор, и оттуда повели в

крепость. Многие студенты, подходившие в тот момент к университету, и видя, как арестуют их товарищей, по их мнению неповинных, ходатайствовали, чтобы и их присоединили к заарестованным; их ходатайство уважили, включили в цепь и всех отвели в крепость, где уже заключено было более 80 студентов. Разместить в крепости оказалось невозможным; сделали разбор; всех, у которых оказались матрикулы, освободили, остальных заключили в крепости, из коих 320 на другой день отправлены в Кронштадт, где и заключены в Николаевском госпитале. По распоряжению министра внутренних дел назначены были две следственные комиссии: одна для расследования проступков студентов, заключенных в крепости, другая – по отношению к заключенным в Кронштадте...

Следственная Кронштадтская комиссия к концу ноября 1861 г. окончила свои работы, признав, что проступок заключенных предусмотрен 1280 ст. Улож. (изд. 1857) и влечет за собою арест на время от 3 до 7 дней.

Пока действовали следственные комиссии, в обществе, в городе ходили разные слухи, возбуждались беспокойства, слышалось участие к заключенным, высказывались сетования о разрушающемся университете. Недоумевали, куда это все идет, можно ли найти какие-нибудь средства для успокоения...

Но 4-го ноября дан был Высочайший приказ о назначении князя А. А. Суворова Петербургским генерал-губернатором: 7-го ноября он вступил в должность. Как слышно было, новый генерал-губернатор 7-го ноября ездил в крепость, чтобы увидеть заключенных студентов; там он обратился к ним с таким оригинальным и вместе теплым словом (благодаря их, между прочим, что они на шумели и тем самым содействовали его переводу в Петербург и что он понимает энергию молодости и уважает горячие молодые головки); тотчас почувствовался коренной перелом в приемах администрации, повеяло другим воздухом, вдруг стало легче, спокойнее...

Студенты, заключенные в Кронштадте, которых я в качестве депутата от университета был защитником в следственной комиссии, были освобождены 6 декабря, и при освобождении были обязаны подпиской такого рода: что не могут пребывать в Петербурге более 24-х часов, если не представят за себя поручителей, и если не наденут платья, которое бы не отличало их от других граждан. Большинство освобожденных, не имея в Петербурге ни родителей, ни родственников, которые могли бы их взять на поруки, не имея и денег, чтобы обзавестись платьем (большинство было в высоких сапогах и простых тулупах) – все, в числе более 200, пришли ко мне 7-го декабря около 12 часов утра. Поняв затруднительность их положения, я предложил им отправиться вместе со мною к новому генерал-губернатору, которого хотя я не знал, но от которого, по слухам, можно ожидать справедливости. Я предполагал просить прежде всего отсрочки, по крайней мере, на неделю для выполнения этой подписки. Я предложил разделиться на несколько партий, чтобы не идти гурьбой по улице, и составив предварительно именной список, уговорился быть в канцелярии генерал-губернатора в 2 часа. Я явился ровно к двум часам вместе со всеми студентами; объяснил адъютанту, в чем дело и попросил доложить его светлости. Не прошло и двух минут, как вышел кн. Суворов в полном блестящем мундире. Я представился ему и стал объяснять в чем дело. Он был весьма удивлен, что от студентов взяли такую подписку, что он этого вовсе не знал, но если подписка ими дана, то ее нужно выполнить. Обратился к студентам с весьма теплым словом, в котором хотел разъяснить, что вся их каша заварена без него, что ему нужно расхлебывать, что он постарается это сделать, потому что он любит молодежь, и верит ей. Впечатление произвел на студентов самое выгодное. Затем, обратясь ко мне, сказал: «приказывайте, а я буду исполнять». Я изложил ему, что в 24 часа студентам нельзя найти поручителей, что у них знакомых теперь не только мало, но у некоторых и совсем нет...

Суворов спросил, есть ли у меня список всех этих студентов, и получив от меня список, стал по списку тотчас отчеркивать: первых тридцать предложил мне взять на поруки,

пятьдесят взял сам, двадцать пять записал на прокурора, столько же на своего правителя канцелярии. Одним словом в полчаса времени поручители были устроены. Далее, он сам пошел на встречу моим вопросам и ходатайствам. «Хорошо», говорит он, «поручители теперь имеются, но как они будут знать, где найти своих друзей-студентов. Нельзя ли, чтобы они выбрали своих старост или депутатов, с которыми можно было бы сноситься?» Я в шутку заметил, что за это желание иметь своих депутатов, т. е. корпорацию, они и попали в крепость, но что действительно без депутатов и поручителям будет очень трудно. Он об этом деле стал говорить со студентами, и они ему объяснили, что у них уже имеются выборные старосты или депутаты, без которых и в тюрьме им нельзя было обойтись, и теперь те же самые могут остаться депутатами. Он тотчас же их всех утвердил депутатами, прося, чтобы они собирались у меня, и что он с ними будет сноситься чрез мое посредство. Относительно другого пункта подписки, он попросил, чтоб я вечером ему представил записку, как относительно их одежды, так и относительно других вопросов, которые окажутся неотложными...

После того как университет был закрыт 20-го декабря, матриккулированные студенты опять смешались с прежними своими товарищами, не пожелавшими брать матриккул. Все они очутились в одинаково незавидном положении: без лекций. Общее было желание устроить каким-нибудь способом продолжение университетских лекций. У депутатов-студентов возникла мысль, нельзя ли устроить вольный университет, и эта мысль скоро осуществилась в виде целого ряда публичных лекций, открытию которых много поспособствовал опять князь Суворов. Главное ходатайство со стороны депутатов было направлено к нему. Он совершенно соглашался с тем, что такой значительной массе молодых людей, бывших студентов, оставаться без лекций будет пагубно, и помог осуществить созданный депутатами проект. Именно они получили согласие от городского головы, Н. И. Погребова, дать в распоряжение студентов-депутатов обе большие залы Городской Думы, если генерал-губернатор это разрешит, и разрешение было получено. К этим двум залам присоединилась третья, предоставленная в распоряжение студентов директором училища св. Петра, профессором Штейнманом. Студенты-депутаты пригласили профессоров университета (больше половины всего наличного числа) и некоторых преподавателей, не бывших до того времени профессорами университета: гг. Сеченова, Годолина, Калиновского, Лохвицкого. Изъявившие на чтение лекций согласие представили программы, которые были рассмотрены в министерстве народного просвещения и все одобрены: уже действовал новый министр народного просвещения А. В. Головин. Вся совокупность этих публичных лекций («вольного университета», как тогда говорилось), читавшихся за плату, шедшую в пользу недостаточных студентов, имела прямую связь с обыкновенными университетскими курсами и имела в виду возможность открытия экзаменов в университете, чего желал новый министр. Успех этих публичных лекций чрезвычайно радовал кн. Суворова: он часто требовал к себе студентов-распорядителей, чтобы расспросить о всех подробностях и удалять встречающиеся затруднения. Известно, что этим лекциям не суждено было продолжаться долго: начались с февраля и прекратились 7-го марта 1862 г. Прекратились по такому поводу: профессора, согласившиеся читать лекции, поставили одно условие: студенты-распорядители должны ответственствовать за порядок, почему к каждому профессору и приставлен был студент-распорядитель, всем заведовавший относительно администрации на лекции. 6-го марта студенты-распорядители подали заявление профессорам, что они более за порядок ответственствовать не могут, вследствие чего профессора отказались продолжать чтение лекций, за исключением Н. И. Костомарова, желавшего не смотря на это, продолжать начатые лекции; но шум, помешавший продолжать эту лекцию в его думской аудитории, засвидетельствовал, что без ручательства студента-распорядителя за порядок, трудно

вести такой род публичных лекций. Лекции тогда прекратились, к большому огорчению князя Суворова и всех действительно желавших успеха молодежи».

Андреевский, И. Е. Князь Александр Аркадьевич Суворов // Русская старина. – 1882. – Т. 34. – С. 525-538.

Сеченов Иван Михайлович

1829-1905

Ученый-естествоиспытатель, физиолог, чл.-кор. Петербургской АН, профессор Петербургского университета.

К Петербургскому университету того времени и к его физико-математическому факультету в особенности я преисполнен по сие время великого уважения. Не говоря о том, что сидеть рядом с такими людьми, как Чебышев, Менделеев и Бутлеров, было для меня большой честью, - университетская коллегия того времени представляла поразительный пример дружного единодушия по всем насущным вопросам университетской жизни. Посещая аккуратно заседания факультета и совета, я за все одиннадцать лет не был свидетелем ни там, ни здесь ни единого враждебного столкновения, ни единого грубого слова. А между тем университет переживал тогда очень трудные времена, и ему приходилось заниматься иногда очень щекотливыми вопросами. Известно, что в 70-х годах прошлого века правительственная реакция против анархистского террора достигла апогея и выразилась, между прочим, целым рядом административно-полицейских воздействий на быт студентов. Дошло до того, что студентов, замешанных в университетских беспорядках, лишали по окончании курса прав поступать на государственную службу, т. е. лишали прав за дисциплинарные проступки. Несчастного устава г. Делянова, отделившего студентов от профессоров пропастью, тогда еще не существовало, и петербургская профессорская коллегия не сочла себя вправе молчать. По предложению некоторых профессоров была образована комиссия для рассмотрения дела и составления защитительной докладной записки министру, что и было сделано. В совете нашлось только два человека, не подписавших этой записки, Срезневский и Владиславлев, (Владиславлев, вероятно, за этот подвиг был сделан впоследствии ректором). Кончилось, конечно, ничем – министр ответил выговором коллегии и замечанием, что забота о судьбе студентов предоставлена начальству, а не профессорам.

Другой повод вспомнить этот период петербургской жизни с любовью и уважением – это Бестужевские женские курсы, где я был преподавателем в течение нескольких лет и мог убедиться на деле в серьезном значении этого истинно благородного учреждения. Это был женский университет с двумя факультетами, в настоящем смысле слова возникший из частной инициативы и поддерживавшийся почти исключительно своими средствами.... Помню даже, что за все мое более чем 40-летнее профессорство самый лучший экзамен держала у меня студентка, а не студент.

Сеченов И. М. Автобиографические записки. – М., 1952. – С. 238-240

Утвержденный весной 1871 г. профессором Новороссийского университета, Сеченов при первом же известии об открывающейся в Петербургском университете вакансии вновь в марте 1875 г. обращается к Менделееву: «Ради бога, - писал Сеченов, - перетащите меня в Ваш Университет, чтобы я мог работать подле вас, петербургских химиков. При Вашей помощи я бы стал работать теперь по физиологической химии. Вероятно, не без успеха, потому что у меня в руках уже множество капитальных вопросов. Здесь же всякая наука достается мне с большим трудом. Если бы паче чаяния меня захотели вернуть в Медицинскую академию, то имейте в виду, что туда я пошел бы лишь по необходимости, а к Вам с радостью»

Волкова Т. Переписка И. М. Сеченова с Д. И. Менделеевым: [К 110-летию со дня рождения И. М. Сеченова] // Природа. – 1940. - № 2. – С. 90-91

Венюков Михаил Иванович

1832-1901

Русский путешественник и военный географ, генерал-майор.

В 1852/53?-1854 годах был вольнослушателем Петербургского университета.

«Но денежная поддержка со стороны корпусного начальства не была самым дорогим знаком его внимания. Несравненно важнее было ходатайство этого начальства о допущении меня вольнослушателем в петербургский университет. Мысль эта была общей у меня с Д-м и Л-м, и мы все трое попросили Д. М. Павловского помочь нам в ее осуществлении...»

Я не помню большей радости за все время моей петербургской жизни, как та, которую я ощущал при объявлении мне Павловским, что университет нам открыт. Тотчас началось мной посещение лекций, и как физика и естественные науки не могли одни занять собою все тринадцать часов в неделю (ежедневно от 10-ти до 3-х), которые я проводил в университете, то весь избыток времени мной посвящался слушанию лекций у некоторых профессоров юридического и историко-филологического факультетов. А как подобные лекции составляли роскошь, десерт в официальном тепи моего духовного питания, то, разумеется, я посещал лишь тех профессоров, которые пользовались у студентов репутацией хороших преподавателей, или науки которых были для меня особенно интересны. Таким образом я прослушал курсы: международного права – Иванковского, энциклопедии законоведения – Калмыкова, истории русской литературы – А. В. Никитенко, истории времени возрождения – М. С. Куторги и проч. А из своих профессоров-натуралистов я не ходил только к «травоведу» или «фитологу» Шиховскому, но это лишь потому, что к нему никто не ходил, так что он даже не всегда имел утешение говорить себе и слушателям свое любимое изречение: «нас трое, следовательно, коллегия есть». Усердие мое в посещение аудиторий было так велико, что инспектор А. И. Фицтум уверял, будто ставит нас, меня и Д***, в пример студентам. Я скоро втянулся в университетскую жизнь, в теоретические вопросы, которыми она волновалась, в задачи, которые себе ставила молодежь и которые мне были родными задачами. Не могу поэтому удержаться, чтобы не вспомнить обо всем этом некоторых подробностей и, разумеется, прежде всего о двигателях университетского просвещения, его руководителях, покровителях и лицах, к нему не расположенных.

Первым из них, по чину и месту, был, конечно, министр, Авраам Сергеевич Норов, благочестивый бородинский инвалид и автор «Путешествия в Иерусалим» или чего-то подобного. Но за все время посещения мной университета, я видел его лишь два раза: однажды во время курса, когда он посетил лекцию Куторги-историка, а в другой раз на

годовом собрании академии наук, которое происходило в университетском актовом зале. В обоих случаях самой видной его стороной было ковыляние на деревяшке, которая заменяла ему одну из ног. Говорил он мало, по-видимому, стесняемый высотой своего сана, но говорил симпатично, по крайней мере, не бранясь, как это было в обычае у многих сановников того времени, ради внушения страха. Студенты его не трепетали, даже, пожалуй, любили; но основное их мнение было, что он – ни рыба, ни мясо, не довольно учен и действует с чужого голоса.

Редкое присутствие Норова в стенах университета возмещалось и, с точки зрения начальственных разгромлений, с избытком вознаграждалось приездами или, пожалуй, наездами «баскака» Мусина-Пушкина, бывшего попечителем университета и округа. Этот куратор, или, точнее, обскуратор, хорошо известен теперь образованному русскому миру по своей деятельности на местах попечителя в Казани и Петербурге, особенно же в петербургском цензурном комитете; но об отношении его к университетскому обществу, т. е. к профессорам и студентам, обстоятельных данных мне мало встречалось в печати. А между тем оно было своеобразно, так что даже меня, воспитанника военно-учебного заведения и строевого офицера, приводило в негодование. Как теперь вижу эту надутую фигуру, с большими нахмуренными бровями и длинным костылем в руках, который, для пущей важности, не выпускал он из десницы даже на лекциях. Этот неотесанный, а вместе и намеренно-грубый и наглый гаситель просвещения считал необходимым в каждый приезд в университет кого-нибудь обругать, кого-либо упечь под арест за неформенную одежду, длинные волосы или непочтительный поклон. Он не стеснялся делать замечания и профессорам, иногда при конце лекции, но еще в присутствии студентов, иногда даже во время самого чтения. Оттого профессора столько же его ненавидели, сколько и мы, слушатели. Наиболее храбрые из них старались выживать его из своих аудиторий разными способами, иногда довольно забавными. Профессор химии, А. А. Воскресенский, бывший потом сам попечителем в Харькове, устроил, например, следующую штуку, тотчас после того, как Мусин-Пушкин сделал ему замечание, что «у вас в лаборатории студент Савич работает без форменного сюртука, в пиджаке». Профессор наполнил аудиторию селенистым водородом, настолько вонючим, что свирепый куратор не выдержал и немедленно вышел, после чего Воскресенский, ухмыляясь, попросил студентов отворить форточки, прибавив, что, вероятно, они не посетуют на вторгнувшийся, таким образом, «свежий воздух» (в -20°R). И студенты со смехом отвечали, что «конечно, нет, что атмосферу нужно очищать от присутствия вредных тел». Цензурные подвиги Мусина-Пушкина тоже были известны в университете и, конечно, усиливали общую злобу к нему. Даже престарелый швейцар, Савельич, настоящий тип честного гренадера, относился к сановному куратору с некоторым негодованием, нисколько его не скрывая от студентов и называя некоторые распоряжения «генерала» начальственной «блажью», иногда даже «дурью». А нравственный авторитет Савельича в университете был очень велик, я думаю, не меньше, чем ***, о котором только говорили, что он был другом Пушкина и Жуковского, а под старость совсем обезличился.

После Мусина-Пушкина, величины отрицательной в нравственном смысле, Савельича – положительной и *** - нейтральной и, по-видимому, небольшой, наиболее заметным лицом в университете был Фицтум, инспектор, и до того педагог по существу и форме, что я по нем выучился различать эту зоологическую разновидность рода *Ното sapiens* L., столь многочисленную, например, в Швейцарии и Германии. Он чуть не спал во фраке с бронзовыми пуговицами и с Анной на шее, которые ему были нужны для внушения решимости со стороны студентов. Впрочем, кажется, его уважали и независимо от внешних отличий, а музыканты даже любили, потому что он сам был скрипач или пианист и собирал их иногда для концертов. У меня от Фицтума остались в памяти, главным образом, два обстоятельства. Во-первых, необычно высокие буфы, «грибы», на плечах его фрака, почти непосредственно прилегавшие к его ушам, то же не маленьким,

а во-вторых, умение его сажать студентов под арест без шума, так что арестуемый сам, по-видимому, соглашался, что его следовало суток на двое запереть в пустую аудиторию. Чаще всего тюрьмой служила аудитория № 2, где помещался минералогический кабинет, и я не думаю, чтобы заключенные там студенты очень скучали. По крайней мере, иные уверяли, что когда в ту же аудиторию приходил профессор минералогии Гофман, то в ней становилось гораздо скучнее. Многие засыпали у него на лекциях, не смотря на то, что смешная русско-немецкая речь его увеселяла иногда остальных.

Между профессорами петербургского университета 1850-х годов было, однако, не мало людей достойных и по научным их познаниям, и по умению их излагать. Назову, во-первых, на физико-математическом факультете, обстоятельного, отшлифовавшего лекции высшей математики и очень в ней сведующего, В. Я. Буняковского, высокодаровитого П. Л. Чебышева, несколько сонного и рассеянного О. И. Сомова, старательных Ленца и А. Н. Савича. К ним примыкали: даровитый преподаватель, хотя в науке несколько фантазер, зоолог С. С. Куторга, бурсаковидный и обленившийся, но когда-то знающий химик А. А. Воскресенский, химико-технолог Ильенков и некоторые другие. Деканом факультета числился Ленц, физик, конечно, невеликий, но кое-что сделавший на пользу теории гальванизма, а главное, как преподаватель, человек вполне добросовестный. Я у него слушал, сверх земной физики, теорию света, обставленную множеством математических выкладок. Чтобы не сбиться в них, он заранее приготовлял всю лекцию на бумаге и потом заглядывал в тетрадку для проверки своего изложения, всегда ясного и серьезного. Однажды, когда речь шла о теории двойного преломления, он открыто сказал, покраснев до ушей: «строгое доказательство этой теоремы, господа, мне не по голове, и те из вас, которые пожелают узнать его, могут обратиться к сочинению Коши». Эта откровенность делала ему большую честь и нисколько не уменьшала уважения студентов, хотя они и не чувствовали к нему любви. Аудитория его посещалась аккуратно, от начала до конца года, чего нельзя было сказать про многих других профессоров.

Ст. Сем. Куторга был светилом естество-исторического факультета по многосторонности знаний (впрочем, несколько поверхностных), а главное, по блестящему преподавательскому таланту. Он, небольшой и худощавый, походил в этом отношении на массивного Карла Фохта, с которым имел общим и едкий, скептический склад ума и речи, но от которого отличался поклонением Кювье, а не Ламарку и, следовательно, Дарвину. Слушателей у него всегда была пропасть, и он оправдывал это отличие наглядным и вместе философским изложением таких сухих предметов, как описательная зоология и сравнительная анатомия. «Благодарю вас, господин профессор, за доставленное удовольствие вас послушать: ваше изложение так вразумительно, что сразу открывает смысл в животном царстве», сказал ему с наивностью наш корпусный директор Воронеж, приезжавший как-то в университет, чтобы посмотреть не бьём ли мы, его репетиторы, там баклуш, и заставший меня на лекции у Куторги. «Я всегда стараюсь, ваше превосходительство, сделать так, чтобы звери сами у меня говорили о степени своего развития, а следовательно и о месте, которое им подобает между другими животными», отвечал с ехидной, но почтительной улыбкой Степан Семенович. И Воронеж после этого нашел, что мы действительно занимаемся в университете делом полезным и для ума наставительным. Спасибо ему.

Из преподавателей наук «неточных», по словам одного бывшего студента-математика, даже «пустословных», а по более умеренному выражению графа Л. Н. Толстого, «полунаук», занимающихся не изучением явлений природы и вытекающих из него вечных, непреложных законов, а разными схоластическими теориями, которые изменяются чуть ни с каждым новым поколением и даже местом, - помню профессоров М. Куторгу, Устрялова, Ивановского, Калмыкова, Никитенку, Сухомлинова, Казембека, носившего, не смотря на чин действительного статского советника, турецко-пасторский казакин и

большую бороду, да каких-то арабских шейхов, являвшихся не только с отпущенными бородами, но в чалмах и халатах. Последнее свидетельствовало, что в России, не смотря на массу инородцев, трудно было найти ученых ориенталистов, принявших европейские формы; и в самом деле у халатников было мало слушателей, от чего, я думаю, и зависело то обстоятельство, что на всем востоке, в посольствах и консульствах наших, долго жаловались на недостаток хороших драгоманов из русских, хотя министерство иностранных дел, сверх петербургского восточного факультета, имело еще свой институт.

Самая дельная из «пустословных» наук есть, конечно, история, особенно когда она излагается без искажения и скрадывания фактов и с пониманием общих законов человеческого развития: ее довольно толково читал М. Куторга, ученик Ранке, Савиньи, Раумера и проч. К сожалению, ему недоставало голоса, чтобы быть слышиму во всей аудитории, да и взгляды его на события не отличались той шириной и гуманностью, как напр. взгляды Грановского, в Москве. При том же, я думаю, читая «философски» политическую историю Европы через 5 лет после революции 1848 года, да еще в Петербурге, Куторга должен был излагать события с оглядкой, не слишком, например, хвалить век президента афинской республики Перикла, и порицать век французского короля-солнца, Людовика XIV, или не очень увлекаться образами Лютера, Меланхтона, Эразма, Ульриха Гуттена, Рейхлина и т. п., которые ведь все-таки были ересиархи и даже, пожалуй, бунтовщики, хоть и начинатели великого дела... Во всяком случае аудитория Мих. Сем. Куторги была всегда многочисленна, хоть и не так, как его «зоологического» брата. Вот у Устрялова другое дело. Хотя он «излагал» самый симпатичный для русского предмет, отечественную историю, но изложение его называлось не симпатичным, а казенным, да в придачу и скучным: студенты посещали его почти исключительно по обязанности, чтоб не попасть на замечание. Казенным преподавателем был и профессор энциклопедии законоведения, Калмыков, зычным, но ленивым и монотонным голосом пережевывавший свой предмет. Но предмет-то этот был так интересен, что, не смотря на неудовлетворительное изложение, слушателей у Калмыкова всегда было довольно. Дело в том, что в сущности он читал историю философии, которая под настоящим своим именем была изгнана из университетов... В помощь Калмыкову по теоретическим вопросам о духе и уме, служил некто Райковский, из семинаристов, который читал для студентов всех курсов психологию и логику... понятно, какие. Студенты над ним смеялись, особенно когда заметили, что он лекции свои именно читает по литографированным запискам, и притом так, что когда у него стащили, для шутки, один-два листа, то он будто бы этого не заметил и пропустил их в изложении. Я его не слушал, ограничиваясь в нужных случаях у Калмыкова воспоминаниями о корпусных психологии и логике, читанных каретным гайдуком, Кириллой Смирновым, тоже из семинаристов. Но зайдя раз в 5-ю аудиторию, где обыкновенно Райковский «преподавал», и, просидев слишком час, пожалел молодежь, которую почти загоняли в эту аудиторию.

Загоняли, впрочем, не к одним Райковскому и Устрялову, а отчасти и к Горлову, профессору политической экономии и статистики, декану своего факультета и фавориту попечителя, Мусина-Пушкина. Это может показаться удивительным, потому что обе данные науки имели особую прелесть в Европе 1840-1850-х годов; но причина понятна: Горлов даже между последователями смитосэевской школы был одним из самых бездарных... Строгая рецензия на «Статистику России» Горлова, напечатанная в изданиях русского географического общества, окончательно подорвала авторитет этого профессора, и его посещали, повторяю, почти из одной боязни получить дурной балл на экзамене. Я ходил к нему через лекцию, потому что надобно было наполнить чем-нибудь пустые часы между двумя естество-историческими уроками: не ходить же было домой? Чтения были размеренные и диалектически недурные, но казенщина сквозила в каждом их слове, в противоположность лекциям А. В. Никитенки, где хоть и было

немало лишних фраз, но слышалась задушевность. Правда, предмет-то Никитенки, история русской литературы, был ближе к сердцу, да и в нем самом студенты читали бывшего крестьянина, вышедшего в люди собственными усилиями. Никитенку я тоже, как и Горлова, посещал через лекцию, так как другая его еженедельная лекция совпадала с одной из естество-исторических, которыми я не манкировал; но большой беды в этом не было: вследствие растянутости изложения, третья, пятая, седьмая лекции были почти прямым продолжением одна другой, минуя вторую, четвертую и шестую. Никитенко в своем недавно обнародованном «Дневнике» говорит с удовольствием о «нравственной связи», существовавшей между ним и слушателями. Я готов согласиться, что эта связь – самая дорогая награда профессору за его труды – была, но лишь в небольшом кругу слушателей – человек 18-20, и притом в степени «сердечной теплоты», но не «горячего увлечения»: для возбуждения последнего надо было иметь побольше внутреннего огня и энергии самому Александру Васильевичу.

Я записал здесь то, что пришло на память о преподавателях Петербургского университета 1852-1854 годов; ну, а о самом преподавании что скажу? Разумею притом не более или менее изящную фразеологию профессоров, а передачу ими молодому поколению умения научно трудиться, любить науку для науки, а не для карьеры, и чувствовать себя в ее среде дома. Увы! мне стыдно сравнивать в этом отношении университет столицы огромного государства с университетами некоторых маленьких городов западной Европы... О практических работах студентов почти не было речи, а между тем они одни обеспечивают серьезное знание дела. Минералог Гофман, например, показывал на лекциях образчики минералов и горных пород; но затем они запирались в шкаф, и никогда ни один студент, даже желавший, не был допущен к самостоятельному определению их по признакам, изложенным в книге. Профессор видимо думал, что это лишнее и что, притом, кристаллы и камни – казенная собственность, которая могла бы и распродать, если бы вручать ее студентам для наблюдений. В зоологическом кабинете, гербарии – то же самое, так что оставалось изучать животных и растения по рисункам, которые притом доставать было тоже нелегко, потому что в учебниках обыкновенно их помещается мало...

Ну а что ж студенты? Каковы были: их умственное, нравственное и эстетическое развитие? их вкусы и идеалы? их взаимные отношения? Трудно мне на это отвечать, потому что я ведь был вольнослушатель, да еще офицер, сближение которого с собственно студентскими кружками было нелегко. Однако, кое-что сохранилось в памяти. И, во-первых, замечу, что у многих интерес к науке был серьезен, так что они не только не манкировали лекциями, но и занимались в библиотеках, университетской и даже публичной, писали сочинения на профессорские и собственные темы и, главное, усердно дебатировали спорные вопросы по разным отраслям знания».

Венюков, М. И. Воспоминания М. И. Венюкова // Русская старина. – 1891. – Т. 69. – С. 129-137.

Чавчавадзе Илья Григорьевич

1837-1907

Поэт. Публицист, один из создателей современного литературного грузинского языка. Учился на юридическом факультете Петербургского университета (1857-1861)

Эти четыре года были фундаментом жизни, первоисточником жизни, волоском, который судьба, точно мост, перекинула между светом и тьмою. Но не для всякого!

Только для тех, кто поехал в Россию, чтобы образовать свой ум, привести в движение мозг и сердце, дать им толчок. Это те четыре года, когда в уме и сердце юноши завязывается завязь жизни... О вы, золотые мои четыре года! Благо тому, под чьей ногою не подломился перекинутый вами мосток; благо тому, кто плодотворно использовал вас.

Деятели грузинской культуры о России. – Тбилиси, 1958. – С. 37.

Николадзе Николай Яковлевич

1843-1928

Грузинский общественный деятель, публицист, литературный критик. В 1860 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета (курса не закончил).

Словами не высказать восторга, овладевшего нами, когда нас приняли в университет. Подчинившись стадному чувству, мы ходили на лекции не тех профессоров, которых полагалась слушать по расписанию своего факультета, а любимцев всего студенчества: Н. И. Костомарова, В. Д. Спасовича, К. Д. Кавелина, П. Редкина, П. В. Павлова и т. д. Слушать их собиралось так много студентов, что даже самая обширная из аудиторий, одиннадцатая, оказывалась тесною: через четверть часа дышать было нечем. Нередко приходилось перебираться в актовый зал, где большинство должно было слушать стоя. Конец лекции для нас всегда наставал раньше, чем хотелось, несмотря на чисто специальный характер иных лекций. У Костомарова, например, речь шла об источниках русской истории, о сравнительных достоинствах или дефектах того или другого списка разных летописей. Тем не менее не только филологи. Но и мы, юристы или математики, с жадностью ловили каждое слово, всякую мелочь, стараясь внести их в свои записи.

Николадзе Н. Я. Воспоминания о шестидесятих годах // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 75

Аверкиев Дмитрий Васильевич

1836-1905

Драматург, беллетрист, театральный критик. Выпускник физико-математического факультета Петербургского университета (1859)

Я намерен рассказать о том, как обучали нас естественным наукам, по возможности избегая своих личных воспоминаний.

Посещение лекций de jure считалось обязательным; некоторые профессора еще делали репетиции или «репетички», как выражался один из них, читавший что-то такое, называвшееся в университетском расписании «логикой». Они смотрели на своих слушателей, как чиновники высшего полета взирают на своих подчиненных; слушание лекций считали службой и отмечали нерадивых. Не ходит студент на лекцию – значит он негодяй, потому что не его дело рассуждать как и что (ей-Богу, приходила иногда в

голову мысль: да что это он читает?) читает профессор; сиди смирно, слушай внимательно, не рассуждай и благо тебе будет. Многие читали или по своим запискам, составленным лет за 20, или по своим столь же почтенным древностью печатным руководствам; были и такие, что так заматерели в профессорах, что обходились и без записок и без книжек, но ежегодно повторяли свои лекции слово в слово с неизменными остротами и прибаутками. Молодых профессоров было очень мало, все большинство любило, чтобы студенты титуловали их «ваши п-во»...

...Вообще на естественный факультет поступают люди (по крайней мере, в мое время, когда он не успел еще сделаться модным факультетом) более развитые, чем на другие факультеты. Тут волей-неволей, худо-хорошо, а приходится заниматься и рассуждать: трехнедельным зубрением перед экзаменами ничего не поделаешь.

...на естественный факультет поступали люди более или менее развитые, и профессорам труднее было, чем на другом факультете, заслужить уважение своих слушателей. Одними громкими фразами трудно отделаться; требуются обширные фактические сведения, и нужно непременно следить за наукой. Всегда в курсе есть два-три специалиста, могущие обличить завравшегося профессора.

...Теперь я приступаю к описанию наших профессоров. Профессор зоологии очаровал нас на несколько лекций. Взойдя на кафедру, он сказал: «мы будем говорить о костях», и начал прямо с определения, что такое кость. Этим он прельстил всех слушателей. Надо отдать полную справедливость почтенному профессору: у него был дар рассказывать необыкновенно ясно, убедительно и красноречиво. К несчастью, сведения его далеко не соответствовали ораторскому таланту. Это обнаружилось скоро, именно, когда профессор дошел до мускулов; правда. Он столь же убедительно указывал места прикрепления различных мускулов, так что посторонний ни за что бы не заподозрил почтенного профессора в незнании, но на беду профессора были студенты, занимавшиеся анатомией помимо его лекций: эти-то студенты и указали другим на промахи профессора.

... Вообще, профессор зоологии имел удел пленять своими лекциями вновь поступивших студентов; со второго курса студенты начинали охладевать к его блестящим талантам. Все легко замечали, что у него есть коньки, на которых он любит выезжать, - к несчастью коньки эти были весьма незавидного свойства и скоро всем надоедали. Профессор до того увлекался и повторялся, излагая свои общие идеи, что лекции его становились невыносимо скучны; выносилось из них весьма мало; вся лекция легко умещалась на четвертке довольно крупного письма. К ошибкам почтенного профессора присоединялась еще крайняя небрежность изложения.

А между тем он был человек не без гордости и любил похвалиться своими учеными трудами.

...было однако что-то в этом человеке, что заставляло любить его, прощать половину его недостатков; была сила, был талант. Помню, как после похорон профессора мы сошлись «помянуть» его. Все удивились, отчего не было на могиле его произнесено ни одной речи. Стали рассуждать о профессоре и много теплых и душевных слов было сказано о нем. Все согласилось, что он обладал драгоценнейшим свойством: он умел внушать любовь к науке; он был похож на человека, который, указывая вперед, говорит: «идите туда, там хорошо» - но что именно хорошо он сам не знал; он слишком обленился, слишком долго засиделся на одном месте и трудно было ему сдвинуться с насиженного местечка.

...Антагонистом профессора зоологии и светилом факультета был профессор ботаники. Это был действительно человек весьма почтенный; солидный ученый и солидный профессор, знающий вполне свой предмет. Он вносил в университетский застой новую струю. При другом профессоре или адъюнкте - лучшего и желать бы не надо. Несчастье и в то же время великие достоинства профессора ботаники заключались в том, что он был специалист, занимавшийся известной частью предмета, именно низшими организмами, и потому знавший только один метод – изучение истории развития. Свою специальность он знал вполне удовлетворительно; я нисколько не сомневаюсь, что и другие части науки были ему хорошо известны, но он не обращал на них почти никакого внимания, а к систематике высказывал даже некоторое пренебрежение. Все уважали профессора, но учеников у него не было, да и быть не могло. Нельзя же назвать учениками господ, слепо поклонявшихся профессору, знавших только его мнения и ничего вне их знать не хотевших; они точно зазубрили урок и боялись не сбиться; даже выражения профессорские затвердили.

... Еще милее был профессор минералогии и геогнозии. Он был немец и по-русски говорил вроде того, как Вральман в «Недоросле», с той разницей, что смысл вральмановских речей понятен, а почтенного профессора часто совсем понять было нельзя.

... Я был у почтенного профессора на четырех, никак не больше, лекциях и передам читателям почти все, что вынес из его аудитории. На третьем курсе он читал минералогию. В юности своей профессор согрешил: при помощи студентов перевел свои записки на русский язык и предал из тиснению. На лекциях он раскрывал свою книжечку, вооружался пенсне и начинал читать, страшнейшим образом переверывая слова. Следя по книге, еще можно было понять, что читает ученый муж, но слушая, можно было или хохотать над его уморительным произношением или спать. Не желая заниматься ни тем, ни другим, я избрал благую часть: именно купил себе книжку и перестал ходить на лекции... Были однако охотники посещать аудиторию почтенного профессора, не пропускавшие ни одной его лекции. Я никак не мог понять, чего они там не видали? Не было им другого дела что ли? Или делали они это из приличия? Научиться они ничему положительно не могли; доказательством служит то, что знали они минералогию никак не лучше (если не хуже) нас грешных.

... На экзамене из третьего курса в четвертый, профессор, вызвав меня, встал с кресла, расшаркался и сказал: «честь имею рекомендоваться, профессор такой-то». Я отвечал ему тем же. После экзамена профессор изъявил надежду, что мы в будущем году будем чаще видаться. Я со своей стороны обнадежил его, и в то же время подумал: «как же, держи карман шире».

Доцент химии читал органическую химию. Систематическое, ясное, вполне научное изложение, прекрасные замечания и строгие интересные выводы из фактов – таков был характер его лекции. Он не производил фурора своими лекциями, но по выходе из аудитории всякий чувствовал, что вынес много нового и дельного; это был один из тех людей, которые заслуживают прочную известность, хотя им вначале приходится бороться с антипатиями некоторой части студентов.

Мне остается сказать еще несколько слов о преподавании добавочных предметов. Физика и физическая география читались профессором по книжке (т. е. буквально читались), изданной для военно-учебных заведений. Были охотники слушать эти упражнения профессора в русском чтении. Опытов почти не делалось; в два года не выдалось ни одного ясного дня для произведения опытов, необходимых для пояснения учения о свете. Что делать, в таком неблагоприятном для науки климате живем!

В мое время для натуралистов было обязательно посещение лекций начертательной геометрии и аналитической геометрии. Теперь математика считается ненужной для натуралиста; можно весьма и весьма сомневаться в этом. Жаль также, что уничтожены лекции начальной астрономии.

...Немного раньше для натуралистов читалось — чтобы вы думали? — История российского законодательства. Что за притча? Кажется, это потому, чтобы дать работу одному завалящему профессору, попавшему в университет по протекции. Уж очень было зазорно поручить ему читать на юридическом факультете, — ну и навязали ему натуралистов и камералистов. Этот профессор впоследствии издал свой курс, и говорят, много курьезов там есть; к несчастью не нашлось охотника разобрать его книжонку.

... В заключение весьма приятно порадовать читателей известием, что в настоящее время естественный факультет один из лучших не только в университете, но и в России.

Аверкиев Д. Университетские отцы и дети // Эпоха. — 1864. - №1/2. — 325-349

Грасс Людвиг Иеронимович

1841-1896

Юрист, экономист. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1863)

К. Д. Кавелин не находился со студентами в товарищеских отношениях, но его всегда видели в университете в аудитории и вне оной окруженного студентами; он ни малейшим образом не заботился о приобретении популярности между студентами, но авторитет его слова, даже вне кафедры, имел обаятельное для нас значение. К К. Д. Кавелину студенты обращались с такими просьбами, удовлетворение которых от него вовсе не зависело, по которым он сам должен был ходатайствовать у других. Для меня не вполне объяснимо, каким образом случилось, что К. Д. Кавелин был самым любимым профессором в то самое время, когда в университете находилось несколько профессоров, совершенно справедливо пользовавшихся заслуженным уважением и почетом со стороны студентов. Лекции гражданского права К. Д. Кавелин должен был всегда читать в самой большой 12-й аудитории, так как и эта едва вмещала всех желающих слушать его. Хотя предмет лекции не представлял современного интереса для лиц, не занимающихся исключительно юриспруденцией, но в числе слушателей гражданского права у Кавелина были военные, посторонние лица и даже дамы.

В моей памяти сохранился случай, свидетельствующий, как студенты слушались К. Д. Кавелина.

В 12-й аудитории перед лекцией Константина Дмитриевича в 1858 году была значительная сходка студентов, и вместе с теми лицами, которые пришли на лекцию, было наверное в аудитории и в коридоре около аудитории до 800 человек; сходка касалась какого-то вопроса по кассе вспомоществования недостаточным студентам, и молодежь много спорила и шумела. Когда наступило время лекции, К. Д. Кавелин остановился на пороге аудитории и громко, со свойственной ему точностью, сказал приблизительно следующее: «Господа, кто не предполагает слушать мою лекцию, прошу нам не мешать, иначе я сейчас уеду из университета». Водворилась полная тишина; К. Д. Кавелин взойшел на кафедру, многие вышли, и аудитория, как всегда, полная слушателей, при совершенной тишине и порядке, внимала чтению профессора.

... После того как в 1862 году Петербургский университет был закрыт, последовало распоряжение, чтобы студенты, родители которых не проживают в Петербурге, представили надежное за себя поручительство или оставили столицу. Мне достоверно известно, что К. Д. Кавелин выдал за многих из таких студентов поручительство, и, кажется, никто не обманул его доверия.

Грасс Л. Из воспоминаний о К. Д. Кавелине // Исторический вестник. – 1885. – Т. 21, № 8. – С. 295-297

Лебедев Василий Александрович

1833-1909

Правовед, экономист, финансист, профессор.

В 1867-1886 – приват-доцент, в 1886-1909 – профессор кафедры финансового права; в 1899-1901 - декан юридического факультета Петербургского университета.

«Прощаясь с Семеном Викентьевичем [Пахманом] весной 1857 года (он исправлял тогда должность инспектора, как выше сказано), я, конечно, не предчувствовал, что со временем встречу с ним уже в качестве коллеги-профессора в С.-Петербургском университете, пригласившем его в 1866 году занять кафедру гражданского права, после того, как он с 1859 г. занимал в Харьковском университете сперва кафедру полицейского права, потом гражданского. В Петербурге он 10 лет преподавал свой любимый предмет, неся несколько лет и обязанности декана; но вынужден был покинуть университет вследствие образовавшейся против него коалиции в Факультете и Совете. Опустим завесу на это прискорбное для университета и в частности для его юридического факультета обстоятельство, лишившее факультет такой крупной научной силы. Обстоятельство это не помешало однако Факультету в скором времени увенчать шеститысячной премией в память Сперанского его капитальный труд «Обычное гражданское право в России» (1877-1879), премией, великодушно пожертвованной г. Пахманом на учреждение стипендии для студентов университета, не пожелавшего сохранить его в среде».

«Впоследствии обязательность посещения лекций, по крайней мере в нашем Петербургском университете, стала чисто номинальной, благо в правилах для студентов сказано, что оное обязательно, а мер против нарушения этого требования никаких не указано. Опыт же контроля посредством наблюдения за полнотой вешалок привел только к тому, что гг. студенты стали платить оброк, так называемому «шинельному», чтобы он вешал на их номера запасные экземпляры фуражек, свидетельствующие их нахождение в стенах университета, тогда как они находятся, напр., у Доминика или в другом подобном, гостеприимном убежище. Число ленивых посетителей университета, а то вовсе почти не заглядывающих в него, как убедился я в течение моей долговременной службы университету, увеличивалось более и более с размножением литографированных курсов и по мере того, как курс каждого нового профессора приобретал известную устойчивость. Имея в руках записки, большинство студентов считало слушание устной речи преподавателя уже излишним, хотя бы он сообщал и нечто новое, чего в записках нет; ведь на экзамене можно как-нибудь обойтись и без этих дополнений. С появлением же печатных учебников (за отсутствие которых так много упреков сыпалось с разных сторон на нашу ученую братию), студенты стали еще реже появляться в аудиториях, более и более уподобляясь своему товарищу г. Гегидзе, автору книжки «В университете», «с отвращением»

подходившему к длинному зданию нашего Петербургского университета и предпочитавшему науке амурные дела, описанию которых не мало горячих страниц уделяет он в своей талантливо-написанной книжке.

Чтобы привлечь теперь студента в аудиторию, нужно или выбирать для лекций самые забористые темы, обладая при том хорошим лекторским талантом, или в самом себе, в своем прошлом или настоящем иметь что-либо политическое – привлекательное. Но, к сожалению, не все науки имеют пикантные стороны, не всякий профессор обладает качеством хорошего лектора, прекрасным органом и даром увлекательного изложения; да и не всякий решится, на потеху аудитории, услащать свою речь хлесткими фразами или подольше останавливаться на скользких сторонах своего предмета, если они имеются, - ради привлечения слушателей. И немногие, наконец, из профессоров окружены каким-нибудь ореолом, помимо своей учености, которая не очень-то ценится политиканствующей молодежью.

Возвращаясь к вопросу об учебниках, нельзя не отметить, что издание их имеет, конечно, ту хорошую сторону, что ими, во-первых, устранилась чепуха, нередко царившая, как в рукописных, так и в литографированных записках, кое-как составленных и не всегда внимательно просмотренных, а то и вовсе не просмотренных профессорами; во-вторых, прекратилась спекуляция издательства литографированных курсов, дававшая хорошие барыши издателям-студентам. Не знаю, как в других университетах, но в Петербургском, на юридическом факультете в 1870-80 гг. один издатель, бывший студент, - упростил свою задачу до того, что просто нанимал студента – стенографа, а то, кажется, и прямо сажал в аудиторию профессионального стенографа (благо с 1863 г. форма студенческая была упразднена), который и стенографировал по своему крайнему разумению, не различая существенного от маловажного, основоположений науки от пояснений и отступлений, которыми профессор старается иногда привлечь внимание слушателей и отдалить их утомление...

В настоящее время к услугам студентов, особенно по юридическому факультету, имеется масса учебников; удобства для изучения науки огромные; да и зрение меньше уже страдает, чем при чтении рукописных, литографированных или гектографированных курсов, не всегда разборчиво написанных и ясно оттиснутых... Казалось бы, только учись себе... А прибавилось ли этим знания у студентов, любви к науке, идущей им навстречу, не только с кафедры в форме живой беседы, но и в виде книги? Многолетний опыт не позволяет мне ответить на этот вопрос утвердительно. Сколь это ни печально, но опыт говорит, что из нескольких сотен студентов на курсе действительно интересуются и занимаются наукой – единицы; а остальные только и работают, что для экзаменов, перед самой их сдачей, для получения всеми правдами и неправдами дипломов. А затем поспешно начиненная разными науками голова быстро, так сказать, атрофируется и остаются в ней только кое-какие обрывки знаний, с которыми удостоенные дипломов 1-й и 2-й степени и вступают в жизнь «обществу на пользу», как гласит учебная молитва.

Итак, благодаря существованию учебников, труд студента теперь облегчен до последней возможности и посещение лекций стало считаться напрасной тратой времени. Уж как-бы, казалось, стипендиаты должны бы относиться с полным усердием к наукам, хотя бы из опасения лишиться стипендии в случае неуспешности; - но и между ними появились личности, постоянно живущие где-нибудь на кондициях вне столицы и получающие свои стипендии через товарищей. Вообще стоит ли, думают многие из студентов, терять время на сидение в аудиториях, когда можно с большим удовольствием употребить его, напр., на игру в винт или на бильярде, или даже с прямой пользой – на давание уроков, на подготовку к университету подобных себе господ или на другие занятия. Ведь есть учебники и – баста. Правда – экзамен дает проверку знаний; но при массе экзаменующихся и самый внимательный экзаменатор, наконец, утомляется, и не в силах уже основательно щупать познания особенно к концу, в

последние дни; к этому-то времени не только трусливые, но и плохо подготовившиеся и оттягивают всеми неправдами свое появление. Тут пускаются в ход и медицинские свидетельства, и сообщения о более или менее достоверных важных событиях в семье: о болезнях родителей, сестер и т. п.

Заявления деканов, что пропустивший свою группу, считается не сдавшим экзамена, обыкновенно оказываются гласом вопиющего в пустыне. Слишком уж велико у нас старание не огорчать молодежь строгим соблюдением правил. А эта снисходительность много способствует ее распущенности, - к ее же вреду в будущем».

«В Петербургском университете разряд камеральных наук, существовавший с 1844 г., был в 1860 г. преобразован в разряд административный, с устранением всего естественно-научного отдела. Мысль об этом преобразовании была, по-видимому, подана профессором Кавелиным в особой его записке, где пояснялось, что основой деления юридического факультета на разряды – юридический и административный должно быть то, что предметы главные одного отделения должны являться дополнительными для другого, т. е. читаться, соответственно разряду, в меньшем объеме, причем некоторые предметы (энциклопедия права, государственное право и международное) остаются общими для обоих разрядов.

Таким образом главными предметами для административного разряда были поставлены: политическая экономия, статистика, финансовое право, полицейское и торговое. А права: римское, гражданское, уголовное и история законодательств остались главными предметами юридического разряда.

При этом предполагалось иметь двойной комплект преподавателей для чтения факультетских предметов в большем или меньшем объеме, см. по разряду. Но за невозможностью добыть нужное число преподавателей, дело свелось к тому, что почти все предметы читались обоим разрядам одними и теми же преподавателями, отчасти совместно, отчасти порознь. Главным же признаком различия отделений было то, что юристы были освобождены от изучения статистики, а администраторы – римского права. Но за то для этих последних были учреждены практические занятия и специальные чтения по политической экономии, статистике, полицейскому и финансовому праву. Дело шло, казалось бы, очень хорошо; однако, после слишком 20-ти летнего опыта наш петербургский юридический факультет не нашел оправдания дальнейшему существованию административного разряда и упразднил его в 1882 г., причем римское право и статистика сделаны обязательными для всех слушателей юридического факультета.

Для меня поводы к этому упразднению остались неясными: неимение двойного комплекта преподавателей – на что указывал факультет в своей бумаге – довод довольно слабый в сравнении с пользой, которой можно было ожидать от более подробного изучения наук административных некоторой частью студентов. С недостатком же в числе преподавателей мы и при наличном нашем числе справлялись очень удачно. Я, например, читал финансовое право совместно 3-му и 4-му курсам администраторам в течение 2 учебных годов, по 3 ч. в неделю, а юристам сокращенный курс по 2-3 лекции, в один учебный год. В этом роде шло дело и с прочими предметами, не имевшими двух преподавателей. При этом соблюдалось правило, что предметы дополнительные должны быть прослушаны на первых двух курсах, чтобы на высших слушатели могли бы сосредоточиться вполне уже на главных предметах своих разрядов. Позже, с введением устава 1884 г., этот порядок зачем-то был изменен: некоторые из предметов дополнительных передвинуты на 3-й курс, а взамен их некоторые из главных – из 3-го во 2-й. Были ли тут какие-либо гонимые соображения ввиду большего числа слушателей на первых курсах – решить не берусь».

Лебедев, В. Учебные воспоминания. – Русская старина. – 1908. – Т. 136, октябрь - декабрь. – С. 249, 256-259, 725-726.

Добролюбов Николай Александрович

1836-1861

Русский литературный критик, поэт, публицист.

Окончил Главный педагогический институт (1857).

«Мне непременно хотелось поступить в университет. Папенька не хотел этого, потому что при его средствах это было невозможно, но он не говорил мне этого и представлял только невыгоды университетского воспитания и превосходство академического. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убедить: я был непоколебимо уверен, что если могу где-нибудь учиться в высшем заведении, то это только в университете. Но между тем я видел ясно, что для моего отца действительно очень трудно, почти невозможно было содержать меня в университете. Конечно, будь я порешительнее, я бы объявил, что хочу этого и что проживу там на пятьдесят целковых в год, только бы учиться в университете. Но я не хотел и не мог этого».

«В отчете министра народного просвещения напечатана великолепная бессмыслица, что студенты Главного педагогического института единодушно изъявили желание служить государю на военном поприще, оставаясь притом верными и обязанностям своего звания (!). Эта непонятная оговорка требует объяснения. Дело было вот каким образом. Желание военной службы было действительно единодушное, то есть желала этого одна душа нашего директора, да еще, может быть, человека три-четыре были немного склонны к этому желанию. У директора есть несколько приближенных к нему студентов, и он напустил их, чтобы студенты шли проситься в военную службу. Те объявили о желании директора, и на другой день человек двадцать отправились, некоторые из любопытства, другие – из желания выказаться перед начальником, третьи – чтобы посмеяться над всей этой комедией. Пришли к директору, и старый хитрец показал вид, что это желание его удивляет. Объяснился с ним за всех А. М. Груздев, насмешивший всех тем, что повторял беспрестанно, «как мы содержимся на казне и ничем не можем жертвовать, кроме себя». Однако же наконец директор представил министру, что студенты единодушно желают учиться маршировке и ружейной и артиллерийской стрельбе, не прерывая своих ученых занятий, - чтобы быть готовыми защищать отечество в случае нужды. Это представление возбудило в большей части студентов негодование и ужас. Многие решительно хотели отказаться от чести участвовать в единодушном директорском патриотизме. К счастью, представление не было приведено в исполнение, и институт получил только благодарность монаршую за искусный маневр директора».

«В недавнее время запрещено профессорам давать уроки экзаменующимся, а прежде этого Устрялов получал по 25 руб. за урок, и Касторский нажил себе дом частными уроками такого рода, при приемах и выпусках. Петрашевский, кончив экзамен в университете, бегал по коридорам и кричал всем, что латинский профессор поставил ему 5 за то, что он дал ему 200 руб., хотя он ничего не знал. Что касается до здешнего законоучителя, протоиерея Райковского, то он приобрел себе, кажется, всеобщую знаменитость своим взяточничеством. Рассказывают, что ни один студент не пройдет сквозь его руки, не давши ему пожить за свой счет. В этом году поступали в

университет двое моих знакомых, один был совершенно беден, другой имел состояние; они явились оба к Райковскому вместе, и один сказал о другом, что это его родственник, что они – бедные люди, что просят его обратить внимание на них – и дали ему 75 руб. На экзаменах один из них срезался, поп поставил ему а. «Что это значит – единица?» – спросил испугавшийся студент. «Да, единица, – отвечал, улыбаясь, поп, – идите». Оказалось, что он выставил ему тройку. Замечательно, что Райковский не ставит прямо баллов, как другие профессора, но отмечает буквами разных азбук: а, а, N, b, б, β и т. п., значения которых никто не знает. Разумеется, это для того, чтобы не отдать тотчас списков и иметь их в своих руках для поправки. Действительно, студент после плохого экзамена, явившийся к Райковскому и давший ему взятку, может быть уверен, что балл его будет поправлен самим попом».

«Однажды, выходя из университета, он видит, что какой-то человек обращается к швейцару, который шел отворить ему дверь, и спрашивает, кому нужно подать прошение о том, чтобы дозволили слушать лекции в университете. Услышав об университете, которого он почитал себя полным властелином, Мусин-Пушкин без церемонии обратился к спрашивающему и закричал: "Что ты тут расспрашиваешь? А меня, болван, не видишь разве?" Чиновник, хотевший слушать лекции, – был удивлен и отвечал, что он не знает, с кем имеет честь говорить. Попечитель распахнул свою шубу и, указывая на звезды свои, сказал: "Этого ты не видишь? Теперь ты не знаешь меня?.." – "По звездам вижу, что генерал, а по манерам, должно быть, – здешний попечитель", – сострил чиновник... Попечитель тут уже вышел из себя, разругал его как только мог хуже, чуть не прибил, окончил приказанием посадить его в карцер. Случилось, к несчастью, что чиновник этот близок был как-то к Нессельроду; он тотчас ему рассказал всю историю... Нессельрод написал к Норову. Норов призвал к себе Пушкина. Пушкин явился и прежде всего высказал свое оскорбление, что его смеют призывать нарочно, тогда как он имеет такие же права, старше по службе, больше орденов имеет, и пр. Норов, конечно, задетый этим, сказал ему: "Я пригласил вас по праву министра, и только затем, чтобы сделать вам выговор за ваше не деликатное и грубое обхождение с людьми, которые этого не заслуживают. Вы один из представителей русского просвещения, а каким вы себя показываете?.." Сказавши несколько назидательных слов в таком роде, Норов ушел, оставя попечителя в положении, далеко не утешительном».

«Есть у нас один студент, который имеет дар нарисовать карикатуру и вообще сострить... Некоторые из его произведений заслуживают того, чтобы быть отмеченными здесь. Раз он, например, нарисовал ряд попов в ризах и в головных украшениях, которые мало-помалу превращаются совершенно из скуфейки – в каску, а из камилавки – в кивера разного сорта... Подписано "Русское духовенство XX века". Это было в самый разгар военного николаевского деспотизма... Недавно он же нарисовал свиную голову на тарелке и подписал: "Усекновение честных главы Иоанна Давыдова..." В свиной физиономии, как мне кажется, необыкновенно хорошо схвачено выражение физиономии Давыдова... Он же написал раз комическое представление о том, как конференция Главного педагогического института рассуждала о вывеске институтской. Кроме характера многих профессоров, хорошо подмечено здесь и простосердечие А. Смирнова...

Другой студент, Н, написал недавно премиленькую статейку: "Хоры университетской залы во время концертов". Некоторые черты наших нравов и привычки властей подмечены довольно верно. Нужно желать, чтобы этот молодой мальчик развивался...».

«В университете акт, на котором Срезневский читал речь о палеографических трудах в России. Зыков находит, что его одушевление и жар, с которыми читал он, совсем нейдут к палеографии и что жаль, зачем этот живой, даровитый человек погубил себя мертвым

буквоедством. Не разделяя исключительности Зыкова, я, однако, должен согласиться с ним в отношении к Срезневскому».

Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 8. Стихотворения. Проза. Дневники. — М.-Л.: Изд-во «Художественная литература», 1964. — С. 451, 465-466, 475-476, 486-487, 498-499, 562.

Боборыкин Петр Дмитриевич

1836-1921

Русский писатель, драматург, журналист, публицист, критик и историк литературы, театральный деятель, мемуарист, переводчик.

В 1860-1861 годах посещал вольнослушателем лекции в Петербургском университете. В 1861 году держал кандидатский экзамен на юридическом факультете Петербургского университета и стал кандидатом права.

«Я знал, что в тогдашнем Петербургском университете на юридическом факультете существует так называемый "разряд административных наук", то есть такое же камеральное отделение, только без естественных наук и технологии, которые я слушал в Казани.

Это был как бы подфакультет политических наук, где слушались все юридические предметы, кроме церковного и римского права, судебной медицины, уголовного и гражданского судопроизводства.

Наезжая в Петербург еще дерптским студентом, я завязал знакомство и с тамошним студенчеством, главным образом через братьев Бакст, у которых один раз зимой и гостил на Васильевском острове. И я был в курсе многого, что делалось в университете, где тогда веяло уже новым духом, допущены были женщины, шло сильное движение, которое и разыгралось "событием" в сентябре 1861 года, когда университет был закрыт на целый год. Как раз в эту полосу я и попал; но на сдачу экзамена я посмотрел только как на завершение моих студенческих экскурсий в течение многих лет и приобретение диплома. Я решил поступить в вольнослушатели на второе полугодие 1860--1861 года. И надеялся употребить эти месяцы до мая включительно на усиленное чтение лекций и учебников; а экзамен сдать вместе с четверокурсниками отделения "административных наук". Из Дерпта я привез -- кажется, единственное -- рекомендательное письмо к тогдашнему ректору П.А.Плетневу от профессора русской словесности Розберга. О Плетневе я, конечно, имел понятие как о друге Пушкина и когда-то издателя "Современника". Я явился к нему, однако, не как будущий "вольный слушатель" -- это для меня не составляло никакой важной статьи, -- а как начинающий литератор....

Плетнев тогда был уже пожилой человек, еще бодрый на вид, хорошего роста, с проседью, с выбритым лицом, держался довольно прямо, с ласковым выражением глаз; смотрел больше добрым приятелем, чем университетским сановником -- в своем синем вицмундире со звездой. Он только что пришел с какого-то заседания и попросил позволения снять вицмундир и надеть домашний сюртучок. Все в нем отзывалось другой эпохой, вплоть до покроя коротких -- только по щиколку -- панталон и обуви на тонких подошвах, какую носил и мой дед. В литературные кружки он меня не обращал и не расспрашивал, с кем из петербургских литераторов я уже знаком. Как и оказалось потом, он стоял тогда уже совсем в стороне от литературного движения. К ректору у меня не было никакого дела, требующего особой рекомендации. Я по тогдашним правилам мог свободно поступить в вольные слушатели на второй семестр, внося плату -- что-то вроде двадцати пяти рублей. Эта цифра почему-то осталась у меня в памяти.

Самый университет не настолько меня интересовал, чтобы я вошел сразу же в его жизнь. Мне было не до слушания лекций! Я смотрел уже на себя как на литератора, которому надо -- между прочим -- выдержать на кандидата «административных наук»».

«В университет я редко заглядывал, потому что никто меня из профессоров особенно не привлекал: а время у меня было и без того нарасхват. Явился я к декану, Горлову, попросить указаний для моего экзамена, и его маленькая, курьезная фигурка в халате оставила во мне скорее комическое впечатление.

А «властителя дум» у тогдашнего студенчества почти что не было. Популярнее были Кавелин, Утин, Стасюлевич, Спасович. О лекциях, профессорах в том кружке, куда я был вхож, говорили гораздо меньше, чем о всяких злобах дня, в том числе и об ожидавшейся к 19-му февраля крестьянской «воле»».

«Надо было окончательно с первым великопостным колоколом засесть за чтение лекций и учебников.

Раздобыться лекциями по всем главным предметам было нелегко. А из побочных два предмета «кусались» больше главных: это курсы Спасовича и Кавелина.

Николай Неклюдов свел меня в аудитории с одним вольнослушателем Неофитом Калининым. От него я и пользовался многими записками. Мне предстояло сдавать с четверокурсниками. Экзамены начинались с мая. Времени, по моему расчету, хватало. Как бывший камералист, я уже сдавал экзамены из политической экономии, слушал части статистики, финансового права, уголовных законов Российской империи. Я смотрел на себя, уже как на писателя с большим университетским прошедшим, с привычкой к более серьезной работе. То, как я делал когда-то по химии и медицинским наукам, – все это стояло гораздо выше чтения лекций по предметам, не требовавшим никакой особенной остроты памяти или специальных дарований. Словом, готовился я с полной уверенностью в успехе и даже "с прохладой", в первые недели Великого поста продолжал выезжать по вечерам; бывал в концертах и на живых картинах.

Политической экономией начинались экзамены. Прочитал я учебник Горлова и еще две-три книги. Когда-то И.К.Бабст поставил мне в Казани пять с плюсом, и его преподавание было новее и талантливее, чем у Горлова.

Настало и то "майское утро", когда надо было отправляться на Васильевский остров и начинать мытарства экзамена. Предметов одних главных оказалось чуть не десяток: политическая экономия, статистика, русское государственное право, государственное право иностранных держав, международное право, финансовое право, торговое право и еще что-то.

Некоторых профессоров, например Ивановского, Андреевского, Михайлова, я и в глаза не видал и слышал очень мало о том, как они экзаменуют, к чему надо больше и к чему меньше готовиться.

Политическая экономия, худо ли — хорошо ли, вошла в чемодан памяти. Через день надо было отправляться.

И вдруг опять вести из Нижнего: отчаянные письма моей матушки и тетки. Умоляют приехать и помочь им в устройстве дел...

Как быть?

Еду в университет, ищу ректора, добрейшего П. А. Плетнева, наталкиваюсь на него в коридоре, излагаю ему мое затруднительное положение, прошу разрешить мне сдать все экзамены в сентябре, когда будут «перезэкзаменовки».

Он затруднился дать мне такой отпуск собственной властью, что меня несколько удивило, и тут же послал меня к попечителю.

— Иван Давыдович (Делянов) примет вас и сделает все, что можно.

Отправляюсь в дом Армянской церкви, где жил Делянов, и меня сейчас же принимают.

— Так и так — необходим отпуск и позволение держать в сентябре.

Иван Давыдович, ходивший со мною по кабинету мелкими шажками, остановился, положил руку на мое плечо и, подмигнув, сказал так сладко:

— Мой друг... у вас найдется знакомый доктор... добудьте свидетельство.

Я понял — какое.

И вот — в первый и в последний раз в моей жизни — я пошел на такую процедуру: добывание лжесвидетельства — по благосклонному наущению попечителя округа.

Больше мне никогда не приводилось выправлять никаких свидетельств такого же рода. Кто-то расписался в том, что у меня злокачественный «катар» чего-то, я представил этот законный документ при прошении и прервал экзамены, не успев даже предстать перед задорную фигурку профессора Горлова, которого так больше и не видал, даже и на сентябрьских экзаменах, когда он сам отсутствовал».

«И вот я опять студент, да еще житель Васильевского острова.

Вольнослушатель Неофит Калинин, с которым меня познакомил Николай Неклюдов, приготовил мне квартирку у какой-то немки в нескольких шагах от того дома, где он жил, — кажется, в 10-й линии.

И началось «зубрение». Странно выходило то, что всего сильнее мы должны были готовиться из двух побочных предметов — из уголовного права (с его теорией) и гражданского — оттого, что обоих профессоров всего больше боялись, как экзаменаторов — В. Д. Спасовича и К. Д. Кавелина.

Ни того, ни другого я еще лично не знал: Спасовича видел на «пробном» суде присяжных (когда судили студента за растрату); а Кавелина видал в аудиториях. Курс Спасовича был двойной: право с его теорией и история судебных учреждений, начиная с древности.

Тогда уже вышел его учебник, составленный очень подробно и набитый изложением разных теорий вменения; моему коллеге Калинину все это довольно-таки туго давалось.

И многое приходилось перечитывать по два и по три раза.

Читали мы целый день — до поздних часов белых ночей, часов иногда до двух; никуда не ездили за город, и единственное наше удовольствие было ходить на Неву купаться...

Нам, «администраторам», желавшим сдавать на кандидата, дали для сдачи всех главных предметов, (а их было около десятка) всего один день!

Через такой эксперимент я еще не проходил во всю мою долгую студенческую жизнь в двух университетах.

В Дерпте, когда я сдавал первую половину экзаменов («*rigorosum*»), как специально изучающий химию — я должен был выбрать четыре главных предмета и сдать их в один день. Но все-таки это было в два присеста, по два часа на каждый, и наук значилось всего

четыре, а не восемь, если не десять.

И тот дерптский экзамен был неизмеримо серьезнее, почти как магистерский, и в другой форме, не школьнически перед столом экзаменатора, стоя — студенты в мундире, — а сидя, в виде как бы продолжительной беседы.

Отправились мы в университет первого сентября. Мой коллега Калинин слушал всех профессоров, у кого ему предстояло экзаменоваться; а я почти что никого, и большинство их даже не знал в лицо, и как раз тех, кто должен был экзаменовать нас из главных предметов.

Большая аудитория (какая по счету — уже не помню), светлая, обставленная во все стороны столами. К правой стороне целых три экзаменатора. Горлов (политическая экономия и статистика) не явился, и за него экзаменовал один из тех, кто сидел на этой стороне аудитории. Я никого не знал в лицо. Спрашиваю, кто сидит посреди — говорят мне: профессор финансового права; а вот тот рядом — Иван Ефимович Андреевский, профессор полицейского права и государственных законов; а вон тот бодрый старичок с

военным видом — Ивановский, у которого тоже приходилось сдавать целых две науки разом: международное право и конституционное, которое тогда уже называлось «государственное право европейских держав».

Так и я стал обходить их по порядку.

Сейчас же мне бросилось в глаза то, что уровень подготовки экзаменующихся был крайне невысок. А сообразно с этим — и требования экзаменаторов. — У И. Е.

Андреевского, помню, мне выпал билет (по тогдашнему времени самый ходовой) «крестьянское

сословие», и я буквально не говорил больше пяти минут, как он уже остановил меня с улыбкой и сказал: «Очень хорошо. Довольно-с». И поставил мне пять, чуть не с плюсом.

То же было и у финансиста; а Ивановский, прослушав меня так минут по пяти на темы «морских конвенций» и «германского союза», поставил мне две пятерки и, в паузу, выходя в одно время со мною из аудитории в коридор, взял меня под руку и спросил;

— А как вы, молодой человек, думаете поступить по сдаче кандидатского экзамена?

Какую дорогу избираете?

Я понял это, как намек на то: «Не хотите ли быть оставленным при университете по одной из моих кафедр?»

Я ответил, что выбрал себе дорогу писателя и уже выступил на это поприще около года назад.

Ивановского любили, считали хорошим лектором, но курсы его были составлены несколько по-старинному, и авторитетного имени в науке он не имел. Говорил он с польским акцентом и смотрел характерным паном, с открытой физиономией и живыми глазами.

Так же быстро был мною сдан и экзамен из политической экономии и статистики, и, таким образом, все главное было уже помечено возжеленной цифрой 5. Оставалось только торговое право у бесцветного профессора Михайлова; и оно «проехало благополучно».

Такой экзамен напомнил мне николаевское время в Казани, а после дерптской «предметной системы» и гораздо большей серьезности испытаний — казался чем-то довольно-таки школьным, гимназическим.

И не мог я не видеть резкого контраста между такой плохой подготовленностью студентов (державших не иначе как на кандидата) и тем «новым» духом, какой к 60-м годам начал веять в аудиториях Петербургского университета.

Но одно дело — увлечение освободительными протестами, другое — усидчивый труд или по крайней мере общая развитость и начитанность. Некоторые студенты из петербургских франтиков прямо поражали меня своей неразвитостью. Они буквально не могли грамотно построить ни одной фразы, и нет ничего удивительного, что меня остановил Андреевский после пятиминутного ответа.

И забавнее всего было то, что такие «бакенбардиеты» (термин из «Гамлета Щигровского уезда») начинали сейчас же торговаться.

— Я не могу вам поставить больше трех, — деликатнейшим тоном говорил такому индивиду все тот же Андреевский.

— Нет-с, господин профессор! Я на этом помириться не могу! Мне необходима по меньшей мере четверка.

И такие спорщики преобладали.

На побочные науки были даны другие дни. Обязательным предметом стояла и русская история. Из нее экзаменовал Павлов (Платон), только что поступивший в Петербургский университет. Более мягкого, деликатного, до слабости снисходительного экзаменатора я не видал во всю мою академическую жизнь. «Бакенбардисты» совсем одолели его. И он, указывая им на меня, повторял:

— Как же мне быть, господа? Вот они (это я) как отвечали — и я ставлю им пять. Могут ли я, по совести, ставить вам столько же?

По русской истории я не готовился ни одного дня на Васильевском острове. В Казани у профессора Иванова я прослушал целый курс, и не только прагматической истории, но и так называемой «пропедевтики», то есть науки об источниках вещных и письменных, и, должно быть, этого достаточно было, чтобы и через пять с лишком лет кое-что да осталось в памяти.

Из всеобщей истории отвечал я М. М. Стасюлевичу на билет об «Аугсбургском исповедании».

Оставалось два самых «страшных», хотя и побочных, предмета: гражданское и уголовное право.

Кавелин считался еще более строгим экзаменатором, чем Спасович, хотя почему-то боялись его меньше.

Экзамен происходил в аудитории, днем, и только с одним Кавелиным, без ассистента. Экзаменовались и юристы, и мы — «администраторы». Тем надо было — для кандидата — добиваться пятерок; мы же могли довольствоваться тройками; но и тройку заполучить было гораздо потруднее, чем у всех наших профессоров главных факультетских наук.

С К. Д. Кавелиным впоследствии — со второй половины 70-х годов — я сошелся, посещал его не раз, принимал и у себя (я жил тогда домом на Песках, на углу 5-й и Слоновой); а раньше из-за границы у нас завязалась переписка на философскую тему по поводу диссертации Соловьева, где тот защищал «кризис» против позитивизма.

Молодой драматург, подходивший к столу брать билет из гражданского права у профессора, считавшегося, несмотря на свою популярность, очень строгим, не мог предвидеть, что более чем через десять лет сойдется с ним, как равный с равным. Кавелин видел меня тогда, кажется, в первый раз, но фамилию мою знал и читал если не «Однодворца», то комические сцены, которые я напечатал перед тем в журнале «Век», где он был одним из пайщиков и членов редакции.

Передо мной сдавал (на пятерку) студент-юрист Скалой, впоследствии известный кавалерийский генерал. Не знаю, для чего ему понадобился кандидатский диплом, так как он тогда уже говорил товарищам, что сейчас же поступит в лейб-уланский полк. Кавелин порядочно-таки «пронимал» его, заставил брать второй билет; прохаживался и по всему предмету. Все мы, чаявшие своей очереди, сейчас почуяли, что ответом в несколько минут тут не отвертишься.

Кавелин был тогда очень крепкий, средних лет и небольшого роста мужчина, с красными щеками, еще не седой, живой в движениях. Он носил — после какой-то болезни — на голове шелковую скуфью. Глаза его, живые и блестящие, зорко и экзаменаторски взглядывали на вас. Он не сидел, а двигался около стола, заложив руки в карманы панталон. Был он в вицмундире...

После бойкого претендента на кандидатскую отметку, собиравшегося в уланские юнкера, подошел я к столу и взял билет: «О личных отношениях супругов между собою» по X тому.

Я сказал то, что вспомнил из записок, которые мы подзубривали с Неофитом Калининым.

Кавелин заметил мне — строгонько в тоне, — что есть и другие виды супружеских отношений. Я ответил ему, что в записках, составленных по его лекциям, стоят только эти.

Ему такой ответ не понравился, и он заставил меня взять еще билет. Это было: «О поколенном и поголовном наследстве».

Тут он стал уже донимать меня, ловя на неточности формулировки разных определений, и кончил такой фразой:

— Господин Боборыкин, вы пишете очень милые вещи, но я больше тройки поставить вам не могу.

— Я и не требую, господин профессор, — сказал я, несколько взволнованный таким оборотом фразы. — Но позвольте вам заметить, что мое писательство не имеет никакого отношения к этому экзамену.

Он изменился в лице; но больше ничего не сказал.

Я вышел в коридор, а через несколько минут выкатил из аудитории студент — из дерптских буршей, высланный оттуда за дуэль, подбежал ко мне и бледный кинул мне: — Kul! Was hast du getan?!

Он обвинил кругом меня в своем жестоком провале у Кавелина, которого я рассердил своим ответом, и он поставил ему единицу.

Предстояло идти ко второму «пугалу» тогдашних юристов и администраторов, к В. Д. Спасовичу.

Кто бы сказал мне тогда, что с этим профессором, которого на экзаменах боялись как огня, мы будем так долго водить приятельство, как члены шекспировского кружка, и что он в 1900 году будет произносить на моем 40-летнем юбилее одну из приветственных речей?

Спасович тогда заболел к началу наших испытаний и явился позднее. Дело было вечером. С подвязанной щекой от сильнейшего флюса, хмурый и взъерошенный, он сидел один, без ассистента, за столом, кажется, в той самой аудитории, где он зимой был председателем студенческого суда присяжных.

Большая аудитория — в полутьме, с двумя свечами на столе. У дверей в коридоре — студенты, «идущие на пропятие», скучились и, совершенно как чиновники в «Ревизоре», смертельно боятся проникнуть в то логовище, где их пожрет жестокий экзаменатор. Я был одним из первых смельчаков.

Спасович действительно своим тогдашним видом мог смущать даже и тех, кто оказался похрабрее. Но этот устрашающий вид не помешал ему оказаться экзаменатором если и не во вкусе И. Е. Андреевского, то весьма справедливым и нисколько не придиричвым.

Мне надо было брать два билета — по двум курсам, и их содержание до сих пор чрезвычайно отчетливо сохранилось в моей памяти: «О давности в уголовных делах», и о той форме суда присяжных в древнем Риме, которая известна была под именем «*Questiones perpetuae*».

Хмурый экзаменатор, раздраженный зубной болью, по своей привычке все подталкивал меня своим «ну-с, ну-с», но ни к чему не придирился и по обоим ответам поставил мне по четыре, что было более чем достаточно для «администратора».

Так как по главным наукам у меня в среднем была пятерка, то я мог быть спокоен насчет приобретения кандидатского диплома».

«А в самом университете как раз с первых чисел сентября началось усиленное брожение. Я помню сцену, когда один из студенческих вожаков, Н. Неклюдов (будущий шеф государственной полиции) догонял попечителя, генерала Филипсона, во главе группы студентов, вступал с ним в переговоры и ставил свой ультиматум.

Всю эту смуту заварил новый министр Путятин с своими «матрикулами», которых русские университеты до того не знали, и студенты посмотрели на это как на что-то унижительное и архиполицейское.

Но такие самые матрикулы издавна существовали в Дерпте, и я пять лет имел у себя книжку, с которой там, у немцев, все мирились и даже считали ее совершенно необходимой в учебном быту.

Она называлась «*Anmeldungsbogen*» или — как студенты чаще называли — «*Belegbogen*». В ней прописывалась специальность студента (я, например, назывался «возделывателем химии» — *chimiae cultor*) и стоял перечень предметов его разряда. И так как мы там

сдавали побочные предметы, когда нам вздумается, то тут же профессор и ставил отметку, а по окончании семестра делал другую отметку — о посещении студентом его предмета. Но на практике установилось так, что вы всегда получали отметку: «изредка посещал» (*zuweilen besucht*), хотя вы и глаз никогда к нему не казали.

И вот такие-то (или вроде того) матрикулы и подняли всю академическую бурю. Мы на радостях с Неофитом Калининым вкушали сладкий отдых от зубренья и несколько дней не заглядывали в университет. Мне захотелось узнать — получил ли я действительно средний балл, дающий кандидатскую степень, и пошел, еще ничего не зная, что в это утро творилось в университете, и попал на двор, привлеченный чем-то необычайным. Прежде всего я узнал в калитке стоявшего для наблюдения — кого же? Моего цензора Нордштрема, в шляпе и шинели, с лицом официального соглядатая. Но ведь он был чиновник Третьего отделения и получил это «особое» поручение, с драматической цензурой имевшее мало общего.

И судьба подиутила над ним: в эту минуту над тысячной толпой студентов, на лестнице, прислоненной к дровам, говорил студент Михаэлис, тот приятель М. Л. Михайлова (и брат г-жи Шелгуновой), с которым я видался в студенческих кружках еще раньше. А он приходился... чуть не племянником этому самому действительному статскому советнику и театральному цензору.

Я попал как раз в тот момент, когда с высоты этой импровизованной трибуны был поставлен на *referendum* вопрос: идти ли всем скопом к попечителю и привести или привезти его из квартиры его (на Колокольной) в университет, чтобы добиться от него категорических ответов на требования студентов.

Толпа решила — идти, и вся она прямо со двора двинулась в порядке через Дворцовый мост по Невскому.

Пошел и я туда же.

День был ясный, теплый, точно праздничный. Ни около университета, ни на мосту, ни на площади Зимнего дворца — никто эту процессию не останавливал. Были тут и вольнослушательницы, и немало сочувствующих в штатском платье.

По Невскому студенты шли по солнечной стороне, тихо, без пения, не вызывая никакого замешательства в движении пешеходов и экипажей.

Публика оглядывалась, больше улыбалась и расспрашивала участников процессии. Ни одна лавка не закрывалась, и на всем протяжении Невского до Владимирской и дальше до Колокольной никто не разгонял студентов.

Попечитель жил в одном из небольших домов, видных от решетки церкви. Тут я остановился, и все, что потом происходило у дома и по всей улице, с Владимирской было мне хорошо видно.

Первый приехал в карете тогдашний начальник Третьего отделения граф П. Шувалов; вышел из кареты в одном мундире и вскоре поспешно уехал. Он-то, встретив поблизости взвод (или полроты) гвардейского стрелкового батальона, приказал ему идти на Колокольную. Я это сам слышал от офицера, командовавшего стрелками, некоего П — ра, который бывал у нас в квартире у моих сожителей, кн. Дондукова и гр. П. А. Гейдена — его товарищей по Пажескому корпусу.

Стрелки выстроились. На балконе того дома, где жил попечитель, показалась рослая и плотная фигура генерала. Начались переговоры. Толпа все прибывала; но полиция еще бездействовала и солдаты стояли все в той же позиции. Возжаки студентов волновались, что-то кричали толпе товарищей, перебежали с места на место. Они добились того, что генерал Филипсон согласился отправиться в университет, и процессия двинулась опять тем же путем по Владимирской и Невскому.

Во всем этом на взгляд стороннего зрителя не было ничего похожего на «бунт», на «разгром» и даже на воинственную «манифестацию». Для простой публики было даже невдомек, что, собственно, тут происходит?

И когда студенческая толпа двинулась в обратный путь, возжаки — из тех, кого и я знал в лицо, — пришли в радостное возбуждение. Из них самый сильный по характеру был Михаэлис, потом Николай Неклюдов, Николай Утин, Чубинский, Покровский и др. Подневольное следование попечителя со всей студенческой братией по Невскому было, конечно, небывалым фактом. Но победа, увы, оказалась чем-то вроде поражения, потому что дальше пошло гораздо хуже. Демонстрация из-за матрикул перед главным входом окончилась побоищем. Действовали Преображенский и Финляндский полки. Здание было занято военным постом, что я сам видел, когда пришел узнать — как стоят дела. Сени — со стороны Невы — похожи были на кордегардию. Обер-полицмейстер Паткуль хвалился, однако, что он действовал, как настоящий джентльмен и делал «все возможное».

Началось следствие с арестами и разбирательствами, которое затянулось до половины зимы. Главная роль пришлось на долю проф. Андреевского. По его предмету: полицейскому, или (как в Москве проф. Лешков уже величал его тогда) «общественному», праву — я подал и диссертацию. Материал для нее доставил мне один еще дерптский мой знакомый, служивший в министерстве государственных имуществ.

Диссертация называлась так: «О мирских капиталах, вспомогательных и сберегательных кассах у государственных крестьян».

Тема, как видите, весьма далекая от всех моих тогдашних первенствующих интересов, как писателя. Но материал достался мне стоящий, да вдобавок еще отвечавший общему настроению — в сторону мира, деревни, крестьянства.

Но прежде всего надо было бы еще раз повернее узнать: получим ли мы с моим Неофитом Калининым кандидатские баллы. Разброд в университете был полнейший.

Фактически он не существовал. Отметки были у нас, несомненно, кандидатские.

Диссертацию я быстро изготовил, уже переселившись с Васильевского острова в квартиру, где опять поместился с моими прошлогодними сожителями, в том самом квартале, где произошла студенческая манифестация, на Колокольной, также близ Владимирской церкви, в одном из переулков Стремянной.

С университетом прямая связь прервалась. Здание «Двенадцати коллегий» стояло пустое. Студенчество рассеялось. Много было «сосланных» и «высланных», разбирательство затянулось очень надолго. Кроме всяких «кар», надо было позаботиться и о материальном положении студенческой массы.

Всем этим заведовал популярный тогда «Иван Ефимыч», то есть все тот же профессор полицейского права — тоже пикантное совпадение.

Чтобы добыть кандидатский диплом, надо было получить удостоверение о том, что диссертация моя просмотрена и одобрена профессором по этому предмету, то есть опять-таки все тем же вездесущим «Иваном Ефимычем».

Помнится мне мое посещение его квартиры. Это было вечером. Я нашел его в самом пекле его «административных» хлопот... Что-то вроде справочной конторы, с постоянным приходом и уходом студенческой братии. И маленькая юркая фигурка Андреевского, в беспрестанном движении, справках, ответах, распоряжениях, выслушивании всевозможных жалоб, требований, просьб.

Дошла очередь и до меня. Конечно, он не помнит, что я ему отвечал на экзамене по двум предметам.

— У вас лежит и моя диссертация, Иван Ефимович.

Он вопросительно усмехнулся.

Я постарался напомнить ему содержание ее.. Он засуетился, стал искать в картонках и в полках этажерок.

Видно было, что если она и попадала ему в руки, то не оставила в его памяти никакого заметного следа.

— А как заглавие вашей диссертации? — спросил он, убедившись, что у него ее нет.

— «О мирских капиталах и вспомогательных и сберегательных кассах у государственных крестьян».

— Хорошо-с! Я так и напишу.

Хранится это злополучное рассуждение в архивах Петербургского университета или нет? — я не знаю.

Но я получил кандидатский диплом уже в январе 1862 года на пергаменте, что стоило шесть рублей, с пропиской всех наук, из которых получил такие-то отметки, и за подписью исправляющего должность ректора, профессора Воскресенского. Когда-то, дерптским студентом, я являлся к нему с рекомендательным письмом от моего наставника Карла Шмидта по поводу сделанного мною перевода учебника Лемана.

Если б какой-нибудь казуист пожелал доказывать, что у меня диплом был от фактически не существовавшего университета, ему не трудно было бы доказать это, так как действительно тогда университет, в смысле академической деятельности, не существовал.

Я по необходимости забежал вперед. За это время университет успел перебраться отчасти в залы Думы, где открылись публичные лекции самых популярных профессоров. Это поддерживало связь его с обществом, со всем тем Петербургом, который сочувствовал молодежи даже и в ее увлечениях и протестах. Возмездие, постигшее студентов, было слишком сильно, даже и за то, что произошло перед университетом, когда действовали войска. Надо еще удивляться тому, что лекции в Думе могли состояться так скоро.

И во мне они поддерживали связь с миром академической молодежи, и я (хоть и в самый разгар моих тогдашних писательских дебютов и всяких столичных впечатлений и испытаний) посещал эти лекции довольно усердно, и при мне разыгралась знаменитая сцена на лекции Костомарова. Но о ней я расскажу позднее в связи с другими фактами тогдашнего брожения».

«Заккрытие университета подняло сочувствие к нему всего города. На Невском в залах Думы открылись целые курсы с самыми популярными профессорами...

Молодая публика, принимавшая участие в судьбе петербургского студенчества — до и после «сентябрьской» истории, — была обрадована открытием курсов самых известных профессоров в залах Думы.

Главный контингент аудиторий Думы были, конечно, студенты и курсистки, хотя тогда такого звания для женщин еще не существовало.

Хозяевами являлись исключительно студенты. Они составляли особый комитет, сносились с лекторами, назначали часы лекций, устанавливали плату. Их распорядители постоянно находились тут, при кассе и в разных залах.

Одним из самых деятельных распорядителей был студент Печаткин, брат издателя «Библиотеки», женатый на одной из самых энергичных тогда девиц*. Впоследствии он занимался издательством, держал, если не ошибаюсь, и свою типографию.

Все шло хорошо. Курсы имели и не мало сторонних слушателей. Из лекций, кроме юридических, много ходило к Костомарову.

Николай Иванович никогда не был блестящим лектором, и злоупотреблял даже цитатами из летописей, и вообще более читал, чем говорил. Но его очень любили. С его именем соединен был некоторый ореол его прошлого, тех мытарств, чрез какие он прошел со студенческих своих годов.

И недавняя его «пря» (диспут) с Погодиным в зале Пассажа поднимала его популярность. Я ходил аккуратно на несколько курсов, в том числе и к Костомарову. И мне привелось как раз присутствовать при его столкновении со студенчеством.

Боюсь приводить здесь точные мотивы этой коллизии между любимым и уважаемым наставником и представительством курсов. Но Костомаров, как своеобразный «хохол», не считал нужным делать что-то, как они требовали, и когда раздалось шиканье по его

адресу, он, очень взволнованный, бросил им фразу, смысл которой был такой: что если молодежь будет так вести себя, то она превратится, пожалуй, в «Расплюевых»».

«После долгого закрытия университета молодежь вернулась в него еще в 1862 году. Но я не помню, чтобы она заявляла себя в двухлетний период 1863—1865 годов чем-нибудь выдающимся. Не было «историй», но академическая жизнь вошла в другую колею, гораздо более тусклую. Университет разом лишился своих лучших профессоров еще в 1861 году из-за столкновения с начальством: Кавелина, Костомарова, Спасовича, Утина, Пыпина, Стасюлевича; а профессор П. Павлов попал в ссылку за одно восклицание с эстрады: «Имеющие уши слышать — да слышат!»».

Боборыкин, П. Д. Воспоминания в двух томах. Т. I. За полвека (главы I-VIII). – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. – С. 186, 229, 235-237, 244-256, 272, 284-285, 399-400.

Модзалевский Лев Николаевич

1837-1896

Русский педагог, детский писатель и поэт.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1859).

«Университетский период моей жизни (1855-1859 г.) имел еще более решительное влияние на всю мою жизнь и определил мое положение в обществе. Избрав по призванию филологический факультет, я стал усердно посещать лекции, в которых услышал много уже знакомого, но с новой точки зрения, и это было особенно привлекательно для меня. Некоторые профессора даже увлекли меня новизною учения, высотой идей и прекрасным изложением, и я почувствовал прелесть науки, но сам не скоро коснулся ее. Мне долго казалось, что вся наука – в устах профессора, и что довольно только слушать его, записывать и выучивать к экзамену, чтобы усвоить себе всю науку. Наконец, это заблуждение стало рассеиваться; я уже подходил к сокровищам знания, но обстоятельства вовлекли меня несколько в другую сторону...

Отрицание самое беспощадное, необходимое для обновления старой жизни, из общества проникло в университет и нашло здесь самую благоприятную почву. Прежние принципы нравственности и гражданственности, особенно не удовлетворявшие нас – молодежь – были смело и торжественно отвергнуты нами, а новые еще не были отысканы. Да их никто и не спешил искать и всю энергию расточал на отрицание. Если же и были приняты некоторые новые начала, то их надо было еще проверить – и вот мы принялись за их осуществление в жизни, ничего не щадя для их торжества... Пользуясь предоставленною нам свободою, к которой так не привыкли, мы скоро перестали посещать лекции строгих и скучных профессоров, дававших науку в каких-то мертвых формах, а ходили в аудиторию только к тем, которые старались применить науку к решению насущных вопросов, к разрушению старого зла, и раскрывали перед нами новые, свежие идеалы, от скорейшего осуществления которых, казалось, зависело все счастье нашей государственной, общественной, семейной и индивидуальной жизни...

Предприняли даже издавать печатный периодический «Сборник» из серьезных статей самих студентов, разных факультетов. Я на один год был выбран редактором от филологического факультета, но редактировать было почти нечего: спокойное занятие наукой было невозможно в это бурное время (ea tempestate). Мы спешили завести собственный студенческий суд, свою кассу для вспоможения бедным товарищам, свою больницу, свою библиотеку, бесплатные школы для бедных детей, - одним словом, мы,

самые крайние идеалисты, кинулись в практическую деятельность. Начальство сначала одобряло наши благородные стремления, помогало нам хорошенько устроиться. Но мало-по-малу наша студенческая жизнь со сходками и журналами стала принимать несколько политический характер, ибо мы стали толковать не об одних своих, но и об общественных делах, а в своих школах видели прекрасное средство вести новую пропаганду, образовать новое, свежее поколение. К этому направляла нас и вся текущая литература. Особенный ход получили у нас проникавшие с Запада начала социализма, материализма и даже атеизма. Сен-Симон, Бюхнер, Фейербах - бы-и любимым предметом чтения и в секретных изданиях расходились между студентами. Вообще мы много читали, особенно запрещенного, много писали, много говорили и хлопотали, но учились мало. Хороших руководителей у нас не было, а начальству и многим профессорам мы не верили. Иные профессора сами стали заискивать нашего расположения. Для сношения с начальством в общих делах избирались постоянные или экстренные депутаты, и я то и дело ходил вместе с другими депутатами по начальству, чтобы выпросить новую льготу или отстоять уже приобретенную. Представительство такое хотя и угрожало мне опасностью, ибо начальство смотрело на таких депутатов, как на беспокойных и вредных зачинщиков, но льстило моему самолюбию. Мне было даже не страшно пострадать за общее дело...

В университете, как и в гимназии, я жил исключительно в товарищеском кружке, сильно огрубевшем от своей замкнутости, от недостатка благотворного влияния женского общества. При всеобщем отрицательном направлении, в жизни нашей явилась какая-то распушенность, уживавшаяся с самыми благородными стремлениями и порывами.

Притом же мы незаметно отвыкли и от всякого спокойного, сурового труда, который не блеснул, не давал скорых плодов. Наша односторонность и некоторая испорченность была несознаваема нами, но со стороны правительства, всегда недоверчивого, а теперь в особенности, а следовательно и со стороны университетского начальства уже началась реакция. Мы заметили желание сдержать нас, отнять наши лучшие права и вознать нас в прежнюю колею, и вот мы решились самоотверженно отстаивать нашу свободу. Но эти подвиги предстояли уже не мне, а моим младшим товарищам... Переходя по экзамену из курса в курс, я через четыре года оказался на выпуске, сдал еще раз полный экзамен за 4 года, представил диссертацию, и со степенью кандидата оставил университет, но не совершенно. Я не мог разорвать всякую связь с ним и желал даже не студентом продолжать старую студенческую жизнь, к которой так привык, которую так любил...».

«На некоторых курсах филологического факультета было по 2-3 человека, а потому наш I курс (1855 г.), состоявший из 5 человек, оказывался уже многочисленным. Стипендий было крайне мало, а размеры их более, чем скромны. Так, со 2-го курса я, по ходатайству факультета и во внимание к моей бедности и отличным успехам, был удостоен Советом университетской стипендии по 7 р. в месяц, что привело молодого студента, пробывавшегося частными уроками, переводами, статейками и даже перепиской, в неописанный восторг. Только на восточном факультете были тогда «генеральские» стипендии по 25 р. в месяц, без которых никто не хотел изучать таких языков, как калмыцкий или китайский».

«Наиболее влиятельными профессорами у филологов в то время были: по русской литературе – А. В. Никитенко и М. И. Сухомлинов; по славянским наречиям И. И. Срезневский; по древним языкам – Н. М. Благовещенский и И. Б. Штейнман; по истории – М. С. Куторга, М. М. Стасюлевич и Н. И. Костомаров; педагогию читал А. И. Фишер, а богословие, логику и психологию – протоиерей Янышев, в обширную аудиторию которого стекались все факультеты и притом без всяких принудительных мер. Студенты вообще любили слушать продуманную и прочувствованную речь о. Янышева, который, к

сожалению, недолго оставался на своей кафедре. Имена вышеназванных профессоров, большинство которых оставило глубокие следы и в науке, и в умах своих слушателей, достаточно определяют то строго-научное и в то же время вполне жизненное направление, которое тогда господствовало и не у одних филологов. Куторгу, Костомарова, Сухомлинова, Стасюлевича приходили слушать и юристы, и камералисты, и восточники, а филологи нередко заглядывали к Ценковскому (по ботанике) или Куторге старшему (по зоологии), или к Андреевскому (по законоведению). Научные интересы с одной стороны и жизненные вопросы нового, столь богатого надеждами царствования, держали университетскую молодежь в самом возбужденном состоянии. У каждого из профессоров (мы разумеем преимущественно филологический факультет) была группа своих приверженцев и последователей, и профессора, принимая во внимание разнообразие и громадность факультетских предметов, предоставляли студентам возможность предаваться по преимуществу той или другой специальности, причем по другим обязательным предметам, оказывалось возможное снисхождение. Так, одни особенно увлекались историей, другие по преимуществу любили славянские языки, третьи посвящали себя древне-классической литературе и т. д. Но самым близким и влиятельным профессором, душою филологов в конце 50-х годов был тогда еще молодой, скромный и замечательно трудолюбивый М. И. Сухомлинов, преподававший сравнительную грамматику, древне-русскую литературу и русские древности. Около него преимущественно группировались тогдашние, столь еще немногочисленные филологи, а отчасти студенты и иных факультетов, питавшие интерес к литературным занятиям».

«Существовали также между филологами так называемые литературные беседы, происходившие сперва в помещении самого университета, а затем, благодаря поддержке учебного начальства, в зале 5-й гимназии. На этих беседах бывал и М. И. Сухомлинов, бывший душою и этого предприятия. На литературных беседах особенно деятельное участие своими трудами или их обсуждением принимали студенты-филологи: А. М. Скабичевский, Макушев (Викентий Васильевич, известный славист), Л. Н. Майков, П. Н. Распопов, а также Вс. Вл. Крестовский, А. П. Пятковский и др., а я был избран товарищами распорядителем этих вечеров, устраивавшихся на товарищескую складчину. После князя Щербатова новый попечитель И. Д. Делянов вначале также весьма покровительственно относился к студенческой молодежи, среди которой тогда уже образовалась своя студенческая касса для взаимной помощи и было положено начало студенческой библиотеке, которая, впрочем, постоянно нуждалась в материальных средствах и потому не могла получить серьезного развития».

«Литературное оживление между студентами того времени было столь велико, что в среде их издавался рукописный юмористический журнал «Светочъ», в котором принимали участие главным образом студенты Н. П. Распопов, Соковнин (основатель 1-го в России Красноуфимского реального училища с земледельческим отделом и учредитель магазина «Сотрудник школ»), Боголюбов и др.; я был также в их числе. Экземпляр «Светоча» посылался и тогдашнему просвещенному попечителю князю Щербатову, зорко и с любовью следившему за направлением университетской молодежи».

«Под руководством профессора Сухомлинова, в 1857 году было предпринято издание особого печатного органа под названием «Студенческий сборник», в числе редакторов которого состоял и я. Этот сборник, в котором, между прочим, было напечатано едва ли не первое литературное произведение Д. И. Писарева, имел строго научный характер; впрочем, за недостатком средств и научного материала, «Сборник» после двух книжек прекратился».

«Впрочем, случаев исключения из университета за беспорядки в студенческий период мой почти не было; но аресты были нередки. В случае каких-либо приключений или волнений ректору П. А. Плетневу обыкновенно удавалось все дело улаживать домашним образом, да и вмешательство самого попечителя, бывавшее в редких случаях, благодаря близости отношений к студентам Мусина-Пушкина и князя Щербатова, знавших их почти поголовно, не влекло за собой ничего особенно ужасного и оканчивалось благополучно. Тогдашний инспектор студентов, столь памятный для них А. И. Фицтум-фон-Экштет, умевший устраивать в университете столь прекрасные музыкальные утра, знал чуть ли не биографию каждого студента, посещал их на квартирах, часто принимал у себя, доставлял уроки, сажал под арест, а еще чаще распекал за такие ужасные проступки, как длинные волосы, воротнички, или неимение при себе шаги на улице. Соблюдение формы, треуголка, отдавание чести и т. п. дисциплинарные правила были тогда строго обязательны и держали молодежь, так сказать, подтянутой, по крайней мере, во внешнем отношении».

Модзалевский, Л. Н. Из педагогической автобиографии. – СПб.: Издание книгопродавца Н. Г. Мартынова, 1899. – С. 16-20.

Бильбасов Василий Алексеевич

1838-1904

Русский историк и публицист, специалист по правлению Екатерины II.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1861). В 1866 году был приват-доцентом всеобщей истории в Петербургском университете.

*«Вопрос об экзаменах выяснился совершенно. Срезневский утвердительно говорит, что для экзамена не нужно будет ехать в Москву. Теперь передаю вам данный им мне совет, который меня поставил в тупик, после моих встреч с Михаилом Семеновичем: Срезневский говорит, что если я хочу выдержать экзамен, то необходимо должен свезти предварительно диссертацию к Куторге и просить его личного суда; «это, говорит Срезневский, польстит ему, а без этого не советую вам являться в Университет; Куторга не такой человек, чтоб пропустил кого-либо кто идет помимо его». Это его собственные слова, - что же мне делать? Недели через три окончу диссертацию и спрячу в стол, до получения от вас совета или до личного свидания с вами. Срезневский прав; но ведь Куторга едва ли найдет что-либо порядочное в диссертации человека, прошедшего Университет без него; на отзыв же Куторги, что он не ожидал во мне такой подготовки какую встретил, я смотрю не более как на предварительный *Juda's Kiss*, которым он только отметил свою будущую жертву. Скажу вам откровенно, упреждая ваш ответ: если вы найдете нужным отвезти ему работу на просмотр, я отвезу; но если он потребует изменения всего труда, то ведь я в состоянии запереть в стол диссертацию и не держа экзамена уехать года на два за границу; Куторга может дать добрый совет; но если он будет при этом руководствоваться тем, что я ваш ученик, то ведь я должен буду разойтись с ним не дружелюбно. Вот в каком я положении, и представьте же себе с каким нетерпением я жду вашего ответа».*

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. I. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – С. 353.

Барсуков Николай Платонович

1838-1906

Русский археограф, историк и писатель, библиограф.

В 1859—1861 году был вольнослушателем в Петербургском университете.

«В августе 1859 года, я вступил вольным слушателем в Императорский С.-Петербургский Университет. На мое счастье, кафедру Русской Истории занял Н. И. Костомаров, и с ноября того же 1859 года, начал свои вдохновенные лекции. Все они, от первой до последней, были мною записаны. Мне довелось быть свидетелем, и славы Костомарова, и захождения этой славы, в 1862 году.

Иных, как говорят, лекции Костомарова влекли на площадь; меня же неудержимо потянули они к Полному Собранию Русских Летописей, изданному по Высочайшему повелению Археографической Комиссией; а потому я и до сей минуты с благодарностью и благословениями поминаю и буду поминать до скончания жизни моей это почтенное имя...

31 марта 1861 года, Костомаров прочел свою последнюю лекцию в Университете, а в самом начале мая я уехал в Тамбовскую деревню моих родителей, в село Ивановку. Так как Костомаров предполагал читать в следующий 1861-1862 академический год о Московском Государстве, то я счел полезным пробывать некоторое время в Москве, чтобы на месте сколько-нибудь ознакомиться с Кремлевскими Древностями; но, не имея в то время в Москве, ни руководителей, ни нужных книг, я и в половину не мог достигнуть своей цели. Пробыв в Москве с 8 до 20 мая, я уехал в деревню, и там занялся приведением в порядок записанных мною лекций Костомарова.

Среди этих занятий, меня как громом поразило полученное из Петербурга известие о закрытии нашего Университета. Вскоре после того, в Московских Ведомостях появилось объявление, еще менее утешительное, от университетского начальства: «Студенты и вольнослушатели, желающие продолжать университетский курс, приглашаются подать прошение на имя г. ректора Университета. Прошения эти должны быть опущены в ящики городской почты. Конверты эти городская почта доставит г. ректору бесплатно, в продолжение времени со дня этого объявления до полуночи, с пятницы на субботу, т. е., с 6 на 7-е октября. Недоставившие в этот срок студенты будут считаться уволенными из Университета, а вольнослушатели – заявившими свое желание не посещать лекций».

Прочитавши это объявление только 14-го октября, я тотчас же решил обратиться с следующим просительным письмом к ректору Университета П. А. Плетневу: «Домашние обстоятельства задержали меня в деревне до первых чисел октября. 7-го собрался было ехать в Петербург, но совершенно неожиданно прочел в Московских Ведомостях о закрытии нашего Университета, в котором нахожусь вольным слушателем уже третий год. Это печальное известие остановило мой выезд. Я решился, дабы не прожиться даром в Петербурге, ожидать извещения в газетах об открытии. Ныне же, 14-го октября, я прочел в Московских Ведомостях объявление университетского начальства. И так, ваше превосходительство, вы изволите видеть, что мне не было физической возможности представить в назначенный срок мое прошение, при всем моем пламенном желании продолжать и окончить уже начатое учение; а потому я вполне надуюсь на ваше доброе и сочувствующее всему доброму сердце, что вы войдете в мое положение и примете прилагаемое при сем прошение».

Чтобы подкрепить свое прошение ходатайством почтенного лица, я отправился в Липецкий уезд, к короткому знакомому Плетнева, а моему родственнику, Петру Борисовичу Бланку, с просьбой замолвить обо мне слово ректору С.-Петербургского Университета. Просьба моя была исполнена, и Бланк, между прочим, писал к Плетневу: «Племянник моей жены, при сем препровождающий прошение и письмо, не был в числе студентов во время происшедших беспорядков и не от своей вины запоздал подачей

прошения, а потому я позволяю себе, помня лестное ваше благорасположение ко мне, покорнейше просить вас, не отказать Николаю Барсукову в продолжении начатого им учения; ибо цель этого молодого человека заключается в желании образовать себя, почему, зная ваше всегдашнее просвещенное покровительство такому стремлению, я ни мало не сомневаюсь, чтобы мое настоящее ходатайство могло быть неприятно вашему превосходительству».

В то самое время, когда я с трепетным чувством ждал ответа на свое прошение, сам Плетнев находился в жалком положении. Осенью того же 1861 года, посетил его М. Н. Лонгинов и застал в университетском правлении одного, печального и тревожного. «Университет» - писал Лонгинов – «был совершенно пуст и глядел как-то совершенно уныло; я встретил в сенях только профессора Кавелина, который сказал мне, что приехал подать в отставку. Плетнев был один. Он обнял меня с особенным чувством, и я не мог быть равнодушным, свидясь с ним чрез много лет в тех же, издавна любезных нам обоим стенах, которые сами, в научном благочестии своем, как будто стыдились того, что сделались свидетельницами происшедших нелепостей и произведенных буйств, столь недостойных храма науки. Мы, разумеется, прежде всего завели речь об этих грустных обстоятельствах. Добродушный Плетнев не мог говорить о них без негодования, особенно против тех людей, которые довели молодежь до совершения неразумных ее поступков».

Я продолжал томиться ожиданием ответа Плетнева и, не дождавшись, решился, в начале декабря 1861 года, ехать в Петербург. На другой день по приезде, побежал в Университет, но на дверях его я прочел безотрадное:

Оставь надежду навсегда!

Вхожу и что же вижу? Безжизненную пустыню на месте оживленного храма науки, и мерзость запустения воцарилась на святом месте! В университетском правлении отыскали, по моей просьбе, мое письмо, на котором я прочел своеручную резолюцию П. А. Плетнева: Исполнить желание г. Барсукова, т. е., получить матрикулы. Но вместе с тем чиновники университетской Канцелярии сказали мне, что Университет закрыт и неизвестно когда откроется...

Удайтесь, улетите

Пылкой юности мечты!

И так, собрав крупницы, добытые мною двухлетним усиленным трудом с трапезы науки, я положил беречь их и по возможности преумножать...».

Барсуков, Н. Воспоминания о Н. И. Костомарове и А. Н. Майкове. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898. – С. 3-7.

Скабичевский Александр Михайлович

1838-1910/1911

Русский литературный критик и историк русской литературы либерально-народнического направления.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1861).

«Нерешительно и пугливо вошел я в треугольной шляпенке и с жалкой ипаженкой на боку в заднюю дверь университета с невской набережной, и неприветливо встретила меня новая alma mater. Прежде всего огорошил меня седовласый швейцар, знаменитый Савельич.

- Ну, ты что? - обратился он ко мне со своею обычною фамильярною грубостью. - Новичок? Пиши вот в книге имя, отчество, фамилию.

Затем он повел меня в шинельную и там показал, где мне следует вешать верхнее платье.

- Ты смотри, всегда тут и вешай, под этим самым номером; можешь и фамилию свою тут надписать.

Я поднялся наверх. Все было тихо, безмолвно; вокруг ни души. Толкнулся было в двери, ведущие в коридор; они оказались заперты, и стоящий при них сторож грубо спросил меня:

- Куда?

- Мне нужно слушать историю - Касторского...

- Так чего же во-время не приходили? Теперь профессора уже пять минут как читают, и никого пускать не велено.

Так я и не попал на первую лекцию, которую собирался слушать, и целый час должен был просидеть в сборной зале в полном одиночестве, глотая синий дым карпиуса, которым в обилии курили каждое утро по всем залам и аудиториям университета.

Вообще, в первый год моего пребывания в университете (1856) николаевский режим чувствовался еще во многом. Число студентов не доходило и до 500. По городу они были обязаны ходить не иначе, как в полной форме, в треуголках и при шпаге, и только вечерком, в потемках, дерзали у себя на Васильевском пробежать в фуражке к товарищу или в трактир. Ношение усов, бороды и длинных волос--было строго запрещено. Каждый военный генерал, встретивший студента не в полной форме, особенно если студент не остановился перед ним во фронт, имел право отправить его на гауптвахту, а инспектор Фицтум-фон-Экстедт нарочно поутру простаивал на лестнице и сажал в карцер каждого студента, явившегося в университет не в полной форме.

Курение в университете было строго воспрещено, как и в гимназиях, и столь же строго взыскивалось. Коридор во время чтения лекций запирался, как мы уже видели, с обоих концов, и ни один студент не допускался в него. Лишь по окончании лекций, во время перемены, двери растворялись, и студенты бродили взад и вперед до начала следующей лекции, но особенным многолюдством и в это время коридор не отличался. Среди него продолжала красоваться медная пушка довольно больших размеров на лафете, свидетельствуя о том, что и университет не избег вторжения военного режима последних лет николаевского царствования, и в то время, как в гимназиях учили ружейным приемам, студенты упражнялись в пушечной пальбе.

Нужно ли говорить о том, что ни о каких союзах, землячествах, кухмистерских, кассах и т. п. не было и помину. Студенты были изолированы до последней степени. Они имели возможность собираться лишь для выпивки, в самом ограниченном числе, у себя в квартирах или в ресторанах. Излюбленными студенческими ресторанами на Васильевском в мое время были "Лондона и Гейде в Кадетской линии, Кинша -- в Первой, "Золотой Якорь" -- в Седьмой и Тиханова -- на набережной против Николаевского моста. Нужно заметить при этом, что выпивки и картеж не только дозволялись студентам, но и поощрялись. Так, генерал-губернатор Бибииков, при посещении Киевского университета, по слухам, обратился к студентам с публичною речью, в которой заявил им, что они могут безнаказанно пьянствовать и развратничать сколько пожелают, лишь бы не касались политики,-- этого он не потерпит.

Подобное соизволение начальства не осталось втуне. Надо же было куда-нибудь деть избыток молодых сил при полном отсутствии общественных интересов и томительной скуке и апатии, царивших в обществе. И вот, студенты продолжали пополнять хронику кутежей и скандалов по традициям, унаследованным от отцов и дедов. Правда, сыновьям и внукам не угнаться было в этом отношении ни по количеству выпиваемых напитков, ни по изобретательности подвигов, но все-таки и их более скромные попойки и скандалы были внушительны. Подписывая: молодежь не могла ограничиться одними солидными философскими спорами и пением застольных студенческих песен. Молодая

кровь бурлила и влекла из душевных комнат на простор; являлось неудержимое желание как-нибудь особенно оригинально и дерзновенно почудить и удивить вселенную. И вот, то разбивали рестораны или иное увеселительное заведение, то, идя пьяною ватагой по Николаевскому мосту, сбивали и бросали в Неву с прохожих шапки, то перевешивали вывески магазинов, то залезали в колодцы и пугали подъезжающих лошадей, неожиданно вскакивая и осаживая их за узду назад, то выходили на балконы плясать в костюмах Адама, то забирались на чужие свадьбы, пользуясь тем, что на свадьбах обыкновенно гости со стороны жениха не знакомы с гостями со стороны невесты, и т. п. Подобные скандалы не всегда обходились благополучно и зачастую кончались ожесточенными, а порою и кровопролитными столкновениями с полицией... Казалось бы, главным и в то время единственным оплотом против терпимой и поощряемой начальством деморализации студентов должна была явиться наука: если бы студенты увлекались ею под влиянием талантливых и богатых эрудицией профессоров, то, конечно, им не пришло бы в голову разбивать кабаки или сбрасывать с прохожих шапки. Но профессора, по большей части, представляли из себя застегнутых на все пуговицы своих форменных мундиров, тщательно выбритых чинуш, помышлявших лишь о том, как бы успешнее угодить начальству и снискать побольше наград, чинов и крестиков.

Несколько профессоров пользовались, правда, общою и заслуженною известностью. Таковы были Кавелин и Спасович на юридическом факультете, Степан Куторга на естественном, Чебышев на математическом. К этим именам присоединились впоследствии на филологическом факультете Костомаров и Пыпин. Вот и все светила С.-Петербургского университета. Следует отметить также И. И. Срезневского, М. С. Куторгу и М. М. Стасюлевича.

К сожалению, Срезневский, наделенный недюжинным умом и большою эрудицией, не даром носил имя Измаила: в нем было что-то цыганское, лукаво и плутовато подмигивающее. Цыганство это проявлялось как в перекочевках из одной специальности в другую, из провинциального университета в столичный, так и в ловком умении снискивать земные блага...

М. С. Куторга, обладавший прекрасным даром слова и обширными знаниями, пользовался большою популярностью в качестве специалиста по древней истории. Но и с ним произошло то же, что с Срезневским в Харькове; при том гонении, какое было в то время воздвигнуто на классицизм, лекции Куторги, в свою очередь, показались подозрительными, и ему было воспрещено чтение древней истории; пришлось перейти на среднюю и новую.

Как даровитый и знающий профессор, и эти предметы он читал порою увлекательно, но, конечно, не с тою научною основательностью, как излюбленный предмет, которым занимался с юных лет. К тому же, больной, раздражительный, он часто бывал не в духе, и тогда лекция его были вялы и снотворны. После же того, как он не поладил со студентами (об этом речь впереди), он окончательно начал неглижировать лекциями. В 1859 году, после трехлетнего пребывания за границей, начал читать курс средней истории Михаил Матвеевич Стасюлевич. Писарев в своей статье "Университетская наука" изобразил Стасюлевича, как известно, под псевдонимом Иронианского; изображение это, в общих чертах, довольно верно, так что мне остается присоединить лишь несколько замечаний.

Так, я нахожу, что Писарев правильно подметил в почтенном профессоре страсть к щегольству и пусканию слушателям пыли в глаза, постоянные усилия говорить остроумно и изображать цивилизованного европейца, обращаясь за панибрата с генералами и министрами ученого мира, слушателей ослепляя оригинальностью и богатством своих заграничных впечатлений, наблюдений и исследований, объявляя студентам на первой лекции, что, по примеру заграничных университетов, он намерен читать три курса: publica (общий курс), privata (частный) и privatissima (самый

частный), коверкал на иностранный манер некоторые фамилии с давно уже вошедшим у нас в обычай произношением (Шеуспайр, Мекаулей и пр.).

Щегольство это было недостатком почтенного Михаила Матвеевича, очевидно, коренившимся в его крови. Я, по крайней мере, знал его очень еще молодым человеком, в должности учителя Ларинской гимназии: и тогда уже он удивлял нас своею щеголеватостью; вицмундир его всегда был с иголки; батистовый платок распускал по всему классу запах дорогих духов; он и тогда уже блистал отборными иностранными словечками и оборотами...

И, тем не менее, я все-таки нахожу, что характеристика Писарева слишком уже жестока, Положим, Стасюлевич не был человеком строгой, учености, и все эти его *privata* и *privatissima* оказались чистым пухом. Положим, для своих публичных лекций он целиком брал статьи тех или других иностранных ученых и излагал их перед слушателями в переводе не всегда правильном. Но за ним все-таки остается заслуга талантливого и красноречивого популяризатора. Ведь и сам Писарев в своих научных статьях был не более, как популяризатор. Не даром аудитории Стасюлевича постоянно были переполнены. Что из того, что две публичные лекции, прочитанные Стасюлевичем с большим успехом в большой зале университета, "О состоянии французских провинций при Людовике XIV", оказались не более, как переводом с французского? Большинство слушателей Стасюлевича все равно до переведенной статьи никогда во всю свою жизнь не добралось бы, а тут они прослушали ее в блестящем изложении даровитого оратора, и, конечно, не без пользы⁹.

Писарев и сам, между прочим, замечает, что сравнительное достоинство лекций Стасюлевича было, действительно, велико. Он выражался языком современной науки; видно было, что он понимает предмет, о котором говорит, и умеет высказать то, что думает. Каждая лекция его заключала в себе какую-нибудь идею, связывающую или, по крайней мере, пытавшуюся связать между собою сообщаемые факты. Этого уже было достаточно для слушателей.

Ко всему этому следует прибавить, что история никогда не забудет той важной заслуги Стасюлевича, что он был в числе тех шести профессоров, которые в 1861 году выразили свой гражданский протест против наступления реакционных порядков выходом из университета.

Во главе университета стоял ректор П. А. Плетнев. Идеальный учитель русской словесности в 20-е и 30-е годы в женских институтах и при дворе, друг Пушкина, панегирический его критик, сотрудник, а потом и издатель "Современника", Плетнев попал в профессора словесности и ректоры чисто по протекции. В мое время он ничего уже не читал, а был лишь археологическою редкостью, на одном ряду со стоявшей в коридоре пушкой. Он представлял собою нечто совершенно безличное, слабохарактерно-мягкое, расплывчатое. Влияния его в делах университета как-то совсем не замечалось. Студенты относились к нему безразлично, именуя его "кривою коровою" - вследствие того, что какие-то язвы на боку заставляли его кривиться на сторону.

Кафедру древней истории после Куторги занимал М. И. Касторский.

Это был седой, как лунь, старичок с весьма длинным и узким черепом, так что голова его имела форму редьки хвостом вверх. Лицо его вечно пылало розовым пламенем, а на губах скользила такал лукаво-игривая улыбочка, как будто он готовился рассказать скабрезный анекдот.

Читал он лекции по ветхим тетрадам синего цвета, отмечая каждый раз ногтем место, до которого дочитывал. Несмотря на то, что, по словам Писарева (в статье "Университетская наука"), он разыгрывал, а не читал свои тетрадки, кряхтя и изнывая, когда герои его страдали или сходили в могилу, и придавал своей красной физиономии шаловливое выражение, когда героини спотыкались на пути добродетели, лекции его были крайне снотворны, студенты лишь изредка показывались в его аудитории, и хотя Писарев и говорит, будто была заведена очередь между ними для записывания лекций, по

я что-то не помню этой очереди; зато хорошо помню, что к экзамену у нас не оказалось никаких записок. Мы решили отвечать ему по учебнику Смарагдова; так и сделали, и этого оказалось вполне достаточно: мы получали по полному баллу.

Писарев, между прочим, говоря о служебном усердии Касторского, замечает, что Касторский читал всякую историю, какую назначат, -- то древнюю, то русскую, то новейшую, и что если бы ему поручили читать специальную историю Букеевской орды или Абиссинской империи, то это бы его нисколько не затруднило. И, в самом деле, мы видим, что Касторский с 1839 по 1843 год занимал даже кафедру славянских языков. Вообще в те времена ни мало не стеснялись вопросом о специальности, предполагая, что раз человек дослужился до генеральских чинов, то все равно -- заставить ли его командовать войсками, или управлять любым министерством, и точно так же -- раз ученый муж получил степень магистра или доктора, то он с равным успехом может подвизаться на кафедрах начертательной геометрии или древне-греческой литературы. Кроме Касторского, был еще в мое время историк Н. А. Астафьев, характеристику которого Писарев сделал в своей статье под псевдонимом Ковыляева. Псевдоним этот был обусловлен, конечно, хромотою Астафьева на одну ногу. Астафьев читал сначала среднюю историю вместо Стасюлевича, потом новую взамен Куторги...

Древние языки в мое время находились в самом плачевном состоянии. Едва разбиравшие Корнелия Непота, а по греческому языку не знавшие еще и азбуки, студенты предназначались к слушанию высшего курса древней филологии. Конечно, ни о каком таком курсе не могло быть и помышления. По латинскому языку лектор Лапшин на первом курсе читал Тацита, а на втором - Горация с самыми элементарными примечаниями. На третьем и четвертом курсах великодушный Н. М. Благовещенский, при всей пышности своего красноречия, довольно-таки снотворно читал римскую литературу и древности.

На кафедре греческого языка подвизался профессор Штейнман. На первом курсе он читал речь Демосфена "О короне", а на следующих довольствовался Гомером. Кроме того, чудак, на двух старших курсах он читал историю древне-греческой литературы по-латыни. Не знаю, кто его слушал, да и слушал ли кто-нибудь. Я, по крайней мере, присутствовал лишь на первой его лекции, но, конечно, ни аза в глаза не понял, и в течение всех двух лет не являлся более ни на одну лекцию. К тому же лекции эти, повидимому, были не обязательны; я не помню, по крайней мере, чтобы экзаменовался у Штейнмана по истории литературы. Должно быть, он сам понимал, что лекции по-латыни неодолимы для его слушателей. Зачем же, спрашивается, он их читал?

Забавно было, когда на первой лекции первому курсу, приступая к речи Демосфена, Штейнман предложил, не желает ли кто из студентов переводить текст *a livre ouvert*. И вдруг вызвался один лишь слушатель, способный исполнить предложение профессора, да и тот оказался случайно забредшим на лекцию Штейнмана математиком Цветковым; остальные же, как я уже сказал, не знали и азбуки. Цветкова потом заменил Писарев, который, подобно Цветкову, учился в классической третьей гимназии и хорошо был подготовлен по обоим древним языкам.

Еще курьезнее, что на экзаменах, не исключая и выпускного, мы выходили, как школяры, со шпаргалками за рукавами и с пометками на полях текста, и нас, будущих кандидатов, которые завтра же получали право быть учителями в гимназиях по обоим древним языкам, спрашивали формы склонений и спряжений, в которых мы все еще путались. Русская словесность, в свою очередь, довольно-таки прихрамывала. Древне-русскую литературу читал М. И. Сухомлинов суховато и вяловато, и студенты не засыпали на его лекциях, благодаря лишь либеральным фейерверкам, о которых говорит Писарев в своей статье, характеризуя Телицына. Надо, впрочем, отдать справедливость Сухомлинову, фейерверки эти производились искренно, от всей души, и почтенный профессор пользовался вполне заслуженною репутациею среди студентов, тем более, что в 1857 году оказался впереди студенческого движения.

Историю новейшей литературы, к нашему несчастью, читал А. В. Никитенко. Несмотря на то, что он был еще в поре - ему было не более 52--53 лет, - он представлял в умственном отношении полную развалину. Лекции его заключались сплошь в том, что он, с пафосом размахивая руками, декламировал стихи Ломоносова, Державина, Жуковского и Пушкина, стараясь внушить своим слушателям, какие в них заключаются высокие эстетические красоты. Но тщетно раздавался его зычный голос в почти пустой аудитории: слушателей на его лекциях никогда не бывало более трех, четырех. Записок по его предмету у нас никаких не было, мы совсем не готовились к его экзамену, выходили отвечать экспромтом, довольствуясь кратенькой биографией каждого писателя и восхищениями по поводу тех или других эстетических красот, и экзамены сошли у нас блистательно: все мы получили по круглой пятерке. Был в нашем факультете еще один антик в лице знакомого уже нам Адама Андреевича Фишера. Некогда он читал курс философии, но когда на философию было воздвигнуто гонение, как на науку крайне зловредную, ведущую к потрясению всех основ, философия была изгнана из всех университетов, и на долю Фишера остался курс педагогики...

Фишер мог знать отлично русский язык - теоретически, но что практически он изъяснялся на совершенно ломаном русском языке, об этом я могу засвидетельствовать, так как в течение десяти лет, - в гимназии и потом в университете, - слушал его коверканье русского языка. И я сам своими ушами слышал, на первой его лекции, как он делил педагогику именно на три "баловинь". Мы смеялись над таким курьезным делением, но в то же время очень хорошо понимали, что подобное антиматематическое деление происходит просто-на-просто от плохого знания русского языка, и что слово "баловинь" следовало понимать в смысле "отдел".

Лекции Фишера вообще читались, хотя и по-русски, но на таком непонятном языке, что было бы все равно, если бы он читал их по-немецки или по-латыни, подобно Штейнману. Прослушавши две-три лекции, мы перестали посещать его аудиторию. На экзамене у него у нас не было никаких записок, мы совсем не готовились, но сговорились, чтобы каждый вызванный к столу после двух-трех фраз, смотря по содержанию билета, затевал спор с профессором, и таким способом отделялся бы от ответа. Так мы и сделали. Не знаю, уж, заметил или нет профессор нашу проделку (может быть, и заметил, но по душевной доброте своей махнул на нас рукою), только с каждым из отвечавших он вступал в ожесточенный спор, выходя порою из себя в отстаивании своих положений, и в результате отпускал экзаменуемого, поставив ему полный балл. Все, таким образом, получили у него по пятерке), и с торжествующим хохотом, как победители, мы отправились всем курсом вверх по Неве на двухвесельном ялике праздновать за городом свою победу.

Я не знаю уж, как другие факультеты, но наш филологический, в общем, представлял собою зрелище крайнего упадка. Упадок этот сказывался не только в том, что, кроме двух-трех человек, профессора были - или жалкие бездарности, или отсталые от науки, дослужившие до пенсии, старички, но и все, что делалось на факультете, делалось как-то спустя рукава. Все имело вид чего-то невсамделишного, как выражаются дети, - опереточного. Словно профессора только притворялись, будто читают лекции, а студенты даже и не притворялись, а откровенно отсутствовали, и профессора нисколько не смущались, читая в пустых аудиториях. Вместе с тем, словно сознавая свою академическую несостоятельность, они все под-ряд удивляли нас своею снисходительностью, и, как бы ни отвечал студент на экзамене, все равно получал полный балл, дававший право на кандидатскую степень. Ответы же студентов отличались порою анекдотическою нелепостью, ни мало не уступавшие рассказу Фонвизина в его записках о том, как один из студентов отвечал на экзамене, что Волга впадает в Белое море, другой -- в Черное, а сам Фонвизин признался, что не знает. Ровно сто лет спустя, в Петербургском университете некий студент на выпускном экзамене назвал Тецеля американцем вместо доминиканца... Другой студент на экзамене из

древней истории назвал греческий огонь "феу грегоис", прочтя в своих записках по-гречески французские слова feu gregois.

Вот какими знаниями обладали филологи, выходившие из С.-Петербургского университета кандидатами в 1861 году».

«Критическое отношение к профессорам и пренебрежение к большинству их явились, конечно, не сразу, а развились постепенно, по мере ознакомления с составом факультета, на третьем и четвертом курсах. Первокурсник же вступает обыкновенно в университет с преувеличенными понятиями о трудностях университетских занятий, в каждом профессоре видя жреца науки и жадно внимая всему, что произносится на кафедрах, тщеславясь тем, что ему не какие-либо элементарные сведения сообщают, как школяру, а, как взрослого человека, посвящают во все тайны науки.

То же было и со мною в первые месяцы пребывания в университете. Перед началом лекций я предполагал, что у меня дни и ночи будут поглощены университетскими занятиями: прощай и литература, и Семечкин, и здоровье! Я не сомневался, что у меня в скором же времени разовьется злейшая чахотка.

Как же я был удивлен, когда оказалось вдруг столько свободного времени, что некуда было его и девать. Приходилось прослушивать всего-на-всего двенадцать лекций в неделю. Я записывал их без труда; они легко запоминались, и я долгое время находил, что из каждой лекции приобретаю что-нибудь полезное...».

«Не замечал я, что и в университете начало кое-что шевелиться. Так в течение учебного года 1856/57-го устраивались в одной из больших аудиторий философские диспуты с проф. Фишером по вопросу о бытии бога, при чем студенты отрицали бытие, а Фишер оппонировал им и старался доказать, что, «когда мы обзираем всю вселенную, мы видим, что она не без духа»...

Отрицать бытие бога, и при том в таком публичном месте, как университет, казалось в то время верхом безумной отваги и отчаянной дерзости. Все так и ждали, что смельчакам не сдобровать, что, по меньшей мере, они будут исключены из числа студентов, а чего доброго - и разосланы по монастырям для утверждения их в догматах православия. И каково же было общее удивление, когда дерзость их сошла им с рук совершенно безнаказанно!

Ни на одном из этих диспутов я не был, ибо не знал и об их существовании. Не знал и о том, что 26 октября 1856 года было подано студентами прошение в совет университета об издании студенческого сборника.

Но и в моей темнице оказались скважины, в которые успели проникнуть лучи солнца и не замедлили произвести на меня свое живительное влияние. Когда 30 января 1857 г. вышло разрешение министра народного просвещения на издание студенческого сборника, об этом разрешении, конечно, тотчас же стало известно по всему университету. Дошло известие и до моих ушей.

Вскоре были назначены факультетские студенческие сходки для выбора редакторов сборника. Явился на сходку и я. Были объявлены кандидаты. Началась закрытая баллотировка, и все были удивлены, когда сверх объявленных кандидатов несколько голосов было подано за меня. Голоса эти принадлежали, очевидно, ларинцам, которые знали меня, как юнца, заявившего в гимназии литературное призвание. Но большинство было в полном недоумении, какой такой объявился вдруг не ведомый никому Скабичевский, и это открыто заявленное удивление было тяжким ударом для моего самолюбия, глубоко меня взволновавшим и пробившим широкую брешь в моей затхлой темнице. Я дал себе слово добиться во что бы то ни стало, чтобы университет узнал, что такое Скабичевский...

Во главе издания сборника стал проф. Сухомлинов. Редакторы собирались к нему на совещания два раза в месяц, а 20 апреля была устроена общая студенческая сходка, с

целью открытия предприятия и призыва всего студенчества к участию в нем. Обширная, устроенная амфитеатром XI аудитория была битком набита студентами и посторонними посетителями. Впереди сидели редакторы и несколько нарядно разодетых женщин...

Я не в состоянии передать энтузиазм, которым были исполнены присутствовавшие, в том числе и я. Энтузиазм этот дошел до высшей точки кипения, когда Сухомлинов, большой вообще мастер по части патетических заключений своих лекций (см. ст. Писарева "Университетская наука", о Телицыне), прочел прочувствованную речь, после которой последовал оглушительный взрыв долго не смолкавших рукоплесканий.

Не помню, в чем заключалось содержание речи, но могу сказать наверное, что она была самая банальная и состояла из одних общих мест. Да и все предприятие издания сборника было крайне эфемерное и не выдерживало самой снисходительной критики. Не даром Добролюбов, при всем естественном желании поощрить студентов, отозвался о нем в "Современнике" не вполне благосклонно.

В самом деле, кому были нужны эти студенческие сборники? Судя по двум выпускам, можно полагать, что единственная цель предприятия заключалась в издании научных исследований студентов, производимых под руководством профессоров. Работы эти могли быть очень полезны для студентов, но, конечно, ни для публики, ни тем более для специалистов ни малейшего интереса не могли представлять подобного рода зеленые плоды незрелой мысли.

Понятно, что сборник не пошел дальше второго выпуска. Замечательно, что вместе с сборником стушевался и Сухомлинов. Впереди его ждала блестящая ученая карьера: в 1864 году он был сделан ординарным профессором Спб. университета, затем членом Академии Наук, снискал почетную известность своими научными исследованиями, но во главе студенческого движения он уже не стоял и прежнюю популярность слушателей не пользовался. Не был он и в числе профессоров, оставивших в 1861 году университет... Чем же, однако, объясняется тот энтузиазм, который охватил весь университет по случаю издания сборника и проявился столь бурно во время сходки 20 апреля?

Причина этого энтузиазма заключалась в том, что если сборник и не стоял на высоте своего призвания по части чистой науки, зато удовлетворял другой потребности, вполне живой и лежавшей в духе времени: именно потребности в объединении находившихся в полной изолированности студентов.

Будучи общим самостоятельным делом всего университета, сборник связал студентов в одно корпоративное целое. Раз он выполнил; эту роль, он оказался более не нужен. Объединенные студенты занялись другими общими делами, лежащими в духе того общественного движения, которое, усиливаясь с каждым днем, отвлекало молодые умы от чистой науки».

«Результаты того объединения студентов, какое совершилось на почве издания сборника весною 1857 года, не замедлили проявиться осенью того же года, в самом: начале семестра. Начать с того, что число студентов к этому времени удвоилось: оно простиралось уже до 600. Студенты вдруг, словно по какому-то наитию, почувствовали свою силу, сознали, что они хозяева в университете. Начался ряд освободительных действий.

В один прекрасный день, студенты толпой человек в двести собрались перед дверью коридора и потребовали, чтобы дверь была отперта и не запиралась в течение всего дня. Когда же сторож запротестовал, его прогнали, дверь выломали, и студенты шумною толпою вторглись в коридор. После этого он никогда уже не запирался.

Затем последовала вторая победа: студенты начали курить в стенах университета, и когда начальство, в лице инспектора и его помощника, было воспротивилось такой вольности, ему отвечали:

- Мы не дети и не школяры. Мыслимо ли в продолжение нескольких часов не иметь возможности ни разу затануться? Попробовали бы сами!

И начальство должно было уступить, с тем, впрочем, условием, чтобы не курили хотя бы наверху, ограничиваясь шинельной и уборной. На следующий же год была устроена особая курительная комната.

О ношении трехуголок и шпаг начальство уже и не заикалось: их сдали в архив даже франты беложилетники, любители униформ. Вместе с тем, начали появляться в университете студенты с косматыми гривами и усами. Я помню одного товарища по факультету, который, отрастив роскошные усы, клялся, что он готов голову дать на отсечение, а усов ни за что не сбреет.

- Ну, а если вас выключат из университета? - возражали ему, - неужели из-за усов вы пожертвуете высшим образованием?

- Ну-ка, пусть попробуют. Я тогда на всю Россию крик подниму, что студента Петербургского университета в знаменитое «наше время, когда и пр. и пр.» выключили за то только, что он осмелился, шутка сказать, усы отрастить!

Но никто к его усам не придрался. Грозный Фицтум-фон-Экстедт сделался тише воды, ниже травы, совсем как-то стушевался.

Все это были мелочи, но они несказанно поднимали дух и окрыляли нас. Университет сделался особенно привлекателен. Идешь, бывало, в его стены, и чувствуешь, как сердце с каждым шагом сильнее и сильнее начинает биться в груди. Ждешь чего-нибудь нового, особенного, бравурного. Так и подмывает каждого проявить себя чем-нибудь отчаянно отважным, героическим.

- В XI аудиторию, в XI аудиторию! - ежедневно раздаются крики, и толпою бегут студенты в эту обширную аудиторию, игравшую роль форума в ту пору, и там происходили бурные сходы по поводу каких-нибудь общестуденческих вопросов, казавшихся нам вопросами первой важности, ради решения которых многие не в шутку готовы были пожертвовать жизнью.

На одной из сходов в XI аудитории единение студентов вылилось в призыв к организации в некую республику в недрах университета, имеющую свое правление, законы, казну и пр. Каждый факультет избрал своих старост, которые и составляли правительство республики. Они заведывали кассою и всеми прочими делами студенческими, были вместе с тем судьями при различных столкновениях студентов между собою или с начальством. Они же были и депутатами от университета, когда дело касалось каких-нибудь разговоров с начальством.

Для составления кассы устраивались литературные чтения, публичные лекции, спектакли и пр. Вместе с тем, студенты употребляли все усилия завладеть великопостными концертами. Дело в том, что Фицтум был артист, хорошо знавший музыку, - настолько, что был в состоянии составить из студентов-любителей оркестр из пятидесяти человек, и сам им дирижировал, и, надо ему отдать справедливость, был весьма недурной дирижер.

Вот при помощи этого-то оркестра и при содействии известных солистов, порою артистов и примадонн императорских театров, и устраивались ежегодно в течение зимы в актовом зале университета, по воскресным дням, десять симфонических концертов. Вход на эти концерты был платный даже и для студентов, которым давалась лишь та льгота, что за один рубль они получали билет на все концерты на хоры. Публика очень любила эти концерты, и зал во время их всегда, был полнехонек. В результате очищалось от них несколько тысяч... Сбор этот поступал в руки инспектора, который бесконтрольно тратил его на помощь нуждающимся студентам. Нужно прибавить, что концерты эти существовали уже издавна: будучи еще гимназистом в средних классах гимназии, я попадал на них через знакомых.

Студенты настаивали на том, чтобы сбор с этих концертов всецело поступал в кассу, под тем предлогом, что им более, чем инспектору, известно, кто из студентов и в какой

степени нуждается в пособии. Этот спор инспекции со студенческой корпорацией продолжался до самого закрытия университета в 1861 году. В эту же пору были заведены студенческая читальня и библиотека...».

«Едва началось освободительное движение в университете, студенты тотчас же разделились на партии - правых, левых и центра. Правых, собственно говоря, нельзя было назвать и партией. Это были студенты индифферентные, не принимавшие участия в студенческих делах, в роде "диких" немецких университетов. К этой категории принадлежали, во-первых, дети богатых родителей, хлыщи и шикари, с брезгливым высокомерием относившиеся ко всем товарищам, не принадлежавшим к их избранному кружку; во-вторых, студенты, исключительно преданные науке и с головою ушедшие в книги; в-третьих, поляки, составлявшие свой особенный замкнутый кружок и не желавшие входить в какие-либо сношения с русскими.

Таким образом, в студенческом движении участвовали лишь две партии: умеренный центр и крайние левые, которых прозывали "волками". Умеренные желали мирно и спокойно пользоваться дарованными студентам вольностями, по возможности избегать шума и относиться к начальству не с настойчивыми требованиями, а с почтительными просьбами. Волки же, щеголяя, нарочно в пику беложилетникам, всклокоченными волосами и ветхими, никогда не чищенными сюртуками, являлись представителями самых радикальных требований, любителями крутых мер и скандальных демонстраций. Каждая партия начала выпускать свой особенный орган, в виде рукописных газеток: умеренный - "Вестник свободных мнений", волки - "Колокольчик". В листках этих помещались сведения о том, что обсуждали и на чем порешили на той или другой сходке, отчеты о действиях кассы, распоряжения старост, партийная полемика, сатиры на профессоров и студентов и т. п. Вообще содержание листков касалось одних интересов внутренней жизни университета, а государственной политикой в них и не пахло. Но так привыкли у нас во всем выходящем без высшего соизволения видеть нечто опасное, что сами студенты смотрели на свои невинные листики, как на нечто нелегальное, и держали их в строгом секрете.

Но утаить шло в мешке было трудно, и до инспектора не замедлило дойти сведение об этих листках. Доносчиком оказался студент Шошин. По всей вероятности, это был не профессиональный доносчик, а просто болтун: будучи вхож в дом Фицтума, он проговорился о листках, не подозревая, чтобы из этого что-нибудь вышло, а вышло нечто несообразное.

Первым делом Фицтума было потребовать, чтобы ему представили листки. Когда же студенты отказались исполнить это требование, он объявил, что будет вынужден доложить об этом высшему начальству.

Студенты заволновались. Обрушились на Шошина, в котором видели главного виновника происшествий, и начали даже подозревать в нем агента тайной полиции. Было тотчас же написано отношение к высшему начальству об исключении Шошина из университета и начался сбор подписей.

Я никогда не забуду тяжелой, унижительной сцены, когда злополучный Шошин стоял, прижатый в угол, перед грозно-бушевавшей толпой, маленький, плюгавенький, бледный как мертвец, и навзрыд рыдал, умоляя о прощении, а слезы так и текли градом по его щекам. Эти слезы спасли его: вид его был слишком несчастный, чтобы не растопить молодые сердца. Всем стало жалко беднягу, и подписной лист был разорван.

Но этим дело не кончилось. Редакторы и сотрудники листков были потребованы к попечителю. Я тоже успел уже кое-что написать в одном из листков, и отправился к Щербатову в числе не более десяти или двенадцати участников издания.

Щербатов принял нас очень любезно, пожал нам: всем руки. Мы уселись в небольшой комнате вокруг него. Мягким заискивающим тоном он начал свою речь - с того, что он ознакомился с рукописными листками; они ему очень понравились, и он даже удивился,

что среди студентов Спб. университета сразу обнаружилось столько блестящих талантов, способных хоть сейчас же войти в большую прессу. Он не только ничего не имеет против издания подобных листков, но находит его делом очень полезным, хотя бы со стороны выработки языка и слога. Но он боится только одного: люди мы молодые, неопытные, способные увлекаться. Очень возможно, что кто-нибудь из нас скажет что-нибудь лишнее, ну, а среди нас, наверное, не один, не два могут найтись, которым доверяться не безопасно. В результате могут выйти большие неприятности и написавшему, и всем нам, да и начальство не похвалит, что оно допускает в стенах университета такие вещи. Так вот, чтобы обеспечить нас от подобного рода недоразумений, он предлагает нам свое дружеское содействие. Он будет очень рад, если мы продолжим свое хорошее дело, просит только одного: чтобы каждый листок перед выходом давать ему на просмотр. Нам это ничего не будет стоить, так как он дает слово не вмешиваться в содержание листков: пусть пишут что и как хотят; он будет только делать свои предостережения, когда найдет в листках что-либо опасное для нас, и будет делать это не как начальник, а как наш друг и старший брат, не желающий, чтобы кто-нибудь из нас пострадал.

Как ни мягки и ласковы были слова князя, - тем не менее, мы вышли от него с вытянутыми лицами. Листки, выходящие под цензурою попечителя, теряли в наших глазах всю прелесть, утрачивая главное свое обаяние - тайны. При таких условиях они немедленно были прекращены, так что студентам ни разу не пришлось отправляться к попечителю за дружественно-родственными предостережениями.

Спрашивается, для чего была поднята вся эта история? Кому она была нужна? Будь эти листки полны зажигательных статей, и в таком случае - какое значение и влияние мог иметь детский их лепет сравнительно с громовыми раскатами "Колокола", гудевшими на всю Россию. Если же взять во внимание, что листки, не имевшие ни малейшей претензии на политику, издавались в рукописном виде в единственных экземплярах, "Колокол" же распространялся в университетах в сотнях экземпляров, то остается только руками развести перед образом действий правивших в то время людей, готовых придираться к каждой мелочи и превращая муху, в слона, с одной стороны, из слепой привязанности к букве закона, а с другой - заскорузлой привычки все держать под своею опекою и не допускать ни малейшей самостоятельного шага без соизволения свыше. А не забудьте, что кн. Щербатов оставил по себе память либеральнейшего попечителя округа!

Много шума надела в университете, в начале того же семестра, история с М. Куторгой. Он читал историю реформации на третьем курсе. Лекции его были блестящи и привлекали массу слушателей, не только обязательных, но и посторонних. Я сам, будучи на втором курсе, не пропускал ни одной его лекции и тщательно записывал их. Они открывали передо мною, как увидим ниже, широкие перспективы по философии истории. И вот восторгам моим пришел неожиданный конец.

На одной из своих лекций, в половине ее, Куторга внезапно остановился да полу фразе и заявил:

- Господа, я принужден прекратить лекцию, так как я не в состоянии читать ее перед людьми, которые ведут себя, как самые отчаянные школяры, недостойные носить звание студентов...

С этими словами он сошел с кафедры и удалился.

Понятно, что вся аудитория была ошеломлена, - как будто над нею внезапно разразился удар грома. Все спрашивали в недоумении: "Что такое? В чем дело?..". Некоторые кинулись тотчас же к профессору, чтобы он разъяснил причину такого неожиданного гнева. Другие обратилась к задней парте, имея в виду, что профессор, прекратив лекцию, некоторое время смотрел на эту парту. Там оказались два студента, сильно переконфуженные, которые объяснили, что вся вина их заключалась в том, что один вздумал почистить другому спину, замазанную мелом, когда он прислонился к стене.

Профессор же прислал сказать, что эти студенты так громко, будто бы, разговаривали, что мешали ему читать лекцию. Между тем, мы сидели гораздо ближе к виновникам скандала и не слышали никаких разговоров.

Настроение студентов было в то время столь воинственно, что в один миг весь университет вспыхнул, как порох от попавшей в него искры. Все бросились тотчас же в XI аудиторию, и там начались, обычные на всех сходках дебаты и борьба партий. Волки кричали, что весь университет оскорблен профессором, приравнявшим студентов к школярам и грубо прервавшим лекцию, и требовали, чтобы студенты всего университета обратились к высшему начальству с петицией об исключении Куторги из числа профессоров. Умеренные ограничивались предложением, чтобы виновные студенты извинились перед профессором в нарушении правил вежливости, а профессор, в свою очередь, извинился в том же перед своими слушателями.

Ни то, ни другое предложение не прошло. С одной стороны, волки слишком уж размахнулись, предложив столь радикальную меру, как исключение профессора из университета, тем более Куторги, который, страдая нервами, был очень раздражителен и вспылывал из-за пустяков неожиданно для самого себя. Но, с другой стороны, студенты были слишком раздражены, чтобы ограничиться одними галантерейными расшаркиваниями друг перед другом.

Поэтому было постановлено, что студенты должны отплатить профессору его же монетою: на ближайшей же лекции наполнить слушателями его аудиторию и, как только он начнет читать, выйти всем из аудитории.

Так было и сделано. Не успел он сказать двух-трех фраз, как студенты все разом поднялись и с шумом ушли из аудитории. Осталось не более десяти слушателей крайней правой.

Студенты, впрочем, не ограничились этим, а в экстазе демонстрации воздали профессору сторицею. Рядом с тою аудиторией, в которой читал Куторга, была другая, в тот час случайно пустовавшая. Студенты заняли ее всею толпою и устроили в ней кошачий концерт. Лаяли по-собачьи, мяукали по-кошачьи, пели панихиду, стучали в стену. Я, как сейчас, вижу Писарева, лежащего навзничь на задней парте и барабанящего ногами в стену.

Замечательно, что в продолжение всей этой истории начальство блистало полным отсутствием. Это было тем удивительнее, что мы издавна привыкли совсем к обратному...

В частности, невмешательство ректора Плетнева очень просто объясняется тем, что, от природы трусоватый, к тому же больной, Плетнев редко показывался в среду студентов и в мирное время; во время же скандалов, наверное, запирался в своей квартире или уезжал. Что касается Фицума, то он разыгрывал роль Юпитера-громовержца лишь перед раболепствовавшими и державшими руки по швам студентами до 1855 года, теперь же сделался тише воды, ниже травы и, чуть поднимался в университете шум, благоразумно улетучивался.

Благодаря всему этому, скандал кончился пустяками, кажется, чем-то в роде взаимного извинения, но не публично перед всею аудиториею, а келейного с глазу на глаз в присутствии старост. Впрочем, Куторга не преминул, в свою очередь, сторицею воздать студентам за учиненный ими скандал, и, по моему мнению, довольно не хорошо: после тех первых, блестящих лекций, которые он прочел до скандала, он начал читать по Смарагдову - вяло, сухо, небрежно, беспрестанно манкируя.

Я, конечно, перестал его слушать и более не видал уже в университете. Он уехал в долголетний отпуск за границу...».

«К большинству профессоров мы относились крайне критически; некоторыми просто пренебрегали. Характеристики Писарева являются отголосками общих суждений о профессорах, какие существовали в нашем кружке.

О каких-либо прислуживаниях и прилаживаниях к начальству не могло быть и речи. Напротив того, наши отношения к нему были независимо-бравурные. Я уже говорил, какой скандал мы устроили на экзамене Фишера. С Астафьевым поступили еще лучше: перед экзаменом мы явились к нему всем курсом, в числе восьми человек, и заявили, что записок по его предмету ни у кого из нас не имеется, поэтому не соблаговолит ли он разрешить нам готовиться по Смарагдову. И Астафьев оказался вдруг столь добр и снисходителен, что снабдил нас своими собственными записками.

Нужно заметить при этом, что по большей части мы готовились к экзаменам все вместе: один читал, прочие слушали и составляли конспекты. Все это сопровождалось беспощадною критикою профессорских взглядов, остротами и беспрестанными взрывами молодого хохота. Кончалось же каждое такое собрание неминуемою попойкою...».

Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания. – М.-Л.: ЗиФ, 1928. – С. 73-87, 90-92, 95-98, 101-107, 119.

Модестов Василий Иванович

1839-1907

Русский историк, филолог, публицист и переводчик.

В 1856-1859 годах учился в Главном Педагогическом институте, в связи с закрытием которого перешёл в Петербургский университет, где окончил историко-филологический факультет (1860). Сдал экзамен на магистра римской словесности (1862) и получил в Петербургском университете степень магистра римской словесности за диссертацию «Тацит и его сочинения» (1865). В 1878-1879, 1886-1889 годах – приват-доцент Петербургского университета.

«Мало было в России высших учебных заведений, столь существенно полезных, каков был Главный Педагогический Институт, закрытый весной 1859 года. Он в течение 30 лет снабжал учителями гимназии, кадетские корпуса, женские институты и давал значительную долю профессоров русским университетам. Из него выходили зачастую видные ученые, талантливые писатели, выдающиеся деятели на разных поприщах до людей государственных включительно. Братья Вышнеградские, братья Лавровские, Воскресенский (химик), Менделеев, Мейер (юрист), Благовещенский, Мельников (Печерский), Добролюбов, - вот выдающиеся имена филологов, химиков, юриста, педагога, министра, попечителей, писателя, литературного критика и публициста, которые сами собой приходят в голову, когда заходит речь о доброй памяти Главном Педагогическом Институте. Особенная заслуга этого, повторяю, бывшего существенно полезным, высшего учебного заведения состояла в том, что он служил воротами, через которые было всего удобнее пробивать себе дорогу в свет наиболее даровитым воспитанникам духовных семинарий. Весьма значительная или даже главная часть студентов института состояла из этих последних. Последний директор его И. И. Давыдов, не смотря на то, что очень ценил в студентах внешний лоск, светскость, умение говорить по-французски и по-немецки, при каждом удобном случае заявлял, что поступающие в институт из семинарий большей частью быстро обгоняли поступавших из гимназий даже в тех предметах, которые в семинариях преподавались слабее и считались неважными...

Вот в гостеприимные двери этого-то важного по своей пользе заведения, в августе 1856 года, приехал из Ярославля, одновременно со мной, новгородцем, стучаться и Васильевский. Это был небольшого роста, неуклюжий, волосатый, но с добрым,

постоянно улыбающимся лицом и с очень мягким его выражением, одетый в сильно поношенный и грубо сшитый рыжевато-черный сюртук, семинарист, как и я, как и многие другие. Он имел прекрасную подготовку по древним языкам, по истории, по русской словесности; он читал уже по-французски и по-немецки, он рассуждал о философии, о религии, о политике, имел большую начитанность и был заражен скептицизмом по отношению к вопросам, которых не легко касались другие. Этот маленький и добродушного вида человек разом занял между своими товарищами выдающееся, в некотором роде привилегированное положение. Он был выше других по развитию: это чувствовалось, сознавалось, принималось во внимание. Сближением с ним стали скоро интересоваться и даровитые студенты старших курсов, и между ними Добролюбов.

В то время профессора на историко-филологическом факультете института были неважные. Редкий из них занимался своей наукой, хотя занятием наукой в то время обыкновенно считалось не исследование научных вопросов по новым данным, а чтение выходящих по той или другой специальности книг и составление по ним компиляций... Единственным ученым из профессоров историко-филологического факультета, занимавшимся научными исследованиями, был И. И. Срезневский. Но его преподавание было как-то отрывочно и не достаточно принимало во внимание, что он имеет перед собой слушателей, еще не знакомых с элементами славяноведения. Оно интриговало своей новизной, но не умело привлечь к себе надлежащим образом, возбудить охоту заняться предметом, как своей специальностью, тем более, что и характер Измаила Ивановича был не из таких, которые влекут молодых людей к общению с профессорами. При всем том, преподавание Срезневского, хотя оно никого и не поставило на ноги для дальнейшего занятия предметом, было полезно тем, что вносило новую струю в факультетское преподавание. В то время как чтение других профессоров было чтение по учебникам, с которыми некоторые преподаватели даже прямо приходили на лекцию, преподавание Срезневского было своеобразно, независимо от обращавшихся между нами книг. Через него мы узнали, что есть среди наук наука сравнительного языкознания. Между преподавателями истории был заметной величиной Лоренц, но он преподавал лишь в старших курсах и притом на немецком языке, и для нас он остался бесполезен уже потому, что ко времени нашего перехода в старший курс он уже вышел в отставку. Его заменил М. Сем. Куторга; но это было в самое последнее время нашего пребывания в институте. Куторга был ученый с заслугами и известностью в науке, умел работать по источникам и обнаруживал самое яркое стремление к самостоятельности. К тому же, каждая лекция его была обработана от начала до конца с совершенством, до тех пор в нашем институте, по крайней мере на историко-филологическом факультете, неслыханным. Выслушивались эти лекции с напряженным вниманием и иногда очаровывали своей стройностью, отчетливостью и изяществом изложения. Но Куторга нередко портил впечатление бранью на других историков, унижением имен, уважаемых студентами, между прочим, Грановского и Кудрявцева, и неумеренным самовосхвалением. При всем том его кратковременное преподавание в институте не прошло даром: оно оставило след и на Васильевском, которому пришлось иметь дело с влиянием и требованиями Куторги и впоследствии, когда он, по возвращении из-за границы, готовился к магистерству. В первое же время нашего пребывания в институте был наиболее привлекательным преподавателем Н. А. Вышнеградский, старший брат математика, сделавшегося потом министром финансов. Оба Вышнеградские были люди феноменальные по своим дарованиям. Но особенность профессора педагогики заключалась в его необыкновенно живом и красноречивом преподавании. Сидеть на его лекции нам, в особенности на первых порах, было наслаждение, и мы все сожалели, когда звонок прерывал лекцию этого профессора. Но не сожалел об этом сам Вышнеградский, который вечно спешил, приезжал на лекцию поздно и удалялся стремглав. Правду сказать, и приготовление его к лекции было самое посредственное, а иногда, казалось,

оно и вовсе отсутствовало, так что за необычайно бойкой речью нередко чувствовался недостаток содержания.

В общем итоге о преподавании в Главном Педагогическом Институте надо сказать то, что оно, не стоя на надлежащем уровне факультетского преподавания, было нам, особенно на первых порах, все-таки очень полезно. Оно прежде всего восполняло недостатки нашего среднего образования и в то же время открывало нам дорогу к высшему, если и не давало его в требуемой полноте и не ставило нас на уровень, созданный успехами науки того времени... Но недостаточность преподавания мы чувствовали и тогда, когда слушали своих профессоров, как в институте, так потом (на 4-м курсе) и в университете...

С переходом на четвертый курс, уже в университете, занятия наши не могли быть до такой степени совместными, как были в то время, когда мы жили в одной камере, находясь в постоянном общении. Да и вообще заниматься нам на 4-м курсе было далеко не так удобно, как прежде. Заботы о существовании, при стипендии в 16 рублей с копейками, отсутствие под руками большой библиотеки, новые интересы, сами собой явившиеся на сцену в новой обстановке, довольно шумная студенческая жизнь кругом, наконец самая отдаленность от университета (Васильевский жил на Владимирской улице, я в Коломне), делавшая наше посещение университета все более и более редким, - все это мало благоприятствовало той напряженности, как и систематичности занятий, к какой мы привыкли в институте...

Вообще нужно сказать, что в этот последний год нашего студенчества, год университетский, чисто научные интересы, каким мы были преданы в институте, уже не имели в наших глазах прежнего обаяния. На нас нахлынула современность с такой силой, какой мы до этого момента не испытывали. Необычайное для той эпохи общественное движение, порожденное предпринятыми законодательными реформами и прежде всего крестьянской (это было накануне уничтожения в России крепостного права) и выразившееся между прочим в большом оживлении журналистики, в воскресных школах, в публичных лекциях, в открытии дверей университета для всякого желающего войти в них, не исключая женщин, наконец, начавшееся политическое брожение в Польше, которое отзывалось в студенческих кружках и в Петербурге – все это на нас действовало отвлекающим от научных занятий образом, возбуждало нервы, настраивало их в другую сторону, в сторону общественную, вызывало оживленные споры, заставляло интересоваться науками общественными и политическими. Не проникнутые этим общественным и политическим интересом профессорские лекции, каковы по своей природе большей частью лекции профессоров историко-филологического факультета, казались скучными. Поэтому, не усердно посещая лекции других профессоров, мы считали своей обязанностью посещать лекции приглашенного тогда в Петербургский университет на кафедру русской истории Н. И. Костомарова.

Посещались нами эти лекции не потому, чтоб мы особенно интересовались русской историей, а потому, что после Устрялов, которого впрочем нам и не удалось слушать по причине его болезни, и особенно Касторского, к которому никто не питал уважения, они казались общественным протестом против истории казенной, и так сказать «официозной». Хотя никакой ясной политической тенденции в лекциях Костомарова даже и тогда, когда он читал о северных «народоправствах», не было, они как-то сами собой получили общественно-политический характер. На них собирался, как говорится, весь Петербург. Не находя для всей этой массы посетителей никакой достаточно вместительной аудитории, университетское начальство отвело для них бывшие спальни Главного Педагогического Института. Хорошо ли, худо ли читал Костомаров, это интересовало мало. Достаточно было того, что он читал не так, как до тех пор читалось, а он читал, по его словам, историю русского народа, а не государства, и этого было достаточно, чтобы лекции эти посещались студентами всех факультетов, литераторами, чиновниками, офицерами, студентами других заведений, дамами. При не

совсем ясной дикции лектора, то, что он говорил, до ушей главной массы слушателей доходило слабо, частями, отрывками. Но и это было не беда. Приходили на эти лекции главным образом для того, чтобы тут встретиться со знакомыми, обменяться общественными новостями, политическими слухами. Понятно, что при такой, столь насыщенной электричеством, общественной атмосфере интерес к специальным, чисто научным, занятиям должен был неизбежно понизиться. Поэтому я думаю, что не только я и другие, но и Васильевский, который в юности был не меньше предан общественно-политическим интересам, чем его товарищи, в последний год студенчества успел в деле научных занятий не много. О том, что и окончательные экзамены он сдавал не особо удачно, говорит то, что он не получил никакой медали, какие некоторые из нас получили в силу существовавшего в Главном Педагогическом Институте обычая, так как мы оканчивали курс на правах этого института и потому получали не степень кандидата и звание действительного студента, а звание старшего и младшего учителя гимназии».

Модестов, В. В. Гр. Васильевский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1902. – Седьмое десятилетие. Часть СССXXXIX, январь. – С. 137-141, 143-145.

Ковалевский Александр Онуфриевич

1840-1901

Русский биолог и эмбриолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии и физиологии.

Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1863). В 1865 году получил степень магистра за диссертацию: «История развития ланцетника — *Amphioxus lanceolatus*», в 1866 был утверждён в звании приват-доцента Петербургского университета, в 1867 защитил докторскую диссертацию «Анатомия и история развития *Phoronis*». В 1891-1894 годах был профессором Петербургского университета.

«Я хочу студентов в дорождественский семестр познакомить с фагоцитозом самым подробным образом, поэтому ваши лекции, которые вы обещаете мне прислать для передачи Риккеру, будут для меня весьма важным подспорьем. Вот сколько печальных перипетий приходится тут переживать! Лаборатории почти никакой, из академического жалования дают всего 1800 рублей, так что я получаю почти то же, что и в Одессе, вместе с филлоксерными».

«На днях приехал Шевяков, и я ему сглаживаю путь для магистерского экзамена, который наши коллеги его таки заставили держать. Иностранцев заставил его даже изучать книгу Зюсса о брахиоподах. Бедняга так волнуется из-за этих пакостей, но после завтра или в пятницу все должно решиться...

У нас было довольно много разговоров о диссертации Шевякова; Шимкевич и я настаивали, чтобы ему дали прямо доктора, но Вагнер был против и формалисты факультета, так что дадим после диспута только магистра – это обидно и несправедливо, но Вагнер тянет своего сынка и боится конкурента. Овсянников тоже делает гадость; этот впирает в университет на мое место Костенича; чтобы это парализовать и, напротив, выдвинуть шевякова, я заявил, что буду читать в будущем семестре».

«Действительно, в деле назначения Шевякова в университет я нахожусь в ужасно ложном положении, и если бы не Шимкевич, который ведет все дело с полным

убеждением, что Шевяков – клад для Зоологической лаборатории, то я бы не мог и заикнуться, и теперь я почти совсем в стороне, и только подписал бумагу о его научных трудах. В факультете я не сказал в пользу его ни слова, но все естественное отделение, в том числе и Иностранцев, и Мениуткин, стояли за него, и только Глазенап (астроном) и Петрушевский предлагали Никольского, как самого старого приват-доцента, и отчасти Фаусека. Факультет единогласно, однако, поручил Шевякову чтение обязательного курса беспозвоночных и частно ходатайствует через декана о назначении его исправляющим должность экстраординарного. Но так как, конечно, мое участие, как оно ни слабо, будет выдвинуто и выставлено в скверном духе, то вы сделаете и мне, и Шевякову большую услугу, если напишете Шимкевичу (Владимиру Михайловичу) письмо, которое он мог бы прочесть в следующем факультетском заседании. Бюкли прислал тоже очень теплое письмо, тоже на имя Шимкевича».

Письма А. О. Ковалевского к И. И. Мечникову (1866-1900). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 175, 212-213, 217-218.

Острогорский Виктор Петрович

1840-1902

Русский педагог, литератор, общественный деятель.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1862).

«В настоящее время, как большинство нашего общества, так и молодые поколения преподавателей и еще готовящиеся к преподавательству студенты, к сожалению, могут составить себе только самые неясные, неточные и отрывочные представления о любопытной эпохе в жизни Петербургского университета конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, закончившейся осенью 1861 г., так называемой «первой студенческой историей», закрытием самого университета и выходом в отставку многих лучших профессоров. Студенты того времени, к числу которых принадлежал и я, записок своих, кажется, не печатали, и, в большинстве, перемерли, или же так приспособились к дальнейшим течениям жизни, что или постарались основательнейшим образом забыть «годы юности», или же относятся к этому времени задним числом с односторонним, и далеко не беспристрастным, осуждением, а то и с насмешкой, забыв, что это то время их и вскормило, и выдвинуло. На сколько мне известно, за исключением одного В. Д. Спасовича, из прекрасной статьи которого в книге «За много лет» (чуть ли не единственной правдивой и беспристрастной) можно познакомиться с этим университетским временем и нашей «пресловутой историей», отразившейся и в других университетах, почти никто из профессоров того времени своих записок не оставил, и в распоряжении публики остаются только сочинения крайне пристрастные, односторонние, или же написанные без достаточного знания фактов, с чуждого голоса, с предвзятой мыслью облить это время грязью. К первым относится известная статья моего покойного товарища, опередившего меня на год в гимназии, Д. И. Писарева «Наша университетская наука». При всех своих достоинствах, она носит характер раздражения и желание обличить некоторые, действительно темные, стороны тогдашнего педагогического университетского персонала. Ко вторым следует отнести, в числе других беллетристических памфлетов, роман покойного В. В. Крестовского «Панургово стадо», писанный автором, имевшим с университетом очень мало общего, очень редко даже его посещавшим и вращавшимся не среди студенческой молодежи, а в обществе, к тому же, кажется, вышедшим в 1858 г. из первого курса. Не мало потрудились прямо и косвенно на попрание осмеяния и якобы обличения и тогдашней

науки, и студентов того времени, и другие тенденциозные писатели, не хорошо знавшие университет, как Лесков, Писемский, Ключников, даже Достоевский, и, поощряемые невольным молчанием нас, обличаемых и осмеиваемых, и все более и более надвигавшейся реакцией в обществе, напустили не мало туману в наши общественные понятия, чем крайне затруднили справедливую историческую оценку того времени...

Не претендуя, как сказал я и раньше, дать сколько-нибудь полное понятие об этом времени, требующем серьезной и беспристрастной истории, ограничусь только теми отрывочными фактами своей собственной студенческой жизни, которые, вместе с движением педагогическим, в которое, еще 19-летним юношей попал и я, способствовали образованию в моем лице учителя отечественного языка и словесности и педагога-литератора по преимуществу.

В университете, куда поступил я 18-летним юношей в августе 1858 г., пробыл я, собственно, только три года, так как в самом начале нового учебного 1861 г., когда я только что перешел на 4-й курс филологического факультета, произошла наша «история». Университет был закрыт, и я, вместе со множеством моих товарищей, не хотевших подчиниться новым правилам (взять матрикулы), был исключен из университета. Впрочем, некоторые из профессоров, как напр. Н. И. Костомаров, П. В. Павлов и др., желая дать возможность студентам четвертого курса дослушать курс, открыли было публичные лекции в залах Городской Думы и Петропавловского Лютеранского училища; но и эти лекции также вскоре были прекращены, и мы, филологи, которых было всего человек восемь, дослушивали уже курс некоторых профессоров на дому, куда они, по доброте своей, пригласили нас, снисходя к нашему печальному положению. В следующем, 1862 г., последовало Высочайшее повеление о разрешении желающим держать выпускной экзамен, в особой при университете комиссии из профессоров, и осенью того же года я получил кандидатский диплом. Как казеннокоштный студент, на казенный же счет воспитывавшийся в гимназии, я должен был бы отслуживать за свое обучение где-нибудь учителем по назначению Министерства Народного Просвещения. Но, потому ли, что считался, как не взявший «матрикулы», неблагонадежным, или, по случайности, но к обязательной службе меня, слава Богу, не призвали.

Обращаясь таким образом к трем годам моего студенчества, остановлюсь только на двух группах фактов: на университетской науке, т. е. профессорах (только некоторых, имевших для меня наибольшее значение), и на моей тогдашней внеуниверситетской жизни, имевшей влияние на мое развитие...

Припоминая теперь, через тридцать три года, этот трехлетний период университетской петербургской науки, не могу не сказать, что, как бы о нем не судили впоследствии, что бы ни говорили о тех или других его недостатках, большей частью, от самого университета вовсе не зависевших, так как он собственной автономии не имел, - общий строй университета, дух учащих и учащихся и само преподавание представляли очень много отрадного, о чем и до сих пор вспоминаешь с удовольствием, и что, при более благоприятных обстоятельствах внешних, представляло задатки богатейшего развития серьезного высшего образования в России. Начать с того, что, благодаря широкопросветительным стремлениям, охватившим тогда и правящие круги, и все русское общество, «наука» дотоле бывшая у нас чем-то формальным, случайным, подчиненным, вдруг была возведена на высокий пьедестал, в виде богини, от которой во все стороны, всем и каждому, должны были истекать лучи знания, возвышающего и облагораживающего человека. Отсюда – жрецы этой богини – профессора, большей частью лучшие русские научные силы, и высокоталантливые, красноречивые и горячо убежденные лекторы (напр. Костомаров, Благовещенский, Стасюлевич, Пытин, Кавелин, Спасович и мн. др.) получили в глазах петербургского общества и нас студентов ореол величайшего уважения. Студенты, как готовящиеся впоследствии сами стать жрецами этой науки, должны были, как тогда всем твердо верилось, осчастливить Россию,

которая была накануне величайших реформ прошлого царствования, также получили в глазах общества известное значение, как будущие просвещеннейшие русские деятели, и к этим студентам с полным доверием и надеждой относилось и начальство, в лице Попечителя Князя Щербатова и ректора, известного друга Пушкина, профессора П. А. Плетнева. Нам разрешены были сходки, своя отдельная библиотека из журналов, газет и книг, наконец, касса для помощи бедным товарищам, в пользу которой в университетском зале мы сами устраивали прекраснейшие, самые модные тогда в Петербурге, концерты, в которых участвовали такие силы, как Тамберлик, Бозио, Кальцолари и другие. В пользу этой же кассы, в той же зале, читали публичные лекции, талантливейшие из наших профессоров, - лекции, собиравшие весь интеллигентный Петербург и много способствовавшие общему университетскому оживлению и распространению в обществе интересов научных и популярности имен представителей, как нашей юной, так и европейской, науки.

Что касается самого строя университетского тогдашнего преподавания, то я назвал бы его «свободным, академическим», в полном смысле этого слова. Справедливо полагая, что наука должна быть, сколь возможно более, достоянием общим, что, хотя бы самое поверхностное знакомство с ней, даже, так сказать, малейшее с ней соприкосновение, облагораживает и поднимает общество, побуждая многих позаботиться о восполнении своего образования, тогдашний университет допускал бесплатно и свободно в свои стены, на студенческие лекции, и публику. И тут-то увидела наша петербургская *alta mater* на своих студенческих скамьях и офицеров, и разночинца, и русскую женщину, и безбородых юношей, и седых стариков, пришедших послушать, чему учат нас – студентов. Много впоследствии было даже печатно расточено глумлений над этим посещением университета, якобы только из моды и бахвальства, праздною публикой; но, не говоря уже о том, как нас, студентов, поднимали духовно эти посещения, никто не может сказать, скольким из этих посетителей и посетительниц эти посещения не принесли и пользы.

Преподавание носило вполне свободный характер и для нас студентов, число которых превышало две тысячи. В каждом факультете было по несколько выдающихся профессоров, и каждый из нас мог слушать любого из них на каком бы то ни было факультете, - так что узкой специализации, особенно на первых курсах, не было, и филолог слушал некоторые из наук юридических, как Государственное право у Кавелина, Уголовное – у Спасовича, или науки естественные; юристы – профессоров филологов, и т. д. Обязательности хождения на лекции и никакой проверки не было, точно также, как почти и никаких литографированных, или печатных, как ныне, записок, переходящих по наследству из курса в курс, потому что профессора каждый год читали разное. Каждый записывал, сколько и как умел, для себя и ближайших товарищей, причем велась очередь записей, и по этим-то конспективным записям мы и готовились к экзаменам, дополняя, по возможности, наши знания чтением хотя двух-трех книг из указанных на лекции.

Читать всякий, кто только хотел, мог вволю, как в обширной библиотеке университетской, откуда легко давались книги и на дом, так и в богатейшей библиотеке Академии Наук, не говоря уже о Публичной, также в то время посещавшейся многими из нас. А то бывало и так. Некоторые профессора прямо указывали для экзамена какую-нибудь одну книгу, которую уже и нужно было знать обязательно. Так, помнится, А. В. Никитенко указал «Теорию словесности в ее историческом развитии» - Шевырева, Н. И. Костомаров – «Учебник русской истории» - Соловьева, М. М. Стасюлевич – «Историю цивилизации в Европе» - Гизо, только что вышедшую в переводе. Такие умеренные экзаменные требования и свободное посещение лекций предоставляли юношеству, большая часть которого, как бедняки, существовала уроками, известную свободу располагать своим временем по своему вкусу и усмотрению, и, не смотря на необязательность посещения лекций, на умеренные требования на экзаменах, на полное отсутствие всякого контроля над нашими занятиями и образом жизни, в результате

получалось вот что. Глупцы и шелопаи, люди с толстой шкурой, которой ничем не проймешь, и которых всегда и всюду, во всяких возрастах, достаточно, конечно, на лекции ходили редко, только из моды и бахвальства наукой, проскальзывали на экзаменах и получали иногда дипломы, но, по большей части, курса не оканчивали. Недоразвитые «паиньки», «маменькины сынки», оберегаемые семьей от всяких веяний (таких субъектов было немного), хотя и посещали аккуратно все лекции своего факультета, тщательно дома составляя записки, но зато не читали ничего и, пробыв в университете четыре года, получали диплом, все-таки в душе оставаясь свободными от наук: - таких субъектов, впрочем, в наше время было мало. Но, кроме таких, было в те годы в университете огромное большинство хорошей молодежи, на которую, по моему искреннему убеждению, именно такой свободный режим повлиял на всю жизнь в высшей степени воспитательно и благотворно, и, за все три года моего пребывания в университете, я не помню, чтобы у какого-нибудь из профессоров, хоть сколько-нибудь порядочного и любившего свое дело, не была, более или менее, полна аудитория в каждую лекцию, не говоря уже о лучших профессорах, часто читавших в зале, у которых с трудом приходилось добывать места заранее. И не бесследно и не пассивно воспринимались эти лекции; какие оживленные, хотя и наивные подчас, речи и горячие споры именно о прочитанных лекциях, или тех или других научных вопросах, слышались, тогда и в университетских коридорах, и в буфете, и в кружковых собраниях дома! Сколько тогда читалось хороших книг из областей литературы, наук историко-политических, юридических, естественных, - и на все это чтение толкали нас опять-таки живые лекции, которые мы посещали аккуратно, потому что на них стоило ходить, - потому что наслаждение было их слушать!.. Виделся в профессоре живой человек, глубоко убежденный в том, что он говорит, умеющий выбрать существенное, выдвинуть его и осветить. Это был в самом деле наставник, в лучшем смысле этого слова, видевший в своем деле священный и приятный долг пролить на нас свет образования. Такое сознание оживляло, делало симпатичной самую его наружность, давало силу голосу и неподдельное красноречие слову, увлекавшее слушателей, которые, выходя с лекций, чувствовали себя лучше, выше, благороднее... Как же было не слушать таких людей, как Кавелин, Спасович, Костомаров, Пыпин, Стасюлевич, Благовещенский? И разве мало посеяли они горячими, полными ума и содержания научного, своими словами идеей добра и правды в сердцах тех, кому потом, в эпохи все более и более надвигавшейся реакции, пришлось бороться по мере сил за эти идеи на разных поприщах деятельности на пользу родине? Люди строгой науки, но, вместе с тем, мыслящие и чувствующие, они смотрели на нас, не как на мальчишек, а как на молодых людей, пришедших взять у них знания, которые человек может воспринять только свободно, и, не подавляя и не убивая в нас, юношах, духа хладным и мелочным формализмом, они вселили в нас самое важное для юноши – любознательность, дух пытливой критики и убеждение в величайшем могуществе человеческого ума и знания. Под влиянием этих-то, и некоторых других из профессоров, одни из нас развились вообще, став на разных поприщах просто скромными честными деятелями; но много было и таких, кто, увлекшись наукой, преданся ей и много для нее сделал, не став однако при этом сухим кабинетным специалистом, для которого, кроме книги, буквы, факта, не существует ничего... И свято хранится в нас, старых студентах этого времени, всегда благодарная память о наших университетских наставниках, мудро понимавших, что, по словам Гоголя, «нужно оказывать доверие к благородству человека (добавим – особенно юноши), а без этого не будет и вовсе благородства...» Вот это-то доверие к молодежи, вместе с подъемом науки, и составляло особенность университетской жизни моего времени. Постараюсь, на сколько мне не изменяет память, в самых общих чертах, обрисовать некоторых из моих факультетских профессоров, которые имели на меня наибольшее влияние. Одним из первых, произведших на меня наиболее сильное впечатление, был профессор всеобщей истории, ныне известный деятель по народному образованию и

редактор «Вестника Европы», журнала хорошо известного всему образованному обществу, М. М. Стасюлевич, читавший общий курс истории европейской цивилизации и привлекавший к себе на лекции особенно много студентов и публики. Не берусь судить о степени научной ценности этих лекций, отдаленных более, чем на тридцать лет, от настоящего времени, но скажу одно, что впечатление, ими производимое, было очень большое. Это был лектор-популяризатор блестящий, необыкновенно умевший заинтересовать, увлечь, - что называется, захватить всю аудиторию так, что напряженное внимание слушателей не ослабевало от начала лекции до конца. Люди, слушавшие лекции в Париже, говорили, что манерой, дикцией, ясностью, плавностью, и красотой речи, умением живо обрисовать эпоху, он напоминал лекторов французских. Так ли это, не знаю, но, ознакомившись с Гизо, Тьерри, Мишле, Тэнном, я нашел в отношении формы, манеры, между ними и нашим профессором много общего, и думаю, что именно такой лектор, как М. М. Стасюлевич, бивший не столько на факты, сколько на обобщения, освещение событий, раскрытие внутренней между ними связи и их смысла, был особенно полезен для нас студентов. Я уже говорил, как поставлена была история в гимназии, вся уходившая в массы голых, бессвязных, часто мелочных, фактов, в которых нельзя было и разобраться; М. М. Стасюлевич впервые указал нам на значение истории, объяснил великое значение цивилизации, показал, из каких элементов она в Европе слагалась, выделил и поставил ярко перед нами из событий важнейшие. Он первый указал нам на значение исторических источников и исторической критики и сделал ясной дотоле неподозреваемую нами связь между историями разных национальностей и всем человечеством, идею прогресса и регресса, существование и значение исторических законов. Этими своими лекциями он, так сказать, открыл нам историческую Европу, впервые показав, что такое настоящая история, и обратил к чтению исторических писателей иностранных, как Гизо, Тьерри, Мишле, Маколей, Гиббон, Бокль, и русских, как Грановский, Кудрявцев, Ешевский. Чтение этих писателей, по крайней мере у меня, было вызвано именно лекциями М. М. Стасюлевича, сумевшего соединить простоту и доступность изложения с идейным содержанием. Сильное впечатление производил на меня также и другой профессор Всеобщей истории М. С. Куторга. Читал он, к сожалению, недолго, кажется, на втором только курсе, и, часто манкируя, едва ли прочел всего лекций двадцать. Помнится, держал он себя от студентов далеко, был высокого мнения о своей учености, желчен и несколько сух, и посещались его лекции мало. Но читал он в своем роде мастерски, представляя совершенную противоположность с М. М. Стасюлевичем. Как у последнего был курс общий, так сказать, по преимуществу, идейный, - так у этого специальный, фактический, детальный, так что выбранные им параллельно две эпохи: Греция во времена Аристофана и Век Людовика XIV, вырисовывались у него, благодаря искусному подбору мельчайших фактов в целые, необыкновенно живые, картины, которые крепко запечатлевались в воображении. Но такое изложение однако не исключало идеи, и, подобно тому, как из романа, например, получается в конце концов и общая отвлеченная мысль, так и из этих, часто желчных, лекций мы вынесли ясное сознание того, как обманчив бывает в государстве внешний блеск, и как, так называемые в истории, «золотые века» носят в себе зачатки несомненного разложения. Совсем особую, своеобразную, личность, как по отношению к названным профессорам, так и по отношению ко всем другим, представляет незабвенный Н. И. Костомаров, читавший в университете два года (1859-1861) сначала об источниках русской истории, а потом историю Новгорода и Пскова, которая вышла потом в переработанном виде отдельной книгой под названием «Северно-русские народоправства». Это был, можно сказать, самый популярный, самый любимый из всех профессоров моего времени, профессор, популярность которого не ограничивалась университетом, студентами, но захватывала решительно весь интеллигентный тогдашний Петербург, мужской и женский, статский и военный, так как на его лекции, читавшиеся сначала в самой

большой XI аудитории, а потом в большом университетском зале, сходилась не только весь университет, без различия факультетов и курсов, но являлась и масса публики самой разнообразной, встречавшей и провожавшей лектора восторженными рукоплесканиями. Нужно было видеть, как эта разнообразная масса и студентов, и профессоров, которые часто посещали эти лекции, и офицеров, и дам, и всяких партикулярных людей, иногда очень плохо одетых, - масса, скучивавшаяся до того, что буквально нельзя было повернуться, вся, точно загипнотизированная, обращалась в зрение и слух, чтоб не проронить ни одного звука из слов, исходящих из уст человека, который производил на эту массу такое сильное впечатление. Нужно было видеть эти лица, молодые и старые, мужские и женские, на которых, как в зеркале, отражалось то или другое настроение лектора, за словами и выражением лица которого все жадно следили; - видеть эти глаза слушателей, то серьезно-вдумчивые, то будто на миг недоумевающие, то смеющиеся, то печальные, смотря потому, что слышалось с кафедры; - нужно было, повторяю, самому видеть эту громадную аудиторию, чтоб понять, какое значение может иметь для страны талантливый профессор, какое, благодаря такому чтению, огромное воспитательное влияние на публику может иметь наука, и каково могло бы быть для русского общества культурное влияние университетов, если б они были у нас учреждением свободным для всех желающих учиться!

Что же было в покойном Николае Ивановиче такого, что так влекло к нему и студентов, и публику? В чем секрет его, такой неслыханной у нас до того и до сих пор, кажется, единственной, популярности, и в чем сохраняется и до сих пор его значение, как историка?

Причины популярности Костомарова кроются, частью, в особых обстоятельствах времени и читанном им предмете – русской истории, частью в самой его личности и способе чтения.

Без сомнения, радушие, с которым отнеслось русское общество к профессору, с самого его приглашения на кафедру в Петербургский университет, было вызвано, отчасти, и опальным прошлым Костомарова, т.-е. его украинофильским увлечением, историей с диссертацией и заключением в крепости (в то либеральное время возвращение на кафедры людей науки, которых деятельность навлекла на себя неудовольствие в предшествующее царствование, вообще встречалось публикой крайне сочувственно). Но немалую долю симпатии к Костомарову возбуждал и самый предмет его лекций... С лекций Костомарова, можно сказать, началось у нас в Петербургском университете критическое чтение бытовой русской истории. Свободный, неслыханный дотоле, разбор источников, оригинально освещаемых лектором, и избранный затем курс истории попыток русских народопрямств в Новгороде и Пскове, с беспристрастным к ним отношением и оценкой в тесной связи с природными, местными, этнографическими, экономическими и историческими условиями, как для нас студентов, так и для публики, была первой свободной критической школой русской науки. Естественно, что в глазах и наших, и общества, Костомаров являлся в то время авторитетом и вызывал своими лекциями не только сочувствие, но даже нередко и восторг...

Но, если необыкновенный успех лекций Н. И. Костомарова зависел, с одной стороны, от указанных обстоятельств и богатого содержания его лекций, то с другой – обуславливался личностью лектора и его манерой читать. Невысокого роста, немного сгорбленный и казавшийся стариком, с реденькими волосами, в очках, очень худощавый, с желтоватым, землистым, лицом, всегда серьезный и сосредоточенный, с очень своеобразной, чуть-чуть с малороссийским акцентом, несколько певучей, дикцией, он производил на кафедре впечатление какого-то не нынешнего, не здешнего, но вместе с тем оригинального и симпатичного, человека. Точно перед громадной толпой был не профессор, не один из замечательнейших русских ученых, но один из древних летописцев, или святых подвижников, образ и речь которых Костомаров воскрешал перед нами в своих лекциях мастерски. – Это был не просто прекрасный лектор, у которого чудесно

оттенялись врожденным искусством дикции малейшие оттенки смысла, выражения и отдельные меткие слова, - это на кафедре был настоящий вдохновенный художник, всем своим существом отдававшийся тому отдаленному веку, который он хотел воспроизвести в воображении слушателей. Эти лекции надо было слышать самому, чтобы оценить все их значение: книга Костомарова «Северно-русские народоправства» сильно от них отличается, только отчасти напоминая о них его слушателям. В этих лекциях, за самыми фактами, художественно расположенными, за образами, встававшими перед нашими глазами, как живые, так сказать, доминировал сам лектор, своим тоном, голосом, выражением лица, взглядом, иногда незначительным жестом, паузой, совершенно овладевавший своей аудиторией, заставляя ее то вдумчиво сосредоточиваться на новой мысли, то горячо, до подступающих к глазам слез, скорбеть, то изумляться перед силою подвижничества духа, или величием события, то чувствовать презрение к низости, то смеяться над человеческой глупостью, которой ловко пользуется дальновидный практик. И когда лекция, продолжавшаяся иногда без перерыва часа полтора, кончалась, слушатель выходил из аудитории не только обогащенный массой новых фактов и мыслей, - он был тронут, иногда потрясен, и всегда чувствовал, что он, слушатель, в этот час или полтора пережил многое...

Словом, повторяю, - такого мастерского, оригинального лектора, каким был покойный Николай Иванович, и притом, лектора, отличавшегося необыкновенной художественной простотой, чуждой всякой искусственности, другого в Петербурге не было, - и кто его слышал, тот не забудет его никогда...

Резко выделялась на нашем факультете между профессорами – классиками почтенная личность профессора Римской литературы, Николая Михайловича Благовещенского, скончавшегося в Петербурге 1-го августа 1892 г. Как теперь вижу перед собой стоящую на кафедре представительную фигуру с головой, приподнятой несколько кверху, с выставленной вперед широкой грудью, с умным лицом, отличавшимся крупными чертами; - вижу его твердую, важную походку, его, несколько театральные, эффектные, но всегда благородные, красивые жесты; как теперь слышу этот, необыкновенно громкий, немножко торжественный, медленный голос, отчетливо, как бы вырисовывающий, отчеканивающий каждое слово своей, всегда красноречивой и сильной, речи. Во всей его личности, в манерах, в дикции – во всем виделся настоящий, блестящий оратор, трибун, призванный говорить толпе и ее импонирующий, - и такая манера всегда держать себя с достоинством, такое, несколько приподнятое, чтение лекций действовало на молодежь, по крайней мере на меня, очень внушительно. Я всегда думал, что публичное чтение требует, чтоб действовать на слушателей, непременно особых благоприятных физических условий и известного искусства декламаторского, чем, по-моему, в совершенстве обладал Николай Михайлович, и на что, к сожалению, в теперешние дни, так мало обращается внимания учителями и профессорами. Но лекции Николая Михайловича блистали не одной только красотой дикции и красноречием, - они были и глубоко содержательны и по обширной научности, и по необыкновенной жизненности. Как сказано уже раньше, я учился в классической гимназии, был на филологическом факультете, где классицизму давалось подобающее важное место; наконец, я девятнадцать лет, с самого введения нового, современного классицизма был сам учителем классической гимназии, и скажу, что, по моему глубокому убеждению, из всех преподавателей классицизма и в гимназиях, и в Петербургском Университете, каких только я ни знал, - Н. М. Благовещенский был единственный русский, глубоко убежденный и широко образованный, истинный классик, соединявший обширные знания древнего мира с горячей верой в его образовательно-воспитательное, культурное, гуманизирующее значение. И если и до сих пор, как словесник-учитель, я считаю знакомство с литературой Греции и Рима совершенно обязательным для молодежи, как основой нашей собственной культуры, то этим обязан я только Н. М. Благовещенскому. Как и большинство тогдашних профессоров, он не вдавался в специальные мелочи, не зарывался

в дебри грамматические, до чего так падки классики нашего времени, а старался ввести нас в духовные интересы древнего мира, дать картины общества с его настроениями умственными и нравственными, дать почувствовать дух писателя и ввести нас, так сказать, в самую лабораторию его творчества, не забывая при этом того влияния, какое производил он на умы современников. А чтобы эти писатели, эти все культурные явления, отделенные от нас тысячами веков, сделать понятнее нам, юношам второй половины XIX столетия, он нередко прибегал к сравнениям с произведениями истории позднейшего времени и сближениям с явлениями литератур иностранных, и особенно русской, чем способствовал и уяснению дела, и необыкновенному оживлению своих лекций. Читал он общий курс истории литературы римской почти до самого ее конца, но особенно памятные мне его специальные лекции о Персии и Ювенале (о последнем он прочитал и две блестящие публичные лекции), которые вызывали интерес тем больший, что судьба и сатирическое содержание до некоторой степени напоминали многие явления нашей собственной русской жизни, обратившейся тогда к усиленной критике своего прошлого и настоящего.

Из профессоров, давших мне, так сказать, более или менее, специальную подготовку к преподавательству русского языка и словесности, назову двух известных академиков, ныне уже покойных, Александра Васильевича Никитенко и Измаила Ивановича Срезневского. У первого, пригласившего меня давать уроки своему десятилетнему единственному сыну, я часто, в 1862 и 1863 году, бывал в доме, беседовал с ним, был обласкан его добрым семейством, и, как кажется, пользовался расположением покойного. Второму, в доме которого я также бывал несколько раз в 1862 г., но только официально, как готовящийся к сдаче диссертации, я написал, по его выбору и указанию, свою кандидатскую диссертацию «Семья как нравственная единица и хозяйство по Домострою», - памятнику, тогда еще почти вовсе не исследованному. Помню, что на этот, единственный мой в жизни, собственно научный, труд положил я немало сил, увлечения и стараний обработать его возможно красивее со стороны рельефности картины и живости популярного изложения. Помню, что Срезневскому диссертация понравилась, так что он вполне признал ее кандидатской, но заметил, что она скорее напоминает журнальную статью, чем ученую диссертацию. Я смутился и спросил, какие же в ней научные недостатки? Измаил Иванович улыбнулся и уклончиво отвечал: «Как вам сказать? Все верно, и факты подобраны и освещены, работали много...» Я прервал его: «Вы хотите сказать, Измаил Иванович, мало ученого багажа, слишком популярно по форме и резко по выводам?» Он засмеялся своим всегдашним, несколько ироническим, смехом, и сказал: - «Ну, да, вы скорее литератор, журналист, но не ученый...» Профессор был прав: ученым, в самом деле, я и не сделался...

Но возвратимся к этим двум весьма интересным и живо памятным мне личностям. Если профессора, мною обрисованные раньше, всем существом своим отдавались духу живой популяризации науки и составляли, так сказать, единое целое и с университетом, и с ищущей знания публикой, принимали живое участие в университетских делах и пользовались большой популярностью, то нельзя было сказать этого об этих двух представителях академической науки. Они держались как-то в стороне движения: на лекции к ним посторонние почти не ходили, да и студентов, кроме нас, филологов, у них почти не бывало. Люди, много пожившие, воспитанные тяжелым режимом, среди которого им пришлось и действовать большую часть жизни, они скептическим смотрели на неслыханное, и, как им казалось, совершенно неприличное, популяризирование строгой науки, и, как они думали, распущенность молодежи, так еще недавно сдерживаемой крепкой уздой. Зная близко настроение известной части высших сфер и, по опыту, мало доверяя либеральным увлечениям общества, которые, как и показало ближайшее будущее, вскоре перешли в самую мрачную реакцию и суровое осуждение того же самого, чему еще так недавно это общество поклонялось, эти два, более спокойные, «академические мудреца», стали в стороне, выжидая, что будет

дальше, и, как профессора, оставались такими же, какими они были на кафедрах и раньше, вовсе не заботясь о том, как к ним относятся молодежь и общество. Эти два лица, Никитенко и Срезневский – вспоминаются мне теперь, в сравнении с прочими, обрисованными мною личностями, как представители тогдашнего университетского консерватизма, но консерватизма убежденного, не исключającego прогресса, но только такого, который вводился бы постепенно, потихоньку, без всяких вспышек, увлечений, как достойная награда благовоспитанному обществу и школьникам, благодарно принимающим расточаемые о них попечения.

Но, не смотря на этот консерватизм, в этих людях, как профессорах, было немало и хорошего. И вот это-то хорошее мне и хотелось бы припомнить.

Александр Васильевич Никитенко, которого любопытнейшие записки и дневник (Русская Старина, 1889-1892 гг.) составляют драгоценный материал для знакомства с нашей историей просвещения за последние тридцать – сорок лет, был, как профессор, личностью, в высшей степени, своеобразной. Это был человек невысокого роста, коренастый и плотный, с умным, приветливым, лицом, живыми глазами, хитро смотревшими из под густых, нависших, с проседью, бровей, с почти совсем седыми, жесткими, волосами, слегка подстриженными, не поддающимися щетке и стоявшими всегда небольшим хохлом, придававшим лицу важность. – Несколько развалистая походка и неторопливые, плавные движения напоминали ленивого малоросса, который однако легко воодушевлялся, и тогда весь, как юноша, отдавался этому воодушевлению; его несколько вкрадчивый, мягкий и гибкий голос, баритонного, приятного, характера, невольно привлекал слушателя и располагал к говорившему. Его манеры и обращение, умеренные, красивые жесты, к которым он любил прибегать в разговоре и на лекциях, обнаруживали в нем какое-то особое изящество и привычку к хорошему обществу, в котором он много и вращался, а постоянные уроки в институтах и частные, которые он давал, преимущественно, девицам высшего круга, сообщали ему ту, особенно мягкую, изящную, несколько сдержанную, исключавшую всякое излишество, манеру держать себя в отношениях к другим, как замечается у людей, часто вращающихся между женщинами. Да простит мне память о моем покойном наставнике, если, в видах сохранения беспристрастной истины, скажу даже, что именно на кафедре, но не дома, где он был проще, он как будто немножко рисовался, и, декламируя, или читая лекции, обращал, может быть, иногда слишком, много внимания на красивую отделку фразы и на производимое ею впечатление. Но, не смотря на эти особенности, не нравящиеся некоторым, на немножко, как кажется, напускную важность, А. В. Никитенко был человек необыкновенно сердечный, простой и симпатичный. Он искренно любил свою науку об искусстве, видя в искусстве, особенно поэзии, величайшую, возвышающую душу, силу, и художественному наслаждению, выработке строгого эстетического вкуса, придавал огромное воспитательное значение. Этого вкуса, этого чутья прекрасного, изящества, требовал он не только в самом искусстве, в котором осуждал все резкое, грубое, тривиальное, но и в речи и манерах держать себя с людьми. Всегда вежливый, приветливый и мягкий и со студентами, и с домашними, и с прислугой, он, сколько я знаю, никогда не выходил из себя, всегда храня свое внутреннее достоинство. К событиям, людям и мнениям, возмущавшим его своим противоречием с тем, что он сам считал истинным, добрым, честным, относился он, по-видимому, довольно терпимо, пожалуй, спокойно, как бы философски, как Гораций, ничему не удивляясь и ничем не возмущаясь; в споре всегда давал высказываться противнику, признавая за каждым право иметь свои убеждения; но немногие, близкие к нему, люди, в редкие минуты полной его откровенности, когда за дружеской беседой, в тесном домашнем кругу, он являлся не академиком, не жрецом науки, не поучающим и взвешивающим каждое свое слово, профессором, а просто добрым Александром Васильевичем, могли видеть, как глубоко иногда он страдал от всего, что подчас видел, как возмущала его всякая неправда, низость, и, особенно, все то, что, как он думал может служить ко вреду горячо любимой

им России и столь высоко ценимому им просвещению. Но, повторяю, высказывался он редко, и вышедшие теперь, уже более чем через десять лет по его смерти, его записки и дневник, которые он хранил при жизни, как святыню, как тайну, показали, как много заветных дум, мыслей и чувств, часто таких честных, светлых, хороших, поверял он, в тиши своего уединенного кабинета, бумаге, которой поверял он чаще и больше, чем людям, свою, богатую опытами жизни, душу.

Как эстетик – это был гегельянец, поклонник чистого искусства для искусства, без отношения его к современности, видевший в поэте «аполлонова жреца», рожденного «не для житейского волнения, не для корысти, не для битв», а «для молитв и чистых звуков». Едва ли я ошибусь, если скажу, что стихи в душе он предпочитал прозе. Его любимыми поэтами были Гомер, Софокл и Шекспир, перед которыми он благоговел. Он чутко отыскивал примеры возвышенного в Державине. Меланхолическая поэзия Жуковского и элегии Батюшкова, вместе с чудной музыкой их стиха, находила в покойном, мастерски декламировавшем их наизусть, замечательно тонкого истолкователя, а Пушкин, особенно в Онегине, Борисе Годунове и дивной лирике, был для него величайшей святыней. Слезы блистали на глазах старика; силой поразительной, или льющей в душу ласкающей негой, звучал его, богатый гибкостью и вибрацией, голос, когда он читал перед нами свои любимые шедевры, как, напр., строфы из державинского Бога, Водопада, На смерть Меццерского, Море – Жуковского, Тень друга и Умиравший Тамм – Батюшкова, Онегина, или монологи Бориса. Какой это был удивительный декламатор, у которого не пропадало ни одно словечко, ни один оттенок мысли! Подобного ему я встретил впоследствии только раз, в одном старике-преподавателе словесности, Василий Тимофеевич Плаксин, о котором буду говорить потом, и как глубоко обязан я покойному Александру Васильевичу, именно как учителю, видевший на живом примере всю важность в классах словесности хорошего выразительного чтения. Лермонтова и Гоголя, сколько помню, Никитенко читал и разбирал редко, но относился он к ним, особенно к Гоголю, которого сочинения провел почти все в качестве цензора, а за пропуск «Коляски» был даже арестован, с величайшим уважением. Однако, понимал он великого писателя, кажется, не столько со стороны, опять-таки, эстетической, подобно тому, как понимал его Плетнев, Вяземский, Жуковский и С. Т. Аксаков. При таком отношении к искусству, Александр Васильевич, хотя и принимал участие в сороковых годах в редакции некрасовского «Современника», когда выступили там Григорович, Тургенев и Достоевский, и вращался некоторое время в кружке писателей сороковых годов, но обличительно-критическое и реальное направление нашей литературы возрождения (со второй половины пятидесятых) была старику не по душе; - он видел в ней падение любимого искусства, а в новой критике подчас и легкомысленное отношение к авторитетам.

Но, при его некоторой односторонности, исключительно в чисто эстетическую сторону, я должен сказать, что Александр Васильевич, отнюдь не насилуя моих личных вкусов и направления, и не сделав из меня адепта своих взглядов, имел большое и благотворное влияние на мое эстетическое развитие. В ту эпоху нашего русского Sturm'a и Drang'a, когда, в крайнем увлечении реализмом, развенчивались и Пушкин, и Лермонтов, и Белинский, - этот, может быть, односторонний, но убежденный и искренний человек, вселил во мне, юноше, чутье художественной «красоты», которая уже сама по себе, безотносительно, воспитывает человека. Он выучил меня боготворить эту красоту, смотреть на искусство, как на святыню, требующую от ее жреца-художника возвышенной мысли, известного подъема духа и достойной формы, без коей настоящего искусства нет. И если впоследствии, на поприще учителя словесности, мне сколько-нибудь удавалось действовать воспитательно на вкус учащихся посредством поэзии, заставляя их полюбить ее и в ней находить наслаждение, то, в значительной степени, обязан я этим также Александру Васильевичу, как и сознанием важности художественного выразительного чтения.

Обращаясь, собственно, к лекциям Никитенко, я должен сказать, что никакой определенной системы, научной последовательности, целого курса, в роде курсов Стасюлевича, или Костомарова, в них не было. Номинально он читал теорию поэзии в связи с другими искусствами, и я даже достал хорошо составленный одним из его любимых прежних слушателей целый курс записок, в виде объемистой тетради. Но курса этого при мне он не читал, и был этот курс сам по себе, а лекции сами по себе. Записки эти, сколько помнится, были высокопарны, многословны, мало понятны, вследствие множества философских терминов и отвлеченных рассуждений о высоком, прекрасном и тому подобных, хитрых, и едва ли вполне объяснимых, материях, и отдавали туманной философией Гегеля, в чем и убедился я впоследствии, одолевая с превеликим трудом гегелевскую трехтомную эстетику. Лекции Никитенко были необыкновенно живыми и увлекательными импровизациями художника-лектора, который, не стесняясь никакой программой, планом или конспектом, всякий раз брал какое-нибудь отдельное художественное произведение русского поэта, или, напр., монолог из Шекспира, и, великолепно прочитав его наизусть, чем сразу захватывал свою немногочисленную аудиторию, начинал говорить по поводу прочитанного, разбирая и мысль, и постройку, и объясняя красоту деталей и формы. Импровизация, куда входило попутно множество понятий эстетических, историко-литературных, этических, возбуждала вопросы, которые мы тут же предлагали лектору, обращалась нередко в живую беседу, причем, лектор переходил к другим произведениям, которые тут же также прочитывал, - к сопоставлениям с другими писателями, указывал книги, произведения, рекомендуемые для прочтения, - словом, легко, вполне популярно и приятно, обогащал нас целой массой знаний в области эстетики и истории литературы русской и иностранной, знакомил нас со множеством неизвестных нам писателей, заинтересовывая ими и побуждая знакомиться с ними уже нас самих. Так, помнится, напр., я узнал из этих лекций-импровизаций, что такое критика (один из любимых коньков Никитенко, написавшего известную книжку «Речь о критике», так хорошо разобранную Белинским); на Тени друга и других элегиях Батюшкова – значение художественного выражения идеи в форме; на Море Жуковского и балладах – сущность и характер романтизма; Ромео и Джульетта положила основание для знакомства с Шекспиром, о котором Никитенко говорил много, и с особенной любовью; Державинские оды, Наполеон, Пушкина подали повод к беседе о высоком в поэзии; отрывки из Онегина – о прекрасном, нежном и отрицательном. Так, в своих живых, импровизированных, как называют теперь у нас «конференсах» - беседах, незаметно и приятно развивал почтенный профессор вкус и возбуждал любовь к изящному, обращая нас к занятиям литературой, уже самостоятельным.

Если только что описанный почтенный наставник и теперь, более чем через тридцать лет, ясно рисуется в моем воображении, а, благодаря своим запискам и дневнику, еще более понятен, то далеко не могу сказать этого об Измаиле Ивановиче Срезневском, который и до сих пор остается для меня загадкой. Это была личность тоже своеобразная, оригинальная. Человек очень большого, острого, скептического ума и меткого иронического остроумия, он, помимо своей специальности в славянских наречиях, преимущественно в древнерусском и церковнославянском языках, был энциклопедист, обладавший громадною памятью, и поражал блеском и живостью речи. Самолюбиво дававший чувствовать свою ученость и этот энциклопедизм вообще, любивший ловко и к стати мимоходом коснуться своих близких отношений, чуть не ко всему западному славянскому ученому миру, с которым сблизился он за границей во время своих путешествий, он мог поразить блеском и увлекательностью лекций, но из этих лекций, сколько помню, выносил, по крайней мере, я, очень мало. Ни сравнительной грамматики, ни истории славянских литератур, ни даже определенных представлений о старом и современном славянстве и его задачах он почти не давал, а просто разбрасывал перед немногими слушателями, как бы невзначай, целую массу отрывочных и оригинальных мыслей о языке вообще и разных теориях его происхождения, о тех или

других славистах, отдельных русских и славянских писателях, древних памятниках, не пренебрегая и анекдотом, метко обрисовывающим личность или явление. Даже самих памятников он почти никогда не читал, предлагая желающим изучать славянские наречия и литературу самостоятельно, что, конечно, было для нас слишком трудно; но в то же время становился крайне снисходительно к тем, кто почти не занимался вовсе. Его лекции, как и лекции Никитенко, были тоже импровизациями, но только без той теплоты, сердечности и глубокой веры в преподаваемый предмет, какие были у последнего. Я бы позволил себе сказать даже так (конечно, я говорю только о своих личных, может быть, ошибочных впечатлениях): Никитенко, излагая перед нами свои, всегда, впрочем, определенные по содержанию и составлявшие законченное целое с ясными выводами, импровизации, действительно учил, или хотел учить нас, веруя в силу и важность своего предмета и видя в слушателе личность, пришедшую учиться; Срезневский как бы снисходил до нас, небрежно бросая кое-какие крупинцы из богатой житницы своей учености, разнообразных знаний и жизненного опыта; бросал как бы шутя, подчас очень зло, желчно разбивая ту или другую научную теорию, или мнение, развенчивая ту или другую, якобы авторитетную, личность; но воспользуемся ли мы, и как, этими крупинцами, до этого, как мне по крайней мере казалось, ему не было никакого дела. Я, право, даже не могу сказать, верил ли покойный серьезно, в глубине-то души, закрытой для посторонних, в будущность славянского мира, что он думал о судьбе славянства, о славянофилах, панславизме и наших отношениях к славянскому миру. И если образовались у меня какие-нибудь определенные взгляды и убеждения насчет славянства, как русского, так и остальной Европы, то обязан я этим не Срезневскому, а позднему знакомству с известными книгами Пыпина (Характеристики литературных мнений, История славянских литератур – Пыпина и Спасовича, История русской этнографии), некоторым журнальным статьям и сочинениям самих славянофилов. С шестидесятих еще годов, с легкой руки Тургенева, пустившего в оборот ловкое словечко, нас, тогдашнюю молодежь, стали обзывать ни во что якобы не верящими нигилистами и насмешливыми скептиками, и в том же нигилизме и скептицизме жестоко укоряли литературу; - но, не входя в рассуждение, так ли это было на самом деле, я сказал бы, что не малую долю, именно скептического отношения к людям, явлениям жизни и самой науке, часто несправедливо претендующей на непогрешимость выводов, вынес я в значительной степени именно из лекций наиболее консервативного профессора, патентованного русского ученого и академика И. И. Срезневского. И за этот-то скептицизм я не только не упрекаю его памяти, но всегда вспоминаю его с благодарностью: выучил он меня очень немногому – это правда, да, вероятно, виноват в этом и я сам; но, не рядясь в ученую тогу, этот «маленький Вольтер» на кафедре русского столичного Императорского университета возбудил и утвердил во мне дух критики по отношению к науке, людям и жизни, а там уже, что признать, или отвергнуть, - это было, как и у всякого, делом своего собственного крайнего разума. Это говорю я серьезно, без малейшего неуважения к памяти покойного. Но, если мало знаний дали мне лекции И. И. Срезневского о славянстве, то величайшее значение для меня, в смысле подготовки к учительству, имели несколько лекций, прочитанных им публично О преподавании русского языка. Слушателей, как специальные, собирали они мало; но в них было столько оригинального, умного и практически приложимого к преподаванию русской грамматики на живом языке, что, вместе с известной книгой Ф. И. Буслаева О преподавании отечественного языка, эти лекции, вышедшие отдельной книжкой и потом в значительной степени вошедшие в известную книгу Срезневского Мысли об истории русского языка, положили серьезное основание и метод всему нашему позднему отечественному языкознанию в применении последнего к школьному курсу. К величайшему моему сожалению, только уже на третьем курсе, и то, если не ошибаюсь, один только второй семестр, привелось мне слушать А. Н. Пыпина, приглашенного на новую, столь необходимую для филологов, кафедру Всеобщей истории

литературы. Помнится, еще задолго до его появления в Петербургском университете, в публике, как и между студентами, ему предшествовала самая лестная репутация солидного молодого ученого. Это уже сразу располагало к нему молодежь; но, с первых же лекций, увидев, что они, отличаясь строгой научностью, представляли, по-видимому, интерес только для специалистов, большинство нахлынувших было слушателей перестало его посещать, и остались его постоянными и усердными слушателями почти только одни филологи разных курсов, которых в то время было всего-то, на всех четырех курсах, едва ли более ста. После серьезного вступления, где определил он значение своего предмета в ряду наук, современное положение последнего в науке европейской и указал основные приемы научной критики и главнейшие источники, он прямо перешел к рассмотрению средневековой литературы, сколько помнится, провансальской и средневековых французских летописцев-мемуаристов. Странное впечатление, сравнительно с названными профессорами, произвел на меня в первое время Александр Николаевич, пока я несколько не привык к нему и не стал все больше и больше интересоваться предметом и уважать профессора. Не было у него ничего внешнего, блестящего, поражающего, - ничего такого, что так увлекало меня, напр., в Стасюлевиче, Костомарове или Никитенко: ни французского блеска и текущей, красноречивой, бойкой речи первого, ни оригинальной художественности второго, ни изящества и задушевности третьего; не было и иронического тона и разнообразия занимательного, часто анекдотического, содержания лекций Срезневского, - ничего этого у Пыпина не было, и многим из нас, избалованным красотой лекций и популяризацией науки, это могло не нравиться. Но, по отношению к себе лично, я должен сказать, что, за все мое студенческое время, из всех слушанных мной филологов, кроме Костомарова – все-таки профессора-художника, много бравшего и своей личностью, А. Н. Пыпин преимущественно остался в моей памяти идеалом вполне спокойного, строго серьезного, ученого, всецело отдавшегося науке, нелицеприятные выводы которой даются только путем долгого и упорного самостоятельного исследования источников и глубокой исторической их критики. Своими немногими лекциями он показал мне настоящую необходимость для науки основательного знания иностранных языков, недостатком которого так страдают русские студенты; показал, сколь важно для учителя словесности знакомство с литературой европейской, и как много требуется от человека упорного, долгого, труда, чтобы внести в науку хоть что-нибудь новое, существенное. Под влиянием то именно этого человека и полюбил я всеобщую историю литературы, с которой с того времени и стал более основательно, по мере сил и возможности, знакомиться, и знакомить с которой в простой и доступной форме, моих учеников и учениц стало во всю мою последующую учительскую деятельность одной из главных моих задач. Каким был Александр Николаевич в свое недолговременное профессорство, таким остался он и во всю свою жизнь, по настоящее время. Издав под своей редакцией капитальнейший по истории всеобщей литературы, обширный труд Геттнера (История литературы XVIII в.), он перешел к исследованиям литератур славянских и своими собственными, строго научными, трудами по истории литературы русской – «Общественные движения при Александре I», «Характеристики литературных мнений», «Белинский, его жизнь и переписка» - внес, едва ли не единственный у нас научный обширный систематический вклад в историю русской литературы XIX в., которая, как наука, с А. Н. Пыпина, кажется, только и начинается. Вот, кажется, и все профессора моего факультета, которые, так или иначе, имели на меня, юношу, большее или меньшее влияние, и интересовали меня наукой. Они заставили меня видеть в науке святыню, которой нужно служить честно и нелицеприятно, посвящая ей все свои силы и способности, и нелегкий, долгий, упорный труд, но которая за то, также всякому, кто хоть сколько-нибудь добросовестно ей послужит, дает великое наслаждение в бескорыстном искании истины. Они же, эти наставники мои, показали мне, какую наука имеет культурную силу, и как может эта

наука облагораживать и осчастливливать человека; как от степени распространения широкой образованности прямо зависит увеличение человеческого благосостояния. И вот, под влиянием этих-то людей, я, полный юношеского идеализма, уже в детстве мечтавший о профессорстве и учительстве, твердо решил посвятить себя служению обществу в качестве учителя.

Вглядываясь в даль моего университетского прошлого, скажу кстати несколько слов и о том, какими весьма существенными пробелами, только отчасти пополненными потом, уже гораздо позже, страдало наше факультетское филологическое образование. Совсем отсутствовал у нас самый важный, основной, предмет гуманистического образования – философия, понимая под нею логику, психологию и историю философии. Последней и не полагалось в числе факультетских предметов; что же касается первых двух, то, отданные в руки духовных лиц, эти науки были чем-то в роде весьма краткого и поверхностного дополнения к богословию, которого почти никто не слушал, и отличались схоластическим характером. Эти предметы существовали у нас только как бы для виду, никого собой не интересуя, и, сдав экзамены по крошечным литографированным тетрадкам, раздаваемым профессором заранее, мы вышли из университета с полнейшим отсутствием всяких знаний по логике и психологии, с которыми однако же те из нас, которые подобно мне сделали учителями словесности, должны были впоследствии хоть сколько-нибудь знакомить учеников. Не слушал я и педагогики, так как профессор ее, директор Ларинской гимназии Фишер, начавший было читать, вскоре умер, а после него кафедра так и не была замещена. Весьма любопытно, чтобы не сказать, крайне странно, что у нас в России и до сих пор вовсе не существует кафедры истории педагогики ни в одном университете, а между тем педагогика читается обязательно во всех средних женских учебных заведениях, на женских педагогических курсах, в учительских школах, семинариях и институтах. Конечно, не мало можно было бы указать и других слабых сторон, или недочетов в тогдашнем преподавании на нашем факультете; рядом с обрисованными мною семью профессорами, оставившими по себе добрую память и уважение, были и другие, из коих о некоторых вспоминаю с улыбкой, но я не буду говорить о них, так как они и весьма немногому меня научили, и вовсе не имели на меня никакого влияния. Поэтому, вспоминая с благодарностью обо всем хорошем, что я вынес из своей *alma mater*, повторяю вместе с Пушкиным:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым, и живым,
К устам подъяв признательную чашу
Не помня зла, за благо воздадим!».

«Оглядываясь в прошлое, удивляюсь, как это, лет за тридцать пять назад, могли существовать в университете круглые, бессемейные, бедняки, подобные мне, не получая со стороны университета ровно никакой материальной поддержки. Правда, все переходящие из гимназии, как и я, «казеннокоштные» гимназисты, от платы слушание лекций освобождались, но за то в первый год никакими стипендиями не пользовались, - так что должны были жить и питаться где, чем и как им было угодно. Кроме нескольких, очень немногочисленных, стипендий (напр., И. А. Крылова), которые получить было чрезвычайно трудно, никаких стипендий, казенных или частных, не было тогда вовсе, а существовали, как называли у нас некоторые, особые «балловые деньги» - семь с полтиной в месяц, которые выдавались помесечно «казенным» студентам (т. е. освобожденным от платы за лекции), но не иначе, как только через год, после переходных экзаменов во второй курс, как бы в награду за 4 ½ балла в среднем, - причем, на следующий год, если бы студент получил на испытаниях баллов хотя бы четвертью менее, эта месячная премия за хорошую науку прекращалась. Таким образом, если на втором курсе в перспективе представлялись семь с полтиной, то в первый год не

получилось уже ни откуда ровно ничего. Можно было, правда, выхлопотать что-нибудь из суммы, собранной с ежегодного концерта, наконец, из нашей собственной, едва возникшей, кассы; но нуждающихся было так много, а денег так мало, что урвать что-либо было и трудно, да просто и совестно, если только проситель буквально не умирал с голоду. И вот, особенно на первом курсе, образовывался особый «мыслящий пролетариат», плохо одетый, без калош и теплого платья, весьма часто голодный, иногда даже без квартиры, т. е. своего угла, где бы можно было хоть переночевать; но, не смотря ни на что, - пролетариат необыкновенно бодрый духом, даже веселый и остроумничавший над своим же курьезным положением, - пролетариат выносливый, без боязни, с верою глядевший в будущее, оптимистически относившийся к жизни и ухитрявшийся еще читать, работать, даже иногда попасть в театр, и – даже, зачем таить грех?.. – скромно покутить с товарищами, угостив подчас и других, ребром поставленной, попавшей в карман копейкой...

Так-то и проживал, главным образом, благодаря товариществу, наш тогдашний бездомовный «пролетариат». Это-то товарищество было, по крайней мере для меня, великой воспитательно-общественной силой, поддержавшей и сформировавшей мой характер в годы юности. В наше время оно тесно и быстро сближало студентов, без различия факультетов, даже курсов, поддерживало и ободряло друг друга и вносило в жизнь основы общественности, взаимопомощи, нравственного контроля над собой и известный благородный идеализм. Фамильярное же «ты», на которое тогда переходили студенты с первого же знакомства, было как бы внешним выражением той нравственной солидарности, какая чувствовалась в нас по отношению ко всему студенчеству...».

Острогорский, В. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851-1864). – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1895. – С. 41-84, 87.

Церетели Акакий Ростомович

1840-1915

Грузинский поэт, писатель, идейный предводитель национально-освободительного движения Грузии, мыслитель-просветитель и национальная общественная фигура.

В 1859—1862 годах был вольнослушателем факультета восточных языков Петербургского университета.

«Как-то раз ко мне ворвался знакомый студент, по фамилии Гамбурцев, и сообщил: - Сегодня в двенадцатой аудитории будут судить какого-то грузина. Выяснилось, что он провокатор.

Я удивился. Не верилось как-то, чтобы среди грузин нашелся хоть один человек, не гнушавшийся таким ремеслом. Но мною все же овладело беспокойство, и я пошел в аудиторию. Там собралось не меньше тысячи человек. Среди них не было ни одного грузина. На кафедре стоял Неклюдов – тот самый, что впоследствии стал прокурором сената и товарищем министра, рядом с ними Афанасьев и кто-то еще – не припомню его фамилии.

Неклюдов, смеясь, говорил студентам:

- Господа! Этот случай доказывает, что нам следует впредь быть осторожнее в своих поступках. Вот и нынче, если бы мы не знали этого человека лично, мы поверили бы клевете и опозорили бы его зря. А человек этот – Акакий Церетели.

Неклюдов сошел с кафедры, пожал мне руку и рассказал, что вся эта история заварилась из-за меня. Бог спас меня на этот раз благодаря тому, что руководители студенчества –

Неклюдов, Афанасьев и несколько других – знали меня. Я только рассмеялся в ответ на их слова и ничего не сказал».

«После этого я пробыл в университете еще три года. За эти годы произошли студенческие волнения. Некоторые наши соотечественники приняли в них участие и поплатились за это тюрьмой. Меня среди них не было – не потому, что я боялся тюрьмы. У меня тогда сложилось убеждение, на котором я стою и доньше и от которого не могу отказаться: студенту следует сначала учиться, кончить курс, и лишь потом он имеет право идти на все и жертвовать головой. У нас же все делается наоборот. Однако то обстоятельство, что я не участвовал в беспорядках, окончательно оттолкнуло от меня товарищей, и я тотчас же после окончания университета переехал в Москву».

Церетели, А. Пережитое. – М.:Гос. Изд-во худ. Литература, 1950. – С. 105-107.

Терпигорев Сергей Николаевич

1841-1895

Писатель, публицист. В 1860-1862 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета

Костомаров был самым популярным профессором; студенты его обожали, наполняли его аудитории, аплодировали ему по окончании лекции и даже выносили иногда из аудитории на руках... Но тут вдруг все перевернулось тогда, и Костомаров из любимейшего профессора сделался предметом «общей» ненависти, ему начали свистать, грозили даже побить его, а один адвокатик, теперешний, из еврейчиков, прославившийся набором «ужасно либеральных» фраз и скандальной дуэлью, назвал его в глаза подлецом...

И все это за то, что когда закрыли университет, и в думе на Невском было разрешено некоторым профессорам продолжать читать лекции, Костомаров, несмотря на угрозы людей подстрекавших и подбивавших студентов на волнения и беспорядки, не согласился отменить чтение и читал. Тогда вот была устроена ему этими господами та безобразная история в думе, которая позорной памятью легла на все, в сущности невинные, волнения и беспорядки того времени.

Терпигорев С. Н. Воспоминания // Исторический вестник. – 1896. – Т. 64, апрель. – С. 59-60.

Воронов А. [Г.]

В 1860-1861 годах учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

«В С.-Петербургский университет я вступил в 1860 г... Не зная вовсе древних языков, я должен был в течение года почти все время употребить на занятие латинским языком и на приемном экзамене получил по этому предмету высшую из трех отметок, которые

тогда ставились экзаменовавшимся (весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно). Знания греческого языка не требовалось ни для какого факультета, и потому я, по выдержании экзамена по всем остальным предметам, мог поступить на какой угодно факультет. Греческим языком я только начал заниматься, и потому, очевидно, я наименее был подготовлен к поступлению на историко-филологический факультет. Между тем, именно этот факультет был избран мной. Меня влекло туда стремление ознакомиться со славянскими наречиями и славянской историей... Полагаясь на свои силы, я считал возможным одолеть оба древних языка, насколько это окажется необходимым.

В 1-й год по зачислении в студенты (1860-61 учебный год) я продолжал еще занятия латинским языком, аккуратно посещая лекции – если их можно так назвать – Гр. Ив. Лапишина, который занимался с нами переводами Тацита. Лекций греческого языка я решил покуда не слушать, думая подготовиться к ним к следующему году. Между тем слушал лекции Н. И. Костомарова, М. И. Сухомлинова и Изм. Ив. Срезневского и по окончании учебного года был по тогдашним правилам без экзамена переведен на 2-й курс того же факультета.

2-й студенческий год (1861-2 учебный год) мне не пришлось слушать университетских лекций, так как вследствие студенческих волнений университет был закрыт. Я был, согласно прошению, уволен из числа студентов со свидетельством о состоявшемся переводе во 2-й курс. Предоставленный самому себе, я, оставив в стороне занятия древними языками, занялся исключительно чтением...

На следующий учебный 1862-63 год в Петербурге были открыты только 2 факультета: физико-математический и восточных языков, а для бывших студентов прочих факультетов были учреждены 150 стипендий по 200 рублей в год: 30 в университете Московском и по 60 в Харьковском и Казанском».

Воронов, А. Воспоминания бывшего студента Харьковского университета // Русская старина. – 1913. – Т. 154, июнь. – С. 572-573.

Френкель Александр Самойлович

Юрист, присяжный поверенный, издатель Кавказского обозрения, секретарь Кавказского Юридического общества.

Окончил юридический факультет Петербургского университета в 60-х годах XIX века.

«Это было в начале шестидесятых годов, т. е. в то время, когда все жило у нас полной жизнью, когда всеми нашими побуждениями руководили и ум, и сердце, и нервы: когда вся мыслящая Россия была переполнена самых радужных надежд на будущее, когда каждый старался внести свою долю знания и труда для общего блага, для общего дела; словом, это было в первый период великих реформ прошлого царствования – реформ, обновивших Россию и выдвинувших целую плеяду новых и полезных деятелей по всем отраслям русских знаний...

Конечно, начатые реформы (крестьянская) и бывшие в зачатке (судебная и др.) и связанные с ними радужные надежды на улучшение материального и нравственного благосостояния России и вообще новые веяния и учения не могли не свить себе гнезда в стенах петербургского университета, вся корпорация которого, в лице профессоров и студентов, конечно, вполне сочувствовала тогдашним реформам и лучшим начинаниям. Многие профессора и студенты с.-петербургского университета того времени явились впоследствии весьма деятельными проводниками в жизни начинаний шестидесятых годов. Имена Кавелина, Спасовича, Стасюлевича, Неклюдова и многих др., бывших в с.-

петербургском университете в то время, о котором мы говорим, достаточно известны русской интеллигенции; но и многие другие личности, с более скромными именами, из бывших студентов 60-х годов петербургского университета, каждый в своей сфере, старались общими усилиями содействовать делу возрождения России.

В этом отношении с.-петербургский университет сослужил громадную услугу своему отечеству.

Да оно иначе и не могло быть: лучшие и более интеллигентные силы, понятно, были там, где процветала живая наука, где вносился свет во все людские поступки и где учили быть осмысленными деятелями своего отечества...

Общество того времени с замечательным сочувствием относилось ко всему, что исходило из университета; студенты были предметом всеобщего внимания; дамы охотно посещали университетские лекции и носили студенческие (голубые) цвета... Сами студенты, в свою очередь, жили жизнью своего университета, интересовались всем, что касалось его *almae matris* и уже в университете многие отличались на литературном поприще.

Деятельность студентов в самом университете кипела на всех парах.

С разрешения попечителя с.-петербургского учебного округа, незабвенной памяти Г. А. Щербатова, приступлено было к изданию периодического «Сборника» из самостоятельных и переводных трудов с.-петербургского университета. Кроме того, было также разрешено учреждение кассы для вспомоществования недостаточным студентам. С целью увеличения студенческой кассы давались концерты, устраивались публичные лекции и т. д.

Касса студентов управлялась депутатами и редакторами «Сборника», избиравшимися по факультетам. От каждого факультета и разряда избирались по два депутата и по два редактора, за исключением разрядов: юридического и административного, на которых, по многочисленности студентов, избиралось по три депутата.

Таким образом в управлении кассой участвовали 14 депутатов и 12 редакторов.

Депутаты и редакторы из своей среды уже избирали секретаря и кассира кассы.

Все шло хорошо; только эпизод с кассиром Н. Т. Б-ком, у которого не хватило в кассе 1051 руб. 84 коп., вызвал инцидент, доведший его до университетского суда...

Случай этот вскользь затронут В. Д. Спасовичем в его «За много лет», стр. 16, и был предметом первого публичного суда в России, о котором я хочу сказать несколько слов, как участвовавший в этом товарищеском суде, в качестве одного из защитников обвиняемого.

Н. Т. Б-к студент 2-го курса избран был, на сходке 5-го октября 1860 г., в депутаты административного разряда (22 голосами). Так как он в продолжение месяца аккуратно и ревностно исполнял свои обязанности, то и был выбран, по большинству голосов, приемным кассиром на сходке депутатов и редакторов 3-го ноября того же года. Тогда же депутат А. Заварицкий, исправлявший обязанности кассира, отказался от этой должности.

Первые два месяца кассирской деятельности д-т Б-к исполнял свои обязанности исправно; книги прихода-расходные и книги выдач были ведены аккуратно. Б-к являлся на все сходки, почти каждый день бывал в университете и студенты, которым назначались ссуды и пособия, могли во всякое время получать деньги. Кроме того, Б-к заведовал концертами, продавал при пособиях других депутатов билеты, производил расходы по концертам, имел сношения с артистом Шубертом, по устройству концертов, уплатил ему во второй половине декабря 1860 года 1500 р. за концерт. В начале января 1861 года Б-к заведовал продажей билетов на лекции профессора Костомарова, и представил отчеты об этих лекциях на сходку 19-го января 1861 г. Отчеты по отзыву деп.

Апахалова, который проверял эти отчеты, оказались верными.

На той же сходке 19-го января, потребован был от депутата Б-ка отчет о концертах; но Б-к отозвался, что он не успел составить отчета, и потому нельзя было привести в

известность, сколько тогда было у Б-ка денег. Известно было, что 17-го января Б-к получил из казначейства университета (где хранились студенческие суммы) 100 руб. кредитными билетами и 16 билетов государственного казначейства на 800 руб. (по 50 руб. каждый), всего 1500 р. не считая процентов, для уплаты г. Шуберту за концерты. Б-ку поручено было продать с выгодой для кассы билеты государственного казначейства.

После того Б-к был на сходках депутатов и редакторов 21-го и 28-го января, а также на сходке студентов административного разряда 30-го января, на которой вновь был избран депутатом.

Между тем до сведения депутатов и редакторов стали доходить слухи, что г. Шуберт не получил еще остальных денег за концерты и разглашает о том по городу. Некоторые из депутатов и редакторов спрашивали Б-ка о причине его медленности, на что он отвечал, что не успел разменять билетов государственного казначейства, за которые ему предлагали незначительные деньги. Это возбудило подозрение депутатов и редакторов, и когда Б-к не явился на сходку 2-го февраля 1861 года и вообще перестал являться в университет, так что многие студенты не смогли получить назначенных им денег, то назначена была 7-го февраля сходка депутатов и редакторов для представления Б-ком отчетов и денег, которые должны быть вложены в казначейство университета.

Об этой сходке депутат Заварицкий и редактор Булах объявили Б-ку, который ответил, что будет на этой сходке, но Б-к на сходку не явился и не доставил денег и отчетов. Тогда же сходка положила: «депутата Б-ка отрешить от должности кассира, за неисполнение обязанностей; исполнение же должности кассира поручить депутату Заварицкому, которому вместе с депутатом Падалкой принять сумму и отчеты от депутата Б-ка; кроме того, представить факультету на обсуждение действия депутата Б-ка».

После сходки депутаты Заварицкий и Падалка были у Б-ка; но братья его сказали, что он не возвращался домой с 6-го февраля и что они не знают, где он находится...

8-го февраля, к 5-ти часам пополудни, были у Б-ка депутаты: Заварицкий, Первов и редактор Булах. Братья Б-ка заявили также, что Н. Б-к еще не возвращался домой с 6-го февраля и показали полученную от него записку, в которой он пишет им, что болен и находится в одном доме, где за ним хороший присмотр, и что надеется, с позволения доктора, возвратится скоро домой. При этом брат Н. Б-ка, П. Т. Б-к, говорил с какой-то таинственностью, что он не знает наверное, где его брат, но догадывается и надеется похитить брата из этого дома и представить его в четверг, 9-го февраля, в университет. Если же ему не удастся это, то он хотел объявить полиции о пропаже брата. Это он сказал после того, как депутаты сообщили ему свое намерение просить содействие обер-полицеймейстера к отысканию Н. Б-ка. Депутаты просили П. Т. Б-ка отправиться вместе с ними к брату, если он догадывается, где находится его брат. На это П. Т. Б-к ответил, что это будет бесполезно и может повредить делу. Тогда депутаты спросили, не оставил ли Н. Б-к дома денег кассы и книги и другие документы? На что П. Т. Б-к ответил, что все деньги кассы находятся при Н. Б-ке, а документов и книг он не оставил дома.

На другой день (9-го февраля) в час с половиной пополудни П. Б-к был в университете и объявил в присутствии депутатов: Заварицкого, Лобанова, Падалки и редактора Оханова, что брата он не нашел, а получил от него записку, в которой Н. Б-к пишет своему брату (от 10-го февраля 1861 г.): «Я знаю, какие беспокойства происходят дома у нас; все это скоро пройдет. Доктор поручился, что мне можно выехать в понедельник, а потому объяви Заварицкому, чтобы редакция составила отчет и привезла бы его к нам в понедельник вечером или во вторник утром и приняла бы капитал».

По получении этого письма депутаты и редакторы решили обождать до вторника.

Между тем вскрыт был стол кассира Б-ка (ключ от которого находился у него), чтобы

узнать: все ли книги и документы в целости. Вскрытие стола произведено 10-го февраля, в присутствии: профессора уголовного права и судопроизводства В.Д. Спасовича, помощника инспектора Озерецкого, некоторых депутатов и редакторов и многих студентов. О вскрытии стола составлен секретарем кассы Нееловым акт, в котором описаны все книги и документы, найденные в столе Б-ка. Все найденное передано, по описи, депут. Заварицкому. В числе других книг найдены: прихода-расходная книга депутата Б-ка, прихода-расходная книга по кассе, книга для записывания сумм, выдаваемых нуждающимся студентам и книга протоколов. Книги эти были рассмотрены редактором Булахом и депут. Заварицким, и, при сличении этих книг между собой и с прихода-расходными книгами других депутатов и редакторов, оказалось, что в январе месяце Б-к неаккуратно вел свою депутатскую прихода-расходную книгу и прихода-расходную книгу по кассе, многие суммы полученные и израсходованные им не были записаны. Редактор Булах из сличения книг и отчетов о концертах и публичных лекциях проф. Костомарова вывел то, что именно не было записано в депутатской книге Б-ка и в прихода-расходной книге по кассе. По вычислению ред. Булаха, поверенному деп. Заварицким, оказалось, что у деп. Б-ка должны быть налицо суммы кассы: расходных сумм – кредитными билетами 1,310 р. 36 к. сер. и 16 билетов госуд. казначейства; запасного капитала 141 руб. 48 коп. сер. и два билета государственного казначейства, всего кредитными билетами 1451 р. 84 к. сер. и 18 билетов госуд. казначейства по 50 руб. каждый.

11-го февраля депутат Заварицкий получил от депут. Б-ка чрез посредство студента Боссе, 400 руб. кредитными билетами и 18 билетов госуд. казначейства, а 13 февраля депут. Заварицкий был у депут. Б-ка для получения остальных денег; но Б-к объявил, что у него нет денег, что он заботится о том, чтобы занять деньги для уплаты в кассу и ждет получения их со дня на день; при этом Б-к не говорил, на что он истратил деньги. Он просил Заварицкого приехать через два дня для получения денег.

Депут. Заварицкий был у Б-ка 15-го февраля, но денег не получил. Б-к просил подождать один или два дня.

В этот день Б-к, по указанию Заварицкого, исправил некоторые ошибки, сделанные им в книгах кассы. О результатах своих поездок к Б-ку Заварицкий уведомил депутатов и редакторов.

В четверг, 16-го февраля, в 12 ч. утра, депутат Падалка был у Б-ка, но не застал его дома. Падалка видел в квартире Б-ка студента Боссе и просил его передать Б-ку, что если сумма не будет представлена в тот день вечером, то депутаты объявят о том всем студентам.

В пятницу, 17-го февраля, была сходка студентов административного разряда, на которой положено: «Депутата Б-ка, за недобросовестное выполнение своих обязанностей, отстранить от должности депутата; выбор новых депутатов произвести во вторник, 21 февраля, в 10 ½ час. утра, пригласить на эту сходку Б-ка для объяснения». Об этом приглашении на факультетскую сходку редактор Булах письменно уведомил Б-ка.

В понедельник, 20-го февраля, вечером, Б-к был в квартире у депутата Заварицкого и исправил окончательно ошибки, сделанные им в прихода-расходных книгах. При этом редактор Булах и депутат Заварицкий снова напомнили Б-ку о сходке, назначенной 21 февраля и Б-к обещал на нее явиться. На другой день на сходку явилось шесть или семь студентов административного разряда и потому сходка не состоялась. Но Б-к на сходку не явился, а прислал со студентом Боссе письмо на имя редакторов и депутатов. Письмо это было следующего содержания:

«М.г.! Болезнь и расстройство не позволяют мне лично явиться к вам, а потому я должен объяснить вам следующее: несчастье, постигшее меня, поставляет в необходимость предложить обществу господ студентов, по случаю потери капитала, следующие условия: надеюсь, что эти условия примутся в уважение. 1) Капитал,

потерянный мною, обеспечиваю стипендией, с предоставлением ежемесячно удерживать полностью на пополнение потери; 2) поручительством лиц из среды гг. студентов, заслуживающих полного доверия, что капитал внесен будет в сентябре месяце 1861 года, а может быть и раньше, потому что в моем несчастье, кроме родных, принимают участие и посторонние люди, по взносу этого капитала, и 3) личные мои старания по званию кассира, которые сопряжены были с трудом, постоянной заботливостью и потерей времени». Подписано: «Н. Б-к, 20 февраля 1861 года». Письмо это возбудило неудовольствие студентов по следующим причинам: 1) Б-к пишет, что болезнь и расстройство не позволяли ему явиться в университет; между тем он 20 февраля вечером был у депутата Заварицкого и редактора Булаха и заявил, что здоровье его поправилось; кроме того, Б-ка видели 19-го февраля в маскараде в большом театре и ранее на Пет. Остр. Его видели студенты Быков и Сурков. Эти факты возбуждают сомнение в действительности болезни Б-ка. 2) Б-к пишет, что его постигло несчастье, что он потерял капитал. Действительность потери капитала весьма сомнительна на том основании, что Б-к не заявил о потере капитала, не говорил о том депутатам и редакторам, которые у него были, заметно уклонялся от объяснения, по этому поводу и не явился на сходку. 3) Условия, предложенные Б-ком для пополнения капитала, крайне неудовлетворительны; так, стипендия Б-ка составляет около 20 руб. в месяц и потому не представляет достаточного обеспечения. Б-к говорит о поручительстве студентов, заслуживающих полного доверия, но не называет их фамилий, и потому этот пункт не имеет никакого значения.

На основании изложенных фактов редакторы «Сборника» и депутаты кассы, суммы которых вверены были Н. Т. Б-ку, просили университетское начальство разрешить им предъявить обвинение к кассиру Б-ку «в умышленной растрате сумм кассы студентов, числом 1051 р. 84 к.»

Разрешение было дано.

По просьбе студентов, профессор В. Д. Спасович принял на себя руководство по настоящему делу.

Депутаты и редакторы составили письменный обвинительный акт против Б-ка, врученный ему в копии.

Тем временем Б-к был арестован, приведен в университет и посажен в карцер.

Начато собирание сведений против Б-ка, причем роль обвинителей приняли на себя бывшие члены «Сборника» и кассы, как лица, которых ближе всего касались интересы кассы. Обвинители старались выяснить образ жизни Б-ка за время предполагаемой растраты денег. С другой стороны, назначены были защитниками Б-ку: студент 4-го курса юридического разряда Н. А. Неклюдов, ныне товарищ государственного секретаря, известный наш юрист и студент 3-го курса того же разряда А. С. Френкель, пишущий эти строки. Защита, со слов и по указанию Б-ка, собирала материал, доказывающий потерю Б-ком денег кассы.

Наступило время суда.

Предварительная сходка студентов избрала пять человек судей-присяжных; председательствовал на суде проф. Спасович. Заседание суда открыто было в XI аудитории, самой обширной в университете и удобной для судебного заседания, так как выстроена была амфитеатром. На площадке помещались за большим столом судьи, с председателем; на правой стороне находились обвинители (депутаты и редакторы), а на левой стороне – подсудимый и два его защитника. Амфитеатр занимала публика – студенты и посторонние лица, так как заседание было публичное. Свидетели были вызваны, со стороны обвинения и защиты, не только студенты университета, но и дамы и посторонние университету. Вызывные повестки посылались через университетское начальство.

Заседание открылось чтением обвинительного акта, допросом Б-ка, который заявил, что он не растратил, а потерял деньги на улице и принял все меры для возврата их в

кассу студентов. Свидетели говорили о фактах, изложенных выше. Домашние Б-ка и одна дама поддерживали доводы о потере денег Б-ком.

Два дня продолжалось заседание.

Обвинение горячо отстаивало свои доводы. Защита также не уступала. Защитники разделили свою задачу между собою таким образом: г. Неклюдов взял на себя общий обзор дела, а пишущий эти строки критику фактических его оснований.

Речь г. Неклюдова произвела глубокое впечатление по изяществу и логике. Обе стороны обменялись несколько раз речами. Обвинители требовали не только исключения Б-ка, но и предания его уголовному суду.

Защита же доказывала потерю денег, а в крайнем случае – растрату по легкомыслию и искреннее желание Б-ка пополнить недостачу денег, большую часть которых он уже представил и остальную обязывался внести; причем отвергала требование о предании уголовному суду, не имеющему места при студенческом, университетском суде.

Когда прения были объявлены законченными, проф. Спасович постановил вопросы, которые подлежали разрешению судей-присяжных.

Вручая им вопросы, он объяснил им о порядке совещания.

Судьи удалились для постановления приговора. Это было уже вечером. Только в одиннадцать часов вечера вынесен был судьями-присяжными приговор о признании студента 2-го курса Н. Т. Б-ка, бывшего кассира кассы, виновным в умышленной растрате 1051 р. 84 коп., и подлежащим исключению.

Приговор этот был представлен попечителю с.-пб. учебного округа, который и утвердил его. До того же Б-к оставался арестованным в университете. О дальнейшей судьбе его нам ничего не известно.

Так происходил и кончился первый публичный студенческий суд в с.-петербургском университете. Думаем, что другого «публичного» суда и не было в прочих русских университетах. Этот суд имел в свое время громадное значение, как первый опыт гласного суда с присяжными. «Я устроил, с разрешения попечителя, говорит В. Д.

Спасович, в упомянутой нами выше заметке своей, нечто в роде суда с присяжными, об общем введении которого в нашу жизнь тогда уже ходили слухи»...

В этом и кроется значение этого первого опыта. Можем прибавить, что весь интеллигентный Петербург следил с большим интересом за этим новым судом, который тянулся два дня. Интерес к публичным формам и приемам процесса, о которых все имели смутное понятие, не ослабевал до момента произнесения приговора избранными студентами-присяжными. Все участвовавшие в процессе, как бы священнодействовали.

Публика была нервно настроена. Споры и обсуждения публикой дела велись весьма оживленно во время перерывов и параллельно с ходом процесса. Очевидно, новая форма процесса отвечала потребностям времени. Такое же настроение публики было и в начале введения в России судебной реформы по уставам Императора Александра II...».

Френкель, А. Первый публичный студенческий суд в России. (Из воспоминаний студента петербургского университета 60-х годов) // Празднование семидесятилетия Императорского С.-Петербургского университета 8-го февраля 1894 года в Тифлисе. – Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. ч. на Кавказе, 1894. – С. 8-13.

Густавсон Гавриил Гаврилович

1842/43-1908

Российский химик-органик.

Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1865). С 1865 по 1875 год работал лаборантом на кафедре технической

химии Санкт-Петербургского университета, в 1869-1875 годах был ассистентом А. М. Бутлерова. В декабре 1873 года в Санкт-Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию «Опыт исследования реакций взаимного обмена в отсутствие воды». В 1892—1900 годах читал лекции по органической химии на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге.

«Я слушал лекции Д. И. Менделеева по органической химии в 1862 и 1863 гг., по возвращении его из двухлетней заграничной командировки и тотчас после издания им книги «Органическая химия»...

Таким образом, мы, слушатели Менделеева, в начале 60-х гг. находились, что касается руководства, можно сказать, в идеальных условиях. Руководство настолько удовлетворяло всем запросам, которые могли быть к нему предъявлены, что, казалось, мог бы возникнуть вопрос: для чего лекции при таком руководстве? Тем не менее переносясь к тому времени и вспоминая лекции Менделеева, я должен заметить, что роли книги и лекций были различны и что книга не могла заменить лекций.

Книга служила для предварительного ознакомления с предметом лекций, и ясно помнится, что это была главная роль книги, а затем для окончательного усвоения прочитанного на лекциях. Лекции же научали нас отличать главное от второстепенного, давали возможность судить об относительном значении данных, составляющих науку, т. е. развивали в нас критический взгляд на науку. Касаясь здесь этого, можно сказать, вечного вопроса о необходимости и значении лекций -- вопроса, столь различно решаемого и далеко не решенного, я полагаю со своей стороны, что задача и назначение лекций состоит именно в должном и настойчивом оттенении существенного от подробностей, главного от второстепенного. Для начинающих это - жизненный вопрос, и учебник, как бы он хорош ни был, никогда не даст в этом отношении того, что могут дать лекции.

Лектору для достижения указанной цели предоставлено много средств, по существу дела отсутствующих в учебнике. Должные повторения и отступления, разъяснения посредством аналогичных примеров, время от времени делаемые резюме сказанного, наконец, главное -- применение той или другой интонации в изложении, всеми этими и многими другими средствами лектор может и должен пользоваться для того, чтобы оттенить значение излагаемого, чтобы выдвинуть главное и сосредоточить на нем внимание слушателей. Лектор, не выполняющий этой задачи, не отвечает своему назначению, хотя бы лекция и блистала красноречием и в ней приводились новые исследования, не успевшие войти в руководство. Живое слово нужно для облегчения восприятия существенного в науке. Считаю лишним останавливаться здесь на достоинствах в этом отношении лекций Менделеева. Лекции его еще у всех в памяти, и как в недавнее время, так и при начале его деятельности аудитория была всегда битком набита.

В то время, о котором у нас идет речь, т. е. в самом начале 60-х гг., лаборатория в университете и ее средства были таковы, что не только о практических занятиях по органической химии, но и о должной обстановке лекций опытами нельзя было и думать. При всех кафедрах химии был только один лаборант, получавший 400 руб. в год.

Газу не было; жгли древесный спирт, да и в том часто чувствовался недостаток, потому что его пил старый единственный сторож при лаборатории. Тяги не действовали, и когда я, еще будучи студентом, затеял готовить пятихлористый фосфор, то так надышался хлором, что за свое усердие поплатился воспалением легких. Но и позже, в 1866 году, когда Менделеев был выбран экстраординарным профессором по кафедре технической химии, а я был у него лаборантом, под лабораторию технической химии были отведены во втором этаже университета две комнаты с паркетными полами, но без газа и без тяг. Предоставлялось широкое поле для изошрения

изобретательности и для развития настойчивости в преодолении препятствий, что, пожалуй, для химика нелишне...

... Как бы то ни было, но в начале 60-х гг. условия для обстановки лекций опытами и для практических работ по химии были в университете крайне неблагоприятны. Тем не менее, лекции органической химии время от времени демонстрировались и опытами. Менделеев сам их производил, останавливаясь, конечно, только на немногом и выбирая имеющиеся под руками средства. В особо назначенные часы перед нами производились им и такие более сложные операции, как органический анализ, определение плотности пара и т. п.».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 16, 19-21.

Анненский Николай Федорович

1843-1912

Русский экономист, статистик, публицист-народник, журналист, переводчик и общественный деятель.

В 1861 году посещал вольнослушателем лекции в Петербургском университете. В 1868 году держал кандидатский экзамен на юридическом факультете Петербургского университета и стал кандидатом права.

«Блестящую пору тогда переживало и университетское преподавание. Едва ли когда-нибудь проявлялся в массе общества такой же, как тогда, несколько наивный, но искренний пиетет к науке, который как-то странно уживался с довольно развязным отношением к научным «авторитетам». Оригинальную картину представляли университетские аудитории того времени. Пишущему эти строки памятен петербургский университет начала шестидесятых годов. В то время университетские порядки регулировались отсталым и реакционным уставом 1835 года. Но жизнь далеко ушла от буквы закона и, на самом деле, внутренние отношения в академических стенах сложились на началах очень широкой свободы. Двери университета были открыты для всех, и аудитории популярных профессоров были наполнены самою разнообразною массою слушателей. Здесь толпились и студенты, и люди из общества, старики и молодые, военные, духовные, женщины. Никак не одно простое любопытство собирало эти толпы в университетских стенах. От науки искренне ждали помощи, чтобы разобраться в наступающих со всех сторон вопросах. С особенной жадностью толпа «ищущих» прислушивалась к таким словам, в которых ей слышался протест чего-то нового против установившихся взглядов и признаваемых авторитетов. Теперь трудно даже понять тот бурный интерес и то общее возбуждение, которое, например, вызывалось тогда известным спором Костомарова с Погодиным о происхождении Руси. По-видимому, специальный вопрос о том, был ли Рюрик норманн или нет, слишком далек был от интересов большой публики. «Что ей Гекуба, и что она Гекубе?». И, однако, судьба этой Гекубы некоторое время была положительно вопросом дня. Статья Костомарова, напечатанная в главе январской книжки «Современника», читалась нарасхват. Во время публичного диспута в университете публика переполняла зал; за билеты (диспут происходил в пользу недостаточных студентов) готовы были платить двойные и тройные цены. Страстный интерес к прениям очень мало соответствовал сухости и специальности предмета этих прений. Но для тогдашней публики в споре о норманнах слышались отголоски более широкой борьбы нового со старым, смелой, молодой мысли с преданием и «авторитетом», и она горячо брала «Литву» под свою защиту».

Анненский, Н. Ф. Сорок лет назад. Страничка из недавнего прошлого // На славном посту (1860-1900). Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому. – СПб.: Типография Н. Н. Клобукова, 1900. – С. 448-449.

Головин Константин Федорович

1843-1913

Русский беллетрист и общественный деятель, публицист, драматург.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1864)

«Когда я поступил в университет, подготовка крестьянской реформы было в полном разгаре. И, тем не менее, как ни странно это кажется, эта горячая эпоха гораздо слабее чувствовалась в стенах университета, чем за его дверями, среди общества. За два года, проведенных мною в нашей alma mater, мне ни разу не довелось присутствовать при оживленном споре на счет крестьянского освобождения. Не говорили ни о размере надела, ни о будущей судьбе освобожденных крепостных и, как будто, этим даже не особенно интересовались. Происходило это, может быть, оттого, что представителей одной из заинтересованных в деле сторон было в университете довольно мало. Сыновей помещиков там насчитывалось лишь несколько десятков, а крестьянских детей даже и совсем не было. Прочие классы, главным образом, так называемая «интеллигенция» и духовенство, - более занимались вопросами общими, отвлеченными, не вдаваясь в подробности, как: величина наделов и размер повинностей; да и выросшие в деревне, бывшие воспитанники семинарии, как будто, считали себя в стороне. Господствующим настроением был, разумеется, - самый пунцовый радикализм, но это был радикализм чисто теоретический, еще не освободившийся от понятия о естественном праве и очень любивший засиживаться до поздней ночи над спорами о праве государства наказывать, о различии между областями юридической и нравственной, о том, есть ли абсолютное добро и абсолютная красота и т. д...»

Уровень университета в то время и среди профессоров и среди учащихся был, несомненно, высок, несмотря на то, что университет был тогда гораздо моложе теперяшнего. Большинство поступало туда 16-ти, а много 17-ти лет, о революции, как о чем-то осуществимом немедленно, не думал никто. О кутежах думали немногие. Нравственные требования предъявлялись высокие. Если бы тогда разрешили у нас студенческие корпорации, и ввели бы студенческий суд, вышел бы из этого, вероятно, толк. Делали мы, правда, часто из мухи слона; так помнится, на одной сходке разбирали пять часов поступок студента, съевшего тайком на сельскохозяйственной выставке кусок выставленного окорока, и, хотя студент извинялся мучившим его голодом, приговор вышел очень строгий, - признали охотника до окороков – замаравшим студенческий мундир, и заставили его выйти из университета. Но, ведь, это, пожалуй, лучше, чем смотреть сквозь пальцы на поведение субъекта, систематически занимающего у товарищей деньги, без всякого намерения их когда-либо отдать... Строго говоря, тогдашний университет был совсем в стороне от общественного движения».

«Ездил я в университет очень аккуратно, иногда в такой ранний час, что тусклый петербургский день едва занимался. И тогда уже университет был переполнен: студентов и вольнослушателей было тысячи две. Хотя эта численность втрое меньше теперяшней, - на лекциях популярных профессоров было тесно. Казалось, и булавке не найти места в переполненной аудитории. Для таких лекций выбирались всегда самые

обширные залы – XI, XII, XIII. Тогда, правда, большинство студентов добросовестно посещали лекции, и можно разве преднамеренному отсутствию двух третей теперяшних студентов приписать, что университет в состоянии их вместить. Впрочем, и тогда, конечно, недостатка не было в молодых людях, искавших в университете не науки, а диплома. Но число тех, которые ждали от профессора умственного руководства, было в тогдашнюю эпоху, вероятно, больше, чем в настоящее время. Возможность пройти курс одним чтением книжек, не слушая профессоров, в то время редко кому приходила в голову. И думается мне, что уверяют в этом, и себя, и других, только молодые люди, расположенные попросту к ничегонеделанию.

В университете раскрывается перед глазами совсем новый мир. Без проводника нелегко в этом мире вступить твердой ногой. Такое было, по крайней мере, личное мое впечатление на первой лекции И. Е. Андреевского по государственному праву. Самое понятие о правовых отношениях между гражданами и государством, между отдельными лицами друг с другом, понятия о частном и публичном праве были настолько непривычными моему умственному обиходу, а, вероятно, и умственному обиходу моих товарищей, что едва ли без живой речи профессора, при помощи одних мертвых учебников, можно это было усвоить быстро, не будучи сразу испуганным отвлеченной сухостью юридических терминов. Они оживали и становились конкретными – эти термины, благодаря талантливому изложению Андреевского, заставившего меня, совершенного новичка в правовых вопросах, сразу полюбить его предмет. Как теперь помню плавную, несколько невучую речь Ивана Ефимовича, сопровождаемую постукиванием руки по кафедре, над которой едва выглядывал длиннейший нос профессора и его серые, быстрые глаза, когда он сидел перед кафедрой. Андреевский со своим продолговатым лицом на невзрачном туловище, так и просился на карикатуру; но стоило его послушать, чтобы тотчас исчезла охота над ним подсмеиваться. Его манера излагать свой предмет резко отличалась от приемов другого студенческого любимца В. Д. Спасовича, будто намеренно сперва путавшегося и запинаявшегося на словах, точно язык его плохо ему повиновался, но потом вдруг отбрасывавшего эти ораторские костыли, чтобы быстро, с огнем, как будто прискакивая на каждом шагу, вести свою, всегда интересную, лекцию. Но самое первое место занимал К. Д. Кавелин, которого единодушно признавали орлом из орлов в профессорской коллегии. Может быть, это лестное мнение было слегка преувеличенным. По крайней мере, в том, что написал Кавелин, – ничего орлиного нет, и часто повторявшаяся им мысль, будто знание имеет нравственную цену, и даже от простой грамотности люди становятся лучше, – мысль эта казалась совершенным вздором. Но, когда своим густым, приятным баритоном Кавелин читал нам энциклопедию права, с большой ясностью излагая этот очень неясный предмет, им положительно восторгались и в глубине его ума никто сомневаться себе не позволял.

Но центральным божком университета был Костомаров, появившийся на нашем горизонте, когда я был уже на втором курсе. Встреча Костомарова, при его первом появлении, мне показала, что такое – настоящая популярность. Конечно, этой популярностью он был, преимущественно, обязан не своим ученым трудам, а тому обстоятельству, что с 1848 г. его голову украшал политический терновый венец. Большинство, разумеется, было также мало знакомо с его историческими работами, как с настоящими причинами постигшей его кары. Но достаточно было знать, что он пострадал за какое-то малороссийское движение вместе с Шевченко и Кулишом, дабы ему обеспечить пламенное сочувствие юных сердец. Не испортило впечатления и то, что голос Костомарова, и его манера читать сильно напоминала беззубое шамканье старой бабы. Не могу сказать, чтобы в его лекциях было что-нибудь особенно увлекательное, напоминавшее, хотя бы издали, блестящие лекции Грановского. Слышали мы все бесконечный перечень всевозможных источников, к которым, разумеется, никто из нас не обратился. Но одно могу сказать: Костомаров сумел сделать необыкновенно

популярными среди студентов русские летописи, и на этот, прежде совершенно неизвестный нам, и довольно неудобоваримый материал, пошел в университете большой спрос. Причина тому была – некоторое ученое хвастовство, гораздо более, чем настоящая любознательность.

Был в то время еще профессор, на чьи лекции стекалось множество слушателей: это был никто иной, как теперешний редактор «Вестника Европы» - М. М. Стасюлевич. Читал он, собственно, историю средних веков, и в ней избрал предметом для своих лекций «Ассизы королевства Иерусалимского». Откровенно говоря, я никогда не понимал системы, заключающейся в выборе какого-нибудь отдельного исторического эпизода из всего хода данной эпохи. Это, может, годится, как тема для публичных лекций, но как университетская программа, такие исторические отрывки, не запечатлеваясь в общее стройное понимание истории в умах слушателей, оставляют слишком много пробелов, и разумеется, не ассизы иерусалимского королевства привлекали публику. М. М. Стасюлевич, к своей кафедре пристегнул другой предмет, более общего свойства – философию истории, и, должен ему отдать справедливость, читал ее превосходно».

«Хочу рассказать маленький эпизод комического свойства, случившийся на самом пороге моей университетской жизни.

Был у нас профессором философии и психологии – очень неглупый священник – о. Палисадов, читавший, однако, свой предмет с удивительной неловкостью, сам не замечая, что семинарская закваска в нем сидит крепко. Палисадов разными, довольно пошленькими выходками, силился снискать не дававшуюся ему благосклонность его слушателей. Раз, XI аудитория, где он читал, - случайно, была полна. И на беду, на крайней верхней скамейке справа, где сидело нас четверо – Горчаков, Иван Балашов, Рюмин и я, произошел вдруг переполох. У меня водился футляр, в виде цилиндра, где помещались письменные принадлежности. Этот цилиндр стоял на пюпитре между Рюминым и мною. Я усердно записывал не особенно красноречивые слова батюшки, как вдруг, Рюмин его нечаянно толкнул и цилиндр с шумом покатился по паркету. Почтенный батюшка, - даром что был с нами знаком лично, - воспользовался случаем для приобретения все ускользавшей от него популярности. Он остановился и, обводя аудиторию глазами, произнес: - «Не могу продолжать чтения, когда некоторые господа позволяют себе на лекции шуметь». С этими словами он вышел. До сих пор вижу его притворно негодующие глаза, и гневное дрожание его черной бороды, несколько похожей на жишковскую. Брошенная им искра зажгла пожар. Студенты, никогда не бывавшие на его лекциях, стали уверять, что им помешали слушать, что это ни на что не похоже, и что забавлявшиеся шалуны должны быть исключены из университета. В тот же день собралась сходка, мудро постановившая, что не мы только четверо, а целых 20 студентов должны подвергнуться исключению. Остракизму подвергнулся таким образом целый наш кружок, хотя большинство его членов вовсе не было на лекции Палисадова. Разумеется, по адресу кружка посыпались самые нелестные обвинения. Настоящей причиной этой междоусобной войны было следующее. Некоторые из нас, дабы сидеть во время лекции с распахнутыми мундирами, стали носить под сюртуком не черные, а белые жилеты. Это внешнее отличие тотчас стало в глазах большинства наружным признаком какого-то аристократизма, обидного для бедных студентов, которым иметь по несколько белых жилетов – не по карману. На сколько тут в самом деле имелся в виду аристократизм, можно легко видеть из того, что Евгений Утин ходил постоянно в белом жилете, а Владимир Панин – в черном. Как бы то ни было, на другой день нас пригласили к попечителю, и Делянов, принимая нас с обычною мягкою любезностью, прочел нам, однако, нотацию, говоря, что от товарищей ничем отличаться не следует, что мы уже не мальчики, а взрослые люди, и что белых жилетов он нас просит более не носить, дабы не оскорблять прочих студентов. Эти ласковые громы привели к тому лишь, что мы собрались, два дня спустя, вечером у Горчакова и там составили складчину

в пользу бедных студентов, давшую, не помню уже какую-то, довольно крупную сумму. Буря в стакане воды – утихла. Сам Палисадов испугался вызванного им скандала, и пошел хлопотать перед начальством. На несколько дней белые жилеты исчезли, но затем явились опять. Привожу этот маленький эпизод, как пример закоренелой привычки начальства становится на сторону большинства, чтобы тем избежать столкновения».

«Повторяю, лето 1861 г. протекло спокойно. Но для меня лично оно закончилось очень тревожно. Новый министр народного просвещения, граф Путятин, принялся неловкою рукою за реформу университетских порядков. Он запретил всякие сходки, хотя прошлой зимой эти сходки протекали мирно, уничтожил одним почерком пера студенческую организацию, т. е. факультетских редакторов и депутатов, составлявших известную правительственную коллегию среди товарищей, закрыл университетскую кассу и студенческий журнал, и предписал всем студентам, желавшим продолжать ученье, подписать так называемые матрикулы, обязывавшие каждого мирно подчиняться по всем порядкам. Все это было сделано вдобавок в самой резкой, чисто диктаторской форме и без особенно важных поводов. Можно было кое-что исправить, упорядочить в студенческой вольнице, в сущности довольно безобидной и мало-по-малу установились бы традиции, образовался бы твердый дух студенчества, что гораздо вернее оградило бы высшие школы от революции и социализма, чем смогли это сделать всевозможные репрессии. Начались при самом открытии лекций беспорядки, попечитель был освистан, какие-то двери взломаны, и взволновалась юная толпа под лозунг «не подписывать матрикулы! Долой министра и попечителя». Густыми рядами манифестанты отправились по Невскому на Колокольную, где жил попечитель, вытребовали его к себе, оишкали его грубый солдатский ответ – в сущности он был, говорят, очень добрый человек – и не солоно хлебавши разбрелись домой. Теперь подобным мятежом на курином бульоне нас не удивишь. Но тогда целостность государства казалась в опасности. Да оно и понятно, это была едва ли не первая процессия, какую видели улицы Петербурга, и случилась она как раз в тот самый год, когда были освобождены крестьяне. Правительство думало, что этим актом оно приобрело как раз благодарность и сочувствие учащейся молодежи.

Обо всем этом я узнал из письма ко мне Алексея Комаровского, приглашавшего меня приехать поскорее. Не смотря на простуду, я поспешил в Петербург и в тот же вечер повидался с товарищами. Нашего полку в эту осень прибыло: только что поступили в университет братья Веневитиновы, Смирнов, Куракин, Корф, Павел Шувалов, два брата Медем и др. Настроение я застал самое возбужденное. Все, даже такой спокойный человек, как Алексей Комаровский, были вне себя от негодования. Не хватало бранных слов по адресу нового министра и попечителя, генерала Филиппсона. Бестактности, совершенные этими господами в достаточном числе, подлили, как водится, масла в огонь гораздо больше, чем самое стеснение университетских привилегий. Поднимался даже серьезно вопрос, следует ли подписать матрикулы, и вообще не лучше ли отказаться от университета. Не помню уже, как разделились мнения. Знаю только, что Комаровский, Медем и я усердно проповедовали, что поступлено с нами до-нельзя бестолково, но что из-за этого жертвовать лекциями таких чудных профессоров, какими тогда изобиловали факультеты, не стоит. Так и было решено. Матрикулы мы все подписать согласились. Помнится, этот маленький грешок против искренности возбудил негодование старшего брата Комаровского, Евграфа, человека необыкновенно прямолинейного, и при том убежденного консерватора. Он только что начал свою деятельность, как мировой посредник, и на все жизненные вопросы смотрел с чисто принципиальной точки зрения. Всем нам он imponировал сильно своим глубоким образованием – он сам готовился в профессора, но бросил учебную дорогу ради политической: такое уже было время, что наука сама по себе считалась пустым занятием. Евграф Комаровский был очень дружен с знаменитым тогда уже Чичериным, и не менее своего приятеля, основательно изучил

все философские толки. «По-моему – говорил он нам, - если вы так думаете, для вас не может быть и речи о матрикулах. Вы попросту революционеры: так имейте же мужество действовать согласно своим убеждениям». Он почти требовал, чтобы мы отправились строить баррикады.

На другой день, как помню, 11-го октября, я поехал утром в университет и, в виду скверной погоды, имел неосторожность поехать в карете. Подъезжаю... Вижу, перед дверьми толпа студентов в несколько сот человек, и все они волнуются и дружно вопят, разумеется, друг друга не слушая. Кто-то бросается открыть мне дверцы, берет за локти и говорит иронически. «Прикажете вас высадить, ваше сиятельство?» - Признаюсь, струхнул не на шутку, но все обошлось, как нельзя лучше. Обратившись к незнакомцу, я сказал: «коли вы уж были так любезны растворить дверцы, потрудитесь пожалуйста их и захлопнуть, а кучеру прикажите ехать домой». Меня пропустили. По коридорам, как провинившиеся тени, слонялись подписавшие матрикулы. Тотчас я сказал себе, что дело не ладно. Университет формально существовал, как гальванизированный труп, лекции еще читались, но дух отлетел. И просуществовал университет в самом деле не долго. На другой уже день была многочисленная сходка на университетском дворе, сходка, в которой участвовало много и нестудентов; батальон преображенцев был послан разогнать толпу и водворить порядок. Батальоном, помнится, командовал мой двоюродный брат И. Н. Толстой. Исполнили ли они свое дело, очень цивилизованно избегая даже раздавать пинки, хотя их осыпали ругательствами – не знаю. Но думаю, что воспоминание об этом не принадлежит к числу особенно слабых. Человек 500, а то и более отвели в Петропавловскую и там посеяли первые семена смуты, от которой позже взошла такая богатая жатва. Более года университет был закрыт. А в действительности закрыт был навсегда тот университет, который я помню, университет – сохранявший еще традиции 40-х годов. Костомаров, Кавелин, Спасович, Борис Утин, Стасюлевич – покинули свои кафедры. И хотя правительство сделало очень скоро опыт политического покаяния, заменив графа Путятина – Головиным, и генерал-губернатора Игнатьева – князем Суворовым, хотя в Дерпте скоро открылся для желающих вольный университет с популярными лекторами, нить образования была порвана, и порвано тоже доброе согласие между начальством и молодежью, которого тогда еще, пожалуй, можно было не разорвать».

«Зима 61 до 62 года прошла беспокойнее весны. Вольный университет, открытый в Думе, просуществовал недолго. Собиравшиеся там «длинноволосые», носившие даже цветные очки, в пику правительству, ни от кого не скрывали, что собираются они для показывания языка властям, а вовсе не для обогащения себя научными сведениями. Да и какая это была наука! Лекции, походившие на газетные статьи, напряженно-воинственные лица дам и барышень, в глазах которых, как-будто, было написано: «полюбуйтесь, какие мы серьезные, передовые и как мы ни в чем не уступим из своих требований, а требуем мы, прежде всего, полного равенства с некрасивым полом...» И равенство это в сам деле достигалось удивительною некрасотою наряда этих амазонок революции. Нескладно сшитые платья, грубая обувь, коротко стриженные волосы, очки на всех глазах, и даже цвет лица протестующий – желтобурый, свидетельствовавший о постоянно желчном настроении. Помню одну из таких барышень, которую постоянно встречал на Невском. Выражение лица вызывающее, искаженное от протеста, цвет кожи, походивший на кожуру от гнилого апельсина, пачка нечитанных журналов под мышкой, синие очки, и шлепавшая на ней грязная черная юбка, точно взятая на прокат. Совершенно походила она на скверно переодетого мужчину. Таких в зале Думы было множество. Такому искусственному напряжению долго продолжаться нельзя было, и, в самом деле, оно продолжалось недолго. Профессор Павлов, ничем не замечательный, добрейший, хромой горбунчик, который с глазу на глаз был тише воды, по случаю тысячелетия России, прочел где-то, - не помню где именно, - лекцию о призвании Варягов,

и закончил ее сожалением, что тысячелетие нельзя отпраздновать изгнанием потомков этих самых Варягов. Укусила же бедняка передовая муха! Меры возмездия не замедлили последовать, и горбунчик был сослан в местности, довольно-таки отдаленные.

Протестующий муравейник сейчас заколыхался, и совершенно также, как он тенденциозно посещал лекции, тенденциозно перестал их посещать. Пример ему подали профессора, в том числе Кавелин, которого громкое имя могло бы спасти от пошлости; они постановили, тотчас обратившись в бастующую корпорацию, что лекций больше читать не станут...

Прекратили лекции не все профессора, а популярнейший из них – Костомаров не присоединился к забастовке. Сдается мне, что настоящей причиной этой забастовки было тайное сознание господ Кавелинской компании, что они, в сущности, толкут воду, что фельетонная наука, которую они читают, ни к чему не приведет, а только несколько принизит их ученые имена. Как бы то ни было, Костомаров их не послушался, и добровольно пошел в ров львиный; и львы – какие это были, в сущности, львы? – зарыкали. На бедного, почтенного старика посыпались свистки, яичные скорлупы и сомнительной свежести яблоки. Мне не довелось присутствовать при этом сраме, но рассказывал мне про это Панин».

«В марте, если не ошибаюсь, нам, университетским изгоям поневоле, было объявлено, что нас допустят до экзамена. Шепнули при этом, что экзамены будут не особенно строги. Мы, разумеется, поспешили этим воспользоваться и принялись усердно зубрить по тетрадкам предметы, которых мы вовсе не слушали. Немногому научила нас эта псевдонаука, и вновь я мог убедиться, что записками и учебниками живую речь профессора не заменить. Мы принялись за дело вчетвером – Горчаков, Рюмин и, если не ошибаюсь, Алексей Комаровский, хотя последний был не юрист, а филолог. Камертон мудрости держал известный преподаватель истории – брат Федора Федоровича Эвальда – Владимир Федорович, вскоре после того назначенный директором Мариинской гимназии. Это был милейший человек. Такой же добрый, как брат, и, пожалуй, еще умнее. По крайней мере ум его казался мне более от мира сего, чем философская, вдумчивая глубина Федора Федоровича. Эвальд служил нам как бы научною совестью, давал нам видеть, как в зеркале, наши недочеты, и, благодаря ему, это форсированное накачивание нас экзаменационными сведениями сошло с рук благополучно. Кроме гражданского права, в котром я был всего слабей, я получил везде пятерки. По гражданскому праву нас экзаменовал некто Михаил Михайлович Михайлов, о котором слухи ходили, что он незаконный сын бывшего министра – графа Уварова. Помнится, я уверял товарищей, что когда у кого-либо такое совпадение имени, отчества и фамилии – это верный признак незаконности происхождения. Михайлов задал мне один из тех вопросов, на которых всегда режутся на экзаменах: «С какого момента», спросил он, «начинается правоспособность?» Тут, что ни ответишь, в точку не попадешь. Не попал и я. Остальные профессора оказались снисходительнее. И встречались юнцы, нахально злоупотреблявшие этой снисходительностью. Экзаменаторы получали ответы – один нелепее другого, и с отчаянием махали рукой на все».

Головин, К. Мои воспоминания. Т. I. (до 1881 г.). – СПб.: Типография «Колокол», 1908. – С. 41-44, 46, 54-62, 86-95, 104-105.

Иностранцев Александр Александрович

1843-1919

Русский геолог, профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Один из основателей и председатель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1867). В 1868 году защитил магистерскую диссертацию «Геогностическое строение западного берега Ладожского озера». В 1868 году занял должность хранителя Минералогического кабинета. С 1869 года читал лекции в качестве приват-доцента. В 1873 году был избран экстраординарным, а в 1880 году — ординарным профессором Санкт-Петербургского университета. С 1878 по 1889 год он читал курсы геологии, минералогии и петрографии на Бестужевских Высших женских курсах.

С каким трепетом и радостью, с прошением в кармане я отправился в Университет, на который привык смотреть как на храм науки. Страшная робость напала на меня, когда меня вызвали к ректору. В то время ректором был Э. Х. Ленц (отец) — чрезвычайно представительный, довольно пожилой человек, немецкого склада ученый ; он весьма приветливо поздоровался со мною, пожал руку и стал расспрашивать о моих стремлениях. В короткое время у меня совершенно прошли страх и робость, ибо мне крайне приятно было такое человеческое отношение ко мне почтенного профессора.

... упомяну только о том, что лекции некоторых профессоров этого первого курса отличались необыкновенной отчетливостью и ясностью, к этому разряду я отношу лекции по зоологии К. Ф. Кесслера. По кристаллографии П. А. Пузыревского и по физике Э. Х. Ленца.

Профессор Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцев. — СПб., 2014. — С. 60-61.

«...Д. И. Менделеев объявил для чтения особый курс «О горении вообще и о топливе в особенности», на который я явился одним из постоянных посетителей этих лекций, записывающим до деталей почти все слова лектора, а по вечерам составлял для них и записки. Первоначально свои лекции Д. И. Менделеев читал крайне нудно, постоянно растягивал слова, запинаясь и сопровождая все это продолжительным нытьем. Но стоило только несколько освоиться с самим характером изложения, чтобы в этих лекциях усмотреть громадный интерес к излагаемому предмету — настолько полно было их содержание. Этих лекций было немного, но для меня они остались незабываемыми. Вскоре после этого Д. И. Менделеев стал читать нам о способе количественного определения при помощи титрования. Для этой цели ему было отведено две комнаты на втором этаже университета, а в лаборанты к себе он пригласил Г. Г. Густавсона, впоследствии довольно известного профессора химии в Петровско-Разумовской академии».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. — М.: Атомиздат, 1969. — С. 24.

Кропоткин Петр Алексеевич

1842-1921

Географ и геоморфолог, один из теоретиков анархизма. Окончил математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета, куда поступил в 1867 г.

Я поступил в университет и сидел теперь на скамье вместе с юношами, почти мальчиками, гораздо моложе меня. Заветная мечта, которую я так долго лелеял, наконец, осуществилась. Теперь я мог учиться. Я поступил на математическое отделение физико-математического факультета, так как считал, что основательное знание математики – единственный солидный фундамент для всякой дальнейшей работы... Занятия в университете и научные труды поглотили все мое время в течение пяти следующих лет. У студента-математика, конечно, очень много работы, но так как я прежде уже занимался высшей математикой, то теперь мог уделить часть моего времени географии...

Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения. Он будет жаждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадает на долю немногим, тогда как оно всем могло бы быть доступно в той или иной мере, если бы знание и досуг были достоянием всех.

Кропоткин П. А. Восторг научного творчества // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 119-120.

Тимирязев Климент Аркадьевич

1843-1920

Русский естествоиспытатель, специалист по физиологии растений, крупный исследователь фотосинтеза, популяризатор и историк науки, заслуженный профессор Московского университета.

В 1860 году К. А. Тимирязев поступил в Санкт-Петербургский университет на преобразованный в том же году в разряд административных наук и впоследствии ликвидированный по Уставу 1863 года камеральный разряд юридического факультета, потом перешёл на естественный разряд физико-математического факультета. В 1861 году за участие в студенческих волнениях и отказ от сотрудничества с полицией он был исключён из университета. Ему было позволено продолжать обучение в университете только вольнослушателем через год. Был удостоен золотой медали за сочинение «О печёночных мхах» (не напечатано), курс окончил в 1865(?66) году со степенью кандидата.

«Тем, кто работает в современных лабораториях-дворцах, может быть любопытно увидеть картинку лаборатории в самом начале шестидесятых годов. Когда Д. И. Менделеев предложил студентам для практики в органической химии повторить некоторые классические работы, пишущему эти строки выпало проделать известное исследование Зинина — получение анилина. Материал — бензойную кислоту, конечно, пришлось купить на свои гроши, так как этот расход не был под силу лаборатории, с ее трехсотрублевым бюджетом, но затем понадобилась едкая известь. При исследовании находившаяся на складе оказалась начисто углекислой. Почтенный лаборант Э. Ф. Радлов дал благой совет: «А затопите-ка горн да прокалите сами, кстати ознакомитесь с тем, как обжигают известь». Сказано — сделано, по здесь встретилось новое

препятствие: сырые дрова шипели, свистели, кипели, но толком не разгорались. На выручку подоспел сторож. «Эх, барин, чего захотел, казенными дровами да горн растопить, а вот чего ты сделай: там в темненькой есть такая маленькая не то лежаночка, не то плита, положи на нее прежде вязаночку, да денек протопи, — дрова и просохнут». Так и пришлось поступить. Сушка казенных дров, как первый шаг к реакции Зинина, вот уж подлинно что называется начинать сначала!».

«...Живо помню следующий факт, относящийся к моим студенческим годам. А. В. Советов защищал в Петербургском университете свою диссертацию «О системах земледелия» на степень доктора — первого доктора земледелия в России. В числе оппонентов был Д. И. Менделеев, указавший на пробел в диссертации, на отсутствие в числе систем системы, основанной на применении химических минеральных удобрений, на что докторант самым убежденным тоном возражал: «Дмитрий Иванович! Помилуйте! Да какая же это система? Кабинетная, лабораторная!» И вот на глазах одного поколения эта кабинетная система стала чуть не самой выдающейся чертой, по крайней мере в тех странах, где земледелие старается наиболее использовать свои научные основы».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. — М.: Атомиздат, 1969. — С. 22-23.

Кони Анатолий Федорович

1844-1927

Русский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор, действительный тайный советник.

В 1861 году учился в Петербургском университете. Профессор Петроградского университета (1918—1922).

*«Милостивые господа! Два рода ученых обществ существует в области *jura et humaniora*. Удел одних — история и археология. Их устремленный назад взор ищет в восстановлении картин далекого, застывшего прошлого пищи и вместе отдыха для мысли, усталой от тревог действительности. Нельзя, конечно, отрицать значения их трудов в отношении к настоящему и в особенности к будущему, ибо история, по выражению Цицерона, не одна *vita memoriae et testis temporum*, но и *lux veritatis*, и всякий, для кого она не цепь случайных событий, а откровение общечеловеческих идей, должен слышать с ее страниц не только приговор неподкупного судьи, но и вещий голос пророка. Однако отношение это не всегда уловимо и всегда очень условно. Задача других обществ — иметь прямое отношение к мимо бегущей жизни, к ее запросам и потребностям, складу и укладу — и в чреде своей деятельности намечать идеалы будущего и пути к их достижению. Одно из обществ последнего рода празднует сегодня четверть века своего существования. Самое его название — Юридическое общество — определяет его призвание — посредством слияния научных начал с житейским опытом — указывать на право-потребности общества и развивать в нем правильное правосознание. Многолетние труды общества в этом отношении так разнообразны, сложны и полновесны, что даже краткий очерк его деятельности за 25 лет отнял бы у нас слишком много времени. Приходится ограничиться краткою характеристикою лишь некоторых из сторон его деятельности. Поэтому я не буду говорить об организации Общества, его управлении, составе и т. п. Это анатомия Общества, с которою в подробностях можно ознакомиться из его отчета и устава. Для нас, быть может, будет несколько интереснее физиология Общества. Она даст возможность хоть отчасти ознакомиться*

с кровообращением его и со взаимным отношением между сознательною работою его мозга и отзывчивым биением его сердца.

Основание нашего Юридического общества тесно связано с судебной реформой. Великие слова коронационного манифеста 1856 года о правде и милости, которые должны царствовать в судах, оживили старые и вызвали новые работы по судебным преобразованиям, а эти работы сделали возможным существование Общества, посвящавшего себя разработке права и процесса, что при старом судебном порядке было совершенно немыслимым. Когда Судебные уставы были введены, эта возможность обратилась в необходимость. И действительно, можно ли было говорить серьезно о существовании и деятельности Юридического общества, как мы его ныне понимаем, в эпоху, когда все источники питания такого Общества были искажены или загрязнены? Таких источников, вообще говоря, три: наука, законодательство и судебная практика. Научные положения, преломившись в законодательной призме на радугу отдельных мер, получают воплощение в обыденной жизни путем судебной практики.

Наша старая судебная практика представляет из себя приказную правду, творимую приказными людьми. Я. не хочу вызывать в вашем воспоминании тех картин старого суда, которые были мною, с возможной подробностью, изображены в речах о наших судебных «отцах церкви» — Ровинском, Зарудном и Стояновском. Достаточно указать лишь на ужасающую медленность старого производства и по гражданским, и по уголовным делам. Знаменитое дело Баташовых, длившееся десятки лет и послужившее отдаленным толчком к судебной реформе, вовсе не составляло исключения. Достаточно напомнить о том, что Стояновскому пришлось завершить уголовное дело о краже из московского уездного казначейства медной монеты на 115000 руб., длившееся 21 год, и что еще прошлой осенью общему собранию Сената пришлось окончательно разрешить гражданский спор, возникший между одним из городов Западного края и Бенедиктинским женским монастырем еще в 1855 году. Вот когда можно было оценить справедливость китайской поговорки, говорящей: «Муха может затянуть тебя в суд, шесть пар волос из него не вытащат». Безгласность производства и все покрывающая и прикрывающая канцелярская тайна не давали способов знакомиться непосредственно с судебной практикой и ведать, как творится суд, но зато система формальных и механически предусмотренных доказательств давала возможность представить себе, что творилось под именем правосудия.

В переживаемые нами Гоголевские дни, когда в уме и в памяти возникают с такою яркостью правдивые и выпуклые образы, созданные великим писателем, нужно ли упоминать о тех типически-приказных людях, над которыми, да вместе с ними и над создававшим их обществом он «горьким смехом своим посмеялся». Мы можем представить себе внутреннюю картину судебных инстанций. Перед нами описанный Гоголем уездный суд, в приемной комнате которого пасутся гусенята, а над шкафом с законами висит аrapник; И. С. Аксаков дает нам картину дня в уголовной палате, где, во время решения дела, заседатели, сообразно своему сословному положению, выкидывают палкой военный артикул или топят печи, а любознательность Стояновского открывает в 1843 году во всем составе семи петербургских департаментов Сената лишь шесть человек с высшим юридическим образованием. Приказная правда не могла не торжествовать, находясь в руках огромного большинства приказных людей и представляя собою печальную картину судебных порядков, в которых власть без образования затопляла собою маленькие островки образования без власти. Уроки такой приказной правды не могли служить материалом для правильного мышления, а давали лишь повод считать слова знаменитой ектеньи: «Яко суды Его не мздоимны и не лицепрятны сохрани!» — не мольбою об устранении возможности, а воплем перед подавляющей действительностью.

Нечего делать было с такой судебной практикой и науке. Последняя или брезгливо отворачивалась от старого Уложения о наказаниях, веявшего средними веками, и при

чтении страниц которого рябило в глазах от изобильно расточаемых плетей и клейм, или пела этому

Уложению рабопенные дифирамбы. В первом случае наука уходила в даль и в глубину веков, изощряясь в исследованиях о кунах, вирах и уголовном праве Русской Правды или Судебников; во втором — она писала в лице известного профессора-криминалиста в автобиографической записке к столетию Московского университета, что «главную задачу своего преподавания с 1838 по 1855 год профессор полагал утверждение в своих слушателях глубокого уважения к отечественным постановлениям по преподаваемому им предмету». При такой отчужденности или угодливости науки влияние ее на законодательство и судебную практику должно было быть совершенно ничтожным. Да и самое законодательство в значительной мере оправдывало изречение Виндшейда о том, что «юриспруденция есть служанка законодательства, но служанка в терновом венце».

Вот почему Юридические общества до начала царствования Александра II были немыслимы. Незабвенная эпоха внутреннего обновления, залечения наболевших язв и умиротворения уставших скорбеть по правде сердец вызвала к жизни деятельные работы по судебной реформе. С началом их старики, не потерявшие надежды на возможность правосудия, могли сказать «ныне отпускаеши», а молодые силы почувствовали, что их, по выражению Пушкина, «бескрылые желанья» обращаются в действительность и у них вырастают крылья для полета в область юридической мысли, не оскорбляемой и не отрицаемой грубой действительностью. Тогда еще недавно ненужные юридические собрания сделались вполне понятными и возможными. Ввиду ярко разгоравшейся зари судебного преобразования явилась желательность построить обсерватории, с которых можно бы следить и изучать движение у нас и на Западе светил, называемых законностью и правосудием, и уметь отличать их «рассчитанный ход» от движения «беззаконных комет». Поэтому конец пятидесятых и начало шестидесятых годов совпадают с образованием ряда юридических кружков в Петербурге. Один из них группируется благодаря энергии Д. В. Стасова, привлекая к себе носителей многих славных впоследствии судебных имен. Я думаю, что сегодня наш уважаемый сочлен Димитрий Васильевич не без справедливой гордости пришел сюда праздновать 25-летие развесистого дерева, выросшего из заботливо и с любовью-посеянных им семян. Душой другого кружка, собиравшегося в доме генерал-губернатора, был С. Ф. Христианович, вносивший в него весь блеск своего тонкого и милого ума, всю живость своего горячего темперамента. Этот кружок много послужил подготовке деятелей для будущих судебных состязаний. Но главный деятель — сам Христианович — не пошел в судебное ведомство, хотя и начал нести, без шума и не выдвигаясь, трогательное и благородное служение судебному делу. Введение новых судов ставило лицом к лицу обветшалые формы административных мероприятий и горделиво уверенную в себе, в своей законности и правде, деятельность представителей новорожденного суда. Столкновения были неизбежны — и на почве самолюбий, и на почве дела. Они могли грозить успеху новых учреждений, их внедрению в русскую жизнь. Нужен был зоркий глаз, способный предусмотреть эти столкновения, рука, умеющая любовно и мягко их предотвратить. Нужен был стрелочник, готовый во все трудные минуты стоять на месте скрещения путей и надежной рукою переводить стрелку на надлежащий путь, когда представлялась возможность столкновения двух поездов. Таким стрелочником сделался Христианович и долгие годы нес свою незаметную, но важную службу. Да будет в этот день с благодарным чувством помянуто его имя! Третий кружок был создан В. Д. Спасовичем и работал параллельно с деятельностью новых судов, пока не образовалось, наконец, наше Общество. Оно явилось по мысли юридического факультета Петербургского университета, возбужденной и проведенной в жизнь трудами и настойчивыми заботами И. Я. Фойницкого. Ему оно, по всей справедливости, обязано своим существованием. Образованию нашего Юридического

общества более чем на десять лет предшествовало создание Московского юридического общества, голос которого неожиданно и преждевременно умолк. Не хочется, однако, верить, чтобы он умолк навсегда и даже надолго, хочется сказать, обращаясь к нему и к его деятельным членам, давшим столько ценных трудов: «*nolite flere, non est mortuus sed dormit!*»

Первоначально Общество, как и следовало ожидать, состояло из двух отделений, но уже через год образовалось административное отделение, под влиянием Александра Дмитриевича Градовского, определившего его задачу, со свойственной ему ясностью мысли и языка, как «насаждение начал права в области управления». Первым председателем отделения был К. К. Грот, видный боец против откупной системы и глубокий поклонник законности в делах управления, умевший до конца своих многополезных дней под сухой наружностью сановника сохранить неизменную теплоту и чуткое к людским скорбям сердце. Но главным деятелем, душою отделения был, конечно, Градовский, память которого мы не раз чтим искренно и скорбно. Он щедро расходовал у нас, как и повсюду, сокровища своего ума и громадных познаний и, «упорствуя, волнуясь и спеша», не щадил своего больного сердца, принося его в жертву тому, что считал истинным благом, и пылая подобно пламени, свет которого тем скорее меркнет, чем ярче оно горит. Двенадцать лет прошло с его кончины, сошел — будем надеяться, временно — со сцены его даровитый ученик, но остался завет Градовского о необходимости обращаться в наших трудах всегда от частного к общему и от преходящего к нравственно-незыблемому.

Затем, гораздо позже, в 1897 году, по почину нашего теперешнего председателя, открылось отделение обычного права. Общество никогда не было чуждо вопросам народной правовой жизни. Ему было ясно, что закон не может быть резко оторван от народного правосознания, иначе он будет обречен на постоянный обход или на применение, насильственное по приемам и бесплодное по нравственным результатам. Притом у нас многие миллионы живут по своему обычному праву. В этом праве сказывается народная житейская и юридическая мудрость; она является везде как мифологическая Минерва из Юпитеровой головы законодателя, во всеоружии, готовая на бой со всем, что с нею несогласно, а геологически, путем многовекового напластывания взглядов, вытекающих из глубоко сознанных потребностей. Эти пласты подчас хранят в себе следы исторических переворотов и останки разных чудовищных ихтиозавров и плезиозавров, но зато они тесно слиты с народной жизнью, а не навязаны ей или отвлечены от нее игрою бюрократического воображения.

Наконец, в последние годы Общество расширилось присоединением к нему русской группы Международного союза криминалистов, под деятельным руководством И. Я. Фойницкого. Сливаясь с этим союзом, Общество отдало дань не только современным потребностям науки уголовного права, но и высшим началам человеческого общения. В наше время — жизненная, глубокая и богатая идея национальности, стремящейся к достижению общечеловеческих идеалов, не утрачивая своей самобытности, уступает место узкому понятию о национализме, замыкающемуся в забвении о других и горделивом самомнении. Под влиянием этого и в международной области развиваются мрачные явления, где зрителем, а иногда и попустителем является почти весь свет, забывший так давно уже возведенные ему начала братской любви и справедливости. Из отношений народов между собою как бы улетучилось понятие о нравственности; мораль осталась лишь для собственного употребления, сливаясь с понятием о личной или коллективной выгоде. Но наука, на чистых высотах знания, отвергает все эгоистические перегородки и одинаково греет своими лучами всех, кто хочет ей служить или ищет у нее опоры и света. Вот почему Общество, находя, что развитие права предполагает дружное участие народов и не исчерпывается пределами отдельного государства, приняло участие в образовании русской группы Международного союза криминалистов.

На характере деятельности Юридического общества отразилось время его возникновения. Когда оно было призвано к жизни, прошло уже одиннадцать лет с открытия петербургских и московских судебных мест нового устройства; затем постепенно была введена реформа почти по всей Европейской России, за исключением Западного и Прибалтийского края. Судебные уставы перестали быть неиспытанною новостью. Излишне становилось разъяснять в беседах и докладах, как надо их применять, но следовало говорить о том, что оказалось при их многосложном применении к разнообразным бытовым условиям русской жизни. Судебные уставы были плодом возвышенного труда, проникнутого сознанием ответственности составителей их пред Россиею, жаждавшего правосудия в его действительном значении и проявлении. Это был труд сложный, самостоятельный и многосторонний, в одно и то же время критический и созидательный, труд, исполненный доверия к духовным силам русского народа, способного получить новые учреждения и принять в них живое и непосредственное участие. В этом последнем смысле — работа составителей Уставов есть настоящий памятник их любви к родине. Будущие сыны ее, просветленные широко развитым образованием, с благодарным чувством напишут в своем сердце имена Стояновского, Буцковского, Ровинского, Зарудного и др. — и русская правовая мысль будет творить им «вечную память», в то время когда многие другие, более шумные, имена развязных поносителей и хулителей судебной реформы давно уже будут позабыты...

Но при всем своем достоинстве Судебные уставы во многих своих частях представляли кабинетный труд, не могший быть предварительно проверенным практически. Целые судебные учреждения и их органы являлись в нашей жизни впервые, заманчивые в идеале, несколько загадочные в своем житейском осуществлении. Прокурор-обвинитель, а не прежний молчаливый «блюститель закона», адвокат, самое имя которого наводило на представителей старого порядка некоторый суеверный ужас, и, наконец, присяжный заседатель, смело призванный на работу судьи из среды вчерашних рабов, — все это, в особенности последний, представлялось еще в мечтах, а не в оболочке прозаической действительности. Но ко времени открытия Петербургского юридического общества суд присяжных уже проявил себя на практике и, выдержав первый искуc, имел за собою длинный ряд правосудно и совестливо выработанных приговоров, совершенно немислимых при старом судебном порядке с его «оставлениями в подозрении», имел пред собою и ряд страстных нападений, клеймивших его именем «суда улицы». Для беспристрастного взгляда не все в этом суде было выработано окончательно и кое-что нуждалось в исправлении, но было ясно, что материалом для суждения о недостатках практического применения этой формы суда должны служить не торопливые выводы людей, не бывших очевидцами хода процесса в его, богатой впечатлениями житейской правды, обстановке, а судящих, в лучшем случае, лишь по обрывкам спешных и неполных печатных известий. Для вдумчивого наблюдателя судьбы новых учреждений было очевидно, что именно суд присяжных и был, долгие годы, поставлен у нас в самые невыгодные условия, оставляемый без призора и ухода, на произвол всяких неблагоприятных влияний, причем недостатки его, столь понятные во всяком новом деле, не исправлялись любовно и рачительно, а со злорадством возводились на степень «смертного греха»...

Вот почему одною из первых больших работ нашего Юридического общества был подробный доклад о суде присяжных, занявший несколько заседаний и вызвавший оживленные прения.

Тогда были разобраны причины, неотвратимо вызывавшие оправдательные приговоры по многим делам о преступлениях по должности и против устава о паспортах и указана цепь неблагоприятных условий, совокупно влияющих на правильность деятельности присяжных вообще. Уголовное отделение Общества при этом выработало положения, содержавшие в себе указания на необходимость устранения этих условий. С чувством

нравственного удовлетворения увидело затем Общество, как мало-помалу законодатель вступал на этот желанный путь, как улучшались состав присяжных заседателей и деятельность комиссий по составлению их списков, исправлялась нецелесообразная подсудность, устранялась излишняя обрядность судебных заседаний, вводилось участие присяжных в постановке вопросов и т. п.

Понемногу затихали и крики противников суда присяжных, обращаясь в случайное ворчание по поводу отдельных дел. Но когда, в 1895—96 гг., началось обсуждение преобразований в Судебных уставах, неожиданно раздались голоса укора этому суду и признания его негодным для целей правосудия или подлежащим такому исправлению, которое равнялось уничтожению целостного и нелицемерного его характера. Эти голоса раздались не извне, а из самого судебного стана. Они должны были придать большую энергию осаждающим, нашедшим себе неожиданных союзников, вооруженных боевым материалом и знанием техники, которого всегда недоставало гонителям «суда улицы». Юридическое общество снова взялось за оружие свободного и всестороннего обсуждения вопроса. Оно назначило особое заседание, с участием представителей Московского юридического общества, в тщетной надежде услышать устные доводы суровых критиков и отщепенцев. Выслушав глубоко прочувствованный доклад К. К. Арсеньева и ряд разносторонних обзоров деятельности присяжных, Общество единогласно высказалось в защиту суда общественных представителей, выразив уверенность, что этот жизненный, облагораживающий народную нравственность и служащий проводником народного правосознания, суд должен укрепиться в нашей жизни, не отходя в область преданий и продолжая быть для участвующих в нем школой исполнения долга общественного служения, правильного отношения к людям и человеческого обращения с ними. И ныне с сердечною радостью приветствует Общество закрепление суда присяжных в проекте «судебного пересмотра» и устранение из его деятельности последних поводов к «девиации», разрешением представителям общественной совести знать о наказании, которому подвергается подсудимый, и предъявлять суду ходатайства о помиловании.

С деятельностью суда по всем наиболее важным своими карательными последствиями делам тесно связаны вопросы о состязании сторон, о пределах исследования, об оценке доказательств и, наконец, о руководящем напутствии председателя. Все это было предметом тщательного изучения и проверки в Обществе. Деятельность и организация прокуратуры нашли себе оценку в докладе нынешнего генерал-прокурора «о задачах прокурорского надзора»; доклад редактора журнала нашего Общества очертил важный вопрос «о свободе защиты»; четырнадцать заседаний было посвящено ряду докладов о завещанной еще составителями Уставов выработке правил о доказательствах и об установлении пределов исследования. В последнем отношении работы еще не могут быть признаны завершенными. Большой и острый вопрос о пределах уголовного исследования, затрагивающий одновременно и интересы правосудия, и неотъемлемые, драгоценные права личности, восходивший не раз и до нашего высшего судилища, подлежит дальнейшей разработке в Юридическом обществе. Он заслуживает, по своему значению, усиленного труда, для которого есть богатая фактическая почва. Область уголовного исследования следует принципиально установить и точно указать. Этим должен быть положен нравственный предел ненужной и незаконной любознательности собирателей обличительных данных, дающей пищу нездоровому любопытству толпы. Руководящее напутствие, к сожалению, до сих пор мало выработанное, не приобретшее еще вложенного в нем законом значения и не ставшее, как то необходимо у нас, центром тяжести всех словесных объяснений пред присяжными, заинтересовало Общество с самого начала его деятельности. Первый реферат в уголовном отделении, занявший три заседания и вызвавший самый оживленный обмен мнений, касался именно заключительного слова председателя.

Одним из коренных начал судебной реформы 1864 года является публичность. Без нее, без этой существенной и основной принадлежности суда, приказная правда старых порядков скоро вступила бы в свои права и в новом помещении, внося туда свою гниль и плесень. Недаром первой провозвестницей идущего обновления в старом суде явилась гласность производства, разгонявшая, по правилам 11 октября 1865 г., густые и вредные туманы канцелярской тайны. Введенная Уставами публичность честно служила государству и правосудию, устраняя описанное составителями Уставов положение, при котором «оправданный выходит менее оправданным, а обвиненный менее изобличенным», и раскрывая пред обществом и правительством скрытые язвы общественного организма, или служебных злоупотреблений. Но рамки специальных преступлений, указанных ст. 620 Устава уголовного судопроизводства, не всегда удовлетворяли насущной необходимости оградить общественную нравственность и даже самые интересы правосудия от публичной разработки и оглашения отдельных обстоятельств и целых эпизодов по делам, не упомянутых в ст. 620. Юридическое общество с серьезным вниманием отнеслось к этому явлению и выслушало, еще в 1882 году, обширный доклад, исходивший из глубокого уважения к светлomu началу публичности, но вместе с тем напоминавший Обществу слова Спасителя «нельзя соблазну не придти в мир, но горе тем, чрез кого он приходит» и предлагавший расширение прав суда по защите воображения и восприимчивости слушателей от соблазнительных или грязных картин человеческого падения. Соображения этого доклада нашли свое подтверждение, а быть может, и отголосок в той части закона 1887 года, которая касается соотношения между публичностью и требованиями общественной нравственности. Юридическое общество не оставалось чуждым этому вопросу и в дальнейшие годы — и еще недавно выслушало доклад К. К. Арсеньева о гласности и устности по новому проекту Устава уголовного судопроизводства. Вопрос о публичности не может считаться исчерпанным вполне. Из одного из руководящих, в этом отношении, решений нашего уголовного кассационного суда видно, как разнo могут быть толкуемы и понимаемы те, намеченные законом в общих выражениях, основания, по которым ныне подлежат закрытию, по усмотрению суда, двери заседания. Они нуждаются в подробном и продуманном анализе наряду с условиями практического осуществления тесной связи между публичностью судебного производства и гласностью, прямодушно признанной законом, в правилах о печатании судебных решений, как неизбежный и естественный элемент публичности. Наконец, нельзя не упомянуть о ряде докладов о судебной ответственности должностных лиц и о взаимных отношениях администрации и юстиции в их практической деятельности — о речи В. Д. Спасовича на тему, имеющую не только юридическое, но и государственное значение — «О языке в области судопроизводства» и о докладе о реформе и задачах кассации, имеющем связь с большим местом нашей судебной практики, с тем, что я назвал бы рассмотрением дел по существу в кассационном порядке, которое, в сущности, возвращает наше судебное производство к началу письменности и к возможности влияния личных взглядов, настроений и темперамента на оценку важности кассационных поводов.

Рядом с разработкой этих коренных вопросов шло в Обществе изучение отдельных отраслей процесса в их практическом и научном освещении. Их было так много, что можно лишь указать на некоторые для примера. Таковы доклады об апелляционном производстве, о вызове свидетелей в судебное заседание, об обжаловании подсудимыми оправдательных приговоров, о недостатках и пробелах предварительного и судебного следствия, о разделении голосов по уголовным делам и т. д. Некоторые вопросы разрабатывались с чрезвычайною подробностью и со всех сторон. В особенности много уделено было труда и внимания экспертизе по уголовным делам, причем был представлен ряд рефератов об экспертизе вообще и в частности об экспертизах литературной, художественной и фотографической, о гипнотических внушениях как предмете

заклучения сведущих людей, об освидетельствовании сумасшедших и, наконец, о задачах русского судебно-медицинского законодательства.

Много труда положило Общество и в работы из области права. В этом отношении особенно много сделало гражданское отделение, в котором, в противоположность уголовному отделению, вопросы догмы преобладали над вопросами процесса. В трудах этого отделения на первом плане стояла разработка отношений, вытекающих из семейного союза. Было представлено двенадцать рефератов, занявших двадцать одно заседание и касавшихся личных и имущественных отношений супругов, положения детей, прижитых вне брака, и сравнения женщин с мужчинами в правах по наследованию. Последний доклад, равно как и сделанный впоследствии доклад о «задачах законодательства по отношению к трудовым артелям» были сделаны нашим уважаемым сочленом Анною Михайловною Евреиновой. Гражданское право входит в жизнь гораздо шире и глубже, чем уголовное. Поэтому отношения, вытекавшие из новых явлений гражданского быта, вызывали отзывчивое внимание гражданского отделения. Его интересовали общественные собрания и клубы с юридической точки зрения, железнодорожные и пароходные предприятия ввиду особенностей установленного 683 статьей первой части X тома *onus probandi* ответственности за вред и убытки, причиненные при эксплуатации; его занимали вопросы об ответственности акционерных обществ и их органов перед акционерами и фабрикантов и заводчиков в случаях несчастий с рабочими.

В области права пред уголовным отделением прежде всего предстало учение итальянской антропологической школы и всех ее разветвлений, самоуверенно шедшее на упразднение так называемой классической школы в уголовном праве с ее основными положениями и процессуальными приемами. Выяснению как разумных, так и преувеличенных сторон в этом новом учении посвящен был ряд докладов и, быть может, памятная многим, оживленная, блестящая беседа между представителями разных направлений в 1890 году по этому же поводу. В связи с этими учениями находятся вопросы вменения, и к этим вопросам Общество много раз обращалось в своих заседаниях, нередко приглашая на них представителей науки о душевных болезнях. Всех докладов, имевших предметом вопросы о вменении, с разных точек зрения, было девять, занявших семнадцать заседаний. Первым по времени был доклад Н. С. Таганцева «Об условиях вменения при полицейских нарушениях» в 1878 году. Последним по времени был реферат в 1898 году, касавшийся нового спора о вменении в немецкой литературе, сделанный В. Д. Набоковым. И по разработке взглядов на отдельные преступления труды уголовного отделения были очень обильны по числу, важны по содержанию. Так, в первые же годы своего существования отделение выслушало два многосторонне обработанных доклада Н. С. Таганцева и В. Д. Спасовича о преступлениях против веры, в которых, еще в 1881 году, намечены те затрагивающие глубины человеческого духа вопросы об отношениях между собою свободы совести и веротерпимости, вопросы, с которыми и ныне приходится считаться законодателю и которые так живо и тревожно интересуют общество. В эти же годы представлены, с обычным блеском, Н. А. Неклюдовым доклады о преступлениях против брака и о лжесвидетельстве — и постепенно разработаны, с критической и догматической стороны, многие постановления особенной части нашего Уложения. Между этими докладами нельзя не отметить касавшихся животрепещущих интересов печатного слова докладов Г. Б. Слиозберга о наказуемых нарушениях авторского права и о преступлениях печати, из которых последний вызвал особую оживленную беседу. Нужно ли говорить, что весьма большое число заседаний было уделено таким жизненным вопросам, как ответственность малолетних и несовершеннолетних, организация тюрьмы и ссылки, устройство арестантского труда и т. п., в разработке которых принимали участие Д. А. Дриль, А. К. Вульфберт и И. В. Мещанинов.

Общество чутко относилось к законодательству отечественному и чужому. Можно смело сказать, что ни один проект по вопросам права и процесса, разработанный за границей или принявший силу закона, не ускользнул от внимания Общества и от подробной его разработки. Русское законодательство до начала восьмидесятых годов давало мало пищи для деятельности Общества. Лишь в 1878 году В. Д. Спасовичу пришлось ратовать против расчленения Судебных уставов и внедрения их отдельных частей в соответствующие томы законов. Он взывал о спасении этого утопленника в море устарелых и наполовину неведомых статей и о возвращении его к прежней самостоятельной жизни, что было необходимо, так как при разбрасывании статей Устава уголовного судопроизводства и Учреждение судебных установлений некоторые из них получили несвойственную им кодификационную окраску. Затем, в 1880 году нынешний министр юстиции Н. В. Муравьев изложил перед Обществом, с критической оценкой, особенности новой подсудности преступлений против порядка управления, установленной законом 1878 года. Но деятельность Общества в этом отношении чрезвычайно оживилась, когда было возведено новое начертание Уголовного и Гражданского уложения и стали появляться обширные труды занятых этим начертанием комиссий. Гражданское отделение откликнулось обширными рефератами, между которыми заслуживают особого упоминания труды о предмете и системе Гражданского уложения, о характере и направлении работ по его составлению, об отношении его к местным законам и о методе будущей кодификации. Первый из них памятен, кроме своего содержания, еще и тем, что в обсуждении его участвовал один из благороднейших, чистейших и нравственно-стойких русских людей — Константин Дмитриевич Кавелин. Уголовное отделение откликнулось на предстоявшие преобразования образованием ряда комиссий, представивших тщательно разработанные заключения на проект Уголовного уложения. Кроме того, это отделение, для обсуждения важнейших вопросов, например о вменении по проекту нового уложения и об имущественных преступлениях, имело соединенные заседания с обществом психиатров и с гражданским отделением. В первом заседании по обсуждению лестницы наказаний, установленной проектом, принимал участие и министр юстиции Д. Н. Набоков. Наконец, в последнее время, во всех отделениях Общества, был целый ряд докладов по проекту комиссии о пересмотре законоположений по судебной части. Ввиду того, что труды комиссии наряду с предположениями о ремонте судебного здания, содержат в себе и проект существенной перестройки этого здания, закладывая его в фундамент новую должность участкового судьи, с разнообразными обязанностями и широкой, противу ныне действующей подсудностью, доклады эти обращены были преимущественно на оценку пригодности и целесообразности этого нововведения.

Не одни вопросы материального права и процесса нашли себе отголосок в занятиях Юридического общества. Наравне с ними запросы общественной жизни и условия быта не были ему чужды. Подобно тому, как суд присяжных представляет естественное соприкосновение власти с общественной совестью в деле суда, так земство и полиция являются органами соприкосновения управления с народом на почве местных нужд и потребностей. Регламентируя участие земских сил в местном управлении, законодатель создает юридические основы земского самоуправления, вызывая общественные силы на служение материальным и нравственным интересам окружающих и внося восприимчивый элемент почва в дела и среду, которые мертвила бы канцелярищина. Важность правильности этой регламентации и ее чуткости к действительным интересам населения сознавалась всегда деятелями административного отделения. Одно перечисление докладов А. Д. Градовского указывает на это. В 1878 году он говорит о праве ходатайств, предоставленном земским собраниям, в 1879 году о наказе полиции, в 1880 году о необходимости пересмотра XIV тома, в 1881 году о возрастном сроке для выбора по земским учреждениям, в 1884 году о выборах гласных от крестьян. По его стопам идут члены общества Коркунов, Свешиников, Арсеньев, Кузьмин-Караваев и

Гессен. Здесь не место называть их многочисленные и интересные доклады. Достаточно сказать, что в них разработаны вопросы местного самоуправления в Европе и в России, вопросы о пределах власти и ответственности губернаторов, о всесословной волости, о новейших сочинениях по самоуправлению, о фиксации земского обложения, о земской адвокатуре и об отношениях земства к народному образованию.

Рядом с юридическим быт, том народа стоит его общежитийский быт, в котором, к несчастью, нередко источниками печальных явлений служат темнота, беззащитность, невежество и бедность. И этому быту членами Общества было посвящено не мало трудов на почве живых наблюдений, этнографических данных, статистических материалов и психологических исследований. И. Я. Фойницкий говорил нам в нескольких заседаниях о факторах преступности и о женицине-преступнице, а также о соотношении внутренних психических и внешних космических и общественных сил во влиянии на преступность. Д. А. Дриль поделился из запаса своих исследований богатыми данными «о болезни, пороке и преступлении», «об убийстве и убийцах». А. А. Левенстим дал весьма интересные доклады: «О фанатизме и преступлении», «О суеверии и отношении его к уголовному праву» и «О конокрадстве с бытовой стороны». Наконец, в последнее время в нескольких заседаниях Общества разрабатывался вопрос о причинах, обуславливающих развитие проституции, и о борьбе с ними, в связи с чем находится и своевременно сделанный в Обществе реферат о lex Heinze в защиту общественной нравственности.

Не одними докладами, беседами и сообщениями старалось наше Общество исполнять свои обязанности по отношению к развитию и упрочению русского юридического развития. Оно вошло в постоянное общение с читающей публикой путем издания своего журнала, вверяя его искусству и уменью опытных редакторов и постепенно завоевывая все увеличивающийся круг интересующихся им лиц. Первые шаги были трудны и требовали большой энергии — и в этом отношении нельзя не вспомнить благодарным словом первого, так много и полезно поработавшего, редактора В. М. Володиминова. В среде Общества, среди крупных величин наук, неустанно и любовно работали почтенные и скромные деятели, с трудолюбием пчел приносившие свой мед в общий улей. Многих из них уже нет — и в том числе проникнутого нежною любовью к судебному делу Н. И. Цуханова и энергического, с большими знаниями, К. Д. Анциферова, надорванный работою ум которого погасал так долго и мучительно. Чтя его память и ценя его серьезные юридические труды, Общество издало его сочинения в одном большом томе, с портретом покойного.

Краткость времени и боязнь утомить вас, милостивые господа, лишает меня возможности говорить о сношениях нашего Общества с русскими и иностранными юридическими обществами, о командировании делегатов на пенитенциарные и сродные им конгрессы, об интересных отчетах, о занятиях и конечных выводах этих ученых собраний, доложенных в наших заседаниях. Можно сказать лишь одно:! Общество не только существовало, но и жило.

Право на плодотворное будущее дает ясное понимание своего прошедшего и уважение к тому, что в нем было хорошего и достойного. Только пред тем ясно и определенно рисуется завтрашний день, кто не забыл уроков, примеров и заветов дня вчерашнего. Вот почему Общество не могло не чувствовать одинаково со всеми просвещенными людьми «во дни торжеств и бед народных», вот почему оно в 1880 году послало адрес и депутацию в Москву ко дню открытия памятника нашему великому поэту, «бессмертному мастеру русского слова», в 1881 году почтило Достоевского, на другой день его похорон, речью в своем годовом собрании; в 1883 году приняло участие в похоронах Тургенева, возложив чрез своих представителей венки на его могилу, и в 1899 году отпраздновало 35-летие дорогих ему Судебных уставов в особом торжественном заседании. Не осталось Общество глухо и при материальном народном бедствии. Оно откликнулось на крайний неурожай 1891 года устройством публичных лекций. Мы

говорили о гипнотизме и о судебной фотографии и призывали на помощь голодающим тень трогательного московского человеколюбца — доктора Гааза. Сверх того, в Обществе установился, не сразу и не без некоторой настойчивости, обычай публичных поминок по своим членам в годовых собраниях и в особых, торжественных заседаниях. Первыми, о ком вспомнило таким образом Общество, были А. Ф. Кистяковский и С. Ф.

Христианович; дважды собиралось оно в память А. Д. Градовского, вскоре после его кончины и по поводу ее десятилетия, в такое десятилетие помянуло оно С. И. Зарудного; вскоре после смерти Н. И. Стояновского, К. К. Грота, А. Д. Шумахера, Д. А. Ровинского и Н. А. Неклюдова состоялись особые заседания в их память. Устами различных ораторов Общество воздало посильную дань уважения этим сеятелям идей правосудия и правды и постаралось оживить пред слушателями их нравственные привлекательные образы. Между этими слушателями часто бывало довольно много учащейся молодежи, которой Общество всегда гостеприимно открывало, в интересах знания и юридического развития, свои двери. Мы с искренним удовольствием видели эту молодежь на наших «поминках». Нам думается, что рассказ о бескорыстном, полном труда, терпения и любви служении родине со стороны тех, о чьей почтенной жизни и «непосыдном» конце шла речь, не мог быть бесполезен и бесплоден для наших молодых слушателей. Нам и тогда, и теперь хотелось им повторить слова Виктора Кузена, пред разлукою его со своею аудиториею в *College de France*, в 1853 году: *«Eniretenez en vous le noble sentiment du respect, — defendez vous de cette maladie de notre siecle, ce gout fatal de la vie commode incompatible avec toute ambition genereuse. Quelque car-riere que vous embrassiez, proposez, vous un but eleve, et met-tez a son service une constance inebbranlable. Sachez admirer ayez le culte des grands hommes et des grandes choses»* («Поддерживайте в себе благородное чувство уважения — остерегайтесь от болезни нашего века — губительного стремлением к благополучной жизни — цели, несовместимой с благородными стремлениями. Какой бы деятельностью вы ни занимались, всегда ставьте перед собою возвышенную цель и отдавайтесь этой цели с непоколебимым постоянством. Умейте восхищаться; преклоняйтесь перед великими людьми и великими деяниями») (франц.).)

Таково наше прошлое. Оно дает основание надеяться, что и в будущем Юридическое общество не отклонится от своих задач. А последние предстоят сложные и, во многом, новые. Обнародование и введение в действие таких коренных законодательных работ, каковы: Гражданское уложение, новое Уголовное уложение и «пересмотренные» Судебные уставы — должно вызвать множество вопросов, нуждающихся в разностороннем толковании и разъяснении. Придется ознакомиться с тем, отвечают ли созданные вновь правовые нормы, положения и системы действительным нуждам жизни и являются ли ей «на потребу»? Рядом с научным анализом нового явится житейский анализ приемлемого. Вместе с этим предстанет необходимость взглянуть и в те толкования и способы, путем которых судебная практика будет проводить и осуществлять переработанные заново законы, устанавливающие уголовную ответственность, регулирующие гражданский быт и создающие новые приемы и органы для отправления правосудия.

В этом отношении Юридическое общество может сослужить свою службу. И сослужить оно ее должно, содействуя правильному пониманию разбираемых им законов и подвергая их, в случае надобности, прямодушной и бестрепетной критике, не боясь «усекновения языка», ибо примечание ст. 1035 Уложения о наказаниях не вменяет в преступление и не подвергает наказанию обсуждение не только отдельных законов и распоряжений, но и целого законодательства, если с этим обсуждением не связаны оспаривание обязательной силы законов, призыв к неповиновению им или оскорбительное отношение к власти. Такою представляется мне первая задача Общества. Вторая его задача состоит в разработке правовых вопросов, вызываемых жизнью. Серьезными и продуманными работами в этом смысле оно может приготовить ценный материал для законодателя. Различно и своеобразно текут запросы, назревшие потребности и чаяния

жизни, пока не впадут в многоводную реку законодательства. Одни, падая с высоты идеала, дробясь, пенясь и разбиваясь о камни житейской прозы, то разбрасываясь на мелкие и быстрые ручейки, то снова сливаясь вместе, быстро и с ропотом несутся вперед; другие, повинаясь непреложному закону истории, спокойно, но неотвратимо текут по наклонной плоскости; третьи, переполняя стоячие воды своекорыстной обособленности, тянутся затхлыми и медлительными струйками к той же реке. И всех она принимает в себя и, претворив в себе, катит свои воды, прокладывая себе русло. В эту реку следует и Юридическому обществу вливаться своими трудами, построенными на трезвом понимании общественных потребностей и освещенными светом науки и любви к родине. Может, конечно, случиться, что эти труды подчас бесследно вольются в многоводную реку, но и тогда у Юридического общества останется сознание исполненного долга. А быть может — его посильная и бескорыстная работа окажется полезной для более лучшего определения, где течение реки должно сообразоваться с каменистым и вековым кряжем народной жизни и где ему на пути лежат лишь песчаные мели и илистые наносы, которые следует размыть и смыть...

Третья задача отчасти определяется состоявшимися к сегодняшнему дню выборами в почетные члены Общества. И Габриель Тард, и сенатор Рене Беранже — представители совершенно определенного и притом нового направления в науке уголовного права и процесса. Понятие об этом праве, как живой отрасли социологии, немыслимо вне ее, и об уголовном процессе, как сложной разработке преступного деяния с точки зрения физиологии, социологии и психологии, составляет ядро учения первого из них. Ему же принадлежат и глубокие исследования из области действий толпы, подвергнутой им тонкому психологическому анализу, как самостоятельное и своеобразное целое, управляемое совсем другими душевными движениями, чем каждая отдельная личность, в нее входящая. Теории его смелы, взгляды оригинальны, — с ними можно не во всем согласиться, но с ними надо считаться — и им, без сомнения, в руках последователей Тарда будет принадлежать большое влияние на оценку того, что такое преступление и как с ним бороться. Юридическому обществу предстоит отнестись к учению французских криминалистов психосоциологов не с меньшим вниманием, чем оно относилось к итальянской уголовно-антропологической школе. Начало этому уже положено докладом В. К. Случевского «О преступлениях толпы». С именем Беранже связаны вызванные им прямо или косвенно живые и острые вопросы современного уголовного процесса. Практическое приложение условного осуждения, уже бывшего предметом интересных докладов г.г. Гогеля, Случевского и Жижиленко, представляется далеко еще не окончательно выясненным если не с юридической, то с бытовой точки зрения. Новейшие французские проекты так называемых «loi de bonte» и «loi de pardon» идут уже гораздо дальше и стремятся совершенно видоизменить политику карательных мер, вводя не только в развязку уголовного преследования, но даже и возбуждение последнего — наряду с педагогическим милосердием — элемент самого широкого усмотрения. Это предоставление судье замены приговора — помилованием и исследования вины оценкою побуждений имеет в себе много заманчивого, примиряющего и отнимающего у уголовной репрессии ее суровый характер, но все это требует еще вдумчивой, беспристрастной и всесторонней критической оценки, дабы не допустить, чтобы отправление правосудия сделалось игрой дряблой воли и жестокой к потерпевшим чувствительности, постановленных на место чувства здравого человеколюбия и разумного снисхождения. Вот новая и обильная работа для уголовного отделения Общества. В нашей среде есть молодой ученый, которым мы можем гордиться, потому что его смелая и проницательная мысль, выросшая на почве обширнейших познаний, давно уже обратила на себя справедливое и зоркое внимание германских цивилистов. Его теория — теория психологического происхождения правовых норм — представляет оригинальное, самостоятельное учение, пролагающее новые пути, открывающее далекие горизонты. С этой теорией, конечно, можно не соглашаться и

защищать против ее старых богов, но чем оживленнее и горячее будут эти споры и их отголоски, тем более будет плодотворна научная работа нашего гражданского отделения.

Наконец, на Обществе лежит и продолжение его верной и ревностной службы Судебным уставам. Не мало членов нашего Общества на разных поприщах своей деятельности и в наших заседаниях были стойкими поклонниками высоких и чистых начал, вложенных в эту дорогую нам книгу. Устойчиво и верно хранили они свою горячую, первую любовь к этой избраннице не только своего сердца, но и совести. Под влиянием времени и недугов она очень изменилась, и потускнел ее ясный взор и румянец здоровья сошел с ее лица, но они по-прежнему с нежным и тревожным чувством думают о «подруге юных дней»... Теперь Судебным уставам предстоит обновление. Надо надеяться, что во все части их, которые, при окончательном пересмотре, не окажутся измененными в существе своем, будут внесены, и притом с тонкостью токарной работы, все необходимые улучшения и технические усовершенствования, указанные 35-летним опытом. В этом отношении, по крайней мере на первое время, работа Общества по изучению и указанию различных неудобств практического осуществления — значительно уменьшится.

Но зато предстоит другая — и думается мне — плодотворная работа из той же области Судебных уставов. Начертив ряд правил о ходе процесса, эти Уставы переплели их с ясно выраженными и с несомненно подразумеваемыми нравственными требованиями, предъявляемыми к людям, идущим на святое дело отправления правосудия. Совокупность этих требований, выводимая из общих начал истинной справедливости и уважения к человеческому достоинству, есть судебная этика, создающая наряду со служебным долгом судебного деятеля его нравственный долг.

Раскрытие, изучение и выяснение этических начал, проникающих Уставы, и разработка системы нравственных правил — этого *non scripta, sed nata lex*, — которыми должны быть проникнуты приемы и содержание деятельности обвинителя, защитника и судьи, могут составить одну из заманчивых и плодотворных задач Юридического общества.

Давно уже слышатся единичные голоса, твердящие о необходимости выдвинуть, в вопросах осуществления правосудия, на первый план не один технический, но и нравственный элемент. Юридическое общество может слить эти голоса в один стройный хор, в который войдут старые и к которому прислушаются молодые судебные деятели. Наряду с назревшими вопросами этики настала пора заняться рассмотрением того, как сложились на практике основные и выдающиеся черты прокурора, защитника и председательствующего судьи. Беспристрастно и вдумчиво, общею совокупною работою, надо выяснить, соответствует ли выработавшийся тип этих деятелей тому, что предполагали создать Уставы, например, остался ли прокурор в судебном заседании тем говорящим судьей, каким его рисуют статьи 739 и 740 Устава уголовного судопроизводства, и устоял ли уголовный защитник в пределах своей деятельности как общественного, а не личного служения? В материалах и живых примерах недостатка не будет.

Двадцать пять лет назад, в этот день, собрались впервые в заседание учредители нашего Общества. Их было тридцать. Теперь из них налицо всего шестнадцать. Остальные ушли от нас, закончив свой трудовой жизненный путь. Мы лишились трех деятельных участников в составлении Судебных уставов, нескольких выдающихся ученых и в том числе Редкина, Андреевского и Чебышева-Дмитриева; нас покинули, так неожиданно и преждевременно, Градовский и Неклюдов. Особенно внезапно была утрата нами последнего, с его орлиным выражением лица и глаз и могучим полетом смелой мысли. Судьба и крылья ему дала орлиные, но, по присущей ей иронии, не пустила его в поднебесье, а предоставила ему летать в коридоре, местами узком, местами широком, где нельзя было развернуть крыльев во всю ширь, из боязни переломить их и где приходилось их подчас подгибать, а едва стали развертываться пред ним более широкие горизонты деятельности — смерть безжалостно прекратила биение его гордого и

боровшегося с собою сердца... Не увидим мы больше ни благодушного лица Н. И. Стояновского, нашего первого председателя, многие годы своей высоко полезной для судебного возрождения жизни переплетишего с деятельностью сердечно им любимого и хранимого Общества, ни покрытой безупречною сединою прекрасной головы Арцимовича, ни задумчивой, серьезной фигуры Капустина... Не пришли сюда на наше скромное торжество и те, кого удержал недуг. Пусть наша память об их тесной нравственной связи с Обществом, донесаясь до них, заставит их хоть на несколько мгновений забыть свои страдания и свое от нас вынужденное отдаление. Я говорю об А. А. Книриме, тонким и глубоким умом которого мы так часто любовались, об А. А. Герке, о В. Д. Спасовиче, о котором не хочется верить, что его — этого живого пульса нашего Общества, бывшего одновременно во всех его артериях — нет здесь, с оригинальным жестом, со своеобразным складом речи, столько раз поучительно доказывавшей, как мало значит форма, когда в нее вложено глубокое по мысли и пламенное по чувству содержание.

Наше юбилейное собрание состоялось в те дни, когда во всех уголках России звучит имя Гоголя. Позвольте, поэтому, вспомнить об одном из чудных его произведений. Когда Тарас Бульба, оставшись с половиною запорожцев под Дубно, видит, как в смертном бою смежают очи его сподвижники, он перекликается с куренными: «А что, паны— есть ли еще порох в пороховницах? Не ослабела ли казацкая сила? Не гнутся ли казаки?» — «Есть еще, батько, — отвечают ему, — порох в пороховницах; не утомилась еще казацкая сила; не гюлись еще казаки!» Немногие из оставшихся учредителей Юридического общества доживут до празднования его пятидесятилетия... Двое — трое, может быть — один. Каждый из оставшихся учредителей, сходя со сцены, будет иметь право сказать созданному ими Обществу «feci quod potui, faciant meliora potentes». Пожелаем, чтобы работа будущих деятелей нашего Общества, этих potentes, была так же усердна, как у их предшественников, и оказалась плодотворною и успешною в смысле влияния на правовое развитие родины. Пусть в день пятидесятилетия оставшийся учредитель, перелистывая дрожащими и слабыми старческими руками полувековой отчет Общества, на свой молчаливый, тревожный вопрос: «А что, паны, есть ли еще порох в пороховницах; не погнулась ли русская юридическая мысль — услышит, со страниц этого отчета: «Будь спокоен, батько, есть еще порох в пороховницах и не погнулась еще русская юридическая мысль!...»».

Кони, А. Ф. Труды и задачи Петербургского юридического общества //Кони, А. Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. — М.: Изд-во Юридическая литература, 1967. — С. 293-316.

«Более пятидесяти лет моей жизни переплетаются с воспоминаниями о Михаиле Матвеевиче. Я, как сейчас, вижу его на кафедре, в большой аудитории петербургского университета, переполненной студентами и публикой, тогда довольно свободно имевшей доступ на лекции популярных профессоров. Молодой, полный сил и энергии, недавно женившийся и вернувшийся из заграничной ученой командировки, он читал о провинциальном быте во Франции при Людовике XIV. В стенах, где обычно раздавалось повествование о жизни государств, он с простою и изяществом истинного знания развешивал перед слушателями поучительные страницы из жизни народов».

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. I. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. — С. 19-20.

«В 1861 году я и четверо моих товарищей (Кобылкин, Лукин, Сигель и Штюрмер) решились выйти из 6-го класса гимназии прямо в университет, который нас давно манил своими лекциями, доступными тогда почти для всех. Уже со школьной скамьи мы ходили

слушать блестящие чтения Н. И. Костомарова и лучшими мечтами души жили в университетских стенах. Для того однако, чтобы в них скорей попасть, нужно было оставить гимназию и держать экзамен, в качестве лиц, получивших домашнее воспитание, в особой испытательной комиссии при университете. Она заседала с 19-го по 26 мая, и в течение этих семи дней нужно было выдержать экзамены по всем предметам гимназического курса, выбирая для этого любые дни и любые предметы. Экзамен проводился учителями гимназии под председательством профессоров и был довольно строг.

Всех державших было человек двести и каждый день с девяти часов утра пестрая и разношерстная толпа их рассыпалась по аудиториям, при чем имевшийся у каждого экзаменационный листок с перечислением предметов, графой для отметок и подписей учителей постепенно заполнялся словами: «удовлетворительно», «неудовлетворительно» и «весьма удовлетворительно»... Вступительные экзамены в университете шли у меня очень успешно, а мои ответы из тригонометрии доставили мне даже маленький триумф несколько комического характера. Я был очень моложав, имея на вид не более 14 лет, был сухощав и маленького роста, так что обращал на себя общее внимание собравшихся на экзамен своим почти детским видом. Знаменитый профессор и академик Сомов, вслушавшись в мои ответы на экзамене, предложил мне несколько вопросов вне программы, на которые мне удалось ответить довольно удовлетворительно. Сомов почему-то пришел в великий восторг и, сказав мне – «нет, вас надо показать ректору» - подошел ко мне сзади, крепко охватил меня руками за локти и подняв на воздух воскликнул: «я вас снесу!» Это мне – будущему студенту – показалось чрезвычайно неуместным и, увидев мое обиженное лицо, он оставил меня в покое. С этих пор между экзаменуемыми прошла обо мне слава, как о человеке, который на математике «собаку съел».

26-го мая мне оставалось выдержать экзамены у немца и француза. На них я шел, в виду домашнего воспитания и трехлетнего пребывания в *Appenschule*, спокойно. Толпа экзаменующихся в этот последний день была особенно оживлена. Из нее вышел ко мне навстречу молодой стройный человек высокого роста с едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко остриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и коричневый однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание, которое впрочем в то время еще не было редкостью. «Извините – сказал он мне – я знаю, что вы отличный знаток математики, а у меня – и он слегка покраснел – вот такая беда: я не приготовил двух последних билетов из тригонометрии, да и вообще слаб по этой части и сам себе помочь не могу. Не можете ли вы мне объяснить их?..» Я с удовольствием согласился; мы сели в сторонке за край большого стола, и я «преподавал» моему неожиданному ученику два тревожившие его билета, повторил свое объяснение и предложил ему попробовать мне ответить. Ответ обличил его чрезвычайную понятливость, и я сказал ему: - теперь идите и берите тотчас же билет, на полчаса вы заряжены, а там пожалуй позабудете. – Мы расстались, и я пошел к своим иностранцам. Когда я вышел от последнего из них в приемную перед аудиторией, где происходил экзамен, из двери другой аудитории вышел мой незнакомец. Его красивое лицо было радостно взволновано. Он быстро подошел ко мне и, протягивая обе руки для крепкого рукопожатия, воскликнул: «представьте! Последний билет! Последний!! И – весьма удовлетворительно! Как я вам благодарен! Мы конечно будем встречаться. Вы ведь, без сомнения, юрист? – Нет, я иду на математический факультет по чисто математическому разряду. – Но, все-таки, мы будем встречаться. Неправда ли? – Конечно, отвечал я». Но какая-то странная застенчивость помешала мне спросить его фамилию. Встретаться нам однако в университетском коридоре не пришлось. Осенью университет был закрыт на два года, и

я, после бесплодных занятий математикой на дому в течение года, перешел на второй курс юридического факультета Московского университета».

Кони, А. Ф. Житейские встречи (Из воспоминаний судебного деятеля) // Русская старина. – 1910. – Т. 141, январь. – С. 15-17.

Шимановский Митрофан Васильевич

(1845- ?)

Юрист. Приват-доцент Казанского университета. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1867)

Начало лекций в 1863 году оттягивалось, так как нужно было организовать факультет юридический вновь, в виду его двухгодичного закрытия. Прошел сентябрь и уже начался октябрь, когда мы узнали, что первую лекцию нам прочтет Редкин по энциклопедии права. В день первой лекции явились почти все студенты университета. Лекция была назначена в XI аудитории, в единственной, которая устроена амфитеатром. Слушатели сидели на всех скамьях, на стульях, в пространстве между скамьями и кафедрой, некоторые на окнах, многие стояли, а несколько человек поместилось на ступеньках кафедры. Петр Григорьевич едва мог пройти на кафедру. Он был видимо взволнован. Помолчав несколько минут, которые нам казались вечностью (так как каждому хотелось как можно скорее услышать его голос), он произнес глухим голосом, скороговоркой мм. гг, и опять умолк... Опять молчание, опять пауза. Наконец, он начал так.

«Снова вступаю я на кафедру, которую долго занимал в Московском университете; вступаю и теперь в нечуждый мне университет, некогда удостоивший меня высшей ученой степени доктора прав; вступаю при тех же обстоятельствах, при которых началась в Москве моя профессорская деятельность. Теперь, как и тогда, вводится новый устав русских университетов; теперь, как и тогда, вводится в преподавание наших университетов если не новая, то, по крайней мере, обновленная наука, составляющая предмет моей кафедры. Следовательно, теперь, как и тогда, от меня потребуется усиленная деятельность и при том опять такая, которая была бы согласна с требованиями современности».

Эти первые слова уже приковали наше внимание. Содержание лекции во многом было ответом на наше предубеждение. Петр Григорьевич объяснил нам, как он провел время по прекращению лекций в Московском университете в течение 15 лет. Объяснил свое назначение на кафедру к нам; как он не мог удержаться перед желанием вновь явиться на кафедру; какое требование современная наука предъявляет к его предмету и как энциклопедия права должна быть самостоятельной и т. п...

«Судите меня, мою профессорскую деятельность, мои лекции со всею строгостью и беспристрастием судей, но помните, что вы будущие юристы, должны будете всегда выслушивать подсудимого, прежде нежели произнести над ним справедливый приговор свой; помните, что перед вами первый преподаватель небывалой да и весьма всегда юной

науки и помните, что сам этот преподаватель не убоился в самом начале представить тот идеал этой науки, перед величием которого должны побледнеть самые добросовестные, неутомимые труды его, потому что он считал бесчестным понизить свой идеал настолько, чтобы могла возвыситься его ничтожная в истории науки личность. Судите меня – на то я сюда пришел как лицо публичное, не только признающее, но желающее критики для пользы самого дела, как профессор университета, того высшего ученого и учебного учреждения, где замолкают авторитеты и начинает говорить сама истина, сама наука в современном ее состоянии, согласная с мирозерцанием представителей современности, наука самостоятельная, как самостоятельна истина, наука саморазвивающаяся по вечным логическим законам разума и жизни, наука независимая ни от каких посторонних внешних целей, - ни от каких предубеждений и предрассудков, наука бесстрашная, не останавливающаяся ни перед какими своими результатами, наука самоцельная, дорожащая каждою истиною, хотя бы еще и неприложимою в жизни в настоящее время, в том убеждении, что истина, как разумное, рано или поздно осуществится, что по нашей народной пословице – «все минется, одна правда останется», а потому вместе и практическая в истинном смысле этого слова, ибо не практичное – не истина, а ложь; это-то, а не другой какой-либо произвольный, выдуманный мною идеал и поставляю я для той науки, которой мне суждено быть здесь первым провозгласителем; но иначе эта наука и не будет наукою, какой она должна быть по своей сущности. И так, чтобы энциклопедия права была наукой, необходимо, чтобы она имела все существенные свойства науки вообще – словом, чтобы она была независимая, свободная, самостоятельная, саморазвивающаяся, самоцельная и вместе практичная.

С надеждою на наше постоянное внимание, с искреннюю любовью к предмету моего преподавания, с верою в конечное торжество науки, в победу знания над невежеством, истины над ложью, света под тьмой, правды и справедливости над неправдой и несправедливостью, и приступаю к изложению энциклопедии права».

Все это было сказано с таким воодушевлением, с такою энергией, что все слушатели лишь после нескольких секунд могли прийти в себя. В аудитории было сначала молчание, но затем все, как один человек, мы начали аплодировать. Долго я ходил в каком-то настроении экстаза. Я слышал впервые то, чего я не слышал прежде и о чем не имел ровно никакого понятия и чего много я даже понять не мог. Но я инстинктивно сознал, что этот человек горячо любит ближнего, любит науку и всеми силами своего ума и сердца работает над нею на пользу других.

.... На последнюю лекцию собрались почти все студенты всех трех курсов. Лекция была блестящая. Редкин, прощаясь с нами, напутствовал нас добрыми пожеланиями. Когда он сошел с кафедры, то раздался гром рукоплесканий.

... Где только возможно было возбудить в слушателях стремление к добру, Петр Григорьевич это делал, и каждый после лекции невольно признавал себя личностью, способною на все хорошее. Какое влияние было Редкина на слушателей, я определить себе до сих пор не берусь. Знаю только, что выходя из лекции, я всегда, если не сознательно, то инстинктивно чувствовал, что есть что-то высшее мировое, что превыше всего, к чему следует стремиться, что это хорошее должно руководить в жизни и что «все

минется, а одна правда останется», т. е. должен осуществиться тот девиз, который Петр Григорьевич выставлял всюду.

Шимановский М. В. Петр Григорьевич Редкин (биографический очерк). – Одесса, 1891. – С.7-19

Пеликан А. А.

Первая лекция, на которой мне пришлось присутствовать в университете, была вступительная лекция Редкина. Она произвела на всех ее слушавших, думаю двух мнений не было и быть не могло, ошеломляющее впечатление. Редкин сразу овладел умами своей аудитории и вселил в слушателей безграничную веру в свои исключительные умственные и нравственные качества. Достиг он этого единственно оригинальным содержанием своей лекции, лектор он был плохой, читал по приносимым из дома листкам отрывистыми фразами, с большим, казалось, трудом вылетававшими из его глотки, на вид он был исполнен генеральской чванностью, что плохо гармонировало с его невзрачной фигурой.

... По существовавшим в то время цензурным правилам записки по университетским лекциям могли литографироваться лишь с письменного разрешения лектора, под его личной ответственностью за безвредность их содержания с цензурной точки зрения и без предварительного рассмотрения их цензурой, безотносительно к числу литографированных листов. Редкин – единственный на моей памяти петербургский профессор, упорно отказывавший в разрешении литографировать его лекции. Между тем нужда в стенографировании его лекций, особенно в виду строгих требований его на экзамене, была весьма настоятельна; поэтому предпринимателям оставалось только обходиться без его разрешения и печатать его записки на общем цензурном основании, не означая на обложке имени автора. На что Редкин смотрел сквозь пальцы. Таким образом были изданы и записки по его лекциям и конспект к ним.

Пеликан А. А. Во второй половине XIX века (студенческие годы) // Голос минувшего. – 1915. - № 4. – С. 168-170.

Сементковский Ростислав Иванович

1846-1918

Русский писатель, публицист, переводчик.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1870), был оставлен при кафедре полицейского права, получил степень магистра (1873)

«Экзаменуется у Андреевского из полицейского права студент довольно самоуверенный и довольно плохо знающий предмет. На мягкое указание профессора, что студент недостаточно вник в прозаический вопрос, по которому отвечает, он имеет неосторожность буркнуть, что это – не философия Платона. Андреевский при общей улыбке аудитории вкрадчиво замечает: «Можно прекрасно знать философию Платона, быть даже самому великим философом и заболеть или умереть от миазмов из выгребной ямы, находящейся под окном».

Немногим еще живым лицам, бывшим одновременно со мной в Петербургском университете, никогда не забыть впечатления, которое произвели на нас его возражения на диспуте А. Д. Градовского.

Докторская диссертация Александра Дмитриевича Градовского была посвящена истории русского местного управления, причем львиная ее доля была озаглавлена: «Уезд Московского государства»...

Он начал возражение с похвального слова докторанту. Никогда, кажется, Иван Ефимович не был так красноречив. Похвалы лились без конца, а Градовский скромно улыбался, чувствуя себя победителем, и видимо их благосклонно принимал за слабую дань своим заслугам; слушатели же все более убеждались, что перед ними на кафедре стоит замечательный ученый. Вдруг Иван Ефимович приостанавливается, как будто под наплывом слишком сильного чувства, и тысячная аудитория, затаив дыхание, прислушивается к тому, чем кончится этот блестящий панегирик. Последнего слова оратор очевидно еще не произнес.

Действительно, последнее слово было еще впереди...

Иван Ефимович продолжал приблизительно так.

Как я обрадовался, когда талантливый молодой ученый посвятил объемистый труд вопросу, который меня давно уже занимал и который не получил еще в науке должного разъяснения. Все поймут, с каким захватывающим интересом я начал изучать диссертацию, в которой наконец не только для меня, но и для всех русских юристов должен был выясниться вопрос, что такое уезд Московского государства, ибо не мог же докторант выбрать предметом своего исследования вопрос, который для него самого не ясен. И вот я начал изучать его диссертацию: прочел ее внимательно раз, прочел два, прочел три, но... все-таки не знаю, что такое уезд Московского государства...

И Иван Ефимович умолк, недоумевающе взглянув на Градовского.

Вся зала чувствовала, что если тот сейчас не ответил вразумительно и ясно, его ученая репутация сильно пострадает. Но как он ни изворачивался, все же ему не удалось выяснить ни в административном, ни в территориальном отношении, что такое был уезд Московского государства. Вдобавок Андреевский еще отметил, что Градовский в общей части своего труда доказывает, что человек может себя чувствовать совершенно свободным даже и в несвободном государстве. Таким образом и в глазах либералов Градовскому был нанесен тяжеловесный удар.

Все это выясняет, каким остроумным и находчивым человеком был Андреевский. Но все-таки отсюда до выдающегося ученого еще далеко. Андреевский в сущности к науке был равнодушен. Он то и дело менял одну науку на другую. Смотря по надобности, он читал и государственное право, и юридическую энциклопедию, и историю права, и русское право, и полицейское право, и городское право. Все зависело от того, какую кафедру ему предложат; если предмет был ему не совершенно чужд, он ее принимал, уверенный, что блестящие способности «вывезут». Они действительно «вывозили», и слушатели слушали его охотно».

«Андреевский преподавал. Он красноречиво обучал нас науке, понимая под нею запас приложимых к жизни знаний, подведенных под известную систему. Андреевский со своим темпераментом общественного деятеля был так близок к жизни с ее непосредственными требованиями, что и на науку смотрел с этой точки зрения...

Редкин не преподавал, не сообщал знаний – он воспитывал, он учил, как надо работать. Возьмет какого-нибудь древнегреческого философа и начнет его изучать до мелочей, останавливаясь чуть ли не на каждом его слове, стараясь уяснить себе самому и нам истинный смысл его учения, точно воспроизвести его мирозерцание, чтобы иметь право потом подвергнуть его оценке, определить его место среди других философов... Это происходит зимою в девять часов утра. На дворе еще стоит полумрак, кафедра профессора и его седая стриженная голова тускло освещаются двумя свечами, он сам

считывает лекцию со своих неизменных записок, потому что никаким красноречием не обладает, но голос его звучит вдохновенно, вся аудитория, самая большая в университете, не смотря на ранний час, битком набита, все слушают, затаив дыхание, потому что и над профессором, и над нами реет что-то высокое и благородное, мы сами в сущности не знаем что, но чувствуем, что старый профессор нас, маленьких людей, поднимает и приводит туда, где человеком овладевает священный трепет приближения к истине, к ее воплощению в человеческих отношениях, к правде и справедливости...

Как далеки мы были, по-видимому, в эти минуты от всяких практических знаний, даже казалось, от самой жизни, и как в сущности мы были близки к ней. Там у Андреевского и других профессоров, мы занимались тем, что, казалось, имеет самое непосредственное отношение к жизни: нас учили и какие бывают налоги, прямые и косвенные, и какие преступления люди совершают, и как их наказывают, и какие бывают виды имущества, или как оно наследуется, и какие меры принимает государство для обеспечения безопасности или для доставления народу благосостояния... Чему нас только не учили! Кажется, вот пусти нас в жизнь – и более знающих администраторов, дипломатов, финансистов, судей, адвокатов, прокуроров не найти! Нас учили всему, что нужно для исполнения обязанностей всех этих профессий, а каждая из них предполагает массу знаний. Понятно, что это море знаний уместилось в наших бедных головах только на время экзаменов, да и то с грехом пополам, но тотчас же после экзаменов улетучивалось по большей части оставляя после себя только какой-то мутный осадок ничем не связанных цифр, фактов, идей и определений.

Редкин в течение трех месяцев изучал с нами, например, философию Пифагора и пифагорейцев, и, странное дело, нам все практические знания, сообщаемые другими профессорами, казались чем-то суетным, ненужным, а философские системы Пифагора и пифагорейцев чем-то бесконечно важным и нужным. Это шло в разрез с тогдашним утилитарным настроением русского общества, со взглядами родителей, большинство которых смотрели на науку, как на дойную корову, как на средство обеспечения за их чадами тепленьких местечек, шло, наконец, в разрез и с настроением самой молодежи, увлекавшейся в 60-е годы материалистическими воззрениями, и тем не менее это было так. Может быть, не все слушатели отдавали себе отчет, в чем собственно дело (я думаю даже, что таких слушателей было мало), но никто не сомневался, что слушать Редкина необходимо (об этом свидетельствовала всегда переполненная его аудитория), что быть в университете и не слушать Редкина немыслимо, потому что если не слушать такого профессора, то кого же и слушать? Это было общераспространенное – не скажу – мнение, а чувство.

Но уже в мое время были студенты, которые, правда, еще только смутно, сознавали, что задача университета – не сообщение знаний, пригодных для жизни, и не выдача соответственного диплома, а нечто другое, чему именно удовлетворяли лекции Редкина...

Андреевский нас просто учил, что для исправного состояния выгребных ям администрация должна делать то-то и то-то. Редкин нас учил, как надо работать в политических, общественных и юридических вопросах, чтобы их себе уяснить во всех их сложных деталях. Это была выправка ума, опирающегося на идею правды и справедливости. То, что нам давал Редкин, требовалось для решения всех общественных, политических и юридических вопросов, в какое бы положение нас ни поставила жизнь. Мы легко могли забыть то, что нам преподавал Андреевский, но то, что нам не преподавал, а давал Редкин, мы не могли никогда забыть, потому что это превращалось в нашу плоть и кровь, делалось привычкой и умением правильно решать все многообразие жизненных вопросов на почве не отвлеченной справедливости, а той справедливости, которая вытекает из внимательного изучения и теории окружающих условий. Если великие мыслители были в то же время и великими учителями, то Редкин, введший нас в их храм, был вдохновенным посредником между нами и ими, и если разумная и

плодотворная практика заключается в том, чтобы уметь осуществить верную идею наиболее правильным путем в самой жизни, то истинным учителем жизни был опять-таки Редкин. Когда мы слушали его лекции, мы чувствовали, что приобретаем нечто бесконечно ценное для жизни вообще, а не для той или другой специальной ее сферы, что это нам нужно будет и как будущим отцам семейства, и как будущим воспитателям наших детей, и как членам общества, и как служащим государства. Мы не спрашивали себя, либерально или консервативно то, что говорил профессор, нам даже этот вопрос не мог прийти на ум, как не могло нам прийти на ум спросить, либерально или консервативно здоровье и все, что к нему приводит. Мы чувствовали, что преподавание Редкина приводит наш ум к здоровью. Революционер и белоподкладочник одинаково внимали старому профессору, сознавая, что то, что он преподает, не уместится ни в рамки политики, ни в рамки социологии, ни в рамки, созданные общественными или политическими предрассудками и разными модными течениями, что это выше семьи, общества, государства. Мы чувствовали, чем может и должно быть университетское преподавание, охватывающее всю жизнь со всеми теориями, ею созданными, и освещающее все: и природу, и людей, и их общества, в том числе и государство, светом, почерпнутым из всех доступных человеку источников, мы входили действительно в храм науки и понимали, что он должен быть нам священным, потому что он один в житейской сутолоке борющихся личных, общественных и политических интересов создан и живет для раскрытия истины, насколько она доступна человеку.

С тех пор, как я слушал вдохновенный голос Редкина, прошло почти полвека, но то, о чем он мечтал, все еще не осуществилось. Увы, мы, может быть, теперь даже дальше от этого, чем были в его дни! Все еще прочно держится взгляд, будто бы назначение университета состоит в том, чтобы дать воспитанникам знания, непосредственно приложимые к делу, а не любовь к призванию, а вместе с тем и желание учиться всю жизнь; все еще на университет смотрят как на орудие политики, консервативной, либеральной или радикальной, а не как на установление, преследующее задачи, далеко выходящие за пределы государственного ведения, изучающее человека в его отношении к другим людям, к природе, к Богу, охватывающее прошлое, настоящее, будущее человечества и черпающее свое настроение и свои руководящие начала там, где нет ни начала, ни конца, где человеческий дух приближается к сознанию истины, пред которой, как перед Богом, всякая экономическая, социальная и политическая борьба исчезает, тает, как воск перед лицом солнца. Редкин убеждал нас, что такое отношение к науке возможно, что это не утопия, а действительность, которую мы сами устраним, внося в храм науки то, чего в нем не должно быть – не служение истине, не желание отрешиться от всего, что может затемнить наше суждение, а борьбу, страсть, все то, что делает человека неспособным к объективному анализу, без которого наука немыслима. Редкин был единственным нашим профессором, который держался совершенно в стороне от политической борьбы и в то же время пользовался авторитетом и доверием в политических вопросах, потому что никто из нас ни на минуту не сомневался, что он в своей деятельности руководствуется исключительно желанием служить истине и ставить ее выше всего не только на словах, как другие профессора, но и на деле, т. е. с готовностью пожертвовать для нее всем.

Мы знали, что Редкин пострадал за науку, что он отказался от кафедры, когда не мог преподавать так, как хотел. При нас он срезал племянника очень влиятельного министра и непосредственного своего начальника по службе, хотя тот недвусмысленно его попросил быть снисходительным к его родственнику. Это были факты, и в то же время Редкин никогда не либеральничал так, как либеральничали другие профессора из первоклассных тогда университетских светил, т. е. скверно, при помощи неясных намеков, анекдотов, аллегорий или скрытых сопоставлений. Редкину, его честной хохлацкой натуре, такой эзоповский рабий язык был глубоко противен, да он считал его недостойным звания профессора и не нуждался в нем, потому что преследовал цели не

политические, а научные и никогда не унизил бы себя, как другие профессора, до заигрывания с молодежью, до искания у нее дешевой популярности. Но там, где это нужно было, он вступался за науку честно и открыто, чего бы это ему ни стоило. Он тут не допускал никаких компромиссов или послаблений. В стенах университета он даже не давал воли своим безобидным симпатиям.

Помню я экзамен у него. Хотя он был крепыш, но все-таки, экзаменуя с утра до позднего вечера, при далеко немолодых своих годах, утомлялся: тяжело было старику, но он продолжал экзаменовать, чтобы не заставлять студентов томиться несколько дней. Уже поздно вечером к экзаменационному столу подходит студент-хохол. Начинает он нехорошо, именно с заявления, что он двух последних билетов не знает. По лицу Редкина пробегает тень. Он однако не отказывает земляку.

- А остальные билеты знаете? – спрашивает он мрачно.

- Знаю, - отвечает студент не менее мрачно.

- Возьмите билет, - приглашает его Редкин.

Хохол вынимает билет и тотчас же отвечает на него прекрасно, - так, как любил Редкин, отчетливо, кратко, без лишних слов. Нельзя было сомневаться, что студент много занимался предметом и занимался им любовно. Когда он кончил, Редкин сам вынимает ему еще билет. Студент отвечает и на него прекрасно при общем молчаливом одобрении аудитории. Дело кончается тем, что Редкин ставит ему пятерку, но осведомляется, почему он не дочитал последних билетов.

- То не успел: голова заболит.

- Хорошо, ступайте.

Уже совсем ночью, часов в одиннадцать, выходит студент, тоже не знавший нескольких билетов и думавший воспользоваться послаблением, которое профессор оказал своему земляку.

- Какие же билеты вы не знаете? – спросил Редкин.

Студент назвал ему два билета, самые трудные во всем курсе.

- Хорошо, лаконически отозвался Редкин.

Студент взял билет и начал на него отвечать так, как отвечают студенты, которые механически вы зубрили курс и поминутно выпускают из виду преимущественно и логическую связь между разными философскими учениями, чем преимущественно и дорожил профессор. Когда студент кончил, Редкин попросил его взять второй билет, дал ему ответить, но потом стал ему предлагать бесконечные вопросы. Для нас уже давно выяснилось, что экзаменуемый плохо знает предмет, но профессор все продолжал экзаменовать, не смотря на очевидное крайнее утомление. Что-то мешало ему кончить экзамен, и мы все прекрасно знали что. Он проявил некоторую слабость по отношению к земляку, позволив ему держать экзамен и даже поставив ему высшую отметку, не смотря на то, что тот всего курса не прошел, и теперь опасался, как бы его не заподозрили в несправедливости. Но, наконец, по-видимому, Редкин убедился, что во всей аудитории не может найтись человека, который был бы иного мнения, чем сам профессор, поставил студенту неудовлетворительную отметку и, заявив, что на сегодня вследствие позднего часа, довольно, встал и ушел.

Студенты не вскочили, как обыкновенно, по окончании экзамена со своих мест, чтобы, громко разговаривая, гурьбою выбежать в коридор, а как-то нехотя встали, словно что-то недоделано. Вряд ли все отдавали себе точный отчет, в чем собственно дело, и только экзаменовавшийся студент поставил точку над *i*, сказав:

- Да я же не виноват, господа! Почем я знал, что он будет так долго экзаменовать?

Никто, сколько помню, студенту не ответил. Все чувствовали, что он несет должное наказание за уловку, может быть уместную по отношению к другим профессорам, но никак не по отношению к Редкину, в чувстве справедливости которого никто не сомневался, и заслуги и лета которого должны были заставить студента не умолять его напрасно, а заявить, что он сам убедился в своей неподготовленности.

Таковы были чувства студенчества по отношению к Редкину.

Не могу здесь не рассказать, как я расстался с Петербургским университетом, так как в этом прощании Редкину принадлежит видная роль.

Сдав магистерский экзамен из полицейского права и политической экономии, я принялся за диссертацию. Темой я избрал вопрос, который мне казался очень важным с точки зрения народного благополучия, именно вопрос об отношении государства к женскому образованию. Я представил в факультете исследование, в котором дал очерк философии истории этого вопроса, а затем на основании тогдашнего положения законодательства в цивилизованных странах старался выяснить, что мы идем к предоставлению женщине свободы в выборе профессии, к уравнению женского образования с мужским и к совместному обучению лиц обоего пола как в народных школах, так со временем в гимназиях и университетах.

Диссертация моя удостоилась лестных отзывов со стороны некоторых профессоров, но, кажется, все единодушно решили, что, защитив ее, я стану человеком невозможным в министерстве народного просвещения, другими словами, закрою себе доступ к университетской кафедре. Кроме того, большинство решило, что им неудобно пропускать моей диссертации, потому что это значило до некоторой степени признать себя солидарными со взглядами, чересчур уже прогрессивными. Это последнее соображение не делает чести гражданскому мужеству профессоров, но всякому своя рубашка ближе к телу, а что касается первого соображения, то оно мне теперь представляется безусловно верным, хотя я и проводил в своей диссертации сорок лет тому назад взгляды, которые теперь уже в значительной степени осуществлены самим правительством. Но тогда я этого не понял и, сказав себе, что в университете наука несвободна, решил расстаться с ним и избрать другую деятельность...

В таком настроении я зашел к Редкину, избранному тогда ректором и жившему в ректорском домике возле университетского здания. Он меня встретил словами:

- Ах, зачем вы не написали диссертации о пожарных инструментах!

В этом возгласе было столько горькой иронии, но в то же время и доброго чувства ко мне, что я невольно улыбнулся.

- Разве пожарные инструменты – тема, более подходящая, чем женское образование? – спросил я.

- Для полицейского права – пожалуй, - улыбнулся мне в ответ Редкин и начал меня убеждать не смущаться постигшей меня неудачей. Он говорил долго и убедительно и говорил именно о том, о чем нужно было говорить. Он не выражал ни жалости, ни сострадания, ни готовности прийти к нам на помощь. Он сразу понял, что боль, которую я испытываю, - не моя личная боль, а боль, так сказать общественная, что мне обидно не столько за себя, сколько за страну, в которой живу, за университет, в котором воспитывался, за профессоров, отнесшихся именно так к моей диссертации. Он старался меня убедить, что чем ниже умственный и нравственный уровень общества, тем осторожнее и осмотрительнее должны действовать те, кто чувствует себя призванным вносить в него луч света. Словом, он старался сохранить во мне веру в возможность успешно действовать на пользу высших человеческих благ, оставаясь в университетской среде».

«Вспоминая моих университетских профессоров, я всегда с приятным чувством останавливаюсь на профессоре Горлове, который нам читал политическую экономию по составленному им учебнику. Оратор был он более чем посредственный, ученый тоже лишь настолько, насколько можно признать ученым более или менее заурядного русского профессора. Но в нем было много для меня симпатичного: в нем соединялась большая доброта, заставлявшая его приходить на помощь нашему брату – студенту, с большой добросовестностью, побуждавшей его относиться серьезно к науке. Но это серьезное к ней отношение было особого рода, и оно-то побуждает меня посвятить несколько

строк почтенному Ивану Яковлевичу, как типичному представителю целой полосы русской университетской науки...

Иван Яковлевич входил в аудиторию ровно 5 минут после звонка, степенно занимал свое привычное место на кафедре, методически откашливался, затем вынимал часы, клал их перед собой на кафедру и начинал читать лекцию приятным, слегка надтреснутым баском. Его густая шевелюра и широкие бакенбарды с проседью были тщательно причесаны, так что ни один волосок не отделялся от другого, подбородок пробрит отчетливо, ясной дорожкой, его глаза смотрели нас внушительно, так что не могло быть и тени сомнения, что он очень серьезно относится к своему делу, речь его лилась не то, чтобы очень плавно, но все-таки без всяких ощутительных задержек или толчков, и мы слушали профессора далеко не с напряженным вниманием, но с интересом, который вызывается сознанием, что мы, слушая лекцию, делаем дело, во всяком случае не пустое. Я между прочим отметил, что Горлов во время лекций всегда клал перед собой часы... Аккуратность была так сказать врожденным его качеством, а какая может быть аккуратность без часов?.. Горлов несомненно обладал теми качествами, которые позволяют называть человека культурным. Он вел точный счет времени, распределял свои занятия по часам дня, прекрасно владел собой, умел выслушивать других, уважая чужие убеждения, никогда не был резок в спорах, был очень опрятен, столько же в мыслях, сколько в своей внешности, очень добросовестно исполнял все свои обязанности...

Горлов был типичным представителем русской бюрократии в ученой среде. Он высоко ставил русское государственное начало, науку, звание профессора, был проникнут их значением, и всякие сомнения тут ему были совершенно чужды. Так называемые проклятые вопросы его не занимали: он, кажется, на них не останавливался, считал их чем-то в роде бредней, недостойных отвлекать серьезный ум от университетской науки и от задач русского государства. Он не столько критиковал или сомневался, сколько изучал, старался усвоить положительные выводы, к которым наука пришла в лице наиболее авторитетных своих представителей. Сомневаться в авторитетности Адама Смита, Рикардо, Мальтуса казалось ему чуть ли не святотатством, как ему казалось преступным подрывать авторитет государственной власти, главной насадительницы культуры в нашем еще полу-варварском народе. Дух Петра, Екатерины и их преемников, казалось, еще не угас в этом скромном ученом и придавал ему, маленькому человеку, обаяние, хотя и минувшего, но реального величия. В нем чувствовался атом той силы, которая создала великую Российскую империю.

Убивала ли в Горлове государственность или, как ныне любят выражаться, бюрократизм – потому что в сознании так называемого русского интеллигентного человека бюрократ и представитель русской официальной государственности почти одно и то же – убивала ли, повторяю, в Горлове государственность любовь к науке? Отнюдь нет. Я помню, как перед самым моим магистерским экзаменом он меня встретил в коридоре и поздравил с выходом первого выпуска моего перевода «Науки Полиции» Роберта фон Моля, заявив мне, что всегда очень интересовался теорией народонаселения. По этому поводу он пустился в длинную беседу со мной, а я все не понимал, с чего это он во время лекций в коридоре, среди сутолоки спящих взад и вперед студентов и профессоров, начал вдруг обсуждать со мной, вчерашним студентом, один из сложных и трудных научных вопросов. Занятый в ту минуту всецело предстоящим мне экзаменом, я невольно приводил этот странный разговор в связь с экзаменом, и в то же время чувство мое к Горлову раздвоилось: с одной стороны я его мысленно благодарил за то, что он, сознавая всю бесцельность магистерского экзамена (разве можно в год серьезно изучить все вопросы, входящие в состав данной науки, и зачем приравнивать молодых ученых к школьникам, занятия которых надо контролировать?) указывает мне на вопрос, который он мне предложит на экзамене, чтобы я мог успешно сбыть эту формальность; с другой – у меня зародилось недоброе чувство, потому что подобный

прием мне казался недостойным и профессора и магистранта. Но на экзамене выяснилось, тотчас же, что я ошибся: Горлов мне задал совершенно другой вопрос, а вместе с тем я понял, что наш разговор был вызван исключительно любовным отношением Горлова к науке, т. е. интересом, который она в нем возбуждала. Если Горлов ничего выдающегося в науке не сделал, то вовсе не по недостатку любви к ней, а просто потому, что способности его этого не допускали. Наоборот, следует удивляться, как он при своих небольших способностях мог сделать так много, обогатив например русскую науку прекрасным для того времени учебником. Если бы среди русских профессоров было побольше Горловых, т. е. людей, как он, преданных культуре, науке и государственности, то наша университетская жизнь сложилась бы несколько иначе».

Сементковский, Р. Встречи и столкновения // Русская старина. – 1912. – Т. 150. – С. 334-336, 340-352.

«На рубеже двух сменяющихся эпох обыкновенно встречаются деятели, носящие на себе признаки обеих, - отживающей и нарождающейся. Таким деятелем несомненно был А. Д. Градовский...

Он начал читать лекции в Петербургском университете при мне и сразу приобрел среди студентов популярность. Я недоумевал, чем собственно она была вызвана. На магистерском диспуте он проявил и находчивость, и смелость, но красноречие его было более чем сомнительно: особенно неприятно действовали его продолжительные вздохи, как будто ему не хватало воздуха – первые признаки, полагаю, сердечной болезни, которая его преждевременно свела в могилу. На вступительной же своей лекции он провел недопустимую с либеральной точки зрения мысль, что Россия представляет собой страну, в достаточной мере свободную, и что ей мудрыми правителями дано все, что необходимо для гражданского преуспевания. Меня, помню, даже поразило, что подобная вступительная лекция, предназначенная очевидно для властей, на ней присутствовавших, и напечатанная потом в «Журнале Министерства Народного Просвещения», могла пройти безнаказанно для его популярности. Но факт тот, что Градовский как-то сразу приобрел репутацию очень либерального профессора, и никто не сомневался, что он всецело стоит не на стороне правительства, а на стороне общества.

Однако, над ним вскоре стряслась беда. Произошли студенческие беспорядки, назначен был университетский суд, и на суде Градовский решительно высказался за наложение на некоторых студентов-радикалов строгого дисциплинарного взыскания. Нет ничего тайного, что не обнаружилось бы рано или поздно. На этот раз тайное обнаружилось очень скоро, и вместе с тем произошло событие, которое, помню, меня возмутило до глубины души.

Когда Градовский явился на лекцию, студенты загнали его в коридоре в угол и начали его поносить бранными словами, какими перебраниваются только ломовые извозчики. Сцена эта продолжалась долго. Градовский был бледен, как полотно, и отмалчивался, опасаясь, очевидно, как бы его не ударили. Хотя я не знал, что у него сердечная болезнь, да ее, может быть, тогда еще не было, тем не менее мне за него страшно стало, и я крикнул: «Господа, что вы делаете? Ведь так убить человека можно!» Но меня не слушали и только, выругавшись всласть, студенты, наконец, отпустили Градовского, который поспешил уехать домой.

Я опять подумал, что над популярностью профессора поставлен крест. Но не успел я еще кончить курса, как благодаря антиправительственным аллегориям, которыми он зачастую угощал нас на лекциях, популярность его возросла. Придаться к его словам было трудно, но студенты отлично понимали, в чем дело, тем более, что им в то время немного надо было: Какой-нибудь невиннейший по теперешним понятиям намек заставлял радикальное сердце сильнее биться и подчас приводил в движение руки, так что Градовский нередко срывал аплодисменты.

Я думаю, что вышеизложенного вполне достаточно, чтобы составить себе ясное представление об истинном характере лекций Градовского. Он останавливался преимущественно на таких темах, которые в политическом отношении волновали общество, и решали их в направлении, лучше всего характеризуемом поговоркой: «и волки целы, и овцы сыты». Выберет он, например, вопрос о разделении властей или о различии между законом и административным распоряжением. Очевидно, вопросы эти в доконституционной России ни теоретического, ни практического решения получить не могли, потому что законодательная и административная власть по существу сливались в одном основном источнике. Поэтому даже гарантии, которые создавались самим законодателем для обеспечения нерушимости закона, ни к чему не вели: и деятельность Сената в столице, и деятельность прокуроров и губернского правления в провинции могли рассчитывать на успех только в том случае, если высшее начальство (губернатор, министр или верховная власть) знали о нарушении закона и восстанавливали его силу. Следовательно, провести какую-нибудь твердую границу между законом и административным распоряжением не было никакой возможности. Но Градовский изошрялся в решении этого и подобных вопросов. Невольно, бывало, в душе расхохочешься, когда он с одной стороны доказывал, что «не одно законодательство могло бы в этом вопросе позавидовать русскому», а с другой стороны выяснял, что «граница между законом и административным распоряжением может быть проведена только в каждом данном случае». Градовский, конечно, знал, что он делал: мысль о блестящем положении нашего законодательства предназначалась для властей предержащих, а ироническое замечание о полной невозможности провести какую бы то ни было общую границу между законом и административным распоряжением предназначалась для нашего брата-студента и способствовала популярности профессора. Словом, Градовский является одним из отцов позднейшей столь распространенной тактики: не порывать с правительством, но в то же время всячески угрождать и обществу.

Помню, я во времена студенчества никак не мог уяснить себе причину популярности Градовского, и мне все казалось, что она, ровно как и его репутация видного ученого, должны были померкнуть. Я чувствовал, что в лекциях Градовского есть глубокое внутреннее противоречие, какая-то фальшь, от которой мне всегда становилось не по себе. Правительство и та часть общества, которая до известной степени завладела духовно университетом, стояли друг против друга, как две враждебные силы, как две неприятельские армии, а профессора типа Градовского служили одновременно в обеих армиях, облекаясь в мундиры то одной, то другой и оказывая обеим существенные услуги. Мне все казалось, что эта тактика будет тотчас же раскрыта, и что подобный прием, как слишком элементарный, никого не обманет, и, следовательно, успеха иметь не может. Но на самом деле она успех имела огромный, и число последователей Градовского возросло в геометрической прогрессии».

Сементковский, Р. Встречи и столкновения // Русская старина. – 1912. – Т. 152. – С. 17-21.

В мое время, как и впоследствии, студенческие беспорядки повторялись часто и принимали иногда широкие размеры. Устав 1863 г. не помог делу. Студенты мотивировали тогда беспорядки тем, что университетское начальство не разрешает им обзавестись собственной кассой и библиотекой. Особенное негодование вызывал отказ в библиотеке. «Как! – говорили студенты, - Мы хотим работать для науки, а нам даже не позволяют иметь книги!»

На эту тему произносились бесконечные речи и в шинельной, и в коридоре, и даже в аудиториях.

Готовясь в ученые, я бывал часто в университетской библиотеке, уже тогда очень богатой. Библиотекарь встречал меня приветливо, словно я ему своим приходом доставлял удовольствие. Причина его приветливости для меня скоро выяснилась. В библиотеке профессора и студенты бывали так редко, что, когда кто-нибудь заходил, мы с библиотекарем невольно переглядывались.

Факт этот меня, неискушенного юношу, тогда сильно поразил. Я невольно сопоставил его с требованием студенческой библиотеки. Без такой библиотеки университетские занятия признавались невозможными, а я отлично без нее обходился, хотя и готовился в ученые. В университетской библиотеке, рассуждал я, собраны капитальные труды по всем отраслям знания, за исключением разве новейших, научная ценность которых еще не установлена.

... В настоящее время так называемые передовые наши элементы сводят в политике все к классовой борьбе. В мои университетские годы молодежь еще не бредила классовой борьбой – тогда были другие модные лозунги, ибо молодежь еще до Маркса не дошла. Но спрашивается, зачем ей впоследствии понадобился Маркс, когда теория о классовой борьбе была раньше глубже и полнее разработана Штейном, которого Маркс только повторял? Объяснить себе это можно разве тем, что Штейн никогда не слыл революционным деятелем, а Маркс приобрел репутацию архи-революционера: все революционное пользовалось уже в мое время, как и впоследствии, особым обаянием и почетом у молодежи. Отсюда и пристрастие к Прудону или Лассалю.

Та же мерка прилагалась подавляющим большинством студентов и к профессорам: уважением, авторитетом, популярностью пользовались главным образом профессора, которые умели выдавать себя антагонистами правительства, фрондерами. Таким профессорам охотно прощались научные недочеты. Но стоило профессору быть заподозренным в сочувствии не к правительству (это значило заживо похоронить себя), а к тому или другому правительственному мероприятию, чтобы утратить в глазах студентов всякий авторитет.

Собственно наука почти никого не интересовала, а служила по выражению поэта «дойной коровой». Она давала студентам диплом, т. е. возможность заручиться в жизни выгодными хлебными занятиями. Этим и объяснялось, что университетская наука для громадного большинства студентов сводилась к запискам. Посещение лекций уже тогда признавалось бесплодной и тяжелой повинностью, от которой студенты старались по возможности отделаться. Вообще, записки, лекции казались чем-то скучным, постылым, приблизительно как уроки в гимназиях.

Однако один профессор моего времени читал в самой большой университетской аудитории в самые ранние часы, и тем не менее аудитория его бывала всегда полна. После всего здесь сказанного можно подумать, что это был профессор, превзошедший всех своих товарищей крайностью политических воззрений. На самом деле ничего подобного не было. Это был ученый старой школы, воспитанный на Канте, Шеллинге, Гегеле, человек умеренных убеждений или, вернее говоря, никогда не выставивший своих убеждений напоказ, потому что вопрос для него сводился к науке, а остальное его мало интересовало. Современностью он почти не занимался, любил углубляться в седую древность, в течение целого года разбирал двух-трех мыслителей, например, древнегреческих мудрецов, за что его «Искра» злобно высмеивала. Дело для него заключалось не в том, чтобы сообщить нам побольше знаний (для этого ведь в нашем распоряжении было достаточно книг, хотя бы в той же университетской библиотеке), а в том, чтобы нам показать, как надо работать, и какая работа может быть названа научной. Лишенный всякого красноречия (читал он всегда по тетрадке), он возбуждал в нас иногда священный трепет, охватывающий человека, когда он чувствует, что

приближается к истине. Любовь самого профессора к истине, его страстное стремление приблизиться к ней, окружали его лекции в наших глазах таким обаянием, что мы не задавались вопросом, для чего нам целые месяцы изучать какого-нибудь Гераклита Темного, Анаксагора или Эпиктета? Так многие из нас, вероятно, кончили курс, не отдавая себе отчета, зачем собственно старый профессор угощал их этой мудростью, да и, может быть, никогда в жизни не задавались этим вопросом, но тем не менее вряд ли кто-нибудь из еще живущих его слушателей не вспоминает с уважением и любовью ученого, на лекциях которого мы, может быть, и безотчетно уразумели, как трудно человеку дается сознательная истина и как важны те приемы, те методы исследования, которые к ней приближают. Эти приемы, эти методы, эта выправка ума помогли нам впоследствии правильно решать многие жизненные вопросы и сослужили нам, конечно, в тысячу раз более важную службу, чем обрывки всевозможных знаний, случайно сохранившихся в нашей памяти из университетских лекций и экзаменов.

Сементковский Р. И. Устав и наука // Исторический вестник. – 1911. – Т. 123, № 3. – С. 1004-1007.

Кауфман Абрам Евгеньевич

1855-1921

Журналист и публицист. Прослушал курс юриспруденции в Петербургском университете.

В Петербург влекло меня не одно желание отдаться журнальной деятельности, но и стремление пополнить свои знания в Петербургском университете, славившемся выдающимися профессорами-юристами.

А. Д. Градовский читал государственное право, явившись чуть ли не создателем этой науки у нас. Он умел возбуждать интерес своими лекциями, особенно, когда знакомил с европейскими конституциями. Часто Градовский советовал слушателям читать Библию и... «Голос» (где он сотрудничал), чтобы быть au courant всего совершающегося в парламентской жизни Западной Европы. На экзаменах Градовский обнаруживал необычайную нервность и строгость. И. Е. Андреевский умел оживлять своим изложением свой сухой предмет – полицейское право, или науку о «будочниках», как острили студенты. Мафусаил отечественной юриспруденции П. Г. Редкин читал последний год – и плохо читал – философию и энциклопедию права, но был уважаем, как профессор-ветеран. В. И. Сергеевич, превосходный лектор, умел заинтересовать слушателей своей историей русского права. Л. Б. Дорн читал римское право, являвшееся, как он говаривал, основой всех основ в праве, а все прочее – гиль.

... В Петербургском университете царили традиции 60-х годов. Студенты имели свою библиотеку, столовую, устраивали сходки и собрания для чтения рефератов, на которых присутствовали и профессора. По рефератам можно было уже тогда наметать будущих, если и не знаменитых, то во всяком случае - известных людей. На университетской скамье сидели тогда скромный вольнослушатель, ныне известный экономист и редактор нескольких газет освободительной эпохи Л. В. Ходский, будущие профессора-экономисты В. Я. Яроцкий и П. И. Георгиевский, далее автор исследования об артелях, редактор амфитеатровской «России», «Голоса Земли» и «друг старца Распутина» - П. Г. Сазонов, профессор и историк русской литературы С. А. Венгеров, поэт Минский и многие другие. Некоторые из них щеголяли скромными блузами и

тужурками. Между профессорами и студентами существовала та живая связь, о которой так много говорили потом и которая особенно рельефно сказывалась во время университетских именин 8-го февраля на студенческих попойках в василеостровских кухмистерских, где популярные профессора произносили бодрящие и одухотворяющие молодежь речи. Чаще всего ораторствовал на студенческих собраниях популярный среди молодежи словесник и славянофил Орест Миллер.

Кауфман А. Е. Из журнальных воспоминаний // Исторический вестник. – 1912. – Т. 130, № 10. – С. 125-127.

Цветаев Иван Владимирович

1847-1913

Русский учёный-историк, археолог, филолог и искусствовед, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Московского университета, тайный советник, создатель и первый директор Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1870).

«Идет 43-й год с тех пор, как в последний раз студенты-филологи Петербургского университета, выпуска 1870 года, прощались со своим профессором и деканом Измаилом Ивановичем Срезневским... Это было в начале 20-х чисел мая и происходило в верхнем этаже дома на 14-й линии Васильевского Острова. Нас, товарищей по курсу, было шестнадцать человек, да студента четыре других, филологов и юристов... Эта ночь открывала нам завесу пред завтрашней свободой, которая молодому воображению каждого из нас сулила, разумеется, только одни радости, только успехи в светлой перспективе будущего... Как же нам было не веселиться на этом празднике, устроенном нашим деканом и его милой семьей, радушием гостеприимством которых мы имели особенное счастье пользоваться в течение всего университетского курса! Вместе с нами оканчивали университет два старших сына этой семьи, Владимир и Вячеслав Измайловичи, - и мы, их товарищи, с первого же года студенчества получили приглашение бывать на еженедельных субботних собраниях Измаила Ивановича. Съехавшиеся в Петербург из бедных захолустий отдаленных провинций, мы здесь впервые увидели изящные формы жизни, о которых и слабой тени представления, до тех пор, иметь мы не могли».

«Личный состав нашего курса наши профессора считали, по тем временам, и значительным по числу, и достаточно подготовленным для научной деятельности. Шестеро из нас мечтали о магистерстве и профессорском поприще. Иных наперед мы звали директорами гимназий, в ту пору не зная других, высших служебных для педагога мест; некоторые из нас собирались быть писателями-педагогами».

«Выше я сказал, что мы студенты-провинциалы увидели изящные формы жизни высококультурной среды – впервые в доме И. И. Срезневского. Это было действительно так, потому что сюда мы приглашены были раньше, чем получили доступ в другие профессорские семьи. Последнее счастье выпало некоторым из нас уже в следующие годы, когда определились наши специальные научные наклонности и когда мы выбирали себе руководителей между профессорами. И мы сами были в эту пору уже несколько другими».

Но Измаил Иванович и по должности декана, и как отец двоих студентов нашего курса, стал к нам в близкие отношения с первых же недель нашего студенчества. Как декан, он первый узнал крайнюю бедность большинства из нас. С первых же недель он принял на себя заботу об освобождении нас от платы за слушание лекций: 50 рублей тогдашнего годовичного взноса были суммой для наших тощих кошельков непосильной. Измаил Иванович всех нас от такой платы освободил на все 4 года. Эти хлопоты он должен был вести перед правлением университета, ведавшим хозяйственные интересы учреждения. Прошли три первые месяца и наши финансовые запасы, полученные из дому, совсем истощились, хотя мы и были очень экономны, нанимая комнату вдвоем и даже втроем за 7 руб. и платя за обед по 5 руб. в месяц. На Измаила Ивановича пала кручина добыть нуждающимся денежные пособия из университета, а достичь этого ему было совсем не легко. Специальные средства университета состояли только из платы за слушание лекций, которая, в 60-х годах прошлого века, не могла быть сколько-нибудь значительной, при тогдашней сравнительной малолюдности студентов. Если ныне такие факультеты, как историко-филологический и физико-математический, считают своих студентов многими сотнями, то в наше время здесь были только десятки студентов, да и то ничего не плативших. При крайне стесненных денежных средствах, правление университета должно было жаться в своих ассигнованиях – и нужны были особая энергия и авторитетные речи Измаила Ивановича среди его коллег-деканов, чтобы выводить нас из безвыходного положения. Горячего его заступничества при этом было мало, ему нужны были для правления документальные свидетельства трудолюбия просителей. И Измаил Иванович с самого же начала советовал нам прилежно посещать лекции, записывать их после дома, проверять свои записи и делать конспекты, а также непременно участвовать в практических упражнениях. Чтобы добыть нам материальную помощь, он собирал сведения о наших занятиях между членами факультета и заставлял нас самих доставлять ему письменные отзывы профессоров, внимание которых мы успели своим прилежанием заслужить. И старый профессор, который никогда не позволял себе читать лекций по старым тетрадям, декан и академик, который не только управлял целым отделением Академии, но и ежегодно, вместе с Я. К. Гротом, удивлял многочисленностью своих научных исследований и печатных работ (а писал он их всегда в тишине поздних часов ночи), этот ученый колоссального авторитета, носится, бывало, по темных коридорам университетских канцелярий с нашими бумагами, выуживая оттуда аргументы для предстоящих ему речей в правлении. И я не помню случая, когда бы эти хлопоты и старания И. И-ча не увенчались желанным для нас успехом. Следуя своему неизменному обычаю, он студентов-первокурсников особенно берег, как родных ему молодых людей, зная по профессорскому опыту многих лет, что эти бедняки со 2-го курса станут на собственные ноги и, крайне уверенные в своих потребностях, не будут терпеть материальной нужды. Так это было с длинным рядом виденных им факультетских поколений; так это было и с нами.

Уже с января Измаил Иванович заботился о наших майских экзаменах. Враг фразы и студенческого многознания, он проводил в факультете только минимальное количество экзаменационных предметов, чтобы сосредоточить на этом немногом наши силы. Но говоря с нами об экзаменах, он заранее нарочно в наших глазах усиливал их строгость и трудность, зная, что последнее обстоятельство заставит нас напрячь наши молодые и стойкие силы вовсю. Старый профессор, перед глазами которого прошло столько университетских поколений, здесь ошибиться не мог. Пишущий эти строки так выдолбил стихотворную скандовку, текст *Ars Poetica* Горация и профессорский к нему комментарий, что после многие годы он читал наизусть места, доставшиеся ему на этом первом университетском экзамене. За то одолел чешский текст Краледворской рукописи, тогда еще сохранявшей позицию подлинности, мы своей группой никак не могли. Словаря чешско-русского у нас не было, да и лекции Вл. И.

Ламанского по этому предмету мы посещали неисправно. Оттого наш даровитейший товарищ, покойный П. И. Аландский. Со свойственной ему большой смелостью, переводил на экзамене слово *respnu* словом *печеный*, почему мы после, некоторое время, и дразнили его: «Эх, ты – печеный!», неделикатно намекая ему на его красное лицо и на рыжие волосы.

Не лучше отличился на чешском экзамене и пишущий эти строки, да к тому же в присутствии попечителя учебного округа и сопровождавшего его декана Измаила Ивановича...

Ни чтение чешского текста, ни перевод его не были удачны. Вообразивши, что слово *roze* значит «рожа» и *rozkvetla* - «увяла», экзаменовавшийся предположил здесь речь о красном личике девушки, почему-то рано увядшем... Студент совсем тонул, но И. И. постарался, в это время, занять разговором попечителя-немца, происходившего из остзейских губерний, а В. И. Ламанский, быстро поправляя фальшивое чтение и невозможный перевод, не давал студенту осрамиться. И как ни легкомысленна бывает юность, но и тогда нельзя было не видеть, что и декан и профессор старательно вызволяли несчастного юношу из экзаменской беды. Делая это очень деликатно, они поставили такой милостивый балл, что наши товарищи, занятые каждый ожиданием своего экзамена, могли бы и ничего не заметить, если бы сам спасенный не разболтал им после эти приятные для него подробности.

Кстати об экзаменах И. И. Срезневского. Читая курс Энциклопедии славяноведения и Славяно-русских древностей, образцовый по полноте содержания и по точности изложения, краткого, чуждого всяких ораторских прикрас, он знал, что студенты памятью взять их могут, хотя такая краткость и необычайная точность этого, как бы стального, его языка, и заставят их напрягать свои силы до крайних пределов. Но менее он полагал надежды на усвоение студентами, не специалистами славяноведения, фонетических особенностей славянских языков, чешского, сербского и польского. Мы все могли убедиться, что он был необычайно добр и снисходителен к тем из студентов, которые избрали себе другие факультетские дисциплины и прилежно занимались ими. Требуя основательных ответов от специалистов славяноведения, он был в отношении других студентов неизменно снисходителен, при всем своем, как бы постоянно озабоченном и строгом виде и этой улыбке, носившей в себе признаки скрытого юмора, в нужном случае принимавшего меткую и изящную форму выражения».

«Сами собой возникают воспоминания о практических занятиях И. И. Срезневского. Одно слушание и систематическое записывание лекций И. И. Считал недостаточным для студентов. В связи с этим ближайшей их обязанностью он ставил практические занятия. Далекий от мысли стеснять здесь свободу выбора предметов для таких занятий и навязывать всем и каждому им самим преподаваемые дисциплины, И. И. открывал практическое руководство для желающих с первого же курса, по истечении 2-3 первых месяцев пребывания их в университете. Эти занятия происходили в его квартире. На нашем курсе предметом их служили сначала русская палеография и изучение рукописных памятников древней русской литературы...

Предметы своих практических занятий И. И. имел обычай разнообразить... Ученый широкого кругозора и разнообразных научных интересов, И. И. хотел, чтобы студенты сразу не запирались каждый в очень узкие рамки специальности. Он желал, чтобы мы приобщались к более видным проявлениям научной мысли нашего времени».

Цветаев, И. В. Из студенческих воспоминаний об И. И. Срезневском // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Книга 1. – П.: Типография Императорской Академии Наук, 1916. – С. 278-280, 284-291.

Егоров, Николай Григорьевич

1849-1919

Русский физик и педагог.

Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1870). В 1886-1904 годах – приват-доцент кафедры физики и физической географии Петербургского университета.

«Осенью 1867 г., когда мы слушали лекции 2-го курса, Университет стал готовиться к устройству в конце декабря Первого Съезда русских естествоиспытателей и врачей. Это было знаменательным событием в истории нашего физико-матем. факультета. С горячим единодушием все профессора факультета приложили особенные старания, чтобы сделать Съезд столь возможно плодотворным. Главными деятелями в распорядительном комитете были К. Ф. Кеслер, А. Н. Бекетов, Андр. Серг. Фамицын и Платон Алексеев. Пузыревский. Съезд прошел блестяще. Участвовало около 700 лиц, при 100 иногородних. Иван Иванович и я принимали участие в Съезде в качестве студентов-распорядителей при секциях физики, математики и астрономии. Остальные студенты-распорядители, в числе 18-ти, и между ними наш гимназический товарищ А. И. Сперанский, помогали комитету в других секциях.

Соединенное собрание секций Физики и Химии было открыто Д. И. Менделеевым, который предложил председателем профессора физики Казанского Университета Больцани и секретарем С. И. Ковалевского...

Счастливым успехом Съезда, К. Ф. Кесслер, вскоре же по окончании Съезда, устроил торжественный обед для товарищей по факультету, пригласив на него и студентов-распорядителей. Мы с Иваном Ивановичем сидели за столом около Ф. Ф. Петрушевского. В моей памяти отчетливо сохранилось, из застольных бесед с Федором Фомичем, его мнение о заграничных командировках окончивших Университет студентов. Он признавал эти поездки только тогда полезными, когда молодые люди обнаруживали инициативу в специальных вопросах, испытав свои силы на самостоятельной работе в наших лабораториях. Он придавал поэтому большое значение практическим занятиям по физике, организованным им на III и IV курсах, он верил, что эти занятия научат студента ценить физический опыт и непосредственно ознакомят с приемами точных наблюдений.

Не прошло и двух недель после этой беседы с Федором Фомичем, как он уже разрешил нам, еще студентам II к., по нашей просьбе, посещать руководимые им практические занятия в Физическом Кабинете. Здесь мы познакомились с П. П. Фан-дер-Флитом, Д. К. Бобылевым и В. В. Лермантовым. Первыми нашими работами были: установка катетометра, увеличение микроскопа, пользование сферометром и делительной машиной...

Все это мы проделывали почти полвека тому назад в Физическом Кабинете, помещавшемся в главном здании Университета (где теперь минералогический кабинет), при самой скромной обстановке, которая, как небо от земли, далека была от обстановки современного Физического Института.

Осень 1868 г. прошла в Университете тревожно, по случаю приготовлений его к празднованию 50-летнего юбилея (8 февраля 1869 г.); студенты устраивали сходки, обсуждая на них возможность к юбилею получить некоторые привилегии в роде права сходок, студенческих библиотек и кассы... Юбилейный акт в Дворянском собрании прошел вполне торжественно. Мы с Иваном Ивановичем принимали участие во всех юбилейных торжествах в качестве и студентов-распорядителей и представителей III курса.

По случаю юбилея, в Физическом Кабинете, по мысли Федора Фомича Петрушевского, была устроена выставка приборов и демонстрации с многими из них. В этом деле ближайшими сотрудниками Федора Фомича были: Д. К. Бобылев, П. П. Фан-дер-Флит,

Ф. Н. Шведов и В. В. Лермантов. Помощниками к ним Федор Фомич пригласил и нас. На выставке были продемонстрированы электрофорная машина Шведова, акустические приборы Кенига для интерференции и воспроизведения гласных по Гельмгольцу, интерферометр Жамена, спектроскоп, машина Фесселя для демонстрации интерференции и поляризации света и электрические регуляторы Дюбоска и Серена, действовавшие на токе от большой батареи из элементов Поггендорфа».

Егоров, Н. Воспоминания университетского товарища // Журнал Русского физико-химического общества при Императорском Петроградском университете. – Т. XLVII. Физический отдел. Вып. 1. – Петроград, 1915. – С. 28-31.

Гоби Христофор Яковлевич

1947-1919

Ботаник, миколог. Профессор Петербургского университета. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета (1871)

Прошло 8 лет со дня вступления Андрея Николаевича [Бекетова] в наш университет и что же мы видим? Благодаря его деятельным ходатайствам, его неусыпным заботам об интересах вверенной ему кафедры ботаники, которую он так любил и которой был так беззаветно предан, он сумел заразить своей любовью к ней не только своих многочисленных слушателей, но и высшие административные сферы; и вот мы видим, что вплотную по соседству с прежним университетским двором, с южной его стороны, вырастает на особом участке земли, доступном всестороннему освещению солнечных лучей, в общем само по себе хотя и небольшое, скромных размеров здание, но специально приспособленное для целей преподавания ботаники. К нему прислонилась небольшая оранжерея из трех отделений... И вот, благодаря Андрею Николаевичу, университет становится обладателем хотя и небольшого, но настоящего, действительно Ботанического сада в истинном смысле этого слова.

Энергия Андрея Николаевича по устройству этого сада особенно поразительна в том отношении, что проект устройства ботанического сада при Университете вызывал нарекания в излишней бесполезной трате денег, так как в Петербурге ведь существует уже прекрасный Императорский Ботанический сад (на Аптекарском острове), откуда и можно было бы черпать необходимый материал.

Но Андрей Николаевич хорошо понимал, что только свое собственное имущество, свой собственный университетский сад, хотя бы и небольшой, но находящийся при самом здании университета, всецело может отвечать требованиям того преподавания, которое ставит себе задачей стоять на научной высоте.

Глубокое понимание потребностей преподавания в связи с умением обеспечить за дорогим делом необходимую материальную поддержку дало Андрею Николаевичу возможность обогатить наш ботанический кабинет несколькими сотнями больших, прекрасно исполненных акварелью стенных таблиц, иллюстрирующих главных представителей семейств растений, входящих в программу университетских лекций... Кроме таблиц мы находим в шкафах Ботанического Института еще и карпологические и

дендрологические коллекции, присланные разными ботаническим учреждениями (Императорским Ботаническим садом, Никитским садом и др.) или же собранными в нашем саду и оранжерее благодаря заботам покойного. Сам он пожертвовал в университетский основной гербарий ценные среднеазиатские коллекции Карелина и Кирилова, положив этим краеугольный камень для создания большего и постоянно растущего теперь университетского русского гербария.

Кроме основного гербария он заботился еще об устройстве ученического гербария и спиртовых коллекций, служивших для практических занятий со студентами по определению растений, занятий – впервые им правильно организованных при нашем университетском преподавании.

С введением демонстраций и практических занятий каждому слушателю представлялась возможность не только издали видеть, но и осязать и даже расчленять трактуемый на лекциях материал, а это в свою очередь повело к значительно большему возбуждению интереса к растительному миру, выразившемуся в ряде работ по флористике, написанных учениками покойного.

А сколько других учеников, незаметных тружеников-учителей, не опубликовавших специальных исследований, но успевших заинтересоваться растительным миром и в свою очередь заинтересовать ими своих бесчисленных учеников, - сколько их разбросано по нашей необъятной родине? Кто сосчитает их?

И вот на таких-то будущих деятелей Андрей Николаевич умел влиять в высшей степени благотворно...

Красноречивое живое слово его умело не ограничиваться описанием фактической стороны разбираемого вопроса. Андрей Николаевич всегда проводил в своих лекциях при разборе какого-нибудь частного явления еще какую-нибудь мысль общего, иногда не только ботанического, но даже и общефилософского характера, и умел подыскивать и группировать вокруг этой мысли ряд примеров в столь стройном порядке, что мысль эта выяснялась слушателям во всех, подчас трудных для выяснения (особенно на короткой лекции) подробностях, западала в слушателей и уносилась ими из аудитории усвоенной на долгие годы, когда фактические доказательства ее давно уже, быть может, оказывались канувшими в реку забвения.

Гоби Х. Я. А. Н. Бекетов, как профессор и представитель кафедры ботаники в С.-Петербургском университете // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. – 1903. – Т. 33, вып. 1. – 251-258

Веселовский Николай Иванович

1848-1918

Археолог, востоковед, историк. Профессор Петербургского университета. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1873)

Восточное отделение было в то время особенно трудным [1831 г.]. Студенты его, кроме языков арабского, персидского и турецкого, языков, не имеющих никакого сродства

между собою, обязаны были слушать все прочие предметы [филологического] факультета, не пользуясь никакими льготами, никакими послаблениями. И чем больше были обременены занятиями студенты ориенталисты, тем большим числом предметов занимались они помимо даже лекций, а потому весьма естественно представляли они умственную и нравственную аристократию студенчества. Поступало туда немного, но кто поступал, тот должен уже был работать... Постоянная работа в течении университетского курса обратилась впоследствии не только в привычку, а прямо в потребность... В университете ли, в другом ли высшем учебном заведении, у нас ли, за границей ли, учености приобрести нельзя; можно только лишь узнать, как приобретаются сведения, заложить фундамент да изучить процесс дела. Больше ничего и не нужно. Кто практически узнал, как приобретаются основательные сведения в одной сфере знания, тот сумеет их приобрести и во всякой другой... Вот что приобретали студенты Восточного отделения, благодаря исключительно двум профессорам своим, Сенковскому, который «по громадности и разнообразию своих сведений, по проницательности ума и огромным дарованиям вообще, был бы звездой первой величины в сонме ученых первейшего в мире университета и какой угодно в свете академии», и Шармуа, и это в то время, когда преподавание всех других предметов в Университете стояло очень невысоко.

Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816-1881. /Сост Н. И. Веселовский. – СПб., 1887. – С. 11-14

Корш Евгений Валентинович

1852-1913

Русский юрист и адвокат, присяжный поверенный, публицист.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1872/73?).

«Я поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета. В университет тогда принимали окончивших гимназии с одним латинским языком после поверочного испытания по русскому языку, математике, или латинскому языку, смотря по тому, на какой факультет поступал предъявитель аттестата. Поверочное испытание заключалось в письменной работе на заданную тему, исполненной в аудитории, где были собраны аспиранты. Им раздавались чистые листы серой бумаги, на одном углу которых значились фамилия аспиранта, а по середине – заголовок темы. Листы выдавал инспектор студентов, Н. В. Озерецкий, в присутствии назначенных для производства поверочных экзаменов профессоров, которым и сдавалась экзаменуемым оконченная работа. Изустных вопросов не предлагалось. К пяти часам дня все работы были сданы, и поверочный экзамен был объявлен оконченным. Два – три дня спустя, в сборной студентов и в канцелярии правления был вывешен список вновь принятых в число студентов лиц, которые и приглашались в продолжение двух месяцев внести плату за слушание лекций в первом полугодии и, кому это нужно, явиться в канцелярию инспекции за получением вида на жительство в Петербурге. Этот вид нужен был всем одиноким студентам, жившим в меблированных комнатах, и он выдавался, независимо от того, просил ли вид внесший уже плату, или нет. Вноса денег ждали два месяца, затем, в сборной вывешивался список не внесших плату, с предупреждением, что в случае не поступления от них денег, или ходатайства

об освобождении от платы за слушание лекций, они через две недели будут сочтены «выбывшими из числа студентов университета» и исключены из списков. Заметьте деликатность: «выбывшими», а не «исключенными за невзнос платы», как объявлялось позднее и объявляется ныне. Другое время, другие нравы.

Увидав свою фамилию в списке принятых в студенты, я поспешил внести плату и начал ждать начала лекций.

На первом курсе юридического факультета мне предстояло слушать следующих профессоров: маститого П. Г. Редкина (энциклопедия юридических наук), немолодого уже М. М. Михайлова (история русского права), молодых: А. Д. Градовского (русское государственное право), Л. Б. Дорна (история римского права) и священников: М. И. Горчакова (церковное право) и В. П. Полисадова (богословие).

Лекции начал П. Г. Редкин. По традиционному обычаю, маститый профессор каждый год читал новым студентам так называемую «вступительную» лекцию на общую тему.

Нам он прочел о значении права для государства и человека. Характерная, плотная фигура Петра Григорьевича, с большой, остриженной под гребенку головой, длинными, «малороссийскими» усами и небольшими баками, производила приятное впечатление благообразного, умного старца. Он спокойно, медленно прошел на кафедру, вынул из кармана виц-мундира небольшую, согнутую пополам тетрадку и начал читать. Огромная XI аудитория, самая вместительная в университете, была переполнена: слушатели сидели на скамьях, на окнах, на возвышении для кафедры, многие стояли. Читал Редкин хорошо, несколько с малороссийским акцентом, но это не мешало ясности его речи.

Лекция была очень содержательна и прослушана многочисленными слушателями с большим вниманием и интересом. Когда профессор кончил, сложил обратно в карман свою тетрадку и направился к двери, раздались шумные, единодушные рукоплескания всей аудитории. П. Г. Редкин остановился, повернулся лицом к студентам и сказал:

- Мне очень приятно, что моя лекция была прослушана вами без скуки, с интересом, и вызвала в вас желание выразить мне ваше сочувствие. Я искренно ценю добрые порывы молодости, но обязан напомнить вам, что университетские правила безусловно воспрепятствуют студентам выражать профессорам знаки одобрения или порицания за читаемые ими учебные лекции. Правила эти составляют наше университетское «право», которое мы, юристы, обязаны знать и исполнять. Нарушение наших правил может и должно повлечь за собой неприятное всегда возмездие, вмешательство инспекции, которая обязана следить за соблюдением студентами установленного в университете порядка и неуклонно преследовать нарушителей последнего. История нашего и других университетов сохранила грустные подробности так называемых университетских беспорядков, начинавшихся с пустяков и кончавшихся закрытием университета.

Помните это и берегите университет.

Сказав это, почтенный старец повернулся и пошел к выходной двери под гром новых рукоплесканий всей аудитории, продолжавшихся, пока профессор не скрылся за дверью. Понятно, после такого впечатления от вступительной лекции, студенты не переставали наполнять XI аудиторию, в которой читал свой курс захвативший их сразу профессор. Охотно также посещались лекции профессора Градовского по русскому государственному праву. Минимальное количество слушателей собирали лекции М. М. Михайлова, который вслух читал нам свой печатный курс, и читал скучно, вяло, не интересно, как читает в церкви Апостола плохой дьячок.

К концу первого полугодия, новые студенты узнали, что все лекции стенографируются, просматриваются профессорами и затем литографируются, что, затратив три – четыре рубля, можно иметь полный курс Дорна, Горчакова, Градовского; один Редкин отказался просматривать стенограмму его лекций, но его курс все-таки тщательно записывался несколькими студентами, которые сличали свои записи, выверяя, таким образом, собственными средствами текст лекций несговорчивого профессора, и затем сдавали стенограмму в литографию. Словом, все было приспособлено к наимуднейшему

приготовлению к экзамену без траты времени на посещение профессорских лекций. Да, большое зло было это, официально разрешенное и санкционированное профессорами издание дешевых литографированных курсов. Готовые, выверенные профессорами, доступные по цене, продаваемые тут же в университете курсы быстро отучили студентов посещать и записывать лекции, свели к нулю значение всей лекционной системы преподавания. Литографированные курсы заменяли студентам все: профессоров, научные пособия, специальную литературу, памятники, и вся умственная работа молодежи сводилась исключительно к работе памяти, к простому заучиванию университетского курса, как заучивались в гимназии катехизис Филарета и учебники Ободовского и Иловайского. Последствием такой постановки университетского преподавания было такое, например, явление: экзаменуясь на кандидата, один бывший студент, слушатель уже оставившего университет проф. Михайлова, подробно описал профессору Градовскому, экзаменовавшему, за неимением в данный момент отдельного профессора (В. И. Сергеевич приехал позднее), из истории русского права, внешний вид «Русской Правды».

- Вы видели «Русскую Правду»? Где? – спросил изумленный Градовский.

- Да, видел; ходил для этого нарочно в Публичную библиотеку, - ответил экзаменуемый.

- Очень рад. Прекрасно. Довольно. И восхищенный профессор поставил любознательному молодому человеку 5. И это было понятно, если я скажу, что на том же экзамене, происходившем совместно со студентами второго курса, державшими переводное испытание, были экземпляры, не знавшие не только годов, когда царствовала Екатерина II, но даже столетия. Заверяю честным словом, что передаю истинный факт, а не анекдот. Многие мои товарищи не знали буквально ничего, кроме записок, а в печатном курсе Михайлова – указания на время царствования Екатерины Великой не было. Помнить же гимназическую учебу считалось необязательным, и на вопрос Градовского смотрели как на недостойную профессора придирку, а на поставленную им неудовлетворительную отметку, как на явную несправедливость. Вот к какому извращению понятий, к какой действительно недостойной притязательности приводили студентов литографированные записки. За профессором отрицалось право требовать от студента даже общеизвестных исторических фактов, если эти факты не упоминались в записках по тому предмету, по которому производилось испытание. Много лет спустя, довелось мне говорить по этому поводу с покойным А. Д. Градовским, и почтенный профессор не мог не согласиться, что литографирование университетских лекций, весьма выгодное группе студентов-издателей, значительно понизило умственный уровень студенчества и убило в молодежи последний интерес к научному занятию и к самостоятельному труду по приобретению знаний.

Возвращаюсь к прерванному рассказу.

Рождественские праздники 1868 года прошли. Настал новый 1869 год. Постепенно приближалось время переходных экзаменов. Я все усерднее и усерднее читал записки тех профессоров, у которых предстояло экзаменоваться, и по неделям не заходил в университет и не знал, что там делается.

Между тем, в университете шли бурные сходы, на которых обсуждались текущие вопросы студенческой жизни. Сходы происходили и в здании университета, и в студенческой столовой, открытой на имя некоей Козловской. Зашедший ко мне случайно товарищ вывел меня из блаженного неведения университетской современности.

Я устыдился, бросил чтение записок и пошел на другой день на сходку, назначенную в университетском актовом зале, отпертом потому, что в нем профессора Градовский и Ивановский читали лекции одновременно для обоих разрядов юридического факультета. Организаторы сходов думали воспользоваться огромным актовым залом и назначили его местом той сходки, на которую пришел и я.

Но в зал проникнуть студентам не удалось: двери, в него ведущие, инспектор предусмотрительно приказал запереть, ибо соединенной лекции в этот день по

расписанию назначено не было. Собравшиеся на сходку, по необходимости, рассыпались по коридору, заняв, кстати, и большую парадную лестницу, на верхней площадке которой появились тотчас же ораторы: Степан Езерский, Илья Шраг и знаменитый впоследствии Нечаев, числившийся в университете вольнослушателем. Первые двое представляли элемент умеренный: они убеждали студентов ограничить свои домогательства мелкими, но существенными нуждами всего студенчества: кассой, правом сходов, столовой, библиотекой. Эти желания – говорили Езерский и Шраг – понятны, реальны, определены и вполне осуществимы; никто не посмеет сказать, что мы волнуемся не своим, студенческим делом.

Нечаев, наоборот, призывал сходку к широкому, беспредельному протесту против насилий администрации, допущенных в тогдашней медико-хирургической академии, где студенты за вполне мирные, безусловно, академические домогательства подвергнуты исключению из академии, арестам и высылке из Петербурга. «Маниловщиной – кричал Нечаев – заниматься поздно, черт с ней, с казенной наукой, если она готовит студентов на службу самодержавному бесправию, создает насильников права и свободы. Подлецы пусть изучают эту науку, а мы, честные люди, чуткая молодежь, отстранимся от зла и сотворим благо, пойдем все гуртом и громко скажем подлецам, что они подлецы, что наука их, одобренная III-м отделением, не наука, а подлая мерзость, которая учит подлому холопству, унижающему и профессоров и студентов. Наша задача – всеми средствами бороться за свою свободу, за свободную науку, за свободное студенчество». Много еще красивых, возбуждающих фраз произнес будущий агитатор, но не достиг успеха: большинство сходки разделило доводы Езерского и Шрага, отрицательно отнеслось к туманному призыву Нечаева. Озлобленный вышел он из университета, бросив сходке: «Трусы, подлецы».

Сходка продолжалась весь день, до 6-7 часов вечера. Инспекция успела, конечно, записать всех, известных ей участников сходки, с ораторами во главе. На другой день, в сборной висело объявление о созыве университетского суда и о предании этому суду, помнится, 70 студентов, названных в объявлении «зачинщиками и виновниками беспорядков». Всем им вход в университет был тогда же воспрещен. Это объявление вызвало новое волнение, новые сборища студентов в шинельной, в буфете, в сборной, в коридоре и на лестнице. «Среди нас нет зачинщиков; если есть виновные, то все виноваты одинаково. Идем к ректору!» Такие возгласы раздавались дружно во всех углах скопления студентов. «Толпой идти неловко; лучше послать депутацию!» - «Сюда пригласить ректора». Возникают споры, шум, галдение; инспектор Озерецкий и его помощник Пальмин суеются, убеждают сходку разойтись; их никто не слушает, они под шумок переписывают студентов.

Наконец, группа в 10-12 студентов отделяется и идет в правление беседовать с ректором от имени сходки. Толпа утихла, ждет. Проходит $\frac{1}{4}$ часа. Дверь помещения правления открывается, из нее выходит депутация и за ней ректор К. Ф. Кесслер. Спокойно, твердо ректор объявляет сходке, что правление университета не может оставить без внимания нарушение скопом университетских правил; виновники в созыве сходки известны инспекции, они и преданы университетскому суду, вместе с главными ораторами сходки. Судить всех правление не считает справедливым, ибо на сходке несомненно было не мало любопытных, непричастных к недопустимым возгласам, раздававшимся с незаконной трибуны; это – жертвы обстановки, и судить их наравне с созвавшими сходку и ораторами правление никогда не согласится; вот неугомонных буянов, не унявшихся после предания суду первых зачинщиков беспорядков, переписанных инспекцией вчера и сегодня, правление, конечно, предаст суду, образовав из них вторую группу.

Этим К. Ф. Кесслер и ограничил свои объяснения со студентами и ушел со сходки. - Что же теперь делать? – загудела толпа. Раздались советы и планы, один смелее и решительнее другого. Спорили долго, горячо, искренно ища способа выручить своих

товарищей, преданных суду, хотя и университетскому, но все-таки грозному; в числе этих товарищей были и наши лучшие благоразумные коноводы: Езерский, Шраг и другие, популярны студенты. Наконец, решили, на сегодня разойтись и ждать ближайших событий – решения суда относительно первой группы привлеченных к ответу и тогда выработать способ и форму протеста против репрессий начальства.

Несколько дней прошло без сходов, пока суд делал свое дело. Наконец, стало известным, что всех, привлеченных к суду, постигло исключение из университета, многих без права поступления навсегда в какое бы то ни было высшее учебное заведение, других – без права поступления, тоже бессрочно, в столичные университеты, третьих – опять без срока, без права возвращения в Петербургский университет; последнюю категорию, наиболее многочисленную, составляли приговоренные к исключению на разные сроки.

Узнали дальше, что списки исключенных и их документы тотчас же были отосланы университетским начальством в III отделение, которое распорядилось выслать всех исключенных из Петербурга, кого на родину, к родителям, кого – в отдаленные губернии, под надзор полиции.

Тотчас же опять начались сходы, совещания, но уже менее многолюдные, сравнительно тихие: главные ораторы ушли в ссылку, Нечаев перебрался в Москву, новых вожаков, способных увлечь студенческую массу, не находилось. Все склонны были встать на защиту пострадавших товарищей, но как это сделать – никто указать не мог, и волнение постепенно замирало.

Наступил май месяц, а об экзаменах забыли и студенты, и начальство. Последнее все еще занималось окончательной ликвидацией «истории». Инспекция представила ректору запоздавший, третий список «деятельных» участников сходов, происходивших в университете после объявления решений университетского суда, и требовала их непременно наказания. Ректор передал список и требование инспекции на усмотрение правления. Суд уже был закрыт, а созывать его вновь правлению не хотелось. Выслушав дополнительный, словесный доклад инспектора, правление выбрало из списка инспекции 17 студентов и решило предать этих последних могикан суду правления университета, состоящего, как известно, из ректора и деканов. Я оказался в числе этих 17-ти.

Повесткой, врученной каждому из нас местной полицией, нам объявлялось, что «за участие в беспорядках, учиненных студентами в здании Спб. университета, такой-то предается суду правления университета, вследствие чего вызывается для дачи объяснений в заседание сего правления такого-то числа и месяца, в 1 час пополудни, а до этого дня вход в университет ему воспрещается».

В назначенное время все мы, 17 человек, собрались в прихожей, перед дверями, ведущими в помещение правления университета. Весело беседуя и недоумевая – зачем мы понадобились, когда волнение давно утихло и никаких беспорядков больше нет, мы старались угадать – что именно поставится нам в криминал, и какая кара может нас ожидать?

Назначенный час прошел, но никто нас никуда не звал. Сидеть в прихожей начинало надоедать, становилось просто скучно. Я предложил товарищам, что пойду навести справки – отчего нас не зовут – у секретаря по студенческим делам. Сказано – сделано. Отворяя дверь в канцелярию правления, я наткнулся на ректора, который спросил меня: что мне нужно? Я ответил, что вызванные в правление 17 студентов явились к назначенному часу и ждут в прихожей, но никто их никуда не зовет, и они поручили мне справиться – не забыли их?

- Нет, не забыли, вот с вас и начнем. И ректор открыл дверь, ведущую из канцелярии в комнату заседаний правления. Там, за огромным столом, покрытым зеленым сукном и украшенным солидной чернильницей по середине и золотым зеркалом на одном конце, заседали ученые мужи, деканы всех факультетов. Ректор занял свое председательское кресло. Я стал у закрытой двери, как раз против ректора, и ждал вопросов.

- Инспекция – начал ректор – заметила, что вы принимали участие в беспорядках, ходили на запрещенные университетскими правилами сходки уже тогда, когда ваши товарищи были за сие преданы университетскому суду и исключены из университета. Признаете себя виновным?

- Да, на сходках был, ибо считаю обязанностью каждого порядочного студента быть там, где обсуждаются нужды студенчества и способы их наилучшего удовлетворения.

- О чем шла речь на последней сходке? – спросили одновременно два декана.

- Обсуждалось, как можно помочь пострадавшим товарищам.

- И что же решили?

- К сожалению, никто не мог указать способа, которым студенты могли бы улучшить судьбу исключенных товарищей, а заявлять протест впустую большинство сходки находило бесцельным. Так и разошлись, не приняв никакого решения.

- Лично у вас столкновений с инспекцией не было? – спросил ректор.

- Сколько помню, нет.

Ректор, молча, жестом руки спросил: не имеет ли кто еще каких-нибудь вопросов.

Деканы покачали головами отрицательно. Ректор предложил мне выйти в канцелярию и подождать там решения правления. Я скрылся за дверью, но не успел даже присесть в канцелярии, как дверь вновь отворилась, и ректор пригласил меня в правление. Я вошел и услышал следующее:

- Правление предлагает вам дать торжественное обещание в том, что вы не будете впредь, во все время пребывания вашего в университете, принимать участия ни в каких беспорядках, сходках и других нарушениях существующих для студентов правил. Согласны вы дать в этом честное слово?

- К сожалению, ответил я, - дать такого слова не могу.

- Почему? – спросил ректор.

- Вот как! – заметил один декан.

- Потому – продолжал я – что так называемые студенческие беспорядки вызываются причинами, от студентов не зависящими. Дайте нам кассу, библиотеку, столовую, разрешите сходки для обсуждения вопросов, касающихся этих студенческих дел, и, поверьте, никаких беспорядков не будет. Домогаться этих прав каждый порядочный и честный студент, которому дороги интересы всего студенчества, нравственно обязан, хотя бы и с нарушением действующих правил. И я всегда сочту своим долгом явиться на сходку, созданную для обсуждения текущих студенческих дел, зная, что без нарушения правил сходка создана быть не может. Могу обещать одно: не принимать во все время моего студенчества никакого участия в волнениях студентов на общественно-политической почве, не проявлять в стенах университета и на студенческих сходках стремлений, выходящих за пределы непосредственных нужд студентов, как таковых.

- Вы кончили? – спросил ректор. Я утвердительно кивнул головой.

- Подождите в канцелярии, правление сейчас обсудит ваш ответ и объявит вам свое решение, - закончил ректор.

Я вновь скрылся за дверью. На этот раз я успел выбежать к ожидавшим меня товарищам, все еще сидевшим в швейцарской. Быстро рассказал я им все, происшедшее со мной, желая дать им понять, что ничего страшного нам не предстоит.

Едва я вернулся в канцелярию, как был позван в присутствие правления. Ректор встретил меня словами:

- Правление признало вас виновным в нарушении обязательных для студентов правил, но, приняв во внимание степень вашего участия в беспорядках и объяснения, данные вами сего числа в присутствии правления, постановило: вменить вам в наказание воспреещение до суда посещать университет. Вы свободны, - заключил ректор.

Я вышел. К моему удивлению, встали и вышли за мной ректор и все деканы. Оказалось, что судебное заседание правления было назначено наверху, в актовом зале, и только моя

случайная встреча с ректором в дверях в канцелярии избавила меня от торжественной обстановки.

Все остальные 16 подсудимых приглашены были в актовЫй зал. Но перемена обстановки не повлияла на судьбу подсудимых: все отделались «выговором», самое большее «строгим выговором».

Очевидно, исполнялась пустая формальность; у правления не хватило храбрости прямо бросить в сорную корзину последнее донесение инспекции, и оно предпочло «сделать вид», что оно предает нас суду и наказывает. Этим комическим судом над последними могиками беспорядков закончилась студенческая история, помешавшая многим сдать не только переходные экзамены, но и кончить курс».

«Обдумав свое положение, я решил для разнообразия поступить теперь на административное отделение юридического факультета, на котором, вместо римского права, преподавались: история политической экономии, политическая экономия, статистика и финансы по более обширной программе, теория кредита и все юридические науки, в несколько сокращенном объеме. На первом курсе опять пришлось слушать Редкина, Михайлова и Градовского. «Разнообразие» еще не было. Все профессора читали пока общие для обоих разрядов курсы, повторяя то, что было прочитано ими в предыдущем году и что имелось у меня в форме литографированных записок. Один маститый старец Редкин не повторял прослушанного мною в прошлом году курса. Он один не относился к своей задаче, как к ремеслу, не переставал готовить каждую свою лекцию и читать ее по свежее-написанной тетрадке. Каждый год он выбирал ту, или другую часть своей обширной науки и посвящал ей целый год, давая, таким образом, студентам подробное изложение лишь того, или другого отдела энциклопедии права и указывая метод изучения и литературные пособия для знакомства с другими отделами. Изложить подробно всю энциклопедию юридических и политических наук в один год, даже вкратце, невозможно, - говорил нам Редкин, - довольно, если мы успеем усвоить себе общие принципы права и общественности, выработанные историческим развитием науки и жизни, познакомимся с главными течениями философской мысли, выясним метод обобщения, узнаем последние выводы, к которым привел этот метод в области права и государствоведения. Для этого не потребуется нам изучать бесконечный словарь Эрца и Грубера, предоставим это заядлым специалистам. Вообще, Редкин не имел законченного, целостного учения о праве: прежде убежденный последователь Гегеля, он перешел затем на сторону позитивизма, но ему не удалось совершенно отрешиться от влияния Гегеля, который всегда оставался его любимым философом. И лекции о Гегеле и его системе занимали не один год преподавания почтенного профессора, и слушатели его никогда не забудут, как рельефно, любовно излагал П. Г. все подробности интересного учения знаменитого немецкого философа. На втором курсе, читая нам уже историю философии права, Редкин весь год излагал нам подробности философии Огюста Конта, последователем которого был Редкин семидесятых годов. Изложив в начале курса все главные философские системы, предшествовавшие позитивизму, что заняло лишь несколько часовых лекций, Редкин перешел к Огюсту Конту и излагал его систему подробно, обстоятельно, все остальное время, до конца курса.

На экзаменах Редкин был гроза; его экзамен всегда назначался первым, это был Рубикон, перейдя который, студент уже был уверен в успехе остальных экзаменов. К Редкину идти на-авось не решался никто, даже самые отчаянные смельчаки, зная, что он не затрудняется ставить не только двойки, но и единицы, и даже нули на кандидатских испытаниях, аннулируя хорошие отметки всех других экзаменаторов и игнорируя все просьбы и настояния. Ни декан, ни ректор не решались никогда замолвить Редкину словечко за провалившегося у него студента, или аспиранта, державшего прямо на кандидата. Ассистенты сидели обыкновенно молча, не принимая никакого участия в

экзамене. На экзамен Редкин приходил со своими, толстыми, как карты, билетами, сам усердно тасовал их и сам выбрасывал студенту билет. Весь экзамен он сидел с сигарой во рту и молча выслушивал ответ студента по билету; едва студент начинал запинаясь, или умолкал, Редкин спрашивал:

- Кончили?

И или отпускает студента, или выбрасывает ему другой билет, или начинает задавать вопросы. Последнее было всегда плохим предзнаменованием: задав вопрос, Редкин молча наблюдает экзаменуемого. Если он и на отдельный вопрос отвечает неуверенно, запинаясь, мычит что-то себе под нос, Редкин прерывает его, ставит ему 2, или 1, сказав: «Плохо, студент должен знать яснее». На кандидатском экзамене, при мне, произошла такая мимическая сцена:

К сидящему с сигарой в зубах Редкину подходит экзаменующийся прямо на кандидата.

Профессор выбрасывает ему билет и спрашивает:

- Можете отвечать, или желаете обдумать билет?

Аспирант предпочитает «обдумать» и удаляется к окну, где стоят два кресла для обдумывателей.

Для ответа вызывается другой, согласившийся отвечать на выброшенный ему билет без так называемой подготовки у окна. Кончает. Редкин приглашает обдумывающего. Тот подходит, садится (экзаменующиеся отвечали, сидя против профессора, по другую сторону стола) и молчит. Редкин молча выбрасывает ему второй билет. Аспирант удаляется вновь к окну и сидит там, пока отвечает очередной товарищ. Кончает и этот, вновь призывается первый и опять молчит. Профессор, по принятому обычаю, выбрасывает ему третий билет, он еще раз направляется к окну и пережидает еще одного товарища. Когда последний кончает, первый молча подходит к столу экзаменатора, кладет свой билет и уходит.

- Нуль, - раздается ему вслед суровый голос оскорбленного профессора.

Зачем сидел человек в последний раз и пережидал товарища?

Экзамен продолжался без новых инцидентов.

Студентов, исправно посещавших его лекции, Редкин запоминал в лицо и относился к ним приветливо, но требования его к ним на экзаменах не уменьшались; от всех он требовал обстоятельного, уверенного знания, и проскочить у него фуксом было невозможно. Даже тройки он не поставит, бывало, зря, не убедившись, что студент кое-что действительно знает, и знает основательно. 4 и 5 получали только студенты, обнаруживавшие серьезное знание всего прочитанного профессором курса и умение свободно разбираться в философских системах.

Таков был П. Г. Редкин, один из влиятельнейших профессоров, обладавший умением властвовать над аудиторией, призывать ее к труду, к уважению науки, знания и университета, как совокупности трудовых сил страны на почве всестороннего изучения продуктов человеческого гения. Его имя не умрет и не перестанет занимать почетное место в истории русской образованности вообще и в истории нашей университетской науки в частности. С благодарностью помнят П. Г. Редкина и многочисленные его ученики двух университетских поколений, из них же первый есмь аз.

Хорошую память оставил по себе в своих слушателях и профессор государственного права, Александр Дмитриевич Градовский. Как ученая величина, он, бесспорно, много уступал Редкину, не обладал огромной, исключительной эрудицией последнего и не пользовался таким влиянием, таким безграничным авторитетом. Но это не мешало и его товарищам, профессорам, и студентам относиться к А. Д. с глубоким уважением и признавать в нем выдающегося преподавателя и молодого образованного ученого, знатока не только русского государственного права, но и иностранного. В числе его трудов имеется обширное сочинение, посвященное Германской конституции (1876 г.) и, к сожалению, неоконченный курс: «Государственное право важнейших европейских держав. Часть историческая» (1886 г.).

Я слушал Градовского три года: два на первом курсе и один – на втором; читал он живо, интересно, и его аудитория (актовый зал) всегда была полна слушателей. Читал он по два часа подряд, с небольшим перерывом, и мы не утомлялись; параллельно государственное право европейских держав читал нам профессор международного права (до Мартенса) И. И. Ивановский, блестящий лектор, и, не смотря на это, лекции его посещались не так охотно, как лекции Градовского, не обладавшего особым лекторским искусством. Александр Дмитриевич привлекал нас не фразой, а серьезным содержанием своих лекций, гуманностью своих взглядов, симпатичной оценкой наших государственных установлений в их прошлом и настоящем. Мы знали, что он деятельно сотрудничает в «Голосе» и в «С.-Петербургских Ведомостях», что он тайный конституционист, принципиальный враг абсолютизма. В беседах со студентами, которые он очень любил, А. Д. не скрывал своих государственных идеалов и высказывал прямо, что только одна прямая и честная государственная форма выведет нашу родину на путь развития, прогресса и богатства. Говорить это с кафедры уважаемый профессор, в начале 70-х годов, конечно, не мог, но он не кадил абсолютизму, не скрывал от слушателей, что эта устаревшая государственная форма отжила свой век во всей образованной Европе, и что России не миновать государственных преобразований, как логического последствия нашего исторического роста.

Понятно, что спокойная, убежденная речь профессора увлекательно действовала на аудиторию, и студенты шли толпой на лекции Градовского, забывая его лекторские дефекты: небольшое заикание, повторения и т. д.

Я питаю еще и личную признательность к Александру Дмитриевичу: он поддал мне мысль не держать полукурсового экзамена, а оставаясь номинально второй год на втором курсе, фактически слушать в этом, втором году лекции третьего и четвертого курса, а по окончании этого, четвертого, года пребывания моего студентом Спб. университета пожертвовать переходными экзаменами с первого на второй курс и держать прямо экзамен на степень кандидата юридических и политических наук (по административному разряду юридического факультета). Таким образом, я спасал потерянный мной в начале университетского курса год. Поданная мне Градовским мысль меня прельстила; затруднительно было только подготовиться к экзамену у неумолимого Редкина. Я решил прямо спросить грозного профессора, по каким руководствам следует мне подготовиться по его предметам, чтобы с успехом выдержать у него экзамен на кандидата.

- Надо знать всю науку, - коротко, но неясно ответил мне Редкин, прибавив:

- Руководств кратких, но полных на русском языке ни по энциклопедии, ни по истории философии права нет, и я не могу указать вам ни одного руководства. Я сорок лет собираюсь издать такое руководство, да все не выберу времени пересмотреть для этого мои лекции.

- Что же мне делать? – Как готовиться к экзамену? – с ноткой отчаяния в голосе спросил я Петра Георгиевича.

- Оставаться студентом и не спешить фуксом заполучить кандидатский диплом, - сухо и твердо ответил Редкин. И скрылся в профессорскую.

Я серьезно задумался и готов был уже отказаться от моего плана, т. е. потерять еще второй год и держать не кандидатский, а полукурсовой экзамен. Но Градовский, услышав мои сомнения, спросил:

- И чего вы испугались? Не понимаю. Разве вы не знаете, что Редкин в вашем намерении увидел, прежде всего, нарушение установленного порядка, желание, как он выразился, фуксом получить кандидатский диплом. Вот старик и припугнул вас «всей наукой», а экзаменовать он будет вас по своей программе, вместе со студентами первого курса из энциклопедии и второго – из истории философии права. Купите у Кравченко литографированные курсы энциклопедии и истории философии права, прочитанные Редкиным в истекшем году, и проштудируйте их основательно, да посмотрите,

пожалуй, если найдете у букинистов, старые печатные курсы Невolina и Калмыкова, просмотрите новый учебник киевского профессора энциклопедии права Рененкамфа, и я уверен, что ваш экзамен у Редкина сойдет вполне благополучно.

Я никогда не был трусом и охотно последовал советам и убеждениям Градовского. Когда расписание экзаменов для студентов и посторонних лиц было объявлено, я подал ректору разом два прошения: одно – об увольнении меня из числа студентов университета, а другое – о допущении меня к экзамену на степень кандидата по административному разряду юридического факультета.

За последний год моего студенчества я не мог посвящать много времени посещению лекций, да и настоящей необходимости в этом не было: лекции почти всех профессоров исправно литографировались и прочитывались дома скорее и удобнее. Обширный для «администраторов» курс полицейского права пр. И. Е. Андреевского был напечатан; «Начала политической экономии» И. Я. Горлова, напечатанные десять лет назад, уже успели устареть и слушать чтение этой скучнейшей книги ее автором вслух, с кафедры было явно бесполезно и нудно. Необходимо и приятно было слушать только пр. Янсона, лекции которого по статистике (один из главных предметов административного отделения) почему-то не литографировались и не находили отражения ни в одном, существовавшем тогда учебнике. Янсон излагал свой предмет вполне самостоятельно, посвящая свои лекции выяснению задач статистики, ее значения, как научного приема и метода, при исследованиях исторических и современных условий общественной жизни и общечеловеческого прогресса. Чрезвычайно живо и интересно читал Янсон отдел «нравственной» статистики. К «своим» студентам (т. е. административного отделения) Янсон относился не только внимательно, а прямо любовно, снабжал их своими тетрадками, по которым читал лекции, помогал и другими способами лучше разобраться в его курсе: указывал сочинения для чтения, открывал свою обширную библиотеку, никогда не отказывал студенту в беседе, ни в университете, ни на своей квартире. Это был профессор-учитель, в истинном и лучшем смысле слова. Кроме Янсона, я охотно ходил на лекции профессоров: С. В. Пахмана (гражданское право) и Н. С. Таганцева (уголовное право), заглядывал иногда и на лекции Э. Р. Вредена (история политической экономии и теория кредита) и Ф. Ф. Мартенса (международное право). Один раз был и в аудитории В. А. Лебедева (финансовое право), но испытал такую томящую скуку, что всякая охота повторить посещение лекций этого на редкость бездарного профессора раз навсегда у меня пропала. Да и Лебедев привык, по-видимому, к пустой аудитории. Студент, стенографировавший лекции Лебедева для издателя литографированных записок, рассказывал, что он нередко один сидел в аудитории, и Лебедев буквально диктовал ему лекции. Случалось, что профессор поджидал своего обязательного слушателя. Бывало и так: профессор зайдет в пустую аудиторию и ждет своего единственного слушателя, а последний сидит в соседней аудитории, ждет Лебедева. И это взаимное ожидание продолжается, пока оба ожидающие случайно в одно время не выглянут в коридор и не сойдутся. На экзаменах Лебедев был не требователен, более, чем снисходителен и щедро награждал пятерками всех, мало-мальски знавших его записки. Вообще, это был профессор легкий, и к нему на экзамен шли студенты и посторонние лица смело, зная, что срезаться у него невозможно.

Таковы были наши профессора. Каковы же были студенты? Ответить на этот вопрос гораздо труднее. Никаких студенческих организаций в наше время не существовало. Студенты составляли случайную, бессвязную толпу, чуждую каких-либо общих интересов и идеалов. Ни сплоченных чем-либо, кроме личного знакомства, завязанного еще до поступления в университет, кружков, ни научного общения и интереса студенчество начала семидесятых годов не проявляло; жизнь университетской молодежи шла в раздробь, бестолково, без признака какого бы то ни было идейного единения и общения. Студенчества, как целого, не существовало, и студенты толклись в

обществе, как беспризорные единицы, скитаясь по дешевым вечеринкам, литературным журфиксам, театрам, концертам и даже грязным танцклассам. Попытки студентов Сергея Шевича, князя Щербатова, Писарева составить кружок саморазвития и самообразования исключительно из студентов-юристов не увенчались успехом, благодаря слишком большому разнообразию привлеченных элементов и полной неопределенности задач кружка. Большой успех имели кружки саморазвития, составившиеся вне университетского студенчества».

«Предсказание А. Д. Градовского оправдалось вполне: для испытания нескольких человек, заявивших желание экзаменоваться прямо на кандидата, не было назначено ни особого времени, ни особых испытательных комиссий. Нам было предложено держать экзамены совместно со студентами I, II и IV курсов, по общей программе.

Это значительно облегчало профессоров и представляло свои удобства и для экзаменующихся, устраняя неопределенность и случайность требований экзаменаторов. В первый день пришлось нам экзаменоваться у пр. Янсона (статистика) и у свящ.

Горчакова (церковное право), совместно со студентами II-го курса. По статистике, как я сказал уже выше, записки не литографировались, и моим товарищам, не слушавшим лекции Янсона, приходилось плохо: программа была, разумеется, составлена по курсу, прочитанному Янсоном студентам, и профессор, строго держась этой программы, требовал знаний, которых нельзя было извлечь ни в каком доступном студентам учебнике. Один мой товарищ, добросовестно проштудировавший Кольба, Моро-де-Жанеса и еще кого-то, не смог ответить ни слова по вытянутому им билету и принужден был прекратить экзамены. Другой мой товарищ, за неделю до экзамена, явился на квартиру к Янсону и просил профессора дать ему для повторения его тетрадки, по которым Янсон читал лекции. Профессор направил храброго просителя ко мне, зная, что у меня имеется полный курс его лекций, сверенный с его тетрадками. За неделю до экзамена я, понятно, не решился отдать мои записки, и мой товарищ согласился пользоваться ими ночью, когда я спал. И только, благодаря этому ночному чтению, он выдержал экзамен у Янсона, который запомнил его фамилию и физиономию и, ставя ему 4, сказал: «Благодарите Корша; он спас вас от неизбежного провала».

У меня все экзамены проходили вполне удачно. Одно богословие смуцало меня: Полисадов уже оставил университет, курс его, имевшийся в литографированном виде, был угнетающе велик. Курс преемника Полисадова, профессора философии, свящ. Сидонского, почему-то не литографировался, и его в продаже не было. Положение было, что называется, хуже губернаторского. До экзамена оставалось два дня, а богословские знания были буквально равны нулю, даже и программы у меня не было своевременно припасено. Настроение было далеко не бодрое, все экзамены кончены благополучно, и, вдруг, не получить кандидатского диплома из-за богословия, к которому при Полисадове никто никогда и не готовился. Раздумывая так и эдак, я отправился искать по книжным магазинам «кратчайшего» курса богословия. Везде мне показывали обширные, тяжелые тома Макария и других наших ученых богословов, но одолеть в два дня эту массу духовной премудрости не было физической возможности. Переходя из магазина в магазин, я нашел, наконец, у Глазунова тоненькую книжку под заглавием: «Лекции по умозрительному богословию», профессора Московской духовной академии Ф.

Голубинского. Книжка понравилась мне по своему небольшому объему, я тотчас же купил ее и пошел домой читать. Все же – думалось мне – лучше знать Голубинского, чем не знать буквально ничего.

Как оказалось, книжка пр. Голубинского заключала в себе лишь только учение о Боге. Я внимательно прочел ее всю и успокоился; у меня в запасе была еще книжка Баженова «О религии», по которой студентов экзаменовал Полисадов.

Настал день экзамена. В отличие от других профессоров, Сидонский назначил нам свой экзамен, отдельно от студентов. Ровно в 10 часов пришел он в назначенную для испытания аудиторию, где сидели уже все аспиранты.

Войдя, Сидонский сел за профессорский столик и разложил на нем какие-то тетрадки.

- Пожалуйста, господа; кому угодно? – сказал он, обратившись к нам.

Вышел первым некто Соколов, бывший воспитанник духовной семинарии.

- По какому руководству готовились? – спросил Сидонский.

- По Рождественскому, - ответил Соколов.

Сидонский порылся в принесенных тетрадках, вынул одну и предложил Соколову взять билет. Тетрадки оказались заготовленными профессором программами по всем, наиболее известным курсам богословия.

Соколов, как семинарист, отвечал, конечно, отлично, быстро получил 5 и удалился.

- Кто желает? Пожалуйста, - приглашал профессор.

Долго никто не решился выйти после Соколова.

- Я уйду, господа, если нет желающих экзаменоваться, - пригрозил Сидонский.

Сообразив, что сколько бы я ни сидел, ничего нового не высижу, я приблизился к профессору.

- По какому руководству готовились? – повторил свой вопрос от. Сидонский.

- По Голубинскому, ответил я.

- Больше ничего не читали?

- Читал еще сочинение прот. Баженова: «О религии».

- Ну, это не богословие. Вероятно, и «Записки охотника» г-на Тургенева тоже читали? – с улыбкой спросил Сидонский.

- Конечно, читал, - ответил я, недоумевая, к чему клонится вопрос экзаменатора.

- По богословию больше ничего не читали?

- Нет, не случилось, - смущенно ответил я.

- Одного Голубинского? Это и много, и очень мало. И лекций Полисадова не читали?

- Нет, не читал.

- Значит, ничего из богословия не знаете. Так и заметим. А катехизис катехизис Филарета знаете?

- Знал, когда держал выпускной экзамен в гимназии; потом, признаюсь, не повторял.

- Посмотрим, какова у вас память. Скажите, что есть вера?

Не доверяя своей памяти, я не решился ответить на предложенный вопрос текстом, приведенным в катехизисе, и сказал:

- Вера есть убеждение в существовании высшего существа управляющего миром.

- Вот, у вас все одно и то же: и вера, и убеждение, - произнес профессор и задал мне какой-то другой вопрос, на который я ответил, сколько помню, удовлетворительно.

Вопрос был из истории церкви.

- Довольно, - сказал Сидонский. О богословии вы не имеете и понятия, катехизис забыли, историю церкви еще, по-видимому, помните. Все экзамены сдали благополучно?

- Если вы, профессор, не задержите, кандидатство мне обеспечено.

- Я мешать вам не буду; это не по-христиански. Бог с вами.

И добрый профессор записал против моей фамилии 3 ½.

- Простите мою дерзость, профессор; для получения кандидатского диплома, кажется, нужно иметь из богословия не менее 4.

- Совет недавно постановил, что для юристов довольно и 3-х, - ответил Сидонский.

Я поклонился и отошел от экзаменационного стола.

На другой день предстояла еще одна, последняя фикция экзамена. От экзаменующихся прямо на кандидата требовалась сдача экзамена из одного нового иностранного языка, по своему выбору. Я выбрал наиболее мне известный французский язык. Лектор этого языка в университете, известный всей России по своим учебникам, Давид Марго, только что скончался, и преемник ему еще не был назначен. Экзамен желающих подвергнуться

испытанию из французского языка был поручен лектору итальянского языка, синьору Пинто, с которым мой отец занимался года два итальянским языком, и он знал меня лично. Пинто знал, что я порядочно говорю и свободно читаю по-французски, и не затруднился поставить мне 5, спросив меня: как здоровье отца, и хорошо ли прошли у меня экзамены?

Экзамены были закончены вполне успешно. Потерянный, было, год, по доброжелательному совету А. Д. Градовского, был спасен. Оставалось написать и сдать кандидатское сочинение, на что полагалось полгода, по окончании экзаменов. За советом о выборе темы для сочинения обратился к тому же Александру Дмитриевичу, и мы решили, что я буду писать о земских учреждениях. Градовский любезно указал мне все главные источники, и моя работа была готова и сдана в срок.

В январе 1873 года я получил кандидатский диплом, как завершение одиннадцатилетней учебы».

Корш, Е. В. Отзвуки далекого прошлого // Русская старина. – 1918. – Т. 174. – С. 59-69, 79-90.

Успенский Федор Иванович

1845-1928

Историк, византист. Академик Петербургской Академии наук. Профессор Петербургского университета. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1874)

Постепенно устанавливались такие отношения на филологическом факультете между преподавателями и слушателями, при коих систематическое непосещение лекций казалось недопустимым и оскорбительным по отношению к профессору. С другой стороны и профессора, за редкими исключениями, шли навстречу нашим желаниям и запросам по отношению к тому или другому непонятному вопросу и с готовностью руководили нас в поисках за нужной книжкой.

Перехожу к профессорам филологического факультета. Кроме обыкновенных университетских лекций некоторые из них стали устраивать у себя на дому занятия с желающими студентами. Это было до известной степени предвкушение семинариев, о которых тогда еще не было речи. В наше время первый стал собирать у себя первокурсников Карл Якимович Люгебиль, тогда еще доцент, преподававший греческий язык и литературу. ... Люгебиль в наше время был популярный профессор и, несмотря на строгость требований на экзаменах, пользовался уважением и любовью. ... С большой благодарностью вспоминаю эти занятия, на которых я узнал, что значит сравнительное языкознание в изучении форм греческого склонения и спряжения глаголов и какое значение имеет в этом отношении санскрит. ...

...в наше время хорошо пройти на экзамене у Люгебиля, значило то же, что юристу получить хороший балл на экзамене у Редкина. Вообще, следует отметить, что та или другая университетская наука повышается или понижается не по ее основному

содержанию и значению, а по искусству и умению профессора поднять ее авторитет, по заявляемым к студентам требованиям.

Приблизительно с первого курса ... я вступил в близкое знакомство с В. И. Ламанским.... Владимир Иванович отличался способностью привлекать к себе и к славистике молодых людей общением с ними в частных беседах на дому, где он всегда был готов принимать нас у себя за письменным столом, заваленным книгами, и где наши беседы с ним не ограничивались формальными разговорами, а касались и разных вопросов общестуденческой жизни, подготовки к последующей деятельности, увлечения тогдашними кумирами молодежи и т. п.

Я имел обычай на первых лекциях к вновь поступившему курсу говорить о задачах университетского образования вообще, с особенным напряжением выясняя задачи университетской науки и трудности, ожидающие того, кто хотел бы овладеть ею. Я часто употреблял образное выражение, что наука требует самого внимательного ухода, что малейшее невнимание и пренебрежение к ней необходимо сопровождается холодностью с ее стороны. Впоследствии мне высказывали мои слушатели искреннюю благодарность, что эти первые лекции приносили существенную пользу. Некоторые студенты оставляли мою аудиторию, другие стали ревностней посещать ее.

Успенский Ф. И. Петербургский Университет в 1867-1871 гг. (По воспоминаниям студента) //Дела и дни. – 1920. – Кн. 1. – С. 163-174.

Ляпунов Александр Михайлович

1851-1918

Математик и механик, академик, крупнейший представитель русской математической школы. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1880).

В различные периоды своей профессорской деятельности П. Л. Чебышев читал различные курсы... Курсы его не были обширными, и при изложении их он заботился не столько о количестве сообщаемого материала, сколько о выяснении принципиальных сторон трактующихся вопросов. Отличаясь живым и увлекательным изложением, лекции его сопровождались множеством интересных замечаний относительно значения и важности тех или других вопросов или научных методов. Замечания эти высказывались иногда мимоходом по поводу какого-нибудь конкретного случая, но всегда глубоко западали в умах его слушателей. Вследствие этого лекции его имели высокое развивающее значение, и слушатели его после каждой лекции выносили нечто существенно новое в смысле большей широты взглядов и новизны точек зрения...

Продолжительная профессорская деятельность П. Л. Чебышева, в течение 35 лет принадлежавшая Санкт-Петербургскому университету, не могла не отразиться самым благотворным образом на всем составе математического факультета, кафедры которого

замещались наиболее талантливыми из его учеников. Отсюда понятно то высокое положение, которого уже достиг этот факультет в С.-Петербургском университете.

Но как бы ни было велико влияние П. Л. Чебышева на университет, главная заслуга его, как профессора, заключается в создании той школы математиков, которая известна под его именем и характеризуется особым направлением исследований.

Ляпунов А. М. Пафнутий Львович Чебышев // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 121-124.

Врубель Михаил Александрович

1856-1910

Русский художник рубежа XIX—XX веков, работавший практически во всех видах и жанрах изобразительного искусства: живописи, графике, декоративно-прикладных ремёслах, скульптуре и театральном искусстве.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1880).

«Студенческого бала дело идет очень плохо, и он, кажется, совсем не состоится. Зато экзамены грозят своей страшною реальностью – курсы увесисты, около 200 всего листов. Распределение сделано предположительно: 21 апреля – История Русского Права, 3 мая – Энциклопедия, 16 мая – Государственное право, 21 – Римское Право и 27 – Богословие. Все, как видишь, кричит – занимайся, занимайся!».

Письмо М. А. Врубеля к А. А. Врубелю // Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л.-М.: Искусство, 1963. – С. 53.

Благоев Димитр

1856-1924

Болгарский политический деятель, теоретик и педагог, положивший начало распространению марксизма в Болгарии, основатель Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) и Коммунистической партии Болгарии.

В 1881-1885 годах учился в Петербургском университете.

«Уезжая в Петербург, я не решил еще, в какое из высших учебных заведений я поступлю – в университет или в технологический институт. Очень меня привлекал последний, потому что в нем, кроме общих познаний, давали и солидное специально-техническое образование. Но туда не принимали всякого, и я скоро понял, что должен остаться в университете. Тогда начал колебаться – что мне изучать – юридические ли науки, привлекавшие меня возможностью ознакомиться больше с социологическими вопросами, или естественные науки, дающие более обширные знания. Было еще много других соображений за одни и за другие. Наконец, я выбрал естественные науки. Тут я должен упомянуть, что для того, чтобы поступить в университет полноправным студентом, нужно было иметь аттестат об окончании классической гимназии. Я кончил реальку.

Поэтому необходимо было сдать экзамены по греческому и латинскому языку, которые я через год сдал.

Но это не помешало мне записаться немедленно в университет, хотя и вольнослушателем.

Никогда не забуду картину, которую застал, войдя в аудиторию на первую лекцию: обширный зал аудитории был переполнен сотнями студентов; на одной из студенческих скамеек стоял студент и резкими пламенными словами бичевал полицейский произвол, русский реакционный режим, призывал студенчество на борьбу с ним. Его речь сопровождалась бурными аплодисментами и бурными восклицаниями одобрения со стороны студентов. Это была студенческая сходка. Седой профессор показался из комнаты, соседней с аудиторией, и направился к кафедре. Однако студенты попросили его отложить свою лекцию, потому что у них сходка. Профессор, улыбаясь, ушел. Сходка кончилась без инцидентов. Однако на другой день, когда предполагалось устроить более импозантное студенческое собрание, университет оказался окруженным конной и пешей жандармерией. Тогда начались уличные студенческие демонстрации, столкновения с жандармерией и аресты. Это вызвало собрания и демонстрации студентов военно-медицинской академии и технологического института.

Вообще я попал в Петербург в самое бурное время для студенчества. Среди его бурь, еще при первом посещении университета, я познакомился со многими русскими студентами, которые ввели меня в студенческую и политическую жизнь».

Благоев, Д. Мои воспоминания. – М.-Л.: Государственное издательство, 1928. – С. 22-24.

Коновалов Дмитрий Петрович

1856-1929

Русский, советский химик, метролог, специалист в области физической химии, термохимии и калориметрии, один из основоположников учения о растворах, химической термодинамики, общественный и государственный деятель.

В 1878-1880 годах был вольнослушателем на физико-математическом факультете Петербургского университета. В 1882 году был назначен ассистентом по аналитической химии к Н. А. Меншуткину. В 1886-1907 годах – профессор Петербургского университета. В 1890-1907 годах возглавлял кафедру неорганической химии университета.

«Не малое оживление в жизнь лаборатории вносили два бывших ее питомца, Е. Е. Вагнер и Д. П. Павлов, занимавшие места в лабораториях университета и не терявшие связи со своим старым гнездом. Е. Е. Вагнер был ассистентом в аналитической химии Н. А. Меншуткина, Д. П. Павлов, брат ныне здравствующего физиолога И. П. Павлова, был лекционным ассистентом Д. И. Менделеева и работал в его лаборатории рядом с бутлеровской лабораторией».

«Недолго продолжалось в этот раз мое пребывание в лаборатории Бутлерова. Е. Е. Вагнер был приглашен профессором химии Института Сельского Хозяйства, на освободившуюся за его уходом вакансию я был избран в январе 1882 г. лаборантом аналитической лаборатории и перешел на свое новое место. Здесь я готовился к магистерскому экзамену, заканчивал магистерскую диссертацию и начал чтение курса физической химии в качестве приват-доцента. На магистерском экзамене в числе экзаменаторов был и А. М. Бутлеров, а главным вопросом был предложенный Д. И. Менделеевым вопрос об определениях Стаса атомных весов. Позднее А. М. участвовал

также в постановке моей кандидатуры на кафедру, освобождавшуюся за переходом на его место Н. А. Мениуткина».

Коновалов, Д. П. А. М. Бутлеров в своей лаборатории Петербургского Университета // А. М. Бутлеров. 1828-1928. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – С. 61, 71.

Сорокин В. М.

Выпускник юридического факультета Петербургского университета

Вся университетская молодежь того времени почти целиком примкнула к тем слоям общества, которые жили исключительно идеями и реформами царствования Александра II, и, хотя надо сказать правду, Студенты учились мало, в смысле аккуратного посещения лекций и прилежного заучивания профессорских записок, но чрезвычайно восприимчиво и сильно мыслили, а высокими чувствами были преисполнены до того, что, казалось, и по земле-то ходили приподнятыми.

Независимо от широко развернувшейся общестуденческой жизни и самодеятельности в стенах петербургского университета, выразившейся в периодическом издании студенческого сборника, вскоре, впрочем, прекратившегося, в собственной студенческой библиотеке, кассе пособий неимущим товарищам, научно-литературных беседах и диспутах, в сходках, всегда очень многолюдных и оживленных по общестуденческим делам и т. д., чуть ли не каждый студент, обладавший хотя какими-нибудь грошовыми средствами, старался сгруппировать около себя подходящих к его духовным потребностям взглядам кружок товарищей.

Кроме внутренней кружковой жизни, все остальное время мы посвящали жизни общественной, в стенах университета и в весьма многих семейных домах, в которых, как я уже говорил, нас принимали чрезвычайно радушно и ласково. Сверх обычного посещения лекций мы нередко собирались в университете по вечерам на сходки редакторов нашего Сборника и депутатов от каждого факультета, заведывавших библиотекой, кассой пособий, назначением и раздачей последних нуждавшимся товарищам, устройством концертов в пользу той же кассы. Концерты эти, исполнявшиеся под управлением весьма известного в то время профессора музыки Шуберта, оркестром из его учеников, преимущественно студентов, отличались своей серьезностью и элегантной художественностью. Они давались в течение почти всей зимы в актовом зале университета по утрам в каждое воскресенье и обыкновенно заканчивались грандиозным музыкально-вокальным утром с участием всех лучших представителей итальянской оперной труппы, из которой наибольшими симпатиями публики и всего студенчества пользовались Бозио и Тамберлик. Кроме своих замечательных талантов особенно они увлекали молодежь и своею чарующей любезностью, теплым участием к бедствовавшим студентам и всегдашней готовностью помочь им. На всех этих концертах, не только заключительных, но и обыкновенных, бывал, что называется, tout Petersburg, - и наша студенческая касса располагала широкими денежными средствами для своих благотворительных целей.

... Университетские лекции в этот год [на втором курсе] мы посещали гораздо усерднее и относились к ним серьезнее, чем в первый. Кроме собственного нашего умственного роста, тому наиболее способствовали такие выдававшиеся своей талантливостью и популярностью профессора, каковы были: К. Д. Кавелин, Н. И. Костомаров, В. Д. Спасович и некоторые другие. Глубина изучения каждым из них своего предмета, вполне соответствовавшая требованиям того времени, освещение сообщавшихся ими фактов, блестящее красноречие в их изложении, а главное, - высокое гражданское чувство этих честных граждан своей страны в период ее возрождения, - все это до того увлекало нас, что мы не пропускали ни одной лекции своих любимцев. Самые большие аудитории университета наполнялись чуть ли не до потолка слушателями не только специальных факультетов, но даже и тех, которые не имели ничего общего с юриспруденцией. Посторонних слушателей и слушательниц также являлось множество на эти лекции и редкая из них не оканчивалась шумными, восторженными овациями.

... Теперь, перед могилой этого человека [Константина Дмитриевича Кавелина], горячо любимого и почитаемого всеми, хотя сколько-нибудь его знавшими, особенно дорого остановиться в благодарных воспоминаниях о нем. Как теперь слышу его живой, чрезвычайно приятный и приветливый голос, точно стоит передо мной его небольшая нервно-подвижная фигура, с выразительными, добрыми и быстро бегающими глазами, ласково и ободряюще смотрящими на собеседника! Припоминаю и несколько таких эпизодов: однажды некий юноша из нашего кружка стал доказывать, что в Петре I ровно ничего великого не было, в другой раз тот же юноша разглагольствовал, что наши народные песни ничего, кроме цинизма в себе не содержат, - и надо было видеть, как мягко и с каким изумительным терпением Константин Дмитриевич спорил с этим чудаком и старался его образумить! Также он относился к нам и на наших студенческих экзаменах, хотя требования его от нас научных знаний всегда были серьезны и строги, но они были совершенно чужды сухого, формально начальнического отношения к экзаменуемому. Подойдет, бывало, студент к экзаменаторскому столу, почтенный профессор ласково протянет ему руку, усадит около себя на кресло и начнет просто, по товарищески, беседовать с ним по тому или другому вопросу из гражданского права, и только окончательно убедившись в степени действительных знаний вопрошаемого, отпустит его, поставив балл по строгой, но чрезвычайно справедливой и отнюдь не лицепрятной оценке. В течение всей его профессуры двери его квартиры всегда были открыты для каждого из его слушателей; он очень любил, когда они его посещали, и всегда чрезвычайно охотно беседовал с ними, давал необходимые советы и указания, снабжал книгами из собственной библиотеки, давал темы для научных работ, указывал источники и т. д. Кроме ученого и публициста, Кавелин был и педагог по призванию, и его любовь к воспитанию и просвещению ярко и благотворно проявлялась в нем до последних дней его жизни.

Сорокин В. Воспоминания старого студента // Русская старина. - 1888. - № 12. - С. 617-647.

Южин-Сумбатов Александр Иванович

1857-1927

Русский и советский актёр, драматург, театральный деятель.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1881).

«Я почти отошел от сцены. Ушел целиком в государственные и иные права, в первое с тем большим увлечением, что в первую же свою лекцию читавший это право покойный А. Д. Градовский закончил, весь бледный и взволнованный, говоря о значении права для человечества, цитатой слов Шейлока: «Разве у жида нет глаз? Нет органов чувств, страстей?» - и, еще более побледнев, бросил последние слова своей цитаты: «А когда вы отравляете нас, - разве мы не умираем?»

Этот вечер в Малом театре, эта лекция А. Д. Градовского и зимой того же года заключительная речь Анатолия Федоровича Кони по делу Засулич я считаю отправной точкой всего, что я старался сделать в своей жизни».

«Из Москвы я приехал в Петербург, поступил в университет на юридический факультет, увлекся теорией государственного права, читавшейся Градовским, составил и издал конспект по нему».

Южин-Сумбатов, А. И. Воспоминания. Записи. Статьи. Письма. – М.-Л.: Искусство, 1941. – С. 31, 33.

Черников Михаил Иванович

1858-1917

Преподаватель русской словесности и первый директор Рыбинского коммерческого училища.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1881).

«О, университет! сколько раз мечты о тебе оживляли и ободряли меня в гимназической работе, давали ей истинное, правильное освещение; как радостно билось сердце при одной мысли, что, наконец, близко желанное время университетской жизни.

8-го февраля 187* г.

Я студент-филолог петербургского университета и в данный момент не променяю своего звания на положение сенатора. Пусть я испытываю лишения, пусть я материально стеснен, но идеалы науки и света, воочию предстали предо мной, я чувствую себя в их атмосфере. Сегодня, 8-го февраля, я возвращаюсь с университетского акта в особенно торжественном настроении духа, чувствую себя – не смейтесь – гражданином вселенной: английские профессора прислали нашим письмо, в котором выражают свою несолидарность с действиями английской политики в русско-турецкой войне, и так идеалы истины и добра не слово, а действительный факт и, что важнее, эти идеалы осуществились на почве науки.

С гордостью сознаю, что и я причастен к этой науке, я люблю ее, люблю ее представителей. Да и кто из студентов не гордится своими профессорами: вот кумир всего университета, наш ректор Андрей Николаевич Бекетов. В товарищеских кружках мы пересчитываем заграничные съезды, на которых он председательствовал, называем его ученые труды, мы гордимся им, как профессором, и любим, как человека: его глубокие, темные глаза, тихий, но твердый голос успокаивают самые бурные сходы; мы знаем,

что и он любит нас, старается на практике провести идею единения студентов, его трудами созданы для нас читальня и дешевая столовая.

Особенно же светлый образ для нас филологов, это наш незабвенный Орест Федорович Миллер!.. Сколько любви к родине влагает он в свою живую речь, как поднимает чувство гуманности к низшей обездоленной братии, какой глубокой проповедью терпения и мирового сострадания дышат его слова! Он учит нас не только лучше мыслить, но и быть лучше.

Не удивительно, что под влиянием таких профессоров вдохновенные слова Плещеева сделались девизом студенчества.

«Смелей! Дадим друг другу руки

И вместе двинемся вперед!

И пусть под знаменем науки

Союз наш крепнет и растет.

Пусть нам звездой путеводной

Святая истина горит,

И, верьте, голос благородный

Не даром в мире прозвучит»...

Но в этом ли стремлении духа к идеалам, не осуществленным жизнью, кроется наша глубокая привязанность к университету? Не он ли давал нам эту целостность во взглядах, которую так безжалостно раздвоила потом жизнь? И если, порою, мы собираемся почтить день нашего университетского торжества, то не потому ли, что желаем хоть на миг, в дружеской беседе, восстановить в себе то равновесие духовных сил, которое некогда было завещано нам нашей Alma Mater».

Черников, М. Три момента. (По поводу воспоминания о петербургском университете) // Празднование семидесятилетия Императорского С.-Петербургского университета 8-го февраля 1894 года в Тифлисе. – Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. ч. на Кавказе, 1894. – С. 14-15.

Бурцев Владимир Львович

1862-1942

Публицист и издатель. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета (до 1882)

Семевский был принят в приват-доценты, и попечитель, недостаточно еще осведомленный об истории с диссертацией, курс утвердил. Таким образом началась профессорская деятельность Василия Ивановича Семевского. Лектор он был недюжинный: еще «Русские Ведомости» в своем отчете о диспуте отметили его «прекрасно» произнесенную речь перед защитой диссертации. Вступительная лекция явилась для Петербурга своего рода событием – все ждали этого выступления. Среди его слушателей был В. Л. Бурцев, так передающий теперь свои воспоминания: «Его аудитория, несмотря на необязательность курса, всегда была полна. Его кафедру окружала молодежь с любовью и надеждами. В. И. Семевский оправдал и любовь своей молодой аудитории и ее надежды и не только оправдал, но превзошел в том, что от него ждали.

Я как сейчас вижу целый ряд молодых слушателей на его лекциях, кого с В. И. Семевским потом связывала самая глубокая любовь, признание значения его деятельности.

Едва ли кто из слушателей мог быть тогда уверен, что у этого талантливой, заставлявшего тогда так биться сердца молодой аудитории, сравнительно молодого ученого впереди еще целых 35 лет глубоко плодотворной, упорной работы.

«Крестьянский вопрос», «Радищев», «Декабристы» и их отношение все к тому же крестьянскому вопросу, вот о чем говорил тогда В. И. Семевский, и что глубоко на всю жизнь западало в молодые души. Скоро, однако, его лекции «даже эти необязательные» лекции были прекращены.

Видно было, что эти «необязательные» лекции стали обязательными для молодежи, и для филологов, и для юристов, и для математиков. Аудитория, где читал В. И. Семевский, всегда была переполнена. Вот почему они и были прекращены». (Биржевые Ведомости. 1916. – 22 сентября).

Мельгунов С. Историк-гражданин // Голос минувшего. – 1916. - № 10. – С. VII- XXXIV.

Загорский Константин Яковлевич

1859-1934

Экономист, специалист в области железнодорожного права. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1882). Приват-доцент кафедры полицейского права юридического факультета Петербургского университета.

В половине 70-х годов прошлого столетия Петербургский университет не только стоял впереди всех русских университетов по обилию и значительности сосредоточенных в нем научных сил, но еще и выделялся среди них по характеру проникавшей всю его внутреннюю жизнь моральной атмосферы. Не только научные идеи и учения, проповедывавшиеся с его кафедры, но и вся совокупность отношений университета к студентам была проникнута духом гуманности и либерализма, бывшим, конечно, в противоречии с университетским уставом, инструкциями и правилами, регулировавшими в то время университетскую жизнь. Вследствие этого противоречия весь режим университетской жизни приобрел характер неопределенности и расплывчивости. Я вступил в Петербургский университет осенью 1877 г., пробыв перед этим один год в Киевском университете, и меня сразу поразила огромная разница между этими обоими университетами.

... я был крайне удивлен, увидав, что в Петербургском университете студенческие сходки собирались совершенно беспрепятственно в университетских аудиториях. И уже совсем был поражен, когда на первой же сходке, на которой пришлось присутствовать, при появлении ректора университета не только не произошло никакого смещения и неловкости, но, напротив того, со стороны студентов раздались самые дружелюбные обращения к нему по имени и отчеству в том смысле, что вас вызвали, Андрей Николаевич [Бекетов], по ошибке раньше, чем нужно, мы еще не окончили обсуждения вопроса и просим вас прийти для переговоров несколько позднее. Ректор со своей стороны отвечал также самым благодушным тоном и оставил сходку продолжать свое дело, причем вовсе не нашел нужным напомнить студентам, что всякие самовольные студенческие собрания в стенах университета запрещены. Такое же благожелательство и благодушие имели место и в отношениях между студентами и инспекцией.

Вся эта идиллия обуславливалась однако всецело личными качествами педагогического персонала Петербургского университета и отчасти сохранившимися в этом

университете еще с 60-х гг. либеральными традициями, но не опиралась на какие-либо прочные основы, не вытекала ни из общих условий университетской организации, ни еще меньше из общих политических условий того времени. Поэтому и длилась сказанная идиллия очень не долго. Как известно, около половины 70-х годов прошлого века происходит не только окончательная остановка в преобразовательном движении 60-х годов, но наступает и решительная реакция в общем направлении всей правительственной политики.

... Из различных общественных групп того времени в наиболее яркой форме недовольство действиями правительства и протест против принимаемых им мер выражались, конечно, в среде учащейся молодежи высших учебных заведений, которая всегда при старом режиме, начиная уже с 30-х годов, реагировала на различные факты и условия университетской, а затем и общеполитической жизни страны в более ярких и резких формах, чем все другие группы населения.

Загорский К. Я. В 1881-1882 гг. (Воспоминания) // Каторга и ссылка. – 1931. - № 3 (76). – 156-158.

Платонов Сергей Федорович

1860-1933

Историк. Профессор Петербургского университета. Член-корреспондент Петербургской Академии наук. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1882).

Что касается до ученой критики В. Г. Васильевского, то она была исключительною по сочетанию сознательно выработанного метода с непосредственною чуткостью и тончайшей наблюдательностью. По выражению одного из его учеников и последователей по специальности, «он обладал удивительным талантом вычитывать в сухих летописях то, чего другие не замечали»; «не раз (продолжает этот ученый) случалось мне проверять работы дорогого учителя, и я всегда убеждался, что источники использованы им до последней мелочи и ни единой черточкой нельзя пополнить его изложение». Эта сторона ученого таланта В. Г. Васильевского, можно сказать, сверкала, как грань алмаза, и перед теми, кто вчитывался в его статьи, и перед теми, кто имел завидную долю слушать его специальные курсы в университете. Не владея гладкой фразой, он однако достигал того, что они читались с интересом и даже с увлечением...

Обаяние личности покойного можно уже было чувствовать и не зная его близко, а только видя его со скамьи аудитории, или же знакомясь с его произведениями. Личные отношения с ним вызывали чувство живой симпатии к нему. Близкое же знакомство порождало непреходящее чувство удивления перед душевными качествами этого человека и крепкую привязанность к нему. Казалось, сердце его, отзывчивое и мягкое, отличалось свойствами, подобными тем, какими украшался его ум, - чуткостью и широтою чувства.

Общие аудитории университета, числом одиннадцать, или тогда во втором этаже от профессорского подъезда (с набережной) до большой центральной («парадной») лестницы. Большой коридор тогда был наглухо заперт и студентам недоступен. Сообщение же между аудиториями было по внутреннему коридору, ныне перегородженному во многих местах. Самые большие аудитории (VII-я и XI-ая, теперь V-ая и IX –ая) не доходили до большого коридора и отделялись от него узким проходом. Студенческая толпа двигалась по внутреннему коридору, собиралась на обширной площадке парадной лестницы перед дверьми актового зала, всегда запертого, и пребывала в шинельных, откуда был проход в помещение буфета и в студенческую читальню. Восточный факультет помещался в третьем этаже; там же была и университетская библиотека. За парадную лестницу и в нижнем этаже университетского здания были расположены кабинеты и лаборатории физико-математического факультета, а нынешнее помещение университетской библиотеки было тогда занято канцелярией попечителя Петербургского учебного округа. Физический кабинет занимал “Jeu de raquet”, а ботанический кабинет имел свой особый новый домик, и ныне существующий.

Занимали своим преподаванием Срезневский и Владиславлев, увлекали – своей личностью О. Миллер и своим преподаванием Бестужев-Рюмин. Срезневский, знаменитый ученый, наш декан, держался с некоторою важностью и внушал нам страх. Медленно и сановито шел он по коридору в нашу IV (теперь II) аудиторию; служитель предшествовал ему и вытягивался у двери. Зорко осматривал нас профессор, подходя к кафедре. Очень сухощавый, седой и уже несколько согбенный, он казался однако чрезвычайно бодрым: его речь была энергична, стройна и даже красива. Обилие тем, входящих в его «энциклопедию славянской филологии» позволяло ему быть всегда занимательным. От него мы узнали много полезного по славяноведению и русской археографии и притом в форме, педагогически разумной, - или в виде живого, выпуклого и яркого рассказа, или с наглядной демонстрацией памятника, или в виде простой, будто бы случайной, беседы и т. п. ...

[Константин Николаевич Бестужев-Рюмин] приехал с каникул поздно, только в октябре и явился к нам уже после того, как мы перезнакомились со всем профессорским составом.... Бестужев не был оратором, - он не «читал», он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи. Беседа захватывала его самого настолько, что он забывал обстановку, привставал, иногда почти всем корпусом припадал к кафедре, заносил ногу на кресло, иногда обходил кафедру кругом. Перед нами был человек, широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший свою науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики. Мы жили в новой для нас области русской историографии, как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими учеными интересами и жаждою народного самопознания. Работа на ученом поприще родной истории являлась перед нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшее духовное удовлетворение. Какою-то поэзией ученого труда обвеивала нас быстрая, воодушевленная, блиставшая остроумием речь Бестужева. И жаль было провожать его из аудитории. И приятно было ждать следующей пятницы...

С большим удовольствием вспоминаю эти лекции [А. Д. Градовского и В. И. Сергеевича]. Градовский читал государственное право и был умный и тонкий лектор; он умел облекать в соответствующую форму рискованные в ту эпоху политические сюжеты и освещать надлежащим светом вопросы государственного устройства, не поощряемые тогдашнюю цензурой. Свобода и независимость от этой цензуры чрезвычайно нравились слушателям, а язвительное остроумие лектора восхищало. Мы как бы будто покидали свою реальную житейскую обстановку и уходили в свободный мир умозрения и критики, где получала непогрешительную оценку вся политическая и общественная действительность Запада и России. Впервые на лекциях Градовского сложились мои представления о государстве и обществе, о целях государства, об отношении государства к личности и о благе личной свободы и независимости. «Либералу» Градовскому обязан я, между прочим, тем упрямством, с каким я всегда противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение. Сильное влияние чтений Градовского на мою душу заставляет меня признать его за одного из моих учителей в лучшем значении этого слова...

Оба они - и Градовский, и Бестужев – проникали в сердце и совесть, будили душу, заставляли искать идеала и моральных устоев. В их изложении история давала материал для оценки настоящего и заставляла юношу продумать свое отношение к народности и государству.

[Орест Федорович] Миллер был весьма заметный и популярный профессор. Малого роста, почти карлик, с большою бородой и лысый, он напоминал гнома. Смотрел он через очки своими близорукими глазами всегда серьезно, даже сурово, и в этом взгляде чувствовалась строгая и неподкупная совесть. Однако суровый взгляд не мог скрыть искренней и глубокой доброты Миллера; одинаково доброю была и редкая улыбка Миллера. К Миллеру можно было всегда подойти с уверенностью, что он встретит внимательно и сочувственно. Но в то же время все знали, что он большой ригорист и не скроет своего осуждения, если ему встретится что-либо фальшивое и не нравственное. Свой ригоризм Миллер приносил и на кафедру. Читал он всегда стоя и не смотря на лица студентов. Голос его отличался силой и каким-то металлическим тембром; он наполнял собою всю обширную «первую» аудиторию (теперь – «кабинет для практических занятий по минералогии»). Миллер прекрасно владел фразой и отлично управлял своим голосом. Слушать его было очень приятно, в особенности в те минуты, когда он воодушевлялся и терял спокойствие объективного ученого... Своего славянофильского мирозерцания Миллер не скрывал, исповедовал его с необычной горячностью и являлся перед нами не только учителем. Но трибуном и общественным деятелем. Поэтому к нему не было среди нас безразличия: одни его «отрицали», другие чтили и все признавали почтеннейшим и искреннейшим человеком. Его нравственный кредит стоял очень высоко, а его исключительная гуманность и доброта нам всем была известна по его деятельности в «обществе вспомоществования студентам», где он являлся очень тактичным другом и помощником всякому бедняку. Такова была высокая моральная личность Миллера...

Несколько иное значение имели чтения Сергеевича по истории русского права. Они были верхом изящества. Сам лектор был красив, наряден и изящен. Говорил он великолепно:

звучная и гладкая фраза всегда включала в себя точную и ясную мысль. Устная речь Сергеевича была такова же, как и литературный его слог, которым можно любоваться (в особенности в его монографии о земских соборах). Он умел распоряжаться своими интонациями и достигал ими большого эффекта; не скупился на юмор и сарказм; любил приводить *ad absurdum* все, с чем не соглашался и что опровергал. Слушали его, не отрываясь и ловя каждое слово... Сильная логика, прямолинейность заключений, пренебрежение исторической перспективой ради ясности схемы и юридических конструкций – таковы были обычные свойства изложения Сергеевича. ... На студенческую молодежь Сергеевич действовал неотразимо и обаятельно...

У Сергеевича история превращалась в ряд схем, иногда картин, великолепно изображенных. В них поражало совершенство техники, красота метода и стиля. У Сергеевича хотелось учиться быть лектором; но в нем не было ничего воспитывающего и морально руководящего.

Платонов С. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. – 1921. – Кн. 2. – С. 106-114

Шимкевич Владимир Михайлович

1858-1923

Российский зоолог, пропагандист и теоретик эволюционного учения.

В 1886 году получил учёную степень магистра зоологии в Санкт-Петербургском университете. В 1886-1889 годах – приват-доцент, а в 1889-1923 годах – профессор кафедры зоологии, сравнительной анатомии и физиологии животных Петербургского университета. В 1905-1909 годах - декан Физико-математического факультета. В 1894-1896, 1911-1913 годах - заведующий Зоотомическим кабинетом; в 1889-1894 годах - заведующий Зоологическим кабинетом. В 1919-1922 годах – ректор Петроградского государственного университета.

«В 1885 году я приехал магистривать в Петербург и, конечно, первым делом отправился к Н. П. Вагнеру. Он тогда жил в университете, но устав 1884 года, обязавший университет дать квартиру инспектору студентов, уже вскоре потом заставил правление университета передать квартиру Н. П. Вагнера лицу, назначенному на эту новую должность. Старик обиделся и, говорят, возвратил в правление диплом на звание почетного члена Петербургского университета.

*Н. П. Вагнер этого периода остался в моей памяти в виде седенького старичка, уже согбенного годами, но еще недряхлого, со странным почти стеклянным взглядом, всегда устремленным куда-то мимо собеседника. Голос у него был резкий, скрипучий, переходящий часто в фальцет и вообще невыгодный для лектора. Н. П. Вагнер спросил меня, мои ли это статейки он читал в *Zoologischer Anzeiger*. Я сказал, что мои, и, конечно, осведомился насчет того, что нужно для магистерского экзамена.*
- Что нужно? – Все!

Это было весьма лаконично, но не совсем определено. Однако, никакого другого ответа я так и не получил...

Другим зоологом в Петербургском университете был Модест Николаевич Богданов. Бесспорно талантливый человек, тоже с художественным чутьем, прекрасный популяризатор и автор «Мирских захребетников», но специально исключительно

занимавшийся орнитологией, он уже хворал в это время, хворал той болезнью, которая через три года свела его в могилу. Он отнесся к экзамену моему совсем иначе.

- Вы сами знаете, на что обратить внимание. Раз у вас есть работы, то экзамен вопрос второстепенный, а вот я вам что скажу: знаете этого господина?

И он показал новый том трудов кавказского орнитолога Радде, с которым, оказывается, у него была полемика и вообще приятные отношения, часто устанавливающиеся между людьми, занимающимися одной и той же специальностью. Дальнейший разговор уже касался не экзамена, а «этого господина» Радде.

Из других экзаменов наиболее серьезным являлся экзамен у Ивана Михайловича Сеченова, вместе с Менделеевым и Бутлеровым составлявшего гордость Петербургского университета, но он сразу в двух словах ясно и определенно сформулировал свои требования...

Наконец, подошел день экзамена. М. Н. Богданов не мог уже подниматься по лестницам, и экзамен был назначен в какой-то маленькой, совсем не торжественной комнатке внизу. Н. П. Вагнер предложил вопрос, на который можно было отвечать в течение нескольких дней: филогения всего животного царства.

Говорю четверть часа, говорю полчаса, говорю три четверти часа – Н. П. Вагнер не прерывает ни единым звуком.

Наконец, М. Н. Богданов не выдержал: «чего же еще тебе нужно? Видишь, ничего не знает. Пиши неудовлетворительно». Тогда Н. П. Вагнер наконец разрешился вопросом: а не знаете ли вы работы «Немца» о цестодах?

Под «Немцем» надо было разуместь чешского ученого Нетес и под его работой только что появившееся за несколько дней до экзамена его предварительное сообщение в *Comptes Rendus*. – Конечно, я не мог знать ни Немца, впервые выступившего с этой работой, ни его работы, чем, по-видимому, доставил большое удовольствие Н. П. Вагнеру. М. Н. Богданов отпустил меня через четверть часа.

Рубикон был перейден и, уходя с экзамена, я думал, зачем я потратил столько сил и времени на подготовку, когда можно было обойтись гораздо проще.

Весной следующего года я защищал в С.-Петербурге диссертацию, представляющую собой переделку только что напечатанной мной работы в *Archives de Biologie*.

Оппонентами были Ф. В. Овсянников и Н. П. Вагнер.

Н. П. Вагнер и здесь сделал мне некоторый реприманд.

Начал он свои возражения с того, что вот уже третий москвич защищает в С.-Петербурге диссертацию: сначала Ульянин, потом Коротнев, потом я, и у всех у нас есть одна общая черта.

Н. Н. Полежаев рассказывает, что мое лицо, когда я услышал свое имя рядом с именами двух тогда уже довольно известных зоологов, выразило приятное ожидание, которое, однако, должно было смениться выражением полной разочарованности, так как Н. П. Вагнер продолжал:

- Это общая черта, исконная для Москвы, - халатность...

Дело в том, что я печатал впервые работу по русски (в *Записках Академии Наук*) и проявил полную редакционную и корректорскую невинность. У меня не только чуть не в каждой строке можно было найти опечатки, но и в списке опечаток – опять опечатки и т. д. Однако, такое начало меня разозлило и, чувствуя перед собой противника, в области эмбриологии несильного, я стал огрызаться. В одном месте, по словам того же Н. Н. Полежаева, я, соскочив с кафедры, стал не совсем корректно тыкать пальцем в какой-то рисунок для убеждения Н. П. Вагнера.

Однако, это все не мешало Н. П. Вагнеру по существу относиться ко мне с полным доброжелательством.

В этот же проезд мой в С.-Петербург он предложил мне свободное место хранителя кабинета, а когда умер М. Н. Богданов, то он еще до защиты докторской диссертации предложил меня на вакантную кафедру, которую я занял в 1889 году».

Шимкевич, В. Н. П. Вагнер и Н. Н. Полежаев. (Из воспоминаний зоолога) // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1908. – Новая серия. Часть XVI, июль. – С. 5-10.

Ольденбург Сергей Федорович

1863-1934

Востоковед, академик Российской Академии наук, профессор Петербургского университета. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета (1885)

В лице Василия Павловича Васильева сошел в могилу один из последних представителей старого поколения востоковедов. Это было поколение, открывшее целый, дотоле неведомый, мир, столь отличный от западного, что изучение его часто налагало на мышление исследователей совершенно своеобразный отпечаток. Для того, чтобы хоть сколько-нибудь понять этот мир и войти в него, требовалось такое разнообразие и такая широта знания, что нам теперь и представить себе трудно, как отдельный человек был в состоянии овладеть таким материалом. Но если бы мы стали судить ученых этого поколения на наши современные мерки, мы бы легко впали в ошибку и не поняли бы громадных заслуг этих людей перед наукой.

Часто приходилось слышать удивление по поводу того, что после многолетней педагогической деятельности, которой он отдал столько сил, Василий Павлович оставил так мало учеников, не создал «школы». Нам это не представляется удивительным: его крайний скептицизм, все усиливавшийся с годами, смущал на первых же порах начинающих, и лишь у немногих хватало мужества продолжать научную работу под руководством такого «отрицателя», зато эти немногие всегда бывали щедро вознаграждены: Василий Павлович охотно и постоянно делился с ними своими удивительными познаниями.

Ольденбург С. Памяти Василия Павловича Васильева // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. – СПб., 1901. – Т. 13, вып. 4. – С. 47-49

Гревс Иван Михайлович

1860-1941

Русский и советский историк, медиевист, специалист по истории Римской империи, педагог, краевед и общественный деятель.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1884). В 1889-1899, 1902-1903 годах – приват-доцент, в 1903-1923, 1934-1941 годах - профессор кафедры всеобщей истории Петербургского университета. В 1892-1899, 1902-1918 годах – профессор и декан (с 1906) Высших женских (Бестужевских) курсов.

«Василия Григорьевича нельзя было назвать хорошим лектором в обычном понимании слова. В начале даже требовалось довольно значительное усилие, чтобы приучиться его слушать. Фраза у него складывалась тяжело, иногда выходила по внешности неуклюжей, изложение отличалось неровностью; в расположении частей лекции не всегда замечалась строго выдержанной стройности: мысль заходила порой вперед и в стороны, возвращалась назад, иногда не достигалась необходимая для выпуклости впечатления сжатость. Профессор редко поднимался во время чтения до воодушевления, речь его обыкновенно не была оживленной. Сам Василий Григорьевич вполне признавал свои «ораторские несовершенства»; он даже добродушно посмеивался над ними, но мало работал над их исправлением, шутливо утешая себя афоризмом, что «для филологов не требуется красноречия». С последним, без сомнения, нельзя согласиться; но трудно сожалеть, что Василий Григорьевич не заботился об отделке своего лекторского языка: он мог бы достигнуть некоторого второстепенного искусственного улучшения, но уничтожил бы то достоинство натуральной непринужденности, в которой, при всех недочетах стилистической физиономии его лекций, открывалась своеобразная красота... Рассматривая деятельность В. Г. Васильевского, как профессора, необходимо обратить внимание на то, что ему принадлежит честь постановки у нас первых серьезных опытов практических занятий по истории. Дело это находилось в печальном пренебрежении в Петербурге еще в начале 80-х годов, когда в Москве оно уже было твердо установлено профессорами В. И. Герье, В. О. Ключевским, П. Г. Виноградовым и некоторыми другими. Отдельные профессора Петербургского университета, правда, и тогда занимались у себя на дому с немногими специалистами. Но ввести «принцип семинарной работы» в лекционное расписание настойчиво старались, сколько мне помнится, только И. В. Ягич в сфере филологии и В. Г. Васильевский в кругу исторического преподавания. Таким образом его следует признать заложившим фундамент для исторического семинария на филологическом факультете Петербургского университета... Нельзя сказать, что Василий Григорьевич был лично близок со студентами, даже с большинством прямых своих слушателей. Он не только сознательно не добивался никогда популярности, но и по природе избегал многочисленных и шумных отношений, даже смущался «на людях» при встречах с большими группами, предпочитал более тесное общение с немногими единицами в интимном кругу. Сами лекции его часто принимали характер домашнего научного разговора, обращенного к хорошо знакомым людям, которых он представлял себе основательно заинтересованными наукой, как и он сам. Он с трудом делал первый шаг для сближения, не шел навстречу к слушателям, привлекая их к себе, это принималось иногда за недоступность, и поселяло нерешительность, порою даже холод в аудитории, задерживало возникновение сношений. Но происходило это не от пассивности отношения, как такового, а объяснялось робостью инициативы в общении с людьми, составлявшей неблагоприятное свойство характера Василия Григорьевича. Конечно, часто такая складка суживала сферу прямого влияния его, ограничивая последнее в большинстве случаев тем, что получалось непосредственно на лекции. Правда, мы видим, что и это уже было очень много; но надобно указать еще и другое: если студент, пересилив естественное смущение юноши перед авторитетным профессором, сам обращался к нему с вопросом, искал помощи, совета, поддержки, Василий Григорьевич всегда отзывался внимательно и сочувственно на выраженную потребность. Когда же он замечал в студенте действительное желание серьезно заниматься, выражающееся в искренних опытах научной работы, это его немедленно оживляло, и он охотно приближал к себе такого слушателя – просто и дружески вступал в разговор, расспрашивал, советовал, указывал и давал книги, звал к себе, направлял неопытный труд, не жалея своего времени. Равнодушия к студентам у него не было никогда, точно также, как не было поверхностности, подозрительности, неприятного отношения свысока. Василий Григорьевич ставил задачу студенчества высоко, ждал от них многого, судил о из

недостатках строго, но без педантизма и сухости, с сочувственным сожалением, иногда с мягким, ничуть не оскорбительным юмором, но всегда с внутренне сильной, хотя сдержанно выражающейся любовью. Все это обыкновенно хорошо понималось после того, как пережиты были колеблющиеся впечатления от первых столкновений с профессором».

Гревс, Ив. Василий Григорьевич Васильевский, как учитель науки // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1899. – Седьмое десятилетие. Часть СССXXIV, август. – С. 56-60.

В университете пока не произошло ничего интересного. Наука продолжает сохранять свой бессодержательно-холодный характер, новые правила с их суждениями все более и более продолжают входить в силу; вновь назначенный инспектор студентов все расширяет свою власть и злоупотребляет ею; наконец в последние дни распространились грустные и упорные слухи о подаче в отставку ректора Бекетова и еще нескольких хороших людей из числа профессоров.

Лекции идут своим обыкновенным, сухим и безынтересным чередом. Об одной выдающейся лекции могу я только сообщить тебе: это была вступительная лекция профессора Бестужева-Рюмина, которой он начал свой специальный курс русской истории на старших курсах нашего факультета. Эта лекция была посвящена памяти Сергея Михайловича Соловьева. Я уже писал тебе о лекции профессора Миллера по тому же предмету. Та лекция отличалась, главным образом, теплотой отношения к покойному, последняя – гораздо выше, кроме теплоты и прочувственного отношения, Бестужев-Рюмин глубоко и серьезно вдумался в жизнь, развитие и научное направление Соловьева. Сначала он представил параллель между Соловьевым и Грановским, указал на общую их черту – старание отыскать в исторической науке нравственную сторону. Затем рассказал его биографию и очертил те влияния, под которыми развивались взгляды Соловьева. Потом он пришел к университетской деятельности Соловьева. Он сам был в числе его слушателей, и образ Соловьева-профессора, как живой, предстал перед нами. Говорил Бестужев с воодушевлением, так что чувствовалось то нравственное возвышение, которое я ищу во всех профессорах нашего университета, и которого до сих пор не нахожу. Я думал, что Бестужев всегда читает так живо и увлекательно, и решил слушать постоянно его специальный курс, но оказалось, что читает он вообще довольно скучно. Да, все посредственности читают у нас в университете. А сколько можно было бы найти выдающихся людей – Костомаров, Стасюлевич, Пыпин, Кавелин и т. д.

Посещал я лекции лишь немногих профессоров, более импонировавшим своим словом. Интересовался я первый год особенно курсом К. Н. Бестужева-Рюмина из русской истории и О. Ф. Миллера по народной словесности. Еще привлекали меня замечательным остроумием лекции маститого И. И. Срезневского, читавшего введение в филологию. Слушал я большие юристов В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова. Они дали много для ознакомления с постановкой гуманитарных наук. Свои историки привлекли не сразу. Ф. Ф. Соколов, профессор древней истории, доступен и ценен был для специалистов; начинающих он отталкивал бесформенным нагромождением фактов. Огромной его учености и часто выдающейся исследовательской sagacité мы разобратить не могли и тяготились его преподаванием, как обузой. В. Г. Васильевский также труден

был для дебютантов, и требовалось преодолеть его тяжелую дикцию, чтобы понять его глубокие знания, замечательную научную силу, самостоятельность и внутреннюю красоту построения. Я начал притягиваться к нему лишь со второго курса и только мало-помалу уразумел крившегося в нем первоклассного ученого и профессорский дар. Философ М. И. Владиславлев привлекал меня предметом психологии (вначале я больше всего ей и занимался, хотя неумело и нескладно), но отверщал грузной тяжестью изложения и схоластической мертвенностью постановки курса.

Я приступаю к преподаванию всеобщей истории в университете. В двух названных понятиях – «университет» и «всеобщая история» именно и кроется вся трудность и ответственность моей задачи.

Университет – учреждение и ученое и воспитательно-образовательное. Университетскому преподавателю надо быть и исследователем и общественно-педагогическим деятелем. Он должен своим трудом содействовать отысканию истины. Но он должен в то же время возвещать и выяснять ее перед слушателями, а также способствовать развитию их мировоззрения, с одной стороны, укреплению в них гражданского и нравственного чувства, с другой. Это задача нелегкая, посильная лишь человеку, который сам крепок в научных знаниях и непоколебимо тверд в убеждениях.

Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860-1941). – СПб., 2004. – С. 124-125, 151, 225

Первый раз я увидел Владимира Сергеевича в Петербургском университете в день его докторского диспута, когда он защитил свою диссертацию «Критика ответственных начал». Это было в начале весеннего полугодия 1880 г. В философии я тогда смыслил очень мало, был первокурсником, но стремился к ней с особым рвением... В Соловьеве импонировала его манера говорить – глаза и голос (проникновенная наружность) – дышавшая убеждением – привлекала и очаровывала. Его выступление произвело сильное впечатление на студенчество. Начали рассказывать о его своеобразной религиозности, почти подвижнической жизни и совсем особенном таланте мыслителя... На следующий год Соловьев долго не начинал, но 20 ноября приват-доцент Владимир Сергеевич Соловьев прочел вступительную лекцию к своему специальному курсу философии. Студенчество заволновалось, не только филологи, но и юристы и естественники повалили на лекцию, как на нежданную новинку... Актальный зал был переполнен слушателями. Лектор едва пробрался до кафедры. Первое чтение, по его выражению, было посвящено «историческим делам философии». Читал он не очень хорошо (по готовой рукописи на больших листах). Но содержание было свободное и глубокое. Закончил он лекцию словами: «Если кто из вас захочет посвятить себя философии, пусть он служит ей смело и с достоинством, не пугаясь ни туманов метафизики, ни даже бездны мистицизма; пусть он не стыдится своего свободного служения и не умаляет его, пусть он знает, что занимаясь философией, он занимается делом хорошим, делом великим и для всякого мира полезным».

Владимир Сергеевич вызвал настоящий восторг. Содержание его лекций было необычайным: проникновенно органически соединялись проблемы научной философии с религиозными вопросами. Вокруг нового лектора начались пересуды: одни относились к

нему с любопытством и называли «фигляром», другие – восхищались чудесной одаренностью.

Наши профессора мало заботились о сближении с нами – все ограничивалось чтением лекций. Соловьев показал другое отношение: предложил устраивать после лекций беседы о прочитанном, чтобы убедиться насколько понятно его слово, чтобы ответить на возникавшие вопросы. Сначала все складывалось нескладно: он оставался на кафедре и ждал, сразу никто не решался; он сам ставил вопросы; отзывались робко и с колебаниями; но он не приходил в уныние и настаивал на своем; мало-помалу беседы разгорались и собеседники приобретали смелость. Молодые позитивисты, материалисты и политические радикалы вносили в своеобразные диспуты горячий задор и самоуверенный догматизм юности... Профессор относился ко всему с бесхитростной простотой, в нем была мягкая и гуманность умственной силы по отношению к бродящей и блуждающей мысли молодежи.

Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860-1941). – СПб., 2004. – С. 128-129.

Основа его [О. Ф. Миллера] замечательности (он поистине был замечательный человек!) крылась в том, что душа его – так следует сказать, исходя из той веры, какая воодушевляла его, - полна и жива была Богом, и такое соединение его с высоким ликом абсолютного существа лучилось ярко и нерушимо в больших и малых актах его жизни. То не было наложенное на себя послушание или служение божеству. А именно «исполнение» (плерома) внутреннего человека высшим началом. Такое религиозное озарение «Духом Божьим» делало всю его духовную сущность бесподобно цельной в ее всегда активной чистоте. Это именно свойство придавало – решаюсь сказать – величие его фигуре. Маленький ростом, сутуловатый, лысый, не обладавший могучим голосом, он однако глубоко импонировал тем, кто вглядывался в его, казалось, обыкновенные, близорукие, смотревшие через очки глаза, кто прислушивался к интонации его голоса, шедшего из большой души.

Ученый Орест Федорович был мало самостоятельный, подчинялся односторонним теориям, поддавался авторитету вождя школы, которой увлекался. Как писатель, он не обладал блестящим и властным языком, как оратор, иногда впадал, могло казаться, в напыщенный пафос... и тем не менее он должен быть сопричислен к самым выдающимся руководителям юношества. Он был учителем по призванию. Его одухотворял благородный идеализм, которым он заражал слушателей. Лекции его, всегда тщательно обработанные, отличались и фактической содержательностью, и глубокой идейностью, постоянным исканием истины, не одной истины, но и блага. «Нравственная стихия» являлась присущим ему любимым влечением, выраставшим в своеобразный талант, сообщавший оригинальность приемам и построениям. Орест Федорович был славянофилом, но в духе старых основателей доктрины, чуждых официальной народности. Он любил родину настоящей пылкой привязанностью, всем сердцем стоял за свободу и право народа, в общинности, демократизме («народосоветии») старой Руси, любви и братстве, находил руководящий устой и для России будущего. В далекой старине и в великих писателях современности видел он воплощение заветов христианства и залогов его полного раскрытия в грядущем народа русского, в славу которого он верил

незыблемо, светло и свято. Все курсы его были согреты неподдельным народолобием: им обуславливались и план, и выбор материала, и тип разработки.

Проникновение профессорского слова с кафедры религиозной верой, моральным подъемом, применение высшей истины к постройке личной жизни и объяснению народной души, в те времена, как постоянный глас призывающего к добру колокола, слышались нами только из уст Ореста Федоровича. Это окружало его личность особым ореолом, если не в глазах массы, ибо студенческая толпа была безрелигиозна и мало патриотична, то все же в широких кругах, искавших нравственного просветления. Необычайно было в Оресте Федоровиче полное соответствие реального человека в его житейской повседневности с профессором-учителем в аудитории. Он был безгранично добр и доступен (Евангельский человек»). Его дом, его достояние, а главное (что особенно редко), его душа была открыта денно и нощно для всякого просящего материальной помощи, делового или научного совета, нравственной поддержки или утешения.

...Поразительно было в Оресте Федоровиче отсутствие диссонансов, тщеславия, властолюбия, насмешливости, ханжества или аффектации, но также минутного раздражения, невнимания или усталости. Он покорял мирной гармонией, царившей в его неутомимо деятельном существе. Что-то наивно-детское и вместе бесхитростно-мудрое обитало в недрах его духа, кротость голубиная и твердость сознательной веры человека, знающего, куда идти, других ведущего, умеющего сказать строгое слово уклоняющемуся, не теряя благожелательства и любви.

Гревс И. М. В годы юности // Былое. – 1918. - № 12, кн. 6. – С. 64-66.

... поднимается в памяти лицо Владимира Ивановича Вернадского. Уже тогда он был определенно выраженный, очевидно, очень талантливый будущий научный исследователь, натуралист-экспериментатор, но с философской складкой ума, со склонностью даже, казалось мне, к спиритуализму. Последнее влекло меня к нему: он рисовался близким, несмотря на далекую специальность. Он живо интересовался гуманитарными науками, историей, правом, религией. У него образовались очень раскинутые вкусы, и он приобрел большие разнородные знания. Начитанность его была поразительна. Он одарен был способностью умно прочитывать трудную книгу с необычайной быстротой, и особый стол у него был завален множеством очередных томов, не залеживавшихся понапрасно. К постоянной напряженной жизни мысли Вл. Иванович Вернадский привык уже в гимназии. В университете же он раскрывал положительно редкую рабочую силу, - достиг удивительного уровня научной подготовки и думая, работал уже самостоятельно. Полный, розовый, сдержанно-приветливый, улыбающийся и наружно-тихий, он смотрел на людей с уравновешенным, критическим вниманием. Но в движениях его чувствовалась нервность, в словах и тоне проглядывала легкая насмешливость, в действиях иногда род задора. Говорил он неровно, путаясь, не доканчивая фразы, бросая мысль и переходя к другой, завершая улыбкой, которая прикрывала многоточие; но в необработанной речи ощущалось внутреннее лицо, даже вскрывалось упорство формы. Вернадский слагался ярко выраженным индивидуалистом; но он не был никак противообщественным и отнюдь не походил на скептика. В мягких светлых глазах из-под очков просвечивало некоторое «себе на уме» малорусского типа (он настойчиво именовал себя украинцем). Он умел промолчать в сложной коллизии фактов и отношений, постоять, посмотреть, как будет, не идя на опрометчивый шаг или наивно-прямолинейный поступок; но то была не хитрая уклончивость на эгоистической подкладке, а умное воздержание при понимании трудности положения,

нежелании попасть впросак. Неуступчивый, но и неприхотливый. Он являл себя иногда упрямым в разных любимых пунктах, но не капризничал по мелочам. Он был ценный друг, умеющий, если захочет, войти в другую душу. Он еще студентом соприкасался с некоторыми (довольно видными) революционерами; в нем пробуждены были политические стремления, но свободу своего духа от радикальных шаблонов он умел сохранить. Он был критик и идеалист. Помню, как впервые я внимательно всмотрелся в Вернадского, когда, идя раз с Ольденбургскими по набережной Невы на Васильевском острове, мы встретились с ним. Остановились, и они вступили в долгий разговор. Я больше глядел и слушал, и ясно тогда почувствовал в нем без треска искрившееся многообразное содержание души, благие свойства которой, еще не слившиеся, однако, уже энергично взаимодействовали. Еще помню, на меня сильное впечатление произвела его комната в квартире. Где он жил с матерью на Надеждинской: темная, в нижнем этаже, во дворе, она заставлена была книгами и какими-то научными приборами. Единственное окно закрыто было почти все большой клеткой с разными птицами: представлялся невольно кабинет алхимика. Полный тайн и чудес.

Гревс И. В годы юности // Былое. – 1921. - № 16. - С. 144-145.

Чешихин Василий Евграфович (псевд. Ч. Ветринский)

1866-1923

Литературовед, публицист, журналист. Выпускник физико-математического факультета Петербургского университета (1888)

При входе через главный подъезд направо, студент попадал в общую студенческую шинельную (впоследствии обращенную в юридическую, так как нашли нужным отделить юристов от филологов и студентов физико-математического факультета). В конце длинной и насквозь прокуренной шинельной был вход в студенческую читальню, закрытую в 1887 г.

В первой комнатке на столе были разложены каталоги, около которых почти всегда была давка. Книги брались из читальни нарасхват, и требовательные листки приходилось писать десятками. Тому, что книги брались так усердно, кроме хорошего состава библиотеки, содействовало то обстоятельство, что студенческая читальня, как не публичная, не подошла под известное распоряжение 1884 года об изъятии из библиотек целого ряда сочинений.

... Во второй и третьей комнатах, впоследствии соединенных в одну, на столах были разложены газеты. Их читали в залах. Перед открытием читальни у ее дверей неизменно скоплялась уже толпа, жадно бросающаяся на свежие газеты и журналы.

...Закрытие читальни сразу образовало чувствительный пробел в студенческой жизни: она была поистине живой связью между университетом и внешним миром, приучая студентов читать не одни курсы лекций, противодействуя бесплодной и узкой специализации. Петербургский университет по характеру самого здания носит довольно резкий казенный отпечаток. Он не чувствовался в читальне, где на стенах висели не одни правила, а и портреты – Кавелин в огромном траурном венке, который возложен был на его могилу от студентов и др. Здесь же висел предсмертный автограф Некрасова, посвященный студентам Петербургского университета, писанный карандашом,

неразборчивый... У меня уцелели в памяти только две рифмы из начала стихотворения: «недуг» и «читатель-друг».

Каждую осень в день открытия университета всякий новый студент всего прежде знакомился с тогдашним ректором, с незабвенным Иваном Ефимовичем Андреевским: после обычного молебна он говорил приветственную речь. Слушатель быстро осваивался со своеобразной дикцией оратора, вроде иностранной; восторженные аплодисменты, которыми «старые» студенты встречали своего кумира, подогревали новичка, и без того настроенного к возвышенным чувствам первым приходом в храм науки. Увлекательная речь, говорившая о свободной и единой науке, об искании истины, о служении ей, сразу завоевывала новичка, и он уходил домой, уже очарованный ректором. Если вскоре после того являлась надобность к каким-нибудь объяснениям, просить об отсрочке платы и т. п., новичок влюблялся в ректора. Иначе трудно назвать восторженное настроение, с каким почти все говорили об этом человеке.

...Андреевский оставил ректорство в 1887 г. вследствие события, которого он конечно не мог ни предусмотреть, ни предвидеть. Всем, кто присутствовал при речи его по поводу этого события, живо памятна не поддающаяся описанию сцена в большой университетской зале, битком набитой едва ли не всеми студентами университета, полной напряжения. Кто знает, так ли мирно окончилась бы она, если бы на кафедре был человек менее уважаемый и любимый, а Иван Ефимович Андреевский, и какие последствия повлек бы за собой скандал.

...Андреевского сменил тоже покойный уже Владиславлев, которому было поставлено задачей подтянуть университет. Нечего и говорить, что после Андреевского, кто бы ни был назначен на его место, всякий мог рассчитывать на холодный прием. Речь Владиславлева при открытии университета была выслушана десятком студентов в гробовом молчании. Лично Владиславлеву приписывали все подтягивающие меры. Известный скандал с «психологией» нового ректора, в которой мерой уважения к людям объявлялся получаемый ими доход, подорвал окончательно уважение к Владиславлеву, и зимой разыгралась студенческая «история».

...Вспоминая про покойников-профессоров, с грустно-отрадным чувством представляешь себе коренастую фигуру маленького человека с полуседой бородой, с огромным лбом, переходящим в лысину, с ласковым живым взглядом, с ровной речью, раскатывавшейся на букве «р». Орест Федорович Миллер не был ни выдающимся литератором, хотя печатался нередко, ни выдающимся профессором, но это был в лучшем смысле слова рядовой работник в своей области, и он работал не только за страх, но и за совесть. Его лекции по русской литературе посещались не особенно усердно, но в выдающихся почему-либо случаях в его аудиторию, обыкновенно небольшую, набивалось много народа и с других факультетов и курсов.

...Студентов к Миллеру привлекала столько же, сколько всегдашняя искренность его убеждений, его безграничная доброта, простодушная и естественная готовность во всякую минуту делиться с бедняком последним: евангельски незлобивый этот в лучшем смысле слова прекраснодушный человек все симпатии свои, которые иные расточают в узком кругу семейных привязанностей, перенес на учащуюся молодежь: она и заменила ему семью.

...Нельзя не упомянуть здесь же о лекциях по новой русской истории Василия Ивановича Семецкого, читанных им в 1886 г. и всегда привлекавших массу слушателей. Молодой лектор, точно сидя у себя в кабинете, рассказывал слушателям, не прибегая ни к каким ораторским приемам – без всякого пафоса – главнейшие факты и черты царствования Екатерины II, Павла, Александра I, преимущественно относящиеся к истории

крестьянского вопроса: это была руководящая нить всего курса. Самая тема, до тех пор рассматривавшаяся лишь в журналах, глубоко захватывала студентов; в безыскусственном рассказе об общественных и умственных течениях названных эпох факты группировались так умело и с таким выбором, что сами ложились в головы восхищенных слушателей и возбуждали в них живой интерес к себе. Безошибочно можно сказать, что многие из сторонних слушателей лектора обязаны всецело ему направлением своего умственного развития.

Массу слушателей привлекал в начале учебного года на первые свои лекции профессор Менделеев, читавший общий курс неорганической химии естественникам и математиками и оставивший ныне университет. В этой массе бывало немало и посторонних студентов. Потом оставались одни постоянные слушатели. Много народа опять набиралось тогда, когда профессору предстояло читать о том, что создало ему всемирную знаменитость, об открытой им периодической системе химических элементов. Эта лекция, как и первая, неизменно заканчивалась шумными аплодисментами, от которых профессор уходил в свою лабораторию, досадливо отмахнувшись рукой или сострив что-нибудь насчет ребячества молодежи. Дмитрий Иванович читал всегда, хмурясь и негодую как будто с трудом справляясь с конструкцией своей речи, тяжеловесной, со многими повторениями и вставочными предложениями. Он говорил, точно медведь валит напролом через кустарник, так он напролом шел к доказываемой мысли, убеждая нас неотразимыми доводами. Впечатление, какое на меня всегда производили его лекции, я могу сравнить только с впечатлением от последних сочинений Льва Толстого: та же безграничная убежденность в том, что говорит каждый, и то же глубокое пренебрежение к внешней красоте фразы. Разница, конечно в том, что у Менделеева, в подтверждение всего высказываемого им по химии, тут же был наготове неотразимый факт в виде опыта. Вообще в экспериментальном отношении лекции Менделеева были блестящи и обыкновенно проходили без сучка и задоринки.

...Курс Менделеева заканчивался обыкновенно тем, что после заключительной лекции все присутствовавшие на ней шли в лабораторию и здесь просили профессора ввиду постоянно ходивших слухов, что он вот-вот покинет университет, не делать этого, что профессор торжественно и обещал. В доказательство того, как горячо относились студенты к Менделееву, достаточно сказать, что по одному его слову передать жалобы студентов по адресу, моментально расходились сходки: что сказал Менделеев, то он для университета сделает, таково было всеобщее убеждение.

Ветринский Ч. Из недавнего прошлого С.-Петербургского университета (Из воспоминаний бывшего студента ко дню 8-го февраля) // Новое слово. – 1895. - № 2. – С. 152-164.

Срезневский Всеволод Измаилович

1867-1936

Историк литературы, археограф, библиограф. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1890)

«В преподавании своей науки, - читаем в воспоминаниях Л. Н. Майкова, бывшего учеником Измаила Ильича, - он увлекал живостью, ясностью и простотой изложения, наглядными подробностями и неподдельным воодушевлением, которое от профессора

легко сообщалось и студентам; и этот интерес, эта сила впечатления еще возрастали в личных с ним сношениях: он умел приохотить к занятиям и старался возбуждать в своих слушателях самостоятельность; его критическая пытливость в особенности оказывала развивающее влияние на тех, кто пользовался его руководством, и если он бывал требователен в рассмотрении представляемых ему работ, то вместе с тем находил и слово поощрения и ободрения для тех, в ком видел способности и охоту к научному труду». По словам другого ученика Измаила Ивановича, П. И. Аландского, «изложение его отличалось ясностью, точностью, определенностью, без малейшего намека на прикрасы; он не старался поражать слушателей громадностью фактических данных, и представлял им не многие, но точные данные науки». Будучи на лекциях гораздо откровеннее, чем в ученых печатных трудах, говорит слушатель Измаила Ивановича Я. Ф. Краснопевцев, он нередко сообщал такие научные мнения, каких не высказывал в печати; при этом всегда «открещивался от навязывания» им своих взглядов, «всегда сообщал и мнения противоположные».

Об отношении Измаила Ивановича к студентам припоминает в своем биографическом очерке В. И. Ламанский, тоже ученик его, потом товарищ по кафедре. «К молодежи, - говорит он, - Измаил Иванович всегда относился с великим участием, а если замечал в молодом человеке искреннюю любовь к науке и дарование, то даже с увлечением; в то время, когда его сверстники – старики в одних с ним чинов и орденов, о Чернышевском и Добролюбом иначе не отзывались как с ненавистью и негодованием, Измаил Иванович прямо говорил об их уме, даровании и образованности». Некоторые из наиболее ценимых им студентов, особенно те, у которых не было семьи в Петербурге, бывали им приняты в его семейном кругу как свои. Эта близость нередко и продолжалась и после того, как студенты кончали курс...

Профессорская деятельность Измаила Ивановича в Петербургском университете продолжалась в течение 33 лет, с января 1847 по январь 1880 г.; последние лекции были прочтены им дома, так как он уже не в силах был ездить в университет.

Университетская жизнь слилась с жизнью самого Измаила Ивановича, сделалась ее неразрывной частью. Помимо научно-учебной деятельности в университете у него была и иная деятельность: до самой смерти состоял он деканом факультета, таким образом неперменным членом правления; в 1861 г. в одну из тяжелых минут жизни университета, исправлял должность ректора; в 1862-1863 г. состоял членом комиссии по управлению делами университета. Эта сторона деятельности, далекая от науки, связанная с обязанностью иметь дело с ненавистным ему чиновничеством, «приказными» (как он их называл), много отняла у него сил и здоровья и значительно способствовала развитию жестоких нервных страданий. В особенности тяжело ему бывало бороться против официально-полицейского отношения к студентам, к которым он сам относился строго, но сердечно. Сердечность эта чувствовалась молодежью и находила среди нее благодарный отклик; Измаил Иванович вспоминал, как оберегали его студенты от возможных случайностей, когда во время университетских волнений ему приходилось в качестве официального лица бывать среди возбужденной толпы.

Срезневский В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. – Пг., 1916. – С. 36-39.

Перетц Владимир Николаевич

1870-1935

Филолог, историк литературы, педагог. Профессор Петроградского (Ленинградского) университета, академик Петербургской Академии наук. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1893)

Как профессор, Александр Николаевич сразу вводил слушателей в научную работу, не спускался до них, как это бывает порою с ищущими популярности преподавателями, а старался поднять слушателей до себя. Первою его задачей было создать учеников. Он понимал, что их искусственно нельзя создать, ни купить стипендиями и командировками. Величайший из русских ученых филологов и единственный из историков всеобщей литературы по широте познаний и силе научного творчества – Александр Николаевич был врагом бесплодных теоретических разговоров на темы об –измах, не опирающихся на солидный фундамент точных фактов и наблюдений. Александр Николаевич не смущался тем, что в университете на созданном им германо-романском отделении было немного слушателей; он не гнался за толпой, да и не мог иметь многочисленной аудитории – он достиг лучшего и более важного: его идеи имеют верных пропагандистов и продолжателей в ряде учеников, из которых назовем хотя бы Жданова, Батюшкова, Ланге, Брауна, Аничкова, гр. Де-Ла-Барта, Петрова, Тиандера, Гливенка, Шишмарева, Евлахова и других, которые являются посредниками между ним и публикой. Как человек, А. Н. отличался крайней простотой; несколько трудно было его заставить, но тот, кому удавалось похитить у покойного профессора несколько времени для беседы, выносил из нее много нового и интересного. А. Н. был совершенно чужд педантизма, который порою считается признаком истинной учености; он не разделял предрассудка, согласно которому «профессор должен все знать»: порою в ответ на вопрос, вопрошавший получал: «я почему знаю, я не занимался этим». Но там, в тех областях, которые его интересовали, А. Н. являлся неутомимым разыскателем истины, строгим и придирчивым прежде всего к самому себе. Более всего ненавидел он догматизм и тупое отворачивание от смелой мысли, если она исходит не от «авторитета». И его искания, владевшие его душой, несмотря на ее «расторженность», - воодушевляли и его слушателей и учеников, которых он на своих лекциях и на рефератах в нефилологическом обществе держал au courant, и были путеводной звездой для их собственных юношеских работ.

Вспоминая об А. Н., я не могу миновать той особой черты его, которая меня лично в юности поражала и смущала – юношеской подвижности его души и ума. Это был по своему складу как бы человек эпохи Возрождения, сверкавший какою-то ясной, вечной молодостью духа. В вечном кипении он выпускал в свет до самой смерти новые работы, богатые новыми идеями. Кто видел его пламенные черные глаза, его жгучий пронизательный взор, оживленный и искрящийся изящным умом – тот никогда не забудет этого, скажу «Моцарта» в науке, расточавшего с блеском свои идеи, и никогда

зависть холодных «Сальери» не поколебнет великого памятника, созданного покойным ученым и нашим учителем.

Перетц В. Н. А. Н. Веселовский как профессор и преподаватель // Чтения исторического общества Нестора летописца. – Киев, 1908. – Кн. 20, вып. 2. – С. 27-29.

Никифоров Николай Константинович

Журналист, сотрудник газеты «Варшавский дневник». Выпускник Петербургского университета.

Вл. С. Соловьев начал читать лекции в Петербургском университете, если не изменяет мне память, в 1880-м году. В то время в обществе и среди учащейся молодежи еще не улеглось увлечение естественными науками, вспыхнувшее так бурно в 60-х годах. Естественное отделение физико-математического факультета было в Петербургском университете самое многочисленное и сосредоточивало в себе самых выдающихся профессоров того времени: тут были Менделеев, Сеченов, Вагнер, Менишуткин, Бутлеров, Иностранцев, Фаминцын, А. Бекетов (ректор университета). Господствуя и по количеству студентов, и по числу профессоров с европейской известностью, естественное отделение сообщало свой дух и тон всему университету. В полном соответствии с общественными симпатиями к «реальным знаниям» и со всеобщим отвращением к затхлому классицизму, бывшему тогда в полном разгаре, подавляющее большинство студентов считало настоящими науками только естественные, а все остальные – лишь «терпимым художеством». Впрочем, на юридический факультет студенчество, в общем, смотрело еще более или менее снисходительно: там читалась политическая экономия, трактовавшая, между прочим, о социализме. Безусловное, не терпящее возражений презрение внушали науки историко-филологического факультета. На этот злосчастный факультет переносилась массой студенчества вся та ненависть, которая возникала в гимназиях к древним языкам. В среде естественников слово «филолог» было почти бранным. С этим словом у огромного большинства петербургского студенчества соединялось представление об ограниченном, тупом зубриле и будущем учителе-Молчалине. Все филологи, по мнению господствующего большинства, непременно должны были быть «бонапартистами». Не лучшего мнения о филологических науках были и профессора физико-математического факультета. Так, когда к одному из них обратился за советом первокурсник филолог, колебавшийся между филологическими и естественными науками, то профессор окинул его презрительным взглядом и, по-видимому, даже обидевшись сопоставлением филологического факультета с физико-математическим, брезгливо произнес: «У каждого, милостивый государь, свои вкусы: одного влечет к точным знаниям, а другой предпочитает копаться в куче навоза». Даже юридические науки один из профессоров-естественников называл «кляузническими».

Но если в презрении были филологические науки, то философия – или метафизика – в глазах подавляющего большинства студентов являлась прямо одним из видов умственного разврата. Сказать: «занимаюсь философией», значило почти то же самое, что сознаться в занятии, например, порнографией.

...Однако, было бы ошибкой предположить, что командующее большинство петербургского студенчества ничего, кроме естественных наук, не признавало. Студенты того времени смотрели на лекции только как на руководящий материал. Считалось, например, почти неблагоприятным готовиться к экзамену только по лекциям или учебникам: надо было «прихватить» хоть немного «литературы предмета». Главным делом считалось самообразование, являвшееся как бы одним из элементарных требований студенческой порядочности. Поэтому, говоря вообще, студенчество читало много; кружки самообразования были очень распространены, почти в каждом из них были свои кружковые «философы» и «мыслители», иногда даже из бывших студентов, из тех, кто уже побывал «в народе».

... Уже из того, что выше сказано об идеологии большинства студенчества, ясно, что профессор философии мог в петербургском университете рассчитывать на успех разве среди крайне немногочисленной группы филологов. По-видимому, еще менее шансов представлялось такому «мистику-аскету», каким считался в то время Вл. С. Соловьев. Ко времени появления его в университете идеология студенчества приняла, притом, формы еще более враждебные мирным занятиям философией. Эта была эпоха страстного идеализма и фанатического народолюбия, эпоха горячих споров между чернопеределцами и народовольцами.

... В эту именно пору появилось в университете объявление ректора, гласившее, что в такой-то день доктор философии Вл. С. Соловьев прочтет вступительную лекцию. Естественники, считавшие себя призванными стоять на страже достоинства и чести университета, насторожились. Пошли справки: что за Соловьев? Оказалось, что это «тот самый», который печатно выступал «против позитивистов». Этого было довольно. В приглашении такого профессора естественники увидели вызов всему их факультету. Против позитивистов – это значит против естественных наук! В университет выслан комиссар для того, чтобы бороться против спасительных точных знаний и «одурманивать мозги метафизикой»!

Решено было выслушать эту вступительную лекцию и после нее так «проучить» новоявленного «апостола мракобесия», чтобы не только ему, но и другим врагам позитивизма впредь неповадно было выступать в петербургском университете.

И вот, назначенный для лекции день настал. Университетское начальство, ничего не подозревая и зная, что кроме филологов лекцией философа никто не заинтересуется, отвело для нее одну из филологических аудиторий, как все они в то время маленькую и тесную. Но в эту аудиторию неожиданно повалили густые толпы естественников. Начальство, недоумевая, откуда явился неожиданный интерес к «метафизике», распорядилось отвести самую большую аудиторию в университете, в которой обыкновенно читал составляющий гордость университета Д. И. Менделеев.

Тотчас началась стремительная перекочевка студентов в «менделеевскую» аудиторию. ... Обширная, устроенная амфитеатром аудитория была переполнена; все волновалось и кипело. Опытный взгляд тотчас заметил бы, что тут затевается что-то особенное.

Но все разом смолкло. Сотни глаз устремились на вошедшего в аудиторию и направлявшегося к кафедре еще молодого человека в скромном пиджаке. Бросилось в глаза его прекрасное, одухотворенное лицо, продолговатое, бледное, с немного впавшими щеками, с небольшой раздвоенной бородой и в рамке густых черных волос, падавших кольцами на воротник. Большие темно-голубые глаза, с густыми, широкими черными бровями и длинными ресницами, были как бы застланы мистическим туманом. Это был Соловьев.

Студенты имели обыкновение встречать каждого нового профессора аплодисментами, которые и на этот раз раздались было со стороны филологов, но тотчас, как в море, потонули в яростном шиканье естественников.

Соловьев, как будто ничего не замечая, обвел волнуемую аудиторию лучистым взглядом и начал свою вступительную лекцию тихим, но твердым голосом. И чем далее, тем голос его крепчал более и более, становился звучным, вдохновенным, властным....

В неслыханных еще выражениях, как пламенный пророк, возвещал новый лектор христианские идеалы, непобедимость любви, покоряющей Смерть и Время, презрение к миру, лежащему во зле. Он рисовал жизнь как подвиг, цель которого – в возможной для смертного степени приблизиться к полноте совершенства, явленной Богочеловеком и обещающей обожествление человечества, царство мировой любви и вселенского единения.

Невозможно даже приблизительно передать ту силу воодушевления, то обаяние высшего красноречия, с которым все это говорилось. Именно так и на такие темы в университете еще никто не говорил.

Вдохновенный голос умолк. Несколько мгновений тишины и вдруг – гром рукоплесканий! Аплодировала вся аудитория – и естественники, и юристы, и филологи. Это были ликующие, восторженные аплодисменты.

...Успех и популярность нового лектора возрастали с каждой лекцией. Дело иногда доходило до того, что для лекции Соловьева открывали актовый зал университета. Так как самая обширная аудитория уже не могла вместить всех его слушателей.

...В чем же, наконец, заключалась тайна успеха Соловьева в Петербургском университете? Прежде всего, что он читал?

Сконфузившиеся на вступительной лекции естественники, оправдываясь друг перед другом, утверждали, что Соловьев прочел лекцию совсем не по «метафизике». Они были правы в том отношении, что как вступительная, так и все последующие лекции нового профессора действительно были очень далеки от «метафизики». Это была философия нравственная, в основе которой лежало учение Христа.

Многое из того, что составляло содержание лекций Соловьева, вошло впоследствии, конечно, в более обработанном и развитом виде в изданные им книги: «Оправдание Добра» и «Духовные основы жизни».

Новизна тем, разумеется, могла привлечь немало слушателей, однако, дело было не в этом. Неслыханным новшеством в университетской жизни явилось также предоставленное Соловьевым всем студентам право диспутировать с ним по окончании каждой лекции. Он явился новатором не только по существу читанных им лекций, но и по методу преподавания. Это нововведение заинтересовало многих: одни студенты, из непримиримых, шли на лекцию Соловьева единственно с тем, чтобы, пользуясь правом диспутирования, «разбить метафизика в пух и прах» и тем спасти товарищей от его, по их мнению, вредного влияния. Другим было любопытно послушать эти небывалые диспуты между профессором и студентами. Наконец, третьи, пользуясь тем же правом, задавались целью выяснить волновавшие их религиозно-философские вопросы и более основательно уяснить себе самое содержание выслушанной лекции.

...Главнейшей притягательной силой лекций Соловьева оказалась сама его личность.

...На кафедре Соловьев не читал лекции, но властно учил, как вдохновенный пророк. И уже одно это производило огромное впечатление... Популярность Соловьева среди студентов быстро возрастала. Он приобретал уже тот авторитет, без которого немислимо учительство и сколько-нибудь серьезное влияние на слушателей. И не подлежит сомнению, что если бы Соловьев удержался в университете достаточно продолжительное время, то в значительной степени видоизменил бы идеологию большинства студентов.

Никифоров Н. Петербургское студенчество и Владимир Сергеевич Соловьев // Вестник Европы. – 1912. - № 1. – С. 157-186

Варнеке Борис Васильевич

1874-1944

Филолог-классик, историк театра. Выпускник историко-филологического института (1898)

Звали его мы между собой Федькой, а в лучшем случае Федей [Соколов Федор Федорович]. Но зоркий наблюдатель среди этих и насмешек, а подчас и проклятий мог бы в то же время подметить чувства и уважения перед необъятными знаниями и трудолюбием, и гордости работы для такого учителя, оказавшегося на экзаменах, при всей случайности этой лотереи, и справедливее, и мягче, и ласковее многих своих коллег. У меня лично эти чувства все росли. Некоторая подготовка к ученому чтению позволяла и любоваться, и наслаждаться тонкостью разбора древних текстов, умением извлечь нужные краски и из Аристофана, и из Феокрита, из схолий и какого-нибудь Гесихия или Свиды.

И все-таки, забегаю вперед, скажу, что по сей день из всех русских историков я Ф.Ф. Соколова одного могу поставить рядом с В.О. Ключевским: они оба видели живым прошлое, дышали его духом и сливались с тогдашними интересами вплотную, тогда как все остальные лишь мудрствовали по-своему над для них самих мертвыми страницами древних источников.

Варнеке Б. В. Старые филологи // Вестник древней истории. – 2013. - № 4. – С. 123-125.

На том же втором курсе нам начал преподавать и Ф.Ф. Зелинский; все студенты преклонялись и перед его ученой славой, и перед блеском изложения, и перед разносторонней широтой образования. Печатные нападки на него Модестова¹⁸⁰, Крашенинникова¹⁸¹ не могли ни на вершок понизить его значение в глазах студентов: слишком хорошо они видели его достоинства и уважали, несмотря на крайнюю его требовательность. Сама наружность невольно располагала к нему: высокий, сильный альпинист, с пламенными очами на высоко поднятой голове, он являлся в нашей серенькой среде каким-то выходцем из галереи героев Sturm- und Drangperiode¹⁸². Убежден, что в любой, даже самой избранной среде, он явился бы отмеченным особыми дарами. На лекциях эта одаренность проявлялась во всем: величая художественность построения каждой лекции, полное отсутствие всяких конспектов и шпаргалок, знание на память множества стихов из Горация, целиком всех трех трагиков и Аристофана, – это подавляло студентов; умение всякий вопрос поднять на значительную высоту общекультурного значения придавало изложению особый интерес...

Позже, когда он на четвертом курсе поручил мне готовить словарик для Маништейна¹⁸⁵, я стал бывать у него, и благоговение мое только увеличивалось от всей его обстановки, начиная с стоявшего так уместно у его двери бюста Зевса Отриколи¹⁸⁶ – вы действительно через нее вступали к олимпийцу, и кончая громадной библиотекой, непрестанно пополнявшейся новинками, над которыми работал хозяин.

Варнеке Б. В. Старые филологи // Вестник древней истории. – 2013. - № 4. – С. 148-149.

... я считаю Ф.Ф. очень полезным и высоко заслуженным преподавателем. Из классиков в Петербурге он один способен был глубоко захватить интересом к древности молодежь и поднять ее преподавание над тем ремесленным уровнем, на котором держали его остальные филологи.

Варнеке Б. В. Старые филологи // Вестник древней истории. – 2014. - № 1. – С. 156.

Штернберг Лев Яковлевич

1861-1927

Российский и советский этнограф.

Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. Сдал экстерном экзамен при Петербургском Университете, от которого и получил в 1902 году диплом первой степени (по юридическому факультету). В 1917-1919 и 1925-1927 годах – профессор Петербургского университета.

«Это было в начале осени 1881-82 учебного года. Незадолго перед тем я, по окончании гимназии в Житомире, поступил на первый курс Петербургского университета... В каждом высшем учебном заведении имелся тогда своего рода форум, где в известные часы теснилась молодежь, разбившись на кружки, в которых часами с юношеской горячностью обсуждались вопросы дня или дебатировались теоретические проблемы революционной идеологии, и достаточно было малейшей искры, случайного острого повода, чтобы эти сотни кучек слились в единую, охваченную общим энтузиазмом массу и образовали, так называемую «сходку».

В других учебных заведениях таким форумом служили рекреационные залы или шинельные, в университете центральным форумом служил единственный в своем роде огромный, широкий, весь в окнах коридор перед аудиториями, растянувшийся на целую улицу вдоль всего фасада университета.

Начало учебного года, связанное с наездом массы новичков, было самым оживленным периодом жизни университетского форума. Новички толпились в коридоре, жадно ища связаться со «стариками», а «старики» с такой же жадностью старались проникнуть в среду молодежи, исполняя свою роль «ловцов людей». По всему коридору стояли кучки оживленно дебатующих новичков, среди которых затесывался такой старик-ловец. Не всегда легко было отличить «старика» от новичка, разница в одном, двух годах играла уже немалую роль.

Один из таких «стариков» обращал на себя общее внимание. Уже немолодой по студенческой мерке, лет 24-25 на вид, скорее похожий на начинающего ученого, чем на студента, со спокойной, уравновешенной речью; с улыбкой не то добродушной, не то насмешливой, он менее всего производил бы впечатление агитатора, если бы не большие, темные глаза резкого брюнета, которые время от времени загорались ярким огнем и придавали его красивому лицу пророчески-вдохновенное выражение.

Изо дня в день, в определенные часы, можно было видеть его стоящим у одного из окон коридора, окруженным молодежью, которая шумно, наперерыв осыпала его то вопросами, то возражениями.

Обычно он говорил спокойно, без жестов и горячности, коротко, продуманно, почти лаконично, и тем сильнее действовала его речь на слушателей, когда неожиданно загорались глаза и речь лилась неудержимым потоком.

Этот «старик» и был Альберт Львович Гаусман.

Лекций он не посещал, и часам к двум он обычно исчезал».

«В университете в то время, как и в других высших учебных заведениях, существовал особый конспиративный кружок, который носил название «Центральный Кружок Народной Воли». Члены его состояли в непосредственной связи с Комитетом партии и выполняли ее задания, поскольку они касались университета. На обязанности кружка лежала, между прочим, забота об организации среди студенчества кружков, из которых могли бы выработаться будущие работники и агенты партии. С целью массовой вербовки членов, равно как для ознакомления с революционными элементами и настроениями, применялся такой метод. Кто-нибудь из членов Центрального кружка при помощи студентов из ранее существовавших кружков под каким-нибудь предлогом затевал в коридоре сходку, которая привлекала в огромном количестве наиболее желательный элемент ново-поступивших. К концу сходки обыкновенно вносилось предложение организовать в кружки с тем, чтобы каждый кружок выбирал потом делегата в Центральную общеуниверситетскую организацию («Делегатское собрание»).

Тут же, на сходке, имевшие случай обменяться мнениями соседи уславливались собраться для организации кружка. Конечно, старые студенты, посвященные в затею Центрального кружка, старались попадать в эти новообразующиеся кружки. Вот и случилось, что в один и тот же кружок попал я, новичок, и Альберт Львович. Хотя

кружок составиля совершенно случайно, тем не менее все почти впоследствии приняли участие в революционном движении».

Штернберг, Л. Альберт Львович Гаусман (Из воспоминаний друга и товарища) // Якутская трагедия – 22 марта (3 апреля) 1889 года – Сборник воспоминаний и материалов. – М., 1925. – С. 84-86.

Тищенко Вячеслав Евгеньевич

1861-1941

Советский химик-органик.

Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1884). В 1884-1891 годах – лаборант Химической лаборатории Петербургского университета. В 1891-1907 годах – приват-доцент, 1907-1941 года – профессор кафедры химии. В 1912-1915 годах – проректор Петербургского университета, а в 1915-1918 годах – декан физико-математического факультета. В 1934—1940 годах – директор Научно-исследовательского химического института при ЛГУ.

«С Алексеем Евграфовичем Фаворским я знаком со студенческих времен. Фаворский поступил в университет годом раньше меня. Мы встретились осенью 1882 г. в лаборатории А. М. Бутлерова, где А. Е. начал работать годом раньше. Его однокурсниками были химики А. И. Горбов, К. Э. Кесслер, В. Е. Павлов и вместе с ними в 1881-1882 году работал И. А. Каблуков, прикомандированный к Бутлерову для усовершенствования. Вместе со мной поступили в лабораторию Бутлерова М. И. Шешуков, С. С. Колотов, Я. А. Макеров; последний на следующий год переменял специальность – стал геологом.

В то время наша химическая семья была небольшая. Лаборатория СПб университета состояла из трех отделений: аналитической химии, органической и лаборатории Менделеева. Аналитической лабораторией заведовал Н. А. Менишуткин; у него были три лаборанта (ассистента); в отделении качественного анализа (на 50 студентов) – Д. П. Коновалов, за год перед тем вернувшийся из заграничной командировки, и С. А. Пржибытек; в отделении количественного анализа занятиями студентов руководил Н. Н. Любавин; химиков-специалистов у Н. А. Менишуткина тогда не было. Д. И. Менделеев в это время был занят работами по нефти; у него было два лаборанта (ассистента): лекционный, который вел также хозяйство лаборатории, - Д. П. Павлов и личный – М. С. Андреев; кроме того, на временную работу исполнительного характера он брал наемных работников без университетского образования. В качестве специалиста-химика в этом году к нему в лабораторию поступил мой однокурсник Е. Куклин.

Самая многочисленная и живая лаборатория была лаборатория А. М. Бутлерова. Его лаборантом (ассистентом) был М. Д. Львов, который и ассистировал на лекциях, и вел лабораторное хозяйство, и помогал Бутлерову в руководстве. У Бутлерова было 9-10 практикантов. В одной комнате за большим столом на 4 места работали: Колотов, Макеров, Лавров, Фаворский; в другой – Горбов, Кесслер, В. Е. Павлов, Шешуков, Альмединген (скоро ушел) и ассистент А. М. Бутлерова на высших курсах И. В. Богомолец. Одно большое место было занято старым лаборантом Академии Наук Эклоном, который за особую плату перерабатывал иодные и серебряные остатки на иод и серебро.

К этой небольшой химической семье надо прибавить и наших старших, долго служивших лабораторных служителей: Василия Федоровича Бояринова, Ивана Федоровича Тюкалова и Алексея Петровича Зверева. Первый был у Н. А. Менишуткина, второй – у А. М.

Бутлерова, третий – Менделеевский «Алеша», которого помнило не одно поколение студентов. Служители жили при лабораториях и были усердными и надежными нашими помощниками.

Все лаборатории и квартиры помещались в нижнем этаже главного здания университета в таком порядке, считая от главного входа к набережной Б. Невы: квартира Менделеева, отделение количественного анализа, где за одним из столов работал и Н. Н. Любавин, комната Н. А. Менишуткина, большой зал качественного анализа с двумя лаборантскими комнатами (С. А. Пржибытек и Д. П. Коновалов), лаборатория Бутлерова, лаборатория Менделеева, квартира Д. П. Павлова, квартира М. Д. Львова.

Такое расположение лабораторий создавало постоянное общение и добрые товарищеские отношения между работающими специалистами-химиками, ассистентами, профессорами. Почти каждый день мы видели друг друга, а так как всех нас было немного, то мы не замыкались только в свою работу, но могли следить и за работами товарищей, что, конечно, имело очень хорошее влияние на расширение нашего химического кругозора. Можно сказать, что праздничными днями в нашей лаборатории были дни заседаний Химического общества, которые мы посещали очень аккуратно, с большим интересом, а на другой день живо обсуждали, особенно, если на заседании были доклады из нашей лаборатории. Каждое заседание подбадривало нас, вызывало соревнование, желание скорее добиться успеха в своей работе...

В тот год, когда я поступил в лабораторию Бутлерова, он перебрался работать в лабораторию Академии Наук, рядом с которой была его квартира, а на его рабочее место в университете поместили меня. За тем же столом, по другую сторону, было место М. Д. Львова, который был ближайшим руководителем наших работ.

По уставу университетов к экзамену на магистра допускались только окончившие курс со степенью кандидата, а для ее получения кроме хороших отметок в дипломе требовалось представление диссертации, обычно, монографии по какому-либо вопросу, со включением если возможно, экспериментальной работы, сделанной автором.

Поэтому кроме темы для экспериментальной работы каждый из нас получал от А. М. Бутлерова тему для диссертации, которую писал по окончании выпускных экзаменов.

Поступившему в лабораторию Бутлеров для испытания его умения и способностей предлагал приготовить два препарата: один попроще, по готовому рецепту, другой посложнее, по литературе. После этого давалась тема для экспериментальной работы...

Что касается руководства нашими работами, то, переселившись в академическую лабораторию, А. М. Бутлеров стал бывать у нас в лаборатории два, три раза в неделю, в дни лекций и заседаний Академии Наук. Сохранив за собой общий надзор, он не мог вникать в детали наших работ. Нашим руководителем стал в сущности Михаил Дмитриевич Львов. Он жил нашими интересами. Живой, экспансивный, он увлекался в то время вопросом о последовательности механизма реакций. Разбирал разные случаи, придумывал схемы. Своим увлечением заражал и нас. Около классной доски в лаборатории постоянно шли жаркие разговоры, споры, обсуждение химических новостей. Для нас это имело большое воспитательное значение, дало направление всей нашей будущей работе и научной, и педагогической.

Получив темы, мы усерднейшим образом принялись за работу. Забросили лекции, работали с утра до позднего вечера, а иногда и за полночь, только с перерывом на обед. В случае надобности нам разрешалось работать в лаборатории хоть до утра, только в 8 час. вечера служители запирали все шкафы с материалами и уходили домой. М. Д. Львов обыкновенно забегал в лабораторию в 8-9 час. провести, как идут дела.

Наша лабораторная компания как-то разделилась на две половины, работавшие в разных комнатах: Горбов, Кесслер, В. Е. Павлов уходили из лаборатории в 4-4 ½ часа, и мы остальные – Колотов, Фаворский, Лавров, Шешуков, Тищенко – засиживались до

полуночи; а так как мы четверо (кроме Колотова) жили на Петербургской стороне, то обычно и домой ходили вместе. Все это еще более сблизило нас друг с другом».

Тищенко, В. Е. Воспоминания о первых годах научно-педагогической деятельности А. Е. Фаворского // Успехи химии. – 1940. – Т. IX, вып. 2-3. – С. 145-148.

Вернадский Владимир Иванович

1863-1945

Русский и советский учёный-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1885). В 1885—1890 годах — хранитель Минералогического кабинета университета.

«Петербургский университет того времени в физико-математическом факультете, на его естественном отделении, был блестящим. Менделеев, Менишуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцын, М. Богданов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов — оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях многих из них — на первом курсе на лекциях Менделеева, Бекетова, Докучаева — открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью. Восемь лет гимназической жизни казались нам напрасно потерянным временем, тем ни к чему ненужным искусом, который заставила нас проходить вызывавшая глухое наше негодование правительственная система. Эти мысли получали яркое выражение в лекциях Д. И. Менделеева, как известно, человека очень умеренных, скорее консервативных политических взглядов, который, однако, больше, чем кто-нибудь другой, возбуждал в нас дух свободы и оппозиционного настроения. Ярко и красиво, образно и сильно рисовал он перед нами бесконечную область точного знания, его значение в жизни и в развитии человечества, ничтожность, ненужность и вред того гимназического образования, которое душило нас в течение долгих лет нашего детства и юности. На его лекциях мы как бы освобождались от тисков, входили в новый, чудный мир, и в переполненной 7-й аудитории Дмитрий Иванович, подымая нас и возбуждая глубочайшие стремления человеческой личности к знанию и к его активному приложению, в очень многих возбуждал такие логические выводы и настроения, которые были далеки от него самого. Толстой, в своем чутье политического инквизитора, был прав в своем подозрении к Менделееву, и не напрасно он не допустил как раз в это время Менделеева (властью своей как президента) до баллотировки в Академию наук и вскоре после окончания нами университета, против желания Дмитрия Ивановича, удалил его из Петроградского университета».

«Блестящие лекции Д. И. Менделеева в Петербургском университете остаются незабываемыми для немногих еще оставшихся в живых его слушателей. В них он еще больше, чем в книге, подчеркивал значение естественных природных процессов — земных и космических: химический элемент являлся в них не абстрактным, выделенным из космоса, объектом, а представлялся облеченным плотью и кровью составной, неотделяемой частью единого целого — планеты в космосе. Мне выпало счастье слушать его курс в 1881-1882 гг. во всегда переполненной большой 7-й аудитории университета. Сколько в это время рождалось мыслей и заключений, нередко шедших совсем не туда, куда вела

логическая мысль лектора, действовавшего на нас всей своей личностью и своим ярким красочным обликом».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 66-68.

Бороздин Александр Корнилиевич

1863-1918

Литературовед, историк литературы, мемуарист. Приват-доцент Петербургского университета. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1885)

Существенной стороной жизни нашего общества было то сближение, которое устанавливалось между нами и профессорами, а также с оставленными при университете. Из профессоров посещали наши заседания О. Ф. Миллер, В.И. Сергеевич, Н. Л. Дювернуа, И. Е. Андреевский, В. В. Докучаев, Н. И. Кареев, Е. Е. Замысловский, М. И. Владиславлев и многие другие. Говоря о них, конечно, с особенной благодарностью надо упомянуть покойного О. Ф. Миллера. Этот незабвенный друг наших студентов был председателем нашего общества за все время его существования, и лучшего председателя мы не могли бы иметь. Это был настоящий руководитель молодежи, никогда не искавший популярности (хотя и находились некоторые гнусные клеветники, обвинявшие его в таком искательстве), но всегда любимый студентами, которым он не стеснялся говорить правду, подчас и очень горькую. Всякий из нас знает, что иначе как «по совести» Орест Федорович говорить не может, что никаких дипломатических уверток он не знает, а, кроме того, мы были уверены в его любви к нам и сами мы безгранично любили доброго и безусловно честного нашего учителя. Когда в нашем обществе при начале его деятельности произошли описанные выше разногласия, Орест Федорович в заседании 8 апреля 1882 г. произнес речь, в которой, между прочим, сказал следующее: «Помните, что ни в каком направлении не может быть места политике в студенческом научно-литературном обществе, потому что политике нет места в университете. Университетская наука только готовит к гражданской, т. е. политической деятельности в будущем. Что же касается житейского успеха, т. е. карьеры, то к этому бы она и готовить не должна. В нормально поставленном университете наука может представляться студенчеству только целью, а никак не средством». Вот в этом-то отношении, в смысле постоянного содействия научной работе нашего общества, Орест Федорович был не только председателем, но и незаменимым нашим воспитателем, постоянно нам напоминавшим, что наш первый долг перед народом есть основательная научно-этическая подготовка к будущей работе, и умевшим сдерживать слишком бурные юношеские стремления, и я уверен, что все мои прежние товарищи по обществу в этом со мной вполне будут согласны.

Дорога для нас память и другого человека, всегда с самым живым сочувствием относившегося к нашему обществу, нашего популярнейшего ректора, И. Е. Андреевского. Некоторые люди называли его хитрецом, но хитрость его состояла в мастерском умении говорить с молодежью: как и Орест Федорович, он безусловно был правдив,

никогда он не обещал нам того, чего он не мог бы выполнить, и все студенты знали, что Иван Ефимович всегда готов прийти к ним на помощь и нравственно и материально, что у ректора есть сердечное отношение к студентам, а не формально начальственное, и наконец при всем этом он и не думает заискивать в своих речах перед молодежью, и конечно эти качества в соединении с редким ораторским талантом и каким-то светлым ободряющим юмором, выразившемся между прочим в совсем своеобразной дикции, в каком-то курьезном полу-малоросском выговоре, давали ему положительно безграничную власть над молодежью; можно смело сказать, что только благодаря Андреевскому объявление устава 1884 г. прошло в нашем университете без всяких волнений.

Бороздин А. К. Студенческое научно-литературное общество при Санкт-Петербургском университете. – СПб., 1900. – С. 14-15

Глинский Борис Борисович

1860-1917

Писатель, публицист, издатель, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1885)

Александр Васильевич Никитенко пользовался горячей любовью и неотразимым влиянием на своих слушателей: его красноречивые лекции, согретые присутствием в них лучших идеалов своего времени, привлекали к нему невольно молодежь. При изложении теории словесности он обращался, по свидетельству Григорьева, «к основным началам природы в человеческой жизни, извлекая их из психологии и истории; для доставления же общим началам несомненной применяемости, вводил их в область русской народности, уравнивая правила мышления с требованиями нашего языка и успехами литературы».

Действительно, кто из студентов Санкт-Петербургского университета не знал Ореста Федоровича? С этим именем тесно связывалось для каждого студента представление о чем-то очень светлом, сердечном, воспоминание непременно о каком-нибудь добром деле, о тех чистых страницах жизни человеческой, которые бывают дороги каждому.

«Пройдут года, сказали ему на юбилее студенты, разойдемся все мы по разным дорогам, но одна связь несомненно останется между нами: это память о честном, искреннем и гуманном человеке. Не раз она в трудные минуты жизни поддержит в нас веру во все честное, благое»...

Его красноречивые лекции, всегда согретые присутствием высокого идеала, светлой любовью к народу и верой в его жизненные исторические силы, сделались одними из любимейших лекций на факультете. В аудиторию Миллера, впрочем, сходились не одни филологи, его послушать собирался подчас чуть ли не весь университет.

Глинский Б. Орест Федорович Миллер. – СПб., 1890. – С. 13, 86-87.

Хотя тогдашний историко-филологический факультет, на котором я числился, был представлен многими известными именами, но имя молодого магистра русской истории Семеvского имело в наших глазах особое значение. С ним связывалось представление о

горячем протесте против всякого насилия, представление о политической борьбе, связывался призыв к отдаче своих сил на защиту обиженных и обойденных судьбой. Нам было известно, что допущение Семеvского к чтению лекций не обошлось без оппозиции со стороны консервативных элементов факультета и гр. И. Д. Делянова и такие представители исторической науки, как Е. Е. Замысловский, К. Бестужев-Рюмин и некоторые другие, в свое время употребили все свои влиятельные силы к тому, чтобы молодому ученому, которому Московский университет только что даровал звание магистра за его труд по исследованию истории крестьян в царствование Екатерины II, не дано было перешагнуть порог в одну из университетских аудиторий, где бы он мог создать себе кадры поклонников и учеников. Таким образом, неприязненные действия против Семеvского принесли обычный в русской жизни результат: ему, так сказать, авансом было обеспечено сочувствие молодежи, а отсюда и переполнение его аудитории, в которую стремились не только студенты-филологи, но и прочих факультетов, жаждавшие послушать вольного слова о былых бедствиях народа, о его притеснителях, его защитниках. И действительно, V аудитория, где читал свой неофициальный курс В. И. Семеvский, всегда была переполнена слушателями, из которых впоследствии многие стали его поклонниками, учениками и просто добрыми знакомыми, коим он в той или иной форме оказал дружеское участие и поддержку на избранном ими научно-литературном пути.

... На своих лекциях он являлся глашатаем новых лозунгов в науке, стремясь всеми доступными ему силами сблизить эту науку с жизнью, сделать ее рычагом прогрессивного развития человечества, демократизировать и поставить на службу той меньшей братии. Которая в процессе истории оказывалась в порабощении и отданной во власть произвола и внешней силы. Ту сумму идей, которую он вложил в свой магистерский труд «Крестьянство в царствование Екатерины II» (т. I), вышедший в печати в 1887 году, он популяризировал и с кафедры, рисуя перед своими слушателями печальное положение нашего крестьянства в дореформенный период и между слов, но в совершенно легальной форме намекая на то, что и реформа не дала полного счастья и удовлетворения тем, кто столетиями тянулся к солнцу свободы и правды на земле. Конечно, такая проповедь должным образом оценивалась блюстителями казенных идейных начал 80-х годов, почему лекторству и проповедничеству В. И. Семеvского скоро был положен конец, и он остался снова за порогом университета, где на короткое время одного академического года ему улыбнулось счастье.

Глинский Б. Б. Памяти В. И. Семеvского // Исторический вестник. -1916. – Т. 146, № 11. – С. 463-465

Серафимович Александр Серафимович

1863 – 1949

Советский писатель, журналист, военный корреспондент.

В 1883-1887 годах учился на физико-математическом факультете Петербургского университета.

«Кончил гимназию в 1883 году и поехал в Петербургский университет на математическое отделение физико-математического факультета. Почему именно на математический факультет? Так же слепо и без достаточных оснований, как большинство гимназистов. Университет, университетская наука были совершенно отрезаны от гимназии и от тех знаний, которые гимназия давала. В университет мы

ехали полными невеждами, не имея ни малейшего представления о методах научной работы и о том научном материале, с которым мы будем иметь дело.

И когда приехал в университет, началось то, что было в гимназии: профессора, лекции, все содержимое университета само по себе, а я, мой внутренний мир, моя потребность знания – само по себе.

Я жаждал знать не только мертвое сцепление вытекающих одна из другой математических формул, но и тот живой процесс, несомненно физический процесс, который стоит за формулами и которому эти формулы отвечают. Этого не давала профессура, она просто не считалась с этим, предоставляя нам самим добиваться философского смысла и значения математических явлений, добиваться собственными силами, игнорируя нашу неподготовленность. Это разом положило черту отчуждения между мною и формальным преподаванием университетской науки.

Математикой я занимался постольку, поскольку это необходимо было для сдачи экзаменов, а для себя, в удовлетворение собственной внутренней потребности знания, посещал лекции отдельных по выбору профессоров на юридическом и естественном факультетах, штудировал с группой товарищей Маркса и общественно-экономические науки. Так было во все продолжение университетской жизни».

Автобиография // Серафимович, А. С. Сборник неопубликованных произведений и материалов. – М.: Гос. Изд-во худ. Литературы, 1958. – С. 341.

Кугель Александр Рафаилович

1864-1928

Русский и советский театральный критик, создатель театра «Кривое зеркало».

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1886).

«Университет, товарищи, новые и старые, которых я встретил (среди них, земляк мой, одноклассник, сян священника Мозырского уезда, Митрофан Корженевский), лекции, профессора, сходки – все это первое время совершенно заглушило писательский зуд. Я перестал быть писателем и бумагомаракою, и стал студентом. Конечно, достал плэд и толстую палку, и чувствовал себя необыкновенно гордо, когда вознесенские феи говорили на улице: «студент, одолжите папироску!» Факультет в то время был, действительно, блестящий, хотя старые студенты говорили: «Ну какой же теперь это факультет? Вот два, или три, или четыре года назад был факультет так факультет!» Однако, читали Сергеевич, Градовский, Янсон, Коркунов. Политическую экономию – само собою, самый важный для передового студента предмет – читал толстый Вреден, про которого остряли, что он не столько вреден, сколько совершенно бесполезен. Это был веселый бонвиван, и если нужно было создать живое олицетворение буржуазного экономизма, спокойного, всем довольного и твердо убежденного в нескончаемости *juste milieu*, то конечно, это был Вреден. Его книга, курс его, была написана ужасным языком. Фразы, вроде «лучи света, разбиваясь о бытовую ограду современности, освещают политико-экономические задачи», и т. п. – пестрели на каждой странице. Частенько даже нельзя было понять, что он хочет сказать. Но лектор Вреден был занятный. Он рассказывал анекдоты об акционерных обществах, о великих финансистах, о том, что директор учетного банка, Зак, играет на скрипке, и о том, что газеты надо читать не с первой, а с последней страницы, где объявления, так как там настоящая жизнь. Он был неглуп, может быть, даже умен, и во всяком случае в обстановке всеобщего сильного подозрения, в котором держалась университетская наука, а, в особенности, такая

заведомо неблагонадежная, как политическая экономия, сумел своим жманфшизмом и легкомыслием избрать самую благую часть.

Талантливым и наиболее увлекательным для молодежи лектором был Коркунов, читавший энциклопедию права. Тогда он еще доцентствовал. Он читал лучше, чем писал. У него не было «бытовых оград современности» а la Вреден, зато было щегольство архивной терминологией, что вполне извинительно, впрочем, для молодых ученых, которые «хочут свою образованность показать». Напечатанные его лекции совершенно не считались с тем, что их будут изучать вчерашние гимназисты, да еще толстовской гимназии, вытравившей всякий философский дух и всякую склонность к умозрительному мышлению. Я был подготовлен своим, хотя бюеспорядочным, но все же усердным чтением и жадностью своего восприимчивого ума более других, однако, и мне приходилось потеть над лекциями Коркунова. Большинство же просто заучивало философскую экзегезу идей права наизусть и попугайски повторяло слова, не вникая в их смысл. В устном чтении Коркунова исчезал в значительной мере дух дешевого и скороспелого приват-доцентского гелертерства, да кроме того, у Коркунова была горячность, отсюда живая, убедительная интонация, часто раскрывавшая значение его речи. У него была маленькая смешная, огненно-рыжая борода, которая как-то особенно убедительно тряслась, когда ему хотелось что-нибудь доказать. Во всяком случае, его я слушал усердно.

Сергеевич, Вас. Ив., был известен, как замечательный ученый, - т.е. у студентов это была установленная репутация, - тем более, что в сочинении своем «Вече и Князь» он осторожно проводил идею народоправства. А это уже был патент на непоколебимую репутацию, так же, как и то, что А. Д. Градовский сотрудничал в «Голосе» и был известный поклонник конституционализма. Я не хочу умалять заслуги ни того, ни другого. Оба были, действительно, хорошими профессорами, известными, талантливыми исследователями, безупречными общественными деятелями. Но я говорю лишь о том камертоне, по которому строилась вся русская жизнь. Теперь, когда измеряешь усталым взором всю глубину исторических событий, явственнее видишь далекие корни и нити происходящего.

Читал еще историю римского права Ефимов, - тоже доцент, совершенно незначительная личность. Никто его не слушал. И я часто думаю: какова пленительная гармония римского права, этой несравненной умственной и моральной дисциплины древнего мира, что, даже при таком преподавании, наука эта была любимейшей для моей юношеской жизни!».

«В качестве обязательного демократа 18-летнего возраста, я, что называется, разделал Ренана «под орех». И тут Коркунов молвил одно слово, за которое я ему глубоко благодарен, ибо с тех пор, быть может, у меня начался упорный процесс обратного размышления. Коркунов сказал: «Вот вы говорите, полное равенство и т. п. Однако, ведь вы не сядете за обеденный стол с ассенизатором, который 2-о чистил». Бывает так, что и слово-то не бог весть какое умное, а ударит по темени. Так меня это слово ударило».

«Дни шли за днями. Обычные студенческие дни. Утром университет с его шумною жизнью, сосредоточенною не столько в аудиториях, сколько в шинельной и буфете с читальной залой...

Вскоре, однако, первые бурные впечатления студенчества улеглись. Когда Сергеевич, открывая курс истории русского права, начал свою лекцию обращением: «милостивые государи», мне показалось, что небеса разверзлись предо мною, и я вкушал – буквально вкушал – каждый раз это радостное и почетное обращение. Но постепенно вошли в привычку и «милостивые государи», и лекции».

«Единственный человек, которому я мог бы сказать это и выслушать в ответ то, что, казалось, мне было необходимо, - был Коржсенеvский. Он жил в коллегии Полякова при университете, и это было чертовски далеко. Притом я не любил коллегии. Незадолго до этого в университете был ряд сходов и демонстраций по поводу этой коллегии, и я в них тоже участвовал, и когда приехал градоначальник Грессер и стал нас уговаривать разойтись, то, разумеется, я не ушел, а слушал с восторгом речь М. Л. Мандельштама (впоследствии известного присяжного поверенного и члена кадетской партии), произнесенную им с высоты вешалок в шинельной. Потом я вместе с другими был отведен в манеж Павловского училища и пр., и хотя я не пострадал, ибо явно держал себя не как демонстрант, знающий, из-за чего он демонстрирует, а как суицид дурак, но мне было все это неприятно, включая коллегия».

«Осенью 1886 г. я сдал экзамены в университете и представил кандидатскую диссертацию «О находке». Два слова о диссертациях того времени. Они писались юристами преимущественно по гражданскому праву, но не потому, что существовало такое особое пристрастие к вопросам гражданского права, а потому что профессором этой юридической дисциплины состоял профессор Н. Л. Дювернуа, очень добрый, снисходительный, живой и остроумный человек, не утративший черт французского «жманфишизма». Все диссертации он одобрял, а весь обязательный «колоквиум» на тему диссертации состоял в том, что, похлопывая по тетрадке, он говорил: «Труд! Труд!», а затем прибавлял, что-нибудь ласковое или рассказывал анекдот – тем дело и кончалось. Злые языки острили, что будто бы в тетрадку диссертации можно вписать басни Крылова, и то сойдет. Что до меня, то я довольно добросовестно отнесся к избранной мной теме, и даже проглядел в Публичной библиотеке, разбираясь с грехом пополам в смысле, 2-3 немецкие книжки. Тема о находке меня интересовала потому, что я считал глубоко безнравственной и аморальной конструкцию действующего права, по которой создается премия за выполнение элементарной обязанности всякого честного человека. Как водится, Дювернуа сказал «труд», похлопав по тетрадке, и, как я заключил, едва ли дал себе труд посмотреть диссертацию».

Кугель, А. Р. Литературные воспоминания (1882-1896 гг.). – П.-М.: Изд-во «Петроград», 1923. – С. 11-15, 17-18, 49-50.

Поссе Владимир Александрович

1864-1940

Журналист, деятель революционного движения.

Учился в Петербургском университете на историко-филологическом и юридическом факультетах. В 1887 г., в связи с делом 1 марта того же года, был исключён из университета. В 1888 г. выдержал экзамен на степень кандидата прав.

«...Ректором университета в то время был профессор ботаники, академик Фаминцын. Этого высокого художавого старика с умным, серьезным лицом ученого я часто встречал в доме его друга П. П. Храповицкого. Фаминцын, отдававший все свои умственные силы научным работам, мало интересовался политикой. Тем не менее он был арестован и посажен в предварилровку, как фамильярно называли дом предварительного заключения.

Просидел он, кажется, только несколько дней. Не помню, до ареста или после ареста Фаминцын получил приказ генерала Гурко явиться к нему. Приказ был получен во время заседания университетского совета. Фаминцын собрался тотчас ехать.

«Постойте, - сказал знаменитый химик профессор Менделеев, - я поеду с вами. Одному вам с ним не справиться».

О том, что произошло в кабинете у Гурко, рассказывали мне и мой брат и Храповицкий. Вошедших профессоров генерал встретил фельдфебельским криком. Смущенный Фаминцын молча слушал, как Гурко кричал, что сам придет в университет и не только студентов, но и профессоров согнет в бараний рог.

Сначала молчал и Менделеев. Но затем, тряхнув своей львиной головой, стал тоже кричать своим басом с характерным для него оканьем. Кричали оба, но скоро голос генерала стал ослабевать, и слышны были только менделеевские громы:

«Как вы смеете мне грозить? Вы кто такой? Солдат и больше ничего. В своем невежестве вы не знаете, кто я такой. Имя Менделеева навеки вписано в историю науки. Знаете ли вы, что он произвел переворот в химии, знаете ли вы, что он открыл периодическую систему элементов? Что такое периодическая система? Отвечайте!»

О периодической системе Гурко, вероятно, не имел понятия. Это его смутило. Свидание закончилось торжеством науки. Энергичным жестом распахнув двери кабинета, Менделеев спокойно, но внушительно сказал, обращаясь к Фаминцыну:

«Пойдемте. Он теперь не пойдет разносить университет»».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 91-92.

Яковлев Владимир Анатольевич

1865-1924

Русский химик и педагог, специалист в области металлографии.

Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1888). По окончании учебы работал в химической лаборатории университета.

«Вот на кафедре показалась какая-то бородатая фигура, она устанавливает большие химические весы, эмблему новейшей химии, орудие великого Лавуазье. Но эта фигура еще не он, не профессор. Это его помощник, лаборант, сурово ворчащий на смельчаков, решающихся, стоя у кафедры, потрогать те предметы, какие-то склянки, которые он устанавливает. Аудитория шумит, болтает, кашляет, посмеивается над маленьким невзрачным человечком с полотенцем на плече; это знаменитый Алеша, служитель менделеевской лаборатории, вот уже двадцать (тогда, а теперь сорок) лет помогающий лаборантам в препаровочной устанавливать приборы и ставить опыты, демонстрируемые во время лекций. Еще несколько минут ожидания, и вот раздается оглушительный, долго длящийся гром рукоплесканий. Из маленькой двери, ведущей из препаровочной на кафедру, появляется могучая, сутуловатая слегка фигура Дмитрия Ивановича. Он кланяется аудитории, рукоплескания трещат еще сильнее. Он машет рукой, давая знак к тишине, и говорит: “Ну, к чему хлопать? Только ладоши отобьете”. Вот наконец наступает тишина, и аудитория вся замирает. Менделеев начинает говорить.

Первое время, с непривычки или от сравнения с другими профессорами-говорунами, нами овладевает какое-то чувство неловкости. Лектор растягивает как-то своеобразно фразу, подыскивая слово, тянет некоторое время “э-э-э...”, вам даже как будто хочется подсказать не подвертывающееся на язык слово, но не беспокойтесь, оно будет найдено, и какое — сильное, меткое, образное. Своеобразный сибирский говор на “о”, все еще сохранившийся акцент далекой родины! Речь течет дальше и дальше. Вы уже привыкли к ней, вы уже цените ее русскую меткость, способность вырубить сравнение, как топором, оставить в мало-мальски внимательной памяти след на всю жизнь. Еще

немного, и вы, вникая в трудный иногда для неподготовленного гимназией ума путь доводов, все более и более поражаетесь глубиной и богатством содержания читаемой вам лекции. Да, это сама наука, более того — философия науки говорит с вами своим строгим, но ясным и убедительным языком. Вы начинаете любоваться мощною, напоминающей микеланджеловского Моисея, сумрачно-грозной фигурой. В ней хорошо все: и царственно широкий лоб мыслителя, и сосредоточенно сдвинутые брови, и львиная грива падающей на плечи шевелюры, и извивающаяся при покачивании головой борода, по поводу которой как-то сам собой выскакивает в памяти отрывок стиха: “Косматой трясет бородой” — или отрывок о Зевсе, Нептуне или другом олимпийце, герое из испаряющейся из нашей головы греческой или латинской поэзии. И когда этот титан в сумрачной аудитории, с окнами, затененными липами университетского сада, освещаемый красноватым пламенем какой-нибудь стронциевой соли, говорит вам о мостах знания, прокладываемых через бездну неизвестного, о спектральном анализе, разлагающем свет, доносящийся с далеких миров, быть может, уже потухших за те сотни лет, что этот луч несется к Земле, — нервный холодок пробегают по вашей спине от сознания мощи человеческого разума. Вы содрогаетесь от прикосновения к вечным тайнам, к бесконечности...».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. — М.: Атомиздат, 1969. — С. 113-115.

Кистяковский Владимир Александрович

1865-1952

Российский и советский физикохимик.

Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1889). В 1896-1908 годах — приват-доцент кафедры химии. В 1897 году — лаборант химической лаборатории неорганического отделения в университете.

«...Я помню вступительную лекцию по курсу химии, прочитанную Менделеевым осенью 1886 или 1887 года. Самая большая, IX университетская аудитория, в которой читал Менделеев, была полна студентами: стояли в проходах, стояли у кафедры, стояли на коридоре у открытых в аудиторию дверей. В большой университетский зал перенести лекцию было невозможно, в нем не было приспособлений для демонстраций, даже газ не был проведен. Менделеев, выйдя на кафедру, после нескольких минут молчания, за которые можно было проследить подъем его настроения, начал лекцию броском отдельных терминов, как бы желая с первого момента дать почувствовать студентам, каких важных понятий будет касаться его курс химии. Мы услышали своеобразный внушающий внимание голос великого ученого: «Вещество, движение, истины... Вы слышали об истинах, но изученные Вами правила имели исключение (намек на исключение из правил латинской грамматики), а истина не терпит исключений». Из дальнейшей лекции было видно, что последнее положение не противоречит понятию эволюции науки, только подчеркивало существенную разницу между набором грамматических правил и результатом многолетних экспериментальных исследований в области точных наук. Аудитория с первых слов прислушивалась ко всему сказанному с величайшим вниманием и следила напряженно за всеми произведенными на лекции опытами. Студент, вернувшись домой, мог почти дословно повторить прослушанную лекцию. Такова была сила подъема и энтузиазма.

Д. И. был глубоким демократом и подчеркивал свое отрицательное отношение ко всем классовым титулам. Как-то на экзамене один из студентов заявил свою фамилию — князь В. Дело в том, что Менделеев обыкновенно не вызывал студентов на экзаменах, а был

заведен такой порядок, что сами студенты выходили экзаменоваться по алфавитному списку и объявляли свои фамилии. «На букву «К» я экзаменую завтра», - сказал Д. И., и князь В. попал в глупое положение. Остальные князья, графы и бароны (их было немного) на экзаменах называли себя просто по фамилии. Теперь это кажется очень логичным, но тогда, при царском режиме, отделявшем «белую кость» от остальной массы народа, требование Менделеева было большим ударом по престижу этой «белой кости»...».

«Помню также его публичную лекцию в сборном зале С.-Петербургского университета, посвященную экономическому развитию России. Он говорил вначале о численности населения в России и, по-видимому, привел немного преувеличенные данные. Сидевший в первом ряду какой-то специалист из военного статистического бюро громко позволил себе поправить Менделеева. Менделеев очень вышел из себя, по крайней мере минут пять слышалось гортанное придыхание его дыхания, и наконец он сказал: «Не в том дело, а вот в чем» - и рядом блестящих примеров, тут же импровизированных, показал, что суть дела не в нескольких лишних миллионах населения, а в понимании того глубокого экономического процесса, который назревал уже тогда в России. Аудитория многократно прерывала речь Менделеева сочувственными аплодисментами и «мертвый спец», не понявший суть дела и придравшийся к случайной оговорке Менделеева, должен был себя чувствовать не особенно хорошо.

Прибавлю, что Менделеев часто в трудных местах лекции, когда ему нужно было привлечь внимание аудитории, говорил: «В чем же тут дело (высоким тоном), а вот в чем» (энергично подчеркивая и сильно понижая тон речи). Аудитория, всколышенная призывом лектора, еще с большим вниманием прислушивалась к словам лектора и еще лучше запоминала труднейшие формулы, законы и теории химии».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 62-64.

Вересаев Викентий Викентьевич

1867-1945

Русский, советский писатель, переводчик, литературовед.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1888).

«Кончил гимназию в 1884 году, 17-ти лет, и поступил в петербургский университет, на историко-филологический факультет; шел по историческому отделению. С теплым чувством вспоминаю проф. А. В. Прахова, со страстью и блеском читавшего историю греческого искусства, и проф. В. Г. Васильевского, известного византиста, читавшего среднюю историю; читал он тихо и монотонно, не ослеплял широкими картинами и обобщениями, которые приходилось бы брать на веру; но умел заставить слушателей самостоятельно думать и разбираться в исторических данных. С увлечением еще слушал приват-доцента В. И. Семевского, начавшего читать курс русской истории восемнадцатого века; но он вскоре был удален из университета за неблагонадежность. Философию и психологию читал пресловутый М. И. Владиславлев, карьерист и тупой человек. На кафедре русской истории известного К. Н. Бестужева-Рюмина сменил бездарнейший Е. Е. Замысловский (отец одного из лидеров думских черносотенцев Е. Е. Замысловского). Мольеровски-карикатурную фигуру представлял из себя профессор древней истории Ф. Ф. Соколов, которого в истории интересовали только факты сами по себе и особенно хронология. Его изобразил Мережковский в своей поэме "Вера": взошел на кафедру старик с пергаментным лицом -
И зашептал уныло числа, числа, числа,

*История без образов, без лиц,
Ряды хронологических таблиц...*

Университетской наукой я занимался без любви, усердно посещал только Васильевского и Прахова. На экзамены шел, часто не зная экзаменатора в лицо. Но деятельно и с увлечением участвовал в разнообразнейших студенческих кружках, лихорадочно жил в напряженной атмосфере самых острых общественных, экономических и этических вопросов... В 1888 году я окончил курс кандидатом исторических наук».

Вересаев, В. В. Автобиографическая справка // Советские писатели: Автобиографии в двух томах. Т. I. – М.: Гос. Изд-во худ. Литературы, 1959. – С. 229-231.

Зайцевский И.

Мои воспоминания относятся к деятельности Лесгафта в период 1891-1895 гг., во время моего студенчества в Санкт-Петербургском университете, когда я прямо с гимназической скамьи попал на естественный факультет, на котором тогда числилось много славных имен в профессорской корпорации (Докучаев, Бекетов, Меншуткин и др.). В числе этих заслуженных чиновных, ординарных и экстраординарных профессоров лекции по анатомии читал скромный по чину приват-доцент – Петр Францевич Лесгафт. Лекции этого скромного приват-доцента являлись самыми популярными, самыми захватывающими из всех.

Мне вспоминается темная, низкая, грязная, небольшая аудитория анатомического кабинета, но эта невзрачная аудитория была всегда переполнена самыми восторженными, экзальтированными слушателями на лекциях Петра Францевича. Громоздясь, теснясь и прижимая друг друга, шумная, молодая и жизнерадостная толпа естественников заполняла снизу доверху эту небольшую комнату, которая носила громкое название «анатомический кабинет». Кабинет этот помещался ... во втором этаже, почти по середине длинного университетского здания.

В эту невзрачную комнату на лекции Лесгафта часто помимо естественников собиралось много и из других факультетов. Очень часто юристы, филологи и математики приходили его слушать. Так занимательны, так захватывающе интересны были лекции Петра Францевича.

Как даровитый ученый и замечательный оратор, Лесгафт двумя-тремя фразами сразу захватывал всю аудиторию. В два-три штриха он обрисовывал целую сложную картину и заставлял слушателей с напряженным вниманием, с удивлением и часто восхищением следить за его лекцией. А он так и носился, бывало, по аудитории по ее лестницам снизу вверх, поднося слушателям препарат и объясняя значение какого-нибудь бугорка на кости. «Ясно? Все поняли?» «Прошу обратить особое внимание» - так и звучало в воздухе, так и подбадривало пытливые, молодые умы слушателей.

Так сухая, скучная анатомия оживала в его лекциях; засушенная, распиленная кость принимала живую душу, живой образ и вставала перед глазами слушателей в том виде, в каком она была в живом человеке, в живом теле...

Как очарованные сидели слушатели, сидели юные первокурсники, которых впервые коснулось живое, бодрое, правдивое и умное слово после ужасной зубрежки греческих и латинских исключений. Два часа лекции быстро проходили и часто так не хотелось уходить, так хотелось еще и еще услышать новое слово. Шумными аплодисментами заканчивалась каждая лекция Петра Францевича.

... Как молодо, хорошо и весело было возвращаться каждый раз с таких лекций, где оживала сухая мертвечина, где каждый раз получалось новое знание, новый интерес. Кроме лекционных часов, у Лесгафта были еще практические занятия по определению костей, а также мускулатуре человека. Здесь уже все толпились около дорогого учителя попросту, без стеснения.

...Развивая душу, Лесгафт обращал внимание и на физическое развитие своих слушателей. Казалось, это не входило бы в университетский план преподавания анатомии, особенно для естественников, но наш незабвенный учитель обращал внимание и на эту сторону. Не имея своего большого помещения для устройства гимнастики и игр в мяч, Петр Францевич какими-то путями ухитрился достать разрешение пользоваться для этой цели манежем в Адмиралтействе. Здесь в громадном манеже по праздникам собирались студенты-естественники для игр в мяч и для гимнастических упражнений.

...Этот талантливейший лектор и оратор, популярный профессор и замечательный ученый, этот всесторонне образованный человек был только приват-доцентом. Начальство всегда косо смотрело на его научную, профессорскую деятельность и всячески старалось уязвить его; оно всегда имело гласное и не гласное наблюдение над этим беспокойным и неподатливым человеком, природе которого были чужды лесть и низкопоклонство. А между тем сколько бездарностей, тупиц и профанов в науке стояло выше его в служебной иерархии и воображало себя светилами науки. Только живая, чуткая и правдивая молодежь, помимо всяческих начальнических рекомендаций, отличала истинный талант: на лекциях Петра Францевича аудитория всегда была так переполнена, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Вот эта-то переполненная аудитория была лучшим доказательством того, кто такой был незаслуженный приват-доцент Лесгафт.

Зайцевский И. Слово о Лесгафте // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 166-172.

Жебелев Сергей Александрович

1867-1941

Историк античности, археолог, профессор Петербургского университета, академик
Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1890 г.

Начну свои воспоминания с профессоров-классиков. Старейшим из них был в год моего поступления в университет К. Я. Люгебиль. Мне довелось слушать К. Я. Люгебиля только в течение одного семестра, моего первого семестра: в начале 1887 г. К. Я. По болезни прекратил чтение лекций, а потом вскоре и скончался.

В. К. Ернштедт, которому я считаю себя обязанным чрезвычайно многим, был в то время молодым профессором. Внешняя манера его чтения лекций вряд ли к себе располагала, и на большую аудиторию он рассчитывать не мог. .. Но если В. К. Ернштедт далеко не был «блестящим» профессором, то руководителем для специалистов он был незаменимым. Авторы он предпочитал переводить не сам, а заставлял переводить их желающих из слушателей, так что лекции по интерпретации в сущности обращались в практические занятия, и это приносило мне, часто выступавшему в качестве переводчика, большую пользу... В особенности мастерски В. К. Ернштедт руководил занятиями по греческой палеографии, первоклассным знатоком которой он у нас был. Из меня, правда, специалиста-палеографа он не сделал, но пример моего младшего сверстника Г. Ф. Церетели, превзошедшего, пожалуй, в области греческой палеографии своего учителя, способен дать представление о том, какой это был учитель. Во всяком случае, В. К. Ернштедт был профессором только для специалистов-классиков, которые его всегда очень ценили и у которого они многому научились не только в деле приобретения филологических знаний, - а знания эти были и глубокие, и разносторонние, в чем легко убедиться хотя бы по изданным нами, его учениками «Victoris Jernstedt Opuscula», но в смысле выработки правильного, строго научного филологического метода.

Полную противоположность ему, как профессор-лектор, представлял покойный П. В. Никитин... П. В. Никитин с изумительной тщательностью обрабатывал свои лекции, касались ли они толкования древних авторов, истории греческой поэзии, греческой диалектологии, избранных отделов исторической грамматики греческого языка и пр. Особенно хорошо П. В. Никитин переводил, настолько хорошо, что его слушали с восторгом все студенты филологического факультета. Незаменимым руководителем был П. В. Никитин и на практических занятиях по критике и интерпретации... Некоторые курсы П. В. Никитина я, впрочем, слушал в единственном числе; правда, тогда он меня «милостивым государем» не называл, но читал все же стоя на кафедре, а главное – читал и эти лекции так же, как если бы имел пред собою и более обширную аудиторию. По строгому отношению к своим профессорским обязанностям П. В. Никитин всегда был и будет для меня недостижимым идеалом. Как с человеком, с П. В. Никитиным было сойтись нелегко: натура его была самоуглубленная, в себе самой замкнутая, казавшаяся по первому впечатлению, слишком строгой и даже черствой. Но все это только казалось... Студенты побаивались его, в особенности боялись его «острого» языка и хорошо знали, что ни «заговорить», ни «провести» профессора им никогда не удастся. А за удивительную скромность и как бы застенчивость П. В. Никитина студенты нередко называли его «красною девицей».

Главным представителем латинской филологии был покойный И. В. Помяловский, ставший после М. И. Владиславлева деканом факультета. У него мы слушали изящно составленные и толково изложенные лекции по истории римской литературы и по римским государственным древностям... Большую пользу можно было извлечь из практических занятий под руководством И. В. Помяловского, которые состояли в чтении и разборе латинских надписей по сборнику Вильманса. Тут И. В. Помяловский никакими «записками» связан не был, любил беседовать на различные темы, связанные, а иногда и мало связанные с предметом занятий, обогащая нас обширными

библиографическими указаниями; будучи сам страстным библиофилом, он не упускал никогда случая, увидев у студента книгу, спрашивать его: "А это «у вас что за книжица?»», причем, если «книжица» бывала хорошей или редкой, то он давал и соответствующую ей аттестацию, вплоть до указания ее рыночной стоимости и предупреждения: берегите как зеницу ока – книга в цене. А иногда не без удовольствия прибавлял: «У меня она имеется в двух экземплярах». Когда я как-то спросил его, зачем же у него два экземпляра одной и той же книги, то получил такой ответ: хорошую книгу, «изволите ли видеть» (любимое и постоянное *mot* И. В. Помяловского), можно держать и в трех экземплярах...

...Ф. Ф. Зелинский, незадолго до поступления моего в университет вступивший в число приват-доцентов, к окончанию мною курса получил кафедру. У него я слушал лекции по Овидию, Ливию, письмам Цицерона. Чтению и толкованию авторов Ф. Ф. Зелинский предпосылал обширные и обстоятельные введения, например, о греческой мифографии, о римской историографии и т. д. В мое время Ф. Ф. Зелинский не был еще таким большим оратором, каким он стал впоследствии; курсы его при всей обстоятельности, казались нам несколько скучными, в особенности потому, что он читал их, не отрываясь от «записок», причем не пропускал даже отмечать и такие внешние подразделения в них, как например, глава, параграф, пункт и т. п. Центр тяжести деятельности Ф. Ф. Зелинского лежал в практических занятиях. Они состояли: 1) в критике и интерпретации избранных произведений латинских авторов и 2) в переводах с русского на латинский. Эти переводы доставляли нам немало хлопот и забот, в особенности потому, что приходилось всем студентам пользоваться имевшимся только в одном экземпляре в библиотеке русско-латинским словарем Ивашиковского, а заменить его было нечем. Приходилось устраивать своего рода очередь занятий.

Из профессоров-словесников я прослушал курс (скорее публицистического, чем строго научного характера) покойного О. Ф. Миллера по истории русской литературы и пробовал слушать курс о Шекспире покойного А. Н. Веселовского. Говорю – пробовал, так как А. Н. Веселовский в мое время чаще пропускал, чем читал лекции. Мне передавал впоследствии Н. П. Кондаков такой случай в заседании факультета, который, может быть, стоит предать гласности, так как он характерен для А. Н. Веселовского. «Высшее начальство» поручило декану факультета И. В. Помяловскому поставить на вид А. Н. Веселовскому его манкировки. Желая сделать это в возможно деликатной и товарищеской форме, И. В. Помяловский сказал: «Вот, изволите ли видеть, говорят, что некоторые профессора пропускают много лекций». На это первый же А. Н. Веселовский откликнулся вопросом: «Неужели? Да кто же это такая свинья?»

...Остается упомянуть еще о двух профессорах: М. И. Владиславлеве и Н. П. Кондакове. У покойного М. И. Владиславлева я прослушал: логику, психологию, философию духа и «Федона» Платона. Философские материи М. И. Владиславлев излагал очень ясно, но и очень скучно и монотонно. Слушал я его уже на 4 курсе. Вскоре М. И. Владиславлев заболел, и заканчивал курс молодой тогда, но и тогда уже блестящий профессор А. П. Введенский. Н. П. Кондаков, знаменитый наш историк искусства и археолог, перешел к нам из Одессы. Историю греческого искусства он излагал довольно суммарно; зато лекции по истории византийского искусства с практическими занятиями были и чрезвычайно интересны, и глубоко назидательны.

Слушание лекций, участие в практических занятиях, подготовка к зачетам – все это требовало от прилежного студента довольно значительного напряжения сил и большой затраты времени. Практические занятия у некоторых профессоров происходили иногда по вечерам от 6 до 8 часов... По пятницам я в течение трех лет занимался у Ф. Ф. Соколова на его квартире, помещавшейся в бывшем Историко-филологическом институте, греческими надписями. В промежутке между утренними и вечерними лекциями приходилось зарабатывать хлеб насущный путем давания уроков.

...Лекции, практические занятия, работа над сочинением – так складывалась моя университетская жизнь...

Единственными развлечениями в однообразном времяпровождении, если не считать чтения и посещения театра, особенно итальянской оперы, служили происходившие в университет же вступительные лекции новых приват-доцентов, а иногда и профессоров, и ученые диспуты.

Но особенно привлекательны были ученые диспуты, эти истинные праздники науки. В моей памяти до сих пор свежо воспоминание о докторских диспутах покойных В. В. Латышева (История и государственное устройство г. Ольвии; официальными оппонентами были Ф. Ф. Соколов, П. В. Никитин и В. К. Ернштадт), Ю. А. Кулаковского (К вопросу о начале Рима; оппоненты Ф. Ф. Соколов и Ф. Ф. Зелинский)...

Курс по истории древнего Востока, впервые введенный в учебный план по уставу 1884 г., за неимением специалиста должен был читать Ф. Ф. Соколов и читал его, как он мне сам потом говорил, «с краскою на ланитах». Ф. Ф. Соколов чувствовал себя хозяином только в областях, где он мог сам дойти до источников. Источники по истории древнего Востока были ему недоступны в оригинале, он оказался в рабстве у переводчиков, переводчики его путали, так как каждый переводил по-своему, и несчастный Ф. Ф. Соколов должен был выбирать то, в чем переводчики оказывались согласны один с другим.

*... по уставу 1884 г. никаких экзаменов в течение университетского курса не полагалось. Они все целиком сосредоточены были в государственных комиссиях; к ним допускались студенты, прослушавшие 8 семестров, получившие зачеты по ним, сдавшие экзамены по богословию и одному из новых языков и представившие вместе с выпускным свидетельством зачетное сочинение и свою автобиографию, написанную на латинском языке (для составления последней мы широко пользовались *curricula vitae*, прилагавшимся к немецким докторским диссертациям).*

*...Самые экзамены обставлены были торжественно. Они происходили в присутствии всей комиссии, состоявшей из 4-х членов и председателя; если экзаменатор по тому или иному предмету не принадлежал к составу комиссии, он приглашался *ad hoc* из лиц преподавательского персонала факультета.*

31 октября 1890 г. сдан был мною последний экзамен. Через месяц я был оставлен при университете без стипендии. За четыре года пребывания в университете я успел так сродниться с ним, что расставаться с ним было грустно; самые стены его стали для

меня дорогими. Скоро я получил возможность снова почти ежедневно бывать в этих стенах...

С 1 февраля началась моя связь с университетом, не прерывавшаяся ни на один год. Она стала еще более крепкой, когда я вступил в преподавательский персонал университета, начав с приват-доцентуры, прошел по получению докторской степени через экстраординатуру в ординатуру и попал, наконец, просто в «профессуру». Мало того: со времени дарования университетам автономии в 1905 г. судьба привела меня пройти все административные должности в университете: с 1905 по 1909 гг. я состоял секретарем факультета, в 1911-1912 гг. был проректором университета, в 1918-1919 г. деканом факультета и, наконец, в 1919 г. в течение, правда, всего двух месяцев занимал пост ректора. Для всех... «этапов» моей деятельности в университете немало накопилось у меня воспоминаний. Они отчасти радостные, отчасти обвеваны грустью. Но мои воспоминания о том времени, когда я был студентом университета, воспоминания исключительно светлые. Они проникнуты глубоким чувством благодарности к моим профессорам и наставникам, они проникнуты искреннею любовью к университету, который за 35 лет с лишком моего с ним общения должен был стать для меня и, конечно, стал истинною alma mater.

Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний // Анналы. – Пг., 1922 (1923), № 2. – С. 168-187

Комаров Владимир Леонтьевич

1869-1945

Русский, советский ботаник, флорист-систематик и ботанико-географ, педагог и общественный деятель.

Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1894) с дипломом 1-й степени. С 1898 года преподавал в Петербургском университете (профессор с 1918). В 1902 году защитил там магистерскую диссертацию (на основе 1-го тома «Флоры Маньчжурии») и, получил звание приват-доцента.

«Когда Д. И. Менделеев был профессором Петербургского (ныне Ленинградского) университета в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века, его аудитория ломилась от слушателей. Чтобы занять место на парте, студенты нередко забирались за час, за два до начала лекции, стояли в проходах, сидели на подоконниках. Прослушать две-три лекции Менделеева считали своим долгом даже юристы, вообще относившиеся к университетским занятиям весьма прохладно.

А между тем внешней красотой, бойкостью изложения, горячим энтузиазмом лекции Менделеева не отличались. Он не был красноречив, часто делал длительные паузы решая мысленно какой-либо вопрос или подыскивая выражение, ему необходимое. К Менделееву шли потому, что его лекции были творческим процессом, потому что на лекциях Менделеев думал вслух и нередко решал научные задачи».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 69.

Петров Дмитрий Константинович

1872-1925

Филолог, медиевист, поэт-переводчик. Профессор Петербургского университета и Высших женских курсов. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1894)

Слава предшествовала А. А. Шахматову при его появлении в университетской аудитории. Она сохранилась за ним до конца дней. А. А. Шахматов имел очень большую аудиторию. Его семинарии и просеминарии всегда были заняты сверх положенного комплекта. А. А. Шахматов сам признавался, что преподавательская деятельность его сильно увлекла, и что первые годы после своего избрания он почти исключительно был занят ею. В течение 12 лет А. А. Шахматов излагал историю русского языка, церковно-славянский язык, русскую диалектологию, вел семинарии и просеминарии по летописям, Слову о полку Игореве, сказаниям, повестям и т. д... А. А. Шахматов был очень крупный ученый. Может быть, не все в его изложении было доступно и понятно широкой аудитории, собиравшейся у его кафедры. Но зато тем большую пользу извлекали из его лекций и бесед те немногие избранные молодые люди, на которых и покоится будущее университетской науки. Не всякий университетский профессор умеет создать свою школу, стать основателем прочной ученой традиции. Среди нас бывали такие, которые очень много работали, много писали, весьма добросовестно преподавали, но не умели создать своей школы, так что после их смерти кафедра переходила в чужие руки. Другие, казалось, самой глубиной своих познаний были недоступны начинающим ученым, и все-таки школа оставалась после них. Очевидно, в них была тайная притягательная сила; они, как отдаленная звезда, привлекали к себе молодые умы. В составе историко-филологического факультета было несколько таких профессоров. Таков был, например, А. Н. Веселовский, который, несмотря на известную долю небрежности в исполнении своих преподавательских обязанностей, стал основателем серьезной научной школы. Таков же был и А. А. Шахматов, соединявший в себе замечательного ученого и добросовестнейшего преподавателя. Оттого, невзирая на кратковременность своего преподавания, А. А. Шахматов подготовил целый ряд молодых ученых, которые с честью продолжают дело своего учителя...

А. А. Шахматов был одним из самых уважаемых и ценимых членов Факультета. Про него смело можно сказать, что он был «факультетский» человек. Он дорожил званием члена Факультета, был постоянным участником наших собраний, никогда не отказывался от общей работы...

Немало потрудился А. А. Шахматов и для расширения факультетского преподавания. Его сильно заботили судьбы кафедры русского языка и словесности, как известно, не всегда благоприятные в нашем Университете. Он стремился привлечь к преподаванию молодые научные силы, был чрезвычайно внимательным к начинающим ученым, был истинным другом оставленных при Университете и т. д. Наконец, он не забывал и других дисциплин, еще не преподававшихся на Факультете, но весьма желательных, как то, филологий – балтийской, кельтской и угро-финской...

Второе и третье пятилетия XX века были временем расцвета Санкт-Петербургского – потом Петроградского - Университета. Он был переполнен учащимися, число которых приближалось к 10000. Профессорская корпорация имела в своем составе целый ряд крупных ученых сил, пользовавшихся европейской известностью. Кафедры не пустовали. Под сенью Университета расцветало несколько ученых обществ. Звание «профессора» Петербургского Университета обладало полным весом, окружено было всеобщим почтением. Голос Университета имел значение не в одних только ученых и педагогических вопросах. К нему прислушивались и широкие круги образованной публики, с ним считались правительственные сферы. Можно сказать, что в означенную эпоху Санкт-Петербургский Университет играл большую общественную роль. Значительная часть профессуры стояла на стороне «освободительного движения». Почти все профессора были защитниками и поборниками широкой университетской автономии. На почве борьбы за автономию приходилось профессуре иметь столкновения с Министерством Народного Просвещения, но почти всегда она умела выходить из затруднений с честью и без особого ущерба. Конечно, бывали и тяжелые минуты, но и они скрашивались единодушием, царившим в такие минуты в университетской семье, и надеждами на лучшее будущее, которые иногда и осуществлялись. Университет имел основание гордо и бодро смотреть и на свою собственную судьбу, и на судьбы русского народа.

Петров Д. К. А. А. Шахматов как университетский деятель // Изв. ОРЯС. – 1920. – Т. 25. – С. 141-150

Байков Александр Александрович

1870-1946

Химик, материаловед, металлург.

Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1893). Два года проработал лаборантом на кафедре химии. В 1907—1916 годах преподавал химию на Бестужевских курсах. В 1923 году избран профессором по кафедре химии Петроградского университета.

«В августе 1889 г. я приехал в Петербург и поступил на физико-математический факультет университета, избрав, однако, не естественное отделение, где химия преподавалась с большой полнотой в течение четырех лет по всем основным разделам (неорганическая, аналитическая, органическая и техническая химия), а математическое отделение, где читалась только на первом курсе неорганическая химия. Этот курс неорганической химии был общим для естественников и для математиков и его читал проф. Д. И. Менделеев в течение целого года (пять часов в неделю!). Проникнувшись глубоким научным духом «Основ химии», я хорошо понимал, что для серьезного изучения химии необходимо близкое знакомство с физикой и высшей математикой, которые основательно изучались на математическом отделении и крайне недостаточно на естественном. Я решил, что на математическом отделении мне по необходимости придется заниматься математическими и физическими предметами, а химические предметы я буду по собственному желанию основательно изучать параллельно на естественном отделении (как это на самом деле и произошло). Вряд ли у меня хватило бы силы воли серьезно и основательно заниматься физикой и математикой, если бы я

поступил на естественное отделение, и впоследствии я не мог бы чувствовать себя уверенно и свободно в этих науках.

Я с нетерпением ожидал начала занятий (назначенного на 31 августа). Первая лекция Д. И. Менделеева, которую мне пришлось слушать, была лекция по неорганической химии. В это время, в 1889 г., имя Менделеева уже пользовалось мировой известностью, но в Петербургском университете оно было предметом совершенно исключительного почитания и среди профессоров и особенно среди студентов...

Вполне вероятно, что перед первой лекцией Менделеева в университете царил возбужденная атмосфера. Задолго до начала лекции не только седьмая аудитория, где читал свой курс Менделеев, но и прилегающие к ней помещения были переполнены оживленной и шумной толпой студентов всех факультетов и всех курсов, которые по примеру прошлых лет собрались на вступительную лекцию, чтобы выразить чувства своего восхищения и преклонения любимому профессору, гордости Петербургского университета, красе русской науки Дмитрию Ивановичу Менделееву. В этой возбужденной и радостной толпе студентов находился и я. Мы с нетерпением ожидали появления Менделеева. Когда в соседнем помещении послышались негромкие шаги, в аудитории воцарилась полная тишина. В дверях показалась величавая, немного сутуловатая фигура Менделеева. Длинные седые волосы, ниспадавшие с головы до самых плеч, и седая борода окаймляли его серьезное, задумчивое лицо с сосредоточенными, проникновенными глазами...

Я до сих пор не могу забыть того, что тогда произошло. Казалось, здание готово было обрушиться от грома приветствий, возгласов, рукоплесканий. Это была гроза, это был ураган. Все кричали, все неистовствовали, все старались возможно сильнее и полнее выразить свой восторг, свое восхищение, свой энтузиазм. Менделеев хмурился, поднимал обе руки, пытаясь прекратить приветствия и успокоить аудиторию. Шум не прекращался. Постепенно нахмуренное лицо Менделеева стало проясняться и вдруг озарилось светлой улыбкой. Восторг присутствовавших достиг высшей степени.

Наконец, постепенно все затихло и успокоилось. Менделеев начал свою лекцию, приступил к изложению курса, который, увы, он читал последний раз в стенах Петербургского университета...

Началась систематическая работа в университете. С напряженным вниманием слушал я лекции Менделеева, счастливый тем, что основы химии я познаю из живых слов творца «Основ химии» и периодического закона. По своему построению и содержанию лекции его в 1889/1890 г. вполне соответствовали «Основам химии» в тех изданиях, которые появились до того времени...

Я не буду долгие останавливаться на лекциях Менделеева, скажу только, что они давали чрезвычайно много, ставили вопросы, заставляли над ними думать, работать, раскрывали широкие горизонты и вводили слушателей в глубину настоящей науки.

Теперь я перехожу к печальным воспоминаниям. Наступило время, когда мы должны были расстаться с Менделеевым, потому что ему пришлось уйти из университета. Я уже говорил, что прослушанный мною курс химии был последним курсом, который читал в университете Менделеев.

В марте 1890 г. разразились студенческие волнения, которые приняли в петербургском университете крупные размеры. Студенты устраивали сходки, на которых обсуждались требования к правительству и составлялась петиция, а когда все было подготовлено, на сходку были приглашены профессора.

В числе других профессоров на сходку явился Д. И. Менделеев, который пользовался необычайной популярностью, любовью, уважением всего студенчества. Речь шла о том, чтобы просить Менделеева подать правительству выработанную петицию. Менделеев дал свое согласие.

Мне приходилось читать, что петиция, которая была составлена студентами для вручения правительству, носила будто бы чисто академический характер. Это, конечно,

совершенно неверно. Я помню прекрасно, что она, требуя автономии университета, была ярко политической петицией, содержала явно политические требования, например, свободы слова, свободы печати, равноправия мужчин и женщин и пр. Я подчеркиваю, что это была явно политическая петиция, и Менделеев проявил исключительное мужество, не побоявшись в мрачное время русской истории взять на себя такое поручение, которое, конечно, являлось для него чрезвычайно опасным. Это были годы черного мракобесия, годы, когда царствовал Александр III, когда все живое душилось, притеснялось, угнеталось.

В замечательном поступке Менделеева сказалось все его величие не только как ученого, но и как человека.

Я хорошо помню ту лекцию, на которой Менделееву была вручена петиция. Это было 14 марта 1890 г. На лекцию-сходку собралось громадное количество студентов. Появление Менделеева было встречено громом аплодисментов, рукоплесканий, восторженными выкриками. Когда, наконец, все затихло, он приступил к лекции. Все ожидали сильных слов, выражений, а Менделеев начал лекцию так: «Марганец встречается в природе главным образом в виде кислородных соединений». Это было начало, а затем он стал излагать те глубокие мысли и идеи широкого общественно-политического характера о необходимости развития промышленности и связи ее с наукой, которые составили главное содержание лекции.

16 марта Менделеев отвез петицию министру народного просвещения Делянову, и в тот же день она была возвращена с надписью: «По приказанию Министра Народного Просвещения прилагаемая бумага возвращается Действ. Стат. Сов. Профессору Менделееву, так как ни министр и никто из состоящих на службе Его Императорского Величества лиц не имеет права принимать подобные бумаги».

Не считая возможным оставаться после этого в университете, Менделеев подал прошение об отставке и летом выехал из университетской квартиры.

Когда стало известно, что министр Делянов отказался принять петицию и Менделеев ушел в отставку, в университете снова вспыхнули волнения. Университетская администрация ввела в университет полицию. Было произведено много арестов.

При таких обстоятельствах Менделеев 22 марта 1890 г. прочел свою последнюю лекцию. Студентов на лекции уже было мало, но Менделеева слушали с большим вниманием. Он читал последнюю, заключительную главу курса неорганической химии. Менделеев говорил о важных, крупных вопросах – о роли науки в жизни государства и народа, о значении науки для промышленности. Он излагал свою идею, которую настойчиво проводил во всех выступлениях: о необходимости развития техники для индустриализации страны. Свою последнюю лекцию в университете Менделеев закончил словами: «Покорнейше прошу не сопровождать моего ухода аплодисментами по множеству различных причин». Эти слова были так выразительны, что не раздалось ни одного возгласа, ни одного хлопка, и среди мертвой тишины он оставил аудиторию, оставил ее навсегда».

Периодический закон и его основатель Д. И. Менделеев // Байков, А. А. Избранные труды. – М.: Металлургиздат, 1961. – С. 291-298.

Вейнберг Борис Петрович

1871-1942

Физик, гляциолог. Выпускник физико-математического факультета Петербургского университета (1893)

Менделеев был профессором Санкт-Петербургского университета с 1866 по 1890 год – и в последний год, 1889-1890, мне привелось слушать его лекции по неорганической химии, которые он читал студентам первого курса математического и естественного отделений... Как лектор, Менделеев оставил во мне и многих моих товарищах неизгладимое впечатление. Незгладимость эта обуславливалась, с одной стороны, обаянием научного авторитета творца периодической системы, с другой стороны, - исключительностью тех условий, при которых Менделеев читал нам лекции в конце весеннего семестра, но главным образом зависела она от поразительного лекторского таланта покойного... Трудно отдать себе отчет в том, чем он достигал он этой власти над нами. Однако можно сказать с достоверностью – не внешними приемами, которые всем – и интонацией, и жестикующею, и построением речи – были далеки от того, что считается отличительными чертами настоящего оратора... Профессор этот старался при случае выяснить нам назначение университета, выяснить нам, что мы должны взять от университета, что должны ему дать, и как должны будем мы пользоваться взятым, выйдя из университетских аудиторий и лабораторий в жизнь.

Вот, например, какой последний завет дал он нам – последний, потому что это была последняя лекция его, как профессора Санкт-Петербургского университета. «Но не для того мы здесь и не для того учреждаются университеты, чтобы получались только дипломы и чтобы получалось знакомство с предметом, с его... как сказать... в его прошлом. Это - одна сторона, это – неизбежно, это – сторона, можно сказать, первичная, но есть другая высшая сторона, которая и дает то... что дает тот оттенок университетскому знанию, который должен быть назван духом университета... Я хочу сказать о том, как, в чем состоит истинный университетский дух, в чем его суть, откуда берется эта душа университетская, совершенно особенный оттенок кладущая на тех, кто с внутренней стороны... душою к университету прилежит.

Этот дух состоит исключительно и всецело, в существе, только в одном: в стремлении достигнуть истину во что бы то ни стало, - не практическую пользу, не личное улучшение, не каких бы то ни было этих политических или экономических улучшений, - все это сбоку, все это приделки, все это есть не что иное, как атрибуты, члены основного, одного, исключительного стремления, это – достижение истины во чтобы то ни стало и как бы то ни было, - но только истины в том виде, в каком она... ее можно достигнуть... И вот это-то стремление к пониманию истины во всей ее чистоте и совершенстве и составляет единственный, истинный дух университетов...»

Это стремление к истине – не только в смысле усвоения уже известного, но и в смысле открытия неизвестного – Менделеев при каждом удобном случае внушал нам – внушал нам или самым содержанием своих лекций, или специальным указанием на этот смысл университетского преподавания.

Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет 1819-1895. – Л., 1963. – С. 141-155.

Бенуа Александр Николаевич

1870 – 1960

Русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства».

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1894).

«Вернемся к моему пребыванию в университете, куда я поступил осенью 1890 г. Если бы меня серьезно спросили, что, в сущности, побудило меня к этому шагу, то я затруднился бы ответить. Более всего тут действовал “установленный обычай”. “Надлежало получить права” для определения затем на государственную службу, а существование людей нашего круга вне государственной службы как-то не мыслилось (если они не имели какой-либо художественной или иной специальной профессии). И я собирался служить, но вовсе не потому, что чувствовал призвание к какому-либо роду службы, а потому что “надо же было куда-то приткнуться”».

«Спрашивается еще, почему, поступая в университет, я выбрал именно юридический, а не какой-либо иной факультет? Почему, например, я не предпочел историко-филологический, в котором, казалось бы, я мог бы найти для себя больше интересного? На это настоящих причин не имелось, но уже достаточно было того, что все мои школьные друзья поступили именно на юридический факультет, да и все студенты, с которыми я за последнее время общался, были тоже “юристами”. Было бы странно, если бы при отсутствии определенного иного жизненного плана я отделился бы от них и ушел бы куда-то в сторону. Ведь и Философов, и Нувель, и Калинин, и Скалон, вместе с присоединившимся к нам в 1890 г. Дягилевым, поступая на юридический факультет, не следовали какому-либо призванию, а подчинялись все той же рутине. Так полагалось. Считалось, кроме того, что и тем, кто вовсе не собирались посвятить себя специально юриспруденции, “не бесполезно для жизни приобрести познания, преподававшиеся на юридическом факультете, что предметы, изучаемые на нем, служат продолжением все того же общего образования”, а диплом, полученный на государственном экзамене юридического факультета, “отворял все двери” — иди служить куда хочешь. Наконец, не последним соображением было для нас то, что самые занятия на этом факультете не требуют полной отдачи себя, а нам хотелось иметь как можно больше времени в своем распоряжении. Мы так были увлечены тем хаотическим, но все же интенсивным “самообразованием”, которое давали нам чтение, посещение музеев, театров, концертов! Да и наши постоянные встречи с их обменом мнений, с их спорами, много значили. Я и сейчас считаю, что главную пользу (или даже единственную реальную и несомненную пользу), которую нам принесло пребывание в университете, мы извлекли не из тех наук, которые мы слушали без особого рвения (с каждым семестром все менее и менее прилежно), а из того, что у нас теперь оказалось столько досуга. Эта “уйма свободного времени” дала нам возможность осмотреться, самоопределиться, понять, куда нас действительно тянет.

Нельзя отрицать и того, что и из некоторых предметов, “наименее судебных” и “наиболее общих”, мы почерпнули для себя пользу несомненную. Эти познания дисциплинировали наше мышление, познакомили нас с различными философскими системами. Если до того мы ознакомились, благодаря классическому образованию, с Платоном, с Аристотелем, то теперь мы узнали и Декарта, и Локка, и Лейбница, и Канта, и Гегеля, и Шопенгауэра. Меня особенно влекло к первым трем, некоторые из друзей больше увлекались тремя последними, к которым прибавился Ницше — настоящий бог молодежи того десятилетия.

Историки С.-Петербургского университета характеризуют описываемую эпоху как время его упадка, и причину того они усматривают главным образом в реакционной политике правительства. Таково было и мнение большинства студентов. Профессора в

их представлении разделялись на покорных ставленников (ненавистного) правительства и на тех, кто сумели, несмотря на всякие препоны, отстоять в значительной степени свою независимость. Правда, эти прогрессивные профессора были вынуждены несколько скрывать свое истинное свободомыслие, но отгадывать было все же легко то, чего они не договаривали. Это “отгадывание” превращалось даже у верных слушателей в своего рода излюбленную игру.

Профессора, которые отваживались более прозрачно высказывать независимость своих убеждений, пользовались особенным фавором, иногда и не столь заслуженным по существу. В мое время таким любимцем у студентов был приват-доцент Исаев, читавший курс политической экономии — предмет сам по себе занимающийся всякими довольно каверзными вопросами, касающимися народного благосостояния. А. А. Исаев пользовался огромной популярностью. Этот не старый, рыжебородый, близорукий, плешивый ученый иначе не проходил по знаменитому бесконечному коридору университета, как окруженный толпой своих поклонников, а аудитории, в которых Исаев читал, наполнялись заблаговременно до того, что в них запоздалым и пролезть было трудно, а пролезшим приходилось стоять, а не сидеть.

Но как ни популярен был и как ни достоин был А. А. Исаев такой популярности, все же не он являлся настоящей славой юридического факультета моего времени, а являлись таковыми профессора Сергеевич, Дювернуа, Мартене, Фойницкий и Коркунов. Их аудитории не брались с бою, но внимание, с которым слушались их лекции, свидетельствовало о степени того высокопочитания, которым они пользовались, и это несмотря на то, что они как раз были совершенно чужды политике. В полном смысле слова прекрасными были лекции Сергеевича, читавшего историю русского права. Эти лекции излагались из года в год в тех же выражениях, по одной и той же установленной системе и даже с теми же эффектными паузами перед наиболее примечательными сообщениями. И тем не менее, они приковывали внимание — до того все, что рассказывал Сергеевич, было колоритно, с таким тонким мастерством были подобраны примеры, иллюстрирующие те или иные явления. Из лекций Сергеевича я, кажется, не пропустил ни одной, а на экзамене показал, что предмет мною вполне усвоен.

Сергеевич был и с виду весьма замечателен. Его некрасивое, но характерное лицо сохраняло всегда несколько горделивое или брезгливое выражение; его плотная и все же стройная фигура, облаченная в отлично сшитый вицмундир, и даже тот плавный, закругленный жест, которым он то и дело без настоящей нужды снимал и вытирал очки или поправлял черный, безупречно повязанный галстук, все это складывалось, в связи с плавной, довольно медленной, но отнюдь не усыпляющей речью, в нечто своеобразно пленительное. Слушать Сергеевича было наслаждением, и приятно было глядеть на лектора. Самый предмет, который он читал, до странности оживал; становился интересным даже для тех, кто раньше вовсе не интересовался бытовым прошлым России.

Дювернуа, с которым я познакомился на втором курсе, читал гражданское право. Он представлял противоположность Сергеевичу. Это был старый господин с бритым, очень “французистым” лицом, напоминавшим каких-либо министров Реставрации. Читал он с жаром, часто увлекавшим его в сторону от основной темы, но как раз эти отступления были особенно интересными. Дювернуа пользовался большим авторитетом если и не среди наиболее прогрессивного студенчества, то среди тех, кто поступил в высшее учебное заведение с тем, чтоб действительно усвоить нужные для юридической карьеры знания. Однако он не был любим студентами. Он и мало кого допускал до себя, а на экзаменах был неприятен, придирался и охотно резал.

Я воздержусь от подробной характеристики других профессоров, да и что сказать о такой бездарности, как Ефимов, читавшем римское право (Его чисто формальное отношение к предмету выражалось, между прочим, в том, с какой, я бы сказал, циничной снисходительностью он относился к зачетным работам, которые требовались

от студентов для перехода с первого на второй курс. И я использовал эту снисходительность, написав род пересказа своими словами того, что говорил Fustel de Coulanges¹ в своем классическом труде “La cite antique”² про *castrense peculium*³ — род сберегательной кассы для легионеров.), как Бершадский — профессор энциклопедии права, излагавшем семинарской скороговоркой массу путаных сведений о самых глубоких философских системах, наконец трудно что-либо сказать и о таких маститых ученых с “европейским именем”, но довольно тусклых лекторах, как Мартенс и Фойницкий. Зато необходимо выделить еще Н. М. Коркунова, ибо самая его личность представляла значительный интерес, а то, как он преподавал свой предмет, будоражило умы и возбуждало страстные споры — особенно среди тех студентов, которые видели в своем пребывании в университете род подготовительного стажера для политической агитации прогрессивного, иначе говоря, революционного характера. Коркунов пользовался настоящей ненавистью среди именно этих беспокойных элементов, но в данном случае эта ненависть не сопровождалась презрением. Коркунова никак нельзя было причислить к разряду “выслуживающихся продажных холопов”. Он был убежден в своих взглядах, которые тогда почитались за ретроградные, но в которых теперь можно скорее усмотреть нечто более передовое, нежели взгляды тех, кто слепо верил в спасительность “конституции” и дарования русскому народу парламентского режима в английском вкусе. Коркунов был убежденным монархистом и имел мужество не скрывать этого. Тем самым и среди коллег его положение было обособленным. Он был одинаково далек как от безусловного рабьего преклонения перед существующим режимом, так и от его слепого и нелепого неприятия. Коркунов говорил об органической формации и росте государственных установлений, о том, что каждое государство создает свой режим “по своему образу и подобию” и что вообще идеальных систем не существует, что и система, представляющая многие дефекты, может оказаться подходящей для данного места и для данного народа. Такие и подобные мысли лежат (если я правильно их запомнил) в основе и его талантливо составленных книг — в “Сравнительном очерке государственного права” и в “Русском государственном праве”. Но слушать Коркунова было еще поучительнее и интереснее, нежели его читать. Он говорил совершенно просто, без подчеркивания, без пафоса, но его внутренняя убежденность сообщала его изложению большую силу. В частности, мне и моим друзьям Коркунов оказал ту пользу, что мы, благодаря ему, получили лучшее обоснование нашему, еще в гимназии начавшему образовываться *credo*. Только теперь в ясную систему с отчетливой формулировкой стал складываться наш “консерватизм”, и только теперь я осознал, что я “по природе консерватор с монархическим уклоном”. Тогда же окончательно выработался во мне и самый “идеал монарха”, идеал, помогавший мне разбираться как в историческом прошлом, так и в современных российских и мировых обстоятельствах».

«Вернемся теперь к моему рассказу об университете и, в частности, о профессоре Коркунове. Карьера этого замечательного ученого обещала быть блестящей, однако и здесь вмешалась превратная судьба. Любовная история, окончившаяся публичным скандалом, заставила Коркунова подать в отставку и покинуть университет. Вскоре после того в нем стали обнаруживаться признаки помешательства. Те годы, которые ему осталось жить, он провел с сильно померкнувшим сознанием и, как я слышал, в нужде. В последний раз я его увидел в 1901 или в 1902 г. в помещении редакции моих “Художественных сокровищ России”. Несчастный, жалкий человек решился сам прийти просить, ссылаясь на стеснительные обстоятельства, сделать ему скидку на подписной цене. Он был в восторге от всего, что появлялось в созданном мной сборнике и от того, “с каким чисто европейским вкусом” (его слова) он издается. Но до чего мучительно было мне видеть его потухший взор, некогда сверкавший воодушевлением, и это серое, изнуренное недугом лицо. А главное — слышать этот робкий, почти заискивающий говор.

Я приглашал Николая Михайловича заходить, когда ему вздумается, однако он этим приглашением не воспользовался, и этот визит был первым и последним.

Еще несколько слов об университете, как о здании. Входя в него, я не испытывал того же душу поднимающего трепета, который неминуемо каждый раз меня охватывал, когда я вступал в чудесный, многоколонный вестибюль Академии художеств и подымался по одной из двух лестниц, ведущих в бельэтаж. Все же и здание университета издавна привлекало мое внимание, и это уже вследствие того анекдота, который папа рассказывал про его постройку при Петре Великом и который, может быть, не лишен исторического основания. Будто царь-преобразователь, уезжая в чужие края, повелел Менишкову строить это здание, в котором должны были поместиться все двенадцать коллегий-министерств, вдоль по набережной Невы, являясь продолжением зданий Кунсткамеры. И вот, великому негодованию Петра не было пределов, когда, вернувшись, он увидел, что Коллегии возводятся не вдоль берега, а перпендикулярно к нему, вследствие чего получилась совершенная нелепость. Эта самая значительная из построек в новой столице, долженствовавшая, по мысли царя, служить ее главным украшением, встала узким, невзрачным боком к реке, тогда как весь его внушительный фасад протянулся куда-то в сторону. Но фундамент был уже заложен, стены наполовину выведены, и оставалось только отдубасить виновника (Менишкова). Заодно попало и архитектору-иноземцу (Леблону).

Все же и в настоящем своем виде здание коллегий, в котором со времени Александра I помещался университет, представляло собою с площади величественное целое, испорченное лишь тем, что во всю его длину расположен за решеткой сад, деревья которого заслоняют значительную часть здания. В дни моего детства и молодости университет красили в сплошной кирпично-красный цвет, и это если и не было особенно оригинально, то все же подчеркивало величавую однообразную громадность здания. Позже (по моему же совету) его стали красить в красный и белый цвет (по примеру современного ему Петергофского дворца), но надо сознаться, что такая окраска, не прибавив особенной живописности, нарушила то, что в этой архитектуре было благородно-горделивого.

К сожалению, внутри, кроме одного (не особенно интересного) кабинета, ничего от прежнего убранства и расположения не осталось. Необходимость устроить обширные аудитории и лаборатории, а также актовый зал и связать все части посредством общего коридора изменила весь первоначальный план. Но как раз этот коридор, тянувшийся по надворной стороне с одного конца здания до другого, сообщал университету своеобразный характер. В течение дня (пока в аудиториях шли лекции) в этом коридоре происходило своего рода гуляние юношей, одетых в одинаковые черно-зеленые мундиры с синими воротниками и золотыми пуговицами. Здесь происходили встречи, завязывались знакомства, возникали споры. Вследствие непомерной длины этого прохода далекие фигуры можно было едва различать, а вследствие сравнительной узости коридора в нем часто получались заторы и толкотня. В этом же коридоре происходили, несмотря на строжайший запрет, студенческие сходки. Мне особенно запомнилась одна, центром которой был черномазый болгарин, который, взобравшись на подоконник, оттуда держал свою речь, точнее, вопил на корявом русском языке призывы вести борьбу за свободу соединенными силами всех славянских народов. В этом же коридоре я случайно угодил в самую гущу внезапно откуда-то возникшей манифестации явно революционного характера, окончившейся вызовом полиции и казаков.

В раздевальне университета царил довольно курьезный порядок, наблюдение за которым было поручено особым контролерам — “педелям”. Каждому студенту было отведено особое место под номером: вешалка-крючок для пальто, а над ней отрезок полки, на которую клалась фуражка, портфель, книги и т. п. Педели то и дело обходили ряды вешалок и делали у себя отметки, кто из студентов явился, а кто отсутствует. В точности я не помню, какие санкции грозили недостаточно радивым; но, во всяком

случае, нежелательно было попасть в число таких абсентеистов, и для избежания этого существовал простейший способ. Стоило повесить пальто и положить фуражку на полку, затем немного пофланировать по соседству в ожидании того, что дежурный сделает свою отметку, и тогда можно было без опаски покинуть университет, не побывав ни в одной аудитории и не прослушав ни одной лекции. Сторожа, на обязанности которых было охранение нашего участка в раздевальне, поощряемые щедрыми “на-чаями”, подавали украдкой знак, что-де контроль прошел. Систематически предаваться такому отлыниванию мы, однако, стали лишь на третьем курсе, тогда как первые два года мы посещали университет усердно и не только слушали своих профессоров, но в своей жажде просвещения посещали и аудитории других факультетов, находя особенное упоение в таком энциклопедическом приобщении к наукам. Таким образом, мы побывали и на ряде лекций популярного профессора иностранной литературы, маститого, украшенного библейской бородой П. И. Вейнберга (Казалось очень странным, что этот глубоко серьезный, с оттенком какой-то характерно иудейской грусти старец, родной брат очень любимого комического актера Александрийского театра, главной специальностью которого были рассказывания со сцены перед занавесом еврейских анекдотов в антрактах между действиями или в конце спектакля. Диалоги в этих рассказах передавались на уморительном “жидовском” жаргоне, смеси идиша с русским. Зал покатывался со смеха и требовал еще и еще новых рассказчиков. С виду актер Вейнберг был разительным контрастом своему ученому брату. Это был стройный, очень подвижной человек, всегда одетый во фрак.). Стал я было посещать и лекции Н. П. Кондакова, происходившие в помещении библиотеки, в очень интимной обстановке и при весьма ограниченном стечении слушателей. Отправляясь на первую, я мечтал, что вот услышу нечто дух поднимающее, вроде легендарных лекций Грановского или Тэна. Вместо того на всех трех лекциях нашего знаменитого ученого, на которых я побывал, речь шла (в довольно “неуклюжем” изложении) лишь о микенских древностях и происходил подробнейший разбор разных чаш, кубков и других откопанных золотых предметов. Получив тогда отвращение от подобного “гробокопательства”, я закаялся ходить на лекции маститого Никодима Павловича и тогда же оставил последние помыслы перебраться на историко-филологический факультет. Археология не была тогда в моем вкусе; мне она казалась областью прямо противоположной искусству. Позже я лучше изучил пользу от досконального изучения хотя бы и очень невзрачных с первого взгляда предметов. Да и к самому Кондакову я исполнился величайшего уважения. Какой светлый ум, какая глубокая ученость, какое чувство прекрасного скрывались под оболочкой сухости и даже какой-то тупости. Но в те все еще полуребяческие времена, в 1890 г., в тех бурных настроениях, в которых я пребывал, я требовал от науки, от искусства нечто совершенно иное— более трепещущее, сразу зажигающее.

Кончал я университет весной 1894 г. Как это ни странно, я как раз за свои студенческие годы убедился, что я художник и что должен остаться художником. Я поверил в себя. Не посещая никакой специальной школы, я, однако, самостоятельно все ревностнее занимался рисованием и живописью, а также пополнением своего художественного образования. По окончании университета я уже считал, что искусство в той или иной форме будет моей основной профессией. Но оставалось еще претерпеть всю длительную и изнурительную пытку “государственных экзаменов”. Зачем я пошел на это тяжелое испытание, раз я уже не собирался воспользоваться теми правами на службу, которые эти экзамены давали? Вглядываясь в свое прошлое в целом, я вижу, что и те “бессмысленные” мучения имели все же свой смысл. Получив “права”, я как-то успокоился, я точно запасся талисманом, который в нужный момент я мог бы использовать; а ведь известно, что в том и заключается сила талисмана, что он дает большую уверенность в себе; чувствуя себя вооруженным, человек не боится вступать в борьбу с теми или иными, даже и самыми грозными силами.

Но действительно, эти экзаменационные мучения были до того ужасны, что и до сих пор я вспоминаю о них с содроганием. Мало того, в течение нескольких десятков лет один из моих самых страшных кошмаров был тот (повторявшийся каждую весну), в котором я оказывался в актовом зале перед столом профессора-экзаменатора. При этом я каждый раз с ужасом констатировал, что ровно, ровно ничего по данному предмету не знаю. Экзаменационная пытка была для меня тем более мучительной, что от благополучного экзамена зависела вся ближайшая программа моей жизни. В этом 1894 г. минуло уже три года с того момента, когда наш роман с Атей возобновился, и теперь мы официально были признаны женихом и невестой. Наша свадьба была назначена тотчас по окончании университета, студентом же я ни за что не желал вступать в ряды “семейных людей”. Как мне, так и Ате это казалось чем-то смешным и даже уродливым. С другой стороны, нашему терпению, после стольких лет ожидания, наступал конец, и откладывать дальше наше соединение представлялось невозможным. Нужно было во что бы то ни стало экзамены сдать и их выдержать. И вот такое ощущение абсолютной необходимости отчасти подстегивало меня, прибавляло мне мужества, а отчасти оно же наполняло меня ужасом, лишившим меня аппетита и сна... А тут еще моя невеста в апреле заболела. Я зубрил дни и ночи в состоянии какого-то угара, и все же некоторые предметы я успел только “просмотреть” (это были второстепенные предметы, и экзаменаторы по ним относились с известной снисходительностью к экзаменуемым, некоторых они никогда на своих лекциях и не видали).

Слава богу, все сошло благополучно, но два раза я “подходил к самому краю пропасти”. В первый раз то было на экзамене международного права, которое у нас читал важный член министерства иностранных дел и “европейское светило” профессор Мартенс. Предмет меня лично интересовал, и я знал его довольно хорошо. Получив билет по такому вопросу, который я особенно толково усвоил, я подошел к экзаменационному столу без страха и ответил без запинки. Но надо же было Мартенсу пожелать выяснить, кроме того, мои познания по политической географии. Этот добавочный вопрос коснулся того, в каком порядке расположены между собой балканские государства, которое из них на юге и которое на севере? И тут я позорно оскандалился. Я вообще “братушками” не интересовался вовсе, и для меня эти “проклятые Балканы” представлялись какой-то *quantite negligeable et negligeable*¹. За такое отношение я чуть было и не заплатил. Услыхав, что Болгария лежит на западе от Сербии, а Румыния на юге от Болгарии, Мартенс уже взялся за карандаш, чтобы поставить в графе против моей фамилии страшное слово “неудовлетворительно”, которое означало бы обидный мой провал, но тут я так взмолился и изобразил такое отчаяние, что этот человек, имевший репутацию неумолимой строгости, смиростивился, и я, к своему безграничному облегчению, увидел, что он выводит желанное “удовлетворительно”.

Но международное право я действительно знал, а вот в учебник торгового права я и не заглядывал. Я был уверен, что это не имеет значения — ведь кроме тех студентов, которые себя готовили к данной специальности, никто даже не пытался узнать, что в сущности это такое. С другой стороны, всем было задолго до экзаменов известно, что достаточно бойко проболтать первые четыре строчки доставшегося билета, как уже профессор отпускал студента с хорошей отметкой. Вызубрить же наизусть именно данные четыре строчки можно было успеть, пока экзаменовался коллега-предшественник, так как в том столе, за который разрешалось присесть, чтоб “подготовиться”, лежал этот самый учебник — стоило только его открыть на нужной странице и вызубрить полсотни слов. Но тут случилось со мной нечто совершенно идиотское. Я перепутал номер своего билета и вызубрил (сидя за столом) не то, что нужно. Обнаружив, что я отвечаю не по тому билету, который я вытащил, профессор остановил меня и попросил отвечать что мне полагалось... Наступила минута абсолютного молчания, профессор предложил другой вопрос, я и на него не нашел что

ответить, а весь мой вид доказывал, что я вообще ровно никакого понятия о торговом праве не имею. Попросил я было отпустить меня к столу, но это вышло как-то уж очень цинично, и профессор даже обиделся. Тем не менее, и он смиростивился и не срезал, а с выражением крайней брезгливости поставил спасительное “удовлетворительно”. Я же, неблагодарный, даже не запомнил фамилии, этого благодетеля.

Таким образом я окончил университет далеко не блестяще, но я его окончил, что только и требовалось. Теперь я оказался полноправным гражданином Российского государства — кандидатом на штатную должность не то 14-го, не то 12-го класса».

Университет // Бенуа А. Н. Мои воспоминания: в 5-ти книгах. Т. 1. Книги 1-3. — М.: Наука, 1990. — С. 628-638.

Андреев Леонид Николаевич

1871-1919

Русский писатель. Представитель Серебряного века русской литературы. Один из пионеров цветной фотографии в России.

В 1891 – 1893 годах учился на юридическом факультете Петербургского университета.

«Университет, который в настоящее реакционное время можно назвать усовершенствованной, поправленной и дополненной Гимназией; Университет, который сперва отказывает мне в приеме вследствие дурной характеристики, а затем так же резонно принимает меня благодаря какому-то поручительству».

«С первого же дня начались мои неудачи. В Университет не хотели принимать; пришлось целую неделю хлопотать и унижаться, чтобы добиться зачисления; уроки достать невозможно трудно – а ведь без уроков, Вы знаете, мне и жить нечем... Один переносил я всю тяжесть неизвестности того, примут ли меня в Университет, или нет, один переношу неизвестность будущего, один буду переносить все неприятности, которыми это будущее наградит меня, - все один».

«Удивляться, действительно, пришлось многому, но ничего не нашел я ни поражающего, ни приводящего в восторг в этих лекциях и порядках. Не знаю, сам ли еще слишком твердо храню в своем сердце Гимназию, или же те студенты, которых я вокруг себя вижу, суть не студенты, а только надевшие студенческую форму и обросшие бородами гимназисты, но только пахнет, пахнет Гимназией. Уже одно то, что ум останавливается на таком ничтожном различии, как свобода куренья, доказывает, насколько ничтожны другие отличия, ничтожны до того, что их не замечаешь. Они, конечно, есть: «милостивый государь», «имею честь читать», «прошу обратить ваше внимание» и т.п., показывающие, что к нам относятся уже не как к детям, а как к взрослым. Но неужели вся разница между Гимназией и Университетом только в этом и состоит, и я должен радоваться, что меня, 20-летнего малого, не ругают мальчишкой и позволяют курить?»

Есть еще одна действительная разница, принять которую я пока не в силах. Это то, что в Гимназии нам задавали уроки, а здесь читают лекции. Не в силах я именно понять, в чем преимущество чтения лекций перед задаванием уроков. Не в том, что я в одном случае вижу мертвые буквы, а в другом слышу живое слово? Но насколько я пока слышал это живое слово, для меня много интересней и весомей мертвая буква. Прежде всего, некоторые профессора представляют собой только говорильные машины и притом дурной системы, так как постоянно заикаются и хрипят. Другие же, наоборот, слишком

показывают, что они люди, и так кривляются и гримасничают на своих кафедрах, что напоминают или шутов или одержимых бесами».

«В жизни моей никаких перемен нет; с студентами сойтись очень трудно, знакомых изобрести тоже. Хотя я попал в один студенческий кружок (это между нами), но чувствую себя там совсем чужим, да и едва ли когда-нибудь своим почувствую – уж больно наши взгляды на жизнь расходятся. Они народ деятельный, верящий и имеющий свои идеалы, а мой идеал – поскорей добраться до Нирваны, скорей до Волковского или Крестительского кладбища».

«К числу вещей, безусловно мной отвергаемых, принадлежала трезвость. Запас наблюдений, уже тогда сделанных мной над обывателем, убеждал меня, что в трезвом состоянии обывательская душа – могила, и когда мне предложили 8 февраля (университетский праздник) праздновать без спиртных напитков, я отнесся к предложению с недоверием и даже некоторой насмешкой.

- Что же это будет? – спрашивал я.

- Речи будут.

- Да как же я, трезвый, эти речи слушать буду?

- А вот послушаешь.

И послушал. Такого сильного, радостного и бодрого настроения я никогда ни прежде ни после не испытывал. И тут впервые я понял ложь пьянства, понял, что есть нечто неизмеримо сильнейшее вина, этого жалкого суррогата жизни.

Собралось всего человек триста студентов, профессоров и литераторов. Были Глеб Успенский, Н. К Михайловский; были профессора Лесгафт, Кареев, Бекетов. Говорили все, и каждая речь была как колокол, ибо диктовало ее сердце, то молодое и крепкое, дающее чистый и цельный звук, то старое, но еще более властное и могучее. Были тут мало знакомые друг с другом и совсем не знакомые, были седые старики и безбородые юноши, - но такова была власть душевного подъема, что все различия сгладились, все стали знакомыми и друзьями, все стали юношами, и это было так хорошо, что плакать хотелось. Понимаете ли вы, что значит: гордость – быть человеком, гордость – быть студентом, понимаете ли вы эту нестерпимую и сладкую жажду труда, жажду подвига!».

«Первый мой, однако, литературный опыт был вызван не столько влечением к литературе, сколько голодом. Я был на первом курсе в петербургском университете, очень серьезно голодал и с отчаянием написал прескверный рассказ «О голодном студенте». Из редакции «Недели», куда я самолично отнес рассказ, мне его вернули с улыбкой. Не помню, куда он девался. Потом были и серьезные попытки проникнуть в литературу: посылал рассказы и в «Северный вестник» и в «Ниву», и уже не помню куда и отовсюду получал отказ, в общем совершенно справедливый – вещи были плохи. Но меня эти неудачи привели к тому, что к окончанию университета, т.е. к 27-ми годам, я уже совершенно не думал о литературе, серьезно решил стать присяжным поверенным».

«...сверх ожидания и вопреки справедливости не только не провалился, но получил 5. Этот экзамен с подготовкой принес мне большую пользу. Он наполовину сделал меня юристом. Это не значит, что я за неделю беспардонного зубрения поспел собаку съесть в юриспруденции, - знаю я столько же, сколько и прежде знал. И даже одним лишним знанием убавилось – и в этом-то именно и заключается польза. При поступлении на юридический факультет я весьма наивно, по образцу романистов прошлого столетия, разделил все проходимые на нем предметы на добрые и злые. До самого последнего времени я твердо знал, что Политическая экономия предмет добрый, а Русское и Римское право дурные предметы, в особенности последнее. И если их изучают, то

только благодаря нашей рутине. Очевидно, что это твердое знание было продуктом самодовлеющего невежества, как оно и оказалось в действительности. Изучая, даже поверхностно, русское право, я должен был сознаться в этом. Одним словом, хорошо и то, что я теперь должен все предметы нашего факультета признать скорее за добрые, чем за злые».

«Когда я получил на первом экзамене пятерку, я решил все экзамены держать на пять, чтобы получить стипендию, которая даст мне то постоянное обеспечение, в котором я так нуждаюсь. На втором экзамене я сравнительно легко получил пятерку, но третий экзамен, бывший вчера, стоил мне почти неделю каторжного труда. Я отвык трудиться, а тут пришлось целый день просиживать за книгой, а накануне экзамена пришлось просидеть и ночь. Но зато пять получено – и еще один экзамен, и стипендия у меня. Экзамен предстоит очень трудный, но я все ночи спать не буду, а пять получу».

«После последнего экзамена, на котором я получил четыре, я пришел к Зинаиде в страшном отчаянии. Еще бы – стипендия, ради которой я старался, ухнула».

Кен, Л. Н. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками / Л. Н. Кен, Л. Э. Рогов. – СПб.: Коста, 2010. – С. 34-37, 41-42, 44-45.

Кареев Николай Иванович

1850-1931

Историк, социолог. Член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Петербургского университета.

...психология «бунтующего студента» была мне понятна, но отсюда было далеко до поощрения профессором увлечений молодежи. Вместе с другими профессорами я видел, как такие «беспорядки» нарушали правильное течение учебной жизни, особенно когда лекции прерывались волею иногда небольшого, но более энергичного меньшинства. .. Я никогда не мог вполне согласиться с теми, которые смотрели на эти волнения, как на проявления общественного протеста против деспотизма. По моему мнению, они демонстрировали не силу, а слабость этого протеста, раз за авангардом «детей» не шла плотная масса «отцов», общество в настоящем, а не будущем. Одним словом, в университетских «беспорядках» я видел их вредоносность и нецелесообразность, очень скептически относился к их положительному значению. Положение дел, при котором вся тяжесть борьбы с правительством падала на юношей восемнадцатидвадцатичетырехлетнего возраста, казалось мне ненормальным.

Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. – Л., 1990. – С. 204.

Грабарь Игорь Эммануилович

1871-1960

Русский и советский художник-живописец, реставратор, искусствовед, теоретик искусства, просветитель, музейный деятель, педагог.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1893).

«Наняв номер против самого вокзала и напившись чаю, я направился в университет, куда поехал на финляндском пароходике. Выправив в канцелярии все нужные документы и наведя необходимые справки о начале занятий, я пошел искать поблизости комнату, сдающуюся помесечно, которую довольно скоро и нашел позади университета, в Волховском переулке.

Комната была в полуподвальной квартире, сырой и темной, но это меня мало беспокоило, ибо зато она была дешева; поторговавшись, я оставил ее за собой за двенадцать рублей. Все равно, думал я, придется целые дни проводить в университете. Первые два месяца я проводил дневные часы в университете, а вечерние – дома, за писанием юмористических рассказов и всяких мелочей, предназначенных мною для различных журналов».

«Со второго курса я постепенно стал переключаться с юмористики на «Ниву», куда затем окончательно перешел. Но это уже новая полоса моей студенческой жизни; я вернусь еще к ней в дальнейшем, пока же должен перейти к моим университетским воспоминаниям.

Уже из того, что я так поздно добираюсь до знаменитого здания петровских 12 коллегий, в котором помещается университет, читатель вправе заключить, что это здание обладало для меня меньшей привлекательной силой, чем многие другие в великоленном граде Петровом. И он будет недалек от истины. Но все же я меньше всего был студентом-лодырем, ибо аккуратно и неукоснительно посещал лекции, записывая их в тетради и читая в университетской библиотеке те книги, которые рекомендовались профессорами в дополнение к лекциям. Но самый состав профессоров, за единичными исключениями, был довольно серым, и лекции как-то не захватывали и не зажигали. Первая из них, слышанная мной в университете, была лекция профессора П. И. Георгиевского по политической экономии. Я поймал себя на чувстве какой-то особой удовлетворенности, когда, взойдя на кафедру и откашлявшись в кулак, профессор, человек небольшого роста, с темной бородой, в очках, отчеканил непривычное для гимназического уха: «Милостивые государи!»

«Это тебе не Станишев», - пронеслось у меня в голове.

После этого обращения он начал: «Человек с его пытливым умом, с той божественной искрой, которая горит в нем...» и т.д.

Лекция мне показалась по началу интересной, хотя и расплывчатой. Но это было только на первых лекциях: начиная с четвертой-пятой Георгиевского уже не хотелось слушать, - до того все эти мысли стали казаться скучными и банальными. Такого же было отношение к ним и всего курса. От второкурсников мы узнали, что Георгиевский из года в год читает без изменений тот же курс, выученный им наизусть, фраза за фразой. - Ну что, опять «человек с его божественной искрой»? – спрашивали они.

На лекции В. В. Ефимова, тоже плохого лектора и ученого невысокого ранга, читавшего курс внешней истории римского права, все обратили внимание на студента-блондина, стриженного ежиком и задававшего профессору вопросы, обнаружившие его необыкновенную начитанность. Он то и дело цитировал Иеринга и Пухту и был в римском праве, как у себя дома. Я с ним тут же познакомился: это был Б. Н. Никольский. Он действительно был начитан и очень подготовлен к слушанию лекций. Он вечно являлся с огромным портфелем, туго набитым увесистыми немецкими книгами, и очень импонировал нам знанием пандектов и дигестов. Мы были уверены, что из него выйдет по крайней мере второй Иеринг, а он не сделался даже средним профессором. Но он был невероятно самоуверен и самовлюблен, любовался и своим умом, и эрудицией, и даже своей красивой, плавной, чисто профессорской речью. При первом же знакомстве он поразил меня цинизмом своих суждений и уничтожающими отзывами о тогдашних больших людях: «Владимир Соловьев – недоносек и идиотик»; «Ключевский – не историк,

а дилетант», а уж о наших университетских преподавателях он иначе, как с презрением не говорил, выделяя среди них только Василия Ивановича Сергеевича.

После университета я уже никогда не встречался с Никольским, но по газетам знал, что он был воинствующим членом «Союза русского народа» и убежденным черносотенцем, каким был уже в университете.

Из других университетских товарищей я сошелся на первых же лекциях с И. М. Эйзенем, с которым вскоре сдружился, и с Н. И. Кохановским, принешим мне рекомендательное письмо от одной из измайльских девиц, участниц наших любительских спектаклей.

Курс догмы римского права читал Л. Д. Дорн, лектор неважный, но человек с значительно большим научным багажом, чем Ефимов. И все же лекции Ефимова я слушал с большим интересом, в виду некоторой новизны его подхода к историческому процессу: представитель новой тогда исторической школы, он не рассматривал отдельные исторические явления вне зависимости их от одновременных жизненных, экономических и политических условий, хотя и намечал эту связь довольно необоснованно, произвольно и сумбурно. Но все же это была история, а не теория, не догма и не философия, чего было достаточно, чтобы я предпочитал его лекции дорновским.

К философии я всегда был довольно равнодушен. В университет я пришел уже с достаточным запасом сведений по истории философии. Получив начатки ее на уроках Грингмута, я расширил и углубил их чтением книг, которые брал у Новгородцева, лучшего философа в среде московского студенчества. На первом курсе я от доски до доски прочел всю «Эстетику» Гегеля и одолел «Капитал» Карла Маркса.

Но меня и тогда захватывала скорее история политических учений, эволюция человеческой мысли, нежели проникновение в теоретические глубины сложных философских систем. На беду в лице профессора энциклопедии и философии права С. А. Бершадского мы имели слабого философа и скучного лектора, говорившего плавно, без запинки, но монотонно, механично, а главное – бессодержательно. Да его и не интересовали вопросы философии: он всецело был поглощен архивными изысканиями для своих ценных книг по истории литовских евреев.

Слушая лекции всех этих профессоров, я часто вспоминал уроки Грингмута, простого учителя: какая же разница между тем и этими. Там – сплошное увлечение, восторг, здесь – равнодушие и тоска. Там – талант, здесь – бездарность. Если бы все университетские преподаватели были такими, как Георгиевский, Ефимов, Бершадский, незачем было бы ходить на лекции, которые отлично можно было прочесть по изданным курсам. Я недоумевал, в чем же смысл университетского преподавания? По счастью, было у нас несколько преподавателей иного порядка. К ним относились: Коркунов, Дювернуа, Сергеевич, Мартенс.

Николай Михайлович Коркунов получил кафедру государственного права после А. Д. Градовского, умершего перед самым моим приездом в Петербург. Не блестящий лектор, он был очень одаренным теоретиком права и крупным государствоведом. Но нам, студентам, он был не очень по душе из-за выдвинутой им политической доктрины «субъективного реализма», являвшейся ничем иным, как открытым теоретическим обоснованием самодержавия.

Совсем другое отношение установилось у нас к Николаю Львовичу Дювернуа, профессору гражданского права, прекрасному лектору, умевшему заинтересовать и волновать аудиторию, которая слушала его с неослабным вниманием. Бритый, с лицом актера, он читал с увлечением, постоянно переходя с современного гражданского права в область римского права, которое в его устах приобретало новый смысл и иной интерес, чем на лекциях Ефимова и Дорна. Часто он вспоминал о своих встречах с Иерингом, с которым, кажется, был в большой дружбе.

Но самым блестящим лектором за все четыре университетских года был Василий Иванович Сергеевич. Его лекции вытесняют в моей памяти все остальные, какие

приходилось прослушать за эти годы. Из всех профессоров его внешность запомнилась исключительно отчетливо и ясно: сухой, седой, с прической ежиком, с острыми усиками и подстриженной бородкой, заостренным носом, лукавой улыбкой и прищуренными глазами, он имел нечто обаятельное во всем облике, в манере говорить и жестиковать. Ни одной его лекции я не пропустил. Вообще я с увлечением слушал всех историков и все лекции, хоть сколько-нибудь затрагивающие историю. Так, история римского права меня волновала более, чем догма. И в дальнейших курсах интересовало только то, что раскрывало те или другие стороны исторических процессов, например, курс международного права. Знаменитый Федор Федорович Мартенс читал достаточно холодно и скучно, но так как излагавшиеся им исторические факты были захватывающе интересны и новы, да и сам он был фигурой европейского масштаба, то его лекции я также не пропускал. Мартенс любил иногда пококетничать своим положением в министерстве иностранных дел и участием в качестве арбитра во многих международных конфликтах. Всегда с иголочки одетый, в длинном черном сюртуке, бритый, с щетинистыми, с проседью, усами, он не садился за кафедру, а становился подле нее и, заложив правую руку за борт сюртука, говорил: «В этом споре Швеции с Данией ваш покорный слуга имел честь быть приглашенным в арбитры...» Сергеевич читал с юмором, лукаво щуря близорукие глаза, перед тем как озадачить слушателей новой шуткой, остротой, или забавным сопоставлением. В таких случаях он, подняв на лоб очки, низко наклонялся над своими выписками из древне-русских юридических актов и со смаком произносил какое-нибудь словечко, давно утратившее свой первоначальный смысл и с течением времени приобретшее иное значение, часто не совсем пристойное. Как опытный лектор, он прибегал к этому приему каждый раз, когда замечал зевки на задних партах, а до звонка еще оставалось двадцать драгоценных минут.

Желая расширить свои знания и кругозор в области истории, я начал ходить на лекции историко-филологического факультета, что в мое время было легко осуществимо. У юристов, особенно популярных, аудитории были полны до отказа, хотя это были самые большие помещения во всем университете. Филологи и историки читали в маленьких комнатах и их слушали 3, 5, много 10 студентов. Никто из профессоров не интересовался, все ли его слушатели – филологи, и я мог свободно ходить в любую аудиторию. Меня филологи считали своим, и я действительно прослушал курс историко-филологического факультета значительно полнее и добросовестнее, чем юридического. Основательное знание латинского и особенно греческого языков сильно мне помогло, и я должен признаться, что извлек из посещения лекций чужого факультета больше, чем получил на своем. Особенно много я получил от Василия Григорьевича Васильевского, читавшего официально курс всеобщей истории, но в сущности ограничивавшегося историей византийской культуры, и от Никодима Павловича Кондакова, читавшего вместо курса классической филологии увлекательные лекции по истории византийского искусства».

Грабарь, И. Э. Моя жизнь. Автобиография. – М.-Л.: Искусство, 1937. – С. 65, 70-74.

Чугаев Лев Александрович

1873-1922

Русский и советский химик, биохимик.

В 1908 году был избран экстраординарным, а в 1911 году — ординарным профессором Петербургского университета, заведующим кафедрой неорганической химии.

«...Нельзя не упомянуть о той обстановке, в какой ему приходилось работать. Долгое время эта обстановка была прямо-таки нищенской. До 1863 г. химическая лаборатория университета получала всего 400 рублей в год и на все кафедры химии полагался один лаборант с таким же годовым окладом. Благодаря этому в лаборатории не хватало самых необходимых вещей и приспособлений.

С 1866 по 1872 г. лаборатория Д. И. состояла всего из двух комнат, из которых одна к тому же была темной, и только с 1872 г., когда начались работы Менделеева о сжимаемости газов, ему была отведена еще и третья. Постепенно, но также очень медленно, возрастал и бюджет лаборатории. Словом, в лучшую пору жизни Д. И. Менделеева ему приходилось работать в очень тяжелых условиях. Такова, впрочем, была участь большинства русских ученых того времени. Дм. Ив. долго и многократно хлопотал о расширении лаборатории (впредь до постройки нового здания для этой цели) и о предоставлении достаточной суммы на ее содержание. Но хлопоты эти возымели свое действие только 20 лет спустя, когда Менделеева уже не было в университете».

Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. – М.: Атомиздат, 1969. – С. 12-13.

Черепнин Николай Николаевич

1873-1945

Русский композитор, дирижёр и педагог.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895).

«Годы моего пребывания в стенах университета внешне были спокойными годами для моей alma mater.

Наша профессура имела в своей среде выдающихся ученых с европейскими именами и пользовалась искренним уважением, а часто и любовью студентов. Историю русского права увлекательно читал, без сомнения, самый популярный из наших профессоров Василий Иванович Сергеевич, автор замечательных «Русских юридических древностей» и многих других весьма ценных научных трудов. Его лекции происходили в самой обширной девятой аудитории, всегда переполненной до отказа и не только нами, юристами, но и слушателями других факультетов. Яркий, образный русский язык, своеобразное, необыкновенно убедительное научное мышление, развертывавшее перед нами исторически сложившиеся основы русского правосознания, производили на нас неотразимое впечатление и вызвали большой интерес к преподаваемой нам науке. Дружные аплодисменты при начале лекции и овации при ее окончании были постоянными спутниками выступлений перед аудиторией нашего любимого профессора, провожать которого при уходе во всю длину нашего нескончаемого университетского коридора, - соединявшего некогда все 12 коллегий Петровского времени – стало традиционным явлением. Представительный, в форменном вицмундире безукоризненного покроя, с золотыми очками, Василий Иванович шел своей обычной медленной походкой, окруженный студентами, продолжая беседовать с ними и обстоятельно, неторопливо отвечая на задаваемые ему вопросы.

Требовавшееся от нас зачетное сочинение по одной из входящих в наш курс дисциплин я написал и, кажется, довольно удачно, по истории русского права на избранную мной по соглашению с профессором тему: «Бояре древней Руси». Сочинения Ключевского, Яроцкого, Забелина и самого Сергеевича – необходимые источники для моего труда – долго не сходили с моего письменного стола. Впоследствии я их неоднократно перечитывал и всегда с неизменным интересом.

Василий Иванович был большим меломаном и постоянным посетителем симфонических оркестров императорского Русского музыкального общества в Дворянском собрании, на которых у него было свое абонируемое место.

Профессор Коркунов читал нам общую теорию права и философию права. Он был гениальным ученым, и его «Общая теория права» была трудом капитальным, обогатившим русскую юридическую науку. Читал Коркунов глуховатым, не всегда внятным голосом, без какого-либо намека на ораторские приемы, но тем не менее весьма убедительно и воодушевленно.

В личной жизни Коркунова был какой-то надрыв, для нас, его слушателей, и чуждый и непонятный, приведший его впоследствии к тяжелой душевной болезни. Помню его сидящим в концертных залах, в малоестественной небрежной позе, с мутным взглядом потускневших глаз, устремленных в одну точку и почти всегда направленных на кого-либо из слушателей, а чаще из слушательниц, что навлекало на него иногда серьезные неприятности.

Вскоре после описываемых мною годов Коркунов отошел от научной работы, и в лице его университет и русская юридическая наука безвременно потеряли одного из даровитейших своих представителей.

Гражданское право и процесс читал нам обаятельный, блестящий и светский профессор Дювернуа. Весьма близкий ко двору великой княгини Екатерины Михайловны, покровительницы искусств, а особенно музыкального, профессор императорского Александровского лицея и Училища правоведения, Дювернуа бы весьма живым, увлекательным лектором и пробуждал в нас значительный интерес к своей науке, которая по самой природе своей не могла особенно воздействовать на воображение слушателей.

На выпускном экзамене по гражданскому праву мне достался билет, отвечая на который я мог коснуться одной брошюры Дювернуа, посвященной им «памяти сына»; эта брошюра освещала юридическое положение личности по римскому праву и очень заинтересовала меня при чтении. Я был рад иметь возможность изложить основные положения этой брошюры в моем ответе.

Дювернуа слушал меня очень внимательно и одобрительно, а по окончании моего ответа спросил: «Вы, вероятно, думаете специализироваться по гражданскому праву?» На что я, будучи тогда на твердом пути в моих музыкальных занятиях, ответил: «Нет, не думаю – ведь я музыкант». «Ну, вот, оттого-то и было приятно вас послушать», - с улыбкой сказал Дювернуа, несколько озадаченный, вероятно, моей неожиданной репликой.

Уголовное право и уголовное судопроизводство читали нам два профессора: И. Я. Фойницкий и Н. Д. Сергеевский. Общего между ними было лишь то, что оба они были выдающимися учеными и превосходными лекторами и оба имели неоспоримый авторитет среди своих слушателей. Лекции их весьма ценились и охотно посещались студенчеством.

Во всем остальном «лед и пламень» не столько различны меж собой, как различны были наши два руководителя по столь важным дисциплинам. Маленького роста, щуплый, чахоточный, всегда полуживой с виду Фойницкий, читавший слабым, уставшим голосом, с сильным носовым произношением, задыхаясь и медленно растягивая слова, и рослый сангвинический здоровяк Сергеевский с его громкой, быстрой и живой речью – были столь же не сходственны между собой и в отношении самой же науки. Убежденный гуманист и представитель либеральных течений в науке, Фойницкий был ярким противником смертной казни; Сергеевский же более подходил под тип, как тогда говорили, «крепостника», и был на стороне защитников этой «высшей» меры наказания, которая, как известно, будучи широко применима по преступлениям политическим, в самом уложении фигурировала лишь в трех случаях: матереубийство, убийство

священнослужителя в храме во время богослужения и убийство мастера его подмастерьем.

Столь коренное противоречие наших менторов во взглядах естественно отражалось на освещении ими тех или иных институтов уголовного права, что ставило нас, студентов, на экзаменах, производившихся обоими профессорами, в весьма затруднительное положение. Отвечать у Сергеевского по «Фойницкому» и у Фойницкого по «Сергеевскому» - значило идти на верный провал в обоих случаях, так что аспирантам приходилось очень и очень лавировать, чтобы избегнув Харибды, не попасть в Сциллу. Не будучи «властителями дум» наших, оба эти достойные представителя русской юридической науки имели большое влияние на слушателей и пользовались их уважением, а Фойницкий и искренней симпатией многих из нас. Дальнейший жизненный путь их был также не одинаков. Фойницкий пребывал бессменно на своей кафедре, а Сергеевский сменил ее на кресто сенатора, «по назначению».

Яркой, красочной фигурой был профессор Мартенс, общепризнанный авторитет по вопросам международного права, которое он преподавал; ученый с европейской известностью, постоянный участник различных международных съездов и конференций как в России, так и за границей. По самой внешности своей и по своему безукоризненному элегантному костюму (корректный, наглухо застегнутый черный сюртук) профессор Мартенс имел скорее вид аккредитованного посла какой-либо значительной державы, к чему, впрочем, он, кажется, всегда и стремился.

Читал он своеобразным, каким-то светским, изнеженным, фатоватым тоном, что очень шло к его внешнему облику, столь отличному от общего типа представителей нашей профессуры. Самый предмет свой, столь злободневный и живой, он излагал очень увлекательно, пересыпая иногда строго научное изложение эпизодами анекдотического свойства, подтверждающими то или иное его толкование, всегда остроумно и с большим тактом. Его лекции собирали полную аудиторию и имели большой успех.

Церковное право читал нам ученый богослов, заслуженный профессор, протоиерей Горчаков. Он был очень хорошим лектором и авторитетом по церковному праву и по вопросам церкви вообще. Профессор Горчаков имел свою, не слишком обширную, но постоянную аудиторию и прекрасно, в яркой, выпуклой форме излагал свой курс. Экзамен по церковному праву был серьезным и считался весьма важным для диплома.

Официальный курс богословия был поручен протоиерею профессору Рождественскому, который, якобы, в противовес живому, легко усваиваемому изложению Горчакова, читал свой предмет весьма схоластически и туманно».

«Среди многочисленных научных доктрин, преподававшихся на юридическом факультете, я ожидал многого от курса римского права, так как в гимназии, будучи хорошим латинистом, очень интересовался всем, относившимся к классической римской эпохе, начиная от курса истории искусства, бывшего для меня, как для будущего композитора, особо важным и, можно сказать, необходимым для моего эстетического развития. Увы, профессор Ефимов, читавший римское право, был, что называется, «зауряд»- профессором и как бы «отчитывался» перед нами в своей науке, не успев вызвать в нас какого-либо значительного к ней интереса.

Что же касается профессора Кондакова, впоследствии знаменитого ученого, который должен был читать нам историю искусств, то за все четыре года моего пребывания в стенах университета при записи на слушание этого курса нам заявлялось: «Приват-доцент Кондаков в командировке», и приготовленные нами для уплаты за право слушания курса истории искусств два рубля с грустью возвращались в нашу машину.

Неужели нельзя было найти временного заместителя отсутствовавшему профессору и было ли справедливо, что я вышел из университета круглым невеждой в отношении к этому, столь для меня интересному и столь близкому к предстоявшей мне артистической деятельности предмету?

Политическую экономию я слушал у даровитого профессора Георгиевского, интересные лекции которого не собирали, однако, полной аудитории, ввиду не весьма большой популярности преподаваемой им науки в среде студентов моего времени.

Нашим ректором, весьма уважаемым и любимым, был декан филологического факультета профессор Никитин (филолог по кафедре).

Он был весьма тактичным, умным и доброжелательным человеком и умело вел свой университетский корабль; каких-либо особых бурь и потрясений университет при нем не испытывал. Основанная им и находившаяся в его распоряжении «касса взаимопомощи» нередко выручала студентов в трудные дни их бытия.

Петербургское студенчество моего времени жило весьма разрозненно и было объединяемо лишь по двум признакам, по одному более внешнему, а по другому более внутреннему. Внешним признаком объединения являлась обязательная для всех студентов форменная одежда. А внутренним – непреодолимая склонность студенчества к празднованию дня основания университета (8 февраля), со всеми вытекающими из этой склонности последствиями. Знаменательный день сей объединял не только студентов, но и всех бывших питомцев нашей *alma mater*.

Начинался он торжественным актом в парадной университетской зале, в присутствии всевозможных властей и начальства, с официальными и научными речами и с музыкальной программой, исполнявшейся студенческим оркестром под управлением Главача.

Продолжался и заканчивался этот день нашего праздника, увы, всегда более или менее неблагоприятно, уже по ту сторону Невы, под гостеприимным кровом ресторанов, трактиров, пивных, закусочных лавок и других им подобных учреждений, которыми была столь богата наша первопрестольная столица. Отдельные группы бывших студентов собирались в этот день для совместной трапезы по «выпускам», к которым они принадлежали.

Если верить молве, то однажды веселая компания пировавших студентов послала со своего обеда приветственную телеграмму писателю Салтыкову-Щедрину, подписав ее: «Ежегодно обедающие студенты», на что и получили от нашего знаменитого сатирика весьма сочувственный ответ за подписью: «Ежедневно обедающий Щедрин». В иное время подобная приветственная студенческая телеграмма могла бы по праву быть подписана: «От ежегодно избиваемых студентов».

Почему же, однако, столь регулярно омрачался наш ежегодный безобидный, невинный студенческий праздник, неизменно сопровождавшийся непрерывным гарцеванием по улицам столицы усиленных нарядов жандармерии, конной полиции и бравых казаков с нагайками?

Объяснение, но не оправдание, конечно, оно, поистине прискорбного явления, могло бы быть, как мне кажется, дано беглым описанием, так сказать, «бытовой стороны» празднования студенчеством этой дорогой нам годовщины. В то время как некоторая, более состоятельная часть студенчества могла себе позволить отобедать в это день в ресторане и вдоволь наслушаться речей известных писателей, адвокатов, литераторов, профессоров и других, как тогда говорилось, «представителей интеллигенции», так или иначе связанных в своем бытии с университетом; речей всегда восторженных и «вдохновенных», но по условиям эпохи не шедших дальше чеховского положения: «Увидеть небо все в алмазах».

Другая, более многочисленная часть студентов, подкрепив себя доступным карману пивным или винным довольствием и закусив во славу родной *alma mater*, проводила этот день на улицах, прогуливаясь оживленной и дружной толпой по главным артериям столицы и оглашая уже начинавший становиться весенним воздух бодрящими звуками своих любимых традиционных песен: «От зари до зари», «Есть на Волге утес», «На свете папе славно жить» и др. Не обходилось, конечно, и без бессмертного «Гаудеамус», этого краеугольного камня мирового студенческого репертуара.

Вот эти-то, казалось бы, столь свойственные молодости и столь невинные проявления приподнятого, праздничного настроения и были предметом запретительного и карательного воздействия властей. На языке неумных и большей частью атавистически недоброжелательных по отношению к студенчеству полицейских «градоблюстителей» пение хором называлось «нарушением общественной тишины и спокойствия», а прогулки веселой гурьбой считались «скоплением» на улицах. И то и другое вызывало всевозможные репрессии, от отправки на ночевку в участок до казацких нагаек включительно.

Заканчивался знаменательный день и студенчество возвращалось к своему обычному замкнутому, разрозненному бытию. Разрозненность между студентами одного и того же факультета и даже одного и того же курса была настолько велика, что, как это часто обнаруживалось впоследствии, многие из нас, годами сидевшие рядом на скамьях одних и тех же аудиторий, не только не были между собой знакомы, но даже и не слыхивали друг о друге. Приезжие, иногородние студенты, объединялись по отдельным «кружкам», по своим «землячествам», а студенты городские, петербургские и совсем не были объединены, а жили своими личными интересами и интересами тех общественных кругов, к которым они принадлежали по рождению и воспитанию».

«Впоследствии нашей alma mater пришлось пережить немало, и старые седые стены университета, некогда вмещавшие в себе при Петре всю административную машину нашего обширного государства, приютившие временно, при Павле, правительствующий Сенат и ставшие наконец рассадником и памятником российской науки, узнали много нового и небывалого.

Дождались они и полного объединения студенчества, целиком захлестнутого волнами неукротимой революционной стихии

«Будь вечно жив, мой родной университет»».

Санкт-Петербургский университет моего времени (1891-1895) // Черепнин, Н. Н. Воспоминания музыканта. – Л.: Музыка, 1976. – С. 110-119.

Рерих Николай Константинович

1874 – 1947

Русский художник, сценограф, философ-мистик, писатель, путешественник, археолог, ориенталист, общественный деятель.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1898).

«Семейный гордиев узел был разрешён тем, что вместо исторического факультета я поступлю на юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию художеств. В конце концов, получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции.

Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов – Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего «Гонца», спрашивает: «На что вам римское право, ведь, наверно, к нему больше не вернётесь?» Был прав, но всё же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский – как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен.

Зачётное сочинение - «Правовое положение художников Древней Руси». Пригодилась и «Русская Правда», и летописи, и «Стоглав», и акты Археографической комиссии. В Древней, в самой Древней Руси много знаков культуры; наша древнейшая литература

вовсе не так бедна, как её хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения – научно.

С историками сложились особые отношения. Спицын и Платонов уже провели меня в члены Русского археологического общества. В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении князя П.А. Путятина я встретил Ладу – спутницу и вдохновительницу. Радость!

Университету сравнительно с Академией уделялось всё же меньше времени. Из студентов-юристов помню Серебrenицкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними в дальнейшем не пришлось. Были приглашения бывать на семинарах и в юридическом обществе, но времени не находилось.

Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова, шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам – Белуха, Хан-Тенгри!

Куинджи очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали. Затем Кормон в Париже тоже всегда отмечал университет. Исторический, а не юридический факультет считал меня своим».

Рерих, Н. К. Моя жизнь. Листы дневника // Петербургский Рериховский сборник. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 28-29.

Сильвин Михаил Александрович

1874-1955

Революционный и общественный деятель.

В 1893-1896 годах учился на юридическом факультете Петербургского университета.

«В университете я бродил чужаком. Присматриваясь к своим коллегам, стараясь подметить в ком-нибудь из них родственное своему настроение, я испытывал горькие чувства. Лощеные молодые люди, в золотых пенсне, в аккуратно сшитых мундирчиках, с холеными руками, с портфелями, с деловитым видом будущих чиновников отпугивали меня уже одной своей внешностью. Студенты более лохматого вида, внушавшие мне больше доверия, при разговорах об общественных интересах и течениях конспиративно посвятили меня в дела общестуденческой кассы и ничего более свежего, «революционного», очевидно, просто не знали. Ректор, которому я представился по обычаю, а более из любопытства, сделал мне выговор за не совсем чистый воротничок, и я ушел от него покрасневший от смущения и досады. Профессора давали много интересных впечатлений. Лесгафт увлекал меня своей темпераментностью, Коновалов красноречием, Сергеевич артистическим чтением юридических древностей, но все это было «не то»».

«В то же время меня занимала мысль об организации кружка среди студентов Петербургского университета. Казалось невероятным, что при том характере поветрия, какой приобретал марксизм как направление мысли среди интеллигентной молодежи, он стал исключительно монополией студентов Технологического института. Должны же быть группы и среди университетских студентов, думалось мне. Однако в своей массе они производили безнадежное впечатление в отношении общественных интересов и настроений. Я наблюдал эту массу не только в аудиториях, но и на собраниях. В день годовщины университета, 8 февраля, устраивалось «чаепитие» с

приглашением маститых литераторов и немногих чтимых студентами профессоров: Лесгафта, Кареева и др. Большинство наших профессоров, при всех своих талантах и учености, были закоснелыми консерваторами, чуждались «улицы». «Чаепития» 1894-1895 годов проходили вяло, в речах выступавших студентов (Бартольда и других) звучали отголоски замиравшего народовольчества. Не выступал ни один марксист».

«Традиционный студенческий бал был назначен на 12 января, а по старой, давно установившейся у нас традиции все по возможности, члены организации обязаны были не только быть на студенческих балах, но и втереться в число распорядителей. Студенческая корпорация избирала перед балом из своей среды несколько комиссий. Две из них, артистическая и танцевальная, предоставлялись нами полностью так называемым «белоподкладочникам», щеголям и пустозвонам. Взамен этого мы, хорошо спевшаяся группа подпольщиков и сочувствующих нам, обеспечивали себе места распорядителей в хозяйственной комиссии: по устройству буфета, по продаже на балу цветов, шампанского и пр. Так как члены нашей группы по своему материальному положению в большинстве случаев были и самыми бедными во всем студенчестве, то буржуазные наши коллеги нам эту честь охотно предоставляли, потому что вся выручка с бала шла на взнос платы за ученье и на пособия бедным студентам. Мы подыскивали красивых девиц-курсисток и приглашали дам из общества, которых сажали за буфеты, за кассу по продаже входных билетов и т. п. Эти барышни и дамы, не подозревая нашего коварства, пускали в ход все свои чары и все обаяние своей красоты, чтобы получить побольше денег для бедных студентов, и буржуазная публика, всегда сочувствовавшая студенчеству в массе, платила им совершенно ни с чем не сообразные цены: случалось, за бутоньерку цветов – 25 рублей, за бокал шампанского – 100 рублей и т. п., за входной билет меньше 10 рублей обыкновенно никто не давал, исключая, конечно, самих студентов.

Наши хозяйственные распорядители, состоявшие при дамах в качестве адъютантов, передавали затем всю эту выручку тут же на балу кассиру нашей организации. Я лично всегда принимал в этих операциях самое горячее участие и собирал таким способом за вечер деньги, всего-навсего рублей 600-700, что по тому времени составляло, однако, порядочную сумму».

«Из университетских впечатлений того времени отметилась в моей памяти вечеринка 8 февраля 1896 года, в день годовщины университета. Празднование годовщины проходило трояко: утром торжественное заседание в университете, вечером, с одной стороны, пьянство и дебоши огромной массы студенчества, будущих чиновников-карьеристов, маменькиных сынков, шалопаев и просто «добрых малых»; с другой стороны, традиционное «чаепитие» радикального студенчества. Для «чаепития» (кроме чая, других напитков на этой вечеринке не предлагалось) снимался большой зал, иной раз целый ресторан или общественная кухмистерская (столовая), куда вход был по платным билетам, распределявшимся среди товарищей членами полулегальной студенческой кассы взаимопомощи, которые обыкновенно и организовывали «чаепитие». В передней дежурил околоточный (младший полицейский офицер), и для него покупался коньяк; он вел себя тише воды, ниже травы и в зал не показывался; вероятно, и без него у полиции здесь было достаточно «своих» людей. На вечеринку приглашались маститые литераторы и уважаемые профессора оппозиционного правительству образа мыслей. Произносились речи, если не вполне политические, то, во всяком случае, «тенденциозного» содержания, программные речи студентов разных политических толков и направлений, народников, либералов, марксистов. За ними выступали писатели и профессора, отмечавшие теневые стороны университетской жизни и общие тяжелые условия страны, цензурный гнет, полицейские стеснения и т.д. Говорили, конечно, осторожно, с оглядкой, бичуя современный режим больше путем метафор и сравнений, но все же получалось

впечатление как бы политического собрания или банкета, возбуждающе действовавшего на молодежь, недавно покинувшую провинцию...

На меня лично эти чаепития, по крайней мере в первые годы моей университетской жизни, производили сильное впечатление. Но мы, подпольщики, здесь не выступали, считая, что не стоит рисковать и терять работников, нужных для иной аудитории».

Сильвин, М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. – Л.; Лениздат, 1958. – С. 22-23, 30, 132-135.

Исаченко Борис Лаврентьевич

1871-1948

Микробиолог и ботаник. Академик АН СССР. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1895)

Необыкновенно трудолюбивый ученый [Х. Я. Гоби] , изо дня в день проводивший вечера зимой за своим письменным столом, окруженный книгами и рукописями, а летом работающий днем где-нибудь на даче в Финляндии с микроскопом, оставил после себя значительное число работ (больше 10), которые он показывал своим ученикам и тем из ученых, кто навещал его и интересовался его работами. Стоило только затронуть один из вопросов, касающихся организмов, которым он посвятил свою жизнь, и не было конца его рассказам о сделанных им наблюдениях, ссылкам на иностранную литературу, глубоким знанием которой он вправе был гордиться и, может быть, не имел себе равного. Эта громадная эрудиция покойного давала возможность всегда получать от него исчерпывающий ответ по самым разнообразным вопросам морфологии и систематики семенных и споровых растений. Добросовестность его к исполняемой работе была колоссальна, и нельзя не сказать, что она тормозила появление их в свет.

Исаченко Б. Л. // Зап. лаборатории семеноведения Гл. Бот. Сада. – 1921. - № 4. – С. 3-4.

Генкель Александр Германович

1872-1927

Биолог, педагог и просветитель. Профессор Пермского университета. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета (1896)

Лекции Х. Я. Гоби – всегда продуманные, строго взвешенные, никогда не представляющие из себя блестящих ракетных красноречия экспромтов, а стройные, глубоко логичные и в высшей степени содержательные.

Генкель А. Г. Тридцатилетний юбилей проф. Х. Я. Гоби (1872-1902) // Вестник Российского о-ва садоводства. – 1902. - № 12. – С. 5.

Качалов Василий Иванович

1875-1948

Русский и советский актёр, мастер художественного слова (чтец), педагог.

В 1893-1897 годах учился на юридическом факультете Петербургского университета.

«Гимназию я все-таки кончил, несмотря на увлечение театром, и попал в Петербургский университет. Там в течение четырех лет я тоже более увлекался актерством, чем юридическими науками».

Качалов, В. И. Автобиография и работа над ролями // Ежегодник Московского художественного театра, 1948 г. Т. 2: Памяти В. И. Качалова. - М.-Л.: Искусство, 1951. – С. 38.

«Я начал выступать на сцене, будучи студентом. В 1894 году в бывшем Петербургском университете сплотилась группа студентов – любителей сцены. В эту группу входили многие студенты, ставшие впоследствии видными актерами. Среди них был студент Казанков – артист Радин, сын писателя Михайловского; впоследствии известный сценический деятель П. Гайдебуров; Боянус (Борневский), выступавший несколько лет в Александринском театре, а сейчас профессор-лингвист, я и другие. Мы работали под руководством большого артиста – Владимира Николаевича Давыдова. Моим первым «профессиональным» спектаклем был спектакль «На боку месте», который мы давали за плату для рабочих фарфорового завода за Невской заставой. Я играл Бессудного.

Ясно помню мою первую большую роль в ответственном спектакле. Шел «Лес». Группа студентов давала публичный спектакль в фонд комитета вспомоществования нуждающимся студентам. Наш спектакль горячо был принят публикой и отмечен крупнейшим театральным критиком Кугелем (Ното novus). Он же после нашего другого спектакля – «Завтрак у предводителя» - писал примерно так: «Спектакль оставил благоприятное впечатление... Но у студентов узкие плечи и впалые груди. Нам нужна крепкая, здоровая молодежь»...

Студенческий кружок, благодаря руководству Давыдова, был для меня прекрасной сценической школой. Не покидая университета, я играл целый сезон в летнем театре на станции Мартышкино, около Ораниенбаума».

Сорок лет на сцене. Беседа с народным артистом республики В. И. Качаловым // Ежегодник Московского художественного театра, 1948 г. Т. 2: Памяти В. И. Качалова. - М.-Л.: Искусство, 1951. – С. 46.

Добужинский Мстислав Валерианович

1875 – 1957

Русский и литовский художник, мастер городского пейзажа, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист.

Окончил юридический факультет Петербургского университета (1899).

«Жизнерадостное настроение, с которым я окончил гимназию, продолжалось все беззаботное лето в деревне у моей матери, где «вновь испеченным» студентом я чувствовал себя совсем именинником. Продолжалось оно и первое время по приезде в Петербург.

В самом начале все меня волновало: и сам Петербург — теперь он был совсем уже мой (мечта осуществилась) — и он мне показался особенно красивым и парадным,— и новые впечатления университета, где все после гимназии было необычным. Мне нравилось давно знакомое мне темно-красное петровское здание Двенадцати коллегий с рядом высоких кленов перед его длинным фасадом, и казалась необыкновенно торжественной украшавшая фронтоны с двуглавым александровским орлом золотая надпись на синей ленте: «Императорский Университет».

Кончая гимназию, я понятия не имел о факультетских программах университета, и наше гимназическое начальство не давало никаких советов, куда поступить. Поэтому часто выбирали факультет случайно, по примеру товарищей или знакомых. Мой отец предлагал мне сделать выбор самому, осмотревшись уже в университете: в то время на первом семестре разрешалось менять факультет. С детства отец внушал мне интерес к истории, а с другой стороны, будучи любителем-натуралистом, заражал меня и этим своим интересом, и логично было бы мне выбрать историко-филологический факультет или естественное отделение физико-математического факультета (куда год назад поступили мои гимназические друзья, двое «Юлек» — Грожан и Залкинд). Но от историко-филологического меня отпугивали древние языки, осточертевшие своей грамматикой, и мне этот факультет представлялся продолжением гимназии, а на втором утешала высшая математика, которая вообще была моим кошмаром, и я выбрал юридический факультет, вовсе не мечтая в будущем посвятить себя юридической деятельности, но знал, что он был более всего «общеобразователен», меньше других факультетов готовил к узкой специальности и будто бы давал много свободного времени. А я давно уже решил, что параллельно с университетом обязательно буду заниматься живописью.

Когда я вступил в этот «храм науки», мне все показалось импозантным и серьезным, но в то же время меня сразу окатило холодом: и этот бесконечный коридор, тянувшийся вдоль всего здания, и громадный колонный актовый зал, и аудитории, многие из которых мне, увы, напоминали наши классы, — все было буднично и казенно. Среди студенческой толпы, безуданно сновавшей по коридору, я себя чувствовал неуютно — у меня не было ни души знакомых, а из одноклассников почему-то никто не поступил на мой факультет. Со мной был только мой двоюродный брат Сташа, который считал себя уже «старым студентом», будучи курсом старше меня, и он на первых порах помог мне ориентироваться.

Начало моей студенческой жизни я всегда вспоминаю с неприятным чувством — весь первый год прошел в сомнениях, в большом безволии и в очень подавленном настроении. Университет и моя самостоятельная жизнь вовсе не оказались тем «раем свободы», о котором я мечтал, скоро наступила проза и большие разочарования.

Когда я попытался, купив книг и приступая к занятиям, разобраться в программах отдельных предметов только одного первого курса, меня ужаснула огромность этих программ, и, главное, я почувствовал, даже со страхом, что вряд ли я найду достаточно интереса и тем более любви к юридическим наукам...

Вначале я старался аккуратно посещать лекции и многое записывать, но гимназия не дала никакой подготовки (только немного пригодилась латынь для римского права), и я был как в лесу.

Некоторые профессора читали казенно и сухо и напоминали наших учителей гимназии, и даже наш прославленный ученый Коркунов, который у нас на первом курсе читал энциклопедию и философию права, наводил скуку, бормотал что-то невнятное и лишь изредка вдруг зажигался и тогда заинтересовывал аудиторию (он был и очень страшный экзаменатор, как я позже убедился на собственном опыте). Больше всего меня интересовали лекции проф[ессора] Сергеевича по русскому праву. Он был настоящий актер. Своими цитатами из «Русской правды», смачно выговаривая древнерусские выражения, он часто веселил слушателей, но терпеть не мог, когда студенты хохотали

над какой-нибудь «боярстей задницей» (особый вид наследства). Лекции проф[ессора] Туган-Барановского по политической экономии, которая очень увлекала студенчество, как и лекции других популярных профессоров, таких, как Косоротов и кн. Тарханов (по судебной медицине), — иногда читались в актовом зале, так как аудитории не вмещали всех слушателей.

На юридический факультет Петербургского университета при мне «валили валом» — многие поступали лишь ради университетского диплома, ибо считалось, что юридический «легче» других факультетов: в то время не было даже обязательных «семинарий». Те же, которые собирались серьезно заниматься, могли слушать лекции самых выдающихся ученых-юристов, так как в те годы факультет был исключительно блестящ по составу профессоров, что сам я тогда мало ценил и чего, в сущности, не сознавал.

Довольно скоро я убедился, что я лишь даром трачу (подумаешь, какое драгоценное!) время, посещая лекции, и по примеру большинства моих однокурсников я почти совсем перестал на них ходить. Быть исключенным за нехождение на лекции опасности не представляло: «педея», которые за этим следили, получали от студентов-лентяев «мзду», и все налаживалось. Записывать же лекции и вовсе оказалось ненужным, так как можно было просто купить литографированные издания лекций, чтобы подготовиться в нужное время к экзаменам.

Но из любознательности я заходил на лекции по юриспруденции, читавшиеся и на других курсах, — Мартенса (международное право), Фойницкого (уголовное), Дювернуа (гражданское). Последний был очень декоративен — осанистый, полный, с седой эспаньолкой, и я любовался его эффектными позами и закругленными жестами настоящего оратора. Его я больше других профессоров стал слушать, а на втором курсе по его же предмету написал «зачетное» сочинение.

В 1896 г. была в Петербурге открыта скандинавская выставка¹ (ее устроил никому еще тогда не ведомый Дягилев² за два года до выхода в свет первого номера его «Мира искусства»³), и я, под впечатлением Цорна⁴ и других портретистов, думал, как было бы интересно изобразить фигуру проф[ессора] Дювернуа на пустом белом фоне стены с одним из его жестов рядом с большой бобровой шапкой, которую он почему-то приносил с собой и клал на кафедру... Но такой портрет так, конечно, и остался в проекте.

Первый год я заглядывал на лекции и других факультетов, чтобы по совету отца ориентироваться в университете, но, увы, кроме сумбура, ничего не получалось. В моих колебаниях проходило время, и я по инерции так и остался на юридическом факультете. Слоняясь по аудиториям и университетскому коридору, я мог вдоволь насмотреться на студенческую толпу. В общем, облик петербургского студента был корректный и скромный. Большинство носило студенческую форму такой, как полагалось, — двубортный сюртук, золотые пуговицы с орлами и синий воротник. Но считалось шиком иметь светло-голубой или бирюзовый воротник или совсем темный — цвета «воронова крыла», как и носить при сюртуке шпагу. Самые же большие франты завели тогда моду на белую шелковую подкладку у сюртука и мундира в подражание кавалерийским офицерам, и «белоподкладничество», как прозвана была эта мода, стало в глазах либерально настроенных студентов признаком пустоголовья или презираемой ими монархической идеи. Либеральные же студенты всячески «демократизировали» форму, носили сюртук расстегнутым, а под ним косоворотку или рубаху, иногда цветную, с поясом. Когда же при мне была введена серая тужурка, она начала совсем вытеснять неудобный сюртук, и, к ужасу «Нового времени»⁵ — стража законности и приличий, студенты начали появляться в этих тужурках «даже» в театре. Но на вольности в форме наше начальство внимания не обращало, а «белоподкладничество», вероятно, одобрялось свыше как доказательство благонадежности.

«В тот первый, нерадостный год моей студенческой жизни было для меня еще развлечением заходить в химическую лабораторию во дворе университета к моим двум приятелям-студентам, и эти визиты меня всегда подбадривали. Мои химики, двое Юлек, там все время возились с колбами и пробирками, и я присматривался к их опытам, которые я называл, к их негодованию, фокусами. Вся эта химическая компания была поголовно музыкальна, все были театралы, и постоянно в лаборатории распевались и насвистывались разные арии и мелодии из «Садко», «Ночи перед Рождеством» или «Князя Игоря».

Светлые помещения лаборатории, где всегда стоял сладковатый запах от разных реакций, были полны шкафов и полок с множеством склянок разных удивительных форм — был замечательный фон, на котором все мне мечталось сделать портрет одного из моих химиков с полотенцем на шее и с обожженными пальцами рук, который бы держал какой-нибудь странного вида стеклянный сосуд. Но, конечно, я был беспомощен взяться тогда за такую задачу, хотя ясно представлял себе такой портрет.

В эти годы особенной популярностью пользовался среди студенчества проф[ессор] Лесгафт¹⁶, читавший анатомию, и мои приятели водили меня на его лекции. Этот старик, необыкновенно живой и крикливый, с лысым черепом и с кудлатой бородой, походил на какого-то библейского пророка. Предмет свой он читал скороговоркой (все время повторяя «следовательно есть», что у него выходило «следтнесть»), но чрезвычайно наглядно и совсем обходился без научных латинских названий, считая ненужным набивать ими головы слушателей. Это было ново и даже «революционно». Про него ходило множество анекдотов, и один особенно забавный, как он приучал студентов к вниманию и отучал от брезгливости при препарировании трупов. Он рылся во всех внутренностях и потом рукой разглаживал себе усы и предлагал студентам следовать его примеру. Те, преодолевая отвращение, делали то же самое. Тогда он поздравлял их с одной доблестью, которая должна быть у медика, — небрезгливостью, но высмеивал их за отсутствие другой добродетели — внимательности: он ковырял труп одним пальцем, а усы трогал другим...

Часто, проходя университетским узким двором, я любовался его перспективой: слева тянулись аркады Двенадцати коллегий, справа чернело здание физической лаборатории со странной цилиндрической пристройкой на крыше, а в глубине, за низеньким домиком ректора, закрывавшим вид на Неву, блестел золотой купол далекого Исаакия. В морозный солнечный день, когда из всех труб клубился розовый дым, это было красиво, и я много раз на память пытался изобразить этот вид и карандашом, и даже маслом, но всегда у меня выходило не то, с натуры же нарисовать этот уголок я не решался — стеснялся проходящих студентов».

«За весь мой первый год в университете я ни с кем не сходил, да и не было случаев к общению. На сходках я не участвовал, семинариев на нашем курсе не было, и среди землячеств нашего виленского тогда не существовало. Я был поэтому тот самый «единичный посетитель университета», каким именно и полагалось быть студенту по пресловутому «Уставу 1884 года».

Часто, глядя на толпы студентов, слонявшихся по университетскому коридору, я думал — неужели в этой массе нет тех, которые так же, как и я, одиноки и, как и я, интересуются искусством? Но как было найти своих единомышленников? У меня, правда, были приятели, но настоящей дружбы не было. Со Сташей мы все больше расходились во взглядах и во вкусах — полной откровенности быть не могло. Я чувствовал полное одиночество, и мне все яснее становилось, как мне нужна серьезная моральная опора. И я мечтал именно о женской дружбе...

Большинство будущих моих единомышленников и друзей прошли курс юридического факультета Петербургского университета, но все они окончили университет в год моего поступления: Александр Бенуа, Философов, Дягилев, Нувель, Грабарь и князь

Аргутинский. При мне в университете были Рерих и Билибин, но с ними я знаком тогда не был».

«Под конец первого года в университете я наконец взял себя в руки и начал понемногу заниматься предметами своего курса и вечерами посиживал дома. Но учился с перерывами, так как очень много тогда читал (опять перечел Достоевского и один за другим поглощал романы Золя), и по-настоящему засел за науки весной перед экзаменами. Готовясь к экзаменам, я всегда делал подробные конспекты, причем их часто разрисовывал цветными карандашами, и это помогало усваивать самые абстрактные понятия и системы, так как зрительно я все гораздо лучше запоминал и усваивал, чем по слуху. Перед самыми экзаменами я стал заниматься вместе с одним из моих однокурсников, и мы экзаменовали друг друга. Для этого я ходил к нему на Пушкинскую и часто даже оставался ночевать в его меблированных комнатах, где за обоями невероятно противно шуришали тараканы.

Больше всего меня заинтересовала философия и энциклопедия права. Все-таки благодаря собственному чтению еще в гимназии и отчасти дружбе в Вильне с Алешей Рогаль-Левицким, очень развитым и умным юношей, я кое-что усвоил из разных философских учений, имел понятие о Платоне и Аристотеле, а также о Гегеле, так что хоть очень немного, но был подготовлен к этому предмету, весьма трудному для новичка.

Регулярно работать я себя не приучил за все университетские годы, но переходил с курса на курс благополучно, лишь на первом курсе провалился у Коркунова (как раз по энциклопедии права, которая меня наиболее интересовала!). Но это катастрофой не было, так как экзамен был перенесен на следующий курс, «заложен», по студенческому выражению. Провалиться было немудрено — Коркунов был настоящий инквизитор.

Самое ужасное было то, что студент должен был сам отвечать на вопросы, помеченные на вытянутом билете, а страшный профессор молчал, глядя на него в упор выпученными оловянными глазами, шевелил рыжими усами и делал судорожные гримасы. Экзаменовавшийся под этим «взглядом василиска» скоро увядал и получал — или безапелляционный «кол», или неожиданное «весьма».

От времени этих первых переходных экзаменов осталось в общем приятное воспоминание, тем более что они окончились благополучно».

«В 1896 г. петербургские студенты издавали первый «Студенческий сборник» — альманах и в редакторы пригласили трех маститых старцев: Григоровича, Майкова и Полонского. В университете было вывешено объявление, приглашающее студентов доставлять в редакцию рассказы, стихи и рисунки. Я решил тоже принять участие в сборнике, и один мой рисунок пером, пейзаж в Оранах, был напечатан с ошибкой в фамилии; рисунок был сухой и скучный, мне самому не нравился, и я был даже рад опечатке, так как благодаря ей он был как бы не моим».

«С третьего на четвертый курс экзаменов в университете не полагалось, и весеннее настроение ничем не было омрачено. Мое «зачетное сочинение» я сдал благополучно, и, хотя оно было написано неинтересно и неумело, профессор Дювернуа поставил мне «удовлетворительно»».

«Последний год в университете я стал заниматься гораздо серьезнее, чем раньше. Заветная цель приближалась, и я верил: по окончании университета должна была начаться настоящая жизнь. Но заниматься и сосредоточиваться было трудно: университет бурлил, и настроение студенчества было очень напряженным.

В университете я держался вдали от поголовного увлечения студенчества политикой, и, хотя многие из моих приятелей принадлежали к разным политическим партиям, мне и в

голову не приходило следовать их примеру. Впрочем, никто меня и не тянул в политику, так как убедились в моем равнодушии и «незрелости», и на меня махнули рукой».

«За последний год моего пребывания в университете меня невольно захватила волна общего протеста, и я даже довольно горячо участвовал в сходках, аплодировал ораторам, познакомился со многими студентами, был даже выбран в делегацию к К. К. Арсеньеву, почтенному старику, адвокату, но по какому поводу, совсем не помню. Настроение студенчества было в общем дружное, оппозиционное, и правые студенты, которых вообще было мало, стушевались и ничем себя не проявляли. Помню, как всех тогда насмешило попавшее впросак «Новое время» — газета, очевидно с большим удовольствием и торжествуя, напечатала письмо в редакцию трех студентов, весьма резко осуждавших сходки и забастовки и выразивших самые черносотенные чувства. Увы, фамилии этих верноподданных студентов — Тоиди, Каруд, Лёссо — сразу же были расшифрованы: если читать наоборот, то это были Идиот, Дурак и Осел. Министром народного просвещения был тогда генерал Ванновский, который положил конец смуте по-военному, и я вместе со всеми моими коллегами оказался исключенным из университета. Эта необыкновенная мера имела целью принимать обратно студентов лишь по проверке их благонадежности и их, так сказать, «просеять», я был принят обратно, но государственные экзамены предстояло бы держать в присутствии полиции, которую предполагалось ввести в здание университета. Это было уже слишком, и большинство от экзаменов отказалось, но эта забастовка, как бы спровоцированная самим начальством, имела для многих весьма тяжелые последствия — отдачу в солдаты для отбывания воинской повинности, а для иных и ссылку «в места не столь отдаленные»...

Небольшая группа оканчивавших решила поехать держать государственные экзамены в Одессу, в Новороссийский университет, где не было таких «беспорядков» и не принималось таких мер, как в Петербурге, и был слух, что держать там экзамены вообще куда легче... И я решил поехать тоже.

Но решиться на это с легким сердцем было, впрочем, не так легко. Меня смущало, что я совершаю точно измену по отношению к моим товарищам, с другой же стороны, меня соблазняла софистическая мысль: почему, собственно, мой отказ держать экзамены и решение, отложив окончание университета, пожертвовать целым годом моей жизни может принести пользу студенчеству и помочь пострадавшим?.. Я во что бы то ни стало хотел скорее получить диплом, и мне казалось совершенно невозможным и ужасным ждать еще один год — я просто не мог себе этого представить. Мои сомнения я постарался в себе заглушить и, хоть с осадком в душе, поехал в Одессу в настроении очень решительном и храбром».

Добужинский М. В. Воспоминания. — М.: Наука, 1987. — С. 123-145.

Ивановский Игнатий Александрович

1858-1914

Правовед. Профессор Петербургского университета, декан юридического факультета (1904-1905)

Петроградскому университету, как и Московскому, М. М. Ковалевский отдал 10 лет своей работы, но с той разницей, что там он начинал свою профессорскую карьеру, здесь он ее заканчивал. Избран был М. М. в профессора Санкт-Петербургского тогда

университета по представлению профессора В. Ф. Дерюжинского, одного из его учеников, и моему в 1906 г., т. е. вскоре после своего возвращения в Россию. М. М. был утвержден в звании сверхштатного профессора, так как кафедра гражданского права тогда была занята пишущим эти строки. Вступив в состав юридического факультета и совета нашего университета, Ковалевский отдался любимому им делу со свойственными ему энергией и увлечением. Нечего и говорить о том, что для факультета появление в его составе такого выдающегося ученого было весьма важно. Явилась возможность значительно расширить и углубить преподавание государственного права. М. М. читал исключительно конституционное право иностранных держав, придерживаясь историко-сравнительного метода, которому он всегда оставался верен и которым умен столь искусно пользоваться. В этих пределах он разнообразил свои курсы, посвящая их то уяснению основных начал конституционного государственного устройства, то излагая государственное право той или иной державы... Лекции эти, благодаря и их темам, и лекторскому таланту Ковалевского, и особой манере вести их в форме бесед, пересыпаемых остроумной шуткой, метким словом, пользовались большим успехом и собирали массу слушателей... Нечего и говорить, что в отношениях к товарищам по факультету и Совету и в отношениях к своим слушателям и ученикам Ковалевский неизменно проявлял счастливые свойства своего характера – высокую деликатность, благородную простоту и неисчерпаемую благожелательность. Он всегда готов был оказать помощь тому, кто в этом нуждался и нередко даже не ожидал, пока к нему обратятся, а сам предлагал свои услуги... Особенно чуток он был к нуждам студенчества и заботам о них отдавал свой труд. Желая быть полезным в этом отношении он даже принял на себя председательствование в Обществе вспомоществования студентам имп. Санкт-Петербургского университета.

Ивановский И. М. М. Ковалевский в Петроградском университете // М. М. Ковалевский. Сб. статей. – Пг., 1916. – С. 109-114

Веретенников Василий Иванович

1880 -1942

Историк, архивист. Выпускник исторического отделения историко-филологического факультета Петербургского университета (1903?)

Историк, академик Санкт-Петербургской АН. Профессор Петербургского университета. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1886 г.)

Когда я, студентом математического отделения физико-математического факультета, задумал перейти на историко-филологический факультет того же Петербургского университета и принялся расспрашивать о преподавании и преподавателях факультета у знакомых филологов студентов, то одно из первых имен, которое я услышал, было имя Александра Сергеевича. О нем говорилось с совершенно особенным оттенком, в котором прежде всего звучало глубокое не уважение даже, а прямо преклонение перед глубиной того настоящего знания, присутствие которого

слушатели скорее угадывали чутьем, чем могли понять разумом. И это знание давал Александр Сергеевич своим слушателям во всей его полноте и чистоте. Он сам слишком любил и уважал это знание, чтобы так или иначе его приспособливать, препарировать для удобства его восприятия слушателям: никакого к чему бы то ни было приспособления науки он органически не признавал. И это отлично чувствовали его слушатели! Неважно, что, по общему мнению студентов, прослушав только четыре-пять лекций Александра Сергеевича, и возможно было как следует понимать его изложение, но зато это была настоящая наука. И с чувством совершенно особенного уважения говорили студенты-филологи о приват-доценте Лаппо-Данилевском.

Проникнутый таким отношением к Александру Сергеевичу, пошел я впервые на его лекцию. Это была лекция по курсу русской историографии. Немного понял я тогда в этой лекции! Одно было для меня ясно (не разумом, а скорее каким-то чувством я понял это): передо мной был настоящий ученый и передо мной настоящая наука, та чистая наука, на высоты которой попасть не просто, но которая неизменно притягивала к себе каждого, кто мог созерцать ее, кому ее открывал истинный ее служитель, каким являлся Александр Сергеевич...

Александр Сергеевич давал и мог давать именно и в полном смысле этого слова настоящую ученую школу. Эта школа состояла не в том, что ученики усваивали себе более или менее догматически основные идеи своего учителя и затем, усвоив их, продолжали их дальнейшее развитие в том или ином направлении, с той или иной точки зрения. Александр Сергеевич не давал никакой догматики своим ученикам; он никогда и нисколько не давил на конкретное содержание их научной работы; он никогда не придавливал своим авторитетом (а с какой легкостью мог бы он делать при огромной его авторитетности для его учеников); он только в полном смысле этого слова руководил занятиями, он так руководил, что со свойственной ему огромной деликатностью выковывал в конце концов с редким искусством у своего ученика настоящее понимание истинно ученых методов познания как той или иной специальности, так, может быть, даже и в более широком масштабе...

В лекциях Александра Сергеевича никогда не было внешнего блеска; он не был тем, что обычно называют блестящим лектором; он никогда не собирал больших аудиторий, пришедших послушать красивую речь, образные построения, блеск остроумия. Александр Сергеевич читал лекции «трудно»; я уже говорил, что понимать его для обычного студента надо было еще учиться, а это понимание сразу не давалось. А между тем мало и очень мало, кто давал своими лекциями столько, сколько давал покойный учитель! Я не говорю уже о их совершенно исключительной всегда содержательности, о их крайней насыщенности идеями, о их идеальной наукообразности.

Веретенников В. И. Памяти дорогого учителя // Русский исторический журнал. – 1920. - № 6. – С. 200-206

Люблинский Павел Исаакович

1872-1938

Ученый-правовед, специалист в области уголовного права и криминологии. Профессор Петроградского университета и Высших женских курсов. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1904)

Наибольшее количество своих сил И. Я. Фойницкий отдавал несомненно родному Санкт-Петербургскому университету. Его преподавание здесь длилось более сорока лет, и не одно поколение русских юристов могло гордиться честью быть его учениками. Сначала в должности доцента, затем с 1881 года в должности экстраординарного, ординарного и, наконец, заслуженного профессора, он из года в год, несмотря на ослабевшее здоровье, вел преподавание уголовного права, тюрьмоведения и уголовного процесса. Его энергии Петербургский университет обязан созданием в 1892 г. музея уголовного права, в основу которого были положены экспонаты выставки, устроенной в 1890 г. во время тюремного международного конгресса в Петербурге. Несколько позже им же был создан кабинет уголовного права, библиотека которого ныне превышает 10000 названий по уголовному праву и является едва ли не самым богатым в Европе собранием книг по различным отделам криминалистики. Около половины всех книг библиотеки кабинета составились из пожертвований самого Фойницкого, завещавшего после смерти кабинету свою богатую юридическую библиотеку. В университете Фойницкий состоял в должности декана юридического факультета и в должности председателя дисциплинарного суда (с 1902 г.), и голос его в собраниях факультета и совета всегда пользовался особенным весом. На нужды же университета он завещал значительную часть своего состояния...

Как университетский преподаватель, И. Я. Фойницкий оставил о себе яркие воспоминания. Он много давал слушателям, особенно в первые 25 лет своей деятельности. Практические занятия над подлинными делами, посещения мест заключения, беседы со студентами по поводу отдельных рефератов неизменно входили в программу курсов. Самые лекции его были проникнуты всегда логической стройностью и сжатостью мысли. Но много он и требовал от студентов. Не без основания он считался «грозою» на экзаменах. Он сознавал, что человек, которому закон дает возможность распоряжаться не только своими правами, но и правами других, от знаний которого часто зависят личные и имущественные блага многих людей, не должен быть дилетантом. Он не желал, чтобы в обществе раздавались нарекания на университет, как на учреждение, выпускающее людей без достаточной подготовки. Но все же за суровой требовательностью порою скрывалось и мягкое сердце, и И. Я. Фойницкий часто приходил на помощь студентам, терявшимся от волнения или бессонных ночей.

Люблинский П. И. Памяти И. Я. Фойницкого // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – Ч. 50, март/апр. – С. 45-69

Романов Борис Александрович

1889-1957

Историк. Профессор Ленинградского государственного университета. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1912)

Наше поколение – вступивших в Университет в 1905 и 1906 гг. и проводивших в нем следующие 4-5 лет, навсегда сохранит воспоминание об Университете того времени, как самое яркое, живое, цельное моральное переживание. Мы любим Университет таким, каким он был тогда, когда мы впервые вошли сюда. Длинные хвосты канцелярских очередей и столовых стояний, пыль столбом в коридоре, по которому едва продерешься бывало до библиотеки, там предоконная толкотня с вытянутыми руками и подчас бесплодная, жар и духота в аудиториях, в которых никогда не сомневались, что они вместят всех и всем будет хорошо, несмолкающий гул этого этажа, нескромно врывающийся в аудиторию: мы любим и это, когда любим Университет, потому что таким он был тогда, когда мы впервые вошли сюда. Мы шли в Университет каждый из своего уголка, каждый со своей биографией, со своей «программой», своими чаяниями, но все мы с одинаковым напряжением рвались туда, потому что там, казалось нам, настоящая жизнь, жизнь во всех ее видах и на все вкусы, жизнь, которой только и можно жить и которой мы до той поры жить не могли.

Романов Б. А. А. С. Лаппо-Данилевский в Университете // Русский исторический журнал. – 1920. - № 6. – С. 181-188.

Гайдуков Николай Михайлович

1874-1928

Ботаник. Приват-доцент Петербургского университета (каф. ботаники)

В начале моего знакомства с Гоби меня поразила его чуткость и доброжелательство к начинающим ученым в области ботаники. Сразу же после нашего знакомства в университетском институте он пригласил меня к себе домой, где он меня познакомил со своими работами, которые были мне нужны. После окончания университета в Москве я сейчас же переселился в Петербург, чтобы работать у Гоби, где я некоторое время с ним сотрудничал, был его помощником и ассистентом. Таким образом, я имею честь причислять себя к ученикам Гоби...

К своей преподавательской деятельности Гоби относился в высшей степени серьезно и ответственно. Он не удовлетворялся тем, чтобы просто передать студентам фактический материал, но пытался познакомить их с наиболее рациональной, по его мнению, системой, основанной на теории развития...

Я вспоминаю, что в конце осеннего семестра 1916 г. у Гоби не хватало времени закончить свой курс. Для знакомства со всеми семействами цветковых растений

оставалось всего две лекции. Со свойственной ему основательностью он хотел закончить свой курс. Так как он использовал на своих лекциях большое число живых и гербарных растений, таблиц, моделей и т. д. и так как в этот раз не был в состоянии справиться один, то попросил меня ему помочь. Первая лекция продолжалась два часа без перерыва, вторая также без перерыва три часа. Возможно, что присутствовавшие в небольшом числе слушатели были утомлены полнотой материала, но я лично следовал за мыслью престарелого профессора, и время пролетело для меня совершенно незаметно. За пять часов Гоби сумел с выдающимся мастерством изложить филогенетику цветковых растений, используя эйхлеровские диаграммы цветков, которые он приводил для повторения, необычайно ясно, кратко и точно охарактеризовал важнейшие семейства. Эти лекции доказали, как глубоко и остро пронизывал науку своей мыслью Гоби. Его огромная эрудиция в связи с любовью к науке и с упомянутыми выше качествами – добросовестностью, основательностью и т. д. , делали его образцовым учителем...

Гоби считался очень строгим экзаменатором. Я часто имел возможность присутствовать при этих испытаниях как ассистент и второй экзаменатор. Я должен сказать, что при этих экзаменах голос экзаменатора слышался чаще, чем экзаменуемого. Испытание не состояло в том, чтобы ответы экзаменуемого показали объем его знаний. Нет. Это были научные собеседования, при которых Гоби после постановки вопроса сам воодушевлялся и развивал ход мыслей, которые в ряде случаев были совершенно новыми. Если Гоби замечал, что экзаменуемый мог следовать за ходом этих мыслей и сам воодушевлялся, то он давал ему положительную оценку. Экзамены показывали, насколько Гоби любил науку и был полностью проникнут ею.

Gaidukow N. Christopher Jakovlewitsch Gobi // La Nuova Notarisia. – Padova, 1925. – P. 202, 205, 201. (пер. с нем. в кн.: Генкель П. А. Христофор Яковлевич Гоби. – М.: Наука, 1976. _ С. 13-17).